

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова»

**ПРАВОВЫЕ И НРАВСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ
ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА**

Сборник материалов
Международной научно-практической конференции,
посвященной памяти заслуженного деятеля науки
Российской Федерации, доктора юридических наук,
профессора В.П. Малкова

Чебоксары, 2–3 октября 2020 г.

В двух частях

Часть 1

Чебоксары
2020

УДК 347.122(063)

ББК Х021я43

П68

Редакционная коллегия:

А.Ю. Александров, С.В. Тасаков, Е.В. Иванова,
Е.В. Нечаева, Н.В. Семенова

Печатается по решению Ученого совета

Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова

П68 **Правовые** и нравственные аспекты функционирования гражданского общества: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., посв. памяти засл. деятеля науки Российской Федерации, д-ра юрид. наук, проф. В.П. Малкова. Чебоксары, 2–3 октября 2020 г.: в 2 ч. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2020. – Ч. 1. – 532 с.

ISBN 978-5-7677-3132-9 (ч. 1)

ISBN 978-5-7677-3131-2

В сборнике материалов конференции представлены результаты исследований по актуальным проблемам правового регулирования общественных отношений, проблемам современного состояния и перспективам развития гражданского общества, соотношения нравственности и права в различных отраслях его жизни.

Для научных и практических работников, преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов.

ISBN 978-5-7677-3132-9 (ч. 1)

ISBN 978-5-7677-3131-2

УДК 347.122(063)

ББК Х021я43

© Издательство Чувашского
университета, 2020

Уважаемые участники конференции!

Международная научно-практическая конференция, посвященная памяти заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора В.П. Малкова, собрала в стенах Чувашского государственного университета деятелей науки и ведущих специалистов-практиков, активно участвующих в жизнедеятельности государства и гражданского общества, неравнодушных к судьбе своей страны.

С Виктором Павловичем Малковым мне посчастливилось быть знакомым и поддерживать деловые и дружеские связи на протяжении более чем 20 лет. Это был открытый к диалогу человек, готовый прийти на помощь, оказать поддержку. Его отличительными качествами были высокий профессионализм, активная жизненная позиция – то, что как раз и характеризует Гражданина своего Отечества с обостренным чувством законности и справедливости.

Виктор Павлович оставил богатое педагогическое и творческое наследие: воспитал и подготовил достойных учеников. Около ста кандидатов и докторов юридических наук, многочисленные выпускники вузов продолжают дело своего наставника. Его слова: «Молодым нужно помогать!» – служат для них ориентиром в деле подготовки и воспитания нового поколения юристов, имеющих высокий духовный, интеллектуальный и организационный потенциал, на плечи которых ложится ответственность за дальнейшее развитие социально справедливого государства, взаимодействие гражданского общества с органами государственной власти и местным самоуправлением.

Признание ценностей гражданского общества как в России, так и в других странах мира – важнейшая задача современности. Подчинение закона праву, совершенствование нормативной правовой базы, создание системной саморегулируемой рыночной экономики и достойного социального обеспечения – необходимые составляющие государственного фундамента гражданского общества, которое состоит из независимых граждан государства, с высокой степенью самосознания и самоидентификации, социально активных и готовых нести социальную ответственность за внутриобщественную жизнь. Задачей

современного государства является создание условий для формирования личности: обеспечение доступного качественного образования, поддержание гражданских инициатив, режима законности и правопорядка, развитие социальной инфраструктуры. Научное сообщество как одна из важных составляющих гражданского общества призвано государством для генерирования научно обоснованных концепций, актуальных запросу времени.

Настоящая встреча ученых и практиков – пример научной коллаборации, где знания и опыт именитых исследователей и специалистов во взаимодействии со смелыми и неординарными идеями студентов и аспирантов, несомненно, являются залогом выработки концепции, востребованной в теории и правоприменении.

Коллектив университета и ректорат выражают признательность и благодарность организаторам, постоянным и новым участникам конференции и гостям Чувашского государственного университета.

Желаю всем интересных дискуссий, оригинальных идей, создания новых научных коллективов, готовых к ярким научным открытиям!

Ректор Чувашского государственного
университета имени И.Н. Ульянова,
председатель совета ректоров
Чувашской Республики
А.Ю. Александров

УШЁЛ ИЗ ЖИЗНИ НЕПОБЕЖДЁННЫЙ (ПОСВЯЩАЕТСЯ ПРОФЕССОРУ В.П. МАЛКОВУ)

А.П. Кузнецов, д-р юрид. наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
заслуженный юрист Российской Федерации

Время нас не выбирает. Новые времена рожают новых людей, которые изменяют мир, становятся творцами истории, своими делами, каждодневным самоотверженным трудом создают и приумножают величие и славу государства Российского, закладывают прочную основу благополучия будущего поколения.

История развития человечества подтверждает, что каждая эпоха знаменита своими личностями, заслуги и авторитет которых неоспоримы, не подвергаются сомнению, достойны уважения и признания. Всё это в полной мере можно отнести к профессору Виктору Павловичу Малкову, доктору юридических наук, заслуженному деятелю науки Российской Федерации, заслуженному деятелю науки Татарской АССР, имя которого занимает в плеяде выдающихся имён, учёных криминального цикла особое место. Виктор Павлович – образец высокой гражданской нравственности, личность незаурядная, яркая, сильная, самобытная, харизматичная. Черты его характера формировала среда, время, в котором он жил, люди, с которыми он общался, работал, творил. Он оставил заметный след в юридической науке, результаты его научного труда предстоит еще осмыслить и оценить потомкам.

Виктор Павлович Малков родился 8 октября 1931 года в селе Биляр Можгинского района Удмуртской Республики в крестьянской семье. Его отец – Малков Павел Иванович, 1901 года рождения – из крестьян, участвовал в Гражданской и Великой Отечественной войне 1941–1945 годов, до ухода на пенсию работал в лесной промышленности. Мать – Малкова Анна Васильевна (до замужества Шумилова), 1903 года рождения – домохозяйка, воспитала пятерых детей, в годы войны работала в колхозе, за самоотверженный труд награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и медалью «Мать-героиня» III степени.

В сентябре 1939 года В.П. Малков пошёл в первый класс Билярской семилетней школы. Учёба ему давалась легко, учился он с большим интересом и только на отлично. В связи с тяжёлым материальным положением семьи учёбу ему пришлось прервать и с июня 1943 года до окончания Великой Отечественной войны работать в колхозе «Удмурт» Бемьжского района Удмуртской Республики на различных работах, за что был награждён медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». По настоянию отца, возвратившегося с фронта, продолжил обучение в школе, которую успешно окончил. По совету директора школы поступил в Можгинское педагогическое училище, где студентам выплачивалась стипендия. Со второго курса был отчислен по собственному желанию, и ему пришлось получать образование в средней школе. После её окончания подал заявление в Казанский государственный университет на отделение марксизма-ленинизма, но не прошёл по конкурсу. Однако полученные на экзаменах оценки позволили ему поступить на первый курс Казанского юридического института. Данный случай позволил ему связать свою судьбу с юриспруденцией, стать юристом, а затем и учёным и оставаться верным юридической науке до конца своей жизни.

Студенческие годы отличались особым жизненным укладом: учёба, общественная работа, трудовая деятельность во время каникул. Учёба в институте заставила изменить образ жизни, её философию. Занятия приносили ему удовлетворение, тягу к получению знаний он считал залогом своего будущего. В.П. Малков брался за любое дело, поручаемое ему, желание быть не хуже других подкреплялось работоспособностью и кипучей студенческой деятельностью. Лидерские качества не остались незамеченными: он был избран председателем совета студенческого научного общества Казанского юридического университета. За высокие показатели в учёбе, активную общественную деятельность ему была назначена именная стипендия имени В.М. Молотова.

После окончания университета с отличием был направлен на работу в органы внутренних дел г. Самары, где проходил службу в течение семи лет на различных должностях (оперативный уполномоченный уголовного розыска, следователь, началь-

ник следственного отделения Самарского районного отдела внутренних дел). Организаторские способности, глубочайшие знания, полученные в институте, позволили ему сделать успешную карьеру – он был назначен начальником следственного отделения, а затем начальником Октябрьского районного отдела внутренних дел г. Самары. Занимая руководящие должности в органах внутренних дел, показал себя волевым, активным и целеустремлённым человеком, способным принимать сложные оперативно-управленческие решения.

Учитывая проявленную во время учёбы в университете склонность к научно-педагогической деятельности, декан юридического факультета профессор А.Т. Бажанов пригласил В.П. Малкова на работу в Казанский университет, где с 15 октября 1962 по 1 января 1998 года Виктор Павлович последовательно занимал должности стажёра-преподавателя, ассистента, старшего преподавателя, доцента, заведующего кафедрой и декана юридического факультета.

Как перспективный работник, хорошо зарекомендовавший себя в педагогической деятельности, в августе 1966 года руководством университета В.П. Малков был направлен в годичную целевую аспирантуру по кафедре уголовного права на юридический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, где под научным руководством профессора Г.А. Кригера в июне 1967 года защитил диссертацию на соискание учёной степени кандидата юридических наук на тему «Повторность преступлений по советскому уголовному праву: понятие и уголовное правовое значение». После защиты диссертации продолжил работу в Казанском университете, избирался заместителем секретаря парткома, одновременно работал доцентом кафедры уголовного права и криминологии, а в апреле 1972 года был избран деканом юридического факультета и в течение 11 лет работал в этой должности.

Исполнение указанных должностных обязанностей позволило ему приобрести жизненный опыт, получить профессиональные знания, которые в конечном счете он использовал сполна. Деятельный, энергичный и одновременно сдержанный, рассудительный, спокойный, он относился к той категории руководителей, которые завоёвывали авторитет не словами, обе-

щениями, а конкретными делами. Работоспособность, кипучая деятельность помогали Виктору Павловичу в работе: он принимал выверенные, обдуманые решения, вникал в многочисленные организационные и научные вопросы, а также вопросы личного характера сотрудников института. Одновременно с активной учебно-педагогической и организационной деятельностью занимался подготовкой диссертационного исследования и в 1975 году в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова успешно защитил при научном консультировании профессора Г.А. Кригера диссертацию на соискание учёной степени доктора юридических наук на тему «Множественность преступлений и её формы по советскому уголовному праву». В этом же году по инициативе ректора университета профессора М.Т. Нужи́на был избран заведующим кафедры уголовного процесса и криминалистики, а в 1982 году – заведующим кафедры уголовного права и криминологии, проработал на этой должности до 1 января 1998 года.

В 1979 году за успехи в научно-педагогической и организаторской деятельности, личный вклад в науку Виктор Павлович Малков награждается орденом «Знак почёта». Полученные результаты в сфере развития науки и образования, по его мнению, были не только его успехами и достижениями, а также успехами и достижениями тех, кто с ним работал, сотрудников института, всего профессорско-преподавательского состава, и это являлось его гордостью. Впоследствии его научные достижения были отмечены присвоением почётных званий: заслуженный деятель науки Татарской АССР и заслуженный деятель науки Российской Федерации.

Характеризуя указанный временной период, отметим, что жизненный путь и творческая деятельность В.П. Малкова не всегда были легкими, чаще всего указанные этапы были тернисты, изобиловали различными трудностями, требовали не просто их преодоления, а наоборот, самоотверженных действий, так как речь шла о его чести и достоинстве, личности, деловой, научной, профессиональной репутации.

В подтверждение этому приведём один случай, когда в декабре 1997 года в связи с достижением 65-летнего возраста Учёный совет Казанского университета не переизбрал Виктора

Павловича на очередной пятилетний срок на должность заведующего кафедрой уголовного права и криминологии, несмотря на очевидные личные успехи и достижения в научной, педагогической, общественной деятельности, а также кафедральные достижения и результаты. Причиной таких действий послужили юридико-технические изъяны в нормативно-правовых актах, позволяющие принимать такие решения. Посчитав это необоснованным и несправедливым, Виктор Павлович в знак протеста уволился из Казанского университета и обратился в Конституционный Суд Российской Федерации с заявлением о признании противоречащими Конституции Российской Федерации установленных возрастных ограничений на занятие должности заведующего кафедрой, определенных Федеральным законом от 22 августа 1966 г. «О высшем и послевузовском профессиональном образовании». Конституционный Суд Российской Федерации, рассмотрев представленное заявление, признал противоречащим Конституции Российской Федерации установление возрастных ограничений для занятия должности заведующего кафедрой в вузе. Принятое конституционное решение в отношении В.П. Малкова послужило основанием для внесения изменений в закон и исключило, таким образом, возможность увольнения профессорско-преподавательского состава с занимаемыми ранее должностей. Впоследствии Виктор Павлович плодотворно и успешно продолжал работать заведующим кафедрами публичного права в Марийском государственном университете, Институте экономики, управления и права, других вузах России.

В.П. Малков – ученый, известный как в российских научных кругах, так и за рубежом, внес огромный вклад в развитие юридической науки. В совершенстве овладев методологией исследования, приемами научной деятельности, он активно использовал имеющиеся знания, познавательные способности в разработке наиболее острых, актуальных проблем в области социальной гуманитарной науки. Область его научных исследований разнообразна. Понимая, что в настоящее время происходит сближение наук различных направлений, взаимодополняющих друг друга, он, используя комплексный подход, смог систематизировать знания в области уголовного права, криминологии, криминалистики, оперативно-розыскной, уголовно-

процессуальной деятельности. Под его руководством и с его личным участием проведены фундаментальные исследования в области противодействия организованной преступности, выработаны и внедрены в практическую деятельность конкретные предложения.

Учитывая полученные ученым знания, опыт, приобретенные практические навыки, в 1994 году Указом Президента Российской Федерации профессор Малков Виктор Павлович был включен в члены Научно-консультационного совета по правовой реформе при Президенте Российской Федерации, в составе которого работал более четырех лет. В результате им лично были сформулированы конкретные предложения по совершенствованию уголовного и уголовно-процессуального законодательства, направленные на укрепление законности и правопорядка.

К несомненным заслугам профессора В.П. Малкова следует отнести создание в Казанском государственном университете им. В.И. Ульянова-Ленина научной школы, умелый тщательный, скрупулезный отбор талантливых молодых ученых, способных материализовать его идеи. Работая с ними, он отдавал им много сил и энергии, прививал им широту научных взглядов, добросовестность, профессионализм, развивал у них творческие способности, учил овладевать современными методами научных исследований. Виктор Павлович своим научным и гражданским долгом считал качественную подготовку научно-педагогических кадров, а также кадров для системы правоохраны.

Под его непосредственным научным руководством защищено 74 диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук, а при научном консультировании осуществлена защита 11 диссертаций на соискание ученой степени доктора юридических наук, посвященных актуальным проблемам уголовного, уголовно-процессуального права, криминологии, криминалистики, уголовно-исполнительного права, организационно-розыскной деятельности. Защитившие диссертации ученики стали впоследствии известными учеными не только в России, но и за рубежом. В их число входят: Понятовская Т.Г. «Концептуальные основы уголовного права: история и современность»; Губаева Т.В. «Словесность в юриспруденции»; Лесниевски-Костарева Т.А. «Дифференциация уголовной ответственности»;

Рыбак М.С. «Ресоциализация осужденных к лишению свободы (вопросы теории и практики)»; Кленова Т.В. «Основы теории кодификации уголовно-правовых норм»; Блинников В.А. «Система обстоятельств, исключаящих преступность деяния в уголовном праве России»; Безверхов А.Г. «Имущественные преступления»; Левченко О.В. «Система средств познавательной деятельности в доказывании по уголовным делам и ее совершенствование»; Нуркаева Т.Н. «Уголовно-правовая охрана личных (гражданских) прав и свобод человека (вопросы теории и практики)»; Бикеев И.И. «Материальные объекты повышенной опасности по уголовному праву России и зарубежных стран и их юридическое значение»; Тасаков С.В. «Нравственные основы уголовно-правовых норм, направленных на охрану личности, ее прав, свобод и законных интересов».

Руководство университета, профессорско-преподавательский состав высоко ценили организаторские способности ученого и признавали его одаренным научным руководителем, вдумчивым, внимательным воспитателем научных кадров, человеком, который мог понять подопечного, а в ряде случаев изменить его дальнейшую жизнь.

Научное сообщество, близкое окружение, ученики отмечали его удивительную честность, справедливость, бескомпромиссность в общении. В различных жизненных ситуациях, независимо от их характера, он всегда стоял на стороне своих коллег, преподавателей, учеников, отстаивал правоту, оказывал им поддержку, решал возникающие проблемы.

В процессе дискуссий, научных дебатов Виктор Павлович последовательно и убедительно доказывал свою научную точку зрения, поражал собеседников глубочайшими познаниями в области философии, экономики, социологии, права, производил на них неизгладимое впечатление, его аргументация была убедительной и доходчивой.

Несмотря на служебную и научно-исследовательскую занятость, профессор В.П. Малков щедро делился своим богатым опытом с сотрудниками научных и учебных заведений страны. Он являлся заместителем председателя диссертационного совета по защите докторских и кандидатских диссертаций при Самарском государственном университете им. С.П. Королева, высту-

пал в качестве официального оппонента и рецензента. Все это повышало его безусловный научный авторитет и признание юридической общественности.

За годы работы в Казанском государственном университете, Марийском университете, Институте экономики, управления и права им опубликовано 275 научных и учебно-методических работ, в том числе 15 монографий, более 100 учебников и научно-практических пособий, учебно-методических разработок. Большая часть указанных работ носила прикладной характер, становилась основой законотворческой или следственно-судебной деятельности и использовалась в правоприменительной практике.

Среди многочисленных научных трудов (статей, учебников, рецензий) особое место занимают монографии: «Повторность преступлений: понятие, уголовно-правовое значение»; «Повторность проступка и уголовная ответственность»; «Совокупность преступлений: вопросы квалификации и назначения наказания», в которых разработаны актуальные проблемы науки криминального цикла.

В монографии «Повторность проступка и уголовная ответственность», изданной в 1968 году под научной редакцией профессора А.Т. Бажанова, автор обращается к одной из злободневных проблем, которая в юридической литературе почти не освещалась и нуждалась в связи с этим в теоретическом осмыслении. Представленная монография структурирована на три главы, в которых автор: рассмотрел значение повторности деяния для уголовной ответственности (глава 1); разработал терминологический инструментарий, позволивший ему определить понятие повторности совершенного деяния, виды повторности деяния, учитываемые в качестве конструктивного признака состава преступления (глава 2); исследовал проблему сроков давности, в течение которых повторные деяния могут рассматриваться как преступления (глава 3).

Исходя из ее содержания, целью работы явилось: рассмотрение общих вопросов конструирования составов с признаками повторности по советскому уголовному законодательству; выявление существенных различий имеющихся в уголовных кодексах союзных республик; разработка предложений по совер-

шенствованию уголовного законодательства; выработка наиболее оптимальных приемов конструирования уголовно-правовых норм с признаками повторности.

Позитивным следует признать научный подход, примененный в процессе исследования, позволивший провести соотношение понятий «повторность», «неоднократность», «систематичность», «совершение деяний в виде промысла». Одновременно с этим в работе раскрыты понятия и значения общественной, административной, дисциплинарной и судебной преюдиции при признании соответствующих деяний преступными.

Основная идея работы заключалась в том, что проблему противодействия преступности невозможно решить без искоренения так называемых малозначительных и не представляющих большой опасности преступлений. Игнорирование указанных положений, ослабление работы в этом направлении неизбежно приведет к росту тяжких преступлений.

Актуальность представленной работы обуславливалась обострением сложившейся ситуации в области организации противодействия преступным и другим антиобщественным проявлениям. Общество, государство нуждались в проведении исследований в данной области, особенно в работах, в которых высказывались рекомендации по противодействию тяжким и особо тяжким преступлениям, предупреждению рецидива, выявлению причин и условий, способствующих совершению преступлений, формулировались конкретные предложения по нейтрализации подобного рода преступных деяний.

Монография «Повторность преступлений: понятие, уголовно-правовое значение» издана в Казанском государственном университете им. В.И. Ульянова-Ленина в 1970 году. Научная значимость и практическая востребованность данной работы объясняется тем, что повторность, являясь разновидностью рецидивной преступности, часто оставалась вне научного интереса, несмотря на то, что повторность преступлений представляет повышенную общественную опасность. Поэтому не случайно в действующем законодательстве повторности преступлениям придается серьезное правовое значение. Подготовленное монографическое исследование отвечает запросам времени: правиль-

ное понимание применения на практике института повторности в системе уголовного законодательства требует более глубокого изучения. Положительным в работе является то, что автор, исходя из ее структуры, поставил и успешно решил множество научно-практических задач, в частности: рассмотрел историю возникновения, становления института повторности преступлений в советском уголовном законодательстве, судебной практике и науке (глава 1); раскрыл социальную сущность и юридические признаки повторности преступления (глава 2); изучил обстоятельства, исключаящие повторность преступления (глава 3); провел отграничение повторных преступлений от продолжаемых (глава 4); исследовал виды повторности преступлений по действующему уголовному законодательству (глава 5); определил уголовно-правовое значение повторности преступлений по советскому уголовному законодательству (глава 6).

Научная общественность поразила масштабы и глубине проникновения в проблему подготовленной В.П. Малковым под научной редакцией профессора Б.С. Волкова монографии «Совокупность преступлений: вопросы квалификации и назначения наказания». В предисловии своего научного труда автор заявляет, что «вряд ли можно назвать какую-либо другую проблему уголовного права, которая бы имела столь большое практическое значение и вместе с тем так неоднозначно понималась и решалась в теории и судебно-следственной практике».

В представленной работе автор, используя разнообразный методологический инструментарий, всесторонне, комплексно рассмотрел институт совокупности преступлений, определил его место, роль и значение в институте множественности, установил наиболее значимые признаки, позволяющие провести разграничение совокупности преступлений от различных форм единых преступлений; раскрыл основания и пределы поглощения одних преступных действий другими; изучил социально-правовую природу идеальной совокупности и ее отличия от реальной совокупности; исследовал порядок назначения наказания при совокупности преступлений в процессе принятия судебных решений; сформулировал рекомендации по совершенствованию действующего уголовного законодательства на основе накоп-

ленного опыта применения уголовного закона, а также опыта зарубежных стран.

Следует иметь в виду, что и первое, и второе, и третье монографические исследования проводились в непростое время, когда подобного рода научные изыскания, хотя и не запрещались, но и не приветствовались, особенно когда в них шла речь о рецидивной либо организованной преступности. Проведение исследований в этих условиях требовало особого подхода, необходимо было обладать научным мужеством, убежденностью, искренне верить в то, что цель данной научной работы заключалась в предупреждении и искоренении преступности, получившей распространение в нашей стране. Впоследствии были опубликованы и подготовлены другие научные работы: «Личность преступника: уголовно-правовое и криминологическое исследование» (1972); «Множественность преступлений и его формы по советскому уголовному праву» (1982); «Множественность преступлений: сущность, виды, правовое значение» (2006).

Всеобщее признание и известность ученому приносят его научные произведения. Нельзя обойти вниманием вышедшие при жизни В.П. Малкова в 2011 году в Институте экономики, управления и права (г. Казань) избранные труды в трех томах, в которых автор посчитал обязанным поделиться своими мыслями, рассказать о времени, людях, которые жили, творили, боролись за чистоту юридической науки. И это не случайно. Для Виктора Павловича Малкова наука была смыслом его жизни, он служил ей беззаветно и остался ей верен до конца. Залог его научного успеха заключался в особой личной позиции, которую он сформулировал при своей жизни: труд, труд, еще раз труд!!! Нужно работать каждый день и только в этом случае можно получить научный результат.

P.S. Проведенная 2–3 октября 2020 года в Чувашском государственном университете им. И.Н. Ульянова научно-практическая конференция «Правовые и нравственные аспекты функционирования гражданского общества», посвященная памяти выдающего ученого-криминалиста, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора Виктора Павловича Малкова, показала, что в условиях перехода России к новым рыночным отношениям, смены социально-

экономической и политико-правовой парадигмы многие проблемы не только не были решены, но и получили новое обострение. Все это подтверждает достоверность научных материалов В.П. Малкова, свидетельствует о его дальновидности и прозорливости сформулированных им научных положений в области противодействия организованной и рецидивной преступности.

ПРАВСТВЕННОСТЬ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

С.В. Тасаков, д-р юрид. наук, профессор,
заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет
имени И.Н. Ульянова», г. Чебоксары

Аннотация. Проанализированы институты уголовного права и уголовного процесса, принципы справедливости и нормы общественной нравственности. Особое значение уделяется соотношению норм общественной нравственности и норм Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, взаимосвязи уголовно-правовых и нравственных норм.

Ключевые слова: уголовное право, уголовно-правовые нормы, общественная нравственность, уголовная ответственность.

MORALITY IN CRIMINAL LAW

S.V. Tasakov

Abstract. In the article, analyzing the institutions of criminal law and criminal process, principles of justice and norms of public morality. Particular importance is given to the correlation of the norms of public morality and the norms of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation, the analysis of the relationship of criminal law and moral standards.

Keywords: criminal law, criminal law, public morality, criminal liability.

25 июня 2019 г. ушел из жизни известный ученый и прекрасный человек – Виктор Павлович Малков, который оставил неизгладимый след как в юридической науке, так и в судьбах многих людей. Его знают и помнят не только правоведы, но и ученые различных отраслей права.

Он не только сыграл большую роль в развитии науки уголовного права, но и передавал свой богатейший опыт своим ученикам, давая им путевку в мир науки. Он воспитал 74 канди-

дата наук и 11 докторов наук. Мало кто может похвастаться такой многочисленной армией своих учеников. Характерно то, что В.П. Малков никогда не жалел на учеников своего личного времени. Во многом успех его учеников – это и его успех. Он всегда гордился своими учениками и особо радовался, когда его ученики, достигая определенных жизненных высот, оставались порядочными людьми.

Анализируя институты уголовного права и уголовного процесса, обращаясь к иным отраслям права, он нередко следовал принципам справедливости и нормам общественной нравственности. Как отмечал В.П. Малков, справедливость наказания достигается при строгом соблюдении судом общих начал назначения наказаний и с учетом правосознания [4].

Именно он предложил мне поработать над вопросами нравственности в уголовном праве. Результатом нашей совместной работы стала защищенная мною в 2010 г. докторская диссертация на тему «Нравственные основы уголовно-правовых норм, направленных на охрану личности, ее прав, свобод и законных интересов» [6].

В дискуссиях о нравственности тех или иных норм уголовного права я открыл для себя нового В.П. Малкова, который поражал меня своими энциклопедическими знаниями не только в вопросах уголовного права, но и в вопросах развития теорий нравственности. В одной из таких полемик и родилось одно из положений на защиту, которое, на наш взгляд, было наиболее убедительным – «...Распространенное в наши дни утверждение “разрешено все, что не запрещено законом” следует сопроводить оговоркой “и не противоречит общественной нравственности”, иначе эта формула не содействует формированию нравственного поведения людей». Особую актуальность данное положение приобрело в современные годы.

В связи с этим еще раз хотелось бы вернуться к обсуждаемой с В.П. Малковым теме нравственных основ в уголовном праве, теме, которая впоследствии стала фундаментом для моих научных исследований.

Проблема нравственных ценностей и их роль в формировании нормы права в большей степени относится к нормам уголовного права вследствие того, что уголовное право охраняет

общественные отношения, которые обладают повышенной социальной ценностью, и воздействует на данные общественные отношения сильнодействующими средствами. Поэтому оно более, чем другие отрасли права, нуждается в соответствии нормам нравственности. Нормы нравственности находят свое отражение в определении задач и целей уголовного законодательства, его принципов, в построении основных институтов.

Принципы законности, равенства граждан перед законом, вины, справедливости и гуманизма, закрепленные в уголовном законе, свидетельствуют о тесной взаимосвязи норм уголовного права и норм общественной нравственности. Значительное место в уголовном праве уделяется таким понятиям, как преступление и наказание, которые относятся к числу сложных нравственных и социальных проблем.

Особое значение следует уделять соотношению норм общественной нравственности и норм Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации [1], так как именно признание того или иного деяния преступным и определение за его совершение меры наказания является основополагающим для уголовного права. Отдельные уголовно-правовые нормы возникли на основе норм нравственности (например, организация занятия проституцией, жестокое обращение с животными, посягательства на малолетних и т.д.). А уголовно-правовые нормы, в свою очередь, оказывают обратное воздействие на нормы нравственности, формируя нетерпимое отношение людей к тем или иным явлениям (например, ст. 230.1, 230.2 УК).

Отдельно хотелось бы сказать о такой форме прикосновенности к преступлению, как недонесение о совершенном преступлении. В соответствии со ст. 190 УК РСФСР [2] за недонесение об известных готовящихся или совершенных преступлениях, предусмотренных отдельными статьями УК РСФСР, предусматривалось наказание до трех лет лишения свободы. И это понятно и вполне логично, так как приоритетным объектом уголовно-правовой охраны являлись интересы государства и общества.

УК РФ 1996 г. приоритетным объектом охраны закрепил права и свободы человека и гражданина, и данный состав преступления был декриминализован. Доносительство было признано не соответствующим нормам общественной нравственно-

сти новой России. Герой советской эпохи Павлик Морозов, поставивший интересы государства выше родственных отношений с отцом, был подвергнут жесткой критике. Однако уже Федеральным законом от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ [3] в УК РФ введена статья 205-6, предусматривающая наказание до одного года лишения свободы за несообщение о ряде преступлений террористической и экстремистской направленности. Слово «недонесение», употреблявшееся в УК РСФСР 1960 г., было заменено на слово «несообщение», но, по сути, это ничего не изменило.

Понятно, что введение данной статьи в УК РФ было обусловлено возросшей угрозой терроризма и экстремизма как в мире, так и в нашей стране, но ведь приоритетным объектом охраны продолжают оставаться права и свободы человека и гражданина, в отличие от советской эпохи, когда доносительство оправдывалось интересами государства и общества.

Установление уголовной ответственности за несообщение о преступлении свидетельствует также об изменениях, происходящих в нравственном сознании общества, когда доносительство становится нормой, а несоблюдение данного принципа является уголовно наказуемым деянием.

Понятно, что в обществе отдельно взятого государства не все люди одинаково оценивают одни и те же действия и поступки. Человек является носителем определенной традиции в силу условий своего рождения, жизненного опыта, исторической ситуации. Общество создает только относительную мораль, характерную для конкретного времени, но было бы ошибкой не видеть преемственности в развитии морали даже в изменившихся исторических условиях. Некоторые предписания морали сохраняют свое значение в различные периоды исторического развития.

Как ни различно понятие нравственности в разные исторические периоды, имеются и непреходящие ценности. В современном мире это, например, общедемократический тезис, согласно которому все люди равны, независимо от пола, расы, национальности, языка, отношения к религии, социального и имущественного положения. Этот принцип закреплен в различных международных документах и конституциях боль-

шинства государств мира. Общечеловеческие ценности должны стать основой нравственности современного общества, к достижению которых мы должны стремиться. Перед угрозой терроризма, ядерной, экологической катастрофы, пандемий различных заболеваний необходимо преодолевать локальные противоречия.

Государство не способно защищать и проводить в жизнь все разновидности существующей в обществе морали. Для него достаточно отразить в праве основной стержень нравственной жизни, представляющий собой определенный минимум нравственных требований.

Уголовные законы, не подкрепленные нормами общественной нравственности, зачастую просто не действуют либо эффективность их невелика. Поэтому существует большая необходимость установления степени соответствия уголовно-правовых норм и норм общественной нравственности и определение путей совершенствования уголовно-правовых норм для обеспечения охраны прав и свобод личности, общества и государства только на основе норм нравственности.

Уголовно-правовые и нравственные нормы тесно взаимосвязаны. Нет ни одного института уголовного права, который бы не замыкался в конечном счете на нормах нравственности. «Сплошь и рядом начала нравственности смягчают неизбежную строгость и неумолимость начал права» [5].

Приоритет же необходимо отдавать именно нормам общественной нравственности, поскольку они являются основой всей человеческой деятельности. В теории наказания значимое место занимает понятие свободы, лежащее в основе морального закона. При нарушении норм общественной нравственности возникает представление об обоснованности наказания, так как данное нарушение возникает из свободно выбранной лицом нормы поведения. К сожалению, сложная ситуация в мире и в современном российском обществе заставляет задуматься о нравственной составляющей отдельных положений уголовного закона.

В последние годы научный мир потерял много прекрасных ученых советской эпохи, которые в силу возраста и болезней покинули нас. Они создавали фундаментальные научные направления, создавали научные школы, являлись примером для

нас. В их числе и Виктор Павлович Малков – известный ученый, прекрасный учитель и высококонравленный человек. Он навсегда останется в наших сердцах.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 07.04.2020 № 112-ФЗ) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

2. Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591 (утратил силу).

3. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности: федер. закон от 6 июля 2016 № 375-ФЗ // СЗ РФ. 2016. № 28. Ст. 4559.

4. Малков В.П. Применение общих начал назначения наказания // Сов. юстиция. 1986. № 14. С. 10.

5. Русская философия права: философия веры и нравственности: антология. СПб., 1997. С. 257.

6. Тасаков С.В. Нравственные основы уголовно-правовых норм, направленных на охрану личности, ее прав, свобод и законных интересов: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2010.

ПРИМЕНЕНИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ПОДХОДА ПРИ ФОРМИРОВАНИИ АПЕЛЛЯЦИОННЫХ СУДОВ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ С ЦЕЛЬЮ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДОСТУПА К ПРАВОСУДИЮ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

А.Ф. Абдулвалиев, канд. юрид. наук, доцент
ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет»,
г. Тюмень

Аннотация. Изучено географическое положение апелляционных судов общей юрисдикции, деятельность которых по итогам судебной реформы начала осуществляться с 1 октября 2019 года. Автор предлагает новую модель судов второй инстанции, состоящую из двенадцати апелляционных судов общей юрисдикции, судебные округа которых должны быть равномерно размещены на территории Российской Федерации. Это, по его мнению, позволит в большей степени реализовать право граждан и участников уголовного судопроизводства на доступ к правосудию.

Ключевые слова: суд, судебная реформа, правосудие, уголовное судопроизводство, географический подход, территориальная удалённость, транспортная доступность.

THE APPLICATION OF A GEOGRAPHICAL APPROACH IN THE FORMATION COURTS OF APPEAL OF COMMON JURISDICTION IN ORDER TO ENSURE ACCESS TO CRIMINAL JUSTICE

A.F. Abdulvaliev

Abstract. Devoted to the study of the geographical position of courts of appeal of general jurisdiction, the activities of which, following the results of the judicial reform, began to carry out on October 1, 2019. The author proposes a new model of courts of second instance, consisting of twelve courts of appeal of general jurisdiction, whose judicial districts should be evenly located on the territory of the Russian Federation. This, in his opinion, will make it possible more fully exercise the right of citizens and participants in criminal proceedings to have access to justice.

Keywords: court, judicial reform, justice, criminal procedure, geographical approach, territorial remoteness, transport accessibility.

Прошедшая судебная реформа ознаменовала создание отдельных и независимых апелляционных судов общей юрисдикции и кассационных судов общей юрисдикции, действующих в пределах своих судебных округов, сформированных и распределённых по территории Российской Федерации. Столь серьёзный шаг в законодательном реформировании судебной системы второго уровня преследовал цель уменьшить нагрузку нижестоящих судов, оптимизировать деятельность самих судей и максимально обособить их, сделав судебную деятельность второй инстанции самостоятельной. Причём данная эффективность должна проявиться и при пересмотре не только уголовных, но и гражданских и административных дел.

Следует сказать, что сама идея создания отдельных судебных органов второй инстанции является в целом разумной и правильной и подобная модель судебных органов должна позитивно сказаться на всей судебной системе. Тем более предлагаемые судебные округа апелляционных и кассационных судов общей юрисдикции имеют свои отличные от других органов власти границы административно-территориального деления, что только должно в большей степени способно позитивно повлиять на реализацию принципа независимости судебных органов второй инстанции от иных законодательных и исполнительных органов, в том числе и субъектов Российской Федерации. Аналогичного мнения придерживаются и другие учёные [3, 4].

Однако встает при этом важный вопрос: насколько подобная судебная новелла способна реализовать некоторые требования уголовного судопроизводства (непосредственность и устность), а также доступ к правосудию, если участники судебного разбирательства лично изъявляют желание поприсутствовать на судебном заседании, будь то осуждённый, потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик, защитник и т.п.?

В большей степени данная проблема присуща апелляционным судам общей юрисдикции, заявленное количество которых чрезмерно мало для столь большой страны. Связано это с тем, что при создании апелляционных судов общей юрисдикции не был учтён географический фактор, обусловленный территориальной спецификой Российской Федерации.

В настоящий момент существует пять апелляционных судов общей юрисдикции, четыре из которых расположены в европейской части России. А вот Пятому апелляционному суду общей юрисдикции досталась остальная, причём значительная, часть территории страны, включающая в себя огромные пространства Сибири и Дальнего Востока. Мало того, в качестве места размещения суда был выбран город Новосибирск, расстояние от которого до окраин судебного округа очень велико: от Новосибирска до Магадана – 3929 км, от Новосибирска до Владивостока – 3716 км, от Новосибирска до Анадыря – 4873 км. И эти все расстояния по прямой линии.

Для сравнения: расстояние от Москвы до Лиссабона составляет 3908 километров по прямой линии. Причём представленные цифры являются впечатляющими, что лишний раз подчёркивают труднодоступность и удалённость некоторых её окраин. В отличие от Европы Восточная Сибирь и Дальний Восток, отнесённые к Пятому апелляционному суду, не имеют развитой транспортной инфраструктуры, чтоб обеспечить для населения, живущего в удалённых районах и регионах, доступ к апелляционному правосудию. И, как отмечают некоторые практики, даже для тех участников уголовного судопроизводства, кто проживает в удалённых районах с развитой транспортной инфраструктурой, такая территориальная обособленность повлечёт неизбежное увеличение расходов [2]. Тем более что из удалённых районов Сахалина, Камчатки, Колымы, Якутии, Чукотки добраться

до Новосибирска возможно только с помощью авиации (в ряде случаев и с несколькими пересадками). Существующая ценовая политика на авиабилеты (а в других регионах и на железнодорожные билеты) не всем участникам судебного разбирательства позволит без существенных затрат посетить судебные заседания в апелляционном суде общей юрисдикции. Тем более, что и ст. 131 УПК РФ не всем им позволяет компенсировать процессуальные издержки, в том числе и за счёт государства. Использование системы видеоконференц-связи в подобной ситуации не всегда дает возможность реализовать требования непосредственности и устности судебного разбирательства, предусмотренные гл. 35 УПК РФ [1].

Как правило, создание либо формирование округов или участков (пока без оглядки на национальные, экономические или иные признаки) априори подразумевает их равномерное расположение по всей территории государства, чтобы обеспечить равноудалённость границ создаваемого территориального деления от центра. Тогда в нашем случае подобным образом можно добиться обеспечения доступа граждан к правосудию.

Стоит сказать, что было бы правильным и целесообразным создать больше количество судебных округов апелляционных судов общей юрисдикции, так как есть все основания полагать, что рано или поздно законодатель может изменить в сторону расширения перечень судебных органов первой инстанции, чьи не вступившие в законную силу решения могут быть обжалованы именно в апелляционном суде общей юрисдикции. И не стоит исключать тот факт, что и само количество апелляционных жалоб может увеличиться.

Для решения вышеуказанной проблемы и с учётом последующих судебных реформ на ближайшее время и на перспективу предлагается увеличить количество апелляционных судов общей юрисдикции до двенадцати с равномерным их распределением по территории России. Мало того, в качестве мест размещения апелляционных судов общей юрисдикции следует выбрать те города, которые расположены на относительно равном удалении от окраин его судебного округа, не обременены другими вышестоящими судебными органами (чтобы не нарушать стандарты независимости правосудия), а также имеют более или

менее развитую транспортную инфраструктуру и транспортное сообщение с другими регионами.

Данная модель расположения судебных округов апелляционных судов предполагает следующее территориальное размещение:

– К первому апелляционному суду общей юрисдикции должны относиться территории Центральной России, расположенные вокруг Москвы (место предлагаемого постоянного пребывания данного суда – г. Тверь).

– Второму апелляционному суду общей юрисдикции – территории Черноземья на западе России (место предлагаемого постоянного пребывания данного суда – г. Орёл).

– Третьему апелляционному суду – территории юга России и Северного Кавказа (место предлагаемого постоянного пребывания данного суда – г. Ставрополь).

– Четвёртому апелляционному суду – территории Поволжья (место предлагаемого постоянного пребывания данного суда – г. Ульяновск).

– Пятому апелляционному суду – территории северо-запада России (место предлагаемого постоянного пребывания данного суда – г. Архангельск).

– Шестому апелляционному суду – территории Среднего и Южного Урала (место предлагаемого постоянного пребывания данного суда – г. Уфа).

– Седьмому апелляционному суду – территории Западной Сибири (место предлагаемого постоянного пребывания данного суда – г. Тюмень).

– Восьмому апелляционному суду – территории юга Сибири и Алтая (место предлагаемого постоянного пребывания данного суда – г. Новосибирск).

– Девятому апелляционному суду – территории Центральной Сибири (место предлагаемого постоянного пребывания данного суда – г. Красноярск).

– Десятому апелляционному суду – территории Забайкалья и Прибайкалья (место предлагаемого постоянного пребывания данного суда – г. Улан-Удэ).

– Одиннадцатому апелляционному суду – территории Приамурья и Приморья (место предлагаемого постоянного пребывания данного суда – г. Хабаровск).

– Двенадцатому апелляционному суду – остальные территории Дальнего Востока (место предлагаемого постоянного пребывания данного суда – г. Магадан).

Предложенная модель учитывает как географические особенности территорий субъектов Российской Федерации и их исторического соседства с другими регионами, так и развитую транспортную инфраструктуру, а равно доступность для удалённых территорий. При этом модель также учитывает и центральное расположение мест постоянного пребывания апелляционного суда на равном удалении (по возможности) от окраин её судебного округа, что только должно создавать по возможности удобство для иногородних участников уголовного судопроизводства. Тем более, многие представленные выше города имеют хорошие разветвлённые транспортные железнодорожные и авиационные узлы (хабы), имеющие подходящее географическое положение.

Таким образом, есть все основания полагать, что предлагаемые двенадцать апелляционных судов общей юрисдикции позволят в большей степени, чем в настоящее время, обеспечить реализацию права доступа граждан к правосудию, соблюдению таких принципов уголовного судопроизводства, как независимость судей, разумный срок уголовного судопроизводства, а также требований непосредственности и устности судебного разбирательства.

Литература

1. Бородинова Т.Г. О свободном доступе к правосудию в реформируемых судебном-проверочных стадиях уголовного судопроизводства // Теория и практика общественного развития. 2017. № 12. С. 122–125.
2. Коршунов Ю.А. Создание апелляционных и кассационных судов: некоторые итоги масштабной реформы // Юрид. наука. 2019. № 4. С. 71–75.
3. Момотов В.В. Судебная реформа в Российской Федерации: концепция, цели, содержание (ч. 1) // Журн. рос. права. 2018. № 10. С. 134–146.
4. Платова А.С., Шумов П.В. К вопросу о создании апелляционных и кассационных судов общей юрисдикции // Бюл. науки и практики. 2019. Т. 5. № 8. С. 114–119.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ БАНКОВСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

С.А. Алексеев, канд. юрид. наук, доцент
ФГКОУ ВО «Нижегородская академия Министерства
внутренних дел Российской Федерации», г. Нижний Новгород

Аннотация. Анализируются вопросы, связанные с проблемами осуществления банковской деятельности, проводится анализ современного правового регулирования банковской деятельности, включающий возможные пути усовершенствования правового регулирования банковской деятельности в России.

Ключевые слова: государство, право, банковская деятельность, правовое регулирование, экономическая безопасность.

IMPROVEMENT OF LEGAL REGULATION OF BANKING ACTIVITY AS A FACTOR OF ENSURING ECONOMIC SECURITY OF RUSSIA

S.A. Alekseev

Abstract. Analyzes issues related to the problems of banking, analyzes the current legal regulation of banking, including possible ways to improve the legal regulation of banking in Russia.

Keywords: state, law, banking, legal regulation, economic security.

Большинство современных передовых в экономическом плане государств испытывают влияние банковской системы. Состояние национальной банковской системы и, соответственно, осуществление банковской деятельности является на сегодняшний день важным критерием для оценки авторитета государства на международном уровне. Это придает огромное значение всей национальной банковской системе, ее правовым основам, основам банковской деятельности, потому что именно показатели национальной банковской деятельности констатируют позитивное либо негативное развитие банковской системы государства. В настоящее время как в деятельности национальной банковской системы, так и в ее отдельных сегментах сохраняются определенные противоречия, снижающие эффективность хозяйствования и возможность развития данного вида

деятельности более ускоренными темпами, что требует скорейшего принятия необходимых мер по усовершенствованию российского законодательства в сфере банковской деятельности [5. С. 480].

Помимо этого, в России до сих пор ощущается нехватка законов, регулирующих деятельность денежно-кредитных институтов. Неясность отечественного законодателя по целому комплексу таких фундаментальных положений, как независимость Банка России, роль государственной собственности в банковском секторе, место иностранного капитала на российском рынке, незавершенность правового обеспечения иностранных инвестиций дестабилизируют экономическое развитие, отпугивают отечественных и иностранных инвесторов, снижают приток финансовых ресурсов в экономику России. При переходе России к современной рыночной экономике возникла необходимость отказа государства от монополии в банковской сфере, создания новой банковской системы, основанной на законах рынка. Стабильная и надежная, успешно функционирующая банковская система является необходимым элементом, способствующим реализации экономических, социальных и иных функций государства, обеспечению стабильности в обществе [6. С. 303]. Банковская система должна быть мощной и развитой, её деятельность должна быть направлена на обслуживание различных отраслей государства. Совершенствование правового регулирования банковской деятельности является важным фактором обеспечения экономической безопасности России.

Банковская деятельность – один из видов предпринимательства, и ее осуществление возможно только с соблюдением правил о регистрации и лицензировании Центральным банком Российской Федерации. Осуществление банковской деятельности с нарушением установленного порядка или условий лицензии является противоправным. Правовое регулирование банковской деятельности – это чрезвычайно сложный вид регулирования, поскольку он непосредственно затрагивает не только гражданско-правовые отношения, но и влияет на устойчивость финансовой системы государства и является одним из факторов обеспечения экономической безопасности [2. С. 375, 3. С. 99]. Современное правовое регулирование банковской деятельности

Российской Федерации строится на множестве разноуровневых актов [6. С. 304]. Основным принципом совершенствования системы регулирования банковской деятельности, банковского надзора является внедрение в полном объеме международно признанных подходов к их методике и организации [4. С. 526].

Мы считаем, что необходимо законодательно закрепить понятие «банковская деятельность», отграничив ее от предпринимательской и других видов профессиональной деятельности. Действующее законодательство не дает четкого определения понятия «банковская деятельность». Однако можно сделать вывод, что это деятельность, осуществляемая банками и иными кредитными учреждениями и охватывающая весь спектр проводимых ими операций. Проблемой отечественного банковского законодательства мы считаем отсутствие конкретной статьи, которая отражала бы принципы банковской деятельности. Необходимо внести изменения в Федеральный закон «О банках и банковской деятельности в Российской Федерации» [1], а именно добавить термин «банковская деятельность». Необходимо внести предложения о возможности и перспективах кодификации банковского законодательства в целях реального закрепления существующего уровня соответствующих общественных отношений, банковской деятельности (в форме инкорпорации) с учетом пробелов, существующих в банковской сфере. В качестве этапа развития банковского законодательства можно было бы наметить принятие Банковского кодекса, который стал бы стержнем всего банковского права России. В целях устранения таких противоречий необходимо усилить развитие банковского законодательства, придав особое значение процессу принятия новых правовых актов, регулирующих банковскую деятельность и направленных на совершенствование правовой базы в интересах эффективной деятельности финансовых институтов. Совершенствование правового регулирования банковской деятельности является важным фактором обеспечения экономической безопасности России.

Литература

1. О банках и банковской деятельности: Федер. закон от 02.12.1990 № 395-1 // Ведомости съезда народных депутатов РСФСР. 1990. № 27. Ст. 357.

2. Гильманов Э.М. Административная преюдиция в преступлениях, посягающих на бюджетную сферу // Тенденции развития российского общества в XXI веке: материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. школьников, учителей, студентов, аспирантов и молодых ученых. Чистополь – Казань, 2011. С. 375–377.

3. Кузьмин Ю.А. Актуальность принципов диалектики для совершенствования правового сознания // Истор., философ., полит. и юрид. науки, культурология и искусствоведение. Вопр. теории и практики. 2017. № 3-2 (77). С. 99–102.

4. Кузьмин Ю.А. Социально-психологические аспекты проявления правосознания // Трансформация социальных систем: проблемы и поиски путей решения: сб. науч. тр. по материалам всерос. науч.-практ. конф. (с междунар. участием). Ковылкино, 2017. С. 526–532.

5. Кузьмин Ю.А. Юридические санкции и иные меры уголовно-правового характера в современном мире // Юридические санкции: общетеоретические и отраслевые аспекты: материалы V Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Казань, 2018. С. 478–484.

6. Маслюк И.А., Кузьмин Ю.А. Актуальные проблемы защиты прав свидетеля в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики: сб. материалов II Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2012. С. 303–306.

ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА АНТИКОРРУПЦИОННЫЙ КОНТРОЛЬ В СИСТЕМЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

С.Л. Алексеев, канд. пед. наук, доцент, профессор
АНО ВО «Академия социального образования», г. Казань

А.А. Аюпов, д-р экон. наук, профессор
УВО «Университет управления “ТИСБИ”», г. Казань

Аннотация. Антикоррупционный контроль традиционно рассматривается только в политико-правовой плоскости. Однако тенденцией последнего десятилетия является активное исследование антикоррупционного контроля в рамках экономических наук. Обоснованием этого выступает непосредственное влияние коррупции на состояние национальной и региональной экономики, включая микроэкономический фактор. Тем самым в рамках представленной статьи анализ проведён не только в федеральной, но и региональной плоскости антикоррупционного контроля, включая его значение в оценке частных и публичных экономических интересов. В статье рассмотрены две группы факторов, предопределяющих особенности осуществления антикоррупционного контроля в субъектах Российской Федерации. Авторами предложено использовать категорию «экономический интерес» при формировании превентивных мер противодействия региональной коррупции.

Ключевые слова: антикоррупционный контроль, противодействие коррупции, экономическая безопасность, коррупция, государственное управление, региональное управление, региональная экономика.

FACTORS AFFECTING ANTI-CORRUPTION CONTROL IN THE SYSTEM OF ECONOMIC SECURITY OF THE STATE

S.L. Alekseev, A.A. Ayupov

Abstract. Anti-corruption control is traditionally considered only in the political and legal sphere. However, the trend of the last decade is an active study of anti-corruption control in the economic Sciences. The rationale for this is the direct impact of corruption on the state of the national and regional economy, including the microeconomic factor. Thus, within the framework of this article, the analysis is carried out not only in the Federal, but also in the regional plane of anti-corruption control, including its significance in assessing private and public economic interests. The article considers two groups of factors that determine the specifics of anti-corruption control in the subjects of the Russian Federation. The authors suggests using the category «economic interest» in the formation of preventive measures to counter regional corruption.

Keywords: anti-corruption control, anti-corruption, economic security, corruption, public administration, regional management, regional economy.

В соответствии с рейтингом, по которому Всемирным экономическим форумом определяется глобальная конкурентоспособность, занятие бизнесом в российских регионах неизбежно приводит к столкновению с коррупцией [3]. Коррупция в региональном измерении влияет не только на имущественные потери в экономике [21]. Она неизбежно порождает социальную напряжённость, вынуждая население и отдельные группы интересов выдвигать политические претензии [22]. В Российской Федерации было проведено специальное исследование, получившее название «Бизнес-барометр коррупции». Им занималась федеральная Торгово-промышленная палата, зафиксировавшая показатель 79,4% общего числа бизнесменов, сталкивающихся с коррупционными проявлениями [5]. Лишь 20,6% предпринимателей уверенно заявляют, что не соприкасаются с данным негативным явлением в процессе своей профессиональной деятельности.

Примечательно, что в обозначенном исследовании участвовали свыше 10,5 тыс. бизнесменов практически из всех регио-

нов. Они представляли интересы почти каждого сегмента экономики: строительства, торговли, производства, транспортной сферы, сельского хозяйства и даже компьютерных услуг. Сам опрос осуществлялся посредством специализированных сетевых ресурсов, на которых любой желающий мог с сохранением конфиденциальности личных данных заполнить анкету.

Указанное исследование, проводившееся в 2017–2018 гг., подтвердило сложившуюся в российских регионах коррупционную модель осуществления предпринимательской деятельности. Подавляющее большинство предпринимателей по-прежнему расценивают коррупцию в качестве нормы, а соответствующие расходы на решение с её помощью различных вопросов определяют как вынужденные затраты [11. С. 288].

В коррупционных трендах «лидируют» такие направления, как возможность ускорить порядок рассмотрения документов и в органах власти, и в негосударственных инстанциях. Кроме того, частой тенденцией остаётся коррупционное «право» бизнесмена на решение вопросов, связанных с выявленными или потенциальными нарушениями. Нередки случаи коррупционного покровительства для получения желаемого результата в различных публичных тендерах [16. С. 21].

Если приблизиться к региональной конкретике, то результаты социологических опросов демонстрируют схожую картину, но в менее выраженных цифрах.

Так, специальная аналитика проводится ежегодно с 2005 г. Комитетом Республики Татарстан по социально-экономическому мониторингу. Исследование получило название «Изучение мнения населения о коррупции в Республике Татарстан». В 2017 г. 67,7% респондентов отмечали значительное влияние коррупционных форм на общий республиканский бизнес-климат [14]. В 2018 г. респондентам задавался вопрос о готовности принимать участие в антикоррупционных мероприятиях, проводимых республиканскими органами власти, при этом каждый второй отказался от такой возможности [6]. Особенно примечательным фактом считается положительная оценка со стороны опрошенных граждан и представителей бизнеса касательно антикоррупционных мер, осуществляемых республиканскими акторами, – 87,5% [8].

В аспекте малого бизнеса проводятся отдельные опросы, затрагивающие финансовое, экономическое и социальное развитие Татарстана. Например, 5,8% респондентов признались в возникновении у них на протяжении 2017 г. коррупционных ситуаций [14]. Порядка четверти из данной категории граждан предпочли согласиться на участие в коррупционных сделках.

В 2018 г. уже в диапазоне всех граждан в Республике Татарстан признались в участии в подобных действиях 53,8% [6]. Среди них высока доля латентности коррупционных фактов, поскольку 89,2% не сообщали и не собирались сообщать о коррупционной ситуации в правоохранительные органы [6].

Вступление граждан в так называемую «коррупционную сделку» сопряжено с намерением разрешения проблем, возникших с участием контролирующих органов (60%). Среди предпринимателей – это желание получения государственного (муниципального) заказа, а равно положенной платы за факт выполнения заказов (24,1%) [6]. К данной цифре относятся случаи открытия нового вида бизнеса и сдачи финансовой отчётности.

Доля коррупционных «откатов», при которых часть полученной от сделки с представителями власти суммы возвращается должностным лицам, составляет в Татарстане лишь 6,8% числа опрошенных в 2017 г. предпринимателей (в 2018 – 7,2%). У каждого третьего предпринимателя в части указанной проблемы объём взятки варьировался в пределах 10%, исчисляемых от общей цены сделки [2].

Ещё одним примечательным фактом является то, что жители Республики Татарстан видят эффективность решения коррупционных проблем не только в наказании виновных (39,4%), но и в усилении антикоррупционного контроля (42,2%) [6].

На сходство уровня коррупции с другими регионами обратили внимание жители Республики Марий Эл. Так, лишь 15% граждан отмечают повышенный коррупционный фон в республике в сравнении с соседними субъектами Российской Федерации [1]. Ужесточение антикоррупционного контроля также служит для граждан Марий Эл преимущественным способом минимизировать региональную коррупцию (11,79%) на фоне усиления деятельности правоохранительных органов в данной сфере (9,44%) [1].

Схожие показатели фиксируются в Красноярском Крае [12], Мурманской области [13] и в ряде других субъектов Российской Федерации.

Мнения учёных по вопросам определения значимости антикоррупционного контроля в целом сходятся. Большинство исследователей отмечают, что превентивные меры, к числу которых относится рассматриваемое понятие, гораздо эффективнее в экономическом плане, чем посткоррупционная реакция государства и общества на отдельные нарушения [15. С. 216]. Ущерб, возникающий от региональной коррупции, сказывается на всех отраслях, функционирующих в субъекте федерации [7]. На фоне неравномерности экономического развития российских регионов, так же как и отдельных регионов в других странах, упущения в антикоррупционном контроле способны катализировать рост целых сегментов теневой экономики [18]. В своей совокупности дефекты регионального противодействия коррупции сказываются непосредственным образом на состоянии всей национальной экономической системы [10. С. 100].

Расхождения авторов сводятся лишь к методике установления экономических последствий коррупции и возможности антикоррупционного контроля минимизировать или вовсе исключить их наступление. Так, одни учёные руководствуются математическими алгоритмами в подсчёте коррупционного ущерба [20. С. 103]. Вторая группа исследователей полагает, что далеко не все потери можно приписывать коррупции, сводя её негативный эффект к ошибками, обычно допускаемым в производстве [9. С. 50]. Третья категория авторов отмечает, что коррупционные формы имеют различия как в части факторов, так и в плоскости возникающих негативных последствий [12]. В силу этого целесообразно использовать специальные методы оценки.

Последний подход представляется наиболее предпочтительным, поскольку антикоррупционный контроль считается собирательным понятием и по данной причине приобретает самые разнообразные формы применительно к отдельно взятым случаям. Он может иметь далеко не только превентивный характер, но и приобретать значимость в посткоррупционной стадии, когда факт злоупотребления полномочиями или совершения коррупционной сделки уже произошёл либо стал экономи-

ческой традицией. В связи с этим функция по предупреждению подобных негативных явлений может выполняться в аспекте будущих коррупционных действий.

Подобная трактовка взаимосвязи экономических потерь и коррупции строится на обширной типологии коррупционных проявлений. Различные классификации зависят как от специфики отдельных отраслей экономики, в которых сложились собственные типы коррупции, так и от институциональных условий, в которых реализуются коррупционные интересы. Вполне очевидно становятся различия в антикоррупционном контроле, эффективность которого строится на учёте указанных особенностей.

Исходя из этого, значение антикоррупционного контроля предопределяют те факторы, которые влияют на его осуществление. Условно их можно разделить на две большие группы.

К первой необходимо отнести факторы, способствующие реализации исследуемого вида контроля:

- прочная институциональная основа;
- заинтересованность публичных акторов;
- широкие полномочия субъектов контроля;
- прозрачность подконтрольных объектов и т.п.

Во вторую категорию следует включать факторы, препятствующие антикоррупционному контролю:

- бездействие уполномоченных органов;
- завуалированные формы коррупции, установление которых требует значительных публичных ресурсов;
- игнорирование результатов контрольных мероприятий;
- недостаточное финансирование;
- отсутствие квалифицированных кадров;
- предрасположенность населения к коррупционным традициям (высокая толерантность к коррупции) и т.д.

Однако указанную дихотомию факторов необходимо скорректировать. В частности, антикоррупционный контроль целесообразно оценивать с аксиологической позиции, возобладавшей в современной экономической науке [4]. Речь идёт о категории «интерес», объединяющей понятийные признаки и формы коррупционного поведения. Если установление факта коррупции происходит с учётом оценки экономических интересов, то и превентивные меры, включая контрольные механизмы, следует рассматривать в тех же категориях.

Проблема низкой эффективности осуществляемого в российских регионах антикоррупционного контроля как раз заключается в отсутствии конкретизированных экономических интересов. Формальный подход, доминирующий в современной публичной политике, выражается в необходимости соблюдения субъектами Российской Федерации целого ряда условностей, связанных с реализацией федеральных установок. Это проявляется прежде всего в дублировании институтов противодействия коррупции, наделении их смежными полномочиями (нередко конкурирующими друг с другом), в повторении региональным законодательством тех же норм, которые сложились на федеральном уровне в части антикоррупционной деятельности.

Другим немаловажным проявлением указанной проблемы выступает искусственное ограничение форм общественного (гражданского) контроля. Зачастую субъекты федерации создают собственные неправительственные институты, специализирующиеся на борьбе с коррупцией. В то же время эффективность деятельности таких институциональных структур с каждым годом стремительно снижается из-за их формального отношения к коррупционным случаям. Кроме того, результаты антикоррупционного контроля так называемых «независимых» акторов либо игнорируются, либо нивелируются.

Ряд авторов отмечают, что во многом подобное состояние дел в превентивном механизме противодействия коррупции детерминировано строгими рамками федеральной политики, не дающей российским регионам полномочия по самостоятельному установлению соответствующего контроля [19]. Однако разница в масштабах распространения коррупции и в её негативных последствиях для региона [17] показывает, что причина неравнозначной эффективности антикоррупционного контроля кроется в интересах элиты. Речь идёт, в первую очередь, об экономической и политической элите, которая в отдельных субъектах РФ имеет тенденцию к сращиванию между собой. Именно в таких регионах наблюдается максимально низкий уровень заинтересованности власти в противодействии отраслевой коррупции (Краснодарский край, Новосибирская область, Ханты-Мансийский автономный округ, Омская область).

Помимо этого, экономические интересы в развитии регионального антикоррупционного контроля зависят от субъектов, доминирующих на рынке одного товара, работы или услуги. Тем самым при исследовании особенностей превентивных мер в области коррупции следует учитывать монополизацию региональных рынков и зависимость экономических связей от неформальных практик.

Литература

1. Анализ результатов социологического исследования для оценки уровня коррупции в Республике Марий Эл (в рамках реализации подпункта «в» пункта 9 Национального плана противодействия коррупции на 2016–2017 годы, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 1 апреля 2016 г. № 147). URL: <http://mari-el.gov.ru/publicservice/DocLib17/170309-1.pdf> (дата обращения: 04.07.2019).
2. Антикоррупционный мониторинг. 2017 год. URL: <http://anticorruption.tatarstan.ru/rus/rezultati-antikorrupsionnogo-monitoringa-za-2016.htm> (дата обращения: 04.07.2019).
3. ВЭФ поднял Россию на пять пунктов в рейтинге конкурентоспособности. URL: <https://www.rbc.ru/economics/27/09/2017/59ca76149a79478465ff7926> (дата обращения: 04.07.2019).
4. Годунов И.В., Ларионов И.К. Противодействие коррупции как ключевое звено преобразования экономики // Экон. системы. 2016. № 4. С. 2–3.
5. За коррупцию взялся «Бизнес-барометр». URL: <https://rbtoday.ru/v-fokuse/za-korrupciju-vzjalsja-biznes-barometr/> (дата обращения: 04.07.2019).
6. Изучение мнений населения и предпринимателей Республики Татарстан о коррупции. URL: <http://anticorruption.tatarstan.ru/rus/research.htm> (дата обращения: 04.07.2019).
7. Козельская Н.Л. Влияние коррупции на экономику. Понятие и сущность коррупции // Право и экономика. 2011. № 4. С. 68–70.
8. Краткий аналитический отчет по теме «Оценка эффективности государственной политики в сфере безопасности и противодействия коррупции в Красноярском крае». URL: www.krskstate.ru/dat/bin/art/19918_kratkij_po_korrupcii_i_narkomanii_2015.docx (дата обращения: 04.07.2019).
9. Кустов Е.Ф. Матричный метод анализа влияния коррупции на экономику // Экон. анализ: теория и практика. 2011. № 31 (238). С. 47–55.
10. Лихенко И.И. Причины развития коррупции и её влияние на экономику государства // Актуальные проблемы и перспективы развития экономики: рос. и зарубежный опыт. 2016. № 6. С. 96–101.
11. Ляхова М.В. Взаимодействие власти и бизнеса, проблемы коррупции // Вестн. науки. 2019. Т. 1, № 6 (15). С. 285–289.
12. Нуштаев И.В. Организационно-экономический инструментарий противодействия теневой экономике и коррупции: дис. ... канд. экон. наук. Тамбов, 2012. 149 с.

13. Отчёт о научно-исследовательской работе по контракту от 06.09.2013 № 29-МЮ/2013 на тему «Проведение исследования коррупции в Мурманской области социологическими методами в рамках регионального антикоррупционного мониторинга». URL: https://minjust.gov-murmman.ru/files/otchet_korruptsiya_2013.pdf (дата обращения: 04.07.2019).

14. Отчёт опубликован на официальном сайте Комитета Республики Татарстан по социально-экономическому мониторингу. URL: http://monitoring.tatarstan.ru/rus/file/pub/pub_1067587.pdf (дата обращения: 01.07.2019).

15. Румянцева Е.Е., Тер-Овсепян С.В. Методология количественной оценки совокупного финансово-экономического ущерба от коррупции // Науч. журн. НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент. 2015. № 1. С. 213–219.

16. Севрюгин В.Е. Деловая коррупция как фактор, тормозящий развитие бизнеса в России // Вестн. Академии энциклопед. наук. 2018. № 1 (30). С. 14–23.

17. Сидоренко Э.Л. Полифакторный индекс коррупции в регионах Российской Федерации: методика оценки // Актуальные проблемы экономики и права. 2016. Т. 10, № 3 (39). С. 207–215.

18. Сидорин А.С., Воробьев К.П., Антипова Н.С. Коррупция и теневая экономика // Синергия Наук. 2019. № 33. С. 266–270.

19. Смирнов Н.В. Методы оценки коррупции и антикоррупционной политики в регионах России: дис. ... канд. экон. наук. М., 2010. 205 с.

20. Степанцов М.Е. Моделирование системы «власть – общество – экономика» с элементами коррупции на основе клеточных автоматов // Математ. моделирование. 2017. Т. 29, № 9. С. 101–109.

21. Hodgson G.M., Jiang S. The economics of corruption and the corruption of economics: an institutionalist perspective // Journal of Economic Issues. 2007. V. 41, № 4. P. 1043–1061.

22. Welsch H. Corruption, growth, and the environment: a cross-country analysis // Environment and Development Economics. 2004. V. 9, № 5. P. 663–693.

АНТИКОРРУПЦИОННЫЙ КОНТРОЛЬ В СИСТЕМЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

С.Л. Алексеев, канд. пед. наук, доцент, профессор

Ю.С. Сергеева, канд. пед. наук, доцент

АНО ВО «Академия социального образования», г. Казань

Аннотация. Повышенный интерес со стороны учёных вызван неизбежным влиянием коррупции на систему экономических отношений, складывающихся не только с участием публичных образований, но и между рядовыми субъектами рынка. В рамках данной статьи авторы проанализировали региональный уровень противодействия коррупции в аспекте антикоррупционного контроля и влияния на него экономических интересов.

Ключевые слова: противодействие коррупции, антикоррупционный контроль, экономическая безопасность.

ANTI-CORRUPTION CONTROL IN THE SYSTEM ECONOMIC SECURITY OF THE STATE

S.L. Alekseev, Yu.S. Sergeeva

Abstract. Increased interest on the part of scientists is caused by the inevitable impact of corruption on the system of economic relations that develop not only with the participation of public entities, but also between ordinary market participants. Therefore, in this article, the authors analyzed the regional level of anti-corruption in the aspect of anti-corruption control and the influence of economic interests on it.

Keywords: anti-corruption, corruption, anti-corruption control, economic security, public administration, regional management, regional economy.

В рамках отношений, складывающихся в сфере противодействия коррупции, институты получили максимально узкую трактовку среди исследователей, поскольку сведены лишь к организациям, уполномоченным заниматься антикоррупционной деятельностью [1]. Вместе с тем большинство авторов не употребляют словосочетания «антикоррупционные институты» или «институты противодействия коррупции». Во многих исследованиях подчёркивается, что определённый институт (государственный или общественный) имеет своё функциональное предназначение в деятельности по предупреждению коррупции [2]. Такой акцент в специальной литературе отнюдь не случаен, поскольку строится на представлении о том, что существуют институты, занятые некой основной деятельностью (системой отношений), но обладающие при этом возможностями (зачастую – обязанностями) противодействовать коррупции [3].

Именно подобным образом трактуется институциональная составляющая в антикоррупционном контроле. В экономико-социальном значении его институты представляют собой совокупность органов, организаций (правительственных, неправительственных) и должностных лиц с общими и специальными компетенциями в области формирования и осуществления контроля за различными видами деятельности в части противодействия коррупции [4]. Аналогичный подход прослеживается в политологическом понимании институтов антикоррупционного контроля [5].

Несколько отличается восприятие смежных институтов в юридических науках, поскольку акцент делается не на организационной составляющей, а на систематизации правовых норм, направленных на установление антикоррупционного контроля. В результате правовое содержание данного института сводится к регламентации полномочий тех структур, которые могут заниматься подобными контрольными мероприятиями.

Общим знаменателем среди приведённых толкований институтов антикоррупционного контроля служит наличие централизованной силы, способной не только аккумулировать ресурсы, но и сформировать механизм противодействия коррупции превентивными способами. Более того, в отечественных исследованиях не называются институты, специализирующиеся исключительно на антикоррупционном контроле. Тем самым подобная деятельность рассматривается российскими учёными в качестве второстепенной, производной от основных функций [6].

Научные представления об институтах антикоррупционного контроля в зарубежной науке несколько расходятся с российскими наработками. Так, иностранные авторы разграничивают данные институты на организации общего профиля и на специализированные структуры с узкой компетенцией [7–9]. Поэтому антикоррупционный контроль, проводимый публичными органами, оценивается как постреакционный. В свою очередь, независимые институты антикоррупционного контроля выводятся из-под государственной юрисдикции и рассматриваются по большому набору критериев с целью подтверждения их прозрачности и объективности. Тем самым последняя категория институтов демонстрирует преимущественно превентивную направленность.

Расхождение в научной оценке институтов антикоррупционного контроля в России и в зарубежных странах детерминировано административной практикой, т.е. имеет политическую основу. В частности, в рамках обеспечения национальной экономической безопасности в Российской Федерации насчитывается больше 30 федеральных органов исполнительной власти, обладающих теми или иными функциями антикоррупционного контроля. Кроме того, определёнными полномочиями по пре-

вентивному противодействию коррупции наделены законодательные и судебные органы государственной власти. Обязательным антикоррупционным контролем занимаются органы прокуратуры и иные правоохранительные структуры в пределах предоставленной им компетенции.

Если следовать законодательству как нормативной составляющей антикоррупционного контроля, то очерчивается широкая категория его субъектов. Прежде всего Президент Российской Федерации и уполномоченное подразделение его Администрации вправе инициировать проведение проверок в рамках противодействия коррупции. В настоящий момент функционирует Управление по вопросам противодействия коррупции в качестве самостоятельного подразделения президентской Администрации. Оно проводит антикоррупционные проверки независимо от факта осуществления антикоррупционного контроля другими органами и организациями.

В соответствии со ст. 13.4 Федерального закона № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» антикоррупционный контроль по президентской линии сводится к двум направлениям, построенным на субъектном критерии. Проверке подвергаются любые сведения, касающиеся имущественного статуса граждан, как претендующих на занятие определённых государственных должностей, так и занимающих соответствующее должностное положение (сотрудники Администрации Президента Российской Федерации, руководители федеральных органов и др.). В том числе в предмет такого антикоррупционного контроля входят государственные должности в субъектах федерации.

Как видно из приведённой институциональной формулы, Администрация Президента Российской Федерации одновременно рассматривается и в качестве органа, занимающегося противодействием коррупции, и в качестве объекта антикоррупционного контроля. Она не только может формировать соответствующие стратегии и программы по превентивным мерам, но и самостоятельно реализовывать их. Тем самым проблема совпадения субъекта и объекта антикоррупционной деятельности присутствует на высшем федеральном уровне.

Подобная системная особенность обосновывается высоким статусом аппарата Президента Российской Федерации в полити-

ко-административной сфере. К тому же, полномочия рассматриваемого института имеют преимущественно контрольно-надзорный характер, что выводит данную структуру из-под воздействия других органов и организаций. При этом борьба с коррупцией выступает вторичным направлением деятельности президентской Администрации, равно как и обеспечение экономической безопасности страны. Данный орган и его самостоятельные управления имеют обширные компетенции по самым различным государственным вопросам, среди которых антикоррупционный контроль является специализированным лишь для одного из его звеньев.

В силу обозначенного политико-правового статуса Управление по противодействию коррупции при президентской Администрации обладает неограниченным правом по взаимодействию с другими государственными институтами, а также с общественными объединениями. В частности, оно наделено возможностью направлять запросы практически всем звеньям власти и общественным структурам по любым вопросам, относящимся к его специальной компетенции. Взамен органы и общественные организации, перечисленные в абз. 1 п. 6 Положения о данном Управлении, обязаны предоставить соответствующие материалы, содержащие сведения, которые представляют интерес для должностных лиц, проводящих антикоррупционные проверки.

Примечательно, что аналогичный институт сформировался на региональном уровне. Так, при Президенте Республики Татарстан существует схожее Управление по противодействию коррупции. Оно является специализированным органом, ответственным за осуществление антикоррупционного контроля в соответствии с республиканским законодательством. При этом порядок проведения мониторинговых мероприятий, в рамках которых реализуются контрольные полномочия, определяется не законом, а самим Президентом Республики Татарстан.

На примере приведённого регионального института прослеживается полное дублирование федеральной системы антикоррупционного контроля. Как и при Президенте Российской Федерации, длительное время в Татарстане функционировал республиканский, а затем и президентский Совет по противо-

действию коррупции. В настоящее время он трансформирован в республиканскую Комиссию по координации антикоррупционной работы.

Несмотря на схожесть политико-административного статуса, данные органы не находятся в единой системе антикоррупционного контроля Российской Федерации. Вместе с тем республиканская Комиссия по координации работы по противодействию коррупции в Татарстане обязана взаимодействовать со специализированным Управлением Президента Российской Федерации. Однако порядок такого взаимодействия не имеет публичного характера, поскольку не регламентирован нормативно-правовыми актами ни федерального, ни регионального уровней.

В то же время антикоррупционная Комиссия Республики Татарстан должна реализовывать решения, исходящие от федерального президентского Совета по противодействию коррупции. Тем самым прослеживается определённая иерархия в распределении контрольных полномочий между федеральным центром и российскими регионами. Так, концептуальные положения антикоррупционного контроля формулируются на уровне Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции, что, в свою очередь, становится обязательной институциональной основой деятельности региональных советов и комиссий, образуемых при высшем должностном лице субъекта федерации.

Рассмотренные в статье институты сами не занимаются осуществлением антикоррупционного контроля. Они вправе лишь выработать соответствующие поручения и детализировать нормы, которые подлежат согласованию либо с Президентом Российской Федерации (Управлением по противодействию коррупции при президентской Администрации), либо с губернатором (и его региональным специализированным управлением). Тем самым антикоррупционный контроль в российских регионах приобретает исполнительный характер.

Литература

1. Абдулаев А.Х. Особенности исторической эволюции государственных институтов в сфере противодействия коррупции в России // Вопр. политологии. 2017. № 3 (27). С. 25–34.

2. Иванцова В.В. Роль институтов гражданского общества в вопросах противодействия коррупции // Соц. интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. 2019. Т. 1, № 8. С. 297–302.

3. Шедий М.В., Малик Е.Н. Социальное партнёрство институтов гражданского общества и органов власти в сфере противодействия коррупции // Соц. политика и соц. партнерство. 2018. № 11. С. 33–39.

4. Трунцевский Ю.В. Понятие и виды антикоррупционных технологий социального контроля // Моисеевские чтения: Культура и гуманитарные проблемы современной цивилизации: доклады и материалы Всерос. науч. конф. М., 2018. С. 256–260.

5. Кузнецова П.Ю. Участие институтов гражданского общества в общественном антикоррупционном контроле (российский опыт) // Вестн. Перм. нац. исследоват. политехн. ун-та. Культура, история, философия, право. 2015. № 4. С. 80–88.

6. Шедий М.В. Общественный антикоррупционный контроль как механизм противодействия коррупции // Среднерус. вестн. обществ. наук. 2014. № 2 (32). С. 123–130.

7. Doig A. Good government and sustainable anti-corruption strategies: A role for independent anti-corruption agencies? // Public Administration and Development. 1995. V. 15, № 2. P. 151–165.

8. De Sousa L. Anti-corruption agencies: between empowerment and irrelevance // Crime, law and social change. 2010. V. 53, № 1. P. 5–22.

9. Heilbrunn J.R. Anti-corruption commissions: Panacea or real medicine to fight corruption // World Bank Institute. 2004. P. 2.

ПРЕВЕНТИВНЫЕ МЕРЫ И МЕТОДЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В СИСТЕМЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

С.Л. Алексеев, канд. пед. наук, доцент, профессор
АНО ВО «Академия социального образования», г. Казань

А.А. Даренков, председатель президиума
Союза общественных деятелей Республики Татарстан,
педагог высшей квалификационной категории, г. Казань

Аннотация. Авторы проводят оценку реальных возможностей органов власти и должностных лиц по проверке движения финансов и капиталов, а также по установлению их происхождения и круга лиц, задействованных в коррупционных связях.

Ключевые слова: антикоррупционный контроль, противодействие коррупции, коррупция, экономическая безопасность.

PREVENTIVE MEASURES AND METHODS OF COMBATING CORRUPTION IN THE SYSTEM OF ECONOMIC SECURITY OF THE STATE

S.L. Alekseev, A.A. Darenkov

Abstract. The authors assess the real capabilities of authorities and officials to check the movement of Finance and capital, as well as to determine their origin and the circle of people involved in corruption.

Keywords: anti-corruption control, anti-corruption, corruption, economic security.

В современной литературе методы антикоррупционного контроля в целом сопряжены с таким понятием, как исследование [3]. Такая трактовка вытекает из системного подхода. Он предполагает использование известных научных методов, таких как: анализ, осмотр, обследование, измерение, прогноз и т.п.

В широком виде меры антикоррупционного контроля представлены следующими действиями:

1) проверочные мероприятия в области соблюдения антикоррупционных стандартов и правил;

2) меры, направленные на реализацию принципов открытости и прозрачности тех видов деятельности, которые сопряжены с высоким коррупционным риском;

3) меры по содействию институтам гражданского общества в повышении независимости и эффективности проводимого контроля.

Меры антикоррупционного контроля сводятся к информированию, проведению проверок, выдаче предписаний, документированию, сбору образцов, проведению экспертиз и пр. Их отличительная особенность заключается в том, что один и тот же метод может выражаться в нескольких мерах превентивного противодействия коррупции, направленных на достижение исследовательского результата – на выявление коррупционного факта и его причин.

Проблема современного восприятия методов и мер антикоррупционного контроля заключается в их смешении. Во многом данная ситуация детерминирована подходом, изложенным в официальных управленческих актах, фиксирующих стратегии и концепции субъектов Российской Федерации в области противодействия коррупции.

Так, под категорию «исследование» подпадают практически все мероприятия, проводимые в рамках противодействия коррупции в Республике Татарстан [1]. Условно их можно сгруппировать в три блока:

1) получение определённой информации об объектах антикоррупционного контроля (сбор сведений о доходах, расходах, имуществе, имущественных обязательствах, а также о соблюдении публичными служащими антикоррупционных запретов и ограничений);

2) анализ собранных сведений об объектах антикоррупционного контроля (проверка на соответствие, формирование статистики, верификация результатов);

3) информирование общества и лиц, ответственных за реализацию антикоррупционных стратегий, о результатах проведённых контрольных мероприятий, в том числе посредством размещения сведений в сети «Интернет» и через СМИ.

Аналогичные меры антикоррупционного контроля сложились в других субъектах Российской Федерации, что позволяет рассматривать их в качестве общей системы мероприятий.

Вместе с тем значение приобретают не сами меры, а их содержательная сторона. Например, такая распространённая практика, как контроль расходов публичных служащих, вызывает среди исследователей неоднозначное восприятие. С одной стороны, субъекты федерации обладают достаточными полномочиями по проверке финансового и имущественного положения государственных и муниципальных служащих. С другой – региональная система противодействия коррупции ограничена в инструментах верификации подобных сведений.

В частности, в Республике Татарстан объектами антикоррупционного контроля являются далеко не все расходы должностных лиц. Как правило, это хозяйственные операции, подлежащие государственной регистрации, т.е. сведения, содержащиеся в государственных реестрах и кадастрах. К ним относятся объекты недвижимости (земельные участки, здания, сооружения, помещения в многоквартирных домах), транспортные средства, ценные бумаги и доли в уставных капиталах коммерческих организаций.

Невключение в предмет антикоррупционной проверки иных ценностей зачастую обосновано объективной невозможностью региональных властей отследить хозяйственные операции с движимым имуществом и с финансами, не подлежащими государственной регистрации. Подобный подход представляется к настоящему времени несколько устаревшим, поскольку доступ к российской банковской информации у институтов антикоррупционного контроля технически возможен (по аналогии с налоговыми органами и органами бюджетного надзора). Тем не менее ни в институциональном плане, ни в практической плоскости не поднимается вопрос о расширении перечня объектов, в отношении которых может проводиться проверка расходов публичных служащих в субъектах федерации.

Например, в Смоленской области в 2013 г. под объекты регионального антикоррупционного контроля были введены наличные денежные средства, находящиеся в иностранных банках [2]. При этом проверка подобных сведений касается только тех банковских организаций, которые расположены за пределами Российской Федерации. Примечательно, что под соответствующий контроль не попали денежные средства, размещённые на счетах в российских банках.

Кроме того, современный финансовый рынок позволяет иметь капитал не только в банковском, но и в страховом секторе. Равным образом физическим лицам доступны различные активы в интернет-сервисах, мимикрирующих под банковские услуги, но формально не являющиеся таковыми. Возможность завуалировать наличные денежные средства под виртуальную эрзац-валюту также не считается объектом антикоррупционного контроля в региональной управленческой практике.

Отчасти это объясняется ограниченными полномочиями институтов, занимающихся превентивным противодействием коррупции. Все они завязаны на соответствующем межведомственном взаимодействии, т.е. на отношениях с органами государственного и местного управления, которые, в свою очередь, тоже отнесены к предмету антикоррупционного контроля. Отсюда гораздо более широкие возможности имеются у институтов, осуществляющих постреакционную борьбу с коррупцией.

Не вполне понятной остаётся реализуемость такой меры, как проверка заграничных счетов и банковских активов. По подсчётам, проведённым аналитическим агентством Frank RG в 2018 г., российские граждане хранят в зарубежных банках порядка 315 млрд долларов [4]. При этом в статистику попали лишь те россияне, которые имеют более 1 млн долларов наличных денежных средств (примерно 30 тыс. человек). Многие исследователи отмечают, что если российская юрисдикция не в состоянии проконтролировать вывод финансов на заграничные счета, то маловероятным представляется контроль их происхождения [5. С. 140].

Предполагается, что сложившимся институтам регионального антикоррупционного контроля доступны сведения только о сделках, подлежащих государственной регистрации. Вместе с тем круг таких обязательств имущественного характера на деле выглядит значительно ограниченным. Распространённые в экономическом обороте арендные отношения зачастую не подвергаются занесению в государственные реестры и кадастры. Причём к ним относятся не только незаконные хозяйственные операции, но и вполне легальные договорные конструкции.

Определить грань, когда меры антикоррупционного контроля превращаются в мероприятия уголовно-процессуального характера, для российских регионов сложно. Если первые относятся к компетенции институтов противодействия коррупции в субъектах Российской Федерации, то последние остаются прерогативой федеральной власти. Поэтому следует признать целесообразным расширение институционального дизайна в области антикоррупционного контроля на законодательном и управленческом уровнях. В частности, необходима трансформация проверки расходов и доходов публичных служащих как в сторону увеличения объектов, подконтрольных специальным органам, так и расширения субъектов, входящих в круг общения должностного лица и осуществляющих имущественные операции в крупных размерах.

Литература

1. О мерах по совершенствованию деятельности в сфере реализации антикоррупционной политики Республики Татарстан: Указ Президента Республики Татарстан от 20.08.2014 № УП-797 (ред. от 13.10.2015) // Сб. пост. и расп.

Кабинета Министров Республики Татарстан и нормативных актов респ. органов исполнит. власти. 2014. № 68. Ст. 2054.

2. О мерах по реализации отдельных положений Указа Президента Российской Федерации от 02.04.2013 № 309 «О мерах по реализации отдельных положений Федерального закона “О противодействии коррупции”»: Указ Губернатора Смоленской области от 07.06.2013 № 38 // Смоленск. газета. 2013. 19 июня.

3. Скворцова Е.А. Осуществление контроля в сфере обеспечения антикоррупционной безопасности России // Вестн. Федер. арбитра. суда Северо-Кавказ. округа. 2012. № 2. С. 134–142.

4. Сколько денег хранят за границей богатые россияне. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-46036319> (дата обращения: 10.03.2020).

5. Халиуллина Л.Г. Незаконное движение капиталов за рубеж в контексте противодействия коррупции в Российской Федерации // Вестн. Рос. нации. 2017. № 4 (56). С. 137–146.

ТАКТИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПОЛИГРАФИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ С ЦЕЛЮ ВЫЯВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНИЯ ОДНИМ ЛИЦОМ ДВУХ ИЛИ БОЛЕЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В.В. Алексеева, помощник юриста
ПО УЗМВ «Волжанка», г. Ульяновск

Аннотация. Анализируется возможность применения психофизиологических экспертиз с использованием полиграфа при проведении оперативно-розыскных мероприятий и судебных экспертиз для выявления совершения одним лицом двух или более преступлений. Представлен комплексный системный анализ проведения психофизиологических экспертиз с использованием полиграфа, регулирующих правовые основы при производстве следственных действий, а также возможности исследования полученных данных в ходе судебного разбирательства как доказательств.

Ключевые слова: анализ, эксперт, множественность преступлений, полиграфическое исследование, экспертиза.

TACTICS USING A POLYGRAPHIC STUDY TO IDENTIFY THE COMMISSION OF TWO OR MORE CRIMES BY ONE PERSON

V.V. Alekseeva

Abstract. The article analyzes the possibility of using psychophysiological examinations using polygraph in carrying out operational-search activities and judicial

examinations to detect the Commission of two or more crimes by one person. A comprehensive systematic analysis of the conduct of psychophysiological examinations using a polygraph, regulating the legal basis for the investigation, as well as the possibility of studying the obtained data during the trial as evidence, was carried out.

Keywords: analysis, expert, multiplicity of crimes, polygraphic research, examination.

На сегодняшний день судебная практика выработала основные требования, предъявляемые к судебным психофизиологическим экспертизам, нашедшим отражение в Федеральном законе «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» [1], основанном на положениях, дающих возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов на базе общепринятых научных и практических данных.

При производстве экспертизы полиграфолог оценивает психофизиологические реакции подэкспертного, производит оценку достоверности данных и других показателей физиологической активности личности и только после этого выносит суждение об их субъективной значимости, которая свидетельствует о наличии в памяти человека следов какого-либо события [4. С. 407]. Выявление таких следов может служить основанием для решения вопроса о сокрытии подэкспертным значимой для следствия информации, т.е. ответы «психофизиологии» испытуемого на вопросы, заданные полиграфологом, показывают степень причастности к расследуемому преступлению.

В настоящее время законодательством не установлено конкретной методики применения полиграфа. Следовательно, полиграфолог имеет право самостоятельно выработать методы, которые будет использовать при проведении исследования в зависимости от конкретной ситуации. Из-за такого отсутствия единой методики возникает некоторый ряд проблем. Во-первых, одним из критериев метода криминалистического исследования является научная обоснованность, которая в принципе невозможна при исследовании на полиграфе, так как нет единой сформированной научной концепции использования полиграфа. Во-вторых, возникают вопросы по поводу проведения повторной экспертизы. «В случаях возникновения сомнений в обоснованности

заключения эксперта или наличия противоречий в выводах эксперта или экспертов по тем же вопросам может быть назначена повторная экспертиза, производство которой поручается другому эксперту» (ст. 207 УПК РФ). А здесь перепроверить полученные результаты полиграфического исследования нельзя, так как отсутствие единого подхода при проведении исследования может привести прямо к противоположному результату [7. С. 331]. А значит, выводы, полученные из анализа психофизиологической экспертизы, считаются лишь вероятными. Влияние заключения психофизиологической экспертизы с использованием полиграфа на результаты дела напрямую зависят от позиции судьи в отношении такого вида экспертиз в целом и видения судьёй конкретного дела в частности.

Острая дискуссия развернулась среди ученых и практиков по вопросу правомерности использования полиграфа в рамках уголовного судопроизводства. Одни утверждали, что использование полиграфа для целей уголовного процесса возможно [2. С. 201], а другие – что это исключено [3. С. 468].

Главным аргументом сторонников исследований на полиграфе является то, что в УПК РФ отсутствует норма, прямо запрещающая применение полиграфа. Также то, что кодекс допускает «при производстве следственных действий, применять технические средства и способы обнаружения, фиксации и изъятия следов преступления и вещественных доказательств» (ч. 6 ст. 164 УПК РФ). Ч. 5 ст. 164 и ст. 168 УПК РФ допускают к участию в следственном действии специалиста, в том числе и специалиста-полиграфолога. Результаты опроса с использованием полиграфа оформляются в виде заключения и показания специалиста. Согласно п. 31 ст. 74 УПК РФ такое заключение возможно применить в качестве доказательства.

Ч. 2 ст. 189 УПК РФ – следователь свободен при выборе тактики допроса. Одним из тактических приемов допроса может считаться проведение допроса с использованием полиграфа. Ст. 47 закона предоставляет обвиняемому право защищаться иными средствами и способами, не запрещенными законом, что означает возможность проведения данного следственного действия с применением технических средств, в данном случае – полиграфа.

Противники полиграфа считают, что, во-первых, использование полиграфа в доказывании по уголовным делам является «вторжением в компетенцию следователя, дознавателя, суда, так как данные, полученные на полиграфе, не отвечают признакам доказательства». Во-вторых, заключение специалиста-полиграфолога идет вразрез требованиям, предъявляемым к заключению эксперта. Так, ст. 8 ФЗ-73 закрепляет ряд базовых требований к заключению эксперта, а именно «эксперт проводит исследования объективно, на строго научной и практической основе, в пределах соответствующей специальности, всесторонне и в полном объеме». Однако: 1) что лживо, что нет – наукой не установлено; 2) нет однозначного ответа на вопрос о реакциях на ответы испытуемого – то ли он пытается что-то скрыть, то ли поставленный вопрос для него значим; 3) невозможно повторить исследование для проверки полученных результатов.

Анализ правоприменительной практики свидетельствует, что практика по вопросу о применении полиграфа до сих пор остается крайне противоречивой. Так, например, в определениях Верховного Суда Российской Федерации от 17 февраля 2011 г. № 203-О11-1 и от 19 января 2012 г. № 11-О11-99 [6] указано, что заключения психофизиологических экспертиз признаны доказательствами, не вызвавшими сомнений у суда, так как не противоречили показаниям иных свидетелей и другим доказательствам, в том числе вещественным. Верховный Суд постановил, что все эти доказательства согласуются между собой по фактическим обстоятельствам, не содержат существенных противоречий, а по основным вопросам совпадают в деталях.

Однако Верховный Суд Определением от 28 июня 2012 г. № 58-О12-31 подтвердил обоснованность исключения заключения экспертизы из числа доказательств, указав, что оно не является источником новых сведений о фактических обстоятельствах уголовного дела, а по существу оценивает уже собранные доказательства с точки зрения их достоверности. При этом выводы эксперта противоречат совокупности иных, исследованных судом, доказательств. Исходя из анализа определений Верховного Суда Российской Федерации, можно прийти к мнению, что результаты данной экспертизы на практике признаются доказательствами лишь в том случае, если согласуются с совокуп-

ностью остальных доказательств, собранных в деле, и не имеют существенных противоречий.

Исходя из проведенного нами исследования, можно прийти к выводу, что применение результатов экспертизы с использованием полиграфа как доказательства в уголовном судопроизводстве на данный момент является нецелесообразным, поскольку имеется ряд нерешенных проблем, связанных с обоснованностью, практической и теоретической валидностью методов, применяемых специалистами-полиграфологами [5. С. 441]. Отсутствие единой установленной законом методологии лишает законодательство возможности привлечения полиграфолога к ответственности за неправильно выбранный метод в проведении данной экспертизы, результаты которой имеют существенное значение для расследуемого события [8. С. 68].

Также в сфере использования результатов психофизиологической экспертизы с использованием полиграфа в качестве доказательства требуется правовое регулирование, поскольку в действующем законодательстве не закреплена возможность использования или неиспользования результатов экспертизы как обоснованного доказательства, что влечет за собой неоднозначную трактовку законов.

Литература

1. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации: Федер. закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ (в ред. от 26.07.2019) // Рос. газета. 2001. 5 июня.
2. Корнеева О.В., Ефимов А.В. Отдельные проблемы совершенствования уголовного законодательства России на современном этапе // Новеллы российского законодательства в контексте стратегии национальной безопасности: сб. науч. тр. Всерос. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2016. С. 200–204.
3. Корнеева О.В., Урачаев М.Н. Прокурорский надзор: понятие и сущность функций прокуратуры // Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики: сб. материалов 4-й Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2014. С. 468–472.
4. Максимов Н.В. Нормативно-правовые аспекты соблюдения конституционных положений в ходе криминалистической регистрации // Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики: сб. материалов III Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2013. С. 331–335.
5. Максимов Н.В. О достоинствах и недостатках таблицы А. Бертильона для определения роста преступника по следу обуви // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: сб. материалов XXI междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 2016. С. 361–365.

6. Максимов Н.В., Кузьмин Ю.А. Проблема истины при вероятностном выводе судебной экспертизы // Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики: сб. материалов 4-й Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2014. С. 406–409.

7. Максимов Н.В., Маркелов А.Г., Саливаров В.Я. Некоторые проблемы соблюдения прав и законных интересов потерпевшего в компромиссных процедурах уголовного судопроизводства России // Трансформация социальных систем: проблемы и поиски путей решения: сб. науч. тр. по материалам всерос. науч.-практ. конф. (с междунар. участием). Ковылкино, 2017. С. 440–442.

8. Чулахов В.Н. Криминалистическое значение и особенности исследования навыков изготовителя самодельного огнестрельного оружия // Вест. криминалистики. 2000. № 1. С. 68–71.

ОСОБЕННОСТИ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ ПО СОВОКУПНОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Т.Г. Алексеева, инспектор отделения по делам несовершеннолетних
ОМВД России по району Аэропорт г. Москвы, г. Москва

Е.В. Нечаева, канд. юрид. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет
имени И.Н. Ульянова», г. Чебоксары

Аннотация. Процесс назначения наказания несовершеннолетним регулируется общими (ст. 60–74 УК РФ) и специальными (ст. 88–89 УК РФ) правилами. Наряду с этим закон обязывает учитывать условия жизни и воспитания несовершеннолетнего, уровень его психического развития, иные особенности личности, а также влияние на несовершеннолетнего старших по возрасту лиц. Несовершеннолетний возраст учитывается в качестве обстоятельства, смягчающего наказание. А как решается вопрос с отягчающими обстоятельствами, связанными с совершением нескольких преступлений? Судебная практика говорит о существовании проблем при разрешении вопросов назначения наказаний несовершеннолетним по совокупности преступлений, некоторые аспекты которых авторы рассматривают в данной статье.

Ключевые слова: уголовное законодательство, совокупность преступлений, уголовная ответственность, назначение наказания, несовершеннолетний, преступления.

FEATURES OF SENTENCING MINORS FOR A SET OF CRIMES

T.G. Alekseeva, E.V. Nechaeva

Abstract. The process of sentencing minors is regulated by General (article 60–74 of the criminal code) and special (article 88–89 of the criminal code) rules. At

the same time, the law obliges to take into account the conditions of life and upbringing of a minor, the level of his mental development, other personal characteristics, as well as the influence of older persons on the minor. Underage age is taken into account as a mitigating circumstance. In judicial practice, there are problems in resolving issues of sentencing minors for a set of crimes. In this regard, the author discusses this topic in detail.

Keywords: criminal legislation, totality of crimes, criminal liability, sentencing, minor, crimes.

В научных статьях многие авторы часто правомерно подчеркивают, что степень общественной опасности лица, виновного в совершении нескольких преступлений, гораздо выше, чем преступника, совершившего преступление однократно, а поэтому и наказание в первом случае должно быть назначено более строгое. Указанный аргумент в одинаковой степени относится и к несовершеннолетним, в этом смысле исключений быть не может [4].

Ст. 17 Уголовного кодекса Российской Федерации дает определение термину «совокупность преступлений». Совокупность преступлений – это совершение двух и более преступлений, ни за одно из которых лицо не было осуждено. Признаками совокупности являются: а) совершение двух и более преступлений; б) неосуждение ни за одно из них. Данные преступления являются единичными и могут быть в любом сочетании: оконченными и неоконченными (ст. 29 УК РФ), совершаемыми единолично и в соучастии (ст. 32 УК РФ). Наличие совокупности преступлений не зависит от того, совершаются ли они несколькими действиями (актами бездействия) или одним. Главное для совокупности, чтобы преступления были самостоятельными, т.е. отдельно предусмотренными в Уголовном кодексе Российской Федерации.

Назначению наказания лицу при совокупности преступлений посвящены общие нормы, предусмотренные ст. 69 Уголовного кодекса Российской Федерации «Назначение наказания по совокупности преступлений». Глава 14 раздела V УК РФ «Уголовная ответственность несовершеннолетних» не имеет по этому вопросу каких-либо дополнительных специальных определений. Данная тема отражена в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 01.02.2011 № 1

«О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» [1]. К примеру, в ст. 26 Постановления Пленума указано, что лицами, впервые совершившими преступления небольшой или средней тяжести, необходимо считать тех лиц, которые совершили одно или несколько преступлений, но ни за одно из которых ранее не были осуждены, либо когда предыдущий приговор в отношении них не вступил в законную силу или судимости за ранее совершенные преступления в установленном законом порядке сняты и погашены.

«Несовершеннолетним осужденным, совершившим тяжкие преступления в возрасте до 16 лет (ч. 6 ст. 88 УК РФ), не может быть назначено наказание свыше 6 лет лишения свободы как за отдельное преступление, так и по их совокупности. Этой же категории осужденных, совершивших особо тяжкие преступления, а также иным несовершеннолетним, достигшим возраста 16 лет, максимальный срок назначенного лишения свободы за одно или несколько преступлений, в том числе по совокупности приговоров, не может превышать 10 лет». Данные наказания отбываются в воспитательных колониях.

Ст. 30 указанного Постановления устанавливает, что «при совершении лицом нескольких преступлений, одни из которых были совершены в возрасте до 18 лет, а другие – после достижения совершеннолетия, суду необходимо учитывать, что за преступления, совершенные в несовершеннолетнем возрасте, наказание должно быть назначено с учетом положений ст. 88 УК РФ, а за преступления, совершенные в совершеннолетнем возрасте, – в пределах санкций статей Особой части УК РФ, установленных за соответствующие преступные деяния. В этом случае при назначении окончательного наказания применяются правила назначения наказания по совокупности преступлений (ст. 69 УК РФ) без учета положений статьи 88 УК РФ» [1].

Необходимо уточнить, что перечень наказаний, применяемых в отношении несовершеннолетних, существенно ограничен, по сравнению с лицами, достигшими 18-летнего возраста.

Так, несовершеннолетним осужденным не может быть назначено наказание в виде пожизненного лишения свободы или смертной казни. Наказание в виде лишения свободы суд вправе

назначить только в случае признания невозможности его исправления без изоляции от общества, с приведением мотивов принятого решения.

При этом наказание в виде лишения свободы не может быть назначено несовершеннолетнему осужденному, совершившему в возрасте до 16 лет преступление небольшой или средней тяжести впервые, а также остальным несовершеннолетним осужденным, совершившим преступления небольшой тяжести впервые (ч. 6 ст. 88 УК РФ).

При назначении несовершеннолетнему осужденному наказания в виде лишения свободы за совершение тяжкого либо особо тяжкого преступления низший предел наказания, предусмотренный соответствующей статьей Особенной части УК РФ, сокращается наполовину (ч. 6¹ ст. 88 УК РФ).

В случае совершения нового преступления, не являющегося особо тяжким, суд с учетом обстоятельств дела и личности виновного может повторно принять решение об условном осуждении, установив новый испытательный срок и возложив на условно осужденного исполнение определенных обязанностей, предусмотренных ч. 5 ст. 73 УК РФ.

Данные положения обусловлены наличием специфических мер уголовной ответственности, ограничений видов и размеров наказаний, которые допустимы к применению в отношении несовершеннолетних преступников.

Таким образом, можно сделать вывод, что законодатель, выделив в уголовном праве отдельную норму «совокупность преступлений», говорит о повышенной общественной опасности преступника в таких случаях, в связи с чем предусматривает специальные правила назначения наказания, которые применяются и по отношению к лицам, не достигшим возраста 18 лет. Однако из-за того, что несовершеннолетним наказание назначается с обязательным смягчением, особый порядок, позволяющий применить более суровое наказание за совокупность преступлений, на практике «поглощается» нормами, регламентирующими особенность наказания несовершеннолетних. Спорные моменты реализации гуманного отношения к преступникам, в том числе несовершеннолетним, уже затрагивались авторами [2. С. 58–68; 4. С. 355–360].

В качестве примера приведем решение Автозаводского районного суда г. Нижнего Новгорода от 26.03.2015: «...Несовершеннолетний Х. признан виновным и осужден за совершение преступлений, предусмотренных п. “в” ч. 2 ст. 158, п. “в” ч. 2 ст. 158, п. “в” ч. 2 ст. 158, п. “в” ч. 2 ст. 158, ч. 1 ст. 158, п. “в” ч. 2 ст. 158, п. “в” ч. 2 ст. 158, п. “в” ч. 2 ст. 158 УК РФ» [3]. За каждое из преступлений ему назначено уголовное наказание в виде лишения свободы. Суд, учитывая положения ч. 2 ст. 69 УК РФ, по совокупности преступлений путем частичного сложения назначенных наказаний в качестве окончательного наказания назначил Х. уголовное наказание в виде лишения свободы сроком на три года без ограничения свободы. На основании ст. 73 УК РФ наказание назначено условно и определен испытательный срок – 2 года 6 месяцев [5].

Другим приговором Городецкого городского суда от 21.05.2015 Х., 29 июля 1999 года рождения, признан виновным и осужден за совершение четырех преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 158 УК РФ, двух преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 166 УК РФ, одного преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 167 УК РФ, и ему назначено наказание на основании ч. 2 ст. 69 УК РФ в виде трех лет лишения свободы условно с испытательным сроком в два года. Указанный приговор был рассмотрен в апелляционном порядке и определением судебной коллегии по уголовным делам Нижегородского областного суда от 12.08.2015 оставлен без изменения [5].

Как следует из материалов уголовного дела: «Х. в возрасте 15 лет совершены преступления, относящиеся к категории небольшой и средней тяжести. К., кроме того, был судим 23.06.2014 года Городецким городским судом за совершение ряда преступлений к лишению свободы условно и штрафу.

Решением суда от 21.05.2015 года Х. в том числе осужден за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 158 УК РФ, совершенного 05.07.2014 года, к уголовному наказанию в виде 1 года 2 месяцев лишения свободы.

Однако суд не учел, что на момент совершения преступления по эпизоду от 05.07.2014 года Х. не имел судимости. Поэтому, основываясь на положения ч. 6 ст. 88 УК РФ, ему не могло быть назначено наказание за данное преступление в виде

лишения свободы. Ст. 78 УК РФ предусматривает освобождение от уголовной ответственности, если со дня совершения преступления небольшой тяжести истекло два года. Кроме того, на основании ст. 94 УК РФ сроки давности, предусмотренные ст. 78 и 83 УК РФ, для несовершеннолетних сокращаются наполовину.

Учитывая вышеизложенное, Х. подлежит освобождению от наказания за преступление, совершенное 05.07.2014 года (ч. 1 ст. 158 УК РФ) в связи с истечением сроков давности» [5].

Как видим, даже при совершении нескольких преступлений на практике несовершеннолетним достается не такое уж и строгое наказание, хотя факт неоднократного совершения преступления указывает на большую общественную опасность. Вышеуказанный пробел в законе очевиден и не позволяет судебным органам индивидуализировать наказание несовершеннолетним в зависимости от фактического количества преступных деяний [3]. Этот довод подтверждается правоприменительной практикой, когда суды как за один факт совершения несовершеннолетним тяжкого преступления, так и за их совокупность вынуждены назначать примерно одинаковое наказание, а иногда и менее строгое.

Литература

1. О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: Пост. Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2011 г. № 1 (ред. от 29.11.2016) // Бюл. Верхов. Суда Российской Федерации. 2011. № 4.

2. Антонов И.О., Верин А.Ю., Клюкова М.Е. К вопросу о производстве по уголовным делам в отношении несовершеннолетних // Социально-правовая защита детства как приоритетное направление современной государственной политики: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2018. С. 58–68.

3. Долгополов К.А. Назначение наказания несовершеннолетним при совокупности преступлений // Науч. вестн. Омск. академии МВД России. 2012. № 2 (45).

4. Латыпова Э.Ю., Нечаева Е.В. Спорные вопросы содержания принципа гуманизма в уголовном праве // Вестн. юрид. ин-та МВД России. 2019. № 3 (37). С. 355–360.

5. Обзор судебной практики назначения судьями Нижегородской области в 2015 году уголовного наказания несовершеннолетним, осужденным за преступления небольшой, средней тяжести, тяжкие и особо тяжкие преступления. URL: <http://obsudnn.ru/index.php/obzory-sudebnoj-praktiki/1423-obzor>

sudebnoj-praktiki-naznacheniya-sudyami-nizhegorodskoj-oblasti-v-2015-godu-ugolovного-nakazaniya-nesovershennoletnim-osuzhdennym-za-prestupleniya-nebolshoj-srednej-tyazhesti-tyazhkie-i-osobo-tyazhkie-prestupleniya (дата обращения: 20.04.20).

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ

И.О. Антонов, канд. юрид. наук, доцент

А.Ю. Верин, канд. юрид. наук, доцент

М.Е. Клюкова, канд. юрид. наук, доцент

ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»,
г. Казань

Аннотация. Рассмотрены основные способы мошенничества в сфере благотворительной деятельности, особенности выявления данной разновидности криминального обмана, а также вопросы организации расследования в типичных ситуациях первоначального этапа.

Ключевые слова: мошенничество, благотворительность, благотворительная деятельность, преступление, предварительное расследование, этап расследования, доказательство, способ преступления, уголовное судопроизводство.

SOME SPECIFICS OF PRELIMINARY INVESTIGATION OF FRAUD WITHIN CHARITY

I.O. Antonov, A.Yu. Verin, M.E. Klyukova

Abstract. Some features of fraud investigation in the sphere of charitable activities are investigated. In particular, the main methods of fraud in the field of charitable activities, the features of identifying this type of criminal fraud, as well as the organization of investigations in typical situations of the initial stage are considered.

Keywords: fraud, charity, charity work, crime, preliminary investigation, stage of investigation, evidence, type of fraud, criminal proceedings.

Новые технологии, ставшие незаменимыми в повседневной жизни практически каждого современного жителя, принесли с собой новые виды посягательств на собственность граждан [6. С. 40]. Мошенничество в сфере благотворительной деятельности является одним их таких видов.

Федеральным законом Российской Федерации от 11 августа 1995 г. № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» [1] регламентируются основные параметры и содержание благотворительной деятельности. В частности, в законе зафиксировано, что под благотворительной деятельностью необходимо понимать добровольную деятельность граждан и юридических лиц по бескорыстной (безвозмездной или на льготных условиях) передаче гражданам или юридическим лицам имущества, в том числе денежных средств, бескорыстному выполнению работ, предоставлению услуг, оказанию иной поддержки.

Благотворительность с давних времен использовалась мошенниками как удобная ширма для совершения самых разнообразных афер. Криминальный обман в своей основе нередко использует позитивные качества личности жертвы. Эксплуатироваться мошенниками могут и чувство сострадания, и искреннее желание помочь людям. По некоторым оценкам: каждый третий россиянин жертвует деньги просящему на улице; милостыня и подавание являются самыми распространенными формами денежных пожертвований; двенадцать процентов россиян для благотворительных целей используют смс-сообщения, десять процентов россиян предпочитает передавать деньги нуждающимся лично или опускает их в ящики для сбора средств [8].

Трудно предположить, что авторы мошеннических схем в сфере благотворительной деятельности не догадываются, что своими криминальными действиями они серьезно уменьшают вероятность получения необходимой помощи, в том числе остро нуждающимся в ней людям (тяжело больным, инвалидам и др.). Известны случаи, когда действия мошенников в сфере благотворительности приводили к трагическим последствиям [7].

Нередко мошенники в сфере благотворительной действуют особо цинично. Известен случай сбора денег на лечение якобы больного ребенка, когда в качестве элемента способа криминального обмана был задействован видеоролик с участием ребенка, который на момент аферы уже восемь лет как скончался [11].

Вышеперечисленными обстоятельствами обусловлен заметный общественный резонанс по отношению к фактам мошенни-

чества в сфере благотворительной деятельности и оправданный интерес ученых к разработке криминалистического обеспечения производства по уголовным делам рассматриваемой категории.

Нельзя не отметить, что мошенничества в сфере благотворительности обладают высокой латентностью, что определяется как спецификой сферы деятельности, в которой они осуществляются, так и способами их подготовки и совершения.

Среди актуальных способов мошенничества в сфере благотворительной деятельности в первую очередь необходимо назвать следующие: а) создание либо использование уже существующей благотворительной организации для криминального обмана; б) обращение в благотворительную организацию с просьбой собрать денежные или иные материальные средства на благотворительные цели, в отношении тех, кто на самом деле в такой помощи не нуждается; в) обращение за благотворительной помощью от имени якобы благотворительных организаций или нуждающихся в благотворительной помощи лиц; г) мошеннические посягательства на средства, собранные на благотворительные цели и др.

Нельзя не сказать, что мошенники в сфере благотворительности гибко ориентируются в быстро меняющейся ситуации и оперативно модифицируют способы криминального обмана сообразно случившимся изменениям. Так, пандемия коронавируса предопределила попытки осуществить мошенничества в сфере благотворительности на ее фоне [5].

Специфика реализуемых в настоящее время способов мошенничества в сфере благотворительности предопределяет особенности обнаружения, раскрытия и расследования подобного рода вариантов криминального обмана. Признаки мошеннических посягательств в сфере благотворительности обычно обнаруживаются: а) после проведения проверочных мероприятий представителями благотворительных и общественных организаций. Так, Ассоциацией онкологических пациентов «Здравствуй!» выявлялись попытки сбора денег для лечения от онкологического заболевания лицами, у которых такого заболевания на самом деле не было [9]; б) по результатам проведения проверок расходования средств, направленных на благотворительность со стороны лиц, направивших такие средства; в) в результате проверочных дейст-

вий органов прокуратуры и органов государственного контроля; г) в ходе производства оперативно-розыскных мероприятий; д) в процессе расследования других преступлений; е) в результате обнародования в средствах массовой информации и социальных сетях фактов о действиях, носящих мошеннический характер в сфере благотворительности [10].

При принятии процессуального решения о возбуждении уголовного дела необходимо учитывать следующие обстоятельства: если даже появились основания подозревать определенное лицо либо несколько лиц в причастности к мошенническим действиям в сфере благотворительности, не каждый из пострадавших от криминального обмана считает необходимым обратиться с заявлением в правоохранительные органы (причины – незначительная для пострадавшего сумма пожертвования, неверие в эффективность деятельности правоохранительных органов по поимке и изобличению мошенников рассматриваемой специализации и др.).

Определенные сложности могут возникнуть у субъекта расследования в случае, если мошенникам удалось реализовать свой замысел, используя возможности информационно-телекоммуникационных сетей посредством аккаунтов или сайтов, зарегистрированных в зарубежных странах [2. С. 180]. Соответственно, в этом случае у субъекта расследования возникает необходимость воспользоваться рекомендациями по организации расследования трансграничных преступлений.

Спектр общих версий, выдвигаемых при обнаружении признаков состава мошенничества в сфере благотворительности, имеет следующий вид: а) выявленное деяние содержит все признаки состава рассматриваемой разновидности мошенничества; б) состав мошенничества отсутствует, заявитель добросовестно заблуждается (имеет место законная благотворительная деятельность); в) состав мошенничества отсутствует, показания заявителя являются ложными (даны им в связи с наличием некоей личной заинтересованности).

Типичными следственными ситуациями на первоначальном этапе расследования по уголовным делам о мошенничестве в сфере благотворительности, в зависимости от полноты поступивших первичных данных о признаках мошенничества, явля-

ются: 1) имеющаяся в распоряжении правоохранительных органов информация позволяет сделать однозначный вывод о том, что в действиях лица или группы лиц имеются признаки состава мошенничества в сфере благотворительности; 2) собранная правоохранительными органами информация позволяет судить о наличии признаков состава мошенничества в действиях лица или группы лиц с определенной долей вероятности.

Первая из названных типичных ситуаций, как правило, предполагает производство следующего комплекса следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий: осмотр места происшествия; выемка и осмотр документов и предметов, задействованных подозреваемым (подозреваемыми) для совершения криминального обмана; допрос потерпевшего (потерпевших), составление субъективного портрета подозреваемого (если способ мошенничества включал в себя личный контакт между потерпевшим и подозреваемым); установление свидетелей с последующим их допросом; назначение судебных экспертиз (разновидности судебной экспертизы определяются следовой картиной мошенничества); изучение записей камер видеонаблюдения (если подозреваемый попал в их объектив при подготовке, совершении, сокрытии мошенничества), изучение данных криминалистических учетов; организация розыска и задержание подозреваемого (подозреваемых); предъявление для опознания и проведение очной ставки после задержания подозреваемого (подозреваемых).

Результаты проведенных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий определяют дальнейший ход предварительного расследования уголовного дела о мошенничестве в сфере благотворительной деятельности.

Во второй из названных выше типичных ситуаций по делам о мошенничестве в сфере благотворительной деятельности принятие процессуального решения о возбуждении уголовного дела будет выглядеть преждевременным.

Рассматриваемую следственную ситуацию целесообразно ранжировать на две подситуации, каждая из которых имеет свою специфику в организации расследования: 1) лицо, подозреваемое в совершении мошенничества, потерпевшему известно. Соответственно, комплекс первоначальных следственных

действий и оперативно-розыскных мероприятий ориентируется на обеспечение полного выяснения обстоятельств совершения криминального обмана. Если мошенничество не завершено, то имеются предпосылки для успешной реализации тактического комплекса «Задержание с поличным»; 2) лицо, подозреваемое в совершении мошенничества, потерпевшему неизвестно. В этом случае комплекс первоначальных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий включает в себя: допрос потерпевшего лица и установленных свидетелей; производство следственных действий, направленных на установление всех обстоятельств совершенного мошенничества, в том числе и судебных экспертиз; производство оперативно-розыскных и иных мероприятий, имеющих целью установление личности подозреваемого с последующим его задержанием.

При совершении мошенничества в сфере благотворительности группой лиц имеет смысл рассмотреть использование такого института, как досудебное соглашение о сотрудничестве, учитывая применительно к сложившейся ситуации расследования все его достоинства и недостатки [3. С. 58; 4. С. 49].

В заключение необходимо отметить, что выявление и расследование мошенничества в сфере благотворительной деятельности на первоначальном этапе имеет свою специфику. В частности, можно говорить об объективных сложностях – от высокого уровня латентности данной разновидности криминального обмана, предопределяющего трудности в его выявлении, до некоторых проблем при осуществлении доказывания, особенно когда мошенничества носят трансграничный характер и совершаются организованными преступными группами. Осуществляемые в настоящее время научные изыскания, направленные на совершенствование методики расследования мошенничества в целом и методики расследования мошенничества в сфере благотворительной деятельности в частности, позволяют надеяться, что острота обозначенных в статье проблем может быть существенно снижена.

Необходимо также осознавать, что результативное противодействие правоохранительных органов мошенническим действиям в сфере благотворительности является важной предпосылкой успешного развития благотворительной деятельности в России.

Литература

1. О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве): Федер. закон от 11.08.1995 № 135-ФЗ (ред. от 18.12.2018) // СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3340.
2. Антонов И.О. Особенности выявления случаев мошенничества, совершенных при сборе средств на благотворительные цели в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» // Вестн. Волжск. ун-та им. В.Н. Тагичева. 2012. № 2 (76). С. 177–182.
3. Антонов И.О., Верин А.Ю., Клюкова М.Е. К вопросу о производстве по уголовным делам в отношении несовершеннолетних // Социально-правовая защита детства как приоритетное направление современной государственной политики: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2018. С. 58–68.
4. Антонов И.О., Клюкова М.Е., Рахматуллин Р.Р., Верин А.Ю. Некоторые проблемы применения норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих институт досудебного соглашения о сотрудничестве // Учен. тр. Рос. академии адвокатуры и нотариата. 2017. № 2 (45). С. 49–53.
5. Булкина Е. Эксперты предупредили о кибермошенничестве на фоне коронавируса // ВЗГЛЯД.РУ. 2020. 16 марта. URL: <https://vz.ru/news/2020/3/16/1029048.html> (дата обращения: 16.03.2020).
6. Егоров А.В., Нечаева Е.В. Специальные виды мошенничества // Актуальные проблемы публичного и частного права в контексте современных процессов реформирования законодательства: сб. материалов II Междунар. заочной науч.-практ. конф., посв. Дню юриста. Чебоксары, 2016. С. 40–43.
7. Жительница Поволжья умерла после кражи аферистами собранных на ее операцию денег // ВЗГЛЯД.РУ. 2016. 11 апр. URL: <https://vz.ru/news/2016/4/11/804651.html> (дата обращения: 16.03.2020).
8. Лебедева Н. Клон на паперти // Рос. газета. 2017. 2 авг.
9. Нижегородцев Д. Для спасения больных раком детей добровольцы делают больше, чем государство // ВЗГЛЯД.РУ. 2018. 15 февр. URL: <https://vz.ru/society/2018/2/15/908326.html> (дата обращения: 20.03.2020).
10. «Ридус» попросил СК проверить подозреваемый в мошенничестве благотворительный фонд // ВЗГЛЯД.РУ. 2015. 9 дек. URL: <https://vz.ru/news/2015/12/9/782835.html> (дата обращения: 20.03.2020).
11. Рассказываем про мошенничество в сфере помощи больным детям // Детектив по интернет-заработку. 2018. 25 дек. URL: <https://kurs-detective.ru/sick-children> (дата обращения: 16.03.2020).

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОСТРОЕНИЯ САНКЦИЙ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С СУИЦИДОМ

М.А. Артамонова, адъюнкт

ФГКОУ ВО «Уфимский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации», г. Уфа

Аннотация. Рассматриваются санкции статей, предусматривающих ответственность за преступления, связанные с суицидом (ст. 110–110¹ УК РФ), дается

их критический анализ в свете изменений, внесенных Федеральным законом от 29 июля 2017 года № 248-ФЗ, высказаны предложения по совершенствованию их построения с учетом принципов уголовного законодательства.

Ключевые слова: уголовно-правовая санкция, наказание, общественная опасность, преступления, связанные с суицидом.

SOME PROBLEMS OF CONSTRUCTION OF SANCTIONS FOR CRIMES RELATED TO THE SUICIDE

M.A. Artamonova

Abstract. Examines the sanctions of articles providing for liability for crimes related to suicide (art. 110–110¹ of the criminal code of the Russian Federation), provides a critical analysis in the light of changes made by Federal law № 248 of 29.07.2017, and makes suggestions for improving their construction taking into account the principles of criminal law.

Keywords: criminal law sanction, punishment, public danger, crimes related to suicide.

В законотворческой практике последних лет наблюдаются реальные проблемы при построении уголовно-правовых санкций, прослеживается тенденция, когда законодатель спонтанно, безосновательно и непоследовательно вносит в них изменения, игнорируя основополагающие положения и принципы их построения. Безусловно, это самым негативным образом сказывается на качестве уголовного закона [3. С. 64]. Наглядным примером тому является определение санкций за преступления, связанные с суицидом. Как известно, Федеральным законом от 7 июня 2017 г. № 120-ФЗ в целях обеспечения безопасности жизни и здоровья несовершеннолетних, создания мер, способствующих предотвращению самоубийств среди детей и борьбы с различными формами содействия суицида, в Уголовном кодексе была установлена ответственность за склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства (ст. 110¹ УК РФ) и организацию деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства (ст. 110² УК РФ), а ст. 110 УК РФ (Доведение до самоубийства) дополнена новыми квалифицирующими признаками.

Однако буквально через месяц вновь принятым Федеральным законом от 29 июля 2017 г. № 248-ФЗ кардинальным изменениям подверглись не только диспозиции, но и санкции указан-

ных выше статей. Очевидно, что за столь непродолжительное время своего существования введенные нормы никак себя не проявили в правоприменительной деятельности, однако законодательная оценка степени общественной опасности этой группы преступлений претерпела весомые изменения в сторону увеличения пределов наказания и ужесточения санкций, что, соответственно, повлекло за собой и изменение категорий преступлений.

При сравнении санкций, предусмотренных ст. 110–110¹ УК РФ, прослеживается ситуация, когда законодатель за менее общественно опасное деяние предусматривает более строгое наказание, чем за деяние, которое по своему характеру и степени более общественно опасно. Очевидно, что способы, используемые виновным лицом при склонении к совершению самоубийства (уговоры, предложения, подкуп, обман), являются менее общественно опасными, чем при доведении до самоубийства (угрозы, жестокое обращение или систематическое унижение человеческого достоинства) [1. С. 26]. Однако, если сравнить ч. 1 ст. 110 и ч. 4 ст. 110¹ УК РФ, то можно увидеть, что при одноименных последствиях (самоубийство или покушение на самоубийство), наступивших в результате использования наименее опасных способов, предусмотрена более мягкая санкция.

Так, в санкции, предусмотренной ч. 4 ст. 110¹ УК РФ, наиболее строгое наказание в виде лишения свободы составляет от пяти до десяти лет, а в санкции, предусмотренной ч. 1 ст. 110 УК РФ, – от двух до шести лет. Уместно напомнить, что до внесения изменений в Федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 248-ФЗ санкция ч. 4 ст. 110¹ УК РФ предусматривала максимальное наказание в виде лишения свободы сроком до пяти лет. Таким образом, данное деяние переросло в категорию тяжких преступлений. Чем руководствовался при этом законодатель, остается непонятным. По мнению отдельных авторов, складывается впечатление, что он (законодатель) использовал метод случайного выбора [2. С. 36].

Законодательный опыт некоторых стран ближнего зарубежья (УК Туркменистана, УК Беларуси, УК Узбекистана, УК Кыргызстана, УК Армении) свидетельствует, что санкции статей, предусматривающие ответственность за доведение до самоубийства и склонение к совершению самоубийства, сконструи-

рованы с учетом характера и степени общественной опасности содеянного и за доведение лица до самоубийства предусматривают более строгое наказание, чем за склонение к самоубийству.

К сожалению, изложенная проблема при конструировании санкций не носит единичного характера. Подобные «перекосы» встречаются в санкциях статей, предусматривающих ответственность за склонение к совершению самоубийства и содействие его совершению (ч. 1 и 2 ст. 110¹ УК РФ). Так, за склонение к самоубийству, совершенному путем уговоров, предложений, подкупа, обмана или иным способом (ч. 1 ст. 110¹ УК РФ), устанавливается более мягкое наказание, чем за содействие самоубийству, совершенному посредством дачи советов, указаний, предоставления информации, средств или орудий совершения самоубийства либо устранения препятствий к его совершению или обещания скрыть средства или орудия совершения самоубийства (ч. 2 ст. 110¹ УК РФ). Между тем, если провести параллель с институтом соучастия, то способы, используемые при склонении к самоубийству и содействии его совершению, внешне схожи с подстрекательством (ч. 4 ст. 33 УК РФ) и пособничеством (ч. 5 ст. 33 УК РФ), однако в прямом смысле таковыми не являются, поскольку соучастие возможно лишь в совершении преступления, а акт самоубийства согласно нормам действующего уголовного законодательства таковым не признается. Вместе с тем, учитывая специфику выполняемой деятельности, фигура подстрекателя представляет собой большую общественную опасность, чем пособник. Это прослеживается на примере вопросов освобождения соучастников от уголовной ответственности при добровольном отказе от преступления (ч. 4, 5 ст. 31 УК РФ) [З. С. 65]. Исходя из сказанного, следует, что склонение к совершению самоубийства по степени общественной опасности выше, чем содействие его совершению, поскольку при склонении виновный своими противоправными действиями умышленно воздействует на сознание и волю потерпевшего, тем самым стремится вызвать желание у последнего совершить акт самоубийства. При содействии совершению самоубийства такое желание у потерпевшего уже имеется и виновный указанными в законе способами лишь оказывает ему помощь в этом направлении.

Таким образом, активизация со стороны государства мер по противодействию совершению актов суицида является последовательной и логичной. Однако при решении вопроса об установлении санкций за эти деяния российский законодатель пошел по пути их ужесточения, что, на наш взгляд, является не вполне оправданным. Кроме того, санкции, предусмотренные ст. 110–110¹ УК РФ, определены без учета теоретических основ и принципов их построения и нуждаются в дальнейшей корректировке.

Литература

1. Артамонова М.А. Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства: спорные вопросы толкования и применения // Вестн. Уфим. юрид. ин-та МВД России. 2019. № 3 (85). С. 24–28.
2. Густова Э.В. Действующая система наказаний и дефекты конструирования санкций: взаимообусловленность и пути устранения противоречий // Вестн. Воронеж. ин-та МВД России. 2017. № 4. С. 35–38.
3. Нуркаева Т.Н. О качестве уголовного закона на примере раздела VII УК РФ, предусматривающего ответственность за преступления против личности // Вестн. ВЭГУ. 2017. № 6 (92). С. 59–67.

ПРОТИВОПРАВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЛИЧНОСТИ

А.Р. Барахоева, канд. юрид. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет
им. П.Г. Демидова», г. Ярославль

Аннотация. Рассматриваются понятие, природа, содержание противоправного поведения. Выявляются внутренние и внешние факторы, которые детерминируют противоправное поведение. Внимание уделяется вопросу влияния свойств личности на усвоение лицом правовой информации, на формирование его юридических установок и, как следствие, на выбор лицом того или иного варианта правового поведения.

Ключевые слова: личность, право, противоправное поведение, юридическая установка.

ILLEGAL BEHAVIOR OF A PERSON

A.R. Barakhoeva

Abstract. Deals with the concept, nature, and content of illegal behavior. Internal and external factors that determine illegal behavior are identified. Attention is

paid to the question of how personality traits can influence a person's assimilation of legal information, the formation of his legal attitudes, and, as a result, the choice of a particular version of legal behavior by a person.

Keywords: personality, law, illegal behavior, legal attitude.

Противоправное поведение наносит ущерб нормальному функционированию общественных отношений, дестабилизирует систему правовых ценностей, может иметь негативные последствия как для отдельной личности, группы лиц, так и для всего общества в целом. Слабость представлений о неотвратимости наказания, об уголовной ответственности и самонадеянность детерминирует противоправное поведение. Все это говорит об актуальности исследования природы, содержания, особенностей и факторов противоправного поведения.

Противоправное поведение представляет собой разновидность поведения асоциального, оно нарушает запрещающую или обязывающую норму права, является общественно вредным или опасным для личных (частных) и общественных интересов, охраняемых законом. Такое поведение влечет за собой нежелательные для субъекта последствия, прежде всего юридическую ответственность [8. С. 23].

Правовое поведение, несмотря на кажущуюся его противоправность, может не являться таковым. Например, ч. 1 ст. 37 УК РФ не относит к преступлениям причинение вреда посягающему лицу в состоянии необходимой обороны. Противоправность деяния связывается с наличием вины лица. Такое деяние должно быть свободным волевым актом конкретного субъекта. Лицо должно осознавать противоправность своего деяния и возможность наступления в результате его совершения вредных последствий. Необходимо, чтобы лицо, совершившее его, было вменяемым, т.е. могло понимать характер совершаемых им действий (интеллектуальный момент) и контролировать их (волевой).

Противоправному поведению обычно соответствует юридический состав. Противоправное поведение влечет социально-правовые последствия, применение мер социально-правовой защиты и юридической ответственности. Сама противоправность поведения выражается в нарушении личностью действующих норм права, а также других юридических предписаний, содержа-

щихся в нормативных правовых актах, актах толкования, применения, договорах и иных индивидуально-конкретных актах.

Ученые выделяют несколько видов противоправного поведения:

1) активное. Характерно для лиц с ярко выраженной антиобщественной направленностью. Такие лица могут не просто нарушать нормы права, но и сами искать или создавать такие ситуации;

2) привычное противоправное. Характерно для лиц, которые не задумываются над тем, что нарушают закон. Для них свойственна устойчивость. Такое поведение становится привычным для лица в силу его многократного повторения;

3) парциальное противоправное поведение. Личность осознает ценность и обязательность права, но при этом допускает в ряде случаев исключения по отношению к себе в силу каких-либо причин. Например, по мотивам мести и т.п.;

4) ситуативное противоправное поведение. Присуще лицам с низким уровнем правосознания. Отсутствие знаний компенсируется собственными моральными принципами или представлениями, которые могут в определенных случаях противоречить праву;

5) при случайном противоправном поведении лицо признает правовые ценности, но по каким-либо причинам, например, в состоянии аффекта, ярости, гнева, нарушает нормы права;

6) конформное противоправное поведение характерно для лиц, следующих нормам социальной группы. Для них авторитетным становится мнение большинства ввиду отсутствия собственной позиции;

7) маргинальное поведение характерно для лиц с неустойчивыми ценностными ориентациями. Поведение направлено на удовлетворение своих потребностей. Основными мотивами такого поведения являются корысть, самоутверждение, престижные соображения и т.д. [4. С. 21–22].

Ученые обращают внимание, что в правовом поведении отражаются характерологические особенности личности, системы ее ценностных ориентаций, а также иных социально-психологических факторов. Так, например, «при совершении тяжких насильственных преступлений действия преступника направлены

на лишение жизни другого человека, причинение ему страданий и мучений, т.е. требуют таких свойств личности, как жестокость, безжалостность, пренебрежение к основным социальным ценностям общества» [5. С. 14].

Личностные свойства, психологические особенности детерминируют правовые негативные установки лица. «Криминогенно деформированная психология личности формирует потребности, интересы и, наконец, мотивацию, которая, в конечном счете, выступает как пружина, толкающая человека на нарушение закона» [2. С. 249]. Нарушение закона становится чем-то второстепенным по сравнению с возможностью быстрого достижения целей, ради которых личность преступает уголовно-правовые запреты.

Стремление личности удовлетворить деформированные потребности вступает в конфликт с окружающими людьми и законом. Пренебрежение лицом общественно значимыми интересами, нацеленность на удовлетворение собственных интересов свидетельствуют об эгоизме личности. Если при этом правовая система функционирует эффективно, то личные стремления подавляются посредством психолого-правового воздействия на личность.

Также на формирование личности оказывает влияние социальная среда. Она вырабатывает определенные схемы поведения, которые инкорпорируются в сознание субъекта и потом воспроизводятся им в действительности. Вместе с тем человек усваивает приемлемые для себя социальные образцы и модели поведения, из всего потока информации выбирает наиболее отвечающую собственным интересам и позициям. В.А. Номоконов отмечает, что «чем больше социально положительных связей с обществом “разорвано” у субъекта, тем больше его сознание и поведение чуждо господствующим в обществе ценностям и тем больше вероятность поведения, отличающегося от социальных и правовых норм» [6. С. 15]. Демонстративное несоответствие поведения индивида нормам, требованиям системы общественных отношений, получило название «социальной дезадаптации». Под ней понимается неприспособленность индивида к окружающей среде в силу неспособности человека усвоить групповые нормы и групповую культуру вообще [1. С. 53].

Социальная значимость поведения может иногда превосходить его индивидуальную значимость. Например, когда понимая и внутренне одобряя норму права, личность поступает вопреки ей, ориентируясь на мнения окружающих ее людей.

Необходимо выяснять, насколько личность зависима от социальных групп, контактирующих с ней. Например, связь с криминальными группировками может ставить личность в психологическую зависимость от них. Человек начинает стараться соответствовать установленным принципам и нормам поведения из желания заслужить уважение членов группы или боязни вызвать неодобрение. Внутренне не желая и не разделяя преступные действия группы, личность принимает в них участие или выполняет возложенную на нее роль. Такая личность является своего рода «слабым звеном» в криминальной структуре группы, правильное психологическое воздействие на нее способно вернуть ее в русло законности.

Поведение человека во многом зависит от оценки, которая дается ему окружающими, теми или иными институтами. Такая оценка в определенной степени формирует свободу политического и правового поведения личности. Вместе с тем «качество» общества определяется во многом деятельностью индивида, поскольку человек выступает одновременно и объектом, и субъектом общественных отношений [7. С. 81].

Деформированность правовых ценностей общества лишает его оценки и мнения, сдерживающего противоправность потенциала. При принятии решения субъект соотносит обстоятельства, ситуацию с существующими нормами поведения. Человек понимает, что он или последует норме права или, наоборот, отвергнет ее. Т.С. Волчецкая отмечает, что «ситуация, преломляясь через психику субъекта, провоцирует совершение им того или иного поступка в зависимости от социальных установок личности (морально-нравственных ценностей и личностных ориентаций), а также от ряда биологических и психологических факторов» [3. С. 51].

Общественные оценки и реакции, страх наказания являются психологическими преградами для реализации личностью правовых негативных установок. Таким образом, если общественные оценки и реакции не соответствуют необходимому уровню

правосознанию и не обеспечены необходимым уровнем правовой активности общества, то можно говорить об угрожающе низком уровне правовой защищенности общества.

Противоправное поведение свидетельствует о потенциальной опасности личности, поскольку лицо в силу тех или иных причин пренебрегает правовыми нормами как общественным регулятором общественных отношений. Нарушение уголовного законодательства – это наиболее опасная форма противоправного поведения, поскольку именно здесь находят правовую охрану самые важные ценности всего общества и отдельной личности: жизнь, здоровье, половая неприкосновенность, собственность и т.д. Если человек преступает рамки, очерченные нормами уголовного права, в большинстве случаев это говорит о пренебрежительном отношении личности к закону, государству, свидетельствует о неуважении к свободе и личности другого человека, основам общежития. Исключением является противоправное поведение личности, совершенное в состоянии аффекта, которое отнесено к привилегированным составам преступления (ст. 107 УК РФ); законодатель устанавливает за него максимальное наказание – лишение свободы на срок до пяти лет. Это связано с тем, что убийство в состоянии аффекта свидетельствует об опасности человека для общества, но не означает пренебрежения им законом и общечеловеческими ценностями.

Отказ личности от правовых принципов поведения – одна из тяжелейших форм правовой дезориентации населения, которая ведет к увеличению преступности. В естественном состоянии, доступном для людей, право основано на важнейших принципах существования всего человечества: не убей, не укради и т.п. Правовые принципы доступны для правопонимания и не требуют специальных знаний. Нарушая их, личность не просто ставит под сомнение закон, а пренебрегает общими правилами общежития вне зависимости от их справедливости или от возможных последствий несоблюдения их.

Таким образом, исследуя факторы, детерминирующие противоправное поведение лица, необходимо уделять внимание исследованию личности правонарушителя. При этом необходимо исходить не только из его темперамента, характера, условий воспитания, но и обстоятельств, в которых оказалось лицо в мо-

мент противоправной деятельности, а также установить долю возможного влияния на его выбор поведения со стороны отдельного лица, группы лиц, которые воспринимались им как авторитетные или расположения которых он пытался добиться. Это позволит скорректировать юридические установки лица, выработать комплекс превентивных мер для предотвращения преступной деятельности, в том числе «потушить очаг» формирования неправовых потенций личности.

Литература

1. Антонян Ю.М. Природа этнорелигиозного терроризма. М., 2008. 365 с.
2. Бабаев М.М., Крутер М.С. Молодежная преступность. М., 2006. 382 с.
3. Волчецкая Т.С. Криминалистическая ситуалогия. Калининград, 1997. 248 с.
4. Ковалева Е.Л. Правомерное и противоправное поведение: их соотношение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 25 с.
5. Корецкий Д.А., Землянухина Л.М. Личность вооруженного преступника и предупреждение вооруженных преступлений. СПб., 2003. 189 с.
6. Номоконов В.А. Преступное поведение: механизм детерминации, причины, ответственность: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1991. 36 с.
7. Орлова О.В. Правовая свобода личности в гражданском обществе // Журн. рос. права. 2007. № 5. С. 76–83.
8. Тимошенко В.И. Социально-психологические факторы противоправного поведения // Вестн. Перм. ун-та. 2014. № 3 (25). С. 23–32.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ В АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В.Г. Блинов, канд. юрид. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет
имени И.Н. Ульянова», г. Чебоксары

Аннотация. Рассмотрены актуальные вопросы взаимодействия институтов гражданского общества и органов публичной власти в антикоррупционной деятельности. Представлены основные формы взаимодействия институтов гражданского общества с органами публичной власти в области противодействия коррупции, предусмотренные действующим антикоррупционным законодательством.

Ключевые слова: коррупция, противодействие коррупции, институты гражданского общества, органы публичной власти, взаимодействие, антикоррупционная экспертиза, общественные слушания, общественный контроль, антикоррупционные программы.

THE INTERACTION OF CIVIL SOCIETY INSTITUTIONS AND PUBLIC AUTHORITIES IN ANTI-CORRUPTION ACTIVITIES

V.G. Blinov

Abstract. Topical issues of interaction between civil society institutions and public authorities in anti-corruption activities are considered. The main forms of interaction between civil society institutions and public authorities in the field of anti-corruption are provided for by the current anti-corruption legislation.

Keywords: corruption, anti-corruption, civil society institutions, public authorities, interaction, anti-corruption expertise, public hearings, public control, anti-corruption programs.

На международном уровне правовым основанием для антикоррупционной деятельности со стороны институтов гражданского общества стала ст. 13 Конвенции Организации Объединенных Наций (ООН) против коррупции «Участие общества», принятая резолюцией 58/4 Генеральной Ассамблеи от 31 октября 2003 года. В ней отмечается, что все государства-участники должны принимать меры для помощи и содействия активному участию в предупреждении коррупции и в борьбе с ней отдельных лиц и групп, действующих за пределами публичного сектора: гражданского общества, неправительственных организаций и организаций на базе общин.

С 2006 года Российская Федерация является участником Конвенции ООН против коррупции. В развитии норм международного права в России сформировалось отечественное антикоррупционное законодательство. Основным законом в указанной сфере является Федеральный закон от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [1], в котором установлены основные приоритеты и направления борьбы с коррупцией, в том числе провозглашено «сотрудничество государства с институтами гражданского общества, международными организациями и физическими лицами» [1].

Ст. 7 названного закона определила основное направление деятельности органов государственной власти по совершенствованию мер борьбы с коррупцией: создание механизма взаимодействия государственных органов с общественными и парламентскими комиссиями, гражданами и институтами гражданского общества по вопросам противодействия коррупции.

Механизм участия гражданского общества в противодействии коррупции как антикоррупционная экспертиза нормативно-правовых актов и их проектов регулируется отдельным Федеральным законом от 17 июля 2009 года № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных-правовых актов и проектов нормативных-правовых актов» [2], в котором закреплено сотрудничество федеральных органов исполнительной власти, иных государственных органов и организаций, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, а также их должностных лиц с институтами гражданского общества. В законе также отмечается, что отдельные граждане и институты гражданского общества могут осуществлять независимую антикоррупционную экспертизу нормативно-правовых актов за счет собственных средств, а ее результаты носят рекомендательный характер. О необходимости взаимодействия органов публичной власти с институтами гражданского общества по вопросам противодействия коррупции говорится и в региональном антикоррупционном законодательстве субъектов Российской Федерации.

На наш взгляд, эффективность антикоррупционной деятельности напрямую зависит от активного участия в ней не только государственных, но и общественных структур.

С учетом положений действующего законодательства и правоприменительной практики можно выделить следующие организационные и институциональные формы взаимодействия институтов гражданского общества и органов публичной власти:

- Общественная палата Российской Федерации;
- общественные организации;
- общественные советы при федеральных, региональных органах исполнительной власти, органах местного самоуправления;
- экспертные советы при федеральных, региональных органах исполнительной власти, органах местного самоуправления;
- институт общественной экспертизы проектов нормативных правовых актов;
- участие представителей институтов гражданского общества в работе совещательных, экспертных советов и антикор-

рупционных комиссий, в совместных мероприятиях по осуществлению антикоррупционного аудита и контроля за ходом и результатами реализации антикоррупционной политики, в осуществлении общественной антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов;

– совместное обсуждение антикоррупционных инициатив институтами гражданского общества и органами публичной власти.

В целях исполнения Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 года № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» Постановлением Правительства Российской Федерации от 25 июня 2019 года № 808 [3] внесены изменения в Постановление Правительства Российской Федерации от 2 августа 2005 года № 481 «О порядке образования общественных советов при федеральных министерствах, руководство которыми осуществляет Правительство Российской Федерации, федеральных служб и федеральных агентств, подведомственных этим федеральным министерствам, а также государственных комитетов, федеральных служб и федеральных агентств, руководство которыми осуществляет Правительство Российской Федерации» [4], расширяющие участие Общественной палаты Российской Федерации в формировании общественных советов при федеральных органах исполнительной власти: устанавливается, что состав общественного совета формируется федеральным органом исполнительной власти по согласованию с Общественной палатой Российской Федерации.

В названном постановлении указывается, что общественный совет формируется на конкурсной основе. Организатором конкурса является Общественная палата Российской Федерации, а руководитель федерального органа исполнительной власти не позднее 10 календарных дней с даты поступления перечня отобранных кандидатов утверждает состав общественного совета.

В соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 1 сентября 2012 года № 877 [5] некоторые виды нормативно-правовых актов и иных документов не могут быть приняты федеральными органами исполнительной власти без предварительного обсуждения на заседаниях созданных при

них общественных советов (например, нормативные правовые акты, определенные федеральными органами исполнительной власти и общественными советами при федеральных органах исполнительной власти как общественно значимые, федеральные целевые программы).

Важную роль в деле противодействия коррупции играет возможность проведения общественной экспертизы проектов нормативных правовых актов, общественные слушания по различным проблемам с участием разнообразных общественных организаций [6. С. 5–8].

Общественные организации совместно с органами публичной власти осуществляют разработку и реализацию антикоррупционных программ; обеспечивают общественный контроль над законопроектами; проводят совместные мероприятия, направленные на выработку рекомендаций по борьбе с коррупцией.

Одной из форм взаимодействия государства и гражданского общества в антикоррупционной деятельности, на наш взгляд, является рассмотрение различных обращений и жалоб, поступающих от граждан и организаций, содержащих информацию о коррупции. Важным фактором антикоррупционной деятельности является доступность для граждан информации о коррупции, а также о результатах и способах борьбы с ней.

Взаимодействие институтов гражданского общества и органов публичной власти также может осуществляться путем обмена необходимой информацией о состоянии коррупции и о результативности реализации мер противодействия коррупции [7. С. 72].

Таким образом, анализ норм действующего законодательства позволяет сделать вывод о том, что в настоящее время признается важность задействования институтов гражданского общества в механизмах противодействия коррупции, а выделенные нами формы взаимодействия институтов гражданского общества и органов публичной власти призваны в своей совокупности обеспечить необходимый баланс частных и публичных интересов в борьбе с коррупцией.

Литература

1. О противодействии коррупции: Федер. закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ // СЗ РФ. 2008. № 52. Ст. 6228.

2. Об антикоррупционной экспертизе нормативных-правовых актов и проектов нормативных-правовых актов: Федер. закон от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ // СЗ РФ. 2009. № 29. Ст. 3609.

3. О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 2 августа 2005 г. № 481: Пост. Правительства Российской Федерации от 25 июня 2019 г. № 808 // СЗ РФ. 2019. № 26. Ст. 3459.

4. О порядке образования общественных советов при федеральных министерствах, руководство которыми осуществляет Правительство Российской Федерации, федеральных службах и федеральных агентствах, подведомственных этим федеральным министерствам, а также государственных комитетах, федеральных службах и федеральных агентствах, руководство которыми осуществляет Правительство Российской Федерации: Пост. Правительства Российской Федерации от 2 августа 2005 г. № 481 // СЗ РФ. 2005. № 32. Ст. 3322.

5. Об утверждении состава нормативных правовых актов и иных документов, включая программные, разрабатываемых федеральными органами исполнительной власти, которые не могут быть приняты без предварительного обсуждения на заседаниях общественных советов при этих федеральных органах исполнительной власти: Пост. Правительства Российской Федерации от 1 сентября 2012 г. № 877 // СЗ РФ. 2012. № 37. Ст. 4997.

6. Астанин В.В. Об эффективных механизмах взаимодействия государства с гражданским обществом в сфере противодействия коррупции // Административное и муниципальное право. 2011. № 4. С. 5–8.

7. Кудашкин А.В. Антикоррупционная экспертиза: теория и практика: науч.-практ. пособие. М., 2012.

БОРЬБА С КОРРУПЦИЕЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА СТАРЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Н.М. Букаев, д-р юрид. наук, профессор
Оренбургский институт (филиал)

ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», г. Оренбург

Н.Ю. Волосова, д-р юрид. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет»,
г. Оренбург

Аннотация. В настоящее время борьба с коррупцией является приоритетной задачей российского государства. Принятие законодательных норм, направленных на противодействие коррупции, не решило многие проблемы. Авторами предлагается в действующее антикоррупционное законодательство внести ряд изменений и дополнений, которые позволят эффективно бороться с коррупционными проявлениями.

Ключевые слова: коррупция, антикоррупционная политика, антикоррупционная борьба, торговля авторитетом, антикоррупционное воспитание.

THE FIGHT AGAINST CORRUPTION IN THE RUSSIAN FEDERATION: NEW GLANCE AT THE OLD PROBLEMS

N.M. Bukaev, N.Yu. Volosova

Abstract. The fight against corruption is the main task for the Russian state nowadays. The adoption of legislative anti-corruption norms did not solve many problems. The authors propose a number of changes and amendments to the existing anti-corruption legislation that will allow to combat corruption effectively.

Keywords: corruption, anti-corruption policy, fight against corruption, authority bias, anti-corruption education.

Современная Россия столкнулась с одной из сложных проблем, которая препятствует решению многих важных задач экономического и политического направления, подрывает авторитет власти, существенно влияет на эффективность международных, торгово-экономических и иных связей, способствует сохранению и упрочению позиций организованной преступности, масштабы которой стали угрожать национальной безопасности Российской Федерации. Этой проблемой является коррупция.

В настоящее время факторами, укореняющими и развивающими коррупцию в Российской Федерации, являются:

– высокое социальное расслоение и неравенство населения по уровню доходов;

– наличие организованной преступности, оказывающей влияние на проникновение в экономику коррупционных схем;

– сохраняющиеся коррупционные традиции, влияющие в том числе и на подбор и расстановку кадров государственных и муниципальных служащих;

– наличие пробелов и коллизий в российском законодательстве и откровенно противоречивых норм, а также норм, содержащих коррупциогенные признаки.

Борьба с коррупцией требует усилий всех ветвей власти, институтов гражданского общества, всего населения; она должна носить системный характер, а не быть данью «модного» мероприятия. Борьба с коррупцией – это не только взаимодействие власти и общества, но прежде всего выработка единой стратегии, начиная от антикоррупционного воспитания и заканчивая разработкой эффективных мер ответственности коррупционеров. Эта система именуется антикоррупционной политикой.

Антикоррупционная политика является системой взаимосвязанных приоритетов и мер борьбы с коррупцией, включающих политические, законодательные, психологически стимулирующие компоненты [6]. Целью антикоррупционной политики является формирование единых подходов и выработка основных направлений противодействия коррупции, что позволит исключить коррупциогенные факторы и предотвратить их влияние на общество.

Между тем анализ статистических данных показывает крайне устойчивую тенденцию роста коррупционных преступлений. Если в 2010 г. были совершены такие преступления, как дача взятки – 1977, получение взятки – 1084, то в 2019 г. эта цифра увеличилась в три раза.

По данным о состоянии преступности, в 2019 г. было зарегистрировано 30991 преступление коррупционной направленности, что на 1,6% выше чем за аналогичный период 2018 г.; получение взятки увеличилось на 14% и составило 3988 преступлений, в то время как дача взятки увеличилась на 21,5% и составила 3174 преступления [1]. И это несмотря на то, что в Российской Федерации за рассматриваемый период предпринимаются существенные меры по противодействию коррупции, усиливаются уголовно-правовые меры, направленные на ее предупреждение.

Невольно приходится задаваться справедливым вопросом – почему же несмотря на все усилия увеличивается количество преступлений и правонарушений коррупционной направленности? Ответ на этот вопрос кроется в различных причинах микро- и макроуровня, в равной мере влияющих на правовой потенциал государства в борьбе с этим негативным явлением. В данной статье мы попытаемся выявить и проанализировать некоторые из этих причин и предложить пути их преодоления.

Осознание опасности коррупции поставило на повестку дня необходимость обсуждения этого вопроса на всех уровнях и принятия необходимых, но действенных мер, направленных на борьбу с ней. Принятие в Российской Федерации пакета антикоррупционных законов, внесение изменений в действующие, безусловно, является своевременной мерой. Однако практика их реализации показывает, что их оказалось явно недостаточно, так

как уровень коррупционной преступности неуклонно растет год от года и затрагивает различные слои общества от государственных служащих до простых граждан, а антикоррупционное законодательство все еще отстает от стремительно развивающихся общественных отношений.

Положительным моментом принятия Федерального закона «О противодействии коррупции» от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ является то, что в нем впервые:

- дано правовое определение понятия «коррупция»;
- разработана система принципов противодействия коррупции;
- определены основные направления предупреждения коррупции.

Наряду с этим следует отметить и его существенные минусы, а порой и откровенные пробелы.

Во-первых, желательно скорректировать название закона. Как указывают многие исследователи, термин «противодействие» ориентирует на сугубо оборонительный характер воздействия на коррупцию [4, 5]. Положительным примером в данном случае может служить опыт Республики Беларусь, где 15 июля 2015 г. был принят Закон № 305-З «О борьбе с коррупцией».

Во-вторых, необходимо продолжать развивать такое направление борьбы с коррупцией, как анализ и мониторинг законодательства на предмет выявления его коррупционности. В этом направлении следует расширять возможности гражданского общества и привлекать к работе больше независимых экспертов, которые не только бы проявляли собственную инициативу при проведении экспертизы проектов нормативно-правовых актов, но и участвовали бы в обсуждении проектов законов в качестве приглашенных экспертов при обсуждении и их принятии законодательными органами Российской Федерации и ее субъектов. Полагаем, что такой подход позволит своевременно выявить коррупциогенные факторы и еще на стадии обсуждения проекта исключить их из текста закона.

В-третьих, Федеральный закон «О противодействии коррупции» в основном направляет шаги на борьбу с последствиями коррупции и ее проявлений, а не с выявлением и устранением ее причин, что говорит о непоследовательной реализации

Национальных планов и Национальной стратегии противодействия коррупции. Возникает определенный диссонанс между законодательной нормой и программными документами, направленными на борьбу с коррупцией.

В-четвертых, Российской Федерацией так и не были выполнены рекомендации ГРЕКО по итогам 3-го раунда оценки Российской Федерации [5] относительно выделения в обособленную группу преступлений коррупционной направленности. В настоящее время уголовное законодательство не выделяет в самостоятельный раздел или главу составы коррупционных преступлений, отсутствует в уголовном законе и понятие коррупции (хотя за основу правового определения коррупции берутся составы преступлений, которые теоретиками относятся к преступлениям коррупционной направленности). Хотя основными средствами борьбы с коррупцией и, как представляется, наиболее эффективными на данный момент являются меры уголовно-правового характера. Для решения данного вопроса в Российской Федерации было предпринято ряд мер, в том числе и выделение в обособленную группу данных преступлений при проведении статистической отчетности на основании Указания Генеральной прокуратуры Российской Федерации и МВД России № 870/11/1 от 27 декабря 2017 г. «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статической отчетности». В данном указании содержится список конкретных составов преступлений, отнесенных к коррупционной направленности. Он изложен в перечне № 23. Однако такой подход, полагаем, не совсем логичен. Отсутствие в уголовном законодательстве понятия коррупции и определения перечня коррупционных преступлений, выделение их в обособленную группу нивелирует все усилия государства в борьбе с этим негативным явлением, создается впечатление об отсутствии единого подхода. При этом ведущая роль отводится не законодателю, а правоприменителю в формировании и определении видов составов коррупционных преступлений, чего быть не должно.

Полагаем целесообразным включить в Общую часть УК РФ не только определение коррупции, но и перечня преступлений, которые необходимо отнести к числу коррупционных, что по-

зволит решить проблему выполнения Российской Федерацией рекомендаций ГРЕКО.

В-пятых, следует расширить категорию деяний, которые следует отнести к числу коррупционных. В частности, было бы верным включить в состав коррупционных преступлений незаконное воздействие на решение должностного лица (торговлю авторитетом). Например, данный состав предусмотрен в ст. 312-1 УК Республики Азербайджан и в законодательстве некоторых других государств. Сущность данного состава заключается в том, что воздействие на решение должностного лица с использованием своей реальной или предполагаемой возможности воздействия может быть осуществлено посредством требования или получения материальных и иных благ, льгот или привилегий, либо принятия предложения или заверения об этом лицом для себя либо третьих лиц, прямо или косвенно, лично или через посредника. Данный состав было бы целесообразно поместить в ст. 291.3 «Незаконное воздействие на решение должностного лица (торговлю авторитетом)».

В-шестых, в Российской Федерации так и не решен вопрос с практикой лоббирования законов заинтересованными должностными лицами. О проблемах лоббизма писал еще в 1995 г. А.В. Малько [3. С. 59], в том числе об отсутствии механизмов борьбы с лоббизмом в России. Законодательства о лоббистской деятельности в Российской Федерации до настоящего времени не принято. На официальном уровне разработан только Модельный закон о регулировании лоббистской деятельности в органах государственной власти Межпарламентской Ассамблеи СНГ, принятый 15 ноября 2003 г. постановлением № 22-16 на 22-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ, однако его положения не оказывают какого-нибудь значительного влияния на развитие законодательства в Российской Федерации. В связи с этим было бы целесообразно принять законодательство о противодействии незаконной лоббистской деятельности, предусмотрев уголовную ответственность должностного лица за незаконную лоббистскую деятельность и предотвращение противоправных форм лоббизма.

На сегодняшний день большое внимание уделяется уголовно-правовым средствам противодействия коррупции. Однако уголовно-процессуальные средства играют не менее важную роль в реализации мер, направленных на противодействие коррупционной преступности. Думается, что их развитие и совершенствование позволят решить проблему расследования коррупционных преступлений, изобличения виновных лиц, формирования доказательственной базы по уголовному делу коррупционной направленности.

В целях практической реализации конституционного положения о равенстве всех перед законом и судом и гарантированности государством этого равенства независимо от должностного положения (ст. 19 Конституции Российской Федерации), а также выполнения рекомендаций ГРЕКО было бы правильным вновь поднять вопрос о необходимости ликвидировать уголовно-процессуальные привилегии государственных должностных лиц всех ветвей власти, предусмотренные гл. 52 УПК РФ (Особенности производства по уголовным делам в отношении отдельной категории лиц), т.е. в отношении членов Совета Федерации, депутатов Государственной Думы, судей. Это позволит также выполнить рекомендации ГРЕКО по сокращению числа лиц до минимально необходимого в правовом государстве и демократическом обществе. Это становится особо актуальным так как с 2002 г. данный список существенно расширился.

Таким образом можно сделать вывод о необходимости внесения дополнений в действующее законодательство о противодействии коррупции, уголовное и уголовно-процессуальное. Данные дополнения будут отвечать изменившимся общественным отношениям и с учетом этого позволят сформировать блок антикоррупционных законов, отвечающих современным реалиям.

Литература

1. Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. Состояние преступности 2019 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/18556721>.

2. Объединенные первый и второй раунды оценки: дополнение к докладу о выполнении Российской Федерации рекомендаций ГРЕКО (принято ГРЕКО на 58-м Пленарном заседании (Страсбург, 3–7 декабря 2012 года) // Офиц. сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <https://genproc.gov.ru>.

3. Малько А.В. Лоббизм // Обществ. науки и современность. 1995. № 4. С. 59.

4. Номоконов В.А. Вместо борьбы – «противодействие» из окопов [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www.crime.vlgu/index.php?p=2137&mo_re=1&c=1&tb=1&pb=1#more2137.

5. Шишкарев С.Н. Правовой вектор Российской антикоррупционной политики: противодействие или все же борьба? // Вестн. Моск. ун-та МВД Росии. 2010. № 1 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-vektor-rossiyskoj-antikorrupsionnoj-politiki-protivodeystvie-ili-vse-zhe-borba>.

6. Юхачев С.П. Экономический инструментарий борьбы с коррупцией // Вестн. Саратов. гос. соц.-экон. ун-та. 2009. № 2 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskij-instrumentarij-borby-s-korrupsiej>.

ПРОБЛЕМЫ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ФОРМЕ СУДЕБНОГО ШТРАФА

В.В. Вагина, инспектор по делам несовершеннолетних
МО МВД России «Ульяновский», г. Ульяновск

Аннотация. Изучены особенности применения мер уголовно-правового характера в виде судебного штрафа на практике, выявлены существующие проблемы их применения и предложены пути их решения.

Ключевые слова: меры уголовно-правового характера, конкуренция норм, размер наказания, судебный штраф.

THE PROBLEM OF EXEMPTION FROM CRIMINAL RESPONSIBILITY IN THE FORM OF A COURT FINE

V.V. Vagina

Abstract. The article examined the peculiarities of the application of criminal-legal measures in the form of a court fine in practice, identified existing problems of their application and proposed ways to solve them.

Keywords: measures of a criminal-right nature, competition of norms, punishment, judicial fine.

В последние два десятилетия большинством цивилизованных стран признается «кризис наказания». Это проявляется в неэффективности традиционных средств контроля и пресечения преступности, в возникновении большого количества нега-

тивных последствий при применении такого распространенного вида наказания, как лишение свободы за преступления небольшой и средней тяжести. Неэффективность традиционных способов борьбы с преступлениями проявляется в увеличении количества преступлений за последние годы, в высоком процент рецидивов, в колоссальных затратах на исполнение наказания в виде лишения свободы и т.д. Все это приводит к поискам альтернативных способов борьбы с преступностью.

Эффективной мерой борьбы с преступлениями небольшой и средней тяжести стал институт освобождения от уголовной ответственности с применением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. Это подтверждается данными официальной статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. Так, за первое полугодие 2019 года суды России освободили 22316 человек от уголовной ответственности в связи с применением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа [2].

Статистические данные по Чувашской Республике показывают активное применение судебных штрафов на практике: за первые полгода 2019 года в Чувашской Республике институт освобождения от уголовной ответственности с применением судебного штрафа применялся семь раз (анализ статистических данных проводился с начала 2019 по 1 июля 2019 года). Тогда как в 2018 году данный институт применялся восемь раз.

Актуальным остается вопрос реализации данного института на практике и устранение возникающих в связи с этим проблем. В соответствии с этим целью настоящей статьи является изучение особенностей применения судебных штрафов на практике, поиск существующих проблем и путей их решения.

Введенный федеральным законом от 3 июля 2016 года № 323-ФЗ [1] новый институт освобождения от уголовной ответственности в форме судебного штрафа дал благоприятные плоды, создав условия для гуманизации уголовного законодательства и выведения из сферы уголовной ответственности около 300 тысяч человек. Однако при реализации данного института на практике возникает ряд проблем и противоречий.

Во-первых, вследствие схожих оснований применения норм, предусмотренных в диспозициях ст. 75, 76, 76.2 УК РФ,

на практике возникает конкуренция между ними [3. С. 32]. Возникает вопрос, возможно ли применение судебного штрафа, если виновное лицо фактически осуществило действия, направленные на восстановление нарушенных прав потерпевшего и возмещение ущерба (ст. 75 УК РФ), либо если потерпевший примирился с виновным (ст. 76 УК РФ).

На наш взгляд, для предупреждения возникновения конкуренции норм ст. 75, 76, 76.2 УК РФ представляется возможным применять ст. 76.2 во всех случаях, за исключением тех уголовных дел, где предусмотрены общие правила, указанные в ст. 75 и 76 УК РФ.

В целях устранения данной проблемы целесообразно более четко разграничить предметы ведения данных институтов освобождения от уголовной ответственности в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Во-вторых, ввиду того, что прекращение уголовного дела или уголовного преследования с применением судебного штрафа является нереабилитирующим основанием, обязательным условием применения данной меры является согласие нарушителя. При этом согласие потерпевшего на прекращение уголовного дела учитывается не всегда [6. С. 440]. На наш взгляд, данный подход противоречит принципу равенства всех перед законом и судом, закрепленному в ст. 19 Конституции Российской Федерации. Потерпевший является одним из основных участников судебного разбирательства, имеет определенные права, одним из которых является право поддерживать обвинение.

Аналогичного мнения придерживается и судебная практика. Так, при прекращении уголовного дела Московским районным судом города Чебоксары Чувашской Республики по ч. 2 ст. 159 УК РФ с применением меры уголовно-правового характера в форме судебного штрафа суд учитывал согласие как подсудимого Б., так и потерпевших [5. С. 406].

Мы считаем, что данный подход следует закрепить на законодательном уровне, внося дополнения в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство России. На основании этого в диспозицию ст. 25.1 УПК РФ необходимо внести поправки, дополнив ее п. 1.1 и изложив в следующей редакции: «Прекращение уголовного дела или уголовного преследования в связи

с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа допускается при согласии на это подозреваемого (обвиняемого, подсудимого) и потерпевшего». Закрепление данного положения, на наш взгляд, обеспечит защиту интересов всех сторон судебного разбирательства.

В-третьих, актуальной является проблема определения размера судебного штрафа, подлежащего взысканию за преступление небольшой и средней тяжести. В соответствии со ст. 104.5 УК РФ: «размер судебного штрафа не может превышать половину максимального размера штрафа, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса. В случае, если штраф не предусмотрен соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса, размер судебного штрафа не может быть более двухсот пятидесяти тысяч рублей». При этом законодателем не предусмотрен минимальный судебный штраф. Судья сам должен определить такой штраф исходя из сложившего внутреннего убеждения. Субъективный судейский подход при установлении размеров судебного штрафа препятствует единообразному разрешению уголовных дел по аналогичным категориям дел. Здесь налицо нарушение принципа справедливого наказания, так как за практически одинаковые преступления по степени тяжести наказание может быть в виде различных сумм штрафа.

Сложившаяся ситуация наглядно подтверждается примерами судебной практики. Так, Мариинско-Посадским районным судом Чувашской Республики и Кировским районным судом г. Казани Республики Татарстан были рассмотрены уголовные дела по п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ. В первом случае подсудимым П. была осуществлена кража в сумме 4000 руб., а во втором случае гражданин С. осуществил кражу на общую сумму 6319 руб. Хотя разница в сумме похищенного имущества составляет 2319 руб., однако в первом случае общий размер судебного штрафа был назначен судом в размере 10000 руб., а во втором – 20000 руб., что в 2 раза больше, чем в первом [4. С. 361]. Ключевым здесь является субъективный судейский фактор, на основании которого происходит такая большая разница в назначаемых размерах штрафов по аналогичным делам.

На основании изложенного в целях минимизации субъективного фактора при исчислении сумм судебного штрафа, на наш взгляд, в диспозиции ст. 104.5 УК РФ следует предусмотреть не только максимальный размер судебного штрафа, но и минимальный размер. В диспозицию ст. 104.5 УК РФ необходимо внести поправки, дополнив ее п. 1.1 и изложив в следующей редакции: «минимальный размер судебного штрафа не может быть ниже 2500 рублей за преступления небольшой тяжести, а за преступления средней тяжести не ниже 5000 (тысяч) рублей». Данная поправка будет способствовать более справедливому исчислению общих размеров назначаемых судебных штрафов.

Кроме того, при определении размеров судебного штрафа суды Российской Федерации должны руководствоваться следующими целями:

- 1) восстановление нарушенных прав;
- 2) предотвращение совершения аналогичных преступлений в будущем и склонение к соблюдению надлежащей осторожности;
- 3) лишение имущественной выгоды, полученной в результате преступных действий.

В-четвертых, вызывает вопросы положение законодательства о самостоятельности определения судами сроков оплаты судебных штрафов с учетом материального положения виновного лица и его семьи. Возникает вопрос, к чему такая свобода действий для судей? Кроме того, основания самостоятельного определения судами сроков оплаты взысканий весьма неопределенны.

Если обратиться к зарубежному опыту, то там законодательство предусматривает строгий период, в течение которого необходимо уплатить штраф. К примеру, срок уплаты штрафа по соглашению во Франции не может превышать одного года (ст. 41-2 Уголовно-процессуального кодекса Франции 1958 г.). В Бельгии установлен срок уплаты денежных взысканий от двух недель до трех месяцев (ст. 216-bis Кодекса уголовного следствия Бельгии 1808 г.). При этом в отечественном законодательстве четкие сроки уплаты судебных штрафов вовсе не определены.

Учитывая вышесказанное, мы считаем необходимым предусмотреть в отечественном законодательстве строгие временные рамки уплаты судебных штрафов. Исходя из анализа судебной практики по делам, связанным с применением меры уголовно-правового характера в форме судебного штрафа, мы считаем, что оптимальным сроком будет являться период от 10 дней со дня вступления судебного решения в законную силу до шести месяцев.

Таким образом, реализация института освобождения от уголовной ответственности в форме судебного штрафа за последние годы показала свою эффективность. При этом на практике возникают некоторые проблемные вопросы. Полагаем, что незамедлительное разрешение выявленных проблем с учетом вышеперечисленных предложений и рекомендаций по их устранению позволит повысить эффективность данного института при прекращении уголовных дел небольшой и средней тяжести.

Таким образом, судебный штраф как новый вид уголовного наказания выступает эффективной мерой борьбы с преступлениями небольшой и средней тяжести и незамедлительное разрешение выявленных проблем с учетом вышеперечисленных предложений и рекомендаций по их устранению позволит повысить эффективность меры борьбы с преступностью.

Литература

1. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности: федер. закон от 03.07.2016 № 323-ФЗ // Рос. газета. 2016. № 149.

2. Данные судебной статистики [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5081> (дата обращения: 16.02.2020).

3. Корнеева О.В., Зиновьева Л.Г. Общественная безопасность современной России и международная миграция // Правовые и нравственные аспекты обеспечения безопасности личности и государства на современном этапе политических и экономических санкций: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф.: в 2 ч. Чебоксары, 2016. С. 32–36.

4. Максимов Н.В. О достоинствах и недостатках таблицы А. Бертильона для определения роста преступника по следу обуви // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: сб. материалов XXI Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 2016. С. 361–365.

5. Максимов Н.В., Кузьмин Ю.А. Проблема истины при вероятностном выводе судебной экспертизы // Актуальные проблемы юрид. науки и право-

применит. практики: сб. материалов 4-й Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2014. С. 406–409.

6. Максимов Н.В., Маркелов А.Г., Саливаров В.Я. Некоторые проблемы соблюдения прав и законных интересов потерпевшего в компромиссных процедурах уголовного судопроизводства России // Трансформация социальных систем: проблемы и поиски путей решения: сб. науч. тр. по материалам всерос. науч.-практ. конф. (с междунар. участием). Ковылкино, 2017. С. 440–442.

АНТИКОРРУПЦИОННАЯ ПОЛИТИКА: ОПЫТ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Ж.С. Васильева, канд. ист. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова», г. Чебоксары

Д.И. Данилов, ст. оперуполномоченный по особо важным делам
Управления экономической безопасности и противодействия
коррупции УМВД России по Ямало-Ненецкому автономному округу

Аннотация. Представлен опыт ряда зарубежных государств в реализации мероприятий по противодействию коррупции. Делается вывод о том, что наиболее оптимальными формами и методами противодействия коррупции в системе государственного управления являются открытость и гласность процесса принятия решений государственными служащими, конкуренция политических партий, независимость и ответственность средств массовой информации при освещении деятельности органов государства.

Ключевые слова: противодействие коррупции, государственные служащие, коррупция, государственный орган, коррупционные правонарушения.

ANTI-CORRUPTION POLICY: EXPERIENCE OF FOREIGN COUNTRIES

J.S. Vasilieva, D.I. Danilov

Abstract. Experience of a number of the foreign states in realization of actions for anti-corruption is given in article. The conclusion that the most optimum forms and methods of anti-corruption in the system of public administration are the openness and publicity of decision-making process by public servants, the competition of political parties, independence and responsibility of mass media when lighting activity of bodies of the state is drawn.

Keywords: anti-corruption, public servants, corruption, public authority, corruption offenses.

Противодействие коррупции – ключевое направление государственной политики и элемент системы обеспечения нацио-

нальной безопасности. В настоящее время в России создана действенная нормативная правовая база в сфере противодействия коррупционным проявлениям. В то же время достигнутые результаты не позволяют говорить о завершенности процесса формирования правовых механизмов противодействия коррупции в различных сферах государственного управления. Согласно статистическим данным Генпрокуратуры России за январь – август 2019 г., количество зарегистрированных преступлений коррупционной направленности выросло на 3,6%. При этом существенно увеличилось количество зарегистрированных преступлений, связанных с дачей взятки (на 35,4%, или на 605 преступлений) и посредничеством во взяточничестве (46,4%, или на 326 преступлений) [5]. По данным МВД России, за восемь месяцев 2019 г. правоохранительные органы выявили 18,4 тыс. коррупционных преступлений, суммарный ущерб от которых превысил 100 млрд рублей [2]. Учитывая высокую латентность такого рода коррупционных преступлений, подобные скачки в статистических показателях позволяют говорить о конкретных результатах усиленной работы всех правоохранительных органов по выявлению преступлений, связанных с дачей взятки и посредничеством во взяточничестве.

Об эффективности системы мер по противодействию коррупции также можно судить по степени удовлетворенности граждан реализуемой внутренней политикой. Так, в декабре 2017 г. положительно оценивали результаты 43% населения, декабре 2018 г. – 28%, декабре 2019 г. – 27%, феврале 2020 г. – 31% [3]. Достигнутые результаты, с одной стороны, подтверждают последовательность действий органов власти и управления в предупреждении и пресечении коррупционных правонарушений, с другой – недоверие граждан к государственным институтам свидетельствует о необходимости изучения опыта зарубежных стран в указанной сфере.

Дания, Новая Зеландия и Финляндия возглавляют тройку государств, в которых реализуется наиболее эффективная антикоррупционная политика. Далее следуют Германия – 9-е место, Великобритания – 15-е место [4].

В Финляндии низкому уровню коррупции в органах государственной власти и управления способствуют: наличие разви-

тых институтов гражданского общества, в том числе СМИ, и механизмов рыночной экономики; открытость и гласность процесса принятия решений должностными лицами; политическая, финансовая и кадровая независимость системы правосудия от исполнительной власти, действительная гарантия защиты лиц, оказавших содействие компетентным органам в борьбе с коррупцией; эффективная организация государственного аппарата, характеризующегося компактностью, малой степенью бюрократизации, отсутствием кастовости; система внутреннего и внешнего мониторинга деятельности должностных лиц; достойный уровень материального обеспечения государственных служащих, гарантии правовой и социальной защиты; морально-психологический настрой общества и всего корпуса должностных лиц на неприятие коррупции [3. С. 3].

Согласно Закону «О государственных служащих» в Финляндии аналогично нормам подп. 6 п. 1 ст. 17 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (далее – Закон № 79-ФЗ) чиновникам запрещается получать вознаграждение в связи с исполнением должностных обязанностей, пользоваться услугами развлекательного характера за счет заинтересованных лиц, на прохождение дел которых они могут оказать влияние. Высшие должностные лица страны (в том числе члены правительства и депутаты парламента) обязаны периодически предоставлять декларации о своих доходах и их источниках, которые обычно предаются публичной огласке [1. С. 4].

За совершение коррупционных преступлений уголовное законодательство Финляндии предусматривает возможность применения к должностным лицам органов государственной власти и управления основных (штраф, лишение свободы) и дополнительных наказаний (освобождение от занимаемой должности, запрет занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью).

Предупреждение и пресечение коррупции в системе государственной службы в Великобритании осуществляется на основе принципов бескорыстия, принципиальности, подотчетности, открытости, честности и лидерства, которые легли в основу

стандартов поведения в публичной политике и этических кодексов поведения государственных служащих.

В Федеративной Республике Германии система мер противодействия коррупции регламентируется Законом «О борьбе с коррупцией» (1997), которым предусматривается система жестких антикоррупционных стандартов поведения государственных служащих: запрет заниматься иной оплачиваемой деятельностью без предварительного разрешения служебной инстанции, ответственность за недеklarирование получаемых доходов и подарков, ротация (один раз в пять лет), персональная ответственность за правомерность своих действий по исполнению служебных обязанностей. Обязанностью государственного служащего является исполнение служебных обязанностей беспристрастно и справедливо на благо всего общества. Замещение должностей государственной службы осуществляется после проведения мероприятий по профессиональному психологическому отбору. Особые требования предъявляются к охране служебной тайны: сведения, ставшие известными государственному служащему при исполнении возложенных на него обязанностей, не могут быть разглашены без специального разрешения, даже в суде. Немецкий правопорядок в сфере государственных служб предполагает осуществление постоянного мониторинга, направленного на выявление и актуализацию перечня должностей, замещение которых связано с коррупционными рисками.

В Германии для осуществления иных видов деятельности государственный служащий должен получить предварительное разрешение высшей служебной инстанции. В отличие от российской правовой системы (п. 2 ст. 15 Закона № 79-ФЗ), для осуществления научной и исследовательской деятельности получение подобного разрешения не требуется. Аналогично требованиям подп. 3, 3.1 п. 1 ст. 16 Закона № 79-ФЗ для немецкого государственного служащего установлен запрет на осуществление какой-либо предпринимательской деятельности лично или через доверенных лиц, в том числе участие в деятельности правлений, наблюдательного совета или в ином органе общества, товарищества или предприятия любой другой правовой формы. В Германии для служащих федеральным правительством устанавливается предельный размер вознаграждения, которое они могут получить

в календарном году за осуществление иной работы помимо службы, и порядок его исчисления [1. С. 8].

Имеются различия в условиях заключения трудового договора с бывшими государственными служащими в России и Германии. Согласно абз. 1 ст. 64.1 ТК РФ граждане, замещавшие должности государственной или муниципальной службы, в течение двух лет после увольнения с государственной или муниципальной службы имеют право замещать должности в организациях, если отдельные функции государственного управления данными организациями входили в должностные (служебные) обязанности государственного или муниципального служащего, только с согласия соответствующей комиссии по соблюдению требований к служебному поведению государственных или муниципальных служащих и урегулированию конфликта интересов. В Германии аналогичное требование сохраняется в течение пяти лет. В случае наличия опасений о возможности причинения ущерба интересам службы высшая служебная инстанция может запретить такую трудовую деятельность на пять лет с момента прекращения служебных правоотношений. Повышенные требования и ограничения, связанные с государственной службой, компенсируются в Германии соответствующим государственным жалованием и другими выплатами, гарантиями, обеспечивающими стабильность рабочего места и продвижение по службе, а также достойный уровень жизни.

Предупреждение и пресечение коррупции в органах государственной власти и управления направлено на создание эффективно функционирующего государственного механизма, позволяющего обеспечить гарантированность прав, свобод и законных интересов граждан и организаций. В то же время рассмотренный нами опыт антикоррупционной политики зарубежных государств подтверждает тезис о том, что ее эффективность зависит не только от детального регламентирования служебной деятельности государственных служащих, установления требований к уровню их компетентности и профессионализма, персональной ответственности за исполнение возложенных обязанностей, предоставления им соответствующего уровня гарантий правовой и социальной защиты, но и наличия развитых институтов гражданского общества. В России многие из приве-

денных механизмов противодействия коррупции и выявления коррупционных рисков также законодательно закреплены и активно реализуются.

Таким образом, оптимальными формами и методами противодействия коррупции в системе государственного управления являются открытость и гласность процесса принятия решений должностными лицами, конкуренция политических партий, независимость и ответственность средств массовой информации при освещении деятельности органов государства.

Литература

1. Антикоррупционная политика зарубежных стран / под ред. П.А. Важева. Вып. 4. М., 2018. 20 с.
2. В МВД раскрыли статистику коррупционных преступлений // ИЗВЕСТИЯ: офиц. интернет-портал. URL: <https://iz.ru/944323/2019-11-18/v-mvd-raskryli-statistiku-korruptcionnykh-prestuplenii> (дата обращения: 16.03.2020)
3. Оценка властей // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ): офиц. интернет-портал. URL: <https://wciom.ru/news/ratings/osenka-vlastej/> (дата обращения: 16.03.2020).
4. Рейтинг стран мира по уровню восприятия коррупции. Гуманитарная энциклопедия: Исследования // Центр гуманитарных технологий, 2006–2020 (ред.: 08.02.2020). URL: <https://gtmarket.ru/ratings/corruption-perceptions-index/info> (дата обращения: 16.03.2020)
5. Статистические данные о зарегистрированных преступлениях на территории Российской Федерации в январе – августе 2019 года // Генеральная прокуратура Российской Федерации: офиц. интернет-портал. URL: <https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1703326/> (дата обращения: 16.03.2020).

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА РАЗГЛАШЕНИЕ ИНФОРМАЦИИ, СОСТАВЛЯЮЩЕЙ КОММЕРЧЕСКУЮ ТАЙНУ

Н.Г. Васильева, магистрант
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет
имени И.Н. Ульянова», г. Чебоксары

Аннотация. Проведен анализ правовых норм, регулирующих институт коммерческой тайны в Российской Федерации. Рассмотрены отдельные вопросы привлечения к различным видам юридической ответственности работника за разглашение коммерческой тайны и выявлены актуальные проблемы в изучаемой сфере.

Ключевые слова: коммерческая тайна, разглашение коммерческой тайны, трудовые отношения, дисциплинарная ответственность, гражданско-

правовая ответственность, уголовная ответственность, административная ответственность.

RESPONSIBILITY FOR THE DISCLOSURE OF TRADE SECRET INFORMATION

N.G. Vasilyeva

Abstract. The author analyzes the legal norms governing of trade secret institution in the Russian Federation. Discusses certain issues of bringing an employee to various types of legal responsibility for the trade secret disclosure, and identifies current problems in the studied field.

Keywords: trade secret, disclosure of trade secret, employer-employee relationship, disciplinary responsibility, civil liability, criminal liability, administrative liability.

Разглашение информации, составляющей коммерческую тайну, может оказать негативное воздействие на корпоративные интересы, а также привести к конфликтам как внутри компании, так и за её пределами, в связи с чем проблема сохранения конфиденциальной информации представляется достаточно актуальной.

В настоящее время определение рассматриваемого правового института содержится в Федеральном законе Российской Федерации «О коммерческой тайне» (далее – Закон о коммерческой тайне), где коммерческая тайна определяется как режим конфиденциальности информации, позволяющий ее обладателю при существующих или возможных обстоятельствах увеличить доходы, избежать неоправданных расходов, сохранить положение на рынке товаров, работ, услуг или получить иную коммерческую выгоду [5; 9. С. 80].

За нарушение требований Закона о коммерческой тайне российским законодательством предусмотрена дисциплинарная, гражданско-правовая, административная и уголовная ответственность. При этом, независимо от вида ответственности, который будет применяться к работнику, на работодателя ложится бремя доказывания факта разглашения коммерческой тайны.

На основании п. 2 ст. 14 указанного закона, если работник, который имеет доступ к информации конфиденциального характера, её разглашает, но в его действиях отсутствуют основания состава преступления, то он подлежит привлечению к дис-

циплинарной ответственности. В качестве одной из эффективных мер дисциплинарной ответственности можно выделить прекращение трудового договора в соответствии с Трудовым кодексом Российской Федерации [3]. Условия прекращения трудового договора по данному основанию определены в п. 43 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» [6].

Вступление в законную силу части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) стало предпосылкой для развития нового этапа в процессе совершенствования законодательства о коммерческой тайне, где секреты производства (ноу-хау) были признаны объектом интеллектуальной собственности. Так, например, ст. 1467 ГК РФ устанавливает условие действительности исключительного права на секрет производства: его содержание должно составлять конфиденциальность сведений. Но ни в Законе о коммерческой тайне, ни в ГК РФ не содержится оснований для признания конфиденциальности утраченной. И тут возникает проблемный аспект, является ли факт оглашения нюансов производства принципом, по которому конфиденциальную информацию можно считать утраченной. В настоящее время, когда секреты производства представляют собой объект интеллектуальной собственности, их охрана напрямую зависит от сохранности конфиденциальности сведений, относящихся к секретам производства. Причина, по которой исключительное право на охрану этой информации может быть прекращено, – это любое разглашение либо единичное упоминание сведений, составляющих коммерческую тайну. Таким образом, правоприменитель постоянно сталкивается с проблемой в отношении прекращения действия исключительного права на секреты производства, что требует разработки норм права для защиты интересов различных субъектов правоотношений в сфере регулирования коммерческой тайны.

Ответственность за разглашение коммерческой тайны специальными нормами гражданского законодательства Российской Федерации не предусмотрена. Однако, исходя из общих норм гражданского законодательства, обладатель информации, которая составляет коммерческую тайну, за ее разглашение без

его согласия может требовать полного возмещения причиненных ему убытков, если законом или договором не предусмотрено возмещение убытков в меньшем размере; а в случае, если в результате разглашения информации, составляющей коммерческую тайну, были получены доходы, обладатель такой информации вправе требовать возмещения наряду с другими убытками упущенной выгоды в размере не меньшем, чем такие доходы [1].

При этом положения данной нормы возлагают на контрагента организации, заключившего гражданско-правовой договор, такую же ответственность, как и на работника за разглашение коммерческой или служебной тайны в нарушение положений трудового договора [8. С. 119]. Данная ситуация также возможна в рамках аудиторских проверок, судебных производств и т.д. В любых случаях, когда к конфиденциальным сведениям появляется доступ у третьих лиц, на них возлагается ответственность по неразглашению данных (при условии, что они были проинформированы о том, что эти данные являются коммерческой тайной). В случае распространения данной информации третьими лицами, в судебном порядке можно возместить ущерб либо упущенную выгоду. Кроме того, возможно предъявление иска с целью возврата неосновательного обогащения с взысканием суммы, которую партнер получил за передачу данной информации. Но в суде сумму ущерба для компании предстоит еще доказать.

При этом также возникает проблемный аспект, касающийся различных подходов к определению терминов «убытки» и «ущерб» законодательством Российской Федерации, а именно: Закон о коммерческой тайне в отдельных случаях использует понятия «ущерб» и «убытки» как равносильные, а в других случаях говорит об «ущербе» как о части «убытков».

Важным представляется рассмотрение мер административной ответственности за разглашение коммерческой тайны. Так, КоАП РФ за «разглашение информации, доступ к которой ограничен федеральным законом (за исключением случаев, если разглашение такой информации влечет уголовную ответственность), лицом, получившим доступ к такой информации в связи с исполнением служебных или профессиональных обязанно-

стей», предусматривает санкцию в виде административного штрафа [2].

Одним из самых эффективных механизмов в сфере ответственности за нарушение коммерческой тайны является первоначальное возбуждение уголовного дела по ст. 183 Уголовного кодекса Российской Федерации [4]. Так, в приговоре Кировского районного суда г. Астрахани (Астраханской области) от 1 ноября 2017 г. по делу № 5-1036/2017 указывается, что противозаконное разглашение сведений, составляющих коммерческую тайну, а также её использование без согласия владельца лицом, которое в силу своих служебных полномочий знало о коммерческом характере данной информации, – наказывается штрафом с лишением права заниматься определенной деятельностью, исправительными или принудительными работами либо лишением свободы [7]. С работником был заключен трудовой договор, в соответствии с которым он был обязан соблюдать коммерческую тайну, в связи с разглашением которой был привлечен к уголовной ответственности по ч. 2. ст. 183 УК РФ. В дальнейшем это стало основанием привлечения его к дисциплинарной ответственности, а именно увольнение по нормам ТК РФ.

В заключение хотелось бы отметить, что осуществить защиту нарушенных прав владельца коммерческой тайны и непосредственно самой организации возможно лишь в результате детального процесса доказывания факта разглашения конфиденциальной информации. В ходе анализа вопроса о надлежащей реализации защиты права субъекта предпринимательской деятельности на коммерческую тайну выявлены проблемы в механизме привлечения к ответственности за незаконное разглашение сведений, относящихся к данному виду информации, что свидетельствует о необходимости дальнейшей регламентации и совершенствования действующего законодательства.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. 4 от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 18.07.2019) [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 01.03.2020) [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661.

3. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 16.12.2019) [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683.

4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 18.02.2020) [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699.

5. О коммерческой тайне: федер. закон от 29.07.2004 № 98-ФЗ (ред. от 18.04.2018) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48699.

6. О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации: Пост. Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17.03.2004 (ред. от 24.11.2015) [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_47257.

7. Решение Кировского районного суда г. Астрахани (Астраханской области) от 01.11.2017 по делу № 5-1036/2017 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://kirovsky.ast.sudrf.ru>.

8. Волков Д.К., Изоркин А.С., Иванова Е.В. Проблемы гражданско-правовых средств защиты прав потребителей банковских услуг // Сборник научных трудов молодых ученых и специалистов: в 2 ч. Чебоксары, 2019. С. 117–122.

9. Нечаева Е.В., Латыпова Э.Ю., Гильманов Э.М. Посвяательства на цифровую информацию: современное состояние проблемы // Человек: преступление и наказание. 2019. Т. 27, № 1. С. 80–86.

О ПРЕДМЕТЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ: ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ПОДХОДЫ

О.М. Васильева, канд. социол. наук, доцент

И.Ф. Минхаирова, студент

ЧОУ ВО «Казанский инновационный университет

имени В.Г. Тимирязова (ИЭУП)», г. Казань

Аннотация. Авторы, поднимая проблемы правового регулирования уголовной ответственности за коррупцию, исследуют вопросы предмета преступлений коррупционной направленности. Рассматривают отечественные подходы и зарубежный опыт, приводя положительные примеры зарубежного законодательства, устанавливающего ответственность за коррупционные деяния, когда предметом коррупционных преступлений являются не только имущественные, но и неимущественные блага. При подведении итогов исследования делается вывод о том, что в российское уголовное законодательство необходимо включить такой предмет коррупционных преступлений, как получение нематериальных преимуществ (привилегий).

Ключевые слова: коррупция, материальные и нематериальные блага, взятка, коммерческий подкуп, уголовная ответственность.

OF THE SUBJECT OF CRIMES CORRUPTION DIRECTION: DOMESTIC AND FOREIGN APPROACHES

O.M. Vasilieva, I.F. Minkhairova

Abstract. The author, raising the problems of legal regulation of criminal liability for corruption, explores the subject of corruption crimes. It considers domestic approaches and foreign experience, citing positive examples of foreign legislation establishing liability for corruption acts, when the subject of corruption crimes is not only property, but also non-property benefits. When summarizing the study, it is concluded that the subject of corruption crimes, such as obtaining intangible benefits (privileges), must be included in the Russian criminal law.

Keywords: corruption, tangible and intangible benefits, bribe, commercial bribery, criminal liability.

Коррупция как социальное явление является бедствием многих государств, и, к сожалению, Россия здесь не является исключением [5. С. 318]. В механизме противодействия коррупции важное место занимает право [10. С. 111], которое все время продолжает совершенствоваться. Анализируя процессы, происходящие в сфере уголовного законодательства, можно резюмировать, что работа в данной области имеет положительный, неисчерпаемый потенциал. Обратимся к отдельным проблемам российских уголовно-правовых норм, которые определяют уголовную ответственность за коррупционные преступления. Необходимость исследования вызвана различными причинами, к которым можно отнести, с одной стороны, опасность усиления коррупции для развития общества и экономики государства, с другой – законность применения установленной действующим уголовным правом ответственности и правильность ее понимания любым субъектом [11. С. 50; 7. С. 14].

Анализ данных норм приводит к выводу, что действующий в России уголовный закон относит к предмету взятки либо коммерческого подкупа только материальные блага [16]. Согласно п. 9 постановления Пленума Верховного Совета Российской Федерации 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» имущество, которое было передано в качестве взятки либо предмета коммерческого подкупа, оказанные услуги имущественного характера или предоставленные имущественные права обязатель-

но должны получить денежное выражение [12]. Тогда мы приходим к мысли, что взятка либо коммерческий подкуп не могут быть квалифицированы в действиях, связанных с попустительством, движением по карьерной лестнице, увеличением заработка, решением вопроса об устройстве на выгодную работу (должность), позитивных отзывах и иных неимущественных благах.

На страсбургском пленарном заседании, проведенном странами-участниками ГРЕКО (Группа стран по противодействию коррупционным проявлениям) в 2016 г. при обсуждении вопроса о криминализации коррупционных деяний по Российской Федерации предлагалось, применительно к нашей стране, понимать взяточничество во всех формах полученных привилегий, приобретаемых в материальной и нематериальной форме [13].

Обсуждаемые действия обладают равнозначной степенью социальной угрозы, что и взяточничество, у которого, как мы отмечали выше, одна цель – получение материальной выгоды. Предметом взяточничества выступает имущественная выгода, что подразумевает вывод о равнозначности объекта преступления и вреда, причиненного интересам государства.

По итогам проведенного социального опроса россиян, самым популярным коррупционным проявлением считается взяточничество (45% опрошенных) и «блат» (33%) [14]. Под «блатом» необходимо понимать услуги, оказываемые, например, должностным лицом, пользующимся своим правовым статусом без личного интереса. Распространенность в современном обществе рассматриваемых фактов косвенно подтверждает наличие коррупциогенных деяний и их значимой социальной угрозы. Понимание сути этого явления как «рука руку моет» для нас не ново, так как имеет место в небольших населенных пунктах, где в условиях компактного проживания население тесно знакомо и в необходимых случаях каждый не применит воспользоваться таким знакомством в личном интересе. Мы уже не говорим о возможностях проживающих в таких местностях, так называемой элитарной прослойке, воспроизводящей клан и использующей в личных целях свои возможности по незаконному приобретению материальных благ, основанному на известном в России положении – «ты – мне, я – тебе».

Интересен подход европейских парламентариев к предмету взяточничества, который отличен от взглядов российских коллег. Так, в положениях Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию [9], по сравнению с действующим отечественным уголовным законом, при определении предмета взяточничества используется термин «неправомерное преимущество», которое, в свою очередь, не ограничено лишь материальными благами.

Для отдельных зарубежных правопорядков не первый год характерно привлечение к уголовной ответственности субъектов, незаконно вознаграждаемых путем приобретения ими нематериальных благ. Согласно английскому антикоррупционному законодательству, применяющемуся еще с конца XIX века, в качестве предмета взятки выступает любое вознаграждение, презент, деньги и ценные бумаги, имущество, поощрение, услуги имущественного характера, а также нематериальные блага, выражающиеся в отдельных преимуществах [15. С. 359]. Британская судебная система толкует указанные преимущества в виде различных неимущественных благ, например, связанных с повышением в звании, должности, голосов выборщиков, единства, поддержки, соглашения и пр. Канадский уголовный закон любое противоправное вознаграждение определяет как взяточничество. Как утверждают сами канадцы, коррупции в Канаде не существует вообще. Это связано с тем, что канадцы очень законопослушны, полиция неподкупна, а наказания за такие противозаконные действия очень строгие. Правопорядку ФРГ предмет взятки представляется в виде материальных и нематериальных благ. Французы взяточничество видят в дарах, обещаниях, подношениях и привилегиях [6. С. 110].

Опыт европейских стран в части определения предмета взятки как не только незаконно приобретаемых материальных благ, но и нематериальных преимуществ, нецениваемых в денежном эквиваленте, по сути, говорит о необходимости учесть его и в отечественном уголовном законе.

Поэтому и непонятно, почему российский законодатель до сих пор не решился криминализировать незаконное приобретение нематериальных преимуществ? Можно, конечно, высказать предположения, например, по причине сомнений в созда-

нии ситуации повторения частых ошибок необоснованного применения уголовно-правовых норм и последующих нежелательных для государства и общества последствий в виде реабилитационных процедур [1, 3, 4, 8], о чем пишут отечественные ученые, либо это объясняется наличием коррупционных элементов в рядах самих законотворцев и, соответственно, опасений за самих себя.

Другой немаловажной проблемой является вопрос о криминализации обещаний и предложений, принятии или передаче незаконного вознаграждения. Действия подобного рода обуславливают появление обстоятельств, приводящих к совершению преступных коррупционных деяний. Причем в случае нереализованности по независящим от субъекта обстоятельствам обещания такого рода необходимо рассматривать как деятельность, связанную с приготовлением или получением взятки.

Однако правовые нормы в сфере уголовного законодательства не регулируют действия, связанные с подготовкой к совершению коррупционных деяний небольшой и средней тяжести, ибо уголовная ответственность возможна только за приготовление к тяжким или особо тяжким преступлениям.

Разрешение данного вопроса видится Е.Н. Карабановой в формулировании и установлении нормы уголовной ответственности за предложение, обещание принять или передать незаконное вознаграждение [6. С. 109], что, на наш взгляд, будет справедливой мерой воздействия на коррупцию, следствием нарушения уголовных норм [2. С. 153], позволит формировать у общества правильное понимание этого негативного явления, а также проявится как предупредительный фактор, определяющий строгую уголовную ответственность.

Литература

1. Гаврилюк Р.В. О противоречиях в нормативном регулировании юридической и компенсационной составляющих института реабилитации в российском уголовном процессе // Юрид. мир. 2007. № 6. С. 77–80.
2. Гаврилюк Р.В. Проблемы юридической ответственности // Тенденции и закономерности развития современного российского общества: экономика, политика, социально-культурная и правовая сферы: сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф. (20 апреля 2017 г., Чистополь). Казань, 2017. С. 153–154.
3. Гаврилюк Р.В. Реабилитация в российском уголовном процессе (вопросы теории и практики): дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2008. 189 с.

4. Гаврилюк Р.В. Реабилитация в российском уголовном процессе (вопросы теории и практики): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2008. 33 с.
5. Захарова Е.Ю., Носаненко Г.Ю. Коррупция в медицине: региональный аспект // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2017. Т. 6, № 4 (21). С. 318–320.
6. Карабанова Е.Н. Пробелы российского законодательства, регламентирующего уголовную ответственность за коррупцию // Пробелы в российском законодательстве. 2015. № 5. С. 109–111.
7. Ковтун Н.Н., Гаврилюк Р.В. О юридической и компенсационной составляющих института реабилитации в российском уголовном процессе // Следователь. 2007. № 1. С. 14–17.
8. Ковтун Н.Н., Юнусов А.А. Реабилитация в российском уголовном процессе. Нижнекамск, 2007. 215 с.
9. Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию (заключена в г. Страсбурге 27.01.1999) // СЗ РФ. 2009. № 20. Ст. 2394.
10. Носаненко Г.Ю., Захарова Е.Ю. Борьба с коррупцией: потенциал некоммерческих организаций (по материалам эмпирического исследования в г. Нижнекамске) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8, № 3-1. С. 111–116.
11. Носаненко Г.Ю. О правильном понимании юридической ответственности и ее влиянии на коррупцию // Практика противодействия коррупции: проблемы и достижения: сб. ст. IX Всерос. науч.-практ. конф. (7 декабря 2018 г., Казань). Казань, 2019. С. 48–52.
12. О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях: Пост. Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 (в ред. от 24.12.2019) // Рос. газета. 2013. 12 июля.
13. Предлагаем вашему вниманию второй отчет о выполнении Российской Федерацией рекомендаций группы государств против коррупции (ГРЕКО) по итогам третьего раунда оценки // Сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <https://genproc.gov.ru/anticor/international-cooperation/greco/document-1139028/> (дата обращения: 20.02.2020).
14. Россияне по-прежнему считают взяточничество самой распространённой формой коррупции // [Электрон. ресурс]. Режим доступа: https://www.image-factor.ru/news/research-news/?ELEMENT_ID=1484 (дата обращения: 19.02.2020).
15. Скоробогатов А.В., Носаненко Г.Ю., Краснов А.В. История государства и права зарубежных стран: учебник. Казань, 2015. 668 с.
16. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июля 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 27 декабря 2019 г.) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954; 2019. № 52 (ч. I). Ст. 7818.

ИНСТИТУТ НЕЗАВИСИМЫХ ЭКСПЕРТОВ КАК ЭЛЕМЕНТ АНТИКОРРУПЦИОННОГО МЕХАНИЗМА И ФОРМА ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ

С.Б. Верещак, канд. юрид. наук, доцент

О.А. Иванова, канд. юрид. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет
имени И.Н. Ульянова», г. Чебоксары

Аннотация. Анализируются некоторые теоретические и практические аспекты функционирования правового института независимых экспертов как формы общественного контроля за деятельностью органов власти и элемента антикоррупционного механизма. Обосновывается необходимость системного и комплексного подхода к совершенствованию данного института, формирования системы принципов, закрепления основных прав, обязанностей, ограничений и гарантий независимых экспертов.

Ключевые слова: независимый эксперт, государственная служба, общественный контроль, антикоррупционный механизм.

INSTITUTE OF INDEPENDENT EXPERTS AS AN ELEMENT OF ANTI-CORRUPTION MECHANISM AND FORM OF PUBLIC CONTROL IN THE STATE SYSTEM SERVICES

S.B. Vereshchak, O.A. Ivanova

Abstract. Some theoretical and practical aspects of the functioning of the legal Institute of independent experts as a form of public control over the activities of government bodies and an element of the anti-corruption mechanism are analyzed. The article substantiates the need for a systematic and comprehensive approach to improving this institution, forming a system of principles, securing the basic rights, obligations, restrictions and guarantees of independent experts.

Keywords: independent expert, public service, public control, anti-corruption mechanism.

Федеральный закон «О системе государственной службы Российской Федерации» закрепил в числе основных принципов построения и функционирования системы государственной службы принципы равного доступа граждан к государственной службе, ее открытости, доступности общественному контролю, объективного информирования общества о деятельности государственных служащих. Согласно ст. 3 Федерального закона

от 25.12.2008 № 273-ФЗ противодействие коррупции основывается на принципах публичности и открытости деятельности органов власти, сотрудничества государства с институтами гражданского общества, международными организациями и физическими лицами.

Служебное законодательство закрепило требование об участии независимых экспертов в составе конкурсных, аттестационных, а затем и комиссий по соблюдению требований к служебному поведению государственных служащих и урегулированию конфликта интересов. В литературе отмечается, что «работу независимых экспертов в комиссиях можно рассматривать как элемент процесса взаимодействия государства и гражданского общества, как право граждан на участие в государственном управлении» [1, 3]. В Федеральном законе «О службе в органах внутренних дел и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» законодатель развивает принцип взаимодействия государства и институтов гражданского общества, закрепляя положение о привлечении к работе комиссий также членов общественных советов при органах внутренних дел (ОВД), общественных организаций ветеранов ОВД и внутренних войск.

Институт независимых экспертов находится на стадии развития, формирование экспертного сообщества в настоящее время не завершено. В связи с этим обозначим ряд теоретических и практических проблем.

В законодательстве отсутствует нормативное определение понятия «независимый эксперт», не систематизированы нормы в рамках правового института независимых экспертов на государственной службе. Остается не решенным вопрос о соотношении института независимых экспертов с предусмотренными Федеральным законом «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» формами и субъектами общественного контроля.

Не получили нормативного закрепления принципы работы независимых экспертов в составе комиссий государственного органа. Интересным представляется перечень принципов, сформулированных коллективом авторов (П.А. Меркулов, Ю.С. Васютин, О.В. Малахова) [3]. С учетом анализа данного перечня нами

поддерживаются следующие принципы, которые могут получить дальнейшее закрепление и развитие в законодательстве: добровольности участия; профессиональной компетентности; вознаграждения; ответственности.

Полагаем, данный перечень может быть дополнен принципом сочетания гласности и необходимости сохранения охраняемой законом тайны, а также сведений, ставших известными эксперту в связи с исполнением своих обязанностей, в том числе сведений, касающихся частной жизни и здоровья граждан или затрагивающих их честь и достоинство.

Минтрудом подготовлен проект указа Президента Российской Федерации «О совершенствовании процедуры включения независимых экспертов в составы конкурсных и аттестационных комиссий государственных органов». Проект указа предусматривает требование для независимого эксперта иметь высшее образование и опыт работы в соответствующей области профессиональной служебной деятельности не менее пяти лет, наличие ученой степени и (или) ученого звания, если кадровые процедуры проводятся в отношении должностей категории «руководители», максимальный срок пребывания эксперта в соответствующей комиссии – не более двух лет, формирование базы данных о независимых экспертах, углубление экспертной специализации. Данный проект направлен на регламентацию отдельных сторон деятельности независимых экспертов.

Для формирования правового статуса независимого эксперта необходимо законодательное закрепление его основных прав, обязанностей, ограничений и гарантий. Актуальность этого вопроса обусловлена, в том числе, нормой о необходимости исключить любую возможность возникновения конфликта интересов при формировании соответствующей комиссии. Также интересно предложение о закреплении в законодательстве права независимого эксперта на особое мнение. Одним из направлений дальнейшего формирования экспертного сообщества может стать профессиональное развитие экспертов.

Таким образом, совершенствование правового института независимых экспертов требует комплексного и системного подхода в целях повышения эффективности общественного контроля, противодействия коррупционным проявлениям

на государственной службе, обеспечения прозрачности деятельности государственных органов и объективности кадровых процедур.

Литература

1. Малахова О.В., Тихомирова О.А. Повышение эффективности государственной гражданской службы на основе формирования системы экспертного сопровождения // Науч. ведомости Белгород. гос. ун-та. Серия: История. Политология. 2018. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/povyshenie-effektivnosti-gosudarstvennoy-grazhdanskoj-sluzhby-na-osnove-formirovaniya-sistemy-ekspertnogo-soprovozhdeniya> (дата обращения: 25.03.2020).

2. Маскалева О.С. Комиссии по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов: формальные требования и фактический состав // Государственное управление. Электрон. вестн. 2016. № 59. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/komissii-po-soblyudeniyu-trebovaniy-k-sluzhebному-povedeniyu-i-uregulirovaniyu-konflikta-interesov-formalnye-trebovaniya-i> (дата обращения: 20.03.2020).

3. Меркулов П.А., Васютин Ю.С., Малахова О.В. Государственная политика реформирования гражданской службы Российской Федерации: потенциал участия независимых экспертов // Среднерус. вестн. обществ. наук. 2017. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-politika-reformirovaniya-grazhdanskoj-sluzhby-rossiyskoj-federatsii-potentsial-uchastiya-nezavisimyh-ekspertov> (дата обращения: 25.03.2020).

4. Миронов В.П. Роль и место независимых экспертов в конкурсной, аттестационной комиссиях, комиссии по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов // Электрон. приложение к Рос. юрид. журн. 2013. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-i-mesto-nezavisimyh-ekspertov-v-konkursnoy-attestatsionnoy-komissiyah-komissii-po-soblyudeniyu-trebovaniy-k-sluzhebному-povedeniyu-i> (дата обращения: 23.03.2020).

5. Плотников А.А. Институт независимых экспертов как форма общественного контроля в системе государственной гражданской службы // ЮП. 2014. № 6 (67). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institut-nezavisimyh-ekspertov-kak-forma-obschestvennoy-kontrolya-v-sisteme-gosudarstvennoy-grazhdanskoj-sluzhby> (дата обращения: 20.03.2020).

**УЧИТЕЛЬ КАК СУБЪЕКТ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ
В СФЕРЕ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Р.М. Викторова, учитель
МБОУ «СОШ № 55», г. Чебоксары

Аннотация. Рассматриваются проблемы повышения правовой культуры молодых избирателей в образовательных учреждениях. Главная роль в правовом просвещении будущих избирателей отводится учителю.

Ключевые слова: избирательный процесс, участник избирательного процесса, образование, правовое сознание.

**TEACHER AS A SUBJECT OF STATE POLICY
IN THE FIELD OF THE ELECTORAL PROCESS
IN THE RUSSIAN FEDERATION**

R.M. Viktorova

Abstract. Discusses the problems of improving the legal culture of young voters in an educational institution. The main role is given to the teacher in the legal education of future voters.

Keywords: election process, participant in the election process, education, legal consciousness.

Всеобщая декларация прав человека, принятая ООН еще в 1947 году, гласит: «Воля народа должна быть основой власти правительства; эта воля должна находить себе выражение в периодических и нефальсифицированных выборах» [2].

Выборы являются одним из высших непосредственных выражений власти и воли народа, основой избираемых органов государственной власти и местного самоуправления, иных органов народного (национального) представительства, выборных должностных лиц.

Обращение к проблеме формирования активных правовых позиций среди учеников видится актуальным. Уровень формирования правовых ориентаций в личностном аспекте оказывает влияние на состояние правовой культуры общества [6. С. 77].

Так, в Постановлении Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 12 марта 2014 года № 221/1429-6

«О молодежной электоральной концепции» [3] говорится, что правовое просвещение необходимо начинать со школьной скамьи. Важная роль в формировании правового сознания молодежи принадлежит образовательным организациям, осуществляющим деятельность по программам начального общего, основного общего и (или) среднего общего образования [5. С. 58]. В первую очередь в школах обучающиеся должны получать основу правовых знаний и навыков в урегулировании конфликтных ситуаций [4. Р. 285; 9. С. 164]. Систематическое правовое просвещение предполагает получение в рамках общественных дисциплин знаний о государственном устройстве страны, истории его развития, системе выборов, правах и обязанностях гражданина.

Кроме того, изучение учебного курса «Избирательное право и избирательный процесс в Российской Федерации» будет способствовать, в частности, повышению последующей электоральной активности молодежи и развитию институтов гражданского общества в целом.

Эффективность и качество работы по воспитанию правовой культуры могут быть достигнуты, если она будет основана на индивидуальном подходе и учете интересов граждан, их возрастных особенностей, социальной принадлежности, наличия навыков электорального поведения [8. С. 25]. В первую очередь это относится к молодежной аудитории, которая должна стать приоритетной группой в работе учителей.

Правовое обучение и повышение правовой культуры молодых избирателей предполагает получение правовых знаний в области избирательного права и законодательства о выборах и референдумах. Эта цель достигается как в результате общего правового просвещения, так и специального обучения избирательному праву. Кроме того, правовое просвещение решает задачу осознанной вовлеченности и участия в избирательном процессе молодых избирателей [6. С. 78].

Итак, проблема участия молодежи в выборах является в настоящее время одной из самых актуальных, ведь именно эта возрастная группа по определению представляет собой наиболее социально активную часть населения. Главная цель, которую должны поставить перед собой учителя школ при организации

мероприятий для этой группы пользователей, – воспитание молодого поколения в духе уважения к закону, формирование в среде будущих избирателей активной жизненной позиции, содействие в преодолении некой политической апатии.

В молодёжной среде лучше применять активные формы, такие как деловые и ситуационные игры, квест-игры, диспуты, дискуссии, конкурсы, фото-конкурсы, круглые столы, уроки правовых знаний и правовой культуры, часы информации. Они развивают мыслительный процесс обучающихся, учат их анализировать, обобщать, сопоставлять события и факты, помогают вырабатывать собственную точку зрения, учат уважать мнение оппонентов [7. С. 5; 10. С. 203; 11. С. 187]. В таких мероприятиях, а это очень важно, будущие избиратели могут высказать свое мнение.

Считаем, что учителя должны привлечь все свои ресурсы для популяризации знаний об избирательном процессе, подчеркивая значимость выборов в судьбе каждого, ответственность при принятии решения, что, несомненно, будет способствовать более серьезному подходу к голосованию, более активному участию молодёжи в выборах. Школа призвана способствовать тому, чтобы будущие молодые избиратели обладали всей необходимой информацией и четко осознавали свою роль в принятии того или иного решения.

Литература

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (в ред. 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Рос. газета. 1993. 25 дек.
2. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Рос. газета. 1995. 5 апр.
3. О Молодежной электоральной концепции: Постановление ЦИК России от 12 марта 2014 г. № 221/1429-6 // Документ опубликован не был.
4. Demidov M., Semenova N., Ivanova E. et al. Student's environmental and legal competence: pedagogical and sociological aspects // 19th International Multi-disciplinary Scientific GeoConference SGEM 2019. Sofia, 2019. P. 281–288.
5. Александрова Л.А., Хураськина Н.В., Мурзакаев В.А. Некоторые проблемы инновационного образования // Актуальные вопросы современной науки: материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. М., 2010. С. 57–58.
6. Гайнетдинова Г.С., Сулейманова М.С. Актуальные проблемы избирательной активности среди молодежи в Российской Федерации // Выборы в

контексте ценностей гражданского общества и правового государства: сб. материалов Нац. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2019. С. 75–79.

7. Захарова А.Н. Методы активизации интеллектуального и творческого потенциала личности: учеб. пособие. Чебоксары, 2012. 60 с.

8. Захарченко О.В., Правовые аспекты выборов в Государственную Думу 1906 г. // Проблемы качества российского законодательства: сб. материалов IV Всерос. науч.-практ. конф. (1 июня 2019 г., Чебоксары). Чебоксары, 2019. С. 25–28.

9. Иванова Е.В., Семенова Н.В., Спиридонова Н.В. Проблемы юридического образования в интересах устойчивого развития в современных условиях // Вестн. Чуваш. гос. пед. ун-та им. И.Я. Яковлева. 2019. № 5 (105). С. 164–172.

10. Семенова Н.В., Иванова В.В., Спиридонова Н.В. Проблемы формирования избирательной культуры обучающихся в современном обществе // Выборы в контексте ценностей гражданского общества и правового государства: сб. материалов Нац. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2019. С. 199–205.

11. Хураськина Н.В. Формирование эколого-правовой компетенции у будущих юристов в контексте устойчивого развития // Вестн. Чуваш. гос. пед. ун-та им. И.Я. Яковлева. 2016. № 3 (91). С. 182–190.

РЕАЛИЗАЦИЯ ЧАСТНОГО ИНТЕРЕСА В РАМКАХ СОВРЕМЕННОГО ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

А.Ю. Волкова, ФГКОУ ВО «Нижегородская академия
Министерства внутренних дел Российской Федерации»,
г. Н. Новгород

Аннотация. Рассмотрена проблема реализации частного интереса в рамках отечественного гражданского общества, институты которого должны принимать активное участие в формировании уголовной политики и одобрять избранный государством курс её развития. Граница между публичными и частными интересами в рамках действующей уголовной политики определена в пользу публичных, что не совсем верно в условиях динамичного развития общественных отношений. Это подтверждает отсутствие должного правового регулирования ситуаций, на которые законодатель должным образом обязан реагировать.

Ключевые слова: уголовное право, частный интерес, согласие лица, гражданское общество.

REALIZATION OF PRIVATE INTEREST WITHIN THE FRAMEWORK OF MODERN CIVIL SOCIETY

A.Yu. Volkova

Abstract. This article is devoted to the realization of private interest within the framework of domestic civil society, whose institutions should take an active part in

the formation of criminal policy and approve the course of its development chosen by the State. The boundary between public and private interests in the current criminal policy is defined in favour of public interests, which is not quite true in the context of the dynamic development of public relations. This confirms the lack of proper legal regulation of situations, but which the legislator is duly obliged to respond to.

Keywords: criminal law, private interest, individual consent, civil society.

Развитие законодательного либерализма и регламентация свобод личности в истории государства Российского связывается с имперскими временами XIX века. Именно тогда начали зарождаться допущения причинения вреда человеку с его согласия или по его просьбе. Заимствование европейских настроений в части свободы волеизъявления личности, её права на самоопределение не находило выражения в реалиях российской законодательной и правоприменительной практики, лишь рассуждения учёных позволяли говорить о возможности появления подобного правового института. Превалирование государства над развитием института гражданского общества определяло направление уголовной политики. Но по мере своего совершенствования и развития гражданское общество становится объединительной, интегрирующей общественные, частные, личностные интересы и потребности системой. И можно сказать, что посредством гражданского общества частные личностные интересы могут воплощаться в законодательное требование.

Согласие лица на претерпевание вреда является одной из форм реализации частного интереса в уголовных правоотношениях, что может признаваться самостоятельным проявлением свободы лица в отношении совершаемых уголовно значимых деяний в собственный адрес. Но сложно дать исчерпывающий перечень сфер общественных отношений, в которых согласие лица на причинение вреда будет играть юридически значимую роль: в медицинской сфере, спортивной деятельности, при осуществлении религиозных обрядов, при разрешении конфликтов в сексуальных отношениях и возникающих в обществе совершенно новых психологических аномалиях, выражающихся, например, в расстройстве гендерной идентичности, добровольном заражении ВИЧ-инфекцией, синдроме неприятия целостности собственного тела и др. И тем труднее определить границы реа-

лизации частного интереса, который потенциально может использовать человек по своему усмотрению. Некоторые советские и современные авторы рассматривали интерес как объективную категорию ввиду его формирования существенными общественными отношениями и всецелого определения внешними по отношению к субъекту условиями [4. С. 6]. Подобная точка зрения определяет многие современные направления реализации согласия на причинение вреда: используя частный интерес, направленность поведения личности указывает на получение реального результата (в зависимости от сферы применения согласия на причинение вреда) посредством использования конкретного социального инструмента, который признается обществом.

В период формирования современного гражданского общества, который связан с постсоветским этапом развития правовых отношений, ярко выделяется становление демократического государства, гуманизация и либерализация общественных отношений. В связи с этим определение границ частного и публичного стало вызывать большую потребность как в законодательной практике, так и в научной среде [2. С. 76]. Самоопределение институтов гражданского общества должно задавать определенный вектор государственной политики.

Принятие государством на себя международных обязательств по охране прав человека и гражданина, их законодательное закрепление в основном законе страны должно было стать отправной точкой в реализации человеком своих прав и частных интересов. Однако патерналистский подход к охране этих прав сохранился и в настоящее время. Но важно отметить, что при разработке проекта Уголовного кодекса Российской Федерации в 1992–1994 гг. коллективом учёных в рамках государственного задания совместно с Государственно-правовым управлением Президента России и Министерством юстиции Российской Федерации в главу 8 было включено согласие лица на причинение вреда в качестве самостоятельного обстоятельства, исключаящего преступность деяния [1. С. 29]. Тем не менее в УК РФ это обстоятельство включено не было. Это подтверждает, что доктринальные положения уголовного права опережают развитие законодательной и правопримени-

тельной практики в вопросах реализации частных интересов личности.

Становление демократического общества и правового государства сталкивается с проявлением государственного патернализма, что исключает проявление лицом своей свободы в отношении совершаемых уголовно значимых деяний в собственный адрес вне зависимости от сферы общественных отношений. В этом ключе можно согласиться с Ю.В. Баулиным, который полагает, что согласие «потерпевшего» не может быть полностью предусмотрено охранительным правом, соответствующие регулятивные акты должны содержать определения правомерного поведения в конкретной сфере общественной жизни [3. С. 73].

В зависимости от сферы реализации лицом частного интереса институты гражданского общества должны проработать механизм его реализации, что в значительной мере обеспечит охрану прав и свобод граждан.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: проект Общей части. М., 1994. С. 29.
2. Бабошина Е.В., Лоба В.Е. Из истории формирования научных взглядов в Российской империи на институт согласия потерпевшего (пострадавшего) на причинение ему вреда // Юрид. вестн. Самар. ун-та. 2018. № 1. С. 76.
3. Баулин Ю.В. Основания, исключаяющие преступность деяния: учеб. пособие. Киев, 1989. 48 с.
4. Мальцев Г.В. Соотношение субъективных прав, обязанностей и интересов советских граждан // Сов. государство и право. 1965. № 10. С. 20.
5. Михайлов С.В. Категория интереса в российском гражданском праве. М., 2002. С. 23.
6. Экимов А.И. Интересы и право в социалистическом обществе. М., 1984. С. 6.

СЕМЕЙНЫЕ ФОРМЫ УСТРОЙСТВА ДЕТЕЙ-СИРОТ И ДЕТЕЙ, ОСТАВИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ, КАК ИНСТИТУТ СОЦИАЛИЗАЦИИ В ГРАЖДАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Ф.В. Габдрахманов, канд. юрид. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет»,
г. Йошкар-Ола

Л.В. Нечаева, социальный педагог
ГБУ РМЭ «Детская республиканская клиническая больница»,
специализированное отделение «Дом ребёнка», г. Йошкар-Ола

О.В. Тимофеева, канд. юрид. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет
имени И.Н. Ульянова», г. Чебоксары

Аннотация. Раскрыты основные тенденции в России по устройству детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. В последние десятилетия рост количества выявленных детей, оставшихся без попечения родителей, сменился снижением их количества и повышением удельного веса детей, обеспечивающихся семейными формами устройства.

Ключевые слова: опека и попечительство; дети-сироты; дети, оставшиеся без попечения родителей; семейные формы устройства; интернатные учреждения; приемная семья; патронатная семья.

FAMILY FORMS OF PLACEMENT OF ORPHANS AND CHILDREN LEFT WITHOUT PARENTAL CARE AS AN INSTITUTION OF SOCIALIZATION IN CIVIL SOCIETY

F.V. Gabdrakhmanov, L.V. Nechaeva, O.V. Timofeeva

Abstract. The article reveals the main trends in Russia for the placement of orphans and children left without parental care. It is concluded that in recent decades, the growth in the number of identified children left without parental care has been replaced by a decrease in their number and an increase in the proportion of children provided with family forms of device.

Keywords: guardianship and guardianship, orphaned children, children left without parental care, family forms of arrangement, residential institutions, foster family, foster family.

Сиротство является своего рода социальным барометром благополучия общества, показателем эффективности деятельности субъектов системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

В конце XX века на пути построения рыночной экономики Россия столкнулась с кризисными явлениями во многих областях жизни. Видный российский ученый-ювеналист В.Д. Ермаков писал, что в новое тысячелетие Россия вступила с «грузом тяжелых экономических, социальных, политических, правовых и иных проблем» [4. С. 98]. О.В. Корнеева и О.Н. Якунина указывали, что самоустранение родителей и педагогов (недостаточное внимание к проблемам ребенка), проблемы и отсутствие у большинства из них жизненного опыта и навыков преодоления стрессовых ситуаций привели к резкому росту злоупотребления несовершеннолетними наркотиков, спиртосодержащих продуктов и стимуляторов [12. С. 121].

В правовом государстве соблюдение прав человека начинается с соблюдения прав ребенка [8. С. 23]. Поэтому дети-сироты должны быть первыми среди тех, кому государство протягивает руку помощи. В этом направлении принят комплекс мер законодательного, исполнительного и судебного характера. Значимость защиты сиротства подчеркивают рассматриваемые в текущем 2020 году поправки в Конституцию Российской Федерации, согласно которым государство, «обеспечивая приоритет семейного воспитания, берет на себя обязанности родителей в отношении детей, оставшихся без попечения» [1].

Международное и российское законодательство признают за ребенком право расти в семейном окружении, право на воспитание в семье, которое обеспечивается органом опеки и попечительства. В обществе говорится о «приоритетной форме семейного устройства детей, оставшихся без попечения родителей» [3. С. 22–25], через него реализуется основополагающие принципы семейного права (ч. 3 ст. 1 СК РФ) [17. С. 170].

В.Д. Ермаков видел проблемы с положением детей-сирот и рассматривал их устройство в детские дома, школы-интернаты в качестве «чрезвычайной и временной меры» [9. С. 129]. На первый взгляд, возможности этих детских организаций гораздо шире. Это и специализированные кадры, и соответствующая материально-техническая база, и уровень финансового обеспечения и др. Тогда в чем причина критического отношения общества к интернатной системе воспитания детей? Е.Ю. Ляхова и М.С. Мельникова в качестве причин называют

«несамостоятельность, невозможность в должной мере адаптироваться к взрослой жизни» [14. С. 258], А.В. Бондаренко и М.Ю. Лукиянов указывают на замкнутость социальной среды [1. С. 295–297]. О.В. Корнеева и В.Г. Тимофеев писали, что впервые в России институт приемной семьи учрежден в Самарской области в 1994 году. Передача детей в семьи... связана с тем, что дети из приемных семей без проблем адаптируются в обществе [13. С. 242]. В результате семейное устройство создает условия для лучшей подготовки воспитанников к самостоятельной жизни. Поэтому не только Россия, но и большинство стран современного мира движутся к постепенному отказу от интернатных учреждений и преимущественному устройству детей, оставшихся без попечения родителей, на воспитание в семьи граждан.

На проблемы социализации детей, необходимости изменения отношения институтов гражданского общества к детям в исследованиях обратила свое внимание А.Н. Нурутдинова (о необходимости изменения отношения институтов гражданского общества и социального окружения к семьям с некровным родством) [16. С. 244–247]. В. А. Иванов важнейшим условием существования свободного общества в России назвал развитую систему социальной поддержки [10. С. 14–17].

Важнейшим показателем гражданского общества является поддержка наименее защищённых слоев населения, в том числе детей-сирот. Статистический анализ численности и устройства сирот в России и отдельных ее субъектах в 1990–2019 годы показывает две разнонаправленные тенденции.

Первая тенденция связана с резким увеличением в 1990-е годы количества детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, что обусловлено переходом на рыночные механизмы хозяйствования. Так, в России с 1992 по 1997 год количество детей в интернатных учреждениях увеличилось более чем в полтора раза. Наблюдался количественный рост интернатных учреждений. Например, только количество детских домов возросло почти в два раза.

По данным Г.Н. Кареловой, на 1 января 2000 года «в России было учтено 636,9 тысяч детей-сирот..., ежегодно в среднем

выявляется свыше 100 тысяч таких детей. Подавляющее большинство их – социальные сироты» [11. С. 367].

В Республике Марий Эл в 1991–2000 годы «число выявленных детей, оставшихся без попечения родителей, увеличилось более чем в 2 раза» [5. С. 616–617, 622], а удельный вес детей, передаваемых в эти годы на воспитание в семьи, снизился с 60% почти до 50%.

Вторая тенденция, которая началась в середине 2000-х годов, характеризуется уменьшением количества выявленных детей-сирот, увеличением удельного веса детей, переданных на семейные формы устройства, снижением количества интернатных учреждений. Это связано с законодательным введением новых форм устройства детей или социальных институтов [18. С. 153]. Субъекты системы профилактики и безнадзорности несовершеннолетних, в том числе органы опеки и попечительства, стали более ориентированными не на лишение родительских прав или отобрание ребенка, направление на воспитание в образовательные организации, а на работу с кровной семьей, поиском замещающих семей.

В Республике Марий Эл с 2005 по 2007 год удельный вес детей-сирот, передаваемых на воспитание в замещающие семьи, возрос с 56% до 64% [5. С. 622]. Изменение структуры устройства детей-сирот можно проследить на примере бывшего Йошкар-Олинского Дома ребенка, который принимает самых маленьких детей, оставшихся без попечения родителей («отказников» и др.) [15. С. 248–254]. В 1990–2007 годы в нем в среднем воспитывалось более 100 детей, в 2017 году – всего 30, сам Дом ребенка стал структурным подразделением детской республиканской клинической больницы.

В России в настоящее время в сравнении с двухтысячными годами выявляется в два раза меньше детей, оставшихся без попечения родителей (менее 50 тысяч). На конец 2019 года состояло на воспитании в семьях всего 399414 опекаемых детей, из них по договору о приемной семье – 163999, патронатной – 277, переданы на безвозмездную форму опеки (попечительства) – 193487 [3].

Таким образом, в Российской Федерации с середины 2000-х годов наблюдается значительное (в два раза) снижение

численности детей, оставшихся без попечения родителей, и в связи с этим количества интернатных учреждений. Произошло структурное изменение форм устройства детей на воспитание. Основной продолжает оставаться опека и попечительство (около половины детей), количество детей, воспитываемых в приемных семьях, приближается к 40%. В России не получила широкого распространения регулируемая региональным законодательством патронатная форма воспитания детей. Помещение, а равно нахождение ребёнка, оставшегося без попечения родителей, в организации для детей-сирот должно носить исключительный характер, допустимый при невозможности передать его на семейные формы устройства.

Предлагается:

1. Министерству просвещения Российской Федерации разработать и утвердить «Примерный план (карту) развития и жизнеустройства ребёнка, оставшегося без попечения родителей».

2. Органам опеки и попечительства повысить эффективность работы по передаче детей на семейные формы устройства, включая и тех, кто уже находится в организации для детей-сирот, активнее использовать передачу ребёнка под предварительную опеку, помещать ребёнка, оставшегося без попечения родителей, в организацию для детей-сирот только при невозможности передать его на семейные формы устройства.

3. Предусмотреть в ст. 70 Семейного кодекса Российской Федерации приоритет в лишении родительских прав за органами опеки и попечительства.

4. Внести дополнение в «Положение о деятельности организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и об устройстве в них детей, оставшихся без попечения родителей» [2], в котором определить порядок передачи ребёнка на самостоятельное воспитание кровными родителям.

Литература

1. О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти: Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=> (дата обращения: 23.03.2020).

2. О деятельности организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и об устройстве в них детей, оставшихся без попечения

родителей: Пост. Правительства Российской Федерации от 24.05.2014 № 481.URL: <https://base.garant.ru/70661542/> (дата обращения: 07.03.2020).

3. Сводные отчеты по форме федерального статистического наблюдения № 103-рик по России в целом и субъектам Российской Федерации за 2019 год. URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/136126e649bb57c304f7d7263eb90445/> (дата обращения: 23.03.2020).

4. Бондаренко А.В., Лукиянов М.Ю. Проблемы социализации детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей в постинтернатный период (социально-правовой аспект) // Евраз. юрид. журн. 2015. № 7 (86). С. 295–297.

5. Глушков В.С., Габдрахманов Ф.В. Право и суд в контексте истории и современности. Йошкар-Ола, 2008. С. 616, 617, 622, 720.

6. Габдрахманов Ф. Защита жилищных прав детей-сирот // Законность. 2008. № 10 (888). С. 22–25.

7. Ермаков В.Д. Обеспечение права граждан на возмещение вреда от экологических правонарушений // Россия в третьем тысячелетии: науч. тр. ИМПЭ им. А.С. Грибоедова. М., 2001. С. 98.

8. Ермаков В.Д. Юстиция обязана защищать права и законные интересы несовершеннолетних // Рос. юстиция. 2000. № 10. С. 23.

9. Ермаков В.Д. Защита прав несовершеннолетних в Российском государстве // Россия на рубеже тысячелетий: сб. тр. преподавателей ИМПЭ им. А.С. Грибоедова. М., 2000. С. 129.

10. Иванов В.А., Смирнова Е.В. Проблемы становления гражданского общества в современной России // Марийск. юрид. вестн. 2017. № 3 (22). С. 14–17.

11. Карелова Г.Н. Проблемы детства и пути их решения в России // Россия в третьем тысячелетии: науч. тр. ИМПЭ им. А.С. Грибоедова. М., 2001. С. 367.

12. Корнеева О.В., Якунина О.Н. Взаимодействие субъектов профилактики по выявлению несовершеннолетних, употребляющих наркотические средства, психотропные вещества и их прекурсоры // Уголовно-правовая превенция в сфере оборота наркотических средств или психотропных веществ, алкогольной и спиртосодержащей продукции (регион. аспект): сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2015. С. 121.

13. Корнеева О.В., Тимофеев В.Г. Охрана и защита прав ребенка в России: учеб.-справ. пособие. Чебоксары, 2007. С. 242.

14. Ляхова Е.Ю., Мельникова М.С. Особенности социальной адаптации студентов из родительских семей и студентов из приемных семей и выпускников интернатных учреждений // Технологии соц. работы в различных сферах жизнедеятельности: материалы Междунар. науч.-практ. конф. М., 2019. С. 258.

15. Нечаева Л.В. Теоретико-практические основания изучения проблемы отказов от новорожденных в регионе // Регионология. 2010. № 4. С. 248–254.

16. Нурутдинова А.Н. Проблемы социальной адаптации приемных семей (на примере семей Казани) // Вестн. экономики, права и социологии. 2012. № 12. С. 244–247.

17. Попова Д.Г. «Несемейная» форма устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в свете реформы семейного законодательства // Вестн. Омск. ун-та. Серия: Право. 2015. № 2 (43). С. 169–175. С. 170.

18. Тарасов Ю.А., Шергунова Е.А., Тарасов А.Ю. Формы семейного устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // Поколение будущего: Взгляд молодых ученых – 2015: сб. науч. ст. 4-й Междунар. молодежной науч. конф.: в 4 т. Курск, 2015. С. 152–155.

АФФИЛИРОВАННОСТЬ В СФЕРЕ ПУБЛИЧНОГО И ЧАСТНОГО ПРАВА КАК ОДИН ИЗ ПРИЗНАКОВ КОРРУПЦИОННОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ

Р.В. Гаврилюк, канд. юрид. наук, доцент

Г.Ю. Носаненко, канд. полит. наук

А.А. Уразов, магистрант

ЧОУ ВО «Казанский инновационный университет
имени В.Г. Тимирязова (ИЭУП)», г. Казань

Аннотация. Рассматривается понятие «аффилированность» – связанность лиц. Подчеркивается, что в силу отсутствия четкого правового регулирования такие отношения дают возможность юридическим лицам использовать в своей деятельности неправовые практики.

В публично-правовых отношениях аффилированность рассматривается через призму конфликта интересов. В этом случае чаще всего речь идет о скрытой аффилированности. Несмотря на детальную регламентацию вопроса о том, как должны себя вести чиновники при конфликте интересов, он все еще нуждается в совершенствовании.

В частно-правовых отношениях аффилированность влияет на предпринимательские отношения, с одной стороны, способствуя развитию наиболее рискованных сфер предпринимательства, с другой – позволяя предпринимателям уходить от личной ответственности, прячась за «корпоративную вуаль».

Ключевые слова: аффилиация, скрытая аффилиация, корпоративная вуаль, конфликт интересов, коррупция, антикоррупционное законодательство.

AFFILIATION IN THE SPHERE OF PUBLIC AND PRIVATE LAW AS ONE OF THE SIGNS OF CORRUPTION

R. V. Gavriilyuk, G. Yu. Nosanenko, A. A. Urazov

Abstract. Deals with the concept of «affiliation» – the connection of persons. It is emphasized that due to the lack of clear legal regulation, such relations allow legal entities to use illegal practices in their activities.

In public relations, affiliation is viewed through the prism of a conflict of interest. In this case, most often it is a question of hidden affiliation. Despite the detailed regulation of how officials should behave when there is a conflict of interest, it still needs to be improved.

In private law relations, affiliation affects business relations, on the one hand contributing to the development of the most risky areas of entrepreneurship, on the other – allowing entrepreneurs to escape from personal responsibility, hiding behind a «corporate veil».

Keywords: affinity, hidden affinity, corporate veil, conflict of interest, corruption, anti-corruption legislation.

Вопрос о том, как должно быть устроено идеальное государство, волнует человечество с незапамятных времен [13]. При этом практически все исследователи отмечают, что изменение условий общественной жизни, повышение или понижение экономического благосостояния населения или отдельных его групп, рост или упадок культуры – все это вызывает соответствующие изменения в устройстве, характере и деятельности самого государства и государственной власти [8].

Динамика тех перемен, которые захватили Россию в конце прошлого века, приведшая, с одной стороны, к демократизации всех процессов, а с другой – к духовной деградации общества и кризису основных институтов, вновь заставляет задуматься о стратегии развития нашей страны [12]. Как справедливо отмечает С.Н. Бондарь, это сопровождается углублением противоречий, усилением конкуренции между основополагающими конституционными принципами и ценностями верховенства права, демократии, прав человека, государственного суверенитета и требованиями безопасности личности, общества, государства в условиях новых глобальных угроз, с которыми столкнулось человечество в XXI в. [4. С. 6].

Одним из негативных факторов, обостряющим все перечисленные проблемы, стала коррупция: в сфере медицины [9. С. 144], в сфере страхования [6. С. 126], в сфере власти [10. С. 116] и т.д. Первые лица российского государства в своих обращениях к парламенту страны неоднократно указывали на коррупцию как угрозу общественной безопасности; практически во всех посланиях президента речь шла о борьбе с коррупцией [7. С. 37].

В публичном праве коррупционная составляющая фактически присутствует всегда, если имеются отношения связанности (аффилированности) лиц. Для преодоления такой ситуации в органах власти применяется специальная антикоррупционная технология – «конфликт интересов», когда, в соответствии с законодательством, государственный или муниципальный служащий обязан: либо сообщить о личной заинтересованности (прямой или косвенной), которая может повлиять на надлежащее, объективное и беспристрастное исполнение им должностных (служебных) обязанностей; либо взять самоотвод (его порядок должен устанавливаться законом, но на данный момент такой закон отсутствует); либо отказаться от выгоды, ставшей причиной возникновения конфликта интересов (например, бесплатных услуг, скидок); передать принадлежащие ему ценные бумаги (доли участия, паи в уставных (складочных) капиталах организаций) в доверительное управление, если владение ими приводит или может привести к конфликту интересов [1].

Для борьбы с коррупцией принимаются специальные планы: национальная стратегия, национальные планы противодействия коррупции, антикоррупционные планы и программы органов власти, как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов Российской Федерации [11. С. 53]. Так, в Национальном плане противодействия коррупции на 2018–2020 годы в качестве одной из форм личной заинтересованности называлась скрытая аффилированность [2]. Отметим, что данный термин отсутствует в гражданском законодательстве. Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) отношение связанности между лицами рассматривает через понятие «аффилированность», смысл которого раскрывается в Законе РСФСР от 22.03.1991 № 948-1 «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках».

В сфере частного права до сих пор не потерял своей значимости вопрос о конструкции юридического лица: фиктивной или реальной [5. С. 7]. Особую значимость он приобретает в предпринимательских отношениях, например, когда речь заходит о защите интересов кредиторов. Так, если исходить из доктрины фиктивности юридического лица, то компания признается самостоятельным субъектом права, на которое распро-

страняется принцип ограниченной ответственности по своим обязательствам. Это может привести к злоупотреблениям со стороны такого юридического лица, скрываемого, по сути, «корпоративной вуалью», и использованию указанного принципа для обхода закона или для мошеннических схем. Для того чтобы не допустить такого негативного развития событий, в англосаксонском праве была выработана доктрина «снятия корпоративной вуали». Суть ее состоит в том, что для целей конкретного спора суд признает, что компания не является самостоятельным субъектом права, т.е. лишает ее привилегии ограниченной ответственности [3. С. 102].

В современных правовых системах всего мира идет поступательное движение судебной практики от применения конструкции фикции юридического лица к реальному субъекту. Российское законодательство также идет в ногу со временем, предусматривая субсидиарную ответственность некоторых юридических лиц. В основном это касается не самых распространенных форм, таких как полные товарищества, крестьянские фермерские хозяйства и др. К наиболее популярной форме – ООО, можно применить лишь две статьи: ГК РФ (ответственность материнской компании по долгам дочерней) и Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (субсидиарная ответственность за невозможность полного погашения требований кредиторов).

Таким образом, несмотря на первые шаги в этом направлении, в классическом виде доктрина «снятия корпоративной вуали» в законодательстве России пока не закреплена. На наш взгляд, ее более широкое применение может минимизировать риски злоупотребления правом, очистив рынок от фирм-однодневок и сделав институт юридического лица более прозрачным и надежным.

Механизм противодействия коррупции является сложным и многоплановым. Его основой выступает антикоррупционное законодательство, которое построено на четком понятийном аппарате, не допускающем вольного толкования.

В настоящее время с уверенностью можно сказать, что высшие принципы права определяют основание и идеал государства, его истинную сущность. Российское государство уже

успело в значительной степени утвердить господство права как необходимого формального принципа государственной жизни. Теперь необходимо его развитие и укрепление.

Литература

1. О противодействии коррупции: Федер. закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 16.12.2019) // СЗ РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.
2. О Национальном плане противодействия коррупции на 2018–2020 годы: Указ Президента Российской Федерации от 29.06.2018 № 378 // СЗ РФ. 2018. № 27. Ст. 4038.
3. Артемова А.Н. Фиктивная сущность юридического лица как основание для применения доктрины «снятия корпоративной вуали» // Рос. юрид. журн. 2018. № 1. С. 101–107.
4. Бондарь Н.С. Стратегия российского конституционализма: от политических иллюзий к правовому реализму // Журн. рос. права. 2015. № 11. С. 6.
5. Гаврилюк Р.В., Носаненко Г.Ю., Уразов А.А. Теории сущности юридического лица // Междунар. науч.-исследоват. журн. 2020. № 2 (92). Ч. 2. С. 6–8.
6. Галкина Э.Ю., Носаненко Г.Ю. Страхование мошенничества в Республике Татарстан // Страхование в системе финансовых услуг в России: место, проблемы, трансформация: сб. тр. XVIII Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 т. Кострома, 2017. С. 123–126.
7. Казаков И.Г. Коррупция в России: социально-правовой аспект // Безопасность бизнеса. 2019. № 3. С. 36–39.
8. Краснов А.В., Краснов А.В., Носаненко Г.Ю. и др. Проблемы теории государства и права. Казань, 2013. 324 с.
9. Носаненко Г.Ю., Гаврилюк Р.В. Трансплантация органов и тканей человека: проблемы и пути решения // Междунар. науч.-исследоват. журн. 2019. С. 143–145.
10. Носаненко Г.Ю., Захарова Е.Ю. Борьба с коррупцией: потенциал некоммерческих организаций (по материалам эмпирического исследования в г. Нижнекамске) // Ист. и соц.-образоват. мысль. 2016. С. 111–116.
11. Поляков М.М. Противодействие коррупции органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации // Изв. Тульск. гос. ун-та. Экон. и юрид. науки. 2014. № 5-2. С. 53–62.
12. Скоробогатов А.В., Кадыров Б.Г., Агапов О.Д. и др. Российская цивилизация. Казань, 2012. 272 с.
13. Скоробогатов А.В., Носаненко Г.Ю., Краснов А.В. История государства и права зарубежных стран. Казань, 2015. 668 с.

ОСОБЕННОСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РЕЛИГИОЗНОМУ ЭКСТРЕМИЗМУ В ГЕРМАНИИ С УЧАСТИЕМ РЕЛИГИОЗНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ*

Г.С. Гайнетдинова, ст. преподаватель
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет
имени И.Н. Ульянова», г. Чебоксары

Аннотация. Рассмотрены особенности противодействия религиозному экстремизму в Германии с участием религиозных объединений. Отмечается, что взаимодействие усилий в борьбе с экстремизмом с религиозными объединениями сведено к нулю.

Ключевые слова: противодействие экстремизму, институты гражданского общества, религиозные объединения Германии, религиозный экстремизм, правый экстремизм.

FEATURES OF COUNTERACTION TO RELIGIOUS EXTREMISM IN GERMAN WITH PARTICIPATION OF RELIGIOUS ASSOCIATIONS

G.S. Gainetdinova

Abstract. Features of counteraction to religious extremism in Germany with participation of religious associations are considered. It is noted that interaction of efforts in fight against extremism against religious associations are brought to naught.

Keywords: counteraction to extremism, institutes of civil society, religious reunification of Germany, religious extremism, right extremism.

Развитие каждой страны связано с формированием и использованием государственных и общественных институтов [1. С. 5], с правовым регулированием. Без этого нельзя обеспечить ее устойчивость и развитие, защиту прав и интересов граждан.

Противодействие религиозному экстремизму – стратегическая задача Германии. Ее решение способствует укреплению государства и правопорядка. Многие в этом направлении сделано – разработаны программы антиэкстремистской деятельности, приняты новые законодательные акты и внесены изменения

---

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-311-00188.

в действующее законодательство, активизирована работа государственных и муниципальных органов. Однако гражданское общество в целом пока еще слабо участвует в этом процессе.

Германия является страной двух конфессий – католицизма и протестантизма, но в последние десятилетия религиозная ситуация заметно изменилась, в том числе из-за влияния секуляризации, притока мусульманских иммигрантов, распространения новых религиозных движений [7].

Государственно-конфессиональные отношения строятся на трех основных принципах: нейтралитет, толерантность, равноправие. Нейтралитет обязывает государство не идентифицировать себя с какой-либо Церковью; государственной Церкви не существует. Государству не разрешено проявлять особое расположение по отношению к какой-то религии, мировоззрению или к конкретной религиозной организации. Нейтралитет также означает невмешательство государства во внутренние дела религиозных объединений.

В Германии связь с религиозной средой, с духовными деятелями в борьбе с экстремизмом сведена к минимуму. Это обусловлено, во-первых, тем, что значительная часть радикализованного сообщества Германии – это представители мигрантской среды. Во-вторых, в стране реализуются более жесткие принципы секуляризации, чем, например в России. В Германии при взаимодействии религиозных структур и государственных органов всегда присутствуют опасения в том, что они будут обвинены в попытках вмешаться в дела церкви. Результат этого невмешательства – отсутствие четкой системы взаимодействия государства и церкви [6].

В Германии с середины 1980-х годов существуют специальные поправки к Конституции, которые запрещают любую деятельность экстремистских организаций.

Законодательство Германии, так же как и многих других стран, не содержит понятия экстремизма, но имеет достаточное количество уголовно-правовых норм, содержащих признаки экстремизма. Однако нормы не систематизированы в Уголовном кодексе и расположены в различных разделах и главах уголовного закона, что указывает на угрозу экстремизма не только для

непосредственной безопасности самого государства, но и безопасности других значимых общественных отношений.

Если во Франции растет радикальный ислам, исламофобия, то в Германии серьезная угроза от правого экстремизма. В ежегодном докладе о положении дел с демократической конституцией ФРГ, составленном спецслужбами Германии, приводится статистика об увеличении ультраправого экстремизма. «Уровень угрозы со стороны правого экстремизма, правого терроризма и антисемитизма остается высоким» [5], заявил министр внутренних дел в Германии. Каждый четвертый гражданин ФРГ разделяет антисемитские взгляды.

Здесь стоит отдельно рассмотреть методы борьбы с религиозным экстремизмом и терроризмом Федеральным ведомством уголовной полиции Германии. Ведомство внедрило новую систему для оценки риска RADAR-iTE, которую оно разработало совместно с судебными психологами из Констанцкого университета. Работа системы базируется на анализе ответов на 73 стандартизированных вопроса о социализации человека, его отношении к насилию, а также о его семейных связях, уровне интеграции и безопасности работы. На основе анализа человеку присваивается одна из трех категорий риска: умеренный, значительный или высокий [4].

В стране также действует закон о депортации преступников-иностранцев. По данным ESISC, за 2017 год из страны депортировали 36 человек, представляющих потенциальную террористическую угрозу [8].

В июле 2017 года в Германии был принят закон, который позволяет спецслужбам контролировать потенциальных террористов с помощью электронных браслетов.

В начале 2018 года правоохранителям было разрешено использовать шпионское программное обеспечение FinSpy, которое позволяет обходить шифрование и перехватывать сообщения в WhatsApp, Telegram и Signal. Таким образом, правоохранители пытаются повысить эффективность в работе по выявлению лиц, подозреваемых в терроризме и экстремизме.

Можно сделать вывод, что правительство Германии не применяет мягкий подход, как например, в Китае или Индонезии [2, 3], в противодействии религиозному экстремизму и терро-

ризму, наоборот, усиливает меры в борьбе с этой мировой угрозой, но попытки объединить усилия с религиозными объединениями сведены к нулю.

Отсутствие консолидированной государственно-церковной политики в противодействии религиозному экстремизму привело к тому, что увеличились преступления экстремистской направленности. Такую проблему невозможно решить только усилиями правоохранительных служб. Требуется самая активная работа не только на уровне системы образования, СМИ, но и взаимодействие с институтами гражданского общества – религиозными объединениями, лидерами духовенства.

Литература

1. Айсын Г.С. Религиозные организации как институт гражданского общества и его роль в обеспечении национальной безопасности // Новеллы российского законодательства в контексте стратегии национальной безопасности: сб. науч. тр. Всерос. науч.-практ. конф. (1 февраля 2016 г., Чебоксары). Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2016. С. 3–7.
2. Васильев Л.Е. О некоторых аспектах борьбы Китая с силами «Трех зол» // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2018. № 23. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-aspektah-borby-kitaya-s-silami-treh-zol> (дата обращения: 12.02.2020).
3. Ефимова Л.М. «Мягкая сила» против религиозного терроризма в Индонезии // Ислам в современном мире. 2017. Т. 13. № 1. С. 120.
4. «Исламистов слишком много»: что спасает Европу от терактов. URL: <https://www.gazeta.ru/army/2018/04/05/11707339.shtml> (дата обращения: 12.02.2020).
5. Кабмин Германии принял пакет мер для противодействия правому экстремизму. URL: <https://ria.ru/20191030/1560396779.html> (дата обращения: 12.02.2020).
6. Как в Германии борются с экстремизмом и полезен ли этот опыт для России. URL: https://islam-today.ru/islam_v_rossii/tatarstan/kak-v-germanii-borutsa-s-ekstremizmom-i-polezen-li-ih-opyt-dla-rossii/ (дата обращения: 12.02.2020).
7. Шахов М. Современные государственно-конфессиональные отношения в Великобритании, Германии, Италии. URL: <http://sdsmp.ru/news/n8603/> (дата обращения: 12.02.2020).
8. ESISC. URL: <http://www.esisc.org> (дата обращения: 12.02.2020).

ГОСУДАРСТВЕННАЯ РЕГИСТРАЦИЯ ПРАВ НА НЕДВИЖИМОЕ ИМУЩЕСТВО

Г.С. Гайнетдинова, ст. преподаватель
Н.В. Семенова, канд. биол. наук, доцент
А.Р. Галяльтдинов, магистрант
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет
имени И.Н. Ульянова», г. Чебоксары

Аннотация. Авторами были раскрыты и проанализированы основные положения, содержащиеся в Федеральном законе № 218-ФЗ от 13 июля 2015 года «О государственной регистрации недвижимости».

Ключевые слова: недвижимое имущество, государственная регистрация недвижимого имущества, Единый государственный реестр недвижимости.

STATE REGISTRATION OF THE RIGHTS FOR REAL ESTATE

G.S. Gainetdinova, N.V. Semenova, A.R. Galyaltdinov

Abstract. In this article authors opened and analysed the basic provisions which are contained in Federal Law No. 218 of July 13, 2015 «About the state registration of the real estate».

Keywords: real estate, state registration of real estate, Unified state register of the real estate.

Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» [3] определил, что государственная регистрация прав на недвижимое имущество – юридический акт признания и подтверждения возникновения, изменения, перехода, прекращения права определенного лица на недвижимое имущество или ограничения такого права и обременения недвижимого имущества (далее – государственная регистрация прав). Таким образом, устанавливается государственный контроль за возникновением и переходом прав на недвижимое имущество, что составляет особый правовой режим [5].

При государственной регистрации фиксируется наличие:

- недвижимости как таковой с указанием типа объекта и его назначения;
- права в отношении вещи и наличие обременений.

По мнению В.В. Ястребовой, основным значением системы регистрации прав на недвижимое имущество является обеспечение защиты интересов собственника и общества в целом, что может достигаться либо регистрацией документов, либо регистрацией правооснований (титулов) собственности [7].

В законе говорится, что государственная регистрация прав осуществляется посредством внесения в Единый государственный реестр недвижимости записи о праве на недвижимое имущество, сведения о котором внесены в Единый государственный реестр недвижимости.

Государственная регистрация права в Едином государственном реестре недвижимости является единственным доказательством существования зарегистрированного права [4. С. 19]. Зарегистрированное в Едином государственном реестре недвижимости право на недвижимое имущество может быть оспорено только в судебном порядке.

А.Е. Русецкий считает, что государственная регистрация является составной частью гражданско-правового режима недвижимого имущества; представляет собой конечный элемент юридического состава, приводящего к возникновению вещного права на недвижимое имущество, а также договорных обязательств по сделкам с недвижимостью, требующим государственной регистрации, либо выступает необходимым условием реализации уже возникшего права на недвижимость; является способом, формой, условием защиты прав; имеет информационное и доказательственное значение – как единственное доказательство существования зарегистрированного права [6].

Согласно ст. 130 Гражданского кодекса Российской Федерации, к недвижимым вещам (недвижимое имущество, недвижимость) относятся земельные участки, участки недр и все, что прочно связано с землей, т.е. объекты, перемещение которых без несоразмерного ущерба их назначению невозможно, в том числе здания, сооружения, объекты незавершенного строительства; также подлежащие государственной регистрации воздушные и морские суда, суда внутреннего плавания. Кроме того, к недвижимым вещам относятся жилые и нежилые помещения, а также предназначенные для размещения транспортных средств части зданий или сооружений (машино-места), если

границы таких помещений, частей зданий или сооружений описаны в установленном законодательством о государственном кадастровом учете порядке [2].

Государственная регистрация прав, ведение Единого государственного реестра недвижимости и предоставление сведений, содержащихся в Едином государственном реестре недвижимости, осуществляются уполномоченным Правительством Российской Федерации федеральным органом исполнительной власти и его территориальными органами.

Участниками отношений, возникающих при осуществлении государственной регистрации прав, являются собственники недвижимого имущества и обладатели иных подлежащих государственной регистрации прав на него, граждане Российской Федерации, иностранные граждане и лица без гражданства, российские и иностранные юридические лица, международные организации, Союзное государство, иностранные государства, Российская Федерация, субъекты Российской Федерации, муниципальные образования, органы государственной власти Российской Федерации, органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления, кадастровые инженеры, нотариусы, судебные приставы-исполнители, с одной стороны, и орган регистрации прав – с другой.

Таким образом, создание и существование доступной для всех участников гражданских правоотношений системы регистрации прав на недвижимое имущество призвано защитить права частных собственников, гарантировать надежность и гласность гражданского оборота, объединить объективную информацию о недвижимом имуществе. Государственная регистрация имеет правосоздающий характер, правоподтверждающий характер либо сочетает оба этих значения.

Литература

1. Конституция Российской Федерации: принята 12 декабря 1993 года всенародным голосованием (с учетом поправок, внесенных в Конституцию Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Рос. газета. 1993. 25 дек.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федер. закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.12.2019) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
3. О государственной регистрации недвижимости: Федер. закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ (ред. от 02.08.2019) // СЗ РФ. 2015. № 29. Ст. 4344.

4. Верещак С.Б., Иванова Е.В. Становление системы государственной регистрации на недвижимое имущество и сделок с ним // Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики: сб. материалов II Международ. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2012. С. 14–20.

5. Гонтарь Н.Н. Государственно-правовое регулирование оборота недвижимого имущества в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2008. URL: <http://www.disserscat.com>.

6. Русецкий А.Е. Государственная регистрация ипотеки: науч.-практ. пособие. М., 2009. URL: http://modernlib.ru/books/a_e_ruseckiy/gosudarstvennaya_registraciya_ipoteki_nauchnoprakticheskoe_posobie/read_2/.

7. Ястребова В.В. Регистрация вещных прав на недвижимое имущество в Российской Федерации и Федеративной Республике Германии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. URL: <http://lawtheses.com>.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАССМОТРЕНИЯ ЗАЯВЛЕНИЯ О ВОЗВРАЩЕНИИ РЕБЕНКА ИЛИ ОБ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ В ОТНОШЕНИИ РЕБЕНКА ПРАВ ДОСТУПА НА ОСНОВАНИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ДОГОВОРА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Г.С. Гайнетдинова, ст. преподаватель

Н.А. Яковлев, студент

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет
имени И.Н. Ульянова», г. Чебоксары

Аннотация. Исследуются актуальные вопросы рассмотрения дел по искам о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа, а также анализируются направления совершенствования национального законодательства в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова: заявления о возвращении ребенка, право опеки, право доступа, Российская Федерация.

SOME PROBLEMS WITH PROCESSING AN APPLICATION THE RETURN OF THE CHILD OR TO EXERCISE IN RELATION TO THE CHILD ACCESS RIGHTS BASED ON INTERNATIONAL AGREEMENT OF THE RUSSIAN FEDERATION

G.S. Gainetdinova, N.A. Yakovlev

Abstract. Topical issues of hearing of cases in claims for return of the child or for implementation concerning the child of access rights are investigated and also the directions of improvement of the national legislation in the considered sphere are analyzed.

Keywords: statements for return of the child, right of guardianship, right of access, Russian Federation.

В условиях современного развития межнациональных и международных связей вопросы, возникающие из семейно-брачных отношений, приобретают особую значимость [8. С. 114]. Немаловажным направлением в данной области является правовая защита детей [6. С. 236]. В настоящее время существует ряд международных документов, закрепляющих правовое положение детей и обязанности государства, связанные с реализацией этих прав. Одним из фундаментальных международных актов является Конвенция о правах ребенка 1989 г., которую Российская Федерация ратифицировала 16 августа 1990 г. Она устанавливает, что дети нуждаются в особой заботе и помощи, в силу чего государство должно осуществлять эффективную правовую защиту детей и предоставлять необходимые условия для их нормального развития [1].

В связи с современными тенденциями заключения международных браков особую актуальность приобретает вопрос правового регулирования споров, возникающих по поводу прав родившихся в таких браках детей, включая право на определение их проживания [7]. В целях разрешения подобных ситуаций, связанных, в частности, с воспитанием детей раздельно проживающими родителями, которые, ко всему прочему, имеют различное гражданство или место жительства, международным сообществом были разработаны специальные договоры. Так, 25 октября 1980 г. на 14-й сессии Гаагской конференции по международному частному праву была принята Конвенция «О гражданско-правовых аспектах международного похищения детей» (далее – Конвенция 1980 г.). Российская Федерация присоединилась к данной Конвенции лишь в 2011 г. [2]. В исполнении взятых на себя обязательств возникла необходимость имплементации норм Конвенции 1980 г. в законодательство Российской Федерации [5], вследствие чего были внесены изменения в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – ГПК РФ), Семейный кодекс Российской Федерации и иные нормативно-правовые акты Российской Федерации [3]. В частности, в ГПК РФ была введена новая гл. 22.2,

регламентирующая рассмотрение дел о возвращении ребенка или о праве доступа к нему.

На сегодняшний день общее количество участников Конвенции 1980 г. составляет 101 государство, из которых лишь 69 стран признали Россию в качестве участника [10]. Следует сказать, что в соответствии со ст. 38 Конвенции 1980 г. она применяется между присоединившейся страной и странами, которые признали присоединение. В противном случае нормы указанного международного акта не подлежат применению.

Так, решением Канавинского районного суда Нижнего Новгорода исковые требования Г.И. Гвазава к Т.А. Матарадзе о возвращении несовершеннолетнего ребенка на место постоянного проживания в Грузию оставлены без удовлетворения. Из материалов дела следует, что на момент рассмотрения гражданского иска Конвенция 1980 г. вступила в силу на территории Грузии, однако Грузия не признала присоединение России к указанному международному акту. В связи с данным обстоятельством положения Конвенции 1980 г. не применимы [9].

Такая формулировка ст. 38 Конвенции 1980 г. создает определенные проблемы, поскольку вызывает трудности в реализации прав родителей на опеку и доступ. Получается, что, ввиду наличия напряженных отношений между государствами и иных неблагоприятных ситуаций, негативные последствия от подобных процессов приходится претерпевать законопослушным родителям, а также их детям. Полагаем, что в целях разрешения данного вопроса международному сообществу необходимо предусмотреть альтернативные механизмы обеспечения права на опеку и доступ в случае незаконного перемещения или удерживания ребенка.

Дела, касающиеся возвращения незаконно перемещенного или удерживаемого ребенка, обладают особой сложностью. В связи с этим ГПК РФ определяет специфическую родовую подсудность рассматриваемой категории дел. В соответствии с ч. 2 ст. 244.11 ГПК РФ заявления о возвращении ребенка или об осуществлении прав доступа подается в зависимости от места пребывания ребенка в один из восьми указанных в статье районных судов. Например, при пребывании ребенка в Приволжском федеральном округе заявление подается в Канавин-

ский районный суд города Нижнего Новгорода. Перечисленные в статье суды обладают специальным статусом, которым больше ни один из районных судов не обладает. В связи с этим следует согласиться с мнением Н.Г. Галковской о том, что полномочиями по рассмотрению озвученной категории дел необходимо наделять суды субъектов Российской Федерации, которые и так рассматривают дела с участием иностранных лиц, так как к их подсудности относится усыновление (удочерение) ребенка иностранными гражданами [4. С. 206]. Преобразования позволят быстро и эффективно разрешить дела о возвращении ребенка или об осуществлении прав доступа к нему.

Помимо прочего, Конвенция 1980 г. содержит ряд понятий, которые отличаются в смысловом значении от таких же терминов, предусмотренных отечественным законодательством, а также понятий, которые вовсе не регламентированы российским правом (например, «право опеки» и «право доступа»). Следовательно, требуется внести соответствующие изменения во внутреннее законодательство.

Таким образом, в целях эффективного рассмотрения споров, возникающих по поводу места проживания детей, необходимо привести национальное законодательство в соответствии с международными стандартами.

Литература

1. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990) // Сб. междунар. договоров СССР. 1993. Вып. XLVI.
2. О присоединении Российской Федерации к Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей: Федер. закон от 31.05.2011 № 102-ФЗ // СЗ РФ. 2011. № 23. Ст. 3242.
3. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с присоединением Российской Федерации к Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей: Федер. закон от 05.05.2014 № 126-ФЗ // СЗ РФ. 2014. № 19. Ст. 2331.
4. Галковская Н.Г. Процессуальные особенности рассмотрения заявлений о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа на основании международного договора Российской Федерации // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2015. № 397. С. 204–211.
5. Доклад Правительства Российской Федерации о результатах мониторинга правоприменения в Российской Федерации за 2011 год // Рос. газета. 2013. 27 марта.

6. Иванова Е.В., Семенова Н.В., Иванова В.В. Некоторые проблемы обеспечения жилищных прав несовершеннолетних // Социально-правовая защита детства как приоритетное направление современной государственной политики: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2018. С. 236–243.

7. Лебедев М.Ю. Гражданский процесс: учебник для вузов. 9-е изд., перераб. и доп. М., 2020. 418 с.

8. Салицева О.В., Хураськина Н.В. Правовые основы регулирования охраны семьи // Актуальные проблемы публичного и частного права в контексте современных процессов реформирования законодательства: сб. материалов II Междунар. заоч. науч.-практ. конф., посв. Дню юриста. Чебоксары, 2016. С. 114–116.

9. Решение № 2-5987/2018 2-948/2019 2-948/2019(2-5987/2018;)-М-4671/2018 М-4671/2018 от 11 февраля 2019 г. по делу № 2-5987/2018 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/> (дата обращения: 16.03.2020).

10. Convention of 25 October 1980 on the Civil Aspects of International Child Abduction [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/status-table/?cid=24> (дата обращения: 16.03.2020).

РОЛЬ ВОСПИТАТЕЛЯ В ФОРМИРОВАНИИ АНТИЭКСТРЕМИСТСКОГО СОЗНАНИЯ У ДОШКОЛЬНИКОВ

Г.Х. Гайнетдинова, воспитатель
МБДОУ «Детский сад № 146», г. Чебоксары

Аннотация. Автор обращает внимание на важность формирования у дошкольников антиэкстремистского сознания для недопущения в последующем роста молодежного экстремизма. Предлагается создание антиэкстремистской и антитеррористической среды в дошкольных учреждениях, а также повышение компетентности воспитателя дошкольного учреждения в сфере противодействия идеологии экстремизма и терроризма.

Ключевые слова: молодежный экстремизм, антиэкстремистское сознание, дошкольное учреждение, профилактика экстремизма.

THE ROLE OF THE EDUCATOR IN THE FORMATION OF ANTI-EXTREMIST CONSCIOUSNESS AMONG PRESCHOOLERS

G.H. Gainetdinova

Abstract. The author draws attention to the importance of forming an anti-extremist consciousness in preschool children in order to prevent the subsequent

growth of youth extremism. It is proposed to create an anti-extremist and anti-terrorist environment in preschool institutions, as well as to improve the competence of preschool teachers in the field of countering the ideology of extremism and terrorism.

Keywords: youth extremism, anti-extremist consciousness, a preschool institution, the prevention of extremism.

В поправках к Основному закону страны говорится: «Дети являются важнейшим достоянием России. Государство создает условия, способствующие всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим...» [6].

Духовное, нравственное, интеллектуальное и физическое развитие детей, воспитание в них патриотизма, гражданственности осуществляется не только посредством семьи, но и образовательными учреждениями всех звеньев и институтами гражданского общества в целом [3. С. 5; 4. С. 121; 7. С. 29].

В 2015 году в Российском университете дружбы народов была проведена II Всероссийская научно-практическая конференция, на которой заместитель председателя Комитета по образованию Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации А.И. Аршинова отметила необходимость последовательной борьбы с терроризмом и экстремизмом во всей цепочке учебных заведений страны, начиная с детского сада: «дети, начиная с детского сада, приучаются к тому, что все люди разные, с разными возможностями, с разными способностями – инклюзивное образование закреплено на законодательном уровне. Кроме того, согласно новому федеральному образовательному стандарту учебные заведения должны прививать определенные компетенции детям» [5]. Таким образом, включение мер антитеррористического воспитания в звенья каждой цепи образовательной системы – «от детского сада до университета» – очень важно. Образованию, воспитанию уделяется особое внимание во всех развитых странах мира.

Внедрение экстремизма в молодежную среду в настоящее время приобрело большие масштабы и имеет опасные последствия для будущего нашей страны, так как подрастающее поколение – это ресурс национальной безопасности, гарант поступательного развития общества и социальных инноваций.

Молодежь в силу природных, социальных особенностей своего возраста способна не только адаптироваться, но и активно позитивно меняться.

Роль воспитателя в формировании личности дошкольника очень велика. От грамотной системной психолого-педагогической и социально-психологической профилактики, нацеленной на формирование антиэкстремистского сознания у детей дошкольного возраста, будет зависеть снижение роста молодежного экстремизма в России [2. С. 147].

Итак, кроме правоохранительных органов и государственных структур в области профилактики и предупреждения проявлений экстремизма и терроризма к ним относятся и институты гражданского общества: образовательные и различные религиозные учреждения [1. С. 4].

Требуется в дошкольных образовательных учреждениях создание антиэкстремистской и антитеррористической среды, в которой будут разворачиваться различные виды деятельности воспитателя: индивидуально-творческая, коллективно-творческая, социально-педагогическая, практическая – как пространство самоопределения. При этом такой тип деятельности способен стимулировать и мотивировать интеллектуально-творческую активность, нравственное саморазвитие, психологическое самочувствие в сфере межличностных отношений в образовательной среде дошкольного учреждения [4. С. 122]. В таком контексте крайне актуальными становится требование повышения компетентности воспитателя дошкольного учреждения в сфере противодействия идеологии экстремизма и терроризма.

Антиэкстремистское и антитеррористическое воспитание подрастающего поколения позволяет заложить и сформировать основы здорового социума, принципы толерантности, уважения к закону и личности, нравственных и моральных ориентирах.

В свою очередь, антиэкстремистское сознание – это одновременно показатель и следствие социального и психологического здоровья личности. Назревает необходимость развития поликультурного образовательного пространства, разработка системы приобщения детей к национальным, общечеловеческим ценностям, воспитания антиэкстремистской идеологии среди детей (молодежи), формирования толерантности.

Литература

1. Айсын Г.С. Религиозные организации как институт гражданского общества и его роль в обеспечении национальной безопасности // Новеллы российского законодательства в контексте стратегии национальной безопасности: сб. науч. тр. Всерос. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2016. С. 3–7.
2. Гайнетдинова Г.С. Состояние и проблемы профилактики молодежного экстремизма // Социально-правовая защита детства как приоритетное направление современной государственной политики: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2018. С. 145–150.
3. Дмитриев Д.А. и др. Оценка влияния социальных и экологических факторов на здоровье человека. Чебоксары, 2004. 127 с.
4. Захарова А.Н., Дулина Г.С. Гражданские, духовно-нравственные, экономические ценности и антиценности в системе ценностных приоритетных студентов вузов Чувашии // Единство народов – основа укрепления российской государственности: сб. науч. тр. Чебоксары, 2017. С. 120–126.
5. Лылова Е.В. Всероссийская научно-практическая конференция «Актуальные проблемы антиэкстремистского и антитеррористического воспитания молодежи» // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. Государственное и муниципальное управление. 2016. № 1. С. 70–78.
6. Моя Конституция. Российской Федерации. URL: <https://xn--h1aaehgebzjbl0byhk.xn--p1ai/> (дата обращения: 26.02.2020).
7. Хураськина Н.В., Иванова Е.В. Формирование эколого-правовой компетенции обучающихся в системе непрерывного образования. Чебоксары, 2017. 164 с.

О ПРОБЛЕМЕ НЕСВОЕВРЕМЕННОЙ ОПЛАТЫ КОММУНАЛЬНЫХ УСЛУГ И УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЕ

Х.И. Гафиуллин, ст. преподаватель

К.С. Ерашова, студент

ЧОУ ВО «Казанский инновационный университет
имени В.Г. Тимирязова (ИЭУП)», г. Казань

Аннотация. Авторы статьи поднимают насущную проблему неоплаты услуг жилищно-коммунального хозяйства. Рассуждая об этом, подчеркивают сложность решения данного вопроса, в особенности, когда в жилом помещении числятся в качестве жильцов несовершеннолетние граждане. Исследуя действующее отечественное законодательство, регулирующее отношения в данной сфере, а также судебную и иную юридическую практику реализации имеющихся норм, приходят к выводу о необходимости установления уголовной ответственности за неоплату используемых жилищно-коммунальных услуг. Предлагают конкретные виды наказаний и практических мер, способных повлиять на решение рассматриваемой проблемы.

Ключевые слова: жилищно-коммунальные услуги, потребитель услуг, оплата услуг, задолженность, ответственность.

ABOUT THE PROBLEM OF LATE PAYMENT OF UTILITY BILLS AND CRIMINAL LIABILITY FOR IT

H.I. Gafiullin, K.S. Erashova

Abstract. Authors of the article raises the urgent problem of non-payment for the use of housing and communal services. Arguing about this, he stresses the complexity of solving this issue, especially when underage citizens are listed as residents in a dwelling. Studying the current domestic legislation governing relations in this area, as well as judicial and other legal practice of implementing existing standards, it comes to the conclusion that it is necessary to establish criminal liability for non-payment of used housing and communal services. It offers specific types of punishments and practical measures that can influence the solution of the problem in question.

Keywords: housing and communal services, consumer of services, payment for services, debt, responsibility.

На сегодняшний день проблема несвоевременной оплаты коммунальных услуг, в составе которых Постановлением Правительства Российской Федерации от 6 мая 2011 г. № 354 «О предоставлении коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов» (далее – Постановление № 354) [15] определены коммунальные ресурсы, например, газ, вода, в России поднимается довольно часто. Однако многие граждане считают, что они не обязаны платить по выставочным счетам, поскольку газ, вода являются природными ресурсами и принадлежат народу, а следовательно, должны быть бесплатными. И это несмотря на то, что современная российская действительность характеризуется значительными социально-экономическими и политическими переменами [13. С. 231].

Вспоминая сложившийся к началу XX в. уникальный экономический механизм, обеспечивающий население страны всем необходимым [16. С. 5], некоторые до сих пор отказываются признавать российское законодательство, с уверенностью заявляя, что Советский Союз никуда не делся, а Российская Федерация существует лишь на бумаге, и считают себя гражданами Советского Союза. Ввиду этого они не намерены признавать свои

долги, платить по счетам за коммунальные услуги и тем более отвечать за них по российскому законодательству.

Тем не менее действующими российскими нормативно-правовыми актами прямо предусмотрена обязанность граждан (например, собственника либо нанимателя жилого помещения) вносить оплату за предоставленные ему коммунальные услуги. Согласно жилищному законодательству гражданин несет бремя по содержанию своего имущества. В противном случае за несвоевременную оплату коммунальных услуг он будет подвержен юридической ответственности, которая, по сути, является следствием, вызванным указанным выше нарушением действующего законодательства [3. С. 153], что вполне логично, если обратиться к указанному термину [18. С. 121].

Основанием для наступления ответственности за нарушение жилищного законодательства является наличие вины в действиях виновных лиц.

На сегодняшний день законодательно закреплена ряд положений, предусматривающих ответственность за неоплату коммунальных услуг. Согласно п. 158 Постановления № 354 [15], потребитель несет установленную законодательством России гражданско-правовую ответственность за невнесение или несвоевременное внесение оплаты за коммунальные услуги.

Но тем не менее задолженность по оплате за коммунальные услуги продолжает с каждым годом расти. Только по итогам I квартала 2019 г. задолженность населения по оплате за жилищно-коммунальные услуги увеличилась на 28,7 миллиарда рублей по сравнению с аналогичным периодом 2018 г. [11].

В связи с этим управляющие компании настоятельно рекомендуют своевременно оплачивать счета за жилищно-коммунальные услуги, а в случае возникновения долга позаботиться о его погашении. В противном случае неплательщиков ждет комплекс мер по взысканию задолженности. В этот список входит и начисление пени, введение ограничения услуг, оказываемых населению, взыскание долга в судебном порядке, арест денежных счетов и имущества, ограничение на выезд за границу. Эти и подобные меры не раз применялись к злым неплательщикам, однако ситуация с долгами и в настоящее время носит резонансный характер в обществе.

Технические особенности некоторых сетей газоподачи, водоподачи, водоотведения, учитывая конструктивные особенности постройки жилого дома с большим количеством квартир, бывают индивидуальны, а это является проблематичным моментом приостановления какой-либо коммунальной услуги, так как определенная квартира может быть просто недоступна. В этом плане Постановление Правительства Российской Федерации от 26 декабря 2016 г. № 1498 [14] предусматривает отдельные возможности для специализированных служб, регламентируя правила по приостановлению коммунальных услуг в жилом помещении должника. В частности, законодатель избавил исполнителей от обязательного повторного уведомления о приостановлении (за трое суток).

Однако в квартирах, где зарегистрированы неплательщики, также могут проживать и несовершеннолетние граждане, и ввиду этого приостановить отключение коммунальных услуг попросту не удастся. Суды не дают доступа для приостановления таких услуг в этих помещениях, учитывая особый статус таких лиц [1. С. 45]. В соответствии со ст. 21 Гражданского кодекса Российской Федерации [6], лица, не достигшие восемнадцатилетнего возраста, не обладают гражданской дееспособностью в полном объеме и не могут нести обязанности по оплате жилищно-коммунальных услуг самостоятельно, в связи с чем действия, связанные с прекращением пользования услугами коммунального хозяйства, предполагают нарушение прав таких лиц, о чем свидетельствует судебная практика [7].

В итоге возникает субъект, борьба с которым невозможна законными средствами, поскольку в квартире зарегистрированы дети, которым закон определяет особый статус правоспособности, защищая права несовершеннолетних и малолетних. Ввиду этого приостановить коммунальные услуги в данном жилом помещении не представляется возможным, да и взять с таких потребителей нечего. Так как ни уголовной ответственности, ни каких-либо иных механизмов воздействия для такого рода должников не предусмотрено.

Считаем, что рассматриваемые вопросы предполагают внесение изменений в действующее законодательство в части введения нового, эффективного инструментария ответственности,

который можно было бы применять более результативно к лицам, не желающим оплачивать счета за предоставляемые услуги жилищно-коммунального хозяйства. Так как неплатежи обусловлены как рядом системных факторов в сфере жилищно-коммунального хозяйства, так и проявлением недисциплинированности граждан.

Инициативная группа представителей энергетического бизнеса уже почти как 10 лет назад предлагала российским парламентариям рассмотреть проект закона, предполагающий определить уголовную ответственность за долги по коммунальным платежам [8]. Но по сей день данное предложение так и осталось на уровне проекта [17. С. 243].

Общеизвестно, что на физических лиц приходится значительная доля потребления коммунальных услуг. Исходя из этого, считаем эффективным решением данной проблемы привлечение граждан, уклоняющихся от оплаты за пользование услугами жилищно-коммунального хозяйства, деяние и умысел которых будут доказаны в судебном порядке, к уголовной ответственности. Причем размер долга для решения вопроса о квалификации в действиях лица уголовного деяния должен быть определен конкретно в действующем законодательстве, чтобы не вызвать ошибок при реализации уголовной ответственности и не допустить проблематики реабилитации, отмечаемой правовой наукой [2, 4, 5, 10].

Одним из признаков любого правонарушения, в том числе преступления, является его «противоправность», а следовательно, и предполагаемая «наказуемость», определяющая наложение ответственности на правонарушителя. В этом случае в отношении правонарушителя в уголовном законодательстве необходимо установить в виде наказания за неуплату услуг ЖКХ привлечение его к обязательным или исправительным работам, а также предусмотреть возможность изъятия имущества и его реализацию для погашения долга, что можно предусмотреть в отношении юридических лиц как единственно возможный вид наказания. Наличие в законодательстве норм, предполагающих юридическую ответственность, их законное применение [9. С. 14] и правильное понимание [12. С. 50] должно позитивно отразиться на решении исследуемой нами проблемы неплатежей.

Таким образом, это будет стимулирующим фактором в борьбе со злостными неплательщиками счетов за услуги, оказываемые в сфере жилищно-коммунального хозяйства.

Литература

1. Гаврилюк Р.В. К вопросу обретения несовершеннолетними полной дееспособности путем эмансипации // Интеллектуальный потенциал образовательной организации и социально-экономическое развитие региона: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. (8–10 апреля 2019 г., г. Ярославль). Ярославль, 2018. С. 44–47.

2. Гаврилюк Р.В. О противоречиях в нормативном регулировании юридической и компенсационной составляющих института реабилитации в российском уголовном процессе // Юрид. мир. 2007. № 6. С. 77–80.

3. Гаврилюк Р.В. Проблемы юридической ответственности // Тенденции и закономерности развития современного российского общества: экономика, политика, социально-культурная и правовая сферы: сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф. (20 апреля 2017 г., Чистополь). Казань, 2017. С. 153–154.

4. Гаврилюк Р.В. Реабилитация в российском уголовном процессе (вопросы теории и практики): дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2008. 189 с.

5. Гаврилюк Р.В. Реабилитация в российском уголовном процессе (вопросы теории и практики): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2008. 33 с.

6. Гражданский кодекс Российской Федерации (Часть I) от 30 ноября 1994 г. (изм. от 16 декабря 2019 г.) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; 2019. № 51. (Ч. I). Ст. 7482.

7. Дело № 2-2094/2015 Коптевского районного суда г. Москвы, 2015 год. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/cHJ4OGYYYiNHX/> (дата обращения: 08.02.2020).

8. За неуплату коммуналки могут лишиться свободы. URL: <https://vm.ru/moscow/663178-za-neuplatu-kommunalki-mogut-lishit-svobody> (дата обращения: 08.02.2020).

9. Ковтун Н.Н., Гаврилюк Р.В. О юридической и компенсационной составляющих института реабилитации в российском уголовном процессе // Следователь. 2007. № 1. С. 14–17.

10. Ковтун Н.Н., Юнусов А.А. Реабилитация в российском уголовном процессе. Нижнекамск, 2007. 215 с.

11. Лунькова В. Долги россиян по ЖКХ превысили полтриллиона рублей [электронный ресурс] // Новости РБК. 2019. URL: <https://realty.rbc.ru/news/5d6638fa9a79472b208b15ce> (дата обращения: 08.02.2020).

12. Носаненко Г.Ю. О правильном понимании юридической ответственности и ее влиянии на коррупцию // Практика противодействия коррупции: проблемы и достижения: сб. ст. IX Всерос. науч.-практ. конф. (7 декабря 2018 г., Казань). Казань, 2019. С. 48–52.

13. Носаненко Г.Ю. Предпосылки становления полицейского государства в России // Актуальные проблемы экономики и права. 2012. № 4 (24). С. 231–236.

14. О вопросах предоставления коммунальных услуг и содержания общего имущества в многоквартирном доме: Пост. Правительства Российской Федерации от 26 декабря 2016 г. № 1498 // СЗ РФ. 2017. № 2 (Ч. I). Ст. 338.

15. О предоставлении коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов: Пост. Правительства Российской Федерации от 6 мая 2011 г. № 354 (ред. от 13 июля 2019 г.) // СЗ РФ. 2011. № 22. Ст. 3168; 2019. № 30. Ст. 4300.

16. Российская цивилизация: учеб. пособие / А.В. Скоробогатов, Б.Г. Кадиров, О.Д. Агапов и др.; под ред. В.Г. Тимирясова. Казань, 2012. 272 с.

17. Салахова М.Г. Неуплата жилищно-коммунальных услуг потребителем как основание привлечения к уголовной ответственности // Проблемы обеспечения, реализации, защиты конституционных прав и свобод человека. 2014. № 3. С. 239–245.

18. Толстой Ю.К. Жилищное право: учебник. 2-е изд., перераб и доп. М., 2014. 192 с.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЕМ ОПЫТА СОСТАВЛЕНИЯ КОДЕКСА КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ О ПРОСТУПКАХ

И.М. Гильманов, канд. юрид. наук, доцент
Набережночелнинский институт ФГАОУ ВО «Казанский
(Приволжский) федеральный университет»,
г. Набережные Челны

М.М. Гильманов, канд. пед. наук, доцент
Набережночелнинский филиал
УВО «Университет управления «ТИСБИ»»,
г. Набережные Челны

Аннотация. Законодатель Кыргызской Республики в целях соблюдения международных документов в 2017 году принял Кодекс о проступках. В законодательстве России такого кодекса нет. Однако, на наш взгляд, необходимо использовать опыт Кыргызской Республики по составлению Кодекса Российской Федерации о проступках с учетом наших реалий. При этом комиссии по составлению УК и УПК РФ также должны учесть положения проекта указанного кодекса. В результате должны появиться уголовные проступки и изменения в категориях преступлений, начиная с менее тяжких, что повлияет на перечень дел частного обвинения.

Ключевые слова: подсудность судов, суды первой инстанции, проступок, дела частного обвинения, преступления небольшой тяжести.

LEGISLATOR'S USE OF DRAFTING EXPERIENCE CODE OF THE KYRGYZ REPUBLIC ON MISCONDUCT

I.M. Gilmanov, M.M. Gilmanov

Abstract. In 2017, in order to comply with international documents, the legislator of the Kyrgyz Republic adopted the Code of Misconduct. There is no such code in Russian legislation. However, in our opinion, it is necessary to use the experience of the Kyrgyz Republic in drawing up the Code of the Russian Federation on misconduct, taking into account our realities. At the same time, the commissions for drawing up the Criminal Code and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation must also take into account the provisions of the draft of this code. As a result, there should be criminal misconduct and changes in the categories of crimes, starting with less serious ones, which will affect the list of cases of private prosecution.

Keywords: court jurisdiction, trial courts, misconduct, cases of private prosecution, crimes of minor gravity.

В России уже более двух лет обсуждают введение нового понятия «проступок». Однако в Кыргызской Республике 1 февраля 2017 г. Законом № 18 был введен Кодекс Кыргызской Республики о проступках [1]. Из чего следует, что российский законодатель отстает по вопросу формирования аналогичного кодекса у нас в стране минимум на пять лет. В связи с этим законодателю необходимо учесть это при принятии нового УПК РФ, а также при разработке нового Кодекса Российской Федерации о проступках.

В ст. 15 Кодекса Кыргызской Республики о проступках дается определение понятию «проступок», под которым понимается «совершение субъектом проступка виновного, противоправного деяния (действие или бездействие), причиняющего вред или создающего угрозу причинения вреда личности, обществу или государству, наказание за которое предусматривается в виде общественных работ, ограничения свободы, лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, исправительные работы, штраф и арест в отношении военнослужащих». На наш взгляд, данное определение является наиболее удачным и его может использовать российский законодатель. Перечень наказаний представлен в ст. 43 УК, однако лишения свободы законодатель не предусмотрел. Для того чтобы понятие проступок логично вписалось

в систему законодательства у нас в стране, необходимо, на наш взгляд, предусмотреть лишение свободы до одного года. Для интереса приведем отдельные составы проступков из соответствующего кодекса. Так, ст. 90 предусматривает кражу в незначительном размере до ста расчетных показателей, с наказанием в виде штрафа или привлечения к общественным работам. В ст. 119 КоП Кыргызской Республики за совершение мелкого хулиганства предусмотрено наказание в виде штрафа либо ограничение свободы.

Согласно ч. 2 ст. 23 действующего УПК Кыргызской Республики [2] к категории дел частного обвинения отнесено семь составов проступков, предусмотренных статьями: 1) 65 «Побои» (ст. 110 предыдущего УПК Кыргызской Республики); 2–3) 66 ч. 1 и 2 «Причинение легкого вреда здоровью» (ст. 112 предыдущего УПК); 4–5) 67 ч. 1 и 2 «Причинение менее тяжкого вреда здоровью...»; 6) 68 «Заражение венерической болезнью»; 7) 84 «Воспрепятствование осуществлению права на свободу совести...» (ст. 146 предыдущего УПК). Из этого перечня видно, что имеет место тенденция сокращения составов проступков, отнесенных к делам частного обвинения. Ст. 65 аналогична ст. 125 Модельного Уголовного кодекса и ст. 66 совпадает со ст. 124 Модельного Уголовного кодекса. Значит, только два первых состава совпадают с проступками, указанными в перечне Модельного Уголовно-процессуального кодекса [3].

В предыдущем УПК Кыргызской Республики 1999 г. было предусмотрено 29 составов преступлений: 1) ст. 110 «Побои»; 2) ч. 2 ст. 112 «Умышленное причинение легкого вреда здоровью»; 3) ч. 1 ст. 126 «Незаконное помещение лица в психиатрический стационар» с максимальным наказанием лишения свободы от 1 до 3 лет; 4) 127 «Клевета»; 5) 128 «Оскорбление»; 6–7) 134 «Нарушение равноправия граждан» (ч. 2 – до 2 лет лишения свободы); 8–9) 135 «Нарушение неприкосновенности частной жизни» (ч. 1 и 2 – по обоим к штрафу); 10–11) 136 «Нарушение тайны переписки...» (ч. 2 – до 2 лет лишения свободы); 12) ч. 1 ст. 137 «Нарушение неприкосновенности жилища» – к штрафу; 13) ч. 1 ст. 139 «Воспрепятствование осуществлению избирательных прав...» – до 2 лет исправительных работ;

14–15) 140 «Подкуп голосов избирателей» – по ч. 2 – до 3 лет лишения свободы; 16–19) 141 ч. 1–4 «Фальсификация избирательных документов...» (ч. 4 – от 3 до 7 лет лишения свободы); 20) 146 «Воспрепятствование осуществлению права на свободу совести...» – до 2 лет исправительных работ; 21–22) 150 «Нарушение авторских, смежных прав...» – ч. 2 – от 3 до 5 лет лишения свободы; 23–24) 151 «Воспрепятствование... деятельности журналиста...» – ч. 2 – ограничение свободы до 3 лет; 25–26) 178 «Воспрепятствование... предпринимательской деятельности» – ч. 2 – до 2 лет лишения свободы; 27–28) 194 ч. 1, 2 «Разглашение коммерческой... тайны...» – ч. 2 – до 5 лет лишения свободы; 29) ч. 1 ст. 324 УК «Незаконное задержание...» – до 1 года лишения свободы.

К концу действия УПК 1999 г. киргизским законодателем были исключены девять составов преступлений: 1) ст. 110 «Побои» (аналогична ст. 125 Модельного УК); 2) ст. 112 «Умышленное причинение легкого вреда здоровью» (аналогична ст. 124 Модельного УК); 3) 127 «Клевета» (ст. 143 Модельного УК); 4) 128 «Оскорбление» (ст. 144 Модельного УК); 5) 141 ч. 1–4 «Фальсификация избирательных документов...»; 6) 150 «Нарушение авторских, смежных прав...» (аналогична ст. 161 Модельного УК). В ходе исключения был дополнен один состав преступления (ч. 2 ст. 126 «Незаконное помещение... в стационар» УК КР). Тем самым стало 20 составов преступлений.

Из 29 составов преступлений, отнесенных к делам частного обвинения, осталось 20, а в настоящее время стало семь составов проступков. Таким образом, из перечня исключили 22 состава преступлений. И это притом, что при составлении УПК 1999 г. за основу был взят Модельный УПК (СНГ), в котором предусматривалось в качестве дел частного обвинения лишь восемь статей: 1) 125 «Побои» (аналогичная ст. 116 УК РФ); 2) 124 «Умышленное причинение легкого вреда здоровью» (ст. 115 УК РФ); 3) 137 «Угроза убийством» (ст. 119 УК РФ); 4) 143 «Клевета» (ст. 128.1 УК РФ); 5) 144 «Оскорбление» (в УК РФ исключен); 6) 161 «Нарушение авторских, смежных прав и прав патентообладателей» (ст. 146–147 УК РФ); 7) 267 «Незаконное использование товарного знака» (180 УК РФ); 8) 286 «Несанк-

ционированный доступ к компьютерной информации» (ст. 272 УК РФ) [4]. Таким образом, в перечне нет трех статей, отнесенных к категории небольшой тяжести: 137 «Угроза убийством...», 267 «Незаконное использование товарного знака» и 286 «Несанкционированный доступ к компьютерной информации» Модельного УК. С учетом этого необходимо отнести отдельные составы проступков к делам частного обвинения.

В ст. 19 Уголовного кодекса Кыргызской Республики «Классификация преступлений» законодатель предусмотрел три разновидности преступлений, начиная с менее тяжких преступлений с максимальным наказанием до 5 лет лишения свободы [5]. А вот небольшой тяжести преступления переведены в разряд уголовных проступков без лишения свободы и регламентируются Кодексом Кыргызской Республики о проступках, что, на наш взгляд, совершенно логично. Однако для успешного применения и логического формирования процессуального законодательства России, на наш взгляд, необходимо составить и ввести новый Кодекс Российской Федерации о проступках. Российский законодатель имеет цель – чтобы лицо, осужденное по данному кодексу, не считалось судимым. Если ранее нами предлагалось предусмотреть максимальное наказание в виде лишения свободы до одного года, то с учетом замысла законодателя и правил логики нами лишение свободы исключается.

Ранее, во второй части ст. 208 УПК Кыргызской ССР 1960 г. указывалось, что судья единолично рассматривает дела по 175 составам преступлений, из которых 39 составов (22,3%) были отнесены к протокольной форме досудебной подготовки материалов. В третьей части приведенной статьи дается еще дополнительный перечень 47 составов преступлений, среди которых два состава, а именно: ч. 2 ст. 208 и ч. 2 ст. 217 УК, отнесены к протокольной форме ($175 + 47 = 222$ состава преступлений, $39 + 2 = 41$, или 18,5%). Включение указанных составов, на наш взгляд, является совершенно верным. Однако в новом УПК Кыргызской Республики 2017 г. протокольная форма по непонятным причинам была исключена. Не загадывая о содержании проекта УПК РФ, считаем необходимым возвращение к практике законодательного закрепления протокольной формы. Большинство государств убедилось в практичности и экономно-

сти для бюджета страны применения частного обвинения и протокольной формы в судах первой инстанции. Такой подход позволит сэкономить время, необходимое для рассмотрения более сложных дел.

Литература

1. Кодекс Кыргызской Республики о проступках. 1 февраля 2017 г. № 18. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/111529?cl=ru-ru>
2. Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики. 2 февраля 2017 г. № 20. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/111530?cl=ru-ru>
3. Модельный Уголовно-процессуальный кодекс для государств-участников СНГ 1996 г. URL: <http://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/ihl-nat-2.htm>
4. Уголовный кодекс Российской Федерации. М., 2020.
5. Уголовный кодекс Кыргызской Республики. 2 февраля 2017 г. № 19. URL: <http://online.zakon.kz>

ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА УНИЧТОЖЕНИЕ ЛИБО ПОВРЕЖДЕНИЕ ВОИНСКИХ ЗАХОРОНЕНИЙ, ОБЕЛИСКОВ, ДРУГИХ МЕМОРИАЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ ИЛИ ОБЪЕКТОВ, УВЕКОВЕЧИВАЮЩИХ ПАМЯТЬ ПОГИБШИХ ПРИ ЗАЩИТЕ ОТЕЧЕСТВА ИЛИ ЕГО ИНТЕРЕСОВ ЛИБО ПОСВЯЩЕННЫХ ДНЯМ ВОИНСКОЙ СЛАВЫ РОССИИ

Э.М. Гильманов, ст. преподаватель
ЧОУ ВО «Казанский инновационный университет
имени В.Г. Тимирязова (ИЭУП)», г. Казань

Аннотация. В Уголовный кодекс Российской Федерации в апреле 2020 года была введена новая ст. 243.4, предусматривающая уголовную ответственность за посягательство на воинские захоронения, обелиски, другие мемориальные сооружения и объекты, которые увековечивают память погибших при защите Отечества, а равно объекты, посвященные дням воинской славы России. Полагаем, необходимо проанализировать вновь введенную статью уголовного закона и рассмотреть перспективы ее применения.

Ключевые слова: уничтожение либо повреждение воинских захоронений, обелисков, других мемориальных объектов; посягательство на объекты, увековечивающие память погибших при защите Отечества; посягательство на объекты культурного наследия.

**ABOUT CRIMINAL LIABILITY FOR DESTRUCTION
OR DAMAGE OF MILITARY GRAVES, OBELISKS, OTHER
MEMORIAL STRUCTURES OR OBJECTS THAT PERPETUATE
THE MEMORY OF THOSE WHO DIED IN THE DEFENSE
OF THE FATHERLAND OR ITS INTERESTS OR DEDICATED
TO THE DAYS OF MILITARY GLORY OF RUSSIA**

E.M. Gilmanov

Abstract. In April 2020, the criminal code of the Russian Federation introduced a new article 243.4, which provides for criminal liability for encroaching on military graves, obelisks, other memorial structures and objects that perpetuate the memory of those who died in the defense of the Fatherland, as well as objects dedicated to the days of military glory of Russia. We believe that it is necessary to analyze the newly introduced article of the criminal law and consider the prospects for its application.

Keywords: destruction or damage of military graves, obelisks, and other memorial objects; encroachment on objects that perpetuate the memory of those who died in the defense of the Fatherland; encroachment on cultural heritage objects.

Федеральный закон № 112-ФЗ от 7 апреля 2020 года ввел в Уголовный кодекс Российской Федерации новую ст. 243.4, в которой предусматривается возможность уголовной ответственности в случае посягательства на воинские и мемориальные сооружения или объекты, увековечивающие память погибших при защите Отечества или его интересов, а равно посвященных дням воинской славы России.

Наиболее вопиющим случаем современной действительности можно считать снос 3 апреля 2020 года в Праге памятника маршалу Ивану Степановичу Коневу, что было однозначно негативно оценено российской стороной. Министр обороны Российской Федерации С. Шойгу написал официальное письмо своему чешскому коллеге Л. Метнару с просьбой передать России указанный памятник. Данное письмо было открыто опубликовано на сайте компартии Чехии и Моравии, и в нем было указано, что только в ходе пражской стратегической операции погибло и было ранено более 50 тысяч советских граждан, поэтому Россия не может оставаться безучастной в ситуации сноса памятника освободителю Праги от нацистов, отметил министр [9]. Решительный протест также выразило и посольство России

в Чехии. Глава Следственного комитета А. Бастрыкин возбудил уголовное дело в отношении иностранных чиновников, ответственных за снос памятника советским воинам, совершенный публично [8].

Чешская сторона подготовила ответ, суть которого заключается в том, что памятник не является военным захоронением, не является собственностью Министерства обороны Чехии и поэтому не может быть передан российской стороне. Решение о сносе памятника маршалу Коневу приняли еще в сентябре 2019 года власти района Прага-6, решив передать его частным лицам. В то же время пресс-секретарь Президента Чехии Милоша Земана Йиржи Овчачек назвал снос памятника позором, так как именно Конев освобождал лагерь смерти Освенцим и Чехословакию от нацистов [9].

В настоящее время имеется информация, что памятник Коневу перенесут в новый Музей Праги XX века, однако буквально накануне 9 мая 2020 года стало известно, что неизвестные вандалы поставили на пьедестал памятника двухметровый унитаз из пенопласта [2]. Приехавший наряд полиции снял указанный предмет с постамента, начато расследование.

Указанная ситуация способствовала изменению действующего российского уголовного законодательства, хотя, отметим, уголовное дело в отношении чешских чиновников возбуждено по ч. 3 ст. 354.1 УК РФ [8] за осквернение символов воинской славы России, совершенное публично. Констатируется, что указанные циничные действия грубо нарушили взятые на себя Чешской Республикой обязательства в рамках двусторонних договоренностей с Российской Федерацией и продемонстрировали пренебрежение общей памятью и историей борьбы советского народа с фашизмом.

Ранее памятник Коневу также неоднократно подвергался нападениям. В частности, в мае 2018 года памятник облили розовой краской, в августе 2019 года на памятник нанесли надпись «Нет кровавому маршалу, не забудем 1968», что связано с противоречивым отношением чешского населения к вводу войск Варшавского блока в Чехословакию в 1968 году.

Появление приведенного нового состава связано с тем, что предшествующее уголовное законодательство фактически

не давало такой возможности, так как посягательство на объекты воинской славы фактически приравнивалось к посягательству на объекты культурного наследия, хотя фактически данным понятием не охватывалось.

Нельзя сказать, что ранее аналогичные неоднозначные решения иностранных властей в отношении памятников советским воинам не осуществлялись. В частности, Парламент Эстонии принял в 2007 году закон «Об охране воинских захоронений», в котором заложил основы для демонтажа монументов советским воинам и переносу их могил [3]. По данному закону возможен снос памятников, монументов и захоронений, если имеется «общественная необходимость». Так, в сентябре 2019 года в эстонском поселке Таэбла снесли памятник павшим советским воинам; от братского захоронения ничего не осталось. Как объяснила местная администрация, расположение могилы «не позволяло сохранить достойное обращение с ней», передает ТАСС [1]. На месте уничтоженной братской могилы построили новую школу.

В Риге (Латвия) в 2012 году также был снесен памятник советским воинам-освободителям, причем данному факту предшествовал сбор подписей через ресурсы интернета [7].

В соответствии с положениями ст. 243 УК РФ, объектами культурного наследия (памятниками истории и культуры народов Российской Федерации) являются объекты, включенные в единый государственный реестр объектов культурного наследия либо выявленных объектов культурного наследия, что охватывается также положениями Федерального закона от 25 июня 2002 года № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» [6], соответственно уничтожение или повреждение воинских захоронений, а также памятников, стел, обелисков и иных мемориальных сооружений и объектов не всегда в полной мере охватывается указанными положениями.

Содержание объективной стороны нового состава ст. 243.4 УК РФ состоит в двух альтернативных действиях [5. С. 253] – уничтожении, под которым понимается полное уничтожение объекта, альтернативно указанного в ст. 243.4. УК РФ, либо повреждении тех же объектов [4. С. 48]. В данном случае объект

понимается как материальный носитель информации о памяти погибших при защите Отечества и его интересов.

Полагаем, что нужно положительно оценить введение в УК РФ нового состава рассмотренного преступления, что будет, несомненно, способствовать большей охране и защите сооружений и объектов, увековечивающих память погибших при защите Отечества и его интересов, а равно посвященных дням воинской славы России как на непосредственной территории Российской Федерации, так и в иностранных государствах.

Литература

1. Антонов А. Стали известны подробности сноса памятника советским воинам в Эстонии // Взгляд. Новая газета. URL: <https://vz.ru/news/2019/10/25/1004916.html> (дата обращения: 09.05.2020).

2. Ануфриева К. В Праге вандалы осквернили пьедестал, на котором стоял памятник маршалу Коневу // Комсомольская правда. URL: <https://www.kp.ru/online/news/3865980/> (дата обращения: 09.05.2020).

3. В Эстонии узаконен снос памятников советским воинам. URL: <https://www.vesti.ru/doc.html?cid=9&id=90706> (дата обращения: 09.05.2020).

4. Гильманов Э.М. Некоторые аспекты уголовной ответственности за повреждение или уничтожение объектов культурного наследия // *Oeconomia et Jus*. 2019. № 1. С. 47–55.

5. Мусина Р.Р. К вопросу об основаниях и способах формулирования составов преступлений с альтернативными признаками объективной стороны // Актуальные проблемы экономики и права. 2011. № 3 (19). С. 250–254.

6. Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации: Федер. закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ (в ред. от 03.08.2018 № 342-ФЗ) // Рос. газета. 2002. № 116–117.

7. Памятник Советским воинам-освободителям Риги «заслуживает сноса» – министр обороны Латвии. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/594244> (дата обращения: 09.05.2020).

8. СК ответил уголовным делом на снос памятника Коневу в Праге. URL: <https://www.rbc.ru/society/10/04/2020/5e901dc09a79479360a7e97d> (дата обращения: 09.05.2020).

9. Шойгу попросил Чехию передать России памятник маршалу Коневу // РИА Новости. URL: <https://news.mail.ru/politics/41318017/?frommail=1> (дата обращения: 09.04.2020).

КОММУНИКАЦИЯ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Д.И. Гимадеева, секретарь судебного заседания
Ленинский районный суд г. Ульяновска, г. Ульяновск

Аннотация. В связи с ускоренными темпами развития технического прогресса, включая технические средства коммуникации, средства доказывания в уголовном процессе также должны изменяться в соответствии с технологическими новшествами. Но нормы, регламентирующие способы и порядок их применения на данный момент, рассредоточены по статьям УПК РФ и другим нормативно-правовым актам, регулирующим данную сферу, не образуют целостную систему, а также не имеют точного определения, что осложняет возможность применения таких средств и создает вопросы о допустимой области доказывания. Для устранения данных проблем в статье предлагаются пути их решения.

Ключевые слова: уголовный процесс, технические средства, ресурсы сети «Интернет», следственные действия, средства коммуникации.

COMMUNICATION OF TECHNICAL MEANS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

D.I. Gimadeeva

Abstract. In view of the accelerated pace of technological progress, including the technical means of communication, the means of evidence in criminal proceedings must also be modified in accordance with technological innovations. But the rules regulating the methods and procedures for their application are currently dispersed according to the articles of the Russian Code of Ethics and other normative legal acts regulating this sphere, do not form a complete system, and also do not have an accurate definition, which complicates the possibility of using such means, and also create questions about the permissible area of evidence. To solve these problems, the article suggests ways to solve them.

Keywords: criminal process, technical means, Internet resources, investigative actions, means of communication.

О.В. Корнеева отмечает: «Развитие правового механизма, регулирующего доказывание в уголовном процессе, происходит по общим закономерностям, одной из них как раз и является переход от постиндустриального общества к информационному обществу и возврат на новом технологическом уровне к прямому, устному сообщению участников коммуникации-доказывания посредством информационно-телекоммуникационных сетей» [2. С. 4]. В связи с этим законодательный базис,

на котором находится правовое урегулирование вопросов применения технических средств коммуникации в уголовном судопроизводстве, нуждается в постоянном развитии и корректировке. Урегулирование этого вопроса позволило бы избежать возможных конфликтных ситуаций и разночтений при оценке доказательств следователем либо судом, а также противоречивых толкований процессуального закона по отношению к использованию информации, полученной посредством технических средств.

Проведенный анализ норм процессуального законодательства, регулирующих использование технических средств, позволяет нам утверждать, что до сих пор нигде нет определения термина «технические средства», а также положений, раскрывающих сущность формулировок о технических средствах.

Однако те средства, которые понимаются в УПК как технические, могут пониматься под разными смысловыми значениями, в зависимости от контекста отдельно взятой нормы. Во-первых, в общепринятом смысле: как средства фиксации – «если по решению следователя понятия в следственных действиях не участвуют, то применение технических средств фиксации хода и результатов следственного действия является обязательным» (ст. 170 УПК РФ); во-вторых, как средства для протоколирования – «протокол может быть написан от руки или изготовлен с помощью технических средств. При производстве следственного действия могут также применяться стенографирование, фотографирование, кино съемка, аудио- и видеозапись» (ст. 166 УПК РФ); в-третьих, как средства, конструктивно предназначенные для установления необходимых сведений – «применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела» (ст. 58 УПК РФ); в-четвёртых, как средства проверки – «в целях применения аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля или умышленного повреждения, уничтожения, нарушения целостности указанных средств либо совершения им иных действий, направленных на нарушение функционирования применяемых к нему аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля» (ст. 107 УПК РФ). Одновременно с этим, УПК России содержит формулировки использования любых средств коммуникации

(п. 14.1 ст. 5 УПК РФ); средств связи и информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (п. 4 ч. 7 ст. 107 УПК РФ); абонентских устройств (пользовательского оборудования) (ст. 186.1 УПК РФ); систем видеоконференц-связи (ч. 4 ст. 240 УПК РФ) и др.

В научной литературе даются различные определения технических средств в уголовном судопроизводстве. Так, В.Н. Чулахов, В.Ю. Иванов, Д.К. Скотников указывают, что технические средства – «это совокупность технических устройств, предназначенных для собирания, оценки и проверки доказательств» [7. С. 40]. Н.В. Максимов понимает под ними «технические устройства, ориентированные на приёмы расследования, обнаружения, фиксации, изъятия, упаковки, исследования вещественных доказательств, подготовки сравнительных образцов для проведения экспертизы и иные действия по их применению с целью формирования доказательств» [4. С. 361].

Обобщая всё вышеперечисленное, считаем целесообразным согласиться с точкой зрения В.В. Богданова, выдвинувшего предложение о формулировке определения технических средств коммуникации: «технические средства коммуникации в уголовном процессе – средства технического обеспечения процессов сбора, хранения, передачи, проверки и использования сведений, полученных из различных источников информации» [1. С. 121]. При теоретическом исследовании процессуального порядка осуществления следственных действий с использованием технических средств коммуникации нельзя не обратить внимание на отсутствие терминологического закрепления самих понятий «технические средства» и «следственные и иные процессуальные действия». Н.В. Максимов и Ю.А. Кузьмин определяют следственные действия как «действия дознавателя, следователя, прокурора и суда по собиранию и проверке доказательств, непосредственно направленные на установление и доказывание имеющих значение для уголовного дела фактических обстоятельств, характеризующиеся детальной процедурой производства и оформления, обеспеченные уголовно-процессуальным приложением» [6. С. 406].

Рассмотрим решение данной проблемы на примере проведения допроса и очной ставки. Порядок вызова на допрос, рег-

ламентированный ч. 1 ст. 188 УПК РФ, предполагает «наличие повестки, в которой указываются, кто и в каком качестве вызывается, к кому и по какому адресу, дата и время явки на допрос, а также последствия неявки без уважительных причин» [5. С. 271].

Традиционно под средствами связи, используемыми для вызова на допрос, понимают вид почтовой связи в его обычном проявлении. В связи с этим, несмотря на соблюдение процессуальной формы вызова на допрос, отсутствует удостоверительный элемент фиксирования вручения повестки: «повестка вручается лицу, вызываемому на допрос, под расписку» (ч. 2 ст. 188 УПК РФ). В связи с этим необходимо более рационально использовать такие технические средства, которые позволяют зафиксировать вызов технически [3. С. 331]. К примеру, средства мобильной и сотовой связи, ресурсы сети «Интернет», социальные сети. Внедрение данных средств связи уже происходит на практике, но пока всё равно преимущественное место занимают почтовые отправления. Иные средства связи используются лишь в исключительных случаях, когда имеется вероятность, что данный вызов может не дойти до адресата. Существуют предложения о внесении на рассмотрение внедрения такой формы допроса, как «самодопрос» посредством средств видеосвязи, записи на электронные носители, либо посредством информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Считаем данный способ недопустимым, так как это лишает допрос основного элемента – диалога следователя и обвиняемого (подозреваемого) в форме «вопрос-ответ».

Думается, будет правильным внедрение допроса по прямой онлайн-трансляции, ввиду экономии ресурсов, затрачиваемых на ведение уголовного судопроизводства, удобства для людей с ограниченными возможностями, временно не имеющими возможности самостоятельно прибыть для личного проведения допроса либо очной ставки при наличии уважительных причин. Подобные ограничения стоит ввести ввиду сокращения количества уклоняющихся от ответственности. Таким образом, необходимо:

1) введение новой терминологии в законодательство, регулирующее отношения между участниками уголовного судопро-

изводства, использование технических средств коммуникации с внедрением современных технологий;

2) внесение изменений в УПК РФ в виде дополнительных статей, регламентирующих использование технических средств коммуникации в процессуальных действиях уголовного судопроизводства;

3) введение новых способов реализации уголовно-процессуальных действий посредством внедрения новейших технологий средств коммуникации;

4) введение чёткого разграничения субъектов, имеющих право и (или) обязанность использовать в процессе уголовного судопроизводства технические средства коммуникации;

5) определение пределов допустимости использования технических средств коммуникации.

Литература

1. Корнеева О.В., Богданов В.В., Габдрахманов Ф.В. Виды наказаний, назначаемых несовершеннолетним, в России, Белоруссии и Казахстане: сравнительно-правовой анализ // Евраз. юрид. журн. 2015. № 8 (87). С. 121–125.

2. Корнеева О.В. Система профилактики правонарушений несовершеннолетних и ее совершенствование // Вестн. юрид. ин-та. 2002. № 3 (5). С. 4–10.

3. Максимов Н.В. Нормативно-правовые аспекты соблюдения конституционных положений в ходе криминалистической регистрации // Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики: сб. материалов III Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2013. С. 331–335.

4. Максимов Н.В. О достоинствах и недостатках таблицы А. Бертильона для определения роста преступника по следу обуви // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: сб. материалов XXI Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 2016. С. 361–365.

5. Максимов Н.В. Применение средств и методов криминалистической техники как конституционная гарантия соблюдения прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве // Конституция Российской Федерации как гарант прав и свобод человека и гражданина при расследовании преступлений: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф.: в 3 ч. М., 2013. С. 271–274.

6. Максимов Н.В., Кузьмин Ю.А. Проблема истины при вероятностном выводе судебной экспертизы // Актуальные проблемы юрид. науки и правоприменит. практики: сб. материалов 4-й Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2014. С. 406–409.

7. Чулахов В.Н., Иванов В.Ю., Скотников Д.К. О малой эффективности способов расчета примерного роста человека по следам ног // Судебная экспертиза. 2008. № 2 (14). С. 40–52.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО

Ю.В. Голик, д-р юрид. наук, профессор,
академик Международной Славянской академии
ФГКОУ ВО «Московская академия
Следственного комитета Российской Федерации», г. Москва

Аннотация. Проведен анализ проблемы становления и развития гражданского общества. Рассмотрены вопросы соотношения уголовного права и гражданского общества в контексте изучения изменения в уголовном законе. Указывается на необходимость контроля со стороны государства существующих организаций и объединений гражданского общества.

Ключевые слова: гражданское общество, уголовное право, преступность, контроль.

CRIMINAL LAW AND CIVIL SOCIETY

Yu.V. Golik

Abstract. The analysis of the problem of formation and development of civil society is carried out. The issues of correlation between criminal law and civil society in the context of studying changes in the criminal law are considered. The author points out the need for state control of existing organizations and associations of civil society.

Keywords: civil society, criminal law, crime, control.

Проблема гражданского общества периодически поднимается на страницах разных изданий. Несколько лет назад с лёгкой руки Александра Оболонского многие стали взхлёб цитировать слова нобелевского лауреата по экономике Дугласа Норта: «Недоверие к власти должно быть первейшим гражданским долгом» [2]. Наверное, Д. Норт был хорошим экономистом, все-таки лауреат премии памяти Нобеля (её часто называют нобелевской премией), но в данном случае он стал играть на чужом поле и получилось совсем неважно. Если вчитаться, а главное, вдуматься в эти слова, то они явно отдают паранойей. Получается, что любой гражданин должен жить в состоянии постоянного недоверия ко всему и вся. Но это почти мания преследования. Отсюда и до психлечебницы не так далеко.

В общем-то в этих откровениях Норта нет ничего нового. Ещё А.С. Пушкин в «Борисе Годунове» вложил в уста царя слова: «живая власть для черни ненавистна, они любить умеют

только мёртвых». Чернь – это тоже формат гражданского общества. А недоверие – мягкая форма ненависти, которая очень легко может перерасти в самую ненависть. Примеров в окружающей действительности вполне достаточно.

Идея гражданского общества появилась давно. Наверное, одним из первых о нём написал Марсилиус Падуанский [3]. Разумеется, он понимал гражданское общество совсем не в нашем понимании, труд написан был в 1324 г. Сам термин «гражданское общество» недостаточно адекватно переводит то, как писал автор. Перевод – это всегда искусство интерпретации, тем более если речь идёт о переводе текстов, написанных почти семь веков тому назад. Тем не менее М. Падуанский писал о гражданском обществе как о предшественнике государства. Это само по себе интересно.

В современный период времени под гражданским обществом понимают совокупность общественных отношений, нацеленных на самоорганизацию общественной жизни и на формирование справедливых общественных отношений, не зависящих от государственной власти [6]. Гегель видел задачу гражданского общества в постоянной борьбе с государством [1]. Возможно, тогда, когда он это писал, так и было. В настоящее время многие исследователи склоняются к тому, что гражданское общество и государство должны быть нацелены на совместное улучшение благосостояния своих граждан. В противном случае оба эти института становятся никому не нужны. Иногда ждут каких-то организаций, представляющих гражданское общество. Самая мощная демонстрация гражданского общества в наши дни – бессмертный полк.

Вся сфера борьбы с преступностью, как и само уголовное право, всегда привлекали пристальное внимание граждан и различных организаций гражданского общества. Недаром Н.С. Таганцев более ста лет назад неоднократно отмечал в своих работах, что уголовное право вырабатывается самим народом [5]. Уголовное право ближе стоит ко всем гражданам, затрагивает в той или иной степени интересы каждого, поэтому оно и интересно своими решениями и само по себе очень многим. Например, когда в июле 2016 г. в ст. 116 УК РФ «Побои» были внесены совершенно нелепые и не известно откуда взявшиеся

изменения, пошла лавина всевозможных крайне негативных комментариев по этому поводу. Очень часто они исходили не от юристов. Такое массовое невосприятие глупости привело к тому, что уже в феврале 2017 г. статья была вновь изменена. Нечто подобное происходило и в 2011–2012 гг., когда из Уголовного кодекса неожиданно была выброшена ст. 129 «Клевета». Тогдашнему президенту почему-то так захотелось. Но через полгода новый президент всё вернул на место. Правда, возвращение произошло в какой-то странной форме: вместо ст. 129 появилась ст. 128¹. Почему? – Никто не объяснил.

Это – неорганизованные и стихийные процессы, которые тем не менее очень значимы и показательны. Они со всей очевидностью демонстрируют равнодушие наших граждан к происходящему и желание исправить положение, когда оно не устраивает людей. Люди в данном случае демонстрируют свою самоуправляемость. Разумеется, власть далеко не всегда положительно реагирует на такие протесты. Тогда, когда затрагиваются конкретные интересы конкретных людей, власть никаких протестов предпочитает не замечать.

Так, когда в 2003 г. из УК РФ была изъята ст. 52 «Конфискация», это вызвало очень сильный протест специалистов. Ещё накануне принятия этого закона несколько больших научных и научно-практических конференций приняли соответствующие заявления, в которых подчёркивалась нелепость и непродуманность такого шага – исключение конфискации из видов наказаний. В ответ – тишина. Или откровенная ложь. Значит, в изъятии конфискации как вида уголовного наказания из Уголовного кодекса были очень заинтересованы вполне конкретные и достаточно властные лица. Другого объяснения просто нет. Чуть позже, как мы знаем, конфискацию в УК вернули, но в таком нелепом виде, что объяснять это не стоит. Этот ряд примеров, к сожалению, можно продолжать, но не в их количестве дело. Дело в том, что они имеют тенденцию к продолжению, а это очень плохо. Почему? По той простой причине, что такие изменения законодательства не решают проблему, а загоняют её в угол или в банку. Капсулируют её, а нерешённые и нерешаемые политические и социально-экономические проблемы могут быть причиной протестных акций в обществе. Самых разных [4].

Существует множество организаций, являющихся формированиями гражданского общества, принимающих участие в деле борьбы с преступностью. По некоторым данным, их суммарное количество в мире достигает десяти тысяч. Есть такие организации и в России. Одними из первых в своё время стали появляться (или возрождаться) народные дружины. Там, где граждане не желали мириться с разгулом уличной преступности, где органы правопорядка не могли навести должный порядок, граждане объединялись в некоторые ячейки и сами начинали наводить порядок. Иногда достаточно эффективно. Нельзя не отметить, что эти организации не всегда соблюдают все нормы закона. Это вызывает жалобы и протесты. Прежде всего со стороны тех, кто подвергся воздействию дружинников. Это понятно. Не понятно другое: органы власти находят время и силы заниматься этими нарушениями (очень часто придуманными), но не находят возможности противодействовать настоящим правонарушениям. Как это понимать? – Только как прямое потакание нарушителям.

Основная форма участия гражданского общества в общественных процессах в современный период – это контроль над принимаемыми решениями и над процессом их реализации. Важно отметить, что организации гражданского общества не ставят цель контроля как самодовлеющую. Контроль не ради контроля, а контроль ради получения искомого результата, результата позитивного. При этом предполагается, что структуры гражданского общества в этом случае активно взаимодействуют с государством. Ведь нацелены все на один и тот же результат.

Сам по себе контроль должен быть законным, своевременным и прозрачным, позволяющим всем заинтересованным сторонам наблюдать весь процесс контроля со стороны. Разумеется, никакие права и законные интересы других граждан и организаций при проведении контрольных мероприятий страдать не должны.

Сильное государство не боится гражданского общества. Оно заинтересовано в сильном гражданском обществе. Так и будет.

Литература

1. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990.
2. Оболонский А. Право на протест // НГ-Политика. 2013. 21 мая. С. 15.
3. Падуанский М. Защитник мира. М., 2014. С. 75–78.
4. Сюкияйнен Л.Р. «Арабская весна» и исламская правовая мысль // Право. 2003. № 1. С. 16–37.
5. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая: в 2 т. М., 1994. Т. 1. С. 17 и послед.
6. Филимонов В.Д. Гражданское общество и его взаимодействие с государством // Политика и общество. 2011. № 5. С. 9–18.

НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Н.И. Головина, магистрант
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет
имени И.Н. Ульянова», г. Чебоксары

Аннотация. Анализируются тенденции развития гражданского законодательства Российской Федерации. Автор отмечает, что реформирование гражданского законодательства опирается на Концепцию развития гражданского законодательства, которая представляет собой практическое руководство по осуществлению конкретной деятельности в указанной сфере, а не теоретико-методологическую модель путей решения проблем, связанных с реформированием гражданского законодательства.

Ключевые слова: гражданское законодательство, тенденции реформирования, диспозитивность договорного регулирования.

SOME TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF CIVIL LEGISLATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

N.I. Golovina

Abstract. The article analyzes trends in the development of civil legislation in the Russian Federation. In the article, the author notes that civil law reform is based on the Concept of civil law development, which is more of a practical guide to the implementation of specific activities in this area than a theoretical and methodological model for solving problems related to civil law reform.

Keywords: civil legislation, reform trends, and dispositivity of contractual regulation.

Для современного реформирования гражданского законодательства характерна такая тенденция, как усиление системного

действия его норм [2. С. 513]. В контексте тенденции, связанной с усилением системности действия норм гражданского законодательства, важное практическое и теоретическое значение имеет проблема соотношения и взаимосвязи общих и специальных норм в рамках тех или иных системных образований (отрасли, подотрасли права и т.д.) [5. С. 5].

Применительно к сфере обязательственного права исходные положения об этом содержатся в ст. 3071 ГК РФ, согласно п. 1 которой к обязательствам, возникающим из договора, общие положения об обязательствах применяются, если иное не предусмотрено правилами об отдельных видах договоров, содержащимися в ГК РФ и иных законах, а при отсутствии таких специальных правил – общими положениями о договоре. Таким образом, в регулировании договорных обязательственных правоотношений примат закреплен за специальными правилами об отдельных видах договоров, а если таковые отсутствуют, то на втором плане находятся общие положения о договоре, и лишь только в том случае, когда отсутствуют указанные специальные правила и иное не предусмотрено общими положениями о договоре, могут применяться общие положения об обязательствах.

Представляется некорректным говорить в императивной форме о приоритете норм, регулирующих отдельные виды и разновидности договоров, перед общими положениями об обязательствах и общими положениями о договоре в том смысле, что последние подлежат применению лишь в субсидиарном порядке. В связи с этим представляется необходимым обратить внимание на следующее. Во-первых, общие положения об обязательствах и общие положения о договоре могут применяться на практике как вместе с нормами об отдельных видах договоров и их разновидностях, так и самостоятельно, отдельно от них в тех случаях, когда соответствующие моменты не урегулированы специальными нормами, если это не запрещено законом и не вытекает из существа регулируемых общественных отношений. Во-вторых, нормы, регулирующие отдельные виды и разновидности договоров, не должны иметь приоритетного значения перед общими положениями об обязательствах и общими положениями о договоре также и в тех случаях, когда в них регламентированы в императивном порядке те или иные нормативные

требования, касающиеся установления общих рамок правового регулирования договорных обязательственных правоотношений, преследуемых при этом целей и задач, а также иных принципиально важных положений, которым не соответствуют специальные нормы, регулирующие конкретные виды и разновидности договорных отношений.

Однако особо острую форму в контексте унификации и дифференциации гражданского законодательства приобретает проблема существования нормативных противоречий как в рамках отраслевого гражданского законодательства, так и на межотраслевом уровне. В первом случае, например, обращает на себя внимание противоречие между нормой, регламентирующей общее положение, касающееся предмета залога, и специальным правилом, регулирующим отдельный вид залога в ГК РФ. Так, в соответствии с абз. 1 п. 1 ст. 339 ГК РФ в договоре залога должны быть указаны предмет залога, существо, размер и срок исполнения обязательства, обеспечиваемого залогом. Причем условия, относящиеся к основному обязательству, считаются согласованными, если в договоре залога имеется отсылка к договору, из которого возникло или возникнет в будущем обеспечиваемое обязательство. А в абз. 2 п. 2 этой же статьи ГК РФ говорится о том, что в договоре залога, залогодателем по которому является лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность, предмет залога может быть описан любым способом, позволяющим идентифицировать имущество в качестве предмета залога на момент обращения взыскания, в том числе путем указания на залог всего имущества залогодателя или определенной части его имущества либо на залог имущества определенных рода или вида [4. С. 42].

Таким образом, в последнем случае предмет залога – существенное условие договора, – по сути, носит неопределенный характер («все имущество залогодателя» и т.п.), а следовательно, невозможно будет определить и другие условия, связанные с предметом залога. Во втором случае – речь идет о «разбалансированности» правового регулирования на межотраслевом уровне – обращают на себя внимание многочисленные противоречия и «нестыковки», возникающие между нормами ГК РФ и иными законами, в том числе кодифицированными актами. В этом плане

можно найти немало случаев, сравнив, например, положения о вещных правах, содержащиеся в ГК РФ, и нечто подобное, о чем идет речь в Земельном кодексе Российской Федерации.

Для разрешения подобного рода проблем необходима глубокая теоретическая и методологическая разработка конструкции межотраслевого нормативного образования. При этом представляется необходимым обратить внимание на двоякого рода взаимосвязь правовых норм в пределах указанных комплексных нормативных образований [1. С. 95].

Важное место в системе реформирования гражданского законодательства занимают положения, касающиеся расширения свободы договора, – конструкции, выступающей одной из важнейших характеристик гражданского права. Поэтому не случайно в процессе реформирования названного законодательства возникло немало споров по поводу данной юридической конструкции, в особенности пределов действия и практического применения принципа свободы договора, а также использования при этом соответствующих правовых средств. В связи с этим авторами выдвигались различные предложения. Одно из них заключалось в том, чтобы в ГК РФ (ст. 421 ГК РФ) закрепить общее положение, в соответствии с которым все нормативное регулирование договорных отношений, содержащееся в названном кодексе, носит диспозитивный характер, т.е. все нормы кодекса, регулирующие договоры, подлежат применению лишь постольку, поскольку иное не предусмотрено договором. Другое предложение сводилось к тому, чтобы существенно расширить рамки диспозитивного регулирования договорных отношений, в особенности это касается договоров в предпринимательской сфере.

Высказывались также и соображения о том, чтобы провести «ревизию» конкретных видов договоров, содержащихся главным образом в части второй ГК РФ, чтобы там, где это необходимо и целесообразно, ослабить императивное регламентирование, заменив соответствующие императивные нормативные установления на диспозитивные нормы.

Представляется, что проблема, касающаяся расширения диспозитивности договорного регулирования, может быть эффективно разрешена при использовании следующих способов и средств правового воздействия на общественные отношения.

Во-первых, целесообразно в ст. 421 «Свобода договора» ГК РФ закрепить в качестве общего положения презумпцию диспозитивности норм о договорах, за исключением тех случаев, когда специальными правилами, регулируемыми отдельные виды и разновидности договорных обязательств, предусмотрено иное.

Во-вторых, в специальных нормах, регулирующих отдельные виды и разновидности договоров, закрепленных главным образом в части второй ГК РФ и других законах, необходимо предусмотреть все случаи императивного регламентирования тех или иных обязательственных правоотношений (их отдельных аспектов), когда это необходимо в целях обеспечения публичных интересов, прав и законных интересов «слабой» стороны, интересов третьих лиц.

В-третьих, при интерпретации норм в качестве императивных необходимо исходить не только из их формально-догматических конструкций как правил, в которых отсутствует указание на то, что в договоре стороны могут отступить от этих правил и предусмотреть иные условия договора, но также учитывать сущность соответствующих норм, цели законодательно-регулирующего тех или иных договорных отношений, а также публичные интересы [3. С. 74].

Обеспечить эффективное реформирование российского гражданского законодательства могут: 1) происходящие в настоящее время в России экономические, организационно-структурные, социально-культурные и другие важнейшие преобразования, тенденции, наметившиеся в правоприменительной практике, а также ряд иных явлений частноправовой действительности, обуславливающих необходимость их законодательного упорядочения, правового регулирования, стимулирования их развития в необходимом направлении; 2) философские, общенаучные, конкретно-научные, прежде всего юридической науки, знания, а непосредственно – законоведение, учение о законодательстве, закономерностях и путях его формирования и развития, его цели и задачи и т.п.

Реформирование гражданского законодательства на сегодняшний день опирается на Концепцию развития гражданского законодательства, которая представляет собой практическое руководство по осуществлению конкретной деятельности в ука-

занной сфере, чем теоретико-методологическую модель понимания и путей решения проблем, связанных с реформированием гражданского законодательства, опирающуюся на современную частнопроводную политику Российской Федерации.

Литература

1. Витрянский В.В. Реформа Российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. М., 2016. С. 94–98.
2. Иванова Е.В., Алексеев А.М., Семенова Н.В. Совершенствование гражданского законодательства в вопросах компенсации морального вреда // Правовое регулирование культурно-досуговых отношений и спортивной деятельности в контексте общественных и нравственных ценностей: современное состояние и мировые тенденции: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2019. С. 513–517.
3. Семякин М.Н. Основные тенденции развития гражданского законодательства Российской Федерации (ч. 2) // Вестн. Челябинск. гос. ун-та. Сер. Право. 2018. Т. 3. Вып. 2. С. 70–76.
4. Суханов Е.А. Вещное право: науч.-познават. очерк. М., 2017. С. 41–45.
5. Яковлев В.Ф. О системном применении права // Вестник ВАС РФ. 2007. № 3. С. 5–6.

О ПРЕВЫШЕНИИ ПОЛНОМОЧИЙ СОТРУДНИКОМ ЧАСТНОГО ОХРАННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ

В.Ю. Голубовский, д-р юрид. наук, профессор
ФГБОУ ВО «Российский государственный
социальный университет», г. Москва

Аннотация. Для того чтобы расследовать и раскрыть уголовное дело или обеспечить охрану какому-либо объекту или человеку, достаточно часто прибегают к услугам частного детектива или частного охранного агентства. При выполнении своих обязанностей эти лица могут превысить свои полномочия. Подобное деяние регулируется ст. 203 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: частный детектив, частное охранное агентство, состав преступления, наказание.

ON THE ISSUE OF ABUSE OF AUTHORITY BY A PRIVATE SECURITY COMPANY EMPLOYEE

V.Yu. Golubovsky

Abstract. In order to investigate and solve a criminal case or provide security to any object or person, they often resort to the services of a private detective or a

private security agency. In the performance of their duties, these persons may exceed their authority. Such an act is regulated by Art. 203 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: private detective, private security agency, crime, punishment.

В настоящее время деятельность частных детективов и работников частных охранных организаций является достаточно востребованной. Однако ситуации, при которых частные детективы и работники частных охранных организаций, имеющие удостоверение частного охранника, совершают действия, выходящие за пределы их полномочий, которые устанавливаются законодательством Российской Федерации, и существенно нарушают права и законные интересы граждан и организаций, а также охраняемые интересы общества и государства, происходят довольно часто. Согласно законодательству Российской Федерации индивидуальные предприниматели и организации могут оказывать на договорной возмездной основе услуги физическим и юридическим лицам по защите их законных прав и интересов.

Для начала необходимо раскрыть значение нескольких ключевых понятий, которые содержит в себе законодательная норма.

Частный детектив – гражданин Российской Федерации, зарегистрированный в качестве индивидуального предпринимателя, получивший в установленном настоящим законом порядке лицензию на осуществление частной детективной (сыскной) деятельности.

Удостоверение частного охранника – документ, дающий право частному охраннику работать по трудовому договору с охранной организацией на должности, связанной непосредственно с оказанием охранных услуг.

Как правило, частная детективная и охранный деятельность представляет собой оказание на возмездной договорной основе услуг физическим и юридическим лицам в целях защиты законных прав и интересов своих клиентов.

Ст. 203 Уголовного кодекса Российской Федерации регулирует общественные отношения в случае, если были превышены полномочия детектива или охранника. Законодатель говорит,

что уголовная ответственность наступает в случае, если действия указанных выше лиц нарушают права и законные интересы других людей.

Помимо интересов граждан детектив или охранник, который злоупотребляет своими должностными полномочиями, ущемляет права и организации.

За превышение своих полномочий охранником или другим лицом предусмотрена уголовная ответственность. Санкции, назначаемые председательствующим, зависят от степени тяжести деяния. Законодатель предусматривает следующие карательные мероприятия:

- штраф – его размер варьируется от ста до трёхсот тысяч рублей. Как выплата рассматривается лишение виновного дохода максимум до двух лет;

- работы принудительного характера – срок работ устанавливается максимум на два года. Как дополнительное наказание вместе с работами применяется санкция в виде запрета занимать установленные судом должности и заниматься деятельностью, запрещённой председательствующим;

- лишение свободы на срок до семи лет – такое наказание применяется в том случае, если охрана или детектив применили насилие в отношении гражданина.

Указанные санкции равносильны тому вреду, который правонарушитель наносит обществу своими действиями. Суд вправе временно отобрать лицензию, разрешающую осуществлять детективную или охранную деятельность.

Работники частного охранного предприятия, выполняя свои обязанности, могут проявить избыточный энтузиазм, что вполне может привести к непоправимым последствиям. Это и составляет объективную сторону преступления. Субъектом преступления выступает гражданин, достигший возраста 18 лет и обладающий особой профессией – охранник или детектив. Указанные лица должны иметь документ, подтверждающий право на осуществление особого рода деятельности. Деяние, совершённое с прямым умыслом, составляет субъективную сторону правонарушения.

Что касается состава преступления, то он носит материальный характер.

Обусловлено это тем, что правонарушение считается совершённым после наступления последствий, опасных для всего общества.

Последствия выражаются в следующем:

1. Вред здоровью, причём не имеет значения вид этого вреда – тяжкий или очень тяжкий.

2. Смерть по неосторожности в результате мероприятий, проводимых указанными лицами.

3. Подслушивание разговоров, прочтение личных писем и смс-сообщений. Если на указанные действия нет разрешения суда, то это нарушает свободу личности и её конституционные права.

4. Шантаж одной из сторон, в отношении которой ведётся детективное расследование.

5. Проведение осмотра жилья. Если у детектива нет разрешения проводить осмотр, то его вторжение является незаконным.

6. Убийство. Во время задержания нарушителя превышение необходимой обороны.

7. Самоубийство или подталкивание к нему. Это возможно в случае, когда частный сыщик выяснил нелицеприятные сведения.

Указанные действия могут быть квалифицированы как отдельное преступление. Подследственность перечисленных действий обуславливает применение судебной практики по делу с целью вынести приговор.

В Челябинске мировой суд Калининского района приговорил к полутора годам ограничения свободы сотрудника охранного предприятия «Воевода», виновного в превышении полномочий работником ЧОП. Осужденный работал в охране областной больницы № 3 и избил в приемном покое двух беспокойных посетителей.

Установлено, что 48-летний сотрудник ООО ОП «Воевода» работал в охране приемного покоя областной клинической больницы № 3. Утром 1 января в больницу был доставлен нетрезвый 61-летний мужчина. У него с охранником завязался конфликт. Тогда охранник пристегнул дебошира наручниками к батарее и не менее 15 раз ударил его. Затем 5 января в приемный покой поступил еще один пациент – 34-летний мужчина. Он также вел себя беспокойно. Охранник ударил его кулаком

в нос, а затем несколько раз применил к нему электрошокер. Мужчина признан виновным по ч. 1 ст. 203 Уголовного кодекса Российской Федерации («Совершение работником частной охранной организации, имеющим удостоверение частного охранника, действий, выходящих за пределы полномочий, установленных законодательством Российской Федерации, регламентирующим осуществление частной охранной деятельности, и повлекших существенное нарушение прав и законных интересов граждан»). Приговор не вступил в законную силу [Лит.].

Таким образом, если в результате неправомерных действий сотрудника частного предприятия были нарушены права и интересы, следует помнить, что в уголовном законе есть норма, предусматривающая уголовную ответственность за данное преступление.

Литература

В Челябинске охранник больницы пристегнул к батарее пациента и избил его. URL: https://www.znak.com/2019-10-24/v_chelyabinske_ohrannik_bolnicy_pristegnul_k_bataree_pacienta_i_izbil_ego (дата обращения: 24.10.2019).

ОСТАВЛЕНИЕ ОСУЖДЕННЫХ В СЛЕДСТВЕННЫХ ИЗОЛЯТОРАХ: НЕКОТОРЫЕ ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Ф.В. Грушин, д-р юрид. наук

ФКОУ ВО «Академия права и управления
Федеральной службы исполнения наказаний», г. Рязань

И.А. Жилко, канд. юрид. наук

ФГБОУ ВО «Уральский государственный
юридический университет»,
г. Екатеринбург

Аннотация. Оставление осужденных в следственных изоляторах – это специфический организационно-правовой процесс, регламентация которого требует более детальной проработки. В отечественной практике устоялся внесудебный порядок принятия решения об изменении вида учреждения, исполняющего уголовное наказание в отношении осужденных, зачисленных в отряды хозяйственного обслуживания следственных изоляторов. В статье обосновывается, что решение данных вопросов должно относиться к исключительному судебному ведению.

Ключевые слова: осужденные, следственные изоляторы, исправительные учреждения, суды.

ABANDONMENT OF CONVICTS IN PRETRIAL DETENTION FACILITIES: SOME OF THE LEGAL ASPECTS

F.V. Grushin, I.A. Zhilko

Abstract. Leaving convicts in pre-trial detention centers is a specific organizational and legal process, the regulation of which requires more detailed study. In domestic practice, an out-of-court procedure for making a decision on changing the type of institution that executes criminal punishment in relation to convicts enrolled in economic maintenance units of pretrial detention centers has been established. The article substantiates that the solution of these issues should belong to the exclusive jurisdiction of the court.

Keywords: convicts, pretrial detention centers, correctional institutions, courts.

Ст. 77 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации предусматривает возможность оставления осужденных к лишению свободы в следственном изоляторе или тюрьме для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию. В настоящее время для оставления осужденного в следственном изоляторе с целью привлечения его к работам по хозяйственному обслуживанию прежде всего необходимо получить от него согласие в форме собственноручно написанного заявления. Однако правопорождающим юридическим актом, в силу которого осужденный к лишению свободы оставляется в следственном изоляторе (далее – СИЗО), выступает постановление начальника следственного изолятора, один экземпляр которого приобщается к материалам личного дела осужденного.

Если осужденный в дальнейшем подаст заявление о желании отбывать наказание в виде лишения свободы в исправительной колонии, его перевод из СИЗО в колонию общего режима также осуществляется на основании решения администрации следственного изолятора. Между этими юридическими актами существует лишь одно различие: в первом случае оставление осужденного в СИЗО является правом, а не обязанностью администрации, а во втором – руководство следственного изолятора обязано осуществить этот перевод. Такой же «приказ-

ной» порядок применяется и при отправлении злостных нарушителей установленного в СИЗО режима отбывания наказания из числа осужденных, задействованных на хозяйственных работах, в исправительные колонии для дальнейшего исполнения уголовного наказания.

Таким образом, в отечественной практике устоялся внесудебный порядок принятия решения об изменении вида учреждения, исполняющего уголовное наказание в отношении осужденных, зачисленных в отряды хозяйственного обслуживания СИЗО, ставящий нормы отбывания лишения свободы в зависимость от воли начальника следственного изолятора и предоставляющий довольно широкий простор административному усмотрению. Между тем в случаях, когда последнее представляется вполне уместным, оно неоправданно ограничивается: в частности, начальник СИЗО не вправе отказывать в приеме заключенных из-за отсутствия в учреждении свободных мест и превышения лимита наполняемости, сопровождающегося нарушением требований закона о нормах жилой площади на одного человека.

В связи с этим нельзя не признать справедливость утверждений А.О. Зубовой о том, что «право определять вид исправительного учреждения для исполнения наказания в виде лишения свободы является прерогативой суда, который должен руководствоваться материальной нормой уголовного закона» [1. С. 125]. В.В. Петров также подчеркивает, что «в соответствии с нормами уголовно-процессуального права в резолютивной части обвинительного приговора... указывается вид исправительного учреждения с соответствующим режимом, в котором должен отбывать наказание осужденный к лишению свободы. Таким образом, приказ начальника следственного изолятора противоречит приговору суда в части определения вида учреждения, исполняющего наказание, и режима его отбывания. Приговор суда и приказ начальника следственного изолятора являются нормативными актами разного порядка. Акт низшего порядка (приказ начальника СИЗО) игнорирует акт высшего порядка (приговор суда)» [2. С. 19].

Добавим, что не только в уголовном и уголовно-процессуальном законах, но и в ст. 78 УИК РФ указано, что только суд

вправе изменять вид исправительного учреждения. Поэтому в рассматриваемой нами ситуации постановление начальника СИЗО не только вступает в явное противоречие с приговором суда, в котором в качестве исправительного учреждения была определена исправительная колония общего режима, но и по сути подменяет требующееся по закону решение органа судебной власти. При этом мы понимаем, что такое право делегировано начальнику СИЗО уголовно-исполнительным законодательством. И все же полагаем, что оставление осужденных к лишению свободы в СИЗО для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию, а равно перевод их из СИЗО в исправительные колонии должны производиться исключительно на основании судебных актов. Данное правило требует отражения в тексте действующего уголовного и уголовно-исполнительного законодательства посредством внесения соответствующих изменений в ст. 58 УК РФ и ст. 77 УИК РФ.

В.В. Петров пишет, что «...выход может быть найден в изменении подчиненности отрядов “хозяйственного обслуживания” СИЗО. Они должны являться структурной единицей близлежащего исправительного учреждения. Оставление осужденных для работы в СИЗО будет оформляться не приказом начальника СИЗО, а приказом начальника исправительной колонии об откомандировании в отделение колонии при следственном изоляторе» [2. С. 18]. Очевидно, что В.В. Петров, отметив грубое нарушение в подобных ситуациях судебного порядка и важного юридического принципа обязательности всех судебных решений, предлагает передать право решать столь судьбоносный для осужденных вопрос от одного начальника к другому начальнику при формальном соблюдении норм, регламентирующих порядок определения и изменения вида исправительного учреждения.

Такой несколько «окольный» путь разрешения затронутой проблемы видится сложным и небезукоризненным, порождающим образование дополнительных внутрисистемных связей и обеспечивающим их организационно-технические издержки. Он не ведет к сужению объема указанного административного усмотрения, с которым в настоящее время связано довольно большое количество нареканий, претензий и жалоб со стороны

как осужденных, так и их адвокатов и который в рассматриваемых нами ситуациях формирует почву и создает условия для коррупционного поведения должностных лиц уголовно-исполнительной системы.

Мы считаем, что решение вопросов, связанных с оставлением осужденных к лишению свободы в СИЗО и переводом их в исправительные колонии, должно относиться к исключительному судебному ведению и производиться федеральными судами на основании документов, подготовленных администрацией СИЗО. За соблюдением такого порядка должен осуществляться постоянный надзор прокуратуры и других компетентных и уполномоченных структур, включающий рассмотрение жалоб лиц, содержащихся в СИЗО. Это будет отвечать и положениям, изложенным в последних постановлениях Европейского Суда по правам человека, в которых Российской Федерации рекомендуется наладить работу независимой от пенитенциарных властей и способной принимать решения, обязательные для должностных лиц, системы, способной обеспечить своевременное и надлежащее рассмотрение жалоб лиц, находящихся в заключении [3].

Таким образом, полагаем, что оставление осужденных к лишению свободы в СИЗО для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию, а равно перевод их из следственных изоляторов в исправительные колонии должны производиться исключительно на основании судебных решений.

Литература

1. Зубова А.О. Проблемы правового регулирования исполнения лишения свободы в следственном изоляторе // Человек: преступление и наказание. 2010. № 1. С. 124–126.
2. Петров В.В. Исполнение (отбывание) лишения свободы в следственном изоляторе: история и современность: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1999. 27 с.
3. Практика Европейского Суда по правам человека в: Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2016): утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 20.12.2016 // Бюл. Верховного Суда Российской Федерации. 2017. № 10–11.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Д.В. Гуреева, магистрант

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет
имени И.Н. Ульянова», г. Чебоксары

Аннотация. Актуальность обозначенной темы характеризуется тем, что, несмотря на введение процедуры лицензирования образовательной деятельности религиозных организаций в 2015 г., на практике остаются нерешенными ряд вопросов, которые препятствуют эффективному применению данной процедуры.

Ключевые слова: религиозные организации, религиозные объединения, свобода совести, лицензирование, образование, религиозное образование, надзор, секта.

SOME ISSUES OF LEGAL REGULATION OF THE EDUCATIONAL ACTIVITIES OF RELIGIOUS ORGANIZATIONS IN THE RUSSIAN FEDERATION

D.V. Gureeva

Abstract. The relevance of this topic is characterized by the fact that, despite the introduction of the licensing procedure for the educational activities of religious organizations in 2015, in practice, a number of issues that impede the effective application of this procedure remain unresolved.

Keywords: religious organizations, religious associations, freedom of conscience, licensing, education, religious education, supervision, sect.

Религиозные организации на территории Российской Федерации, как и остальные юридические лица, имеют совокупность прав и обязанностей [8. С. 3; 9. С. 79]. Но в то же время они обладают и рядом прав, которые характеризуют их как особый институт некоммерческих организаций. К таким правам стоит отнести и право на свободу обучения религии. Данное право признано за религиозными организациями не только на территории Российской Федерации, но и прежде всего на международном уровне. Так, например, ст. 6 Декларации «О ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений» помимо свободы мысли, религии и совести говорит о возможности осуществлять преподавательскую деятельность

по вопросам религии или убеждений в специализированных местах [1].

Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» (ч. 1 ст. 5) говорит о том, что «каждый имеет право на получение религиозного образования по своему выбору, индивидуально или совместно с другими». Определения понятия «религиозное образование» в российском законодательстве нет. Из содержания норм закона № 125 можно выделить следующие признаки, которые характеризуют понятие «религиозное образование»: направленное на обучение и подготовку религиозного персонала и священнослужителей; религиозное воспитание и обучение религии последователей религиозных организаций и групп; религиозное воспитание и обучение религии в образовательных учреждениях, открываемых религиозными организациями; религиозное воспитание и обучение религии детей родителями либо лицами, заменяющими родителей [3].

Согласно Постановлению Правительства Российской Федерации № 966 от 28 октября 2013 г., все лица, которые оказывают услуги в сфере образования, должны в обязательном порядке иметь лицензию на осуществление образовательной деятельности [5]. Духовные образовательные организации (ст. 19 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях») подлежат государственной регистрации в качестве религиозных организаций. Именно в положения обозначенной ст. 19, а также ст. 87 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» 1 мая 2019 г. путём подписания В. Путиным Федерального закона «О внесении изменений в статью 19 Федерального закона “О свободе совести и о религиозных объединениях” и статью 87 Федерального закона “Об образовании в Российской Федерации”» был внесён ряд изменений [4]. Несмотря на это, как в теории, так и на практике остаётся ряд нерешённых проблем, затрагивающих образовательную деятельность, осуществляемую религиозными объединениями.

Важной чертой образовательной деятельности является лицензирование [11. С. 274; 12. С. 259]. В настоящее время одной из наиболее острых проблем, которую должно было решить введение лицензирования образовательной деятельности религиозных организаций, остаётся осуществление образовательной

деятельности религиозными организациями, которые по своей сути приближены к культам и сектам. И хотя ещё в 2015 г. до принятия требований о лицензировании образовательной деятельности религиозных организаций говорилось о том, что решение о предоставлении лицензии будет принимать комиссия при Минюсте, в которую войдут представители государства и традиционных для России религиозных конфессий, опираясь на критерии, по которым можно будет определить, относится ли та или иная религиозная организация к секте или нет. По прошествии пяти лет мы видим, что требования о лицензировании образовательной деятельности религиозных организаций уже есть, но между тем самих критериев, по которым ту или иную религиозную организацию можно отнести к культам или сектам, нет. Получается, что, введя лицензирование образовательной деятельности, осуществляемой религиозными конфессиями, законодатель не достиг цели, которую он перед собой ставил.

Прежде чем узаконить лицензирование образовательной деятельности религиозных организаций, законодатель должен был принять критерии, по которым ту или иную организацию он мог бы отнести к секте. Но, так как это сделать невозможно, поскольку любая религиозная организация подпадает под понятие «секта» словаря С.И. Ожегова (секта – это религиозное течение, отделившееся от определённого вероучения и ему противостоящее), то и говорить изначально о каких-то критериях отнесения не представляется возможным. По нашему мнению, более рациональным является подход, согласно которому законодатель не будет искать критерии отнесения той или конфессии к секте или культуре, а сделает упор на выявление, предупреждение и пресечение тех противоправных и аморальных поступков, которые в конечном счёте приведут к негативным последствиям для человека. Конечно, данные противоправные поступки (правонарушения, преступления) тоже должны обладать признаками, выявить которые можно благодаря европейской практике в обозначенной сфере. Именно в стране, о которой будет говорить далее, делается упор на запрет определённых деяний, а не на выявление сект и культов как таковых. Так, во Франции имеется «Закон о деятельности культов» (2001). Его суть – конкретизация уголовных норм и санкций, применяемых против

преступных деяний организации или человека. К таковым противоправным деяниям «Закон о культах» относит (ст. 1) [7]: незаконная фармацевтическая или медицинская практика; деяния, характеризующие покушение на имущество, а также подвергающие опасности несовершеннолетних; реклама юридического лица, деятельность которого направлена на поддержание и использование психологической и физической зависимости лиц, являющихся участниками такого юридического лица и пр. Молдова приняла в 1992 г. закон «О культах», который, в свою очередь, в ст. 1/1 (введена законом № 263-XVI от 24.12.1998) говорит о том, что «запрещено любое воздействие на религиозное сознание путём злоупотребления авторитетом или путём применения насилия в отношении лица» [6].

В 2012 г. в УК РФ было внесено изменение путём его дополнения ст. 239 – «Создание некоммерческой организации, посягающей на личность и права граждан» [2]. Однако, по нашему мнению, статья не только не имеет субъективно направленного отношения к религиозным организациям, но и имеет ряд недостатков структурного содержания:

1. В названии статьи законодатель указывает на некоммерческие организации в целом. При этом уже в ч. 1 говорится только об общественных и религиозных организациях. Столь неопределённый субъектный состав говорит лишь о том, что статья принималась поспешно, что, несомненно, негативно отражается на практике ее применения.

2. В нормах рассматриваемой статьи отсутствуют указания на конкретные противоправные деяния, что на практике позволяет интерпретировать статью как угодно, что, в свою очередь, влечёт за собой нарушение интересов некоммерческих либо религиозных и общественных организаций.

Любая образовательная деятельность должна контролироваться государством и обществом [10. С. 115]. Так, при реализации данного вида контроля лица, его осуществляющие, опираются на правила и стандарты, которые направлены на образовательные организации светского характера. Это связано с тем, что в российском законодательстве отсутствуют образовательные программы, по которым можно было бы осуществлять подготовку специалистов в данной области. Имеются лишь внут-

рение установки и стандарты, которые разрабатываются конфессиями.

Контроль в сфере образовательной деятельности религиозных организаций требует реформирования: необходимо внедрение законодателем специфических образовательных программ религиозного типа; расширение познаний специалистов, осуществляющих контроль за образовательной деятельностью религиозных организаций; совершенствование механизма проведения контроля.

Таким образом, религиозное образование и деятельность религиозных организаций и групп – это те сферы, которые требуют доработки и большего внимания со стороны законодателя.

Литература

1. Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений (принята резолюцией 36/55 Генеральной Ассамблеи ООН 25.12.1981) // Декларации: информ.-прав. портал. URL: https://www.un.org/ru/documents/dec_ (дата обращения: 12.01.2020).

2. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 18.02.2020 № 22-ФЗ) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

3. О свободе совести и о религиозных объединениях: Федер. закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ (в ред. от 02.12.2019 № 394-ФЗ, № 403-ФЗ) // СЗ РФ. 1997. № 39. Ст. 4465.

4. О внесении изменений в статью 19 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» и статью 87 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»: Федер. закон от 01.05.2019 № 85-ФЗ // Рос. газета. 2019. № 98 (7856).

5. О лицензировании образовательной деятельности: Пост. Правительства Российской Федерации от 28.10.2013 № 966 (в ред. от 12.12.2019) // Рос. газета. 2013. № 6221.

6. О культах: Закон Республики Молдова № 979-XII (принят 24.03.1992) // Minelres: информ.-прав. портал. URL: <https://www.NationalLegislatio> (дата обращения: 14.01.2020).

7. О предупреждении и пресечении сектантских течений, ущемляющих права и основные свободы человека: Закон Франции № 676 (принят 30.05.2001) // Центр религиоведческих исследований во имя священномученика Ирины Лионского: информ.-прав. портал. URL: <https://iriney.ru/main/pravo/zakon-franczii-o> (дата обращения: 14.01.2020).

8. Айсын Г.С. Религиозные организации как институт гражданского общества и его роль в обеспечении национальной безопасности // Новеллы российского законодательства в контексте стратегии национальной безопасности: сб. науч. тр. Всерос. науч.-практ. конф. (1 февраля 2016 г., Чебоксары). Чебоксары, 2016. С. 3–7.

9. Айсын Г.С. Роль мусульманской конфессии в реализации конституционного права человека на свободу совести и свободу вероисповедания // Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики: сб. материалов 4-й Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2014. С. 79–82.

10. Иванова Е.В. Образование и воспитание в современном законодательстве // Проблемы воспитания: исторический опыт и современность: сб. науч. ст. Чебоксары, 2005. С. 115–120.

11. Иванова Е.В., Спиридонова Н.Ю. Гражданско-правовая ответственность сторон по договору образовательного кредита // Вестн. Чуваш. ун-та. 2014. № 3. С. 274–278.

12. Соколова Н.Г., Хураськина Н.В. Договор оказания образовательных услуг: правовая природа // Сборник научных трудов молодых ученых и специалистов. Чебоксары, 2016. С. 259–262.

ПРАКТИКА МЕЖДУНАРОДНЫХ И РОССИЙСКИХ СУДОВ ПО РАССМОТРЕНИЮ СПОРОВ С УЧАСТИЕМ ГРАЖДАН И РЕЛИГИОЗНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ

Д.В. Гуреева, магистрант

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет
имени И.Н. Ульянова», г. Чебоксары

Аннотация. Рассматривается и анализируется российская и международная судебная практика по спорам с участием граждан и религиозных организаций или объединений.

Ключевые слова: религиозные организации, религиозные объединения, свобода совести, арбитражный процесс, гражданский процесс, Европейский Суд по правам человека (ЕСПЧ), международное право, гражданские права.

THE PRACTICE OF INTERNATIONAL AND RUSSIAN COURTS FOR THE SETTLEMENT OF DISPUTES INVOLVING CITIZENS AND RELIGIOUS ASSOCIATIONS

D.V. Gureeva

Abstract. Russian and international jurisprudence on disputes involving citizens and religious organizations or associations is reviewed and analyzed.

Keywords: religious organizations, religious associations, freedom of conscience, arbitration process, civil process, European Court of Human Rights, international law, civil rights.

Актуальность рассматриваемой темы обусловлена тем, что возможность защиты гражданских прав, и в данном случае пре-

жде всего в сфере религиозных взаимоотношений, связана как с обеспечением правопорядка на территории Российской Федерации, так и с чувством защищенности любого участника таких отношений [8. С. 3; 9. С. 79]. На наш взгляд, именно данной категории отношений, где обязательными участниками являются граждане (лица), религиозные объединения, представляющие свои права в рассматриваемой сфере, уделяется мало внимания со стороны научного сообщества.

Из анализа судебной практики деятельности международных судов, а также судов Российской Федерации можно выделить следующие категории дел, в которых одной из сторон является либо религиозная организация, либо лицо, чьи религиозные права были нарушены:

1) споры в сфере реализации гарантий и принципов свободы вероисповедания;

2) споры относительно имущества религиозных организаций;

3) споры по вопросам ликвидации и регистрации религиозных организаций;

4) споры по вопросам соотношения светского образования и религии;

5) споры, возникающие в результате специфического толкования верующими отдельных строк и положений религиозных текстов.

На территории нашей страны значительное количество споров касается именно регистрации и ликвидации религиозных организаций. Так, изучив ряд дел, рассмотренных Верховным судом Российской Федерации относительно ликвидации религиозных организаций, хотелось бы указать на то, что часто Верховный суд Российской Федерации отказывал в ликвидации религиозных организаций, поскольку находил причины для ликвидации «несущественными», а данную меру «приемлемой только в случае наличия достаточно серьезных правонарушений» [6].

Согласно ст. 21 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях», на движимое и недвижимое имущество богослужебного назначения не может быть обращено взыскание по требованиям кредиторов [2]. Взыскание по претензиям кредиторов может быть обращено только на то

имущество, которое не включено в перечень имущества бого-служебного назначения, определенный Правительством Российской Федерации, по предложениям самих религиозных организаций. На данный перечень также ссылается и Конституционный Суд Российской Федерации, который, кроме того, говорит о том, что «данный иммунитет не предусматривает абсолютной невозможности взыскания кредиторами» [5]. Однако хотелось бы отметить, что обозначенного ранее перечня имущества, на которое не может быть обращено взыскание кредиторов, мы не обнаружили.

Если рассмотреть споры в сфере светского образования, то в качестве примера можно привести одно из самых ярких дел «Лаутси против Италии» [4]. В данном случае имеет место нарушение принципа светского образования. Нарушение заключается в том, что в государственных школах присутствовала демонстрация распятия в классах, что является прямым нарушением ст. 9 «Конвенции о защите прав человека и основных свобод» [1]. Что касается Российской Федерации, то Приказом Минобрнауки Российской Федерации № 2833 установлено, что «обучение детей религии в общеобразовательных учреждениях допускается с согласия обучающихся, либо по просьбе, либо с согласия их законных представителей» [3]. Но, несмотря на это определение, в разных субъектах страны возникают конфликты по причине принудительного обучения детей не просто религии в контексте культуры, а религии в контексте главенствующей конфессии и ее приоритетов, что в корне нарушает конституционный принцип о свободе совести и вероисповедания.

В российской и зарубежной практике часто встречаются споры, к которым приводят нарушения закона по причине его несоответствия постулатам религии, либо противоречие закона религиозным догмам. Так, по делу «Скугар и другие против России» ЕСПЧ принял решение о неприемлемости иска [4]. Согласно требованиям, заявитель считал, что присвоение ИНН является незаконным и противоречащим его религиозным убеждениям. Позиция ЕСПЧ была продублирована и российскими судами. Суды указывают на то, что присвоение физическому лицу индивидуального номера налогоплательщика не является нарушением принципа свободы совести и вероисповедания.

Наиболее опасными являются споры, в которых одна из сторон является глубоко убежденной в том, что ни им, ни их детям не нужно ни образование, ни квалифицированная медицинская помощь, поскольку это противоречит их религиозным догмам. Так, согласно учению «Свидетелей Иеговы», всем последователям данной организации, а также их детям запрещено переливание крови, поскольку это противоречит толкованию текста их Библии (Деяния 15, 20 и пр.). Стоит отметить, что ещё в 1968 г. Верховный суд США постановил, что члены организации «Свидетели Иеговы» не имеют право отказываться от переливания крови своим детям в случае необходимости, опираясь на догмы своего учения, поскольку это может привести к плачевным последствиям. Опираясь на данное решение, администрация больниц США имеет право в экстренной ситуации потребовать проведения срочного судебного слушания, на котором, в случае необходимости, будет принято решение о лишении родителей родительских прав в целях спасения жизни ребенка. Как же в данном случае поступают врачи в России? Данный вопрос, к сожалению, в нашей стране не имеет четкой регламентации.

В заключение считаем уместным в качестве примера раскрыть работу Арбитражного суда Санкт-Петербурга и Ленинградской области на период с 2014 по 2017 г. За данный период времени судом было рассмотрено 232 дела с участием религиозных организаций. Так, согласно данным, в 145 процессах они участвовали в качестве ответчика, в 77 – в качестве истца, и в 10 – как третье лицо [7].

Особое место среди дел, рассматриваемых данным Арбитражным судом, занимают дела с участием религиозных организаций и бизнес-структур. Так, часто между ними возникали споры относительно оплаты работ (например, по постройке храма), либо претензии по выплате неустойки и взысканию убытков с подрядчика по причине неисполнения последним обязательств по выполнению строительных работ. Так, храм св. Царственных Страстотерпцев востребовал неотработанный аванс (200 тыс. рублей) с ООО «СМУ № 9» и ООО «Форсаж», а ООО «Рестамп» взыскивало 1,7 млн рублей с Новодевичьего монастыря (по итогу долг был уплачен). Самое большее количество претензий было у компании «Усть-Луга» к приходу храма Святой Троицы,

но самый большой долг взыскивала корпорация «РИндустрия» с прихода храма Сошествия Святого Духа на Апостолов. Подрядчик требовал 54 млн рублей, но в итоге было подписано мировое соглашение, по которому подрядчик простил храму 14 млн, а на 40 млн дал рассрочку сроком на пять лет.

Также весьма распространенными в практике Арбитражного суда Санкт-Петербурга и Ленинградской области являются иски по взысканию коммунальных платежей с религиозных организаций. Не будем расписывать все дела, которые попадались нам, поскольку суммы практически везде варьировались до 50 тыс. рублей, остановимся на одном примере: Храм Воскресения Христова задолжал ТЭКу 1,2 млн рублей за период с 2011 по 2015 г. И по итогам данного спора сторонами было заключено мировое соглашение, по которому ТЭК списал 200 тыс. рублей, а 1 млн рублей обязал вернуть, но в рассрочку.

Таким образом, практика рассмотрения судами дел с участием образовательных учреждений довольно разнообразна, что необходимо учитывать в случаях появления конфликтных ситуаций с их участием.

Литература

1. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950) // Европейский Суд по правам человека: информ.-прав. портал. URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Convention_RUS.pdf (дата обращения: 12.02.2020).

2. О свободе совести и о религиозных объединениях: Федер. закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ (в ред. от 03.07.2019 № 170-ФЗ) // Рос. газета. 1997. № 1381 (5).

3. О предоставлении государственными и муниципальными образовательными учреждениями религиозным организациям возможности обучать детей религии вне рамок образовательных программ: Приказ Министерства образования Российской Федерации от 01.07.2003 № 2833 // Рос. газета. 2003. № 0 (3274).

4. Решения Европейского суда по правам человека // ЕСПЧ: информ. портал. URL: <https://roseurosud.org/r> (дата обращения: 16.01.2020).

5. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Гражданстрой» на нарушение конституционных прав и свобод пунктом 5 статьи 21 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях»: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19.10.2010 № 1406-О-О. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/d> (дата обращения: 16.02.2020).

6. Решения Верховного суда Российской Федерации // Верховный Суд Российской Федерации: информ. портал. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pa> (дата обращения: 19.02.2020).

7. Решения и практика Арбитражного суда Санкт-Петербурга и Ленинградской области // АСПиЛО: информ. портал. URL: <http://www.spb.arbitr.ru/> (дата обращения: 21.02.2020).

8. Айсын Г.С. Религиозные организации как институт гражданского общества и его роль в обеспечении национальной безопасности // Новеллы российского законодательства в контексте стратегии национальной безопасности: сб. науч. тр. Всерос. науч.-практ. конф. (1 февраля 2016 г., Чебоксары). Чебоксары, 2016. С. 3–7.

9. Айсын Г.С. Роль мусульманской конфессии в реализации конституционного права человека на свободу совести и свободу вероисповедания // Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики: сб. материалов 4-й Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2014. С. 79–82.

О ПРИОРИТЕТАХ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ В СВЯЗИ С ПРОТИВОДЕЙСТВИЕМ ПРЕСТУПНОСТИ И ОБЕСПЕЧЕНИЕМ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ*

В.К. Дуюнов, д-р юрид. наук, профессор,
профессор кафедры «Уголовное право и процесс»

Р.В. Закомолдин, канд. юрид. наук, доцент,
доцент кафедры «Уголовное право и процесс»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти

Аннотация. Изучена роль уголовного права в обеспечении национальной безопасности. Авторы делают вывод о необходимости укрепления единой уголовной политики в области обеспечения безопасности и противодействия угрозам национальных интересов. Проведен анализ приоритетных направлений уголовной политики.

Ключевые слова: национальная безопасность, уголовно-правовая политика, преступность, противодействие преступности.

---

* Статья выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 20-011-00141 А «Уголовно-правовое воздействие как реакция государства на преступления и преступность и его роль в обеспечении национальной безопасности России».

ON THE PRIORITIES OF CRIMINAL LAW POLICY IN RELATION TO COMBATING CRIME AND ENSURING NATIONAL SECURITY

V.K. Duyunov, R.V. Zakomoldin

Abstract. The article is devoted to the study of the role of criminal law in ensuring national security. The authors conclude that it is necessary to strengthen a unified criminal policy in the field of security and countering threats to national interests. The analysis of priority areas of criminal policy is carried out.

Keywords: national security, criminal law policy, crime, counteraction to crime.

Национальная безопасность представляет собой сложное по структуре и многогранное по содержанию явление, в основе которого лежит триединство таких ключевых социальных субъектов общественных отношений, как государство, общество и личность, и которое распространяется на все социальные сферы взаимодействия данных субъектов.

На сегодняшний день относительно четкое и достаточно широкое легальное определение национальной безопасности сформулировано в п. 6 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683¹, где она определяется как «состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации, достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации». Данное определение стало синтезом подходов законодателя к определению безопасности, которые были продемонстрированы в ранее действовавшем Законе Российской Федерации от 5 марта 1992 г. № 2446-1 «О безопасности»² и в ныне действующем Федеральном законе 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности»³. В связи с этим вполне закономерно, что в ст. 1 действующего Закона о без-

¹ Рос. газета. 2015. 31 дек.

² Там же. 1992. 6 мая.

³ СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 2.

опасности 2010 г. понятия «национальная безопасность» и «безопасность» рассматриваются как синонимы. Это позволяет резюмировать, что национальная безопасность есть совокупность безопасности личности, общества и государства и иных видов безопасности, иными словами, безопасность страны и ее национальных интересов.

Являясь социальным благом, национальная безопасность может быть обеспечена только комплексным использованием всех имеющихся у государства ресурсов, средств и инструментов, в том числе и системой средств и мер уголовно-правового воздействия. Как справедливо отмечают исследователи, уголовно-правовое регулирование социальных отношений, обеспечивающих государственную и общественную безопасность, а также безопасность личности, таким образом в целом обеспечивает национальную безопасность. Именно поэтому национальную безопасность следует рассматривать в качестве общего объекта уголовно-правовой охраны.

Соответственно, уголовное право играет особую роль в системе правового обеспечения национальной безопасности, поскольку одной из угроз национальным интересам является преступность, а уголовный закон направлен на минимизацию (нейтрализацию) преступлений как наиболее опасных проявлений девиантного поведения, которые в конечном счете посягают на национальную безопасность. Таким образом, национальная безопасность одновременно выступает в качестве общего объекта всех преступлений.

Соответственно, именно национальная безопасность является общим объектом уголовно-правовой охраны и общим объектом любого преступного посягательства [7. С. 23–26].

Обеспечение национальной безопасности и противодействие угрозам национальным интересам основывается на единой государственной политике в области обеспечения безопасности [8. С. 3–34]. При этом самостоятельным направлением деятельности государства является политика реагирования на преступления и преступность, связанная с поиском, разработкой, исследованием и активным, наступательным применением наиболее рациональных и эффективных специальных мер в рамках реакции государства на каждый факт совершения преступления.

Сущность такого реагирования заключается в осуждении каждого совершенного преступления и порицании лица, его совершившего, их негативная, справедливая и неотвратимая оценка, сопровождаемые при необходимости иными неблагоприятными для виновного последствиями в виде предусмотренных уголовным законом лишений и ограничений [1. С. 8–13].

Преступность – это сложное негативное социально-правовое явление, поэтому эффективное противодействие ей со стороны государства предполагает прежде всего последовательное и грамотное осуществление комплекса серьезных превентивных мер, как общесоциальных, так и специальных, направленных на устранение порождающих ее причин и условий. И только в том случае, когда меры предупреждения преступлений не срабатывают, государство вынуждено реагировать на совершенные преступления и применять меры уголовно-правового (прежде всего карательного) воздействия.

Поэтому одним из элементов государственной политики реагирования на преступления и преступность наряду с уголовно-процессуальной, уголовно-исполнительной и криминологической является уголовная (уголовно-правовая) политика, суть которой, в свою очередь, заключается в разработке и реализации стратегической линии и тактики предупреждения и противодействия преступности предупредительно-охранительными мерами, предусмотренными уголовным законом в свете реализации функций уголовного права [6. С. 100–118].

Основные приоритеты уголовно-правовой политики, определяющие основные направления, содержание и формы ее реализации, вытекают из общих целей политики противодействия преступности – необходимости обеспечения национальной безопасности и надежной охраны национальных интересов от преступных посягательств. Безусловно, мы не являемся первопроходцами в исследовании данной проблематики. Приоритетные направления уголовной политики достаточно полно, хотя и по-разному, определены в специальной литературе. Анализ имеющихся точек зрения позволяет нам заключить, что, во-первых, направления уголовной политики следует рассматривать комплексно в трех ключевых аспектах: законодательном, правоприменительном и научном [11. Р. 147], а во-вторых,

к числу первоочередных, приоритетных задач уголовной политики в настоящее время следует относить следующие:

1) разработка критериев определения преступного и наказуемого, уточнение на их основе видов общественных отношений, подлежащих уголовно-правовой охране и уголовно-правовому регулированию, и, соответственно, установление круга общественно опасных деяний, которые должны признаваться преступлениями (криминализация и декриминализация) [3. С. 47–49];

2) определение оптимальных методов уголовно-правового регулирования и охраны общественных отношений;

3) определение целей, принципов и основных направлений уголовно-правового воздействия на преступность;

4) оптимизация системы мер уголовно-правового воздействия на преступность – совершенствование имеющихся и поиск новых мер, альтернативных уголовному наказанию;

5) разработка правил (общих начал, порядка и условий) применения мер уголовно-правового воздействия, альтернативных наказанию (включая условия и порядок освобождения от уголовной ответственности и от наказания);

6) совершенствование содержания, форм и методов уголовно-правового воздействия; определение (разработка) оптимальных форм и методов деятельности государственных правоохранительных органов по применению положений уголовного права, выявление их эффективности [2. С. 111–304];

7) совершенствование системы уголовных наказаний; развитие видов наказаний, альтернативных лишению свободы; оптимизация системы уголовно-правовых санкций;

8) толкование норм действующего законодательства в сфере противодействия преступности с целью выяснения и разъяснения их точного смысла;

9) обеспечение системности уголовного законодательства как в плане согласованности уголовно-правовых норм и положений между собой, так и в их соотношении с иными отраслями законодательства [4. С. 56–59];

10) обеспечение необходимого динамизма уголовного законодательства при одновременном сохранении его общей стабильности [5. С. 49–57; 10. Р. 557–579];

11) определение содержания и методов правового воспитания населения, поиск путей повышения эффективности воздействия уголовно-правовых мер на правосознание населения и повышение его правовой культуры;

12) улучшение взаимодействия государственных правоохранительных органов с иными учреждениями и органами, участвующими в предупреждении и противодействии преступности;

13) всестороннее укрепление международного сотрудничества в решении задач противодействия преступности, прежде всего наиболее опасным формам ее проявления (терроризм, экстремизм, незаконный оборот наркотиков и оружия и т.д.).

При этом следует отметить, что данный перечень приоритетов является открытым, поскольку требует своевременного, адекватного и гибкого реагирования на изменения объективной действительности (появление новых угроз, изменение в приоритетах национальных интересов, уточнение национальных целей и стратегических задач и т.п.).

Литература

1. Дуюнов В.К. Политика противодействия преступности: понятие и структура // Закономерности преступности, стратегия борьбы и закон: сб. материалов II Междунар. науч.-практ. конф., г. Тула, 1–2 июня 2005 г. Тула, 2005. С. 8–13.

2. Дуюнов В.К. Правовое воздействие как реакция государства на правонарушение: общетеоретический и отраслевой аспекты. М., 2019. 328 с.

3. Дуюнов В.К. Приоритеты уголовно-правовой политики // Уголовное право. Общая и Особенная части: учебник / под ред. В.К. Дуюнова. 6-е изд. М., 2019. С. 47–49.

4. Дуюнов В.К. Стабильность и динамизм в уголовном законодательстве // Актуальные проблемы теории и практики применения уголовного закона: материалы Всерос. науч.-практ. конф., г. Москва, 26 апр. 2013 г. М., 2014. С. 49–57.

5. Дуюнов В.К. Уголовно-правовая политика и ее место в политике противодействия преступности // Проблемы российского законодательства: история и современность: материалы Межрегион. науч.-практ. конф. Самара, 2006. С. 100–118.

6. Дуюнов В.К. Системность как необходимая предпосылка эффективности российского уголовного законодательства // Вестн. Самар. гуманит. академии. Сер. Право. 2007. № 2. С. 56–59.

7. Закомолдин Р.В. О соотношении национальной и военной безопасности в свете уголовно-правовой охраны // О некоторых вопросах и проблемах современной юриспруденции: сб. науч. тр. по итогам Междунар. науч.-практ. конф., г. Челябинск, 11 июля 2020 г. Н. Новгород, 2020. С. 23–26.

8. Национальная безопасность Российской Федерации: проблемы укрепления государственно-правовых основ / В.Г. Вишнякова, Л.В. Андриченко и др. // Журн. рос. права. 2005. № 2. С. 3–34.

9. Уголовное право. Общая и Особенная части: учебник / под ред. В.К. Дуюнова. 6-е изд. М., 2019. 734 с.

10. Duyunov, V., Zakomoldin, R. et al. Dynamic Stability In The Changeable World And Its Legal Provision. // Revista Gênero & Direito. 2020. V. 9. № 4. P. 557–579.

11. Efreмова, М.А. et al. Trends of Modern Russian Criminal Policy in the Russian Federation // Journal of Advanced Research in Law and Economics. 2019. V. 10. № 1(39). P. 144–154.

ВЛИЯНИЕ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВ НА РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА КАК УСЛОВИЕ ПОСТРОЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА

Е.В. Евдокимов, А.А. Федоров

МВД по Чувашской Республике, г. Чебоксары

Аннотация. Рассматриваются устойчивые тенденции развития российского правового государства и гражданского общества посредством влияния уголовно-процессуального законодательства отдельных зарубежных стран.

Ключевые слова: правовое государство, гражданское общество, уголовное судопроизводство, уголовный процесс зарубежных государств.

THE INFLUENCE OF THE CRIMINAL PROCESS OF FOREIGN STATES ON THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS AS A CONDITION FOR BUILDING A CIVIL SOCIETY AND THE RULE OF LAW

E. V. Evdokimov, A. A. Fedorov

Abstract. This article discusses the sustainable development trends of the Russian legal state and civil society through the influence of the criminal procedural legislation of individual foreign countries.

Keywords: rule of law, civil society, criminal proceedings, criminal process of foreign states.

Построение гражданского общества и уголовного процесса, в частности в различных странах западной Европы и Америки, различается как исходной моделью уголовного процесса, так

и специфическими национальными особенностями [5. С. 404], добавляющими колорит к исходной модели. Получив общие представления о типах уголовного процесса, рассмотрим основные направления реформирования отечественного уголовного судопроизводства, влияющие на развитие правового государства и гражданского общества в частности.

К основным тенденциям развития правового государства и гражданского общества в лице уголовно-процессуального законодательства России можно отнести следующие формы: 1) существенное расширение процессуальных гарантий прав личности [10. С. 113]; 2) повышение стандартов процесса доказывания по уголовным делам [6. С. 118]; 3) увеличение судебного контроля [11. С. 45]; 4) расширение состязательных начал [8. С. 145]; 5) дифференциация уголовно-процессуальной формы [13. С. 505]. В действующем уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ) [2] они нашли следующее воплощение и некую процессуальную реализацию.

1. Существенное расширение гарантий прав личности в уголовном процессе

Расширение гарантий прав личности в настоящее время привело к тому, что права подозреваемого и обвиняемого практически сравнялись (за небольшим исключением: право знакомиться с постановлением о назначении экспертизы, право знакомиться с материалами уголовного дела). Эту тенденцию можно признать положительной. Европейское законодательство не различает подозреваемого и обвиняемого.

Другим аспектом расширения прав личности является увеличение оснований для участия защитника на досудебном производстве с одновременным его допуском на более ранние этапы. Так, по УПК РФ защитник может быть допущен с момента фактического задержания, возбуждения уголовного дела в отношении лица, применения мер процессуального принуждения. Он вправе собирать доказательства путем: получения предметов, документов и иных сведений; опроса лиц с их согласия; истребования справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций, которые обязаны предоставлять запрашиваемые документы или их копии

[7. С. 470–473]. Такие широкие полномочия имеются в Великобритании и в США, однако в этих странах защитник не наделяется правом на ознакомление с материалами дела.

Еще одним примером расширения прав в уголовном процессе является право хранить молчание [4. С. 45]. Это своего рода развитие и интерпретация правила Миранды, от которого его прародитель – США – страна, имеющая классический состязательный тип уголовного процесса, отказывается. Но в России это право распространено не только на лицо, избобличаемое в совершении преступления, а на любое лицо, дающее показания в процессе, и по смыслу ст. 51 Конституции Российской Федерации не только в уголовном. Причем в Великобритании и США наряду с правилом Миранды действует презумпция добропорядочности, в соответствии с которой любое невиновное лицо обязано оказывать содействие органам расследования, в том числе и в форме дачи показаний.

2. Повышение стандартов процесса доказывания по уголовным делам

Российский уголовный процесс, несмотря на смешанный характер, в выступлениях и публикациях все чаще называют носящим состязательный характер. Вместе с этим, вопреки положению ст. 17 УПК РФ, провозглашающему свободную оценку доказательств в уголовном процессе, в ч. 1 ст. 75 УПК РФ предписывается признавать ничтожными всякие доказательства, полученные с нарушением закона. Но в состязательном уголовном процессе выдвижение требований к предоставляемой информации и признание ее доказательством по делу либо отказ в этом – привилегия суда. В этом праве законодатель суду почему-то отказывает [12. С. 130–131].

Однако в уголовном процессе Великобритании и США практика признания доказательств недопустимыми довольно противоречива. Они не имеют универсального характера, распространяясь лишь на отдельные ситуации, связанные с получением тех или иных видов доказательств (недопустимость показаний с чужих слов и результатов предъявления для опознания без участия защитника, «правила Миранды» и т.д.). Норма же, закрепленная в ч. 1 ст. 75 УПК, звучит категорически и при буквальном ее толковании охватывает все без исключения случаи

процессуальных нарушений, допущенных при собирании и проверке доказательств, невзирая на то, насколько существенным является каждое из них.

3. Увеличение судебного контроля – общемировая тенденция развития уголовного процесса

В настоящее время Конституция Российской Федерации в ст. 22 [1] закрепила правило, в соответствии с которым «арест, заключение под стражу и содержание под стражей возможны не иначе как по решению суда». Введена заимствованная из «Habeas corpus act» Великобритании процедура обжалования ареста, при применении которой суд в этой стране проверяет правильность процедуры ее избрания. Отечественный законодатель возложил на суд обязанность проверять не только законность действий, но и их обоснованность. Представляется, такое дополнительное требование потребует от суда занять позицию одной из сторон, что на досудебном производстве видится несколько преждевременным и может сказаться на общей законности процедуры при принятии итогового решения по делу. Если судья будет убеждаться в обоснованности ареста, то произойдет неизбежное сближение функций юстиции и уголовного преследования. Неслучайно в Англии – родоначальнице процедуры, связанной с судебным приказом habeas corpus, проверке подвергается лишь законность, но отнюдь не обоснованность ареста. Это помогает судебной системе сохранить «белые одежды» в состязательном процессе [15. С. 206], не вступая в спор сторон.

4. Дифференциация уголовно-процессуальной формы

УПК РФ сделал уголовно-процессуальную форму еще более разветвленной, в зависимости от категории преступления, позиции обвиняемого по отношению к стороне обвинения (признания вины, раскаяния, возмещения вреда). Вследствие этого, деятельность органов предварительного расследования осуществляется в форме дознания, производства неотложных следственных действий [9. С. 136–139], предварительного следствия. По первой инстанции уголовное дело рассматривает мировой судья, судья-профессионал, три профессиональных судьи, суд присяжных. О его роли надлежит сказать особо. В основе его создания лежит, безусловно, состязательная идея. Надо от-

метить, что в мире в целом практика применения суда присяжных невелика. Он рассматривает не более 3% уголовных дел. Процедура его создания и поддержания работоспособности очень дорогостояща, а ошибки очень ощутимы обществом. Возможно поэтому в большинстве стран континентальной Европы (Франция, Германия, Италия и др.) суд присяжных фактически уступил место более современному и более практичному суду шеффенов.

Но для современной России идея о его функционировании продолжает оставаться актуальной [12. С. 130–131]. Вместе с тем нельзя сказать, что возвращение в России этого института напоминает триумфальное шествие. Скорее наоборот: он был допущен в столицы и «гастролирует» на периферии. УПК РФ обязал ввести и содержать суд присяжных в каждом субъекте Российской Федерации. Однако еще в ходе его проверки в неоднократно звучали доводы против, и не только со стороны правоохранительных органов, якобы боящихся непредвзятой оценки народа [3. С. 17–19, 14. С. 5–15]. Тем не менее в России предлагается ввести не континентальную, а английскую модель суда присяжных.

Подобная дифференциация уголовно-процессуальной формы имеет и оборотную сторону медали. Значительные различия в организации и порядке осуществления уголовного судопроизводства могут привести к недостаточному знанию положений закона практическими работниками, отступлению ими от буквы и духа закона. Что не может не сказаться как на эффективности уголовного судопроизводства, так и на его оценке населением.

5. Расширение состязательных начал

Прежде чем говорить о тенденциях и перспективах развития отечественного уголовного процесса, необходимо предварительно решить вопрос о типе процесса. Как видим, динамика его реформирования направлена в сторону процесса состязательно-го [11. С. 45]. Но происходит это несколько однобоко: путем увеличения прав стороны защиты и повышения требований и сложности процедуры собирания доказательств. С таким способом реформирования уголовно-процессуального закона согласиться сложно.

Римские юристы объяснялись: «Хорош тот закон, который исполним» [15. С. 206]. Исследуя зарубежное уголовно-процессуальное законодательство, не стоит забывать, что российский уголовный процесс – все-таки это процесс смешанного типа. Он, в частности, построен на наступательности в досудебном производстве и лишь в суде на основе правил состязательности. Привнесение в отечественное уголовное судопроизводство процессуальных положений из зарубежного законодательства необходимо делать с особой осторожностью и внимательностью и только после их сопоставления с действующими положениями УПК РФ для того, чтобы в целом построить современное гражданское общество и эффективное правовое государство.

Литература

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (в ред. закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // Рос. газета. 1993. 25 дек. (№ 237); 2014. 23 июля (№ 163).
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. Федер. закона от 18 февраля 2020 г. № 25-ФЗ) // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.
3. Демичев А.А. Почему сторонники суда присяжных боятся опросов граждан // Законность. 2001. № 5. С. 17–19.
4. Маркелов А.Г. Дознание в органах внутренних дел: учеб. пособие. Чебоксары, 2017. С. 45.
5. Маркелов А.Г. Идея доказательственного компромисса при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением по уголовному делу // Вестн. Казан. юрид. ин-та МВД России. 2018. № 3 (33). С. 404–411.
6. Маркелов А.Г., Купцов В.А. Идея процессуального компромисса как способ доказывания в современном уголовном судопроизводстве // Вестн. Рос. ун-та кооперации. 2016. № 3 (25). С. 118–120.
7. Маркелов А.Г. К вопросу о применении юридических конструкций при составлении процессуальных документов по уголовному делу // Юрид. техника. 2013. № 7-2. С. 470–473.
8. Маркелов А.Г. О компромиссе при прекращении уголовного преследования по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности // Вестн. Воронеж. ин-та МВД России. 2018. № 1. С. 145–149.
9. Маркелов А.Г., Нефедов М.А. Особенности проведения отдельных следственных действий с использованием инновационных технологий по уголовным делам в сфере экономики // Юрид. наука и практика. Вестн. Нижегород. академии МВД России. 2015. № 1 (29). С. 136–139.
10. Маркелов А.Г., Купцов В.А. Право на телефонный разговор в уголовном судопроизводстве России: гарантии и проблемы реализации // Вестн. Рос. ун-та кооперации. 2016. № 2 (24). С. 113–117.

11. Маркелов А.Г., Дмитриева О.В. Производство по уголовному делу в суде кассационной инстанции: учеб. пособие. Чебоксары, 2009. С. 45.

12. Маркелов А.Г. О некоторых проблемах применения УПК РФ // Право и государство: теория и практика. 2008. № 4 (40). С. 130–131.

13. Маркелов А.Г. Компромисс в уголовном судопроизводстве России в свете реализации особого порядка судебного разбирательства по уголовным делам при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением // Уголовно-правовая превенция в сфере оборота наркотических средств или психотропных веществ, алкогольной и спиртосодержащей продукции (региональный аспект): сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2015. С. 505–509.

14. Петрухин И.Л. Суд присяжных: проблемы и перспективы // Государство и право. 2001. № 3. С. 5–15.

15. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс: учебник. 8-е изд., перераб. М., 2020. С. 206.

ПРАВОВАЯ ЖИЗНЬ И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

А.М. Егоров, канд. юрид. наук, доцент
Чебоксарский институт (филиал) АНО ВО «Московский
гуманитарно-экономический университет», г. Чебоксары
В.И. Перепелкин, канд. юрид. наук
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет
имени И.Н. Ульянова», г. Чебоксары

Аннотация. В статье определяется правовая жизнь как элемент гражданского общества. Проанализированы факторы, определяющие развитие современной правовой системы России: правовая деятельность, национальная организационная культура.

Ключевые слова: гражданское общество, правовая деятельность, правовая система, пределы действия права, юридическая деятельность, эффективность правовой нормы, правовая парадигма.

FUNDAMENTAL VIEW ON LAW IN MODERN RUSSIA

A.M. Egorov, V.I. Perepelkin

Abstract. Legal life is defined as an element of civil society. The article analyzes the factors that determine the development of the modern legal system in Russia: legal activity, national organizational culture

Keywords: civil society, legal activity, legal system, limits of law, legal activity, effectiveness of legal norms, legal paradigm.

Формирование гражданского общества связано самым тесным образом со многими процессами. Одним из наиболее значимых процессов является протекающая в государстве правовая жизнь [9. С. 283]. Важнейшим сущностным моментом современной правовой жизни России является правовая деятельность.

Методологические работы, появившиеся в обществоведении по вопросам деятельности и поведения, не могли не стать теоретическим источником юридических исследований правовой деятельности.

Отметим, что правовая деятельность согласуется с определением правоотношения как общественного отношения, урегулированного правом, столь распространенного в нашей юридической науке. Некоторые авторы, предпринявшие критику данного подхода к рассмотрению правовых явлений, пришли соответственно к выводу, что «чисто» правовой деятельности (как и правовых общественных отношений) со специфическим правовым предметом не существует.

Нельзя было не заметить и такое определение правовой деятельности, как совокупности действий государства в лице его органов, иных общественных организаций и граждан в связи с созданием и реализацией юридических норм, использованием других правовых рычагов при решении социально-экономических задач, как деятельности по внесению организованности в другую, регулируемую деятельность.

Помня о сущности гражданского общества, действительно, если правовую систему рассматривать как весь арсенал юридических средств и всю совокупную правовую деятельность, осуществляемую в обществе в различных формах и сферах, то перед исследователем предстает сложный и обширный правовой мир, мир бесчисленных человеческих связей, в центре которого находится человек [6. С. 5].

Правовая система позволяет человеку раскрыть его возможности и способности, реализовать свой социальный и нравственный потенциал. Причем во всех работах, где поднимается проблема «правовой системы», неизменно упоминается правовая деятельность в качестве ее элемента. При этом деятельность признается юридической не только потому, что она направлена на право, а потому, что приводит к юридически значимым ре-

результатам, определенным образом меняет, либо, наоборот, сохраняет наличное бытие правовой реальности.

Юридическая деятельность как составляющая гражданского общества относится к многофункциональным системам, что требует разграничения отдельных направлений ее воздействия на реальную действительность. Нужно всегда четко различать функции юридической деятельности как реально существующего социального феномена и основные направления воздействия самой теории юридической деятельности, которая являлась соответствующей системой знаний, выполняет гносеологическую, мировоззренческую, методическую, онтологическую, прогностическую, аксиологическую, идеологическую и практически прикладную функции [2. С. 322]. Общая теория юридической деятельности выполняет также и интегративную функцию, объединяя, систематизируя соответствующие знания, добытые другими науками.

Реальное включение юридических норм в экономические механизмы осуществляется в процессе их реализации, применения. Правоприменительная деятельность вносит организованность и порядок в экономические отношения, дисциплинирует её участников, создает индивидуально-конкретные юридические условия и гарантии для нормальной хозяйственной деятельности субъектов, позволяет оперативно реагировать на возникновение и изменение потребностей экономического развития [1. С. 75; 3. С. 114; 8. С. 296].

Гражданское общество предполагает исследование пределов действия права, указывает на ту область социального пространства, в которой право способно оказывать прогрессивно преобразующее воздействие на общественную жизнь [4. С. 210]. Определение пределов действия права необходимо для того, чтобы исключить использование правовых инструментов в сферах взаимодействия людей, требующих иных средств регуляции [5. С. 329; 7. С. 385].

Право является основным, но не единственным средством, с помощью которого общество решает свои задачи. Общественные отношения регулируются определенной совокупностью социальных норм, причем предмет правового воздействия может совпадать с предметом воздействия иных правил, но может

и обособляться. В настоящее время представляется весьма актуальным на теоретическом уровне определить правовые пределы государственной деятельности, в рамках которой должно осуществляться правовое регулирование.

Литература

1. Алексеев В.Г., Перепелкин В.И. Проблемы совершенствования законодательства в расследовании и предупреждении дорожно-транспортных происшествий // Фундаментальные и прикладные исследования правового регулирования деятельности государства в социально-экономической сфере и осуществлении правосудия: сб. ст. Междунар. заоч. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2016. С. 75–79.

2. Егоров А.М. Формирование концепции унификации права и ее влияние на конституционный процесс в Российской Федерации // Науч. тр. РАЮН. М., 2004. Вып. 4. Т. 1. С. 322.

3. Егоров А.М. Общие положения права собственности. Н. Новгород, 2004. С. 114.

4. Иванова Е.В., Семенова Н.В., Иванова В.В. Формирование эколого-правовой компетенции у школьников на основе этнокультурных традиций и обычаев // Вестн. Чуваш. гос. пед. ун-та им. И.Я. Яковлева. 2018. № 3 (99). С. 208–216.

5. Николаев К.Л., Перепелкин В.И. Взятка и дарение в контексте культурно-досуговых отношений и спортивной деятельности // Правовое регулирование культурно-досуговых отношений и спортивной деятельности в контексте общественных и нравственных ценностей: современное состояние и мировые тенденции: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2019. С. 329–332.

6. Прокошенкова Л.П., Захарова А.Н. Духовные ценности народа и этнокультуральная направленность обучения. Чебоксары, 2010. 257 с.

7. Рязанов Н.Ю., Перепелкин В.И. К вопросу о понятиях ограничение и нарушение прав тайной связи // Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики: сб. материалов VI Междунар. науч.-практ. конф., посв. 25-летию юрид. факультета. Чебоксары, 2016. С. 385–390.

8. Тимофеева Т.Ф., Иванова В.В. Соблюдение законности, обеспечения прав граждан при приеме, регистрации и разрешении сообщений о происшествиях // Проблемы противодействия преступности: опыт, современное состояние и пути решения: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф., посв. памяти проф. В.А. Малюткина. Чебоксары, 2019. С. 296–299.

9. Тимофеева Т.Ф., Левшина А.В. Правовое воспитание молодежи в высшем учебном заведении // Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики: сб. материалов VII Междунар. науч.-практ. конф., посв. 50-летию Чуваш. гос. ун-та им. И.Н. Ульянова. Чебоксары, 2017. С. 283–287.

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ УБИЙСТВА, СОВЕРШЕННОГО В СОСТОЯНИИ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ

М.Г. Егорова, магистрант
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет
имени И.Н. Ульянова», г. Чебоксары

Аннотация. Автор рассматривает понятие и признаки необходимой обороны, анализирует проблемы квалификации убийства, совершенного при превышении пределов необходимой обороны.

Ключевые слова: преступление, убийство, превышение пределов необходимой обороны, посягательство, квалификация деяния.

PROBLEMS QUALIFYING A MURDER COMMITTED IN A STATE OF NECESSARY DEFENSE

M.G. Egorova

Abstract. The article discusses the concept and signs of necessary defense, analyzes the problems of qualifying a murder committed when exceeding the limits of necessary defense.

Keywords: crime, murder, exceeding the limits of necessary defense, encroachment, qualification of an act.

Институт необходимой обороны в уголовном законодательстве Российской Федерации и многих других современных зарубежных стран занимает важное место и оказывает существенное влияние на многие стороны деятельности личности, общества и государства. В настоящее время необходимая оборона выступает средством реализации прав и свобод человека и гражданина, и потому данный институт имеет большое значение и должен быть закреплен в законе.

«Необходимая оборона – это право человека, соответственно он решает, следует ли ему осуществить указанное право в конкретной ситуации. Принудить к осуществлению права на необходимую оборону нельзя, как в равной степени невозможно дать негативную правовую оценку отказа от осуществления этого права» [3. С. 108].

Необходимая оборона как обстоятельство, исключающее преступность деяния, вызывает интерес у многих исследовате-

лей по причине того, что, обороняющийся в ходе реализации своего права на оборону и защиту своих прав или прав других лиц от общественно опасного посягательства причиняет вред объекту, также находящемуся под защитой уголовного законодательства [4. С. 135–142; 5. С. 252–256]. Для того чтобы вред, причиненный в условиях обороны, можно было признать правомерным, в судебной практике и теории уголовного права сформулированы условия правомерности, которые должны быть обязательно соблюдены обороняющимся. В противном случае последствия для лица, который применил оборону, могут быть различными: действия можно квалифицировать как превышение пределов необходимой обороны – ч. 1 ст. 108, ч. 1 ст. 114 УК РФ, либо привлечь обороняющегося к уголовной ответственности на общих основаниях, а эпизод нарушения условий обороны будет учтен как обстоятельство, смягчающее наказание в соответствии с п. «ж» ч. 1 ст. 61 УК РФ.

Конструктивный признак в составе преступления, установленного ч. 1 ст. 108 УК РФ, представляет собой совершение убийства «в состоянии необходимой обороны, с превышением ее пределов, то есть при отражении общественно опасного посягательства (объективное основание необходимой обороны) и с целью защиты охраняемых интересов (субъективное основание необходимой обороны), причиняя при этом излишний, более чем необходимый для отражения посягательства вред». В.А. Аммалайнен пишет: «Любая оборона “с завышением”, “с запасом” общественно опасна и объективно составляет ее превышение, так как это выход за пределы необходимости, определяемые целью предотвращения нападения» [1. С. 54].

Учитывая сказанное и анализируя судебную практику последнего десятилетия, можно сделать вывод о том, что убийство квалифицируется по ч. 1 ст. 108 УК РФ лишь только в случае наличия намерения обороняющегося воспользоваться средствами и способами защиты, которые не были вызваны ни реальной обстановкой, ни характером нападения. Для правильного решения вопроса о наличии либо отсутствии оснований превышения необходимой обороны необходимо исходить не только из требования о соответствии средств, но и способов защиты и нападения. Данное соответствие не всегда имеет место, поскольку

в целях удачного отражения нападения его требуется преодолеть, применяя при этом усиленные методы. Необходимо все обстоятельства оценивать в совокупности. К примеру, в случае нападения, сопряженного с насилием, которое опасно как для жизни обороняющегося, так и для другого лица, нельзя исключить возможность лишения жизни нападающего. Также нельзя считать превышением пределов необходимой обороны, когда женщина, обороняясь и используя оружие во время защиты от группы насильников, причинит нападающим смерть.

Действия обороняющегося недопустимо оценивать как совершенные в состоянии необходимой обороны, когда нанесенный вред является более опасным, чем предотвращенный. Для правильной квалификации убийства при превышении необходимой обороны следует выяснить, в чем заключалось превышение. Использование защиты возможно только от посягательства, которое уже начало осуществляться, либо имеется действительная угроза его исполнения, и которое еще не закончено. В иных случаях можно говорить о преждевременной или запоздалой обороне, не являвшейся необходимой. Вред, причиненный при преждевременной или запоздалой обороне, можно квалифицировать как убийство в состоянии аффекта либо из мести. Также в случае, когда защита осуществляется от возможных действий, ожидаемых только в будущем, отсутствует условие правомерности необходимой обороны. По смыслу закона квалифицировать убийство, совершенное в состоянии необходимой обороны, можно тогда, когда защита явилась следствием акта посягательства и когда момент его окончания не был ясен для обороняющегося.

Нельзя признать находившимся в состоянии необходимой обороны лицо, спровоцировавшее нападение, чтобы использовать его как возможность для совершения противоправных действий [1. С. 6].

В случаях, когда посягательство не являлось спровоцированным, требуется установить, что лицо, которое причинило вред нападающему, понимало реальность общественно опасного посягательства, могло объективно и действительно оценить степень и характер опасности нападения и желало причинить вред нападающему в целях своей защиты или защиты других лиц,

охраняемых законодательством интересов общества или государства. Неправильное определение характера и опасности посягательства может привести к неверной квалификации действий обороняющегося.

Если для предупреждения или пресечения общественно опасного посягательства отсутствовала необходимость умышленно причинить нападающему тяжкий вред здоровью или смерть и обороняющийся это осознавал, в его действиях устанавливаются признаки составов превышения пределов необходимой обороны (ч. 1 ст. 114 или ч. 1 ст. 108 УК РФ).

Если для предупреждения или пресечения общественно опасного посягательства отсутствовала необходимость умышленно причинить нападающему тяжкий вред здоровью или смерть но обороняющийся это не осознавал, в его действиях констатируются все признаки состава необходимой обороны, уголовное дело подлежит прекращению в связи с отсутствием состава преступления.

Необходимая оборона не должна характеризоваться как «баланс интересов»: преимущество всегда должно отдаваться интересам и правам обороняющегося, которые он защищает от общественно опасного посягательства, а не правам и интересам нападающего лица. Право на необходимую оборону – это безграничительное право, которым обладают все лица, столкнувшиеся с общественно опасным посягательством, вне зависимости от пола, возраста, социального или иного положения. Осуществление лицом права на необходимую оборону, несомненно, должно поощряться государством и обществом.

Литература

1. Акимочкин В.И. Необходимая оборона и критерии ее правомерности (сравнительно-правовой анализ) // Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та. Образование и пед. науки. 2018. С. 54–58.

2. Аммалайнен В.А. Убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны // Инновац. наука. 2017. № 10. С. 84–87.

3. Гусейнов И.Г. Необходимая оборона как обстоятельство, исключающее преступность деяния // Вестн. Челябинск. гос. ун-та. 2015. № 25 (380). Право. Вып. 45. С. 108–114.

4. Зуева Ю.В., Козлов А.В. Необходимая оборона как элемент системы гражданской самозащиты (общеправовой аспект) // Юрид. наука и практика: Вестн. Нижегород. академии МВД России. 2018. С. 135–142.

5. Мусина Р.Р. К вопросу об эффективности института необходимой обороны // Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики: материалы XV Междунар. науч.-практ. конф: в 3 т. Тольятти, 2018. С. 252–256.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ КАТЕГОРИИ «НЕДВИЖИМОЕ ИМУЩЕСТВО»

К.В. Емельянова, магистрант
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет
имени И.Н. Ульянова», г. Чебоксары

Аннотация. Анализируются вопросы уточнения формулировок таких понятий, как «недвижимое имущество», «недвижимая вещь», «недвижимость», а также определяется соотношение этих категорий. Кроме того, проводится параллель российского законодательства с законодательством зарубежных стран в вопросе определения категории «недвижимое имущество».

Ключевые слова: недвижимое имущество, недвижимая вещь, недвижимость, прочная связь с землей, объект гражданских прав, несоразмерный ущерб.

SOME ASPECTS OF DEFINING THE CATEGORY «REAL ESTATE»

K.V. Emelyanova

Abstract. Analyzes questions about clarifying the wording of such concepts as «real estate», «real estate», «real estate, and also determines the ratio of these categories. In addition, the Russian legislation is paralleled with the legislation of foreign countries in determining the category of «real estate».

Keywords: immovable property, immovable thing, real estate, strong connection with the land, object of civil rights, disproportionate damage.

Нормы российского гражданского законодательства на современном этапе часто изобилуют нечеткими и противоречивыми формулировками в отношении самых важных основ законодательства, к числу которых относятся такие понятия, как «недвижимое имущество», «недвижимая вещь», «недвижимость». Необходимо уметь разграничивать эти понятия между собой.

Сравнивая российское и зарубежное право, можно отметить, что в большинстве европейских стран категория «недви-

жимого имущества» определяется намного шире и понятнее, чем в российском законодательстве. Например, многие ученые сходятся во мнении, что нормы Французского гражданского кодекса наиболее полно определяют понятие недвижимого имущества. Согласно данному зарубежному нормативному акту выделяется три их вида: недвижимость «по природе», «по назначению», «по объекту приложения» [1]. К последним объектам недвижимости относятся: земельные повинности, узурфрукт на недвижимые вещи, сервитуты и др. Здесь существует важная отличительная особенность. В частности, Французский гражданский кодекс, в отличие от российского гражданского кодекса, в состав недвижимого имущества кроме недвижимых вещей включает недвижимые права и иски.

В германском гражданском праве вообще отсутствует трактовка понятия «недвижимость». Германский законодатель лишь перечисляет виды недвижимого имущества [2]. Так, Германское гражданское уложение в своих нормах определяет недвижимое имущество как землю и составные части земельного участка. Под ними подразумеваются вещи, прочно связанные с землей (сооружения, строения, высаженные в почву семена, урожай на корню, а также права, связанные с правом собственности на данный земельный участок).

Таким образом, категория недвижимости в российском законодательстве определяется с некоторыми изысканиями из зарубежного законодательства. Так, в российской цивилистике существует два типа недвижимых вещей. Первый тип представляет собой «естественную недвижимость», т.е. то, что возникло «само», без применения человеческой силы. Второй тип – «искусственная недвижимость», под которой понимаются объекты, созданные человеком.

Ранее редакция ст. 130 ГК РФ определяла под недвижимостью многолетние насаждения, водные объекты и космические объекты. При этом данная формулировка определения недвижимого имущества является в некоторой степени некорректной. Именно поэтому в 2006 году законодатель исключил из ст. 130 ГК РФ указание на многолетние насаждения и водные объекты как самостоятельный вид недвижимости, а в 2015 году – указание на космические объекты как на недвижимость, указав через

бланкетную норму открытий перечень видов недвижимого имущества, которые могут быть определены соответствующим законом [4].

Тем не менее идея о том, что существует два вида недвижимого имущества – земля и то, что «на земле» – все еще реализуется в ГК РФ. При этом действительно в условиях урбанизации земельный участок фактически утратил его основную ценность при определении соотношения «земля и здание», т.е. их непосредственную связь между собой. На практике зачастую здания и сооружения на земельном участке оцениваются дороже самой земли, на которой они построены. Поэтому некоторые ученые высказываются в защиту положения ст. 130 ГК РФ как отражающей «действительное положение дел». Существует большое количество проблем, которые порождают решение российского законодателя рассматривать сооружение и здание, а также все то, что прочно связано с землей, как самостоятельную недвижимую вещь [5. С. 326; 6. С. 289; 7. С. 236; 9. С. 247]. Так, законодатель закрепил критерий, позволяющий определять, что вещь является недвижимой при условии ее неразрывной связи с землей. При этом данный критерий является казуальным и случайным, поэтому можно говорить о его неточной, ошибочной природе. Это приводит к тому, что само понятие недвижимости становится трудно определимым.

Законодатель, закрепляя понятие недвижимых вещей в п. 1 ст. 130 ГК РФ, перечисляет такие термины, как «недвижимое имущество» и «недвижимость», это позволяет некоторым ученым-цивилистам говорить о том, что эти понятия являются синонимами по своей природе. Однако такая точка зрения является искаженной, так как основана на признаке прочной связи с землей. Такой признак применим только к вещам. Под прочной связью с землей следует понимать такое состояние вещи, которое не позволяет говорить такую вещь без несоразмерного ущерба её назначению. В то же время анализ других норм гражданского законодательства позволяет утверждать некоторым ученым о различии понятий «недвижимая вещь», «недвижимое имущество», «недвижимость» и о необходимости элиминации (изъятия) лишних терминов из нормы ст. 130 ГК РФ [3]. Тем не менее такие вопросы, как какие термины следует исключить,

а какие оставить, до сих пор остаются неразрешенными в российском законодательстве. В связи с этим необходимо остановиться на дефинициях «вещь» и «имущество».

Несмотря на то, что законодатель не дает легального определения данных понятий, он все же подвергает их дефлегмации, т.е. разграничению. Так, под вещь в гражданском праве понимается объект, созданный трудом человека (здания, сооружения), являющийся основным объектом в имущественном правоотношении, или предмет внешнего мира, находящийся в естественном состоянии в природе (горы, реки, моря, поля и др.) [8. С. 682].

Понятие «имущество» также не имеет легального определения в российском законодательстве. В отдельных статьях ГК РФ у этого термина различное содержание. Например, в ст. 46 ГК РФ под имуществом понимаются вещи или их совокупность, иногда термином «имущество» обозначают как вещи, так и деньги, ценные бумаги (ст. 302 ГК РФ), а в ряде случаев под имуществом понимаются вещи и имущественные права (ст. 336 ГК РФ). Также употребление в ст. 130 ГК РФ понятия «недвижимость» вызывает некоторые вопросы. «Недвижимость» в российском праве употребляется в двух основных смыслах: во-первых, в качестве обобщения для любых недвижимых вещей, в отношении которых требуется регистрация права собственности; во-вторых, для обозначения комплексов, специально указанных в законе. Кроме того, вопросы о понятии и классификации объектов недвижимости являются весьма сложными и противоречивыми.

В современной цивилистике высказываются альтернативные мнения о характерных особенностях, которыми должна обладать вещь, чтобы считаться недвижимой, предлагаются разные классификации объектов недвижимого имущества. Отсутствует единство и в судебной практике. Между тем участники имущественного оборота должны в каждом спорном случае точно определять, относится ли объект к недвижимому имуществу или представляет собой движимое имущество. Это необходимо, потому что движимое и недвижимое имущество имеет разный правовой режим.

Перемещение вещи без несоразмерного ущерба для ее назначения должно базироваться на основании применения ряда критериев в каждом конкретном случае [10. С. 194]. Требуется принимать к сведению такие обстоятельства, как назначение вещи, характер связи с земельным участком, а также вопрос, сохраняется ли объект в натуре в процессе перемещения. Например, сборно-разборные сооружения (торговые палатки) относятся к движимому имуществу [8. С. 683]. Таким образом, неразрывность физической зависимости объекта недвижимости с землей понимается как условие использования недвижимого имущества по назначению.

Таким образом, представляется необходимым сделать следующие выводы:

1) в целях усовершенствования законодательного пробела представляется целесообразным определить в ст. 130 ГК РФ категорию несоразмерного ущерба назначению, дополнив ст. 130 ГК РФ п. 3 следующего содержания: «3. В целях настоящей статьи под несоразмерным ущербом назначению объектов при перемещении понимается невозможность использования объекта по целевому назначению, а также существенное ухудшение его технического состояния либо снижение материальной или художественной ценности»;

2) понятие «недвижимое имущество» включает в себя понятия «недвижимость» и «недвижимая вещь». При этом понятие «недвижимость» уже понятия «недвижимая вещь», поскольку последнее включает в себя как объекты природы, к примеру, земельные участки и недра, так и объекты, созданные человеком. В связи с этим можно выделить следующую очередность понятий: «недвижимое имущество» – «недвижимая вещь» – «недвижимость». На основании этого можно сделать вывод, что в ч. 1 ст. 130 ГК РФ нарушена последовательность содержащихся в ней понятий.

Литература

1. Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона) от 21 марта 1804 г. (с изм. и доп. по состоянию на 01.09.2011). М., 2012. 700 с.

2. Гражданское уложение Германии от 18 августа 1896 г. (ред. от 02.01.2002, с изм. и доп. по 31.03.2013) // Гражданское уложение Германии: Вводный закон к Гражданскому уложению. 4-е изд., перераб. М., 2015. 800 с.

3. Бевзенко Р.С. Вопросы права недвижимости в постановлении Пленума Верховного суда № 25 (часть вторая). URL: <https://zakon.ru/> (дата обращения: 20.11.2020).

4. Бевзенко Р.С. Понятие недвижимого имущества. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=v9CjaIpFxiE> (дата обращения: 20.11.2020).

5. Денисова Е.А., Семенова Н.В. Правовой статус нежилых помещений как объектов гражданских правоотношений // Сборник научных трудов молодых ученых и специалистов. Чебоксары, 2018. С. 326–331.

6. Ежова А.А., Семенова Н.В. Жилые помещения как объект гражданских и жилищных прав // Проблемы качества российского законодательства: сб. материалов IV Всерос. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2019. С. 289–294.

7. Иванова Е.В., Семенова Н.В., Иванова В.В. Некоторые проблемы обеспечения жилищных прав несовершеннолетних // Социально-правовая защита детства как приоритетное направление современной государственной политики: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2018. С. 236–243.

8. Попов С.А. Понятие и признаки недвижимого имущества // Молод. ученый. 2019. № 3. С. 681–683.

9. Хураскина Н.В. Правовое регулирование переустройства и перепланировки жилых помещений // Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики: сб. материалов 4-й Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2014. С. 247–251.

10. Хураскина Н.В., Васильев С.А. Актуальные проблемы государственной регистрации ипотеки // Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики: сб. материалов VI Междунар. науч.-практ. конф., посв. 25-летию юрид. факультета. Чебоксары, 2016. С. 192–196.

О СОДЕРЖАНИИ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ПО ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

А.Ю. Епихин, д-р юрид. наук, профессор

З.Ш. Гагауллин, канд. юрид. наук, доцент

ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»,
г. Казань

Аннотация. Представлен авторский подход к содержанию теоретической модели уголовного преследования по делам о преступлениях террористической направленности на основе имеющихся научных взглядов и определений.

Ключевые слова: уголовное преследование, теоретическая модель, террористические преступления.

ON THE CONTENT OF THE THEORETICAL MODEL OF CRIMINAL PROSECUTION IN CASES OF TERRORIST OFFENCES

A.Yu. Epikhin, Z.Sh. Gataullin

Abstract. The author's approach to the content of the theoretical model of criminal prosecution in cases of terrorist crimes based on available scientific views and definitions is presented.

Keywords: criminal prosecution, theoretical model, terrorist crimes.

Теоретические разработки и имеющиеся научные исследования понятия «теоретическая модель», по нашему мнению, нашли свое достаточное отражение в работах А.С. Безрукова [1], В.С. Плетникова [2]. Так, А.С. Безруков формулирует следующее «операциональное понятие правовой модели: это созданная в результате абстракции, идеализации (для теоретических и мета-теоретических моделей) или наблюдения (для материальных моделей) форма отражения правовой (или окружающей) действительности находящаяся в отношении соответствия с исследуемым объектом, служащая средством отвлечения и выражения внутренней структуры сложного правового явления (или наглядности в описании объектов материального мира), несущая информацию об объекте или выполняющая специальную описательную (демонстрационную) задачу» [1. С. 8].

Как полагаем, это общее определение правовой модели можно трансформировать применительно к нашему исследованию, поскольку в нем содержатся такие её элементы, как:

– форма отражения современных теоретических взглядов, законодательных подходов и правоприменительной действительности противодействия терроризму;

– находится в соответствии с исследуемым объектом (уголовным преследованием по делам о преступлениях террористической направленности);

– формулирует внутреннюю структуру, сущность и особенность реализации уголовного преследования по делам о преступлениях террористической направленности;

– содержит информацию об указанном объекте и выполняет специальную описательную (демонстрационную) задачу опре-

деления наиболее эффективных правовых средств противодействия преступлениям террористической направленности в уголовно-процессуальной форме.

Кроме того, операциональное определение формы реализации правовой модели А.С. Безруков видит через «способы внешнего выражения и нормативного закрепления внутренне структурированной системы признаков, отражающих закономерности существования и развития правовых явлений, а также служащих методологическим ориентиром для познания и преобразования взаимообусловленных явлений социально-правовой действительности» [1. С. 8]. Следовательно, форма реализации теоретической модели уголовного преследования по делам о преступлениях террористической направленности должна содержать следующие элементы:

- нормативное закрепление существования и закономерностей уголовного преследования по делам данной категории. Это обусловлено тем, что способы совершения террористических преступлений изменяются в соответствии с изменением общественных отношений, технологий и прочих факторов;

- совокупность элементов этой теоретической модели будет являться методологическим ориентиром для познания и преобразования взаимообусловленных явлений социально-правовой действительности, т.е. расследования преступлений террористической направленности. Это может быть положено в основу разработки новых правовых и иных средств противодействия терроризму, повышения эффективности уголовного преследования по делам данной категории.

Рассуждая о специфике метода правового моделирования, А.С. Безруков отмечает важность распространения системных связей на всю систему в целом [1. С. 9], что также применимо к нашему исследованию, так как в статье особенность реализации уголовного преследования исследована на всех стадиях уголовного судопроизводства. При этом уголовное преследование относится только к одной группе преступлений (террористической направленности), т.е. имеет групповую направленность.

В.С. Плетников определяет понятие модели в юриспруденции как «интеллектуально-волевое описание, в достаточной степени повторяющее существенные свойства моделируемого

объекта, процесса или явления государственно-правовой жизни, сформировавшееся под влиянием всей совокупности объективных и субъективных факторов общественного развития» [2. С. 121–125]. Применительно к нашей теме для определения содержания теоретической модели уголовного преследования по делам о преступлениях террористической направленности мы выделяем её следующие сущностные признаки:

– существенные свойства моделируемого объекта – специфика содержания уголовного преследования по уголовным делам указанной категории;

– наличие совокупности объективных и субъективных факторов общественного развития – противодействия преступлениям террористической направленности средствами уголовно-процессуальных инструментов. Они имеют свойства объективного характера – изменимость самих преступлений террористической направленности и, как следствие этого, установление в уголовно-процессуальном и ином законодательстве новых правовых инструментов.

Кроме того, В.С. Плетников выделяет важное значение характеристик модели, которые в достаточной мере относятся к представлению нашей теоретической модели [2. С. 121]:

– непосредственная связь с субъектом, осуществляющим познание объекта, процесса, явления, в нашем случае – к специфике уголовного преследования по делам о преступлениях террористической направленности;

– повторение в модели в достаточной степени существенных свойств моделируемого объекта, процесса или явления государственно-правовой жизни, т.е. выделение в правовой регламентации особенностей и специфики уголовного преследования по делам данной направленности;

– включение описания (характеристики) тех либо иных элементов, являющихся частями единой системы, составляющих основу соответствующего объекта, процесса или явления государственно-правовой жизни. Применительно к нашему пониманию теоретической модели – исследование, анализ и выработка предложений, направленных по повышению системы процессуальных правовых средств как единой системы;

– формирование в нечто целое, функциональное, только при учете всей совокупности объективных и субъективных факторов общественного развития, которые должны быть учтены представителями юридической науки при проведении исследований государственно-правовой реальности.

Таким образом, объединяя вышеприведенные структурные элементы, форму и характеристики теоретической модели уголовного преследования по делам о преступлениях террористической направленности, мы предлагаем ее следующее доктринальное определение.

Теоретическая модель уголовного преследования по делам о преступлениях террористической направленности выражается в совокупности ее структурных элементов, форме ее реализации и характеристиках модели и включает в себя следующие элементы модели:

– форму отражения современных теоретических взглядов, законодательных подходов и правоприменительной действительности процесса реализации уголовного преследования по делам о преступлениях террористической направленности;

– соответствие с исследуемым объектом (право-реализация процесса уголовного преследования по делам о преступлениях террористической направленности);

– выражение внутренней структуры, сущности, особенности осуществления уголовного преследования по делам о преступлениях террористической направленности;

– наличие информации об указанном объекте и выполнение специальной описательной (демонстрационной) задачи определения наиболее эффективных правовых и иных (в уголовно-процессуальной форме) средств противодействия преступлениям террористической направленности.

Форма реализации теоретической модели уголовного преследования по делам о преступлениях террористической направленности выражается:

– в нормативном закреплении существования и закономерностей уголовного преследования по делам данной категории. Это обусловлено постоянной изменчивостью способов совершения террористических преступлений в соответствии с изменением общественных отношений, глобальных процессов, развитием технологий и прочих факторов;

– совокупности элементов этой теоретической модели, которая будет являться методологическим ориентиром для познания и преобразования взаимообусловленных явлений социально-правовой действительности, т.е. реализацией уголовного преследования по делам о преступлениях террористической направленности. Это может быть положено в основу разработки новых правовых и иных средств противодействия терроризму, повышения эффективности уголовного преследования по делам данной категории.

Характеристики представляемой теоретической модели:

– непосредственная связь с субъектом, осуществляющим познание объекта, процесса, явления, т.е. отношение к специфике уголовного преследования по делам о преступлениях террористической направленности;

– повторение в модели в достаточной степени существенных свойств моделируемого объекта, процесса или явления государственно-правовой жизни, т.е. выделение в правовой регламентации особенностей и специфики уголовного преследования по делам данной направленности;

– объединение описания (характеристики) тех либо иных элементов, являющихся частями единой системы, составляющих основу соответствующего объекта, процесса – исследование, анализ и выработка предложений, направленных на повышение результативности имеющихся и новых процессуальных правовых средств уголовного преследования как единой системы;

– формирование в целом, функциональное с учетом всей совокупности объективных и субъективных факторов общественного развития, которые должны быть учтены представителями юридической науки при проведении исследований уголовного преследования по делам о преступлениях террористической направленности.

Литература

1. Безруков А.С. Правовая модель как инструмент юридической науки и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2008.

2. Плетников В.С. Понятие и виды моделей в современной отечественной юриспруденции // Науч. ежегодник Института философии и права Уральского отделения Рос. академии наук. 2016. Т. 16, вып. 2. С. 121–135.

НРАВСТВЕННОСТЬ В ПРОЦЕССЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

А.Ю. Епихин, д-р юрид. наук, профессор
ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»,
г. Казань

Р.М. Рамазанов, зам. начальника
Управление Судебного департамента при Верховном Суде
Российской Федерации в Республике Татарстан, г. Казань

Аннотация. Соотношение категорий права и морали, нравственности имеет особое значение в сфере действия уголовно-процессуальных норм. Такое значение обусловлено тем, что процесс уголовного преследования сопровождается не только применением принудительных мер, включая меры пресечения, но и назначением уголовного наказания как наиболее строгого вида юридической ответственности. В связи с этим нравственность приобретает значимую роль в формировании уголовно-процессуальных норм, направленных на обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства и самого процесса защитных мер.

Ключевые слова: нравственность, мораль и право, уголовное дело, принуждение, меры безопасности, защита свидетелей.

MORALITY IN THE PROCESS OF ENSURING THE SAFETY OF PARTICIPANTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

A.Yu. Epikhin, R.M. Ramazanov

Abstract. The ratio of categories of the right and morals, morality is of particular importance in a coverage of criminal procedure norms. This is due to the fact that the criminal prosecution process is accompanied not only by the use of coercive measures, including preventive measures, but also by the imposition of criminal penalties as the most severe form of legal liability. In this regard, morality takes on a significant role in the formulation of criminal procedure rules aimed at ensuring the safety of participants in criminal proceedings and the protective measures process itself.

Keywords: morality, morals and right, criminal case, coercion, security measures, witness protection.

Обеспечение участия граждан в условиях безопасности при производстве по уголовному делу, в том числе и в судебных стадиях является одной из актуальных проблем современного отечественного уголовно-процессуального законодательства и практики его применения. Отметим, что многие проблемы

безопасности участников уголовного процесса детально исследованы в научных работах российских ученых [1. С. 77–81; 2. С. 115–122; 3; 4; 5], в том числе с позиций применения позитивного международного опыта [6. С. 3–7], как криминалистическая проблема [7. С. 183–189; 8. С. 438–443] и с других сторон [9. С. 225–229]. Однако собственно нравственным аспектам безопасности личности в уголовном процессе уделено недостаточное внимание исследователей.

Считаем, что нравственность проникает в отдельные нормы действующего уголовно-процессуального законодательства, например, в нормах, обязывающих следователя и суд принять меры по обеспечению охраны имущества подсудимого, попечению детей, которые находятся на его иждивении; проведение освидетельствования лицом одного пола и пр.

Кроме того, нравственно обусловлена и сама совокупность правовых средств безопасности личности в уголовном процессе.

Система мер безопасности в настоящее время условно разграничивается на уголовно-процессуальные (ч. 3 ст. 11 УПК РФ) и внепроцессуальные, которые закреплены в Федеральном законе № 119-ФЗ от 20.08.2004 «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» [10]. По нашему мнению, такие меры безопасности должны отвечать требованию нравственности их применения и реализации. Например, в законе № 119-ФЗ предусмотрена такая мера безопасности, как временное перемещение защищаемого лица в другое безопасное место (ст. 12), а таким место может быть, к примеру, отдельная камера изолятора временного содержания. Очевидно, что норма закона следователем реализована и нарушений правовых предписаний нет. Однако нормы с позиций нравственности права и законные интересы защищаемого лица как участника производства по уголовному делу будут существенно ущемлены. Кроме того, в ст. 4 Закона № 119-ФЗ, в которой закреплены принципы государственной защиты, также ничего не сказано о нравственности этого процесса.

В научной литературе сформированы основы эффективности функционирования безопасности личности, среди которых нравственность выделена как самостоятельный критерий применения мер безопасности [11. С. 260].

По нашему мнению, именно нравственность применения мер безопасности следует выделять особо в связи с тем, что соотношение морали и права должно иметь строго определенный и выверенный баланс законных интересов. Применение правовых предписаний без учета нравственности может повлечь ущемление прав и законных интересов участников уголовного процесса, в особенности тех из них, кто оказывает содействие уголовному правосудию.

В связи с этим возникает (может возникнуть) противоречие нравственного характера между интересами государства в борьбе с преступностью и интересами гражданина как участника уголовного процесса, содействующего его назначению (ст. 6 УПК РФ). То есть, с одной стороны, государство в лице правоохранительной системы и органов уголовного преследования заинтересовано в сборе доказательств, раскрытии преступления и задержании преступника (обвиняемого), в том числе с использованием помощи, участия граждан в таком доказательственном процессе. С другой – лицо, зачастую случайно становящееся участником уголовного процесса в силу различных обстоятельств, имеет свои интересы, в том числе на безопасное и комфортное содействие, чтобы жизнь, здоровье, сохранность имущества его и близких не пострадало в результате такого участия.

По нашему мнению, нравственно обоснованными следует считать и признавать условия применения мер безопасности, создание достаточной комфортности их реализации.

Таким образом, как представляется, нравственность в процессе обеспечения мер безопасности участников уголовного процесса возможно рассматривать как:

- 1) этическую категорию процесса применения и реализации мер безопасности;
- 2) нравственно обусловленное поведение должностных лиц, ведущих уголовное преследование по отношению к участникам процесса.

Отметим, что этические начала проведения установленных законом следственных и судебных действий, а также принятия процессуальных решений непосредственно относятся к личности лица, ведущего производство по уголовному делу.

Категория нравственности должна распространяться на процессуальное поведение всех участников процесса обеспечения безопасности: лиц, ведущих уголовное дело и принимающих решение о мерах безопасности; лиц, исполняющих такое решение и принимающих меры безопасности в отношении защищаемого лица и самих защищаемых лиц.

Таким образом, считаем целесообразным дополнить диспозицию ст. 12 Закона № 119-ФЗ о достаточности комфортности предоставляемого защищаемому лицу временного иного безопасного места, а в ст. 4 этого же закона – о нравственности процесса государственной защиты как самостоятельного общего начала.

Литература

1. Зайцев О.А. Концепция государственной защиты участников уголовного судопроизводства в Российской Федерации // Вестн. Оренбург. гос. ун-та. 2006. № 3 (53). С. 77–81.

2. Епихин А.Ю. Совершенствование правового регулирования безопасности личности в новом УПК РФ // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского. Сер. Право. 2003. № 1. С. 115–122.

3. Епихин А.Ю. Защита законных прав и интересов свидетеля в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995.

4. Щерба С.П., Зайцев О.А. Обеспечение прав потерпевших и свидетелей на предварительном следствии. М., 1995.

5. Зайцев О.А. Правовые основы и практика обеспечения участия свидетеля на предварительном следствии. М., 1995.

6. Зайцев О.А., Епихин А.Ю., Мишин А.В. Проблемы имплементации международного опыта безопасности участников российского уголовного процесса // Международное уголовное право и международная юстиция. 2018. № 2. С. 3–7.

7. Мишин А.В. Обеспечение безопасности участников досудебного производства по уголовному делу: тактическая задача и ее решение // Вестн. Волжск. ун-та им. В.Н. Татищева. 2017. Т. 2, № 4. С. 183–189.

8. Мишин А.В. Проведение опознания с участием защищаемого лица как мера безопасности (ч. 8 ст. 193 УПК РФ) // Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики: сб. материалов VI Междунар. науч.-практ. конф., посв. 25-летию юрид. факультета. Чебоксары, 2016. С. 438–443.

9. Андреева О.И., Зайцев О.А., Епихин А.Ю. Запрет определенных действий как новая мера обеспечения безопасности личности в уголовном процессе // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2018. № 436. С. 225–229.

10. О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства: Федер. закон от 20.08.2004 № 119-ФЗ (ред. от 07.02.2017) // СЗ РФ. 2004. № 34. Ст. 3534.

11. Епихин А.Ю. Обеспечение безопасности личности в уголовном судопроизводстве. СПб., 2004. С. 260.

**ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

А.Н. Жимков, магистрант
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет
имени И.Н. Ульянова», г. Чебоксары

Аннотация. Рассматриваются вопросы правового обеспечения деятельности субъектов малого предпринимательства в Российской Федерации в контексте современного состояния социально-экономического развития страны, проблем в организации предпринимательства и оптимизации форм и методов его функционирования. Отмечены направления и тенденции дальнейшего развития нормативно-правовой составляющей, регламентирующей работу малого бизнеса в России, причины и факторы, сдерживающие развитие малого бизнеса на региональном уровне. Внесены предложения по снижению административного давления на малое предпринимательство, что будет способствовать повышению эффективности его деятельности.

Ключевые слова: правовое регулирование, малое предпринимательство, поддержка предпринимательства, совершенствование форм и методов организации хозяйственной деятельности.

**LEGAL ENFORCEMENT OF SMALL ENTREPRENEURSHIP
OPERATION AT THE PRESENT STAGE
OF THE SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT
OF THE RUSSIAN FEDERATION**

A.N. Zhimkov

Abstract. Considers some legal enforcement issues of small entrepreneurship entities operation in the Russian Federation, in the context of the current state of the country's socio-economic development, of the problems arising in arranging business and in optimizing forms and methods of its functioning. It points out directions and trends of the future progress of the legislative component regulating the work of small enterprises in Russia as well as the reasons and factors hindering the small entrepreneurship development at the municipal level, suggests ways of reducing the administrative pressure on small businesses, which would facilitate growth in their efficiency.

Keywords: legal regulation, small entrepreneurship, support of business, enhancement of forms and methods of arranging business.

В непростых социально-экономических и внешнеполитических условиях жизнедеятельности российского государства, сложившихся на современном этапе его развития, большое значение приобретает организация и обеспечение создания благоприятных условий для функционирования отечественного предпринимательства, особенно в малых его формах. От этого во многом зависит реализация задач развития народного хозяйства страны, а значит, и создание благоприятных и комфортных условий жизни для граждан Российской Федерации. А это в свою очередь, по мнению Президента Российской Федерации В.В. Путина, зависит от «создания благоприятного делового климата в субъектах Федерации» [1]. Президент отметил, что «в рамках национальной предпринимательской инициативы мы существенно обновили законодательство, сняли многие избыточные барьеры. Но здесь важно постоянно двигаться вперёд. Необходимо оказывать содействие регионам во внедрении целевых моделей улучшения бизнес-среды» [1].

Однако необходимо констатировать, что современное состояние и перспективны дальнейшего развития как малого бизнеса в частности, так и в целом российской экономики остаются крайне сложными. Это обусловлено целым комплексом факторов как внешнеэкономического и внешнеполитического характера, так и рядом внутренних российских. Таких как несовершенство российского хозяйственного и налогового законодательства, высокий уровень административных барьеров и избыточных бюрократических процедур. Всё это привело к тому, что, по мнению председателя Счётной палаты А. Кудрина, российская экономика оказалась в «застойной яме». Он отметил, что «таких показателей развития не было со времён Второй мировой войны, так как темпы роста российской экономики в последнее десятилетие не превышали 1%» [2].

Правовое обеспечение деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства осуществляется комплексом нормативно-правовых актов. Законодательство регламентирует отдельные аспекты деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства посредством различных постановлений Правительства Российской Федерации, других актов, в том числе субъектов Российской Федерации и нормативных актов орга-

нов местного самоуправления. Однако необходимо отметить, что одним из важнейших факторов, приведших к стагнационным процессам в нашей экономике, является несовершенство как нормативно-правовой составляющей организации и обеспечения предпринимательской деятельности в России, так недостатки в правоприменительной практике в данной сфере, что негативно влияет на развитие благоприятной предпринимательской среды. На эти факторы неоднократно обращал внимание и Президент Российской Федерации. Так, обращаясь к участникам форума «Опара России», он прямо указал, что «у чиновников возникает соблазн с помощью разного рода ведомственных инструкций и приказов тихой сапой нагружать бизнес» [2].

Президент отметил, что имеют место, как правовые пробелы в области поддержки и развития предпринимательства, так и крайне медленная работа законодательных органов по их устранению [2]. Примером этого может служить выполнение поручение Президента Российской Федерации о принятии до конца 2017 г. закона о социальном предпринимательстве, который так и не был принят. Лишь в конце июля 2019 г. Федеральным законом от 26 июля 2019 г. № 245-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации”» в Федеральный закон № 209-ФЗ были внесены положения, закрепляющие понятие «социальное предпринимательство», «социальное предприятие».

Исходя из этого, по-прежнему одной из причин, негативно влияющих на развитие предпринимательства в России, является несоответствие требованиям времени нормативно-правовой базы, регламентирующей взаимоотношение государства и предпринимательства в малых и средних его формах. Это проявляется в попытках вмешательства отдельных чиновников в принятие и реализацию управленческих решений в бизнес-проектах и высоким уровне надзорно-контрольного давления, прежде всего в отношении субъектов малого и среднего предпринимательства. Исходя из этого, одним из факторов, негативно воздействующим на эффективное обеспечение организации и развитие предпринимательской активности в России является большое количество контрольно-надзорных органов как на государст-

венном, так и на муниципальном уровнях функционирования публичной власти, имеющих порой дублирующие полномочия.

Проведённый нами анализ полномочий и функционала органов исполнительной власти как на федеральном, так и на региональных уровнях их деятельности показывает, что имеет место не всегда оправданная жёсткая регламентация организации деятельности предпринимателей, а также и перекрёстное дублирование функций отдельных министерств и ведомств.

В качестве примера можно привести следующий. Правительство Российской Федерации в целях обеспечения государственного регулирования экономики осуществляет функции по прогнозированию и планированию. Министерство экономического развития Российской Федерации осуществляет «функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере анализа и прогнозирования социально-экономического развития, развития предпринимательской деятельности, в том числе среднего и малого бизнеса» [3].

Федеральная антимонопольная служба осуществляет функции по контролю и надзору за соблюдением законодательства о конкуренции на товарных рынках и на рынке финансовых услуг, о естественных монополиях, о рекламе, а также по контролю за осуществлением иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства, и изданию в пределах своей компетенции нормативных правовых и индивидуальных правовых актов в установленной сфере деятельности [4]. Всё это свидетельствует о комплексном и порой перекрёстном управленческом и надзорно-контрольном давлении власти на бизнес-сообщество, в первую очередь на малый бизнес.

В современной России по инициативе Президента и при его непосредственном участии осуществляется достаточно системная работа по реформированию и совершенствованию комплекса нормативно-правовых актов, обеспечивающих государственно-правовое регулирование предпринимательской деятельности и направленных на снижение административного давления и прессинга на бизнес. Прежде всего эта работа проводится

на федеральном уровне функционирования публичной власти, однако региональный законодатель в этом ориентируется на федеральный центр и не проявляет активности и инициативы.

Необходимо отметить, что, несмотря на предпринимаемые в настоящее время меры, такие как продолжающееся проведение административной реформы, направленной на совершенствование и оптимизацию аппарата государственного управления, реализацию отдельных мероприятий национальной предпринимательской инициативы и ряда других, условия предпринимательской деятельности малого бизнеса продолжают оставаться сложными и характеризующимися преобладанием негативных факторов, а правовое обеспечение их деятельности имеет в целом изменчивый, неустойчивый и высоко затратный характер. Примером этого является гигантский объём вновь вводимых в правовой оборот нормативно-правовых актов, прежде всего подзаконного уровня (в последние годы вводилось до 22 тысяч правовых актов, направленных на регламентацию и регулирование предпринимательской деятельности в России) [5].

Это напрямую влияет на становление того правового поля предпринимательской деятельности, которое формирует на основе бюрократических препятствий развитие коррупционных процессов. Как отмечает в связи с этим О.Г. Барышников, «пробелов и несостыковок в антикоррупционном законодательстве немало, что обуславливает особое значение деятельности органов государственной и муниципальной власти по их устранению» [9]. При этом эксперты Мирового банка считают коррупцию главной экономической проблемой современности. По их данным, в развитых странах эта цифра составляет 15%, в азиатских – 30%, в странах СНГ – 60% [7].

По-прежнему острыми остаются и такие проблемные аспекты правовой регламентации предпринимательской деятельности, как осуществление налогообложения по общим нормативам вне зависимости от количества работающих и уровня рентабельности в деятельности субъектов малого бизнеса, сохраняющееся отсутствие эффективного механизма льготного кредитования малого бизнеса, высокий уровень как ключевой ставки Центрального банка Российской Федерации, так и ставок хозяйственных кредитов в коммерческих банках.

В целях формирования и развития благоприятной для малого бизнеса в России предпринимательской среды необходимо и далее осуществлять совершенствование и оптимизацию состава нормативно-правовых актов, образующих правовую базу предпринимательства. В связи с этим приоритетным, по нашему мнению, является комплексное решение следующих задач в области государственной поддержки малого бизнеса в России и её регионах:

1. Обеспечить расширение и систематизацию государственных финансовых программ поддержки малого и среднего предпринимательства на федеральном и региональном уровнях их осуществления.

2. Трансформировать действующую налоговую систему в части дифференциации налоговых платежей посредством совершенствования налогового законодательства, в первую очередь посредством гибкого снижения налоговой и страховой нагрузки на малый бизнес, особенно на начальном этапе его деятельности.

3. Осуществлять пересмотр и исключение избыточных и неэффективных функций в сфере государственного регулирования лицензирования и контроля за предпринимательской деятельностью.

4. Внедрять и расширять применение упрощённых административных процедур и обеспечивать снижение связанных с ними издержек для субъектов малого предпринимательства на всех этапах их деятельности, и в первую очередь при их государственной регистрации и на начальных этапах деятельности.

5. Системно и поэтапно обеспечивать создание благоприятных нормативно-правовых условий для свободного ведения хозяйственной деятельности для субъектов малого предпринимательства, осуществлять повышение социальной направленности их работы посредством ориентации на обеспечение потребностей и нужд населения.

6. Обеспечивать пересмотр технических норм и правил производственной деятельности в целях расширения спектра деятельности малого бизнеса и снижения издержек при организации работы.

7. Расширять систему декларирования продукции и сокращать количество сертифицируемой в тех сферах производства, где это возможно.

8. Активизировать применение и расширять формы государственной и общественной защиты прав и интересов субъектов малого бизнеса. Ужесточать меры ответственности за нарушение законных прав и свобод предпринимателей.

Всё это в совокупности позволит обеспечить повышение уровня развития малого бизнеса, эффективность его деятельности, простимулировать развитие предпринимательской активности населения, решить задачи реализации социально-экономических программ регионов и государства в целом.

Литература

1. Выступление Президента Российской Федерации В.В. Путина на заседании наблюдательного совета автономной некоммерческой организации «Агентство стратегических инициатив по продвижению новых проектов». URL: <https://onf.ru/2018/03/07/putin-neobhodimo-prodolzhit-rabotu-po-sozdaniyublagoPriyatnogo-delovogo-klimata> (дата обращения: 12.01.2020).

2. Выступление Президента Российской Федерации на пленарном заседании ежегодного форума Общероссийской общественной организации малого и среднего предпринимательства «ОПОРА России» «Малый бизнес – национальный проект!». URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/58879> (дата обращения: 12.01.2020).

3. О Министерстве экономического развития Российской Федерации: Пост. Правительства Российской Федерации от 05.06.2008 № 437 (с изм. и доп. на 21.03.2019). URL: <https://base.garant.ru/12160901/> (дата обращения: 12.01.2020).

4. Об утверждении Положения о Федеральной антимонопольной службе: Пост. Правительства Российской Федерации от 30 июня 2004 г. № 331 (с изм. и доп. на 30 ноября 2018 г.). URL: <https://base.garant.ru/12136347/> (дата обращения: 12.01.2020).

5. О мерах по развитию малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации: доклад Государственного совета Российской Федерации. URL: <http://new.opora.ru/images/files/Doklad%20k%20gossovetu.compressed.pdf> (дата обращения: 12.01.2020).

6. Барышников О.Г. Состав и применение антикоррупционного законодательства в системе муниципально-служебных отношений // Современные вызовы и тенденции развития местного самоуправления: материалы 10-й Всерос. науч.-практ. конф., г. Чебоксары, 8 февраля 2019. Чебоксары, 2019. С. 25.

7. Доклад Мирового банка «Многоликая коррупция: выявление уязвимых мест на уровне секторов экономики». URL: <http://documents.vseminryjbank.org/curated/ru/823301468326968959/The-many-faces-of-corruption-tracking-vulnerabilities-at-the-sector-level> (дата обращения: 12.01.2020).

ОБУЧЕНИЕ И ВОСПИТАНИЕ КУРСАНТОВ ВУЗОВ ФСИН РОССИИ НА ОСНОВЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Э.В. Зауторова, д-р пед. наук, профессор

А.А. Забара, курсант

ФКОУ ВО «Вологодский институт права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний», г. Вологда

Аннотация. Раскрываются значение, основные направления и опыт воспитательной работы по приобщению обучающихся к национальным ценностям и народным традициям. Данное направление в обучении и воспитании способствует развитию у курсантов таких личностных нравственных качеств, как честь, дисциплина, ответственность, взаимовыручка и др.

Ключевые слова: курсанты вузов ФСИН России, обучение, воспитание, воспитательная работа, национальные ценности, народные традиции.

TRAINING AND EDUCATION OF CADETS OF UNIVERSITIES OF THE FEDERAL PENITENTIARY SERVICE OF RUSSIA BASED ON NATIONAL VALUES

E.V. Zautorova, A.A. Zabara

Abstract. Reveals the significance, main directions and experience of educational work on introducing students to national values and folk traditions. This direction in training and education promotes the development of personal moral qualities among students, such as honor, discipline, responsibility, mutual assistance, etc.

Keywords: cadets of higher educational institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia, education, upbringing, educational work, national values, folk traditions.

В современном российском обществе вопросы обучения и воспитания личности приобретают особую важность в результате следующих причин: в обществе возрастает кризис нравственности и морали, отсутствуют консолидирующие ценностные ориентиры, усиливается деградация молодого поколения в условиях информационной войны и насаждения псевдоценностей. В этих условиях необходимо проводить специальную работу по приобщению молодого поколения к нравственному и физическому совершенствованию, формированию у них ценностных ориентаций [3]. Особенно остро эта задача стоит в ведомственных вузах ФСИН России, готовящих сотрудников-воспитателей для работы с осужденными в местах лишения свободы.

Основой для воспитательной работы с курсантами должны стать, в первую очередь, национальные ценности, которые определены Конституцией Российской Федерации, такие как установление прав и свобод человека, гражданского мира и согласия; суверенная государственность и демократическая основа; память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость; равноправие и самоопределение народов; благополучие и процветание Отечества; ответственность за свою Родину перед прошлым, нынешним и будущими поколениями; осознание себя частью мирового сообщества и т.д. [1]. Воспитательная работа с курсантами предполагает реализацию зарекомендовавших в практической деятельности различных форм и методов, а также разработку новых программ, методических подходов и технологий, заключается в проведении комплекса информационно-пропагандистских, индивидуально-психологических, правовых, социально-экономических, морально-этических, культурно-досуговых, спортивно-массовых и иных мероприятий, осуществляемых субъектами воспитательной деятельности и направленных на формирование у них важных нравственных и профессиональных качеств [2].

Приобщение к национальным ценностям, народным традициям способствует формированию у курсантов высоких нравственных ценностных ориентаций, укрепляет личные моральные качества, развивает патриотические чувства, активизирует будущих сотрудников для участия в общественной жизни. Воспитательная работа в данном направлении развивает у курсантов осознанную дисциплину, ответственность в делах и поступках, чувство коллективизма, команды и взаимовыручки.

Вологодский институт права и экономики ФСИН России (ВИПЭ ФСИН России) имеет свою историю и традиции. С переменным составом постоянно проводятся различные мероприятия нравственного содержания: присяга курсантов-первокурсников, уроки мужества в музее института, дистанционные экскурсии по местам воинской славы, к памятникам, монументам. Хорошо зарекомендовали себя такие формы воспитательной работы как просмотр художественных и документальных фильмов, изготовление плакатов, стенгазет на тему «Моя Родина. Наша Родина». Периодически организуются выставки кар-

тин вологодских художников, осуществляется оказание помощи детям из детского дома, готовятся праздничные поздравления ветеранов уголовно-исполнительной системы.

Для осознания себя частью мирового сообщества курсантам предлагается участвовать в различных международных научно-практических конференциях, круглые столы и семинарах, таких мероприятиях, как «День образования вуза», «Выпуск молодых специалистов» и др. В институте организуются недели национальной культуры, проводятся викторины, конкурсы, осуществляется знакомство с русским фольклором, народным творчеством, сочинениями различных писателей, композиторов и художников разных стран и народов. Для освещения важных событий в стране и мире проводятся информационные часы, дни информации, обзор прессы и основных событий, происходящих в стране и мире, информационный марафон, осуществление подписки на периодические издания средств массовой информации, оформление информационных стендов, посвященных важным событиям и памятным датам [1]. Одним из основных средств для формирования имиджа сотрудника уголовно-исполнительной системы, повышения его престижа и авторитета, закрепления положительных устоев и традиций, развития у обучающихся чувства гордости к избранной профессии является Доска почета института.

За любым фактом нарушения служебной дисциплины стоит наложение дисциплинарного взыскания, но этим воспитательная работа не ограничивается: применяется комплекс мер индивидуального характера со стороны курсового звена, подключаются ветераны, сотрудники отделения психологического обеспечения образовательного процесса, кураторы учебных групп и индивидуальные наставники из числа преподавателей. Широко используется в свою очередь и комплекс мер поощрения: за образцовое и добросовестное исполнение служебных обязанностей и хорошую учебу курсантов отмечают поощрительными мерами, среди которых особое место занимает награждение фотографией, снятой у развернутого знамени ВИПЭ ФСИН России.

Существенный вклад в становление и формирование личностно-профессиональных и патриотических качеств будущего

сотрудника вносит ветеранская организация вуза. Комитет ветеранов, оказывая помощь руководителям института, факультетов и курсов, проводит различные мероприятия по патриотическому, нравственно-эстетическому воспитанию курсантов. Эти мероприятия расширяют знания участников об исторических событиях нашей страны, повышают их самосознание и уважительное отношение к людям, любящим, воспевающим и защищающим Родину.

Таким образом, приобщение курсантов к национальным ценностям, народной культуре способствует формированию у них гражданской позиции, которая приносит пользу себе, людям, своему институту и государству в целом. Данное направление воспитательной работы в вузах ФСИН России имеет большое значение в подготовке высококвалифицированных специалистов для уголовно-исполнительной системы.

Литература

1. Конституция Российской Федерации: офиц. изд. М., 2009. 64 с.
2. Алехин И.А. Духовно-нравственное воспитание офицеров России. М., 2008. 114 с.
3. Латыпова Э.Ю. О влиянии средств массовой информации на профилактику и предупреждение зависимости от алкоголя и наркомании // Уголовно-правовая превенция в сфере оборота наркотических средств и психотропных веществ, алкогольной и спиртосодержащей продукции (региональный аспект): сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2015. С. 148–152.

ИЗУЧЕНИЕ ЦЕННОСТНОГО МИРА ОСУЖДЕННЫХ ЖЕНЩИН

Э.В. Зауторова, д-р пед. наук, профессор

Ф.И. Кевля, д-р пед. наук, профессор
ФКУ «Научно-исследовательский институт

Федеральной службы исполнения наказаний», г. Москва

Аннотация. Представлено исследование ценностных ориентаций осужденных женщин. У них преобладает преимущественно ориентация на материальную сторону жизни. В иерархии ценностей определенное место также занимают самоопределение, выбор конкретного жизненного пути.

Ключевые слова: осужденные женского пола, места лишения свободы, ценностный мир личности, ценностные ориентации осужденных.

EXPLORING THE VALUE WORLD OF CONVICTED WOMEN

E.V. Zautorova, F.I. Kevlya

Abstract. Presents a study of the value orientations of convicted women. They predominantly focus on the material side of life. In the hierarchy of values, self-determination, the choice of a specific life path, also occupies a certain place.

Keywords: female convicts, places of deprivation of liberty, value world of a person, value orientations of convicts.

С целью изучения ценностей-целей нами было проведено тестирование (модифицированная методика М. Рокича) [2] осужденных женщин (выборка составила 100 человек), так как именно ранжирование ценностей, а не их количество оказывает решение на выбор главных личностных ориентиров, принятие норм общения и поведения, установление оценочных критериев, развитие и формирование индивидуальных нравственных ценностных ориентаций. Так, осужденным разных отрядов предлагалось выбрать ценности, к которым стремится, по их мнению, человек в своей жизнедеятельности. Результаты проведенного исследования показывают, что самым главным в своей жизни осужденные женщины считают здоровье, интересную работу, счастливую семейную жизнь и свободу. Среди отвергнутых ценностей-целей, т.е. наименее важных для респондентов и не имеющих значимого смысла в жизни, названы спокойная, благоприятная обстановка в стране, в нашем обществе; равенство (братство, равные возможности для всех), а также удовольствия (жизнь, полная развлечений, приятного проведения времени).

Духовные интересы и потребности у большей части осужденных женщин замещены материальными. Работа, интересная для респондентов, не ценится ими по своему содержанию, не учитывается ее возможность приносить пользу обществу и степень удовлетворенности своим трудом. Работа воспринимается только как деятельность со значительными материальными благами. Лица женского пола в местах лишения свободы отличаются ограниченной сферой зарабатывания денег, при этом допускают незаконные пути их получения (проституция, наркомания, воровство) и, естественно, проявляют склонность к оправданию тех людей, кто подвержен данным порокам.

Большая часть осужденных женщин ценят активную, деятельную жизнь, но она, как показало исследование, не связана с процессами саморазвития, самосовершенствования, самовыражения. Они характеризуются низким уровнем культуры, ценность образования не входит в число их приоритетных ценностей. В психологии осужденных женщин из-за злоупотребления алкоголем, наличия наркотической зависимости отмечается отсутствие сострадания, эгоистичность, жесткость, черствость по отношению к другим, индивидуализм, что не свойственно женщинам правопослушного поведения [1].

Красота природы и искусства как переживание прекрасного в жизни участницами процесса поставлены на одно из последних мест. Так, возможность творческой деятельности и повышение уровня своего образования, общей культуры, кругозора тоже стоят последними в списке. При этом духовная любовь и физическая близость с любимыми людьми как ценности стоят рядом с отсутствием материальных затруднений и занимают значительное положение в иерархии жизненных приоритетов.

Рассмотрим как типичный пример выбор отдельной осужденной ценностных ориентиров (осужденная С., 1984 года рождения). Испытуемая, анализируя иерархию ценностей, группирует их по следующим основаниям: в первой группе выделяет ценности профессиональной самореализации личной жизни. К ним она относит: здоровье и счастливую семейную жизнь; затем идет интересная работа и материально обеспеченная жизнь с наличием хороших и верных друзей. На средних позициях отмечено общественное признание и любовь. Менее важной для испытуемой является группа ценностей личностного развития и роста, таких как свобода и уверенность в себе (внутренняя гармония, свобода от внутренних противоречий, сомнений). Продолжает ряд жизненная мудрость и активная деятельная жизнь. Последние места занимают братство как равные возможности для всех и познание личности, выражающееся в возможности повышения своего образования, кругозора и общей культуры.

Менее значимые ценности у осужденной объединены в блок «абстрактные» ценности. Это – продуктивная жизнь как максимальное использование своих сил, способностей и возможно-

стей, а также веселое времяпровождения; на 3-м месте – творчество; 4-м – счастье других; 5-м – красота природы и искусства. Характеризуя выбранные ценности (инструментальные), отметим, что для испытуемой значимы: независимость как способность действовать решительно и самостоятельно, получение результата в делах (трудолюбие), заботливость и чуткость. В конце списка – чувство долга, ответственность и умение держать слово, а также воспитанность и хорошие манеры; на 6-м месте – аккуратность; 7-м – твердая воля. Если сопоставить значимость терминальных (ценности-цели) и инструментальных (ценности-средства) ценностей, то улавливается взаимосвязь, если интересная работа занимает ведущую роль в терминальных ценностях, то в инструментальных также прослеживается, что трудолюбие занимает одно из первых мест. Семейная жизнь в терминальных ценностях занимает 2-е место, а заботливость – 3-е место в инструментальных. Отмечается взаимосвязь того, что для испытуемой важным является наличие хороших и верных друзей, а также общественное признание. Вместе с тем без наличия таких качеств, как воспитанность, независимость, хорошие манеры, ответственность, твердая воля и аккуратность, не добиться выбранной цели. Ценности принятия других у испытуемой находятся на последних местах: нетерпимость к своим недостаткам и других людей; терпение к мнению других, прощение им ошибок и заблуждений. На 3-м месте – широта взглядов (умение понять отличную от своей точку зрения, уважать иные вкусы). Собственный контроль, проявляющийся в самодисциплине и сдержанности, а также исполнительность (индивидуальные ценности) как ценности испытуемая ставит на 14-е и 18-е место, поэтому они для нее не являются приемлемыми.

Система ценностей у данной осужденной четко сформировалась. На момент опроса доминируют наиболее актуальные для нее ценности, при этом прослеживается определенная группировка ценностей, отсутствуют противоречия между инструментальными и терминальными ценностями. Все это характеризует данную осужденную как искреннего человека, который готово принимать важные жизненные решения.

Итак, анализируя полученные данные, можно сделать следующие выводы, что у осужденных женщин, лишенных свободы, преобладает преимущественно ориентация на материальную сторону жизни. В этой системе материальный достаток один из главных, но не единственный мотив. В иерархии ценностей определенное место занимает самоопределение, выбор конкретного жизненного пути, позволяющего начать утверждать себя в жизни.

Литература

1. Зауторова Э.В. Арт-терапия в коррекционной работе с осужденными женщинами в местах лишения свободы. М., 2018. 108 с.
2. Rokeach M. The Nature of Human Values. N.-Y., 1980. P. 261–304.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОСОЗНАНИЯ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

О.В. Захарченко, канд. ист. наук
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет
имени И.Н. Ульянова», г. Чебоксары

Аннотация. Рассматриваются отдельные вопросы российского правосознания, проблемы и пути его развития.

Ключевые слова: правосознание, правовая культура, правовое воспитание.

PROBLEMS OF JUSTICE IN THE RUSSIAN SOCIETY: THEORETICAL AND LEGAL ASPECT

O.V. Zakharchenko

Abstract. The article discusses certain issues of Russian legal consciousness, problems and ways of its development.

Keywords: legal awareness, legal culture, legal education.

Правосознание является одной из важнейших категорий, отражающей качественное состояние правовой жизни общества. Рассматривая общественное правосознание, можно говорить о том, что оно имеет влияние не только на правотворчество.

В свете происходящих современных конституционных изменений эта форма общественного сознания приобрела особую практическую значимость.

Правосознание представляет собой «совокупность взглядов, идей, представлений, чувств людей, их объединений, всего общества в целом относительно права и правовых явлений» [5. С. 465]. Являясь особой формой общественного сознания, оно входит в структуру правовой культуры в целом.

В своем развитии правосознание в российском обществе не раз испытывало кризисы. Во многом это обусловлено сущностной спецификой данного явления. Воспринимая объективные реалии жизни через такие понятия, как справедливость и свобода, общественное правосознание всегда имело наибольший упадок в периоды государственного реформирования и трансформации российского общества, изменений его представлений порядка правового регулирования.

Многими правоведами, философами и другими теоретиками осуществлялись поиски основ правосознания. Еще с начала XX в. это стало актуально для школы государственного права и теоретиков правового государства. Так, представитель теории естественного права П.И. Новгородцев (1866–1924) большое значение придавал соотношению права и правосознания и выделял определенный социальный смысл правовых норм. Кризис правосознания был одним из основных вопросов его теоретических изысканий. При этом кризисные явления он видел именно в позитивистском правосознании. Он указывал на расхождение формального права и нравственных идеалов общества. По его мнению, в основе нового типа правосознания должны были быть ценностные категории естественного права. Построение общественного идеала должно быть основано на постоянном свободном развитии. П.И. Новгородцев считал, что все утопические представления и недостижимые цели, которые являются причиной разочарования в общественном настроении, должны быть заменены идеалами бесконечного развития личности, не связанного определенными формами, а развивающегося через эти формы [4].

Интерес к проблемам сохранения нравственных начал в проблеме правового государства был свойственен и С.А. Кот-

ляревскому (1873–1939). Актуальна была некая религиозная их составляющая. Отмечается, что в начале XX в. в Российской империи в целом наблюдалась тенденция активизации взаимодействия религиозных организаций и государства [1].

К проблемам правосознания обращался также другой русский теоретик государственного права И.А. Ильин (1883–1954). В его труде «О сущности правосознания» (1919), посвященном в целом вопросам власти и государственного устройства, были рассмотрены проблемы нормального правосознания. Он считал, что любому человеку свойственно определенное правосознание, связанное с его душевной организацией, и даже «уродливое», «извращенное» правосознание остается правосознанием, но извращает свое содержание. По его мнению, нормальное правосознание связано с осознанием содержания естественного права: «Чем развитие, зрелее и глубже естественное правосознание, тем совершеннее будет и “положительное право”, и руководимая им внешняя жизнь людей» [3. С. 11]. Нормальное правосознание представляется им особым способом жизни «души», которая предметно и верно принимает основную идею права и его формальных институтов.

В период после Октябрьской революции в правосознании стали культивироваться элементы идеологического воспитания и формирования классового сознания, например, при профессиональной подготовке судей и народных заседателей [2]. В советский период марксистская теория права не давала возможности представления такого явления, как деформация правового сознания. На пути к социализму неизбежно должно было быть сформировано социалистическое правосознание. Развитое общественное социалистическое сознание не могло иметь каких-либо отклонений.

В оценках современного состояния общественного правосознания имеются резкие негативные его характеристики. Р.Ф. Степаненко считает, что «в рамках гипотезы, выдвигаемой общеправовой теорией маргинальности, отечественное правовое сознание представляется возможным охарактеризовать как маргинализированное (маргинальное), то есть правосознание, отчужденное от ценностей и идеалов права, балансирующее “на грани” соблюдения или несоблюдения закона» [6. С. 51]. Отчасти,

можно согласиться с мнением, что «исторически сложившееся в российской ментальности чувство безразличного отношения к правовым установлениям, обусловленное значительной непричастностью к правотворчеству, а потому минимальной общепризнанностью постулатов позитивного права, детерминирует соответствующие виды правосознания – отчуждённые и пограничные, то есть маргинализованные» [6. С. 49].

Несомненно, деформация правосознания опасна развитием различных деструктивных явлений, основная проблема которых состоит в скептическом отрицании требований закона. В связи с этим наиболее выражены проблемы обыденного правосознания. Однако, на наш взгляд, в настоящее время общественное правосознание можно охарактеризовать как неоднородное. При этом имеются позитивные сдвиги в его уровне и качестве. Определяя путь дальнейшего развития государства, на всех уровнях признается необходимость развития гражданского общества. Активно действуют различного рода общественные и правозащитные организации. А на практике все чаще общественное мнение влияет на решения органов государственной власти и должностных лиц.

Проблемы правосознания имеют сложную природу, и их решение требует комплексного подхода. Повышению уровня правосознания способствует совершенствование самой российской правовой системы, правовой политики в сфере защиты прав и свобод личности. Важной задачей является противодействие деформациям правосознания различного рода. Этому должно способствовать системное формирование правового сознания населения и развитие гражданского общества. Особой задачей в этом является осознание значения и роли конституции как Основного закона Российской Федерации. Правовое воспитание как основное средство является важной задачей сферы образования. Повысить уровень профессионального правосознания должно дальнейшее совершенствование качества юридического образования.

Литература

1. Айсын Г.С., Медведев В.А. Активизация взаимодействия религиозных организаций и государства в Российской империи в начале XX в. // Фундамен-

тальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики. 2016. № 3. С. 93–95.

2. Васильева Ж.С. Кадровая политика в судебных учреждениях Чебоксарского уезда Казанской губернии в 1917–1920 годах // Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики: сб. материалов III Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2013. С. 94–107.

3. Ильин И.А. О сущности правосознания. М. – Берлин, 2016. 334 с.

4. Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М., 1991. 638 с.

5. Пиголкин А.С., Головистикова А.Н., Дмитриев Ю.А. Теория государства и права: учебник для академического бакалавриата. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2019. 516 с.

6. Степаненко Р.Ф. Проблемы российского правосознания в контексте общеправовой теории маргинальности // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2013. № 4. С. 46–54.

АНОМИЯ, МОРАЛЬ И ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА В ТЕОРИИ АНОМИИ ЭМИЛЯ ДЮРКГЕЙМА

О.А. Зигмунт, PhD, канд. философ. наук, доцент

Университет Фехта, г. Фехта, Германия

ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», г. Красноярск

Аннотация. Описаны основные характеристики теории аномии Эмиля Дюркгейма, которые применимы и для современного общества. К ним относятся социальная солидарность, нормативное регулирование в обществе и значимость гомогенных групп.

Ключевые слова: мораль, аномия, отклоняющееся поведение, преступность несовершеннолетних, суицид.

ANOMY, MORAL AND SOCIAL ORGANISATION WITHIN THE ANOMY THEORY BY ÈMILE DURKHEIM

O.A. Siegmunt

Abstract. The main characteristics of the anomy theory by Èmile Durkheim will be described in this article. These characteristics will be applicable to modern society. There are social solidarity, normative regulation in society and the importance of homogeneous groups.

Keywords: moral, anomy, deviant behaviour, juvenile delinquency, suicide.

Проводя собственные исследования, французский социолог Эмиль Дюркгейм (Èmile Durkheim; 1858–1917) выявил взаимосвязь общественной морали, с одной стороны, и отклоняющего-

ся поведения в виде самоубийств и преступности – с другой. Он подчеркивал значение «морального порядка» для понимания такого рода поведения. «Он писал о том, как стремительные социальные изменения и индустриальное общество порождают аномию и насколько изменяют социальные нормы, что они не могут больше регулировать цели и средства и вместе с тем моральное поведение индивидов» [4. С. 106]. Некоторые международные исследования показали, что общественные изменения и связанное с этим изменение социальных норм отражаются на структуре преступности несовершеннолетних и иных форм девиаций [2, 3, 5–7]. В дальнейшем будут описаны основные характеристики теории аномии, которые применимы и для современного общества.

Эмиль Дюркгейм, изучавший суицид как социальный феномен, описал основные результаты своих исследований в книге «Самоубийство» (в оригинале «Le suicide»), впервые вышедшей в 1897 году. Для Дюркгейма самоубийство – это не желание умереть, а отказ от жизни: «каждый смертный случай, который непосредственно или опосредованно является результатом положительного или отрицательного поступка, совершенного самим пострадавшим, если этот последний знал об ожидавших его результатах» [1. С. 13]. Тем самым он переносит фокус исследования с мотива на поведение жертвы. Покушение на самоубийство определяются Дюркгеймом как «вполне однородное действие, но только не доведенное до конца» [1. С. 13].

В своих объяснениях отклоняющегося поведения он не опирается на индивидуальные или психологические факторы и качества личности, а на обстоятельства, берущие свои корни в социальных условиях и проблемах, которые влияют на жертву извне. Для Дюркгейма общество является и исходным пунктом, и целью человеческого существования, но при этом общество всегда находится в превосходстве по сравнению с отдельным индивидом.

Дюркгейм ввел в научный обиход понятие аномии. По его мнению, необходимым условием развития аномии является общество, находящееся в нормативном кризисе. Так называемое болезненное состояние общества Дюркгейм описывает, используя повышение уровня самоубийств. Ситуациям усиления

в обществе аномного состояния предшествует ослабление нормативного давления общества на отдельных его членов. Появляются бесконтрольные ситуации, охотно используемые людьми в личных корыстных целях. Для того чтобы усилить нормативное регулирование в обществе, необходимо восстановить рамки дозволенного.

Дюркгейм рассматривает общества по уровню их организации. Переход просто организованных обществ на более высоко организованный цивилизационный уровень возможен лишь путем усиления принципа разделения труда. Чем больше членов в обществе, тем важнее разделение труда, которое создает социальную солидарность, объединяя совместные интересы. Социальная солидарность помогает соблюдать равновесие и порядок в обществе, несмотря на усиление проблем извне.

Дюркгейм различает два вида социальной солидарности: механическую и органическую. Основу механической солидарности составляет схожесть представителей одной социальной группы. Важной составляющей такой группы является наличие коллективного сознания, которое выражается в совокупности знаний, предпочтений и убеждений большей её части. Эти общепринятые знания, предпочтения и убеждения переходят в коллективные образцы мышления и поведения. При этом речь идет не о своеобразном чувстве симпатии членов группы друг к другу, а об эмоциональной связи отдельных индивидуумов с группой. Индивидуальное сознание здесь практически приравнено к групповому. Это означает наличие системы совместных норм и ценностей. При механической солидарности в просто организованных обществах индивидуумы не обладают достаточной самостоятельностью, а являются лишь частью группы, не обладая индивидуальными, отличающими их от остальных членов группы, качествами.

В процессе модернизации общества и увеличения количества его членов значение механической солидарности планомерно уменьшалось и усиливалось значение другой формы, а именно органической солидарности. Органичности солидарности придает наличие в обществе разделения труда, превращая это общество в живой организм, в котором каждый орган выполняет особую функцию. Каждый индивидуум вносит таким

образом свою лепту в поддержание жизнедеятельности этого организма. Центральным пунктом при этом является тот факт, что посредством разделения труда и приобретения особых индивидуальных навыков все члены группы становятся зависимы друг от друга.

Таким образом, органическая солидарность стала предпосылкой интеграции современного общества. В этой форме солидарности люди различаются и приобретают новый уровень автономии и свободы передвижения, но они остаются зависимы друг от друга. Эта обретенная свобода является не только важной особенностью современного образа жизни, но и фундаментальной предпосылкой развития разделения труда. Главной причиной возникновения разделения труда Дюркгейм считал материальное и моральное сближение общества. Причина этого заключается в том, что рост населения и смешивание доселе гомогенных социальной групп приводит к усилению конкуренции, а это дает толчок процессам дифференциации. При этом доля коллективного сознания в интеграции общества продолжает уменьшаться. Эти процессы открывают возможность для индивидуальных отклонений от так называемого коллективного типа.

Литература

1. Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд / пер. с франц. М., 1994.
2. Зигмунт О.А. Преступники и потерпевшие от насильственных преступлений: исследование латентной преступности несовершеннолетних // Юрид. наука и правоохранит. практика. 2013. № 1 (23). С. 106–116.
3. Зигмунт О.А., Ветцелс П. Институциональная теория аномии – эмпирическая проверка // Социол. исследования. 2015. № 4. С. 78–87.
4. Зигмунт О.А., Энциманн Д. Различия и особенности преступности несовершеннолетних в России и Германии: их значимость для теории аномии // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2006. № 1. С. 97–109.
5. Enzmann D., Siegmunt O. Analyse der Jugendkriminalität in Deutschland und Russland: Ergebnisse einer Schülerbefragung in Wolgograd und Deutschland. standpunkt: sozial. 2005. 16 (3), 20–25.
6. Enzmann D., Kammigan I., Siegmunt O., Wetzels P. Was scheren mich die anderen? Markt moral als kriminogener Faktor: Eine Studie zu Jugendkriminalität in Russland und Deutschland. Wissenschaftlicher Verlag Berlin: Berlin, 2016.
7. Siegmunt O. Kriminelle Russen, kriminelle Deutsche: Zur Jugendkriminalität im Hell- und Dunkelfeld. Wissenschaftlicher Verlag Berlin: Berlin, 2013.

ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ ЮРИСТА В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИКО-ПРАВОВЫХ ДИСЦИПЛИН

Л.Г. Зиновьева, канд. юрид. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет
имени И.Н. Ульянова», г. Чебоксары

Аннотация. Профессиональная подготовка студентов по специальности «Юриспруденция» направлена как на освоение профессиональных знаний, умений и навыков, так и на формирование профессионального правового сознания и профессиональной правовой культуры, которые являются основой гражданской политической позиции. Особое место в формировании гражданской позиции студента-юриста занимают историко-правовые учебные дисциплины. Прочные знания о процессах становления государства и права России и зарубежных государств, осмысление опыта правовой практики, правоприменения, правоисполнения на отдельных этапах российской государственности являются основой профессионального правового сознания юриста, его правовой культуры, гражданской позиции.

Ключевые слова: гражданственность, государство, учение о государстве, право, учение о праве, правовая культура, политическая культура.

FORMATION OF A LAWYER'S CITIZENSHIP IN THE PROCESS OF STUDYING HISTORICAL AND LEGAL DISCIPLINES

L.G. Zinovieva

Abstract. Professional training of students in the specialty of law is aimed both at mastering professional knowledge, skills and abilities, and at forming professional legal consciousness and professional legal culture, which are the basis of a civil political position. A special place in the formation of the civil position of a law student is occupied by historical and legal academic disciplines. Solid knowledge of the processes of formation of the state and law of Russia and foreign countries, understanding the experience of legal practice, law enforcement, and law enforcement at certain stages of Russian statehood are the basis of the lawyer's professional legal consciousness, legal culture and citizenship.

Keywords: citizenship, the state, the doctrine of the state, law, the doctrine of law, legal culture, political culture.

Обоснованные, достоверные знания о становлении и эволюции государственности и права России крайне важны для современных студентов, изучающих юриспруденцию. П.Я. Чаадаев утверждал: «Человек может быть полезен своей стране толь-

ко в том случае, если ясно видит ее...» [7. С. 157]. Монографические исследования и учебные пособия по курсам «История государства и права России», «История политических и правовых учений» способствуют формированию у обучающихся гражданских качеств.

Однако преподаватель историко-правовых дисциплин сам должен обладать не только правовыми знаниями и правовой культурой, но и культурой гражданской. По мнению Н.М. Карамзина: «Историк должен ликовать и горевать со своим народом. Он не должен, руководимый пристрастием, искажать факты, преувеличивать счастье или умалять в своём изложении бедствия; он должен быть прежде всего правдив; но может, и даже должен неприятное, всё позорное в истории своего народа передавать с грустью, а в том, что приносит честь, о победах, о цветущем состоянии говорить с радостью и энтузиазмом...» [3. С. 49–50].

Принцип историзма требует изучать явления государства и права в их возникновении и развитии в конкретных политических, экономических, социально-культурных условиях и обстоятельствах. Принципу историзма целиком соответствуют высокие стандарты русской школы историков государства и права России: Ю.Г. Алексеева, М.Ф. Владимирского-Буданова, А.А. Зимина, В.В. Кафенгауза, И.Д. Мартысевича, Л.В. Черепнина. Определяющим признаком трудов названных исследователей является научный реализм.

Установление связей между историко-правовыми учебными дисциплинами в процессе изучения правовых документов, нормативно-правовых актов, регулировавших общественные отношения на различных этапах российской государственности, сравнение с опытом правовой практики зарубежных стран предусматривает системный подход в обучении.

По нашему мнению, в процессе изучения курса «Истории государства и права России» необходимо всесторонне раскрывать сущность патриотизма. На лекциях и семинарских занятиях по истории государства и права России обращать внимание на такие особенности российского патриотизма, как историческая преемственность, миротворчество, духовная наполненность, открытость к диалогу с другими правовыми семьями.

Например, при изучении периода становления централизованного государства особое внимание уделяется содержанию теории «Москва – третий Рим». В процессе анализа Судебников 1497 г., 1550 г., Соборного Уложения 1649 г. выявляются заимствования норм светского и канонического права Византийской империи и Литовских Статутов. Изучая законодательство XVIII–XIX вв., студенты проводят сравнительный анализ нормативных актов Российской империи и европейских государств, например Уложение о наказаниях уголовных и исполнительных 1845 г. и актов уголовного права Франции.

В процессе освоения учебного материала историко-правовых дисциплин у студентов-юристов формируются духовные ценности, ориентиры, идеалы. Изучение государственно-правового опыта предшествующих этапов в истории России объективно способствует принятию общечеловеческих норм гуманистической морали, на основе которых строится гражданская позиция обучающихся. Реализуя принцип духовности в изучении историко-правовых дисциплин, педагоги выполняют значимую функцию, определяют патриотическое самосознание студентов, самоидентификацию студентов с российским народом, с историей российской нации, тем самым обеспечивается связь между поколениями российского общества.

Профессиональная правовая культура, основанная на профессиональном правовом сознании, предполагает формирование таких качеств, как способность грамотно применять действующие правовые акты, осознание ответственности за свои действия либо бездействия, понимание степени общественной значимости добросовестного исполнения должностных обязанностей. Реализация в процессе изучения историко-правовых дисциплин принципа профессиональной направленности предполагает освоение будущими специалистами-юристами профессиональной правовой культуры. В современных условиях профессиональная деятельность юристов привлекает внимание общественности, средств массовой информации. Гражданская позиция юриста проявляется в профессионализме, готовности защищать законные права и интересы граждан, обеспечивать соблюдение действующего законодательства.

Историко-правовая наука в настоящее время выполняет несколько функций, прежде всего мировоззренческую. Переход общества в новое качество, практическое появление нового государства с новой политико-правовой системой, с новыми парадигмами и ориентирами, отказ от прежней системы, от прежней парадигмы в объяснении, формировании государственных и правовых институтов. Научное юридическое сообщество формирует новую методологию, новый подход к государственно-правовым явлениям и процессам.

В современных условиях воспитательная функция, формирование гражданственности, патриотизма у студенческой молодежи позволяет эффективно применять потенциал содержания историко-правовых учебных дисциплин.

Литература

1. История государства и права России: учебник для академического бакалавриата: в 2 т. / В.Е. Рубаник. М., 2015. Т. 1. 846 с. URL: <http://www.biblio-online.ru/>
2. История политических и правовых учений: учебник для бакалавриата и магистратуры / В.И. Власов и др. 2-е изд., пер. и доп. М., 2016. 299 с. URL: <http://www.biblio-online.ru/>
3. Карамзин Н.М. Сочинения. Л., 1984. Т. 2. С. 49–50.
4. Ключевский В.О. Сочинения: в 9 т. М., 1988.
5. Крижанич Ю. Политика. М., 1965.
6. Мачин И.Ф. История политических и правовых учений: учеб. пособ. для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2016. 459 с. URL: <http://www.biblio-online.ru/>
7. Чаадаев П.Я. Статьи и письма. М., 1989. С. 157.

ПРИЗНАКИ СОВОКУПНОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ОСОБЕННОСТИ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ

Н.М. Ибрагимова, канд. юрид. наук, доцент

К.Е. Ключникова, ст. преподаватель

ЧОУ ВО «Казанский инновационный университет
имени В.Г. Тимирязова (ИЭУП)», г. Казань

Аннотация. Исследован институт совокупности преступлений в российском уголовном праве. На основе анализа мнений различных ученых авторами формулируется понятие совокупности преступлений и ее признаков.

Ключевые слова: множественность преступлений, совокупность преступлений, признаки совокупности преступлений.

CONCEPT AND FEATURES OF A SET OF CRIMES

N.M. Ibragimova, K.E. Klyuchnikova

Abstract. Devoted to the study of the concept of a set of crimes in Russian criminal law. Based on the analysis of the opinions of various scientists, the authors formulate the concept of a set of crimes and its features.

Keywords: multiplicity of crimes, a set of crimes, signs of a set of crimes.

По данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации в 2018 г. в Российской Федерации было осуждено 658291 человек. Из них имели неснятые и непогашенные судимости 239339 человек (что составляет 36,4% общего числа осужденных), совершили преступление при различных видах рецидива 119993 человека (18,2%), впервые совершили два и более преступления 37187 человек (5,6%). За первое полугодие 2019 г. всего осуждено 291662 человека. Из них имели неснятые и непогашенные судимости 111065 человек (38%), совершили преступление при различных видах рецидива 54172 (18,6%), впервые совершили два и более преступления 16494 человека (5,7%). Указанные данные свидетельствуют о серьезном значении темы настоящего исследования.

Обратимся к ч. 1 ст. 17 УК РФ, где сказано, что совокупностью преступлений признается совершение двух или более преступлений, ни за одно из которых лицо не было осуждено, за исключением случаев, когда совершение двух или более преступлений предусмотрено статьями Особенной части настоящего Кодекса в качестве обстоятельства, влекущего более строгое наказание.

В первоначальной редакции УК РФ среди видов множественности преступлений выделялась и неоднократность (ст. 16 УК РФ – утратила силу Федеральным законом от 08.12.2016 № 3-ФЗ). Однако законодатель исключил институт неоднократности из множественности преступлений, тем самым расширив понятие совокупности и дополнив его объем неоднократностью. Так, из первоначального текста ч. 1 ст. 17 УК РФ были исключены такие слова, как «предусмотренных различными статьями или частями статьи настоящего кодекса». Эти изменения, а также исключение из статей Особенной части квалифицирующего

признака неоднократности породило некоторые проблемы для квалификации преступлений.

Совокупность преступлений характеризуется следующими существенными признаками: 1) наличие совершения одним и тем же лицом двух или более преступлений; 2) эти преступления подпадают под различные статьи уголовного закона или различные части одной и той же статьи, имеющие самостоятельные санкции, т.е. по юридическим признакам являются различными составами преступлений; 3) ни одно из них не утратило своих юридических последствий [5. С. 42].

Наличие двух или более преступлений как существенный признак совокупности означает, что каждое из них имеет характер отдельного, самостоятельного преступления. Существенным признаком совокупности является и то, что ни одно из ее составляющих преступлений не было еще предметом судебного разбирательства и все они, как правило, вменяются лицу в вину одновременно. Это означает, что совокупность образуют лишь такие преступления, которые еще не утратили свою юридическую силу и несут в себе юридическую возможность быть предметом судебного разбирательства [4. С. 33].

Совокупность преступлений в свою очередь подразделяется на два вида: реальная и идеальная. Основываясь на нормативном определении, можно дать следующее понятие реальной совокупности. Так, при реальной совокупности преступлений лицо совершает два или более преступлений отдельными, независимыми действиями, а также существует еще одно условие, согласно которому лицо не должно быть ранее осуждено ни за одно из совершенных преступлений.

Можно сформулировать следующие признаки реальной совокупности преступления. Во-первых, должна отсутствовать судимость за любое из преступлений, входящих в совокупность. Во-вторых, преступления совершаются различными, не связанными друг с другом действиями (бездействием). В-третьих, преступления могут квалифицироваться как по разным статьям или частям статьи, так и по одной и той же части. Следовательно, реальная совокупность может быть образована как разными, так и однородными преступлениями.

Идеальная совокупность по ч. 2 ст. 17 УК РФ определяется как одно действие (бездействие), содержащее признаки преступлений, предусмотренных двумя или более статьями УК РФ. Она имеет место как тогда, когда лицом одним действием (бездействием) совершаются два или более преступления, предусмотренные различными статьями (частями статьи), так и тогда, когда совершается одним деянием два либо более преступления, предусмотренные одной и той же статьей Особенной части УК [4. С. 278–279]. Идеальная совокупность преступлений характеризуется одним преступным действием, которое причинно обуславливает наступление социально опасных последствий, и объекты посягательства могут быть разными или однородными. Более того, объекты посягательства не должны соотноситься как часть и целое, а должны состоять из различных социальных отношений.

Определим некоторые признаки идеальной совокупности преступлений. Во-первых, в основе преступлений, входящих в идеальную совокупность, лежит одно деяние. Во-вторых, эти деяния совершаются одновременно.

Следует согласиться с мнением В.Н. Кудрявцева, который считает признак одновременности производным, а потому излишним: если оба преступления совершены одним и тем же действием, естественно, что они одновременны [2. С. 68].

Обращаясь к вопросам, непосредственно составляющим механизм назначения наказания при совокупности преступлений, мы начинаем их изучать с нормативно-правовой базы. Так, согласно ч. 1 ст. 69 УК РФ при совокупности преступлений наказание назначается отдельно за каждое совершенное преступление. Это правило является обязательным. Чем обусловлено закрепление такого требования по закону? Действительно, если такой порядок нарушается, то приговор суда может быть отменен.

Таким образом, как видно, при совокупности преступлений назначение наказания состоит из двух этапов: 1) определение наказания за отдельные преступления, квалифицированные в соответствии с различными нормами закона; 2) назначение совокупного (окончательного) наказания.

Мы постараемся изложить некоторые причины выбора двух стадий. Во-первых, двух одинаковых преступлений, точно так же, как обстоятельств их совершения, не бывает. Следовательно, при совокупности каждое из преступлений, включенных в него, имеет определенные признаки помимо квалифицированных признаков. Во-вторых, наличие двух этапов, помимо фундаментальной оценки каждого деяния как самостоятельного преступления, позволяет решить ряд практических задач. Отдельное назначение наказания является основанием для определения окончательного наказания по совокупности, которое будет фактически отбыто.

Чаще всего размер наказания за одно преступление влияет на юридические последствия, определяемые по отношению к общему наказанию при совокупности преступлений.

Мы не должны забывать о том, что иногда совершается так много преступлений, что при окончательном наказании чрезвычайно трудно отразить их общественную опасность. Например, сенсационный случай Андрея Чикатило. В приговоре было указано тринадцать независимых преступлений. Особое значение первая стадия приобретает при назначении дополнительного наказания при совокупности преступлений.

Мы согласны с мнением А.М. Багмета, который в своей работе указал на то, что роль дополнительного наказания заключается в том, что оно облегчает достижение совокупным наказанием стоящих перед ним целей [1. С. 130].

Среди функций дополнительного наказания необходимо выделить гарантию индивидуализации наказания и усиление карательной функции основного наказания, если оно назначено в максимальном размере. Следует понимать, что если основное наказание назначается не в максимальной сумме, то усиление его карательной функции нецелесообразно, поскольку все еще существует резерв для ужесточения наказания. Но как только максимальный размер основного наказания назначен, дополнительный немедленно начинает карательную характеристику наказания.

Установление в законе только пределов назначения наказания является недостаточным для того, чтобы назначенное наказание во всех случаях соответствовало достижению социальной

справедливости, исправлению осужденных и предупреждению преступлений [3. С. 21].

При назначении наказания суд должен учитывать смягчающие и отягчающие обстоятельства (ст. 61, 63 УК РФ). Описывая преступление, а также личность самого преступника, эти обстоятельства могут повлиять не только на внешний вид, но и на вид наказания, назначенный судом.

Кроме того, следует отметить, что в соответствии с ч. 3 ст. 60 УК РФ среди общих принципов назначения наказания упоминается необходимость учета сведений об исправлении осужденного, а также об условиях жизни его семьи. В то же время последнее обстоятельство может быть для лица как положительным (например, в случае наличия зависимых от виновного пожилых родителей или маленьких детей и т.д.), так и отрицательным (злоупотребление виновным алкоголем, наркоманией, издевательства над членами семьи и т.д.). Только в случае учета совокупности этих обстоятельств наказание, назначенное судом, будет законным и справедливым.

Действующий УК РФ знает несколько способов сочетания наказаний, которые существовали с момента его принятия и были сохранены во всех последующих изданиях. Фактически основа для применения этих методов изменилась, а сами методы остались прежними.

Первоначально наказание назначается за каждое из преступлений, включенных в совокупность с соблюдением всех принципов уголовной ответственности, а затем применяется окончательное наказание при совокупности преступлений.

Литература

1. Багмет А.М. Квалификация преступлений против личности: учебник / под ред. А.М. Багмета. М., 2017.
2. Кудрявцев В.Н. Теоретические основы квалификации преступлений. М., 2016.
3. Ларина Л.Ю. К вопросу о назначении наказания по совокупности преступлений // Актуальные вопросы борьбы с преступностью. 2014. № 1.
4. Малков В.П. Избранные труды: в 3 т. Казань, 2011. Т. 1.
5. Малков В.П. Множественность преступлений: сущность, виды, правовое значение. Казань, 2006.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УЧАСТКОВЫХ ИНСПЕКТОРОВ МИЛИЦИИ ЧУВАШИИ В 1930–1945 гг.: ИСТОРИЧЕСКИЕ УРОКИ

Н.В. Иванов, канд. ист. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет
имени И.Н. Ульянова», г. Чебоксары

Аннотация. С использованием новых архивных документов, на основе исторического подхода реконструирована деятельность участковых уполномоченных милиции НКВД Чувашской АССР. Показана специфика их работы, проанализированы ее основные направления, обобщены итоги и обоснован вывод о значительном вкладе сотрудников в охрану общественного порядка на территории Чувашии.

Ключевые слова: участковый уполномоченный милиции, война, население, награждение, преступность, награждение.

THE ACTIVITY OF LOCAL MILITIA INSPECTORS OF THE CHUVASH REPUBLIC IN THE 1930–1945: HISTORICAL LESSONS

N.V. Ivanov

Abstract. Using new archive documents, on the basis of historical approach was the precinct police commissioners of the NKVD of the Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republic. Specificity of their work, analyzed its main focus, summarized the results and justified the withdrawal of a significant contribution of their employees in the protection of overall public order in the territory of the Republic.

Keywords: district militia officer, war, population, rewarding, crime, rewarding.

В настоящее время служба участковых уполномоченных милиции считается самым представительным и общественно значимым подразделением милиции общественной безопасности. В своей работе участковый уполномоченный милиции как официальный полномочный представитель органов внутренних дел и органов местного самоуправления руководствуется Конституцией и законами Российской Федерации, указами и распоряжениями Президента Российской Федерации, постановлениями и распоряжениями Правительства Российской Федерации, законами и иными нормативными актами органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, а также приказами и указаниями Министра внутренних дел Российской Федерации.

Деятельность участкового уполномоченного милиции строится на принципах гуманизма и законности, уважения прав и свобод человека и гражданина, чуткого и внимательного отношения к гражданам, верности служебному долгу.

За многие годы служба участковых неоднократно претерпевала разнообразные изменения. Менялись наименования должностей (участковый надзиратель, инспектор, уполномоченный, вновь инспектор). В ходе многочисленных перестроек служба входила в структуру подразделений охраны порядка, уголовного розыска, наружной службы, профилактики. При этом неизменным оставались ее функции, цели и задачи.

Участковые инспектора милиции на всех этапах развития службы являлись главным связующим звеном милиции с населением, гарантом защиты прав и свобод граждан от преступных посягательств по месту их жительства.

Организатором создания рабоче-крестьянской милиции в Чувашии был Карл Грасис, затем первый начальник милиции г. Чебоксары Е. Николаев. Его последователем стал первый нарком НКВД Чувашии Г.И. Покровский, который в 1923 г. начал создавать институт участковых надзирателей. На должности участковых надзирателей подбирались люди достойные, преданные делу милиции, способные решать задачи борьбы с преступностью и охраны общественного порядка на обслуживаемых участках. Приказом УРКМ НКВД ЧР № 25 от 11 февраля 1934 г. участковым предписывалось не менее трех раз в сутки обходить участки: 1-й обход с 7.30 до 9.30, 2-й обход – с 12.30 до 14.39, 3-й обход – с 22.00 до 24.00 [3]. Если в городских условиях это было возможно, то в сельских местностях обходить три раза свой участок, куда входило несколько населенных пунктов, было сложно. Для того чтобы решить этот вопрос, 23 января 1933 г. в штаты Управления милиции Чувашии вводится инспекция наружной службы с подчинением участковых уполномоченных, которая в последующем 3 декабря 1937 г. была реорганизована в отдел наружной службы, начальником назначен П.Ф. Легалкин.

Руководство внутренних дел постоянно старалось создавать условия для успешной работы службы участковых. Так, приказом УРКМ Чувашии № 251 от 8 августа 1938 г. в НКВД ЧАССР

создается отдел службы и подготовки, который руководит службой участковых инспекторов и занимается их обучением, начальником был назначен Ф.Ф. Федорович.

На всех исторических этапах своего развития служба участковых уполномоченных была главным связующим звеном милиции с населением. Эта особенность наиболее отчетливо проявилась в экстремальных условиях – Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сразу после ее начала Политический отдел Управления милиции и первичные партийные организации городских и районных отделений милиции Чувашской АССР развернули массовую разъяснительную работу и мобилизацию сил органов милиции и ее сотрудников на выполнение призыва «Все для фронта! Все для победы над врагом!».

В перестройке работы органов милиции Чувашской Республики большую роль сыграли указы президиума Верховного Совета СССР от 24 июня 1941 г. «О военном положении», «Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения» от 6 июля 1941 г., постановления СНК СССР от 24 июня 1941 г. «Об охране предприятий и учреждений и создании истребительных батальонов», от 2 июля 1941 г. «О всеобщей обязательной подготовке населения к противовоздушной обороне», решения бюро Чувашского обкома ВКП(б) от 26 июня 1941 г. «О организации специальных учебных команд по борьбе с возможным десантом противника», а также СНК ЧАССР и бюро обкома ВКП(б) от 4–5 июля 1941 г. «О мерах усиления охраны государственного и общественного имущества» и другие.

С началом военных действий участковые уполномоченные Чувашии все как в один встали на борьбу с немецко-фашистскими захватчиками не только по долгу службы, но и по велению гражданского долга. Героическими подвигами отмечен путь чувашской милиции в годы Великой Отечественной войны. Всего с 1941 по 1944 г. на фронт были призваны 162 участковых инспектора (1941 г. – 52, 1942 – 69, 1943 – 32, 1944 – 9) [4. С. 8].

Среди них был участковый уполномоченный милиции Цивильского района Федор Сильвестрович Сильвестров, который пришел работать в Цивильскую уездную милицию после окончания Гражданской войны 1918–1920 гг. Работая простым ми-

лиционером, был замечен руководством и выдвинут на должность участкового инспектора милиции. Каждое задание Сильвестров выполнял безупречно, не жалея сил и энергии, не боясь рисковать. Федор Сильвестров ушел на фронт в 1942 г. В бой он вступил рядовым Красной Армии, демобилизовался в звании лейтенанта. Дважды был ранен и контужен. За мужество и отвагу награжден орденами Великой Отечественной войны II степени, Красной Звезды, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги». После демобилизации Сильвестров вернулся в ряды милиции и был направлен в освобожденные от фашистов районы Украины.

Нужно отметить, что многие участковые уполномоченные изъявляли желание бороться на фронтах, но в тылу тоже был свой фронт. В тылу участковые уполномоченные милиции вели активную деятельность по борьбе с преступностью и поддержанию общественного порядка, создавая совместно с местными советами в каждом населенном пункте группы охраны общественного порядка, тесно взаимодействуя с постовыми милиционерами и сотрудниками уголовного розыска. Практика военных лет показала высокие положительные результаты сотрудничества различных служб милиции и общественности.

Участковые уполномоченные милиции участвовали в проверке лиц, связанных с приемом и охраной нового урожая в целях обеспечения его сохранности, в работе по выявлению, изъятию и устройству беспризорных и оставшихся без попечительства детей и подростков. Участвовали в облавах по выявлении дезертиров, беспризорников на железнодорожных станциях и вокзалах, речных пристанях и в других общественных местах. Задержанных дезертиров отправляли в РККА, а беспризорных детей возвращали родителям, лицам, их заменяющим, или направляли в детские приемники-распределители НКВД ЧАССР, ставили в известность местные исполкомы и общественные организации об отсутствии должного надзора за детьми со стороны отдельных родителей, опекунов или детских учреждений. В этом направлении участковые уполномоченные регулярно проводили мероприятия, используя силы общественности, систематически проводили обходы в местах возможного появления и ночлега беспризорных детей [2. С. 8]. Необходимо отметить,

что немало времени и сил тратили на борьбу с преступностью. Например, участковому уполномоченному милиции Чкаловского РО Т. Петрову 13 августа 1942 г. при нахождении его в деревне Татарские Сугуты сообщили о появлении в деревне женщины с территории, оккупированной немцами. Петрову при проверке документов личность женщины показалась подозрительной, на вопросы давала путанные ответы, в результате она была доставлена в районное отделение. В ходе допроса она призналась, что была завербована немецкой разведкой и переброшена для подрывной работы [1. С. 96].

Многие работники милиции после излечения в госпиталях возвращались домой, комиссованные по ранению. Возвращаясь домой, они сразу же включались в работу. Например, участковый уполномоченный милиции Красноармейского РО Н.А. Афанасьев в начале войны был мобилизован в армию. Вернувшись раненым и не оправившись полностью от ран, он поступил на службу в органы милиции, не считаясь со временем, с первых же дней включился в активную работу с преступностью и в течение октября – декабря 1942 г. лично задержал 2 спекулянтов, 14 дезертиров РККА. Кроме того, в октябре закончил 6 следственных (уголовных) дел, в ноябре – 8, в декабре – 8. Афанасьев в конце ноября был выдвинут на должность помощника оперуполномоченного ОУР [1. С. 96].

Многие участковые уполномоченные, выполняя свои функциональные обязанности, активно принимали участие в раскрытии преступлений. В архивах сохранились сведения об участковых Ластухине (Шумерлинский район), Шавиркине (Порецкий район). Больших успехов добился участковый уполномоченный Янтиковского РО милиции Ф.А. Смирнов, назначенный на эту должность после возвращения по ранению с фронта в 1943 г. Характерная черта его профессиональной деятельности – использование помощи населения. На участке своего обслуживания он организовал 12 групп охраны общественного порядка. С помощью одной из них участковый уполномоченный милиции обезвредил в июле 1943 г. банду грабителей, действовавшую в лесу около тракта Канаш – Янтиково. За короткое время Смирнов смог добиться стопроцентной раскрываемости престу-

плений, а также резкого сокращения количества преступных проявлений на обслуживаемой территории [5. С. 74–75].

Основной общественной силой, которая оказывала милиции активную помощь в те годы, можно считать истребительные батальоны, группы охраны общественного порядка и бригады (бригады содействия милиции). Об этом говорит тот факт, что только за первое полугодие 1942 г. силами бригады было задержано хулиганов и других правонарушителей общественно-го порядка – 129 чел., воров, грабителей и прочих преступных элементов – 148 чел., беспризорных и безнадзорных детей – 19 чел.

Привлечение общественности к борьбе с преступностью в период Великой Отечественной войны сыграло большое практическое значение. Можно отметить, что где взаимодействие сил общественности и милиции было хорошо организовано, там было заметно сокращение преступности. Сама жизнь показала, что только совместными усилиями милиции, других государственных органов и общественности можно выполнить в условиях военного времени поставленную задачу борьбы с преступностью [1. С. 48].

Участковые уполномоченные милиции внесли значительный вклад в Фонд обороны. Они активно участвовали во всех проводимых государством целевых сборах денежных средств, вещей, в субботниках и воскресниках, выполняли различные хозяйственные и строительные работы, перечисляя заработанные деньги на нужды фронта.

Участковые инспектора несли свою трудную службу, не жалея сил и энергии, нередко отдавали при этом самое ценное – свою жизнь – и в тылу, например: 16 мая 1943 г. участковый уполномоченный Алатырского ГОМ В.П. Козлов погиб при выполнении служебного долга, 20 ноября 1934 г. участковый инспектор Вурнарского РОМ П.П. Киселев был убит преступниками.

Таким образом, можно сказать, что участковые уполномоченные милиции внесли неоценимый вклад в дело укрепления общественного порядка и борьбы с преступностью в Чувашской Республике. При этом в годы Великой Отечественной войны они выполняли не только свои прямые профессиональные обя-

занности, но и взяли на себя многие ранее не свойственные им функции и обязанности, связанные со спецификой военного времени: организация деятельности истребительных батальонов, решение вопросов по размещению имущества эвакуированных промышленных предприятий, учреждений и обустройству населения, также прилагали и усилия для поддержания общественного порядка в республике в послевоенные годы и продолжают нести свою нелегкую службу на благо общества.

Литература

1. Архив МВД по ЧР. Ф. 107. Оп. 1. Д. 1.
2. Государственный исторический архив Чувашской Республики. Ф. 1. Оп. 1. Д. 97.
3. Музей МВД по Чувашской Республике.
4. 80 лет на переднем крае: Становление и развитие службы участковых уполномоченных милиции. Чебоксары, 2003. Вып. 1. 86 с.
5. Тимофеев В.В. Милиция Чувашии на страже правопорядка и в борьбе с преступностью в годы Великой Отечественной войны // Вестн. юрид. ин-та. Чебоксары, 2001. С. 74–75.

ВКЛАД ТВОРЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА СЕЛЬСКИХ ЖЕНЩИН В ФОРМИРОВАНИЕ НРАВСТВЕННОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ)

В.В. Иванова, ст. преподаватель

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет
имени И.Н. Ульянова», г. Чебоксары

Ю.П. Мареева, председатель комитета «Чувашская женщина»
Чувашский национальный конгресс, г. Чебоксары

Аннотация. Рассмотрены вопросы роли женщины в развитии сельских территорий и повышении уровня нравственности населения. В качестве примера анализируется действующий социальный проект, направленный на поддержку сельских женщин Чувашии.

Ключевые слова: сельская женщина, нравственность, творчество, национальные традиции.

CONTRIBUTION OF RURAL WOMEN TO THE FORMATION OF MORALITY IN MODERN SOCIETY (ON THE EXAMPLE OF THE CHUVASH REPUBLIC)

V.V. Ivanova, Yu.P. Mareeva

Abstract. The issues of the role of women in the development of rural areas and improving the level of morality of the population are considered. As an example, we analyze the current social project aimed at supporting rural women in Chuvashia.

Keywords: rural woman, morality, creativity, national traditions.

Сельские женщины составляют значительную, существенную, жизненно важную часть населения нашей страны. Благодаря вкладу селянок в производство и сбыт сельскохозяйственной продукции женский труд имеет исключительно важное значение не только для развития домашних хозяйств и местной экономики в сельских регионах, но и для развития национальной экономики в целом [5. С. 41]. Сельские женщины заботятся об окружающей среде и в рамках своих поселений решают вопросы продовольственной безопасности страны.

В резолюции Всемирной Ассоциации сельских женщин, членом которой является Союз женщин России, говорится: «Для того, чтобы сохранить сельскохозяйственные угодья, необходимо уделять повышенное внимание малому бизнесу на селе, всячески поддерживать его развитие, требовать от Правительства и местных властей продвигать женщин-предпринимательниц на селе, создавая им необходимые условия для развития своего дела. Став экономически и финансово независимыми, они смогут участвовать в принятии решений по развитию сельского хозяйства, производству продуктов питания, они смогут обеспечить занятость на селе, сохранить природные ресурсы, традиционные отрасли» [1. С. 20; 2. 50].

Союз женщин России давно призывает ежегодно и повсеместно отмечать Всемирный день сельской женщины. Ежегодное проведение Всемирного дня сельской женщины, который отмечается 15 октября по решению ООН с 2007 года, рассматривается как практический путь получения общественного признания

и поддержки многогранной роли сельских женщин, которые вносят существенный вклад в развитие сельской экономики и благополучие своих семей, регионов, государств. Этот день призывает обратить внимание на тяжёлое положение сельских женщин и, по возможности, изменить его, а также позволить женщинам в полной мере реализовать свой творческий потенциал.

В настоящее время сельская женщина – это прежде всего женщина с определенным образованием и социальным статусом; она живет на селе в непростых условиях и тем не менее стремится реализовать себя в разных сферах, это целеустремленная личность, знающая цену себе и требующая заботы и определенных гарантий от государства для своей семьи, чтобы достойно жить и достойно работать на благо семьи, общества.

Сельская женщина хочет особенно выразить свою индивидуальность и внутренний потенциал, а творчество и созидание нового и уникального как ничто другое лучше помогают в этом деле. И мир создает для женщин условия для поиска своего «Я» и творческих начал. Поэтому музыкальное творчество, рукоделие, дизайн, декоративно-прикладное искусство всегда были интересны женщинам с давних времен. А на сегодняшний день их видам почти нет предела.

Однако в настоящее время положение сельских женщин характеризуется сложным комплексом противоречий и жизненных затруднений. Большинство женщин на селе по-прежнему не устроено, так как нет рабочих мест. Содержать личное подсобное хозяйство очень тяжело, современные технические приспособления для ведения домашнего хозяйства практически отсутствуют. Многие семьи, в том числе женщины в молодом возрасте, находятся за чертой бедности, подвержены алкоголизму. К сожалению, ввиду объективных причин, качество их жизни и уровень представлений о параметрах здорового образа жизни значительно более низки по сравнению с городским населением. К наиболее серьезным причинам данной ситуации относятся: недостаточные условия здорового образа жизни; «замкнутость» большей части сельских женщин и т.д. [3. С. 85].

Конечно, в такой период можно сидеть сложа руки, сетовать на жизнь и на власть, на цены и другие социальные сложности,

а можно собраться, объединиться и жить по-другому, не только работать, а устраивать себе хорошие, культурные, красивые, вкусные праздники, где можно и пообщаться, и потанцевать, куда можно прийти с детьми, праздники, на которых женщины могут и душевно, и морально отдохнуть, быть красивыми, интересными, уйти от сиюминутных забот о семье, огородах, подсобном хозяйстве и присоединиться для осуществления социальной роли женщины в обществе, реализовать себя в творческом плане.

Важно создать условия, дающие возможность развиваться, сохранять самобытные традиции и культуры. Необходимо, чтобы в программы социального развития села обязательно были включены как мероприятия по поддержке ремесел, творчества, культуры, так и массовые праздники, на которых женщины могут общаться и отдохнуть вместе с членами семьи и реализовать себя в творческом плане.

Предоставления условий и возможности сельским женщинам творчески развиваться и демонстрировать свою уникальность помогает себя реализовать, выплеснуть эмоции, самоутвердиться, заявить о себе, воплотить в жизнь свою внутреннюю потребность к созиданию и украсить мир своим творением [4. С. 18].

Конечно, развивать село, наполнять его душой, светом, теплом, делать его родным могут только, в первую очередь, наши женщины через культурное возрождение, через многовековые традиции, через культуру, через эстетику, так, чтобы в мероприятия были вовлечены все односельчане, чтоб у них была возможность не таить свои умения и таланты в узком кругу, а продемонстрировать их на публике, чтобы это смогли увидеть другие на площадках и платформах развития творческого потенциала или в сети «Интернет».

По данным Росстата, по состоянию на 1 января 2019 года в Чувашии проживает 1 225 572 человек. Из них 772 358 человека составляют городское население, 453 214 – сельское. Из городского населения 346 923 мужчины и 425 435 женщин, из сельского – 225 796 мужчин и 227 418 женщин. Как видим, сельское население составляет одну третью часть, из них чуть больше половины женщины. Среди них работницы сельхоз-

предприятий, медики, педагоги, работники культуры, социальные работники, работники торговли и связи. Именно они решают бытовые социальные проблемы на селе, поддерживают друг друга в организации бизнеса, сотрудничают с местной властью, участвуют в местной общественно-политической жизни. На них держится сельская семья, ее традиции, нравственные корни.

В настоящее время Чувашия – это пространство добрых дел, это земля трудолюбивых людей. Женщины Чувашии являются мощной созидательной силой общества. Они активны во всех сферах социально-экономической, политической и культурной жизни региона и страны, плодотворно работают в органах государственной власти и общественных организациях, вносят большой вклад в воспитание подрастающего поколения. «Быть здоровым, образованным, жить в собственном доме, питаться здоровой пищей, быть милосердным, заниматься благотворительностью, иметь многодетную семью, хорошо и честно работать, достойно зарабатывать, жить в комфортных условиях, развивать сельское и домашнее хозяйство, творческую деятельность» – вот девиз сегодняшних современных сельских женщин Чувашии.

С 2019 года Межрегиональной общественной организацией «Чувашский национальный конгресс» впервые в Чувашии в поддержку сельских женщин запущен проект Межрегиональный конкурс-фестиваль «Восславим Женщину Родную!», который направлен на создание положительного образа (имиджа) современной сельской женщины, успешно реализующей деловые качества, творческий потенциал в сферах общественной жизни села – в семье, бизнесе, культуре, здравоохранении, сельскохозяйственном производстве, государственном местном управлении, и активно участвующей в возрождении села.

Идея проекта – показать особую ценность образа жизни сельских женщин, сохраняющих и передающих по наследству богатство своего народа, его язык и традиции, в рамках Всемирного дня сельских женщин 15 октября.

Данный проект ставит своей целью демонстрацию положительного образа современной женщины; создание условий для самореализации и повышения творческой и общественной активности женщин, проживающих в сельской местности,

а также поощрение женщин, добившихся значительных успехов в творческой деятельности, и информирование общественности об их достижениях. Реализация проекта позволяет принять необходимые меры по возрождению народных художественных промыслов и развитию народного творчества сельских женщин. Он предусматривает подготовку и организацию творческого конкурса среди женщин, проживающих в сельской местности.

Проект направлен на повышение информирования общественности о достижениях сельских женщин и создание положительного имиджа. В процессе работы с целевой группой предполагается сформировать у нее устойчивые навыки современной женщины.

Таким образом, развитие творческого потенциала населения сельской местности, являясь составной частью общего воспитательного процесса, представляет собой систематическую и целенаправленную деятельность органов власти всех уровней и общественных организаций по формированию у граждан нравственности, высокого патриотического сознания, чувства верности своей Малой Родине и Отечеству, творческой активности.

Литература

1. Дулина Г.С., Захарова А.Н. Религия как компонент духовно-нравственной сферы личности. конспект лекций. Чебоксары, 2011. 56 с.
2. Захарова А.Н. Проблема экономической активности женщин Чувашии: социокультурный контекст // Вестн. Чуваш. гос. пед. ун-та им. И.Я. Яковлева. 2013. № 1-1 (77). С. 49–54.
3. Захарова А.Н. Экономико-психологические аспекты этноменталитета населения Чувашии // Вестн. Чуваш. ун-та. 2013. № 1. С. 85–92.
4. Косыгина К.Е. Гражданская активность сельских женщин: опыт регионального измерения // Волонтёр. 2019. № 4 (32). С. 1–20.
5. Окладникова Е.А. Современные мотивы сельского женского социального активизма в зоне Нечерноземья // Женщина в российском обществе. 2019. № 4. С. 41–52.

ОСОБЕННОСТИ И ПРИНЦИПЫ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В.В. Иванова, ст. преподаватель
А.Е. Шингалова, магистрант
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет
имени И.Н. Ульянова», г. Чебоксары

Аннотация. Раскрывается понятие «предпринимательская деятельность». Обобщены признаки и принципы предпринимательства.

Ключевые слова: предпринимательская деятельность, предпринимательство, предпринимательское право, признаки предпринимательской деятельности, принципы предпринимательского права.

THE CONCEPT AND PRINCIPLES OF DOING BUSINESS

V.V. Ivanova, A.E. Shingalova

Abstract. The Article is devoted to the disclosure of the concept of «entrepreneurial activity». The features and principles of business activity are summarized.

Keywords: business activity, entrepreneurship, business law, signs of business activity, principles of business law.

Состояние правовой системы во многом предопределяет развитие экономики страны и в настоящее время, когда развивается международное сотрудничество в сфере торговли, информационных технологий и экологии, возрастает роль предпринимательского права.

Рыночная экономика определяет предпринимателя как основного субъекта хозяйственной деятельности, когда государство не диктует права на свою собственность и взаимодействие товарно-денежных отношений регулируется законами рынка [3. С. 27; 4. С. 158]. Предпринимательство представляет одну из форм деятельности человека, т.е. определенное поведение и проявление его активности.

В ст. 2 ГК РФ под понятием предпринимательской деятельности понимается: «самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг» [2].

Из определения, представленного в ГК РФ, можно выделить следующие особенности, т.е. признаки, которые регулируют предпринимательские взаимоотношения: самостоятельность, рисковый характер, цель – получение прибыли, реализация продукции или использование имущества, легитимность предпринимателя, систематичность, а также профессионализм, ответственность, инновационность и др.

Изучив исследования авторов Е.В. Ивановой, Н.И. Косяковой, А.В. Шашковой, Г. Ф. Ручкиной, данные признаки рассмотрим далее более подробно.

1. Самостоятельность выражается в том, что гражданами и юридическими лицами предпринимательская деятельность осуществляется самостоятельно по своим интересам и по своему усмотрению, хотя может регулироваться государством, но не управляется им.

2. Рисковый характер определяется в риске неполучения либо утраты первоначального капитала. К предпринимательскому риску также можно отнести утраты в связи с финансовым кризисом, ужесточения конкуренции и иных факторов, которые зачастую не зависят от желаний предпринимателя. Решением данной проблемы является страхование предпринимательских рисков, но в большинстве случаев предприниматели не идут на это и отвечают своим имуществом.

3. Получение прибыли в ходе ведения предпринимательской деятельности и определяет ее коммерческий характер, т.е. полученными доходами, которые уменьшены на величину расходов. Но в свою очередь предпринимательской является и деятельность, при которой получен и убыток.

4. Деятельность предпринимателя связана с реализацией продукции, выполнением работ и оказанием услуг или использованием имущества. Для достижения цели, которая выражается в создании продукта для потребителя либо для последующей перепродажи, необходимо иметь определенное производственно-хозяйственное имущество. При реализации право собственности на товар, работу, услугу переходит покупателю и предприниматель получает прибыль.

5. Под легитимацией понимается процесс удостоверения статуса участника экономической деятельности [6. С. 12].

Лицам, которые хотят осуществлять предпринимательскую деятельность, необходимо зарегистрироваться в Федеральной налоговой службе в соответствии с Федеральным законом «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей». Ведение предпринимательской деятельности без государственной регистрации либо без лицензии, при обязательном ее наличии, считается незаконным предпринимательством.

б. Систематичность определяется неоднократностью совершения операций, периодом времени, в течение которого осуществляется предпринимательская деятельность.

Факультативные признаки предпринимательской деятельности являются дополнительными признаками для ее определения и признания. В большинстве случаев данные признаки связаны с невозможностью признания предпринимательской деятельности, среди которых профессионализм, ответственность предпринимателя, инновационность.

Содержание предпринимательского права раскрывается через принципы, при этом можно отметить то, что не существуют особых принципов, а имеются определенные особенности, касающиеся сферы предпринимательского права. Рассмотрев исследования авторов А.И. Балашова [5. С. 23], Н.Ю. Кругловой [7. С. 27], в качестве основных принципов предпринимательского права выделим: свобода предпринимательской деятельности, государственного регулирования предпринимательства, неприкосновенность собственности, сочетание частноправовых и публично-правовых начал предпринимательства, свобода конкуренции и ограничение монополий, восстановление нарушенных прав предпринимателей, судебная защита нарушенных прав, законности.

К основным законодательным актам, которые выражают принципы предпринимательской деятельности, относятся Конституция Российской Федерации, Гражданский кодекс Российской Федерации, Федеральный закон «О защите конкуренции».

Принцип свободы предпринимательской деятельности отражен в Конституции Российской Федерации. Так, в ней закреплены: гарантированное единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств,

свобода экономической деятельности, свободное использование своих способностей и имущества для ведения предпринимательской деятельности, право частной собственности.

Гражданский кодекс Российской Федерации определяет принцип свободы договора и предоставляет возможность самостоятельно решать вопросы заключения договора, выбора партнеров, выбор вида договора.

Принцип государственного регулирования предпринимательства основывается на том, что объективным и справедливым регулятором является государство, когда с начала создания производится регистрация хозяйствующего субъекта в соответствии с требованиями к ведению предпринимательской деятельности, налоговое регулирование и завершается прекращением деятельности посредством ликвидации либо банкротством. Государство регулирует развитие производства посредством льгот, дотаций, субсидий, налоговых каникул.

Принцип неприкосновенности собственности, основывающийся на возможность применения своих правомочий по владению, пользованию и распоряжению имуществом. Лишение имущества возможно только на основании решения суда в соответствии с законодательством. Ст. 235 ГК РФ установлены основания прекращения права собственности помимо воли собственника.

Принцип сочетания частноправовых и публично-правовых начал предпринимательства определяет интересы как государства, так и общества и субъектов предпринимательской деятельности. Экономические отношения основаны на балансе и единстве частноправовых и публично-правовых начал.

Принцип свободы конкуренции и ограничения монополий определяет возможность развития экономических отношений при здоровой конкуренции и регулируется федеральным законом «О защите конкуренции», в соответствии с которым преимущества получает предприниматель, производящий качественный товар с наименьшими издержками. Государством регулируется существование в определенных сферах монополий и не допускается монополизация рынка.

Принцип восстановления нарушенных прав предпринимателей вытекает из присущей гражданскому праву восстанови-

тельной функции. Данный принцип применяется в использовании меры имущественной ответственности предпринимателя независимо от его вины.

Принцип судебной защиты нарушенных прав. Ст. 46 Конституции Российской Федерации гарантирует судебную защиту каждому прав и свобод. Арбитражный суд является основным органом при разрешении споров, которые возникают в процессе ведения предпринимательской деятельности.

Принцип законности определяет строгое соблюдение законодательства при ведении предпринимательской деятельности и требует обеспечения законности со стороны органов государственной власти и местного самоуправления по отношению к хозяйствующим субъектам и гражданам.

Таким образом, усвоение принципов ведения предпринимательской деятельности является трудной задачей для всех действующих и потенциальных субъектов предпринимательства.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.12.2019). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/

2. О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей: Федер. закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ (ред. от 26.11.2019) // КонсультантПлюс.

3. Арсентьева Е.В. Договор лизинга в современном гражданском праве России и зарубежных стран: дис. ... канд. юрид. наук / Казанский (Приволжский) федеральный университет. Казань, 2003. 242 с.

4. Арсентьева Е.В. Региональный аспект развития лизинга (анализ деятельности лизинговых компаний в Чувашии) // Сборник трудов молодых ученых Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова. Чебоксары, 2001. С. 158–165.

5. Балашов А.И., Беляков В.Г. Предпринимательское право: учебник и практикум. М., 2020. 333 с.

6. Иванова Е.В. Предпринимательское право: учебник. М., 2020. 272 с.

7. Круглова Н.Ю. Предпринимательское право: учебник и практикум. М., 2020. 346 с.

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ КВАЛИФИКАЦИИ ГИДРОТЕХНИЧЕСКИХ СООРУЖЕНИЙ КАК ОБЪЕКТОВ НЕДВИЖИМОСТИ

В.С. Иванова, магистрант
Н.В. Семенова, канд. биол наук, доцент
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет
имени И.Н. Ульянова», г. Чебоксары

Аннотация. Исследуется проблема определения статуса гидротехнических сооружений с точки зрения действующего законодательства. Подчеркивается, что в силу специфичности их правового режима в судебной практике отсутствует единообразный подход относительно правовой квалификации гидротехнических сооружений в качестве объектов недвижимости. Проводится анализ судебной практики и выделяются признаки, позволяющие отнести их к объектам недвижимости.

Ключевые слова: объекты недвижимости, гидротехнические сооружения, классификация гидротехнических сооружений.

SOME ASPECTS OF THE QUALIFICATION OF REAL ESTATE

V.S. Ivanova, N.V. Semenova

Abstract. The article explores the problem of determining the status of hydraulic structures from the point of view of current legislation. The author emphasizes that due to the specificity of their legal regime in judicial practice, there is no uniform approach to the legal qualification of hydraulic structures as real estate. The analysis of judicial practice is carried out and signs are identified that allow them to be attributed to real estate.

Keywords: real estate objects, hydraulic structures, classification of hydraulic structures.

На протяжении определенного периода времени как в юридической литературе, так и в судебной практике существует спор об отнесении тех или иных сооружений, конструкций, технических систем к объектам недвижимости. Примерный перечень таких объектов установлен ст. 130 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), однако признаки, выделяемые на основании данной нормы, не всегда позволяют четко определить возможность отнесения не входящих в этот перечень объектов к недвижимости [3]. Тем не менее решение данного вопроса имеет очень важное практическое значение, так

как правовой режим движимого и недвижимого имущества имеет существенные отличия, которые зачастую определяют решение суда по конкретному спору.

Наиболее сложная и неоднозначная ситуация встречается при определении статуса гидротехнических сооружений. Однако за последнее время правоприменителем были сделаны попытки выработки некоторых критериев, позволяющих определить правовой режим гидротехнических сооружений различного типа.

В соответствии со ст. 3 Федерального закона «О безопасности гидротехнических сооружений» от 21.07.1997 № 117-ФЗ [1] к гидротехническим сооружениям относятся плотины, здания гидроэлектростанций, водосбросные, водоспускные и водовыпускные сооружения, туннели, каналы, сооружения, предназначенные для защиты от наводнений, разрушений берегов и дна водохранилищ, рек; сооружения (дамбы), ограждающие хранилища жидких отходов промышленных и сельскохозяйственных организаций; устройства от размывов на каналах, а также другие сооружения, предназначенные для использования водных ресурсов и предотвращения негативного воздействия вод и жидких отходов. Данная классификация гидротехнических сооружений проведена с учетом целевого назначения и характера конструкции [2].

На первый взгляд, все перечисленные гидротехнические сооружения отвечают признакам недвижимости, однако, как показывает анализ судебной практики, для правильной квалификации сооружения в качестве объекта недвижимости большое значение имеет конкретный вид гидротехнического сооружения. Вид гидротехнического сооружения отражает технические особенности данного объекта, что позволяет сделать вывод не только о наличии или отсутствии у него прочной связи с земельным участком, возможности его перемещения без несоразмерного ущерба, а также о наличии у него самостоятельного функционального назначения.

Как отмечают З.К. Кондратенко и И.Б. Кондратенко, вещь не может использоваться по назначению без связи с землей; вещь индивидуально определена (незаменима) в силу привязанности к конкретному земельному участку [5. С. 150]. Например,

Судебной коллегией по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации принято решение о том, что необходимо достоверно установить, находится ли данное сооружение полностью в границах водного объекта или же оно возведено как в границах водного объекта, так и на земельном участке; исходя из расположения данного объекта, проверить, соответствует ли решение о предоставлении водного объекта в пользование (по содержанию, форме, компетенции органа его выдавшего) положениям градостроительного законодательства, регулирующим строительство объектов недвижимости [6]. Важным является также получение разрешения на строительство данных сооружений согласно требованиям законодательства. В случае несоблюдения этих требований отказывается в постановке на кадастровый учет и регистрации права собственности на гидротехническое сооружение [7].

Самостоятельное функциональное назначение – это признак недвижимости, который был выделен судами в качестве дополнительного по отношению к тем признакам, которые закреплены в ст. 130 ГК РФ [4. С. 101]. По данному признаку производится отграничение гидротехнических сооружений как объектов недвижимости от сооружений вспомогательного использования.

В законодательстве Российской Федерации не выработано понятия вспомогательного сооружения, однако на основании анализа норм Градостроительного кодекса Российской Федерации, а также судебной практики, связанной с отнесением гидротехнических сооружений к объектам данного типа, можно сделать вывод о том, что в качестве вспомогательных выступают сооружения, располагающиеся на земельном участке, на котором имеется также основное здание, сооружение, иное техническое строение, по отношению к которому гидротехническое сооружение выполняет вспомогательную, обслуживающую роль. Кроме того, основное и вспомогательное сооружения в совокупности должны представлять собой единую систему, которая может выражаться в наличии у данных объектов непосредственной технической, эксплуатационной, функциональной или иной связи [3. С. 9].

В случае, когда гидротехнические сооружения по своим специфическим чертам относятся к объектам вспомогательного

использования, суды придерживаются мнения, что такие сооружения самостоятельными объектами недвижимости не являются, а представляют собой лишь часть земельного участка, на котором они располагаются и для обслуживания которого они были возведены [8; 9].

Таким образом, проведенное в рамках настоящей статьи исследование позволяет выделить следующие признаки гидротехнических сооружений, позволяющие отнести их к объектам недвижимости. Общим признаком является прочная связь объекта с земельным участком, обуславливающая невозможность его перемещения без несоразмерного ущерба. Специальным признаком является функциональное назначение гидротехнического сооружения, которое свидетельствует о наличии или отсутствии у него собственной самостоятельной ценности в отрыве от земельного участка. Кроме того, важно отметить, что формальное признание того или иного сооружения объектом недвижимости как путем государственной регистрации, так и при составлении кадастровым инженером технического паспорта объекта не влечет автоматического распространения на данное сооружение правового режима недвижимого имущества.

Литература

1. О безопасности гидротехнических сооружений: Федер. закон от 21.07.1997 № 117-ФЗ (ред. от 29.07.2018) // Рос. газета. 1997. № 144.
2. О классификации гидротехнических сооружений: Пост. Правительства Российской Федерации от 02.11.2013 № 986 // СЗ РФ. 2013. № 45. Ст. 5820.
3. Бевзенко Р.С. Земельный участок с постройками на нем: введение в российское право недвижимости [Электрон. издание]. М., 2017. 80 с.
4. Воровская Т.А. Проблема многообразия подходов к определению признаков недвижимости // Социально-экономические исследования, гуманитарные науки и юриспруденция: теория и практика. Юриспруденция: вопросы российского и международного права. 2016. № 7-2. С. 101–110.
5. Кондратенко З.К., Кондратенко И.Б. К вопросу о признаках недвижимого имущества // Актуальные проблемы юриспруденции в современной России: сб. ст. по материалам VI Всерос. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2016. С. 146–151.
6. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 11.03.2020 по делу № 304-ЭС19-15640, А46-12783/2018 // СПС «КонсультантПлюс».
7. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 11.03.2020 по делу № 304-ЭС19-15640, А46-12783/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

8. Постановление Президиума ВАС РФ от 17.01.2012 № 4777/08 по делу № А56-31923/2006 // СПС «КонсультантПлюс».

9. Постановление Арбитражного суда Приволжского округа от 06.02.2015 № Ф06-19870/2013 по делу № А57-21351/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

ПРАВСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОЛОГО-ПРАВОВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ У ОБУЧАЮЩИХСЯ В ПРОЦЕССЕ НЕПРЕРЫВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Е.В. Иванова, канд. юрид. наук, доцент

Н.В. Семенова, канд. биол. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет
имени И.Н. Ульянова», г. Чебоксары

Аннотация. Проведен анализ положений, связывающих вопросы формирования эколого-правовой компетенции и нравственности в современном обществе. Рассмотрены базовые основы формирования данной компетенции в современных условиях в процессе непрерывного образования.

Ключевые слова: нравственность, эколого-правовая компетенция, непрерывное образование, обучающиеся.

MORAL ASPECTS OF THE FORMATION OF ENVIRONMENTAL AND LEGAL COMPETENCE OF STUDENTS IN THE PROCESS OF CONTINUING EDUCATION

E.V. Ivanova, N.V. Semenova

Abstract. The analysis of the provisions linking the issues of formation of environmental and legal competence and morality in modern society is carried out. The basic foundations of the formation of this competence in modern conditions in the process of continuing education are considered.

Keywords: morality, environmental and legal competence, continuing education, students.

Несмотря на наличие соответствующих нормативно-правовых норм, постоянное обсуждение вопросов экологии в обществе ответственность современного человека по отношению к природе все равно остается на низком уровне. Так, Н.Н. Моисеев предполагал, что развитие человечества может происходить в дальнейшем двумя путями. В первом случае его ожидает сокращение всех видов ресурсов, глобальное загрязне-

ние от отходов производства и потребления, а далее – разрушение условий существования и исчезновение человека как биологического вида. Второй путь – стремление к гармоничному взаимодействию цивилизации и биосферы, изменение принципиальных основ человеческого бытия, в основе которых лежат экологический и морально-нравственный императивы [4. С. 132]. В этом ракурсе и предполагается рассмотреть вопросы соотношения категорий «нравственность» и «эколого-правовая компетенция» в статье.

В современных условиях вопросы нравственности в российском обществе находятся в кризисном состоянии. Отсутствуют прежние четкие, однозначные ориентиры идеологического характера, которые были бы стержнем формирования системы нравственных ценностей.

Н.А. Агаджанян, рассуждая о необходимости превратить гуманизм в важнейший критерий прогресса общества, пишет, что «сегодня наше общество крайне нуждается в системе нравственного воспитания своих граждан, в обращении их к общечеловеческим, мировым ценностям. Особенно пугает проблема бездуховности подрастающего поколения. ...Мы должны хотя бы подготовить ее к будущему и изыскать основополагающие нравственные основы для наших действий» [1. С. 37]. Академик Д.С. Лихачёв писал о существовании такого важного направления в экологической науке как культурная (нравственная) экология [3]. Важными факторами формирования экологической культуры являются сама природа [2. С. 250], воспитание экологического сознания и экологического мышления [5. С. 133], экологического менталитета [8. С. 504]. С.В. Тасаков понимает под экологической нравственностью стремление отдельных индивидуумов либо их групп согласовать свои действия с общественными интересами [8. С. 504].

В последнее время в различных отраслях экономики и общественной жизни формируется процесс экологизации. Социум проявляет интерес к обстановке в экологии. Многие известные компании мира также показывают примеры соблюдения экологических норм, участвуют в формировании экологической культуры населения. К ним, по данным зарубежных исследований, относятся: «ИКЕА», «Nike» «Johnson & Johnson», «Philips»

и др. [10]. Развивается мода на экологические продукты, экотуризм, что доказывает, что экологическая культура начинает входить в сознание человеческой деятельности.

Нравственность в экологических отношениях проявляется в том, что использование природного достояния не разрушает его и не наносит ущерба другим природопользователям. Как пример правил воспитания экологической нравственности следует привести «Азбуку нравственной культуры» В.А. Сухомлинского [7. С. 100]. О.Д. Олейникова и Б.В. Сапрыгин предлагают принять ее в качестве эталона экологического нравственного воспитания, дополнив словами, относящимися к природе [6. С. 146].

Формирование эколого-правовой компетенции предполагает в своей основе устоявшиеся нравственные ценности. В воспитании нравственного отношения к природе большую роль играет семья, школа, среднее и высшее учебное заведение, работа.

Эколого-правовая компетенция формируется на основе усвоения теории и практики рационального природопользования и охраны природы, развития экологического мышления и мировоззрения, базирующихся на принципе индивидуальной экологической ответственности. Этот процесс должен быть непрерывным – от воспитания в дошкольных учреждениях и в младших классах школы и продолжаться в старших классах школы, в вузах и на специальных курсах переподготовки специалистов [9. С. 286]. На разных этапах развития и становления личности и гражданина необходимо постоянно и системно закреплять знания экологических законов и правовых норм на практике, формировать навыки специального поведения в окружающей среде, когда человек ставит выше своих интересов экологические требования и на таких принципах осуществляет свою деятельность.

Таким образом, нравственность и эколого-правовая компетенция как часть общей культуры – это управляющие обществом факторы. Современным специалистам помимо личных способностей и качеств нужны специальные знания, умения и навыки, продиктованные общим развитием культуры, развитием технологий и состоянием окружающей среды, а также особый уровень нравственного развития.

Литература

1. Агаджанян Н.А. Экология души: культура, нравственность, духовность // Экология человека. 2011. № 2. С. 35–38.
2. Залибекова А.З. Нравственность как детерминанта образования // Педагогическая деятельность как творческий процесс: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (с междунар. участием). Махачкала, 2019. С. 248–261.
3. Лихачёв Д.С. Экология культуры. URL: <http://hrampuchkovo.mega.ru/articles/98/> (дата обращения: 20.04.2020).
4. Моисеев Н.Н. Нравственность и феномен эволюции. Экологический императив и этика XXI в. // Общественные науки и современность. 1994. № 6. С. 131–139.
5. Назаренко А.В., Назаренко Л.Д. Формирование культуры и нравственности как основы экологического мышления // Пед. образование и наука. 2013. № 3. С. 130–133.
6. Олейникова О.Д., Сапрыгин Б.В. Формирование экологической этики // Философия образования. 2016. № 2 (65). С. 140–153.
7. Сухомлинский В.А. Сердце отдаю детям. Рождение гражданина. Письма к сыну. Киев, 1985. 557 с.
8. Тасаков С.В. Нравственные аспекты экологических проблемы общества // Национальная безопасность в экологической сфере: проблемы теории и практики: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 14–15 апреля 2017 г.). Чебоксары, 2017. С. 501–506.
9. Demidov M., Semenova N., Ivanova E., Zakharova A., Ivanova V. Students environmental and legal competence: pedagogical and sociological aspects // 19th International Multidisciplinary Scientific GeoConference SGEM 2019. 2019. С. 281–288.
10. Топ-10 экологически чистых производителей. URL: <https://mplast.by.turbopages.org/s/mplast.by/novosti/2015-01-30-10-5/> (дата обращения: 29.04.2020).

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ РЕГУЛИРОВАНИЯ ДОГОВОРА ВОЗМЕЗДНОГО ОКАЗАНИЯ УСЛУГ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Е.В. Иванова, канд. юрид. наук, доцент

Ю.А. Чуйкова, магистрант

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет
имени И.Н. Ульянова», г. Чебоксары

Аннотация. Поднимается ряд вопросов, связанных с правовым регулированием договора возмездного оказания услуг дополнительного образования. Приведены положения из нормативно-правовой базы и предложено свое видение занимаемого положения данного договора в правовой системе страны.

Ключевые слова: административное регулирование, договор возмездного оказания услуг дополнительного образования, дополнительное образование,

образовательное право, переподготовка, существенные условия договора, цена, форма договора.

ABOUT SOME PROBLEMS OF REGULATION OF THE CONTRACT OF PAID RENDERING OF SERVICES OF ADDITIONAL EDUCATION

E.V. Ivanova, Yu.A. Chuikova

Abstract. A number of issues related to the legal regulation of the contract for the paid provision of additional education services are raised. The provisions of the legal framework are presented and their vision of the current position of this agreement in the legal system of the country is offered.

Keywords: administrative regulation, contract for the paid provision of additional education services, additional education, educational law, retraining, essential terms of the contract, price, form of the contract.

В ст. 75 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» (далее – Закон «Об образовании») говорится, что «дополнительное образование – это такой вид образования, который направлен на формирование и развитие творческих способностей детей и взрослых, удовлетворение их индивидуальных потребностей в интеллектуальном, нравственном и физическом совершенствовании, формирование культуры здорового и безопасного образа жизни, укрепление здоровья, а также на организацию их свободного времени» [2]. Дополнительное образование детей – это отдельный аспект в изучении и анализе, нас же больше интересует дополнительное образование взрослых, ведь они в большей степени идут на курсы дополнительного образования не для организации свободного времени и досуга, а для получения новой профессии, так как на данный момент сфера услуг очень развита. Необходимо также отметить, что этого требует сама экономическая система нашей страны.

Целью написания данной статьи является комплексный всесторонний анализ вышеуказанного договора, а также предложения по решению актуальных проблем в этой сфере.

Стоит отметить, что зарождение и развитие института дополнительного образования неразрывно связано с развитием образования в целом. В настоящее время ситуация в корне не изменилась: почти при каждом вузе и сузе есть различные до-

полнительные секции переподготовки, автошколы, курсы парикмахеров, ускоренные курсы английского и бухгалтерского учета и юриспруденции всего за три месяца и соответствующую стоимость.

В ст. 779 ГК РФ раскрывается понятие «договор возмездного оказания услуг». Под ним понимают соглашение лиц, по которому одна сторона (исполнитель) обязуется по заданию другой стороны (заказчика) оказать определенную услугу (совершить определенные действия или осуществить определенную деятельность), а заказчик обязуется оплатить эти услуги [1]. Как говорит нам п. 2 той же статьи, правила, регулирующие договор возмездного оказания услуг, распространяются на оказания услуг связи, в области медицины, ветеринарии, аудита, консультационных, информационных услуг, образовательных услуг, туризма и иных, исключение составляют услуги, оказываемые по договору подряда [3. С. 861]. Следовательно, мы можем сделать вывод, что оказание услуг дополнительного образования тоже попадает под регулирование нормами ГК РФ и в зависимости от предоставляемых услуг дополнительного образования целым рядом законов и подзаконных актов. Кроме гл. 38 ГК РФ заслуживают внимания гл. 10 Закона «Об образовании», нормативно-правовые акты Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, а также санитарно-эпидемиологические нормы, регулирующие содержание и работу организаций, оказывающих услуги дополнительного образования.

Обратимся к форме заключения такого договора. Из определения становится очевидным, что исследуемый договор консенсуальный, двусторонний, взаимный, заключается в письменной форме и, соответственно, является возмездным. При возмездном договоре каждая сторона принимает на себя обязательство за какое-то имущественное благо. Лицо, которое хочет пройти переподготовку или получить дополнительное образование, соответственно, будет это делать не бесплатно. Можно ли сказать, что образовательная организация предоставляет имущественное благо в виде новых знаний? Да, по окончании курса обучения организация обязана выдать либо диплом, либо сертификат об успешном завершении обучения в данной организации дополнительного обучения. Но стоит ли оценивать это как

имущественное благо? На наш взгляд, безусловно, а вот что касается приобретенных знаний, тут нужно изменить формулировку: т.е. при заключении возмездного договора оказания услуг по дополнительному образованию каждая из сторон принимает на себя обязательство добросовестно исполнить имущественные и неимущественные обязательства.

Еще один вопрос возникает о качестве оказываемых услуг. Можно ли говорить с полной уверенностью о том, что организации, имеющие право на обучение, подготавливают достаточно квалифицированных специалистов? Ведь лицензия, которая выдается организации на право осуществления той или иной деятельности, еще не дает сто процентной гарантии о качестве предоставляемой услуги, т.к. на основании п. 6 ст. 76 Закона «Об образовании» содержание дополнительной профессиональной программы определяется самой образовательной программой, которая разрабатывается и утверждается образовательной организацией, если иное не установлено законом, с учетом потребностей лица или организации, по инициативе которых осуществляется дополнительное профессиональное образование [2].

Таким образом, образовательные программы утверждаются непосредственно образовательной организацией на основе типовых профессиональных программ, утвержденных федеральным органом исполнительной власти, и своих личных интересов и соображений. Причем большинство образовательных организаций, предоставляющих населению услуги дополнительного образования, имеют организационно-правовую форму общества с ограниченной ответственностью, что подразумевает, что приоритетной формой деятельности организации является не предоставление качественных образовательных услуг, а извлечение прибыли из этого процесса.

Таким образом, на основании всего вышеперечисленного можно поставить под знак вопроса качество услуг, оказанных коммерческими организациями по дополнительному образованию и переподготовке.

Одним из решений данной проблемы может быть передача государству еще больших полномочий по поводу охраны и поддержки образовательных организаций. Как один из вариантов

такого регулирования можно предложить установление государством фиксированной стоимости услуг дополнительного образования в той или иной области. Как видно на практике, у каждой учебной организации своя ценовая политика при предоставлении тех или иных услуг. А из чего она складывается? Учебные учреждения наделены большими полномочиями во многих аспектах, в частности, и в установлении цены на образовательные услуги [8. С. 261]. Иногда эти суммы неоправданно завышены, потому что многие организации ставят своей главной целью извлечение прибыли, а уже на втором плане – оказание качественных услуг и подготовка компетентных специалистов [6. С. 119]. Именно поэтому мы считаем, что установление четко фиксированных сумм по субъектам Российской Федерации на определенные виды образовательных услуг в сфере дополнительной подготовки и переподготовки специалистов, а также обоснование данных сумм региональными органами власти будет хорошим решением данной проблемы. При заключении договора стоит обратить внимание на существенные условия заключаемого договора. Например, между заказчиком и исполнителем возникли разногласия по вопросу качества и количества оказываемых услуг. При урегулировании спора, в первую очередь, стороны обращаются к заключенному договору, а именно к положениям в договоре, которые раскрывают права и обязанности всех сторон договора. Такие положения называются существенными положениями договора [5. С. 65]. Следует сказать, что в законодательстве они не определены и складываются исходя из аналогии и различных научных воззрений.

Из ст. 779 ГК РФ следует, что обязательно в договоре должен быть оговорен предмет договора (о предоставляемой услуге) и стоимость. Исходя из данного положения, на наш взгляд, необходимо более подробно заострить внимание на предмете договора, т.е. что подразумевает под собой данная услуга, из каких компонентов состоит. Ведь при некачественном оказании услуги на взгляд заказчика сложно будет доказать обратное, если в договоре едва упоминается о его предмете. Отсюда уже будет исходить стоимость услуг и порядок расчета заказчика с исполнителем. В договоре должно быть четкое и подробное опи-

сание как предмета договора, так и стоимость его оплаты и подробный порядок расчета, а также срок оказания услуги и срок оплаты за предоставленную услугу.

В гражданском законодательстве нет точного описания, как должен происходить расчет, в какой срок и каким способом – наличным, безналичным, есть ли возможность от лица заказчика исполнить обязательство третьему лицу, совершенно постороннему, который никак не связан с данным договором? На первый взгляд, все ясно и без точной подробной регламентации в законодательстве, и если и возникают какие-либо неясности и противоречия между сторонами по каким-либо положениям договора, то все можно решить мирно, на основе ранее сложившейся практики или же обычая делового оборота, который очень широко развит в гражданском праве. Хорошо это или нет, пока, наверное, трудно сказать, ведь учеными-цивиристами разработано много гипотез. Согласно одним, все должно быть четко закреплено в нормативно-правовом акте, согласно другим – всего этого и не требуется, ведь практика уже сложилась, и в большинстве случаев стороны при урегулировании споров и разногласий стараются решить проблему мирным путем, не обращаясь при этом в судебные органы [4. С. 70]. На наш же взгляд, такая четкая регламентация в законодательстве по каждому виду договора тоже ни к чему, главное – закрепить все существенные положения в отношении предоставляемой услуги в самом договоре, прописать положения, обращая внимание на предмет оказываемой услуги: что туда входит.

Сам процесс обучения и конечный результат, а также срок, место и время ее оказания, подробно остановиться на порядке и сроках оплаты за обучение, правах и обязанностях контрагентов. Если же возникнет спорная ситуация, которую невозможно будет решить в досудебном порядке, именно заключенный договор будет являться главным элементом правоты той или иной стороны в суде. Именно поэтому при оказании услуги дополнительного образования заключаемый договор подписывается в двух экземплярах, имеет реквизиты контрагентов.

Еще одним спорным вопросом является вопрос о правовой принадлежности договора о дополнительном образовании. Ряд ученых полностью отвергают принадлежность такого типа до-

говора к гражданско-правовому и относят его к административно-правовому договору [9. С. 201; 10. С. 70; 11. С. 394]. Свою позицию они основывают на том, что между получателем знаний и учебной организацией возникают уже не гражданские правоотношения, основанные на равенстве сторон, а правоотношения административного подчинения. Если ученик не будет выполнять учебную программу, администрация учебного учреждения может отчислить нерадивого ученика, хоть он и заключил договор и заплатил за обучение некую денежную сумму. Можно ли в таком случае считать это односторонним расторжением договора и обязано ли учебное учреждение возмещать денежные средства ученику?

Как пример возражения против принадлежности исследуемого договора к гражданскому можно привести факт, что содержание договора возмездного оказания услуг заключается в совершении действий исполнителем по заданию заказчика, а заказчик обязуется оплатить услуги (ст. 779 ГК РФ), т.е. обязанность заказчика ограничивается лишь одной обязанностью – оплатить предоставленные ему образовательные услуги. Согласно ст. 48 Закона «Об образовании», обучающийся должен не только оплатить предоставляемые ему услуги, но и успешно освоить образовательную программу учебной организации [2]. В.М. Сырых тоже придерживается точки зрения, что отношения, складывающиеся по поводу оказания образовательных услуг на платной основе, необходимо рассматривать в качестве педагогических. Гражданско-правовой характер таких услуг он отрицает по следующим причинам: во-первых, договор на оказание образовательных услуг на возмездной основе от заказчика требует совершения ряда активных действий, таких как посещение занятий, выполнение задания, успешное усвоение учебного плана и т.д., что, в свою очередь, противоречит гражданскому законодательству, а именно ст. 779 ГК РФ, которая указывает на то, что от заказчика требуется лишь оплата образовательной услуги. Во-вторых, обучающемуся необходимо придерживаться определенных правил, установленных образовательной организацией: к примеру, он должен подчиняться указаниям и распоряжениям управленческих органов образовательной организации, соблюдать дисциплину, установленную в образовательной

организации, что, в свою очередь, противоречит принципу равенства и независимости в гражданских отношениях. В-третьих, договор оказания возмездных образовательных услуг является обязательным не с момента его заключения, как указано в ст. 425 ГК РФ, а только с момента внесения частичной и полной платы за обучение. В-четвертых, прекращение образовательных правоотношений происходит не как указано в ст. 408 ГК РФ. В-пятых, обучающийся не имеет полагающегося для гражданских отношений права оспаривать или возражать по поводу качества предоставляемых платных образовательных услуг и требовать возврата обратно ранее уплаченной денежной суммы или понесенных им убытков [9. С. 201]. Однако, отвергая гражданско-правовую природу отношений, складывающихся между субъектами, предоставляющими и получающими образовательные услуги на платной основе, В.М. Сырых не оспаривает гражданско-правовой характер договора оказания возмездных услуг в рамках дополнительного образования [10. С. 70].

Нельзя не согласиться с рядом высказываний и убеждений авторов, что данный вид договора имеет нестандартную структуру, является нетипичным договором гражданско-правового характера, а также содержит в себе еще и черты административного правового регулирования [7. С. 134].

Судебная практика также неординарна в данном вопросе, но все же рассматривает данный договор как комплексный. В качестве подтверждения данного убеждения можно привести пример и указать на Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа № А56-21085/01 от 21 января 2002 года, закрепившее положение, что систематическое толкование ч. 3 ст. 46 Закона об образовании, предусматривающей заключение договора между образовательной организацией и обучающимся, и ст. 431, 779 ГК РФ позволяет определить правовую природу данного договора как комплексного договора, включающего в себя как нормы административного, так и нормы гражданского законодательства [12].

Проведя анализ данного договора, можно сделать следующие выводы, что современные экономические реалии требуют на рынке предоставления новых услуг и, соответственно, тех, кто будет предоставлять эти услуги, поэтому договор возмезд-

ного оказания услуг дополнительного образования стал еще более актуален и набирает свою мощь, вплоть до сегодняшнего дня. В ходе исследования было выявлено, что данный договор имеет смешанную правовую природу и регулируется нормами нескольких отраслей права. При заключении договора его условия не должны вступать в противоречие с нормами гражданского законодательства и нормами, регулирующими общественные отношения в сфере образования. Также имеют огромное значение и положения, прописанные в договоре, которые будут носить статус существенных условий данного договора. Стоит напомнить, что точка зрения у разных ученых по этому поводу различна, но мнение большинства, что предмет и цена будут являться существенными условиями договора, бесспорно. На наш взгляд, можно отнести к существенным условиям договора и временные рамки, в которые услуга должна быть оказана окончательно, место ее оказания, порядок расчета и конечный результат, на что направлен весь процесс образования.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 01.01.2019) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Об образовании в Российской Федерации: Федер. закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.
3. Договорное и обязательственное право (общая часть): пост. комм. ГК / А.Г. Карапетов и др.; отв. ред. А.Г. Карапетов. М., 2017. 1120 с.
4. Жаворонкова Е.О. Порядок оплаты стоимости услуг как существенное условие договора возмездного оказания образовательных услуг // Право и личность: история, теория и практика: сб. тр. участников междунар. науч.-практ. конф. «Юридическая неделя на Урале». Екатеринбург, 2017. С. 69–78.
5. Кокорин И.С. Предмет договора возмездного оказания образовательных услуг: проблемы понимания // Ленинград. юрид. журн. 2016. № 2 (44). С. 64–72.
6. Меликсетян С.Т. Договор возмездного оказания образовательных услуг: прошлое, настоящее, будущее // Вестн. Моск. финан.-юрид. ун-та. 2016. № 3. С. 118–121.
7. Пьянкова А.Ф. Односторонний отказ от договора возмездного оказания услуг // Закон. 2016. № 2. С. 134–141.
8. Соколова Н.Г., Хураськина Н.В. Договор оказания образовательных услуг: правовая природа // Сборник научных трудов молодых ученых и специалистов. Чебоксары, 2016. С. 259–262.
9. Сырых В.М. Введение в теорию образовательного права. М., 2002. 340 с.
10. Сырых В.М. О юридической природе образовательного договора с условием оплаты обучающимся стоимости обучения // Право и образование. 2002. № 4. С. 68–83.

11. Шкатулла В.И. Образовательное право России: учебник. М., 2016. 774 с.
12. Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 21.01.2002 № А56-21085/01 // СПС «КонсультантПлюс».

К ВОПРОСУ О КРУГЕ ПРИНЦИПОВ УГОЛОВНОГО ПРАВА РОССИИ

А.В. Иванчин, д-р юрид. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет
им. П.Г. Демидова», г. Ярославль

Аннотация. Обосновывается необходимость совершенствования предписаний УК РФ о принципах уголовного права. Помимо шести закрепленных в ст. 3–8 УК РФ принципов автор предлагает включить в кодекс также принципы личной ответственности и целесообразности. Критически оцениваются в статье идеи дополнить перечень принципов требованиями демократизма, неотвратимости ответственности, однократной ответственности, дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности.

Ключевые слова: принципы, УК РФ, уголовное право, совершенствование, личная ответственность, законность, справедливость, целесообразность, неотвратимость ответственности.

TO THE QUESTION OF THE CIRCLE PRINCIPLES OF CRIMINAL LAW RUSSIA

A.V. Ivanchin

Abstract. The article substantiates the necessity of improving the regulations of the Criminal Code of the Russian Federation on the principles of criminal law. In addition to the six principles enshrined in the art. 3–8 Criminal Code, the author proposes to include the principles of personal responsibility and expediency in the Code. The article critically assesses the ideas of supplementing the list of principles to the requirements of democracy, the inevitability of responsibility, one-time responsibility, differentiation and individualization of criminal responsibility. The author also shows the reserves for optimizing the regulatory content of certain principles of criminal law.

Keywords: principles, Criminal Code of the Russian Federation, criminal law, improvement, personal responsibility, legality, justice, expediency, inevitability of responsibility.

Общепризнано, что от качества законодательной регламентации принципов уголовного права во многом зависит эффективность данной отрасли права, способность решать стоящие

перед ней задачи. Именно принципы уголовного права призваны обеспечивать правильное и единообразное применение его норм на практике. Именно принципы служат ориентиром для законодателя при внесении в УК РФ изменений и дополнений. Учитывая же масштабность и излишнюю интенсивность последних, очевидно, что как раз принципы позволяют нашей уголовно-правовой системе сохранять свою, пусть и относительную, устойчивость.

В действующем УК РФ принципам посвящена глава 1 «Задачи и принципы УК РФ» (ст. 1–8). Традиционно в доктрине при анализе данной главы выделяют пять принципов: законности (ст. 3 УК), равенства граждан перед законом (ст. 4), вины (ст. 5), справедливости (ст. 6), гуманизма (ст. 7). В действительности, на наш взгляд, их шесть, ибо в ст. 8 УК «Основание уголовной ответственности» также регламентирован самостоятельный принцип уголовного права (основание уголовной ответственности – преступление, т.е. деяние, содержащие все признаки состава преступления). Если в ретроспективе проанализировать наше уголовное законодательство, равно как и зарубежное, то трудно найти более фундаментальную проблему, стоящую перед законодателем при определении сущности отрасли, нежели вопрос об основании уголовной ответственности. Все мы знаем крайние позиции в этом вопросе, в которые впадал в том числе отечественный законодатель в разные периоды нашей истории (одна теория «опасного состояния личности» чего стоит). И ясно поэтому, что та или иная нормативная модель основания уголовной ответственности а priori относится к числу принципов уголовного права. Данный вывод укрепляет анализ содержания ст. 8 УК через призму наименования главы 1 Кодекса «Задачи и принципы УК РФ». Задачи Кодекса обрисованы в ст. 2, с учетом чего, а также анализа ст. 8 УК (посвященной явно не задачам), можно сделать закономерный вывод о том, что в ней регламентирован еще один, помимо первых пяти, принцип уголовного права. Таким образом, в УК РФ с момента его принятия в 1996 г. и по сей день закреплено шесть принципов уголовного права.

И вот что примечательно. Законодатель за прошедшие без малого четверть века с момента принятия УК РФ испещрил его

поправками «вдоль и поперек». Их общий счет уже давно идет на тысячи (!). И лишь первая глава УК РФ о задачах и принципах осталась нетронутой. С одной стороны, этот факт, конечно же, сам по себе говорящий – свидетельствующий о высоком качестве данной главы, в том числе качестве норм о принципах. Действительно, только предельно выверенные законоположения могли остаться неизменными на протяжении почти 25 лет бурного российского уголовного правотворчества. В этом плане следует воздать честь и хвалу авторам-разработчикам статей УК РФ о принципах, прежде всего В.Н. Кудрявцеву и С.Г. Келиной. С другой стороны, отдавая должное достоинствам ст. 3–8 УК РФ, надо объективно признать, что за эти четверть века значительно изменились как само уголовное право, так и практика его применения, а также уголовно-правовая доктрина.

Напомним, что до УК РФ 1996 г. принципы вообще не закреплялись на законодательном уровне (Основы уголовного законодательства Союза ССР и республик 1991 г., так и не введенные в действие, не в счет) и для своего времени их выделение было несомненным прогрессом. Правда, специалисты много спорили о том, нужно ли раскрывать содержание каждого из них или нет. Потом признали очевидную пользу в этом. Но ведь за прошедшие 25 лет «много воды утекло». И спустя такой продолжительный период времени в силу в том числе объективных причин стала ощущаться, на наш взгляд, потребность в дальнейшей оптимизации норм УК РФ о принципах.

Нам резервы их совершенствования видятся в двух аспектах. Во-первых, назрела необходимость, как представляется, расширить круг принципов уголовного права. Во-вторых, нуждается в совершенствовании регламентация содержания каждого из принципов. Не претендуя на окончательность и категоричность наших размышлений, позволим себе в настоящей статье с учетом ее ограниченного объема высказать свои суждения по первому из этих двух вопросов, т.е. по вопросу о круге уголовно-правовых принципов. И сразу же обозначим свою позицию по поводу существующих шести принципов уголовного права, закрепленных в ст. 3–8 УК РФ. Полагаем, что все они обоснованно закреплены в законе, поскольку в полной мере отвечают выделяемым в теории признакам принципов (являются

идеями, пронизывающим все содержание отечественного уголовного права, и т.д.).

Вместе с тем данный перечень нуждается, по нашему мнению, в дополнении. Думается, что разработчики первой главы УК РФ незаслуженно обошли вниманием *принцип личной ответственности*, закрепленный еще в Основах уголовного законодательства Союза ССР и республик 1991 г. В свое время убедительное обоснование необходимости его закрепления в уголовном законе приводилось в Теоретической модели УК (1987 г.) В.Н. Кудрявцевым и С.Г. Келиной: «...Включение в теоретическую модель статьи о принципе личной ответственности означает принципиальную невозможность возложения ответственности за действия, совершенные другими лицами, например, родственниками. Этот принцип, будучи также тесно связанным с принципом вины, базируется на материалистических представлениях о детерминизме как источнике поведения личности и отражает демократические и гуманные идеи персональной ответственности человека за свои поступки» [14. С. 26]. В настоящее время существование идеи личной ответственности в отечественной доктрине уголовного права фактически общепризнано.

Казалось бы, сейчас не времена Древнеавилонского царства, когда по кодексу законов царя Хаммурапи (1792–1750 гг. до н.э.) в случае, «если строитель построит человеку дом и сделает свою работу непрочной и дом обвалится и причинит смерть сыну домохозяина, должно убить сына строителя» [4. С. 197]. То есть в то время закон допускал применение смертной казни к лицу, которое никакого отношения к совершенному преступлению могло и не иметь. Но оказывается, что и современный законодатель не чужд подобных архаизмов. Так, несмотря на массивную критику, с 2003 г. и по сей день в УК РФ продолжает существовать норма о возможности уплаты штрафа, назначенного несовершеннолетнему осужденному, его родителями или иными законными представителями (ч. 2 ст. 88). Очевидно, что включение в первую главу УК принципа личной ответственности будет способствовать недопущению подобных рудиментов в уголовное право, а также искоренению существующих. Сошлемся также на позитивный зарубежный опыт:

принцип личной ответственности в настоящее время закреплен в уголовных кодексах многих зарубежных стран, в том числе постсоветского пространства (Армения, Беларусь, Таджикистан и др.).

Если мы упомянули теоретическую модель УК, значение которой для развития Общей части российского уголовного права трудно переоценить, отметим, что в ней среди отсутствующих ныне в УК РФ принципов помимо идеи личной ответственности были выделены принципы неотвратимости ответственности и демократизма. Оба этих принципа нашли отражение и в Основах уголовного законодательства Союза ССР и республик 1991 г.

В целом *идея демократизма* подразумевает участие народа в делах государства. Демократизм применительно к уголовному праву по задумке разработчиков Теоретической модели УК должен был выражаться в привлечении к исправлению преступников трудовых коллективов и общественных организаций [14. С. 30]. Но, во-первых, даже в понимании авторов Теоретической модели УК демократизм не имел прямого отношения к уголовному праву, а касался исправительного процесса, регулируемого уголовно-исполнительным правом (на тот момент времени – исправительно-трудовым). Отсюда, учитывая возможность общественности контролировать порядок исполнения наказаний и даже в минимальной форме участвовать в исправлении осужденных, мы считаем закономерным закрепление принципа демократизма среди принципов не УК РФ, а уголовно-исполнительного законодательства в ст. 8 УИК РФ. Во-вторых, в УК РФ отсутствуют нормы, подобные ст. 52 УК РСФСР, позволяющие освобождать преступников от уголовной ответственности с передачей на поруки для перевоспитания и исправления общественной организации или трудовому коллективу. Равно как не было воспринято (по вполне понятным идеолого-политическим причинам) и предложение разработчиков Теоретической модели о включении в УК мер общественного воздействия, применяемых товарищеским судом. Поэтому и с учетом произошедших в политическом строе страны и ее уголовно-правовой системе изменений идея дополнения пе-

речня уголовно-правовых принципов демократизмом себя, как представляется, изжила.

Что же касается *принципа неотвратимости ответственности*, то сторонников его включения в УК РФ в науке весьма немало. Помимо разработчиков главы Теоретической модели УК о принципах [14. С. 25–26] к их числу принадлежит, в частности, А.В. Наумов. По его мнению, «принцип неотвратимости ответственности означает, что всякое лицо, совершившее преступление, подлежит наказанию и иным мерам уголовно-правового воздействия, предусмотренным уголовным законом. Смысл этого принципа заключается в том, что неотвратимость ответственности есть лучший способ проявления предупредительного воздействия уголовного закона и его применения» [11. С. 79–80].

В то же время трудно назвать малочисленным и лагерь противников закрепления идеи неотвратимости ответственности в УК РФ. Н.Ф. Кузнецова объясняла отказ от включения принципа неотвратимости ответственности в действующий УК тем, что, по мнению разработчиков, он охватывается принципами законности и равенства, а кроме того, носит больше процессуальный, нежели уголовно-правовой характер [9. С. 64]. И.Э. Звечаровский считает неотвратимость ответственности не принципом, а задачей органов, применяющих уголовный закон [5. С. 40]. Многие авторы вполне резонно указывают на тот факт, что данная идея не согласуется с нормами УК РФ об освобождении от уголовной ответственности (Н.А. Лопашенко [6. С. 415], В.Д. Филимонов [15. С. 45–46] и др.). По сходным мотивам и мы в кафедральной рецензии на Курс лекций по уголовному праву А.В. Наумова возражали против причисления идеи неотвратимости ответственности к принципам уголовного права [8. С. 75].

Отметим, что против контраргумента о противоречии рассматриваемого принципа нормам УК РФ об освобождении от уголовной ответственности придумано «противоядие». Стоит лишь изменить формулировку рассматриваемого принципа неотвратимости, тем более что его содержание традиционно понимается шире, нежели его буквальное наименование. Так, в Теоретической модели УК он трактовался как обязывающий применить

к каждому преступнику наказание или *иные меры воздействия, предусмотренные уголовным законом* [14. С. 26–27].

Поэтому ряд ученых предлагает дополнить круг принципов в УК идеей неотвратимости, уточнив ее наименование. Так, Т.Р. Сабитов назвал ее *принципом обязательности уголовно-правового воздействия*. «Согласно этому принципу, – пишет он, – реакция в виде применения соответствующей меры уголовно-правового воздействия на любое уголовно-правовое поведение обязательно должна быть выражена в предусмотренной уголовным законом форме. Отличие от принципа неотвратимости ответственности здесь заключается в том, что новая трактовка данного принципа охватывает более широкий круг мер в отношении лица, совершившего предусмотренное уголовным законом деяние» [12. С. 257–265].

Согласимся, что при такой лексической рокировке идея неотвратимости «впишется» в действующий уголовный закон. Но в чем тогда будет заключаться ее сущность? В никем не оспариваемом положении о том, что любое преступление должно в обязательном порядке влечь уголовно-правовую реакцию государства. Но это очевидное, абсолютно аксиоматичное положение (в отличие от идеи неотвратимости *ответственности*), а как справедливо отмечал еще профессор Я.О. Мотовиловкер, принципами нельзя считать очевидные требования, для которых в истории права нет альтернативных решений [10. С. 21]. Назвать положение об обязательности уголовно-правового воздействия принципом – то же что, например, причислить к принципам положение о выполнении уголовным правом регулятивной или охранительной функций. Поэтому даже с уточненным наименованием положению о неотвратимости, на наш взгляд, не место в перечне принципов уголовного права.

Критической оценки, по нашему убеждению, заслуживает также предложение о включении в круг принципов уголовного права идеи *недопустимости повторной ответственности*, т.е. требования того, что никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление. В настоящее время это положение закреплено в ч. 2 ст. 6 УК РФ и по мысли законодателя является составной частью принципа справедливости. Но, по мнению Т.Р. Сабитова, требование об одно-

кратной ответственности «не характеризует сущность принципа справедливости, ибо соразмерность (справедливость) и недопустимость повторной ответственности не находятся в жесткой корреляции» [12. С. 233–234]. В подтверждение своей позиции он ссылается и на тот факт, что данный запрет в международном праве признается самостоятельным принципом (*ne bis in idem*), и в Конституции Российской Федерации также зафиксирован в отдельной норме (ч. 1 ст. 50).

Надо признать, что одним из главных компонентов принципа справедливости, действительно, является положение о необходимости обеспечения соответствия между содеянным и личностью преступника, с одной стороны, и его ответственностью – с другой. Это требование индивидуализации уголовной ответственности, которое, как резонно подмечено в науке, призвано «нейтрализовать безбрежность гуманизма» [2. С. 10]. Но нельзя, как представляется, забывать и о том, что содержание категории «справедливость» намного богаче понятия «индивидуализация ответственности» или «соответствие» («соразмерность») и отнюдь не сводимо к сфере применения мер уголовно-правового воздействия. Справедливость архиважна в процессе регламентации данных мер в законе, а также во всех иных сферах уголовного права и его применения – в области действия УК в пространстве и по кругу лиц, институтах соучастия и неоконченного преступления и т.д. И положение об однократной уголовной ответственности также выступает одной из граней этой богатой по своему содержанию категории, ибо повторное наказание преступника с очевидностью является несправедливым. Отметим, что по этим же причинам мы не согласны с предложением Т.Р. Сабитова переименовать принцип справедливости в «принцип соразмерности» [12. С. 235], поскольку сведение предельно универсальной категории справедливости к одной лишь соразмерности (между преступлением и реакцией на него) неоправданно обеднит ее содержание.

Что же касается ссылки данного ученого на признание положения о недопустимости повторной ответственности самостоятельным принципом международного уголовного права (*ne bis in idem*) и его регламентацию в отдельной норме Конституции Российской Федерации (ч. 1 ст. 50), то в соответствующую

щих международных документах (в которых закреплено данное положение) и в Основном законе нашей страны, к сожалению, принцип справедливости отдельно не поименован. Поскольку в ст. 6 УК РФ мы видим иное, за что следует еще раз отдать должное разработчикам Кодекса, положение об однократной ответственности обоснованно, на наш взгляд, нашло отражение в отдельной статье, посвященной принципу справедливости.

Одной из системообразующих для нашего уголовного права является также *идея дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности*, которая с учетом ее роли могла бы претендовать на статус самостоятельного принципа [6. С. 210–211]. Но положение о необходимости обеспечения соответствия между содеянным и личностью преступника, с одной стороны, и его ответственностью – с другой, является компонентом принципа справедливости. Поэтому выделение идеи дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности как самостоятельного принципа уголовного права наряду с принципом справедливости, по нашему мнению, излишне.

Вместе с тем нам импонирует точка зрения отдельных ученых, которые предлагают признать принципом уголовного права *идею целесообразности (целевого устремления уголовной ответственности)*. В восьмидесятые годы прошлого века П.С. Дагель писал, что в соответствии с принципом целесообразности меры уголовно-правового воздействия должны быть установлены, применены и исполнены таким образом, чтобы в максимальной степени обеспечить достижение тех целей, которые перед ними ставятся [3. С. 37]. Уже в наше время Л.Л. Кругликов обоснованно отмечает следующее: «Не находя закрепления в УК РФ в качестве законодательного принципа, целесообразность наделена всеми признаками правового принципа и, пронизывая все нормы и институты уголовного права, накладывает свой отпечаток и на законотворческую, и на интерпретационную, и на правоприменительную деятельность. Особенно это сказывается на содержании и применении диспозитивных, управомочивающих уголовно-правовых норм» [7. С. 276].

Закрепление данного принципа будет, по нашему мнению, способствовать устранению излишне формального, порой механического подхода в применении УК РФ, повсеместно укорен-

нившаяся практика которого уже долгое время вызывает чувство глубокой озабоченности. Целесообразность означает, что уголовное право должно применяться (равно как и создаваться) в соответствии со стоящими перед ним целями и задачами, названными, в частности, в ст. 2 УК РФ (охрана прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, предупреждение преступлений).

Применительно к каждому институту уголовного права целесообразность имеет свою специфику. Например, согласно ч. 2 ст. 43 УК РФ наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также в целях исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений, а в силу ч. 1 ст. 60 УК РФ более строгий вид наказания из числа предусмотренных за совершенное преступление назначается только в случае, если менее строгий вид наказания не сможет обеспечить достижение целей наказания.

Идея дополнения круга принципов уголовного права целесообразностью вряд ли может быть названа популярной в науке, скорее, наоборот. Так, Н.А. Лопашенко указывает, что «законность и есть целесообразность, причем высшая. ...Освобождение от уголовной ответственности или наказания, назначение более мягкого наказания основывается вовсе не на целесообразности, а на необходимости выполнения задач, стоящих перед уголовным правом и, в частности, перед уголовной ответственностью и наказанием» [13. С. 418]. Иными словами, мнение об отнесении к кругу принципов целесообразности критикуется со ссылкой на принцип законности, с учетом которого правоприменитель в любом случае обязан решать задачи, названные в уголовном законе.

Но следственно-судебная практика показывает, что многие решения, формально отвечающие принципу законности, принимаются без учета целей и задач, стоящих перед уголовным правом в целом или его отдельным институтом. Достаточно взглянуть на крайне неоднобразную практику применения норм об освобождении уголовной ответственности, например, в связи

с примирением с потерпевшим. При идентичных обстоятельствах содеянного и сопоставимых характеристиках личности виновных одни суды прекращают дела, другие – нет (ссылаясь, что это «их право»). Сходная разногласия наблюдается и в практике назначения судами наказаний. Суды в большинстве своем исходят из того, что есть предусмотренные законом рамки (вот он – принцип законности), в пределах которых они вольны поступать, как им заблагорассудится. Уменьшению масштабов подобного произвола и призван поспособствовать, на наш взгляд, принцип целесообразности, обязывая правоприменителя поступать не только формально законно, но и разумно, в соответствии с целями и задачами отрасли и конкретного уголовно-правового института.

Поэтому ни о каком противопоставлении принципа законности и целесообразности речи не идет и идти не может, поскольку совершенно очевидно, что целесообразность никоим образом не должна выходить за рамки законности. Вот что говорит в связи с этим один из активных и последовательных сторонников закрепления принципа целесообразности в УК РФ М.В. Бавсун: «Целесообразность, прежде всего, должна соответствовать принципу законности и существовать только в тех пределах, которые им установлены. Правоприменитель не может ставить вопрос о целесообразности самой нормы, он имеет возможность лишь принять наиболее выгодное, разумное и целесообразное решение, исходя из содержания самой нормы. Применение уголовного закона, таким образом, должно быть не только формально правильным, но и целесообразным по своему существу» [1. С. 14–15].

В действующем УК РФ мы насчитываем шесть принципов, которые предлагаем дополнить еще двумя. В итоге, не претендуя на бесспорность своей позиции, полагаем, что современное уголовное право России основывается на восьми принципах, которые и должны быть закреплены в УК РФ: законность; преступление как основание уголовной ответственности; равенство граждан перед законом; личная ответственность; вина; справедливость; гуманизм; целесообразность.

Литература

1. Бавсун М.В. Целесообразность в уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2002. 25 с.
2. Благоев Е.В. Основной курс уголовного права: лекции для бакалавров. М., 2017. 360 с.
3. Дагель П.С. Проблемы советской уголовной политики. Владивосток, 1982. 215 с.
4. Законы Хаммурапи // Хрестоматия по истории Древнего Востока / под ред. В.В. Струве и Д.Г. Редера. М., 1963. С. 196–219.
5. Звечаровский И.Э. Современное уголовное право России. СПб., 2001. 338 с.
6. Кругликов Л.Л. О принципах уголовного права // Кругликов Л.Л. Проблемы теории уголовного права (избранные статьи, 2000–2009 гг.). Ярославль, 2010. С. 210–214.
7. Кругликов Л.Л. О принципе целесообразности в уголовном праве // Категория «цель» в уголовном, уголовно-исполнительном праве и криминологии: материалы IV Рос. Конгресса уголовного права (28–29 мая 2009 г.). М., 2009. С. 273–277.
8. Кругликов Л.Л., Иванчин А.В., Кулев А.Г. Гордость российской уголовно-правовой мысли (о 6-м издании Курса лекций профессора А.В. Наумова) // Вестн. Ярослав. гос. ун-та им. П.Г. Демидова. Сер. Гуманит. науки. 2018. № 2. С. 72–77.
9. Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1. Учение о преступлении / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М., 2002.
10. Мотовиловкер Я.О. О принципах объективной истины, презумпции невиновности и состязательности процесса: учеб. пособие. Ярославль, 1978. 96 с.
11. Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. 6-е изд., перераб. и доп. М., 2018. 784 с.
12. Сабитов Т.Р. Уголовно-правовые принципы: понятие, система и виды: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2019. 421 с.
13. Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс: в 10 т. Т. II. Система, источники и структура уголовного права. Принципы уголовного права / под ред. Н.А. Лопашенко. М., 2016. 656 с.
14. Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования / отв. ред. В.Н. Кудрявцев, С.Г. Келина. М., 1987. 276 с.
15. Филимонов В.Д. Принципы уголовного права. М., 2002. 145 с.

УНИВЕРСАЛЬНОСТЬ КОЛЛИЗИОННЫХ ПРАВИЛ ПРИ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ПРИМЕНЕНИИ НАКАЗАНИЯ

Л.В. Иногамова-Хегай, д-р юрид. наук, профессор
ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»,
ОУПВО «Академия труда и социальных отношений», г. Москва

Аннотация. Рассматривается конкуренция норм как институт, единый на всех этапах развития уголовного правоотношения. Предлагается при наличии нескольких норм о формализованном назначении наказания применять правила конкуренции норм и определять наказание по самому мягкому правилу о назначении наказания. Обосновывается неприемлемость поэтапного формализованного назначения наказания.

Ключевые слова: конкуренция уголовно-правовых норм, совокупность норм, формализованное назначение наказания, смягчение и усиление наказания, последовательное применение норм.

UNIVERSALITY COLLISION RULES ON QUALIFICATION OF CRIMES AND ASSINGMENT OF PUNISHMENT

L.V. Inogamova-Khegai

Abstract. Competition of norms is researched as the universal institute on all stages of development of criminal legal relation. Application of rules of the competition of norms and determination of punishment are offered in accordance the more mitigative rule on appointment of punishment. Serial formalized assignment of penalty is proved in the article as unacceptable one.

Keywords: competition of criminal legal norms, aggregate of norms, formalized assignment of punishment, mitigation and reinforcement of punishment, serial use criminal legal norms.

Множественность преступлений, институт которой в советское время был создан благодаря научному творчеству и трудам В.П. Малкова [8], органически связан с другим институтом – конкуренцией (коллизией) уголовно-правовых норм. В определенной степени можно назвать эти институты двумя сторонами одной медали. По действующему законодательству при совокупности как одной из форм множественности преступлений зачастую эта множественность и конкуренция норм соотносятся как смежные институты: либо совокупность преступлений, либо вследствие конкуренции уголовно-правовых норм – одно пре-

ступление. Здесь не имеются в виду те ситуации, когда при наличии более двух уголовно-правовых норм возможно сочетание рассматриваемых институтов, когда одновременно устанавливается и множественность преступлений в виде их совокупности, и применяются правила конкуренции уголовно-правовых норм (например, разбойное нападение с умышленным причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего, повлекшего по неосторожности его смерть, п. «в» ч. 4 ст. 162, ч. 4 ст. 111 УК).

Для установления множественности преступлений и конкуренции норм правовое значение имеет конкуренция на таком этапе развития уголовно-правового отношения, как квалификация преступления. Когда общественно опасное деяние квалифицировано уже как одно преступление, уголовно-правовое значение приобретает конкуренция норм при применении наказания, а именно его назначении и освобождении от него.

Сложности возникают при применении конкуренции норм на всех этапах развития уголовного правоотношения: квалификации, назначении наказания, освобождении от уголовной ответственности, освобождении от наказания, погашении и снятии судимости. В связи с этим практическое и теоретическое значение приобретает обоснование правил конкуренции уголовно-правовых норм. Допустимо ли разное применение конкуренции норм на различных этапах регулирования уголовно-правового отношения? Допустимо ли действие одних коллизионных принципов и правил при квалификации преступления и, соответственно, регламентация конкуренции норм при решении вопроса, сопряженного с наказанием, согласно иным алгоритмам? Можно подчеркнуть, что действуют одни и те же принципы и правила конкуренции норм на всем протяжении уголовного правоотношения. Объясняется такое действие тем, что институт конкуренции норм применяется в одной отрасли – уголовном праве, с регулированием всех его положений в соответствии с едиными принципами и правилами.

На всех этапах существования уголовного правоотношения используются универсальные коллизионные правила содержательной конкуренции норм, имеющей единую природу и проявление: общей – специальной нормы, специальных норм, норм целого – части. Перечисленные конкуренции норм, возникаю-

щие при квалификации преступлений, достаточно подробно разработаны в доктрине уголовного права [7]. Тем не менее как в судебной практике, так и в науке продолжают встречаться дискуссионные квалификационные решения. Примерами могут быть квалификации убийства, сопряженного с иными преступлениями (п. «в», «з», «к» ч. 2 ст. 105 УК), и др.

Принципы и правила конкуренции норм, связанных с назначением наказания, освобождением от уголовной ответственности и от наказания, погашением и снятием судимости, впервые были исследованы в докторской диссертации «Конкуренция уголовно-правовых норм» в 1999 г. [3]. В настоящий момент в науке уголовного права и судебном правоприменении все еще не достигнуто единство понимания в применении института конкуренции норм при назначении наказания и освобождении от него. Причинами такого расхождения являются: отсутствие в российском уголовном законодательстве до принятия УК в 1996 г. такого разнообразия способов назначения наказания, т.е. новизна вопроса; разный подход науки к исследованию задачи; субъективное восприятие начал определения наказания; игнорирование законодательных положений о наказании и др. В отличие от квалификации преступлений, научные и правоприменительные разработки которой имеют длительную историю, что не исключает сохранение дискуссионности ряда аспектов квалификации, с вариативным формализованным назначением наказания судебная практика и наука уголовного права «столкнулись» относительно недавно, чем и объясняется в определенной степени разное решение вопроса по вынесению наказания.

Под формализованным понимается назначение наказания при обязанности суда применить точный количественный показатель (математическую дробь) при подсчете срока наказания за единичное преступление. К этому назначению относятся: формализованные смягчение и усиление наказания, предусмотренные ст. 62, 65, 66, 68 УК, формулирующими семь специальных правил смягчения и усиления наказания соответственно, в ст. 62 – четыре, по одному правилу – в ст. 65, 66 и 68 УК.

1. Деятельное раскаяние лица – назначение наказания при смягчающих обстоятельствах на срок или размер не свыше двух

третьей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК (ч. 1 ст. 62 УК).

2. Досудебное соглашение о сотрудничестве означает назначение наказания в порядке особого производства не свыше половины (двух третей) максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной УК (ч. 2, 4 ст. 62 УК).

3. Согласие обвиняемого с предъявленным ему обвинением предполагает определение наказания в порядке особого производства на срок не более двух третей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление (ч. 5 ст. 62 УК; 40 УПК РФ).

4. Производство дознания в сокращенной форме – определение наказания не более половины максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление (ч. 5 ст. 62 УК и ст. 226⁹ УПК РФ).

5. Признание присяжными заседателями лица заслуживающим снисхождения обязывает суд применить правило о наказании лица на срок не свыше двух третей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление (ч. 1 ст. 65 УК).

6. Неоконченное преступление предполагает вынесение наказания за приготовление к преступлению не более половины, а за покушение – трех четвертей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК за оконченное преступление (ч. 2 и 3 ст. 66 УК).

7. Любой рецидив преступлений предусматривает определение наказания не менее одной третьей части максимального срока наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление, но в пределах санкции соответствующей статьи Особенной части УК (ч. 2 ст. 68).

В УК РФ отсутствуют исчерпывающие правила по решению сочетания всех или нескольких оснований формализованного смягчения и усиления наказания [5. С. 205 и др., С. 116]. УК РФ регулирует только некоторые случаи совокупности правил о смягчении наказания и его усилении (ч. 1, 2 ст. 62 УК; ч. 3

ст. 68 УК; и др.) [3]. Так, например, в ч. 1 ст. 62 УК содержится правило конкуренции нормы о наказании при наличии смягчающих обстоятельств и нормы с отягчающим обстоятельством в виде рецидива (ч. 2, 3 ст. 68 УК) в пользу нормы о наказании при рецидиве.

Современная судебная практика при назначении наказания с одновременным наличием нескольких правил смягчения и усиления наказания характеризуется противоречивыми решениями: определением наказания путем поэтапного применения этих правил [3], а также установления конкуренции уголовно-правовых норм [1]. Имеющееся судебное поэтапное применение правил не предусмотрено ни одной статьей действующего УК РФ. Напротив, в ряде случаев уголовный закон Российской Федерации предусматривает использование именно правила конкуренции норм (ч. 1, 2, 3 ст. 62 УК; ч. 2 ст. 68 УК; и др.).

Учитывая единство правовой природы конкуренции норм и ее проявления, при выявлении нескольких или всех допустимых формализованных правил назначения наказания по его смягчению или усилению следует применять правила конкуренции уголовно-правовых норм [6. С. 215–219]. В конкуренции норм о формализованном смягчении следует применять правило с самым сильным смягчением наказания.

Последовательное применение правил смягчения и усиления наказания, закрепленных ст. 62, 65, 66 и 68 УК РФ, является фактически судебным толкованием. Это весьма дискуссионное толкование впервые было дано Пленумом Верховного Суда Российской Федерации в Постановлении от 11 июня 1999 г. «О практике назначения судами уголовного наказания» и сохранено в действующем Постановлении от 22 декабря 2015 г. «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» [3].

Конкуренция уголовно-правовых норм при формализованном назначении наказания закреплена в ряде норм УК. Наряду с этим конкуренция коллизии норм, не установленная в УК РФ, предусмотрена в ряде постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации: от 22 ноября 2005 г.; 29 октября 2009 г.; 28 июня 2012 г. и 22 декабря 2015 г. [2]. Так, в п. 42 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от

22 ноября 2005 г. отмечается: «Учитывая, что статья 62 УК предусматривает более строгое наказание в сравнении с частью 1 статьи 65 УК, обязательное применение части 1 статьи 65 УК при наличии обстоятельств, предусмотренных пунктами “и” и “к” части 1 статьи 61 УК, не влечет за собой последовательного применения этих норм, поскольку законодателем определен порядок назначения наказания лишь с учетом максимальной санкции Особенной части Уголовного кодекса» [2]. Приведенное раскрытие Верховным Судом Российской Федерации соотношения указанных правил формализованного смягчения наказания характеризует конкуренцию уголовно-правовых норм.

Противоречивое применение правил формализованных смягчения и усиления наказания нарушает важнейшие принципы международного уголовного, конституционного и российского уголовного права.

Институт конкуренции норм, используемый при квалификации преступлений, в полном объеме следует применять и при назначении наказания, а также в других случаях: освобождении от уголовной ответственности и от наказания, погашении и снятии судимости.

Литература

1. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Радикова Виталия Владимировича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 349 УПК Российской Федерации и пунктом 42 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания»: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2019 г. № 2278-О // Справ.-информ. система «КонсультантПлюс» / Судебная практика.

2. Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 ноября 2005 г. «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей», п. 42; от 29 октября 2009 г. «О некоторых вопросах судебной практики назначения и исполнения уголовного наказания», п. 3; от 28 июня 2012 г. «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве», п. 24; от 22 декабря 2015 г. «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания», п. 38, 42 // Справ.-информ. система «КонсультантПлюс» / Судебная практика.

3. Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11 июня 1999 г. «О практике назначения судами уголовного наказания», п. 9; от 22 декабря 2015 г. «О практике назначения судами Российской Федерации

уголовного наказания», п. 34, 39, 49 // Справ.-информ. система «Консультант-Плюс» / Судебная практика.

4. Иногамова-Хегай Л.В. Конкуренция уголовно-правовых норм: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1999. 333 с.

5. Иногамова-Хегай Л.В. Конкуренция уголовно-правовых норм. М., 1999; Благов Е.В. Квалификация и наказание при совершении нескольких преступлений. Ярославль, 2006.

6. Иногамова-Хегай Л.В. Концептуальные основы конкуренции уголовно-правовых норм. М., 2015. С. 215–219.

7. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. М., 1972. 352 с.; Незнамова З.А. Коллизии в уголовном праве. Екатеринбург, 1994. 284 с.; Яцеленко Б.В. Противоречия уголовно-правового регулирования. М., 1996. С. 226; Иногамова-Хегай Л.В. Конкуренция норм уголовного права. М., 1999. 288 с.

8. Малков В.П. Избранные труды: в 3 т. Казань, 2011. Т. 1. 483 с.; Т. 2. 524 с.; Т. 3. 324 с.

9. Российское уголовное право. Общая часть: учебник / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, В.С. Комиссарова, А.И. Рагога. 4-е изд. М., 2015. С. 420; Чечель Г.И. Некоторые особенности применения ст. 62 Уголовного кодекса Российской Федерации. Ставрополь, 2015. С. 29, 40–42; Пункт 8 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11 января 2007 г. // Справ.-информ. система «КонсультантПлюс» / Судебная практика.

НРАВСТВЕННЫЕ НАЧАЛА В КОНТЕКСТЕ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ КОМПРОМИССА В ОСОБОМ ПОРЯДКЕ ПРИНЯТИЯ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ ПРИ СОГЛАСИИ ОБВИНЯЕМОГО С ПРЕДЪЯВЛЕННЫМ ЕМУ ОБВИНЕНИЕМ

С.Н. Ипатьев, учебный мастер криминалистической лаборатории
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет
имени И.Н. Ульянова», г. Чебоксары

Н.С. Захаров, командир взвода по охране зданий и объектов академии
ФГКОУ ВО «Академия управления МВД России», г. Москва
«Академия управления Министерства внутренних дел
Российской Федерации»

Аннотация. Рассматриваются некоторые проблемные вопросы уголовно-процессуальной теории и следственно-судебной практики нравственных начал в контексте применения технологий компромисса в особом порядке принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением. Авторами предлагаются решения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства и практической деятельности в этой части с целью эффективного производства по отдельным категориям уголовных дел.

Ключевые слова: технология, компромисс, особый порядок принятия судебного решения при согласии лица с предъявленным обвинением.

MORAL PRINCIPLES IN THE CONTEXT OF THE APPLICATION OF COMPROMISE TECHNOLOGIES IN A SPECIAL JUDICIAL DECISION WITH THE CONSENT OF THE ACCUSED WITH THE CHARGE AGAINST HIM

S.N. Ipatiev, N.S. Zakharov

Abstract. Discusses some of the problematic issues of the criminal procedural theory and investigative practice of moral principles in the context of the application of compromise technologies in a special judicial decision procedure with the consent of the accused and the charges against him. At the same time, the authors propose solutions to improve the criminal procedural legislation and practical activities in this part with the aim of efficient production of certain categories of criminal cases.

Keywords: technology, compromise, special procedure for making a court decision with the consent of the person with the charge.

Глава 40 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) [2] предусматривает особую нравственную и доказательственную технологию разрешения уголовного дела путем вынесения судом решения при согласии обвиняемого (обвиняемых) с предъявленным ему (им) обвинением [12. С. 118]. Особый порядок судебного разбирательства, на наш взгляд, является нравственным началом в виде упрощенной и отчасти альтернативной и компромиссной (бесконфликтной) технологии рассмотрения и разрешения уголовных дел по существу. Эта особая нравственная и компромиссная технология осуществляется в отношении преступлений, где наказание не может превышать десяти лет лишения свободы [14. С. 505].

Введение законодателем подобной альтернативной и компромиссной уголовно-процессуальной технологии вызвало положительную реакцию со стороны работников суда и правоохранительных органов в целом, поскольку альтернативное судопроизводство позволяет рассматривать уголовное дело в разумные и достаточно сжатые сроки при соблюдении всех конституционных прав и свобод участников уголовного процесса [11. С. 404–411].

Несмотря на то, что указанный особый процессуальный институт эффективно применяется в следственно-судебной прак-

тике и прослеживается ежегодный рост рассмотрения судами определенных категорий уголовных дел, по-прежнему остаются как теоретические, так и практические вопросы, в том числе ошибки [15. С. 449–450] применения технологий компромисса в особом порядке судебного разбирательства, в соответствии с главой 40 УПК РФ [13. С. 470–473].

На некоторые стоит вновь обратить особое внимание.

1. Запрет на обжалование приговора, постановленный в особом порядке, по основанию, предусмотренному п. 1 ч. 1 ст. 379 УПК РФ, а также упрек на положения, что в судебном заседании не исследуются доказательства и судебное следствие так такового не проводится [17. С. 136–139].

С этим можно не согласиться, так как применяемый особый компромиссный порядок рассмотрения уголовных дел без проведения судебного разбирательства в любом случае предусматривает такую процедуру как непосредственный допрос обвиняемого, где ему задаются комплекс вопросов относительно его уголовного дела, в том числе согласия с предъявленным ему обвинением. Кроме этого, суд обязан установить обстоятельства, смягчающие или отягчающие вину подсудимого [19]. Таким образом, исследование обстоятельств уголовного дела судом все-таки осуществляется [5. С. 522–529].

В соответствии с ч. 2 ст. 77 УПК РФ, признание обвиняемым своей вины в совершении преступления может быть положено в основу обвинения при условии, что оно подтверждено совокупностью имеющихся по уголовному делу доказательств. Если суд постановил приговор только при наличии признания вины подсудимым, но при отсутствии других доказательств это означает, что имело место именно несоответствие выводов суда установленным обстоятельствам и исследованным по делу доказательствам [18. С. 303–306].

По мнению О.В. Качаловой, «судья, ещё готовясь рассмотреть уголовное дело в сокращенном порядке, должен убедиться в достаточности доказательств, подтверждающих виновность обвиняемого, необоснованность обвинения исключает возможность рассмотрения дела в особом порядке. Изучив материалы уголовного дела, судья должен убедиться в виновности лица, совершившего преступление, оценить собранные по делу дока-

зательства, определить их содержание, проверить подтвержденность обвинения собранными по делу доброкачественными доказательствами, не содержащими процессуальных изъянов, прийти к выводу о том, что совокупность собранных по делу доказательств является достаточной для вынесения обвинительного приговора. Невыполнение этих обязанностей приводит к нарушению права подсудимого на справедливое судебное разбирательство и тем самым предопределяет невозможность вынесения законного, обоснованного и справедливого приговора» [6. С. 482].

В то же время убежденность судьи в виновности подсудимого до начала судебного заседания недопустима, поскольку ведет к необъективности и противоречит беспристрастности при постановлении приговора [9. С. 478–484].

2. Судья, рассматривающий уголовное дело в особом порядке, «...назначает подсудимому наказание, которое не может превышать две трети максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление» [6. С. 482] (ч. 7 ст. 316 УПК РФ). Анализ следственно-судебной практики свидетельствует, что обвиняемый, согласившись на применение технологий компромисса и выбрав особый порядок судебного разбирательства, реально проигрывает. Так, избрание особого компромиссного порядка лишает его шансов на прекращение уголовного дела по нереабилитирующим основаниям (например, в связи с примирением с потерпевшим). Вместе с тем ожидаемого смягчения наказания по сравнению с теми, чьи уголовные дела были рассмотрены в общем порядке, не наблюдается [8. С. 526–532]. Прокуроры также отмечают, что во многих случаях обвиняемые соглашались с завышенными обвинениями, осуждаются в особом порядке к более строгому наказанию, чем то, которое могло быть им назначено при рассмотрении дела в общем порядке¹.

---

¹ Выступление заместителя прокурора Самарской области А.Ф. Галузина на международной научно-практической конференции, посвященной 85-летию заслуженного юриста Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора Семена Абрамовича Шейфера и 60-летию его профессиональной деятельности, состоявшейся в Самарском государственном университете 28–29 января 2010 г.

В России, так и в большинстве исследуемых авторами стран, подавляющее большинство осужденных в любом случае получают наказание, существенно ниже максимального вне зависимости от порядка рассмотрения дела [7. С. 92–102].

Например, ч. 2 ст. 228 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [1] «Незаконные приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка без цели сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов в крупном размере, а также незаконные приобретение, хранение, перевозка без цели сбыта растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, в крупном размере предельный размер наказания составляет 10 лет лишения свободы» [1]. При этом 97,7% числа осужденных получают срок до 5 лет, который является 1/2 максимального наказания. А за ч. 1 ст. 111 УК РФ «Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью» наказание составляет до 8 лет лишения свободы. 99,85% числа осужденных получают срок до 5 лет – в пределах 2/3 от максимального. За разбой, совершенный группой лиц по предварительному сговору, а равно с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия (ч. 2 ст. 162 УК РФ), 91,2% получают срок до 5 лет, когда санкцией статьи предусматривается наказание, не превышающее 10 лет. Поэтому согласие обвиняемого на рассмотрение его дела в особом порядке практически не дает ему дополнительных преимуществ. Суд в большинстве случаев и так назначает наказание ниже 2/3. Соответственно, предполагается, что реальное обложение положения подсудимого должно лежать не в сфере законодательства, а в сфере правоприменительной практики.

3. Особый порядок судебного разбирательства применяется по делам о преступлениях, максимальное наказание за которые не превышает 10 лет лишения свободы. Под указанную в ч. 1 ст. 314 УПК РФ категорию уголовных дел подпадают такие опасные для личности, общества и государства деяния, как «умышленное причинение тяжкого вреда здоровью по найму, с особой жестокостью, по мотиву национальной, расовой или религиозной ненависти или вражды, в целях использования ор-

ганов или тканей потерпевшего (ч. 2 ст. 111 УК РФ); захват заложника (ч. 1 ст. 206 УК РФ); содействие в террористической деятельности (ч. 1 ст. 205.1 УК РФ), организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем (ч. 1 ст. 208 УК РФ); угон судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава (ч. 1 ст. 211 УК РФ); массовые беспорядки (ч. 1 ст. 212 УК РФ); хулиганство при отягчающих обстоятельствах (ч. 2 ст. 213 УК РФ)» и другие социально-резонансные преступления.

Данные преступления достаточно серьезные и сложные в доказывании, требуют тщательной проверки и оценки организации предварительного расследования. Учитывая, что при особом компромиссном порядке не исследуются отдельные существенные доказательства, могут возникнуть вопросы обоснованности и правильности предъявленного лицу обвинения в совершении преступления.

Рассмотрение уголовных дел об указанных преступлениях вызывает, как правило, общественное внимание, затрагивает интересы многих лиц, а потому без исследования в суде доказательств, допроса в суде потерпевших и свидетелей зачастую нельзя вынести по ним законное, обоснованное и справедливое решение, выявить причины и условия, способствовавшие их совершению.

В связи с этим нам близка точка зрения Л.В. Головки, который справедливо полагает следующее: «Распространять особый порядок на тяжкие и особо тяжкие преступления – абсолютно неверно. Кроме того, если учесть уже введенное в УПК РФ ускоренное дознание плюс особый порядок, то мы рискуем скатиться в средневековье... Подобное упрощенчество в такой важной сфере, как правосудие, может иметь более серьезные последствия для страны в целом. Поскольку правоохранительная система и так не пользуется достаточным кредитом доверия у населения, мы только подольем масла в огонь, так как упрощение всегда ведет к риску увеличения нарушений в правоприменении» [3. С. 32–40].

Альтернативному и компромиссному производству в части принятия судом окончательного решения при согласии лица с предъявленным ему обвинением обязано предшествовать пол-

ное, всестороннее и объективное предварительное расследование по уголовному делу, которое позволит суду вынести законное, обоснованное, а также справедливое процессуальное решение.

4. Как быть, если производство по уголовному делу осуществлялось в форме дознания в сокращенной форме? И обязан ли дознаватель разъяснить обвиняемому право на рассмотрение и разрешение уголовного дела в особом компромиссном порядке?

Что касается первого вопроса, то в рамках дознания законодатель не предполагает вынесения подобного судебного решения. Это вызвано следующим. Особенность доказывания при производстве дознания в сокращенной форме «предполагает сбор доказательств в объеме, достаточном для установления события преступления, характера и размера причиненного им вреда, а также виновности лица в совершении преступления» [16. С. 130–131]. При этом, согласно ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ, «с учетом конкретных обстоятельств уголовного дела дознаватель вправе:

1) не проверять доказательства, если они не были оспорены подозреваемым, его защитником, потерпевшим или его представителем;

2) не допрашивать лиц, от которых в ходе проверки сообщения о преступлении были получены объяснения, за исключением случаев, если необходимо установить дополнительные, имеющие значение для уголовного дела фактические обстоятельства, сведения о которых не содержатся в материалах проверки сообщения о преступлении, либо необходимо проверить доказательства, достоверность которых оспорена подозреваемым, его защитником, потерпевшим или его представителем;

3) не назначать судебную экспертизу по вопросам, ответы на которые содержатся в заключении специалиста по результатам исследования, проведенного в ходе проверки сообщения о преступлении, за исключением следующих случаев:

а) необходимость установления по уголовному делу дополнительных, имеющих значение для уголовного дела фактических обстоятельств;

б) необходимость проверки выводов специалиста, достоверность которых поставлена под сомнение подозреваемым, его защитником, потерпевшим или его представителем;

в) наличие предусмотренных статьей 196 УПК РФ оснований для обязательного назначения судебной экспертизы;

4) не производить иные следственные и процессуальные действия, направленные на установление фактических обстоятельств, сведения о которых содержатся в материалах проверки сообщения о преступлении, если такие сведения отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам» [2].

Таким образом, не оспоренные стороной защиты и не проверенные органами предварительного расследования и судом доказательства неизбежно лягут в основу обвинительного приговора по уголовному делу. В связи с этим Н.С. Диденко и С.М. Кузнецова справедливо отмечают, что «рассмотрение указанного вопроса нельзя назвать объективным без анализа соотношения двух ценностей: прав человека и степени контроля над преступностью. Последняя цель не должна достигаться за счет ущемления прав и законных интересов участников процесса» [4. С. 77]. Отвечая на второй вопрос, считаем целесообразным предоставить обвиняемому возможность ходатайствовать перед дознавателем на рассмотрение его дела судом в особом компромиссном порядке. Поскольку, по смыслу ст. 314 УПК РФ, в рамках производства дознания, как в общем порядке, так и в сокращенной форме, рассматриваются как раз уголовные дела, отнесенные к подсудственности органов дознания, т.е. все преступления, наказание за которые не может превышать 10 лет.

5. Актуальным вопросом остается проблемная ситуация, связанная с отсутствием в действующем УПК РФ, на наш взгляд, такого важного условия для принятия альтернативного и компромиссного судебного решения, как признание обвиняемым своей вины. Системный анализ положений ст. 314 УПК РФ позволяет сделать вывод, что важным условием для принятия компромиссного решения является «согласие обвиняемого (обвиняемых) с предъявленным ему (им) обвинением». Не вызывает сомнений, что эти два понятия различны по своему содержанию. Для рассмотрения уголовного дела в особом ком-

промиссном порядке не требуется признание обвиняемым своей вины, в том числе и частичное признание вины, а обвиняемому лицу достаточно лишь согласиться с предъявленным обвинением. И хотя, по взглядам большинства ученых, «даже частичное признание вины не является достаточным для использования особого порядка судебного разбирательства, отсутствие четкости и ясности в данных вопросах позволяет излишне широко трактовать закон, что недопустимо» [10. С. 851].

Таким образом, на сегодняшний день можно с уверенностью утверждать, что в российском уголовном процессе создана перспективная, одновременно нравственная компромиссная технология разрешения уголовного дела по существу, в частности, законодателем сформирована отдельная процедура принятия судом окончательного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением при строгом соблюдении принципов уголовного процесса. Применение нравственных начал путем использования технологий компромисса дает возможность всем заинтересованным участникам судопроизводства реализовать свою процессуальную волю, сделать современный уголовный процесс менее долгим и более эффективным, не нарушая при этом права и законные интересы заинтересованных лиц.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Рос. газета. 2019. № 124 (7882). 10 июня.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
3. Головки Л.В. В ходе реформы судебных стадий можно исправить ошибки в построении проверочных стадий // Уголовный процесс. 2013. № 12. С. 32–40.
4. Диденко Н.С., Кузнецов С.М. Тенденции и возможные последствия развития упрощенных производств в российском уголовном судопроизводстве // Юристы – Правоведь. 2014. № 2 (63). С. 75–78.
5. Ипатьев С.Н., Фадеев А.В. Уголовно-процессуальная культура оформления протоколов следственных действий // Правовое регулирование культурно-досуговых отношений и спортивной деятельности в контексте общественных и нравственных ценностей: современное состояние и мировые тенденции: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2019. С. 522–529.
6. Качалова О.В. Ускоренное производство в российском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. С. 482.
7. Кузьмин Ю.А. Актуальность принципов диалектики для совершенствования правового сознания // Исторические, философские, политические

и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 3-2 (77). С. 99–102.

8. Кузьмин Ю.А. Социально-психологические аспекты проявления правосознания // Трансформация социальных систем: проблемы и поиски путей решения: сб. науч. тр. по материалам всерос. науч.-практ. конф. (с междунар. участием). Ковылкино, 2017. С. 526–532.

9. Кузьмин Ю.А. Юридические санкции и иные меры уголовно-правового характера в современном мире // Юридические санкции: общетеоретические и отраслевые аспекты: материалы V Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Казань, 2018. С. 478–484.

10. Лебедев В.М. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В.М. Лебедева, В.П. Божьева. 9-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2014. С. 851.

11. Маркелов А.Г. Идея доказательственного компромисса при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением по уголовному делу // Вестник Казан. юрид. института МВД России. 2018. № 3 (33). С. 404–411.

12. Маркелов А.Г., Купцов В.А. Идея процессуального компромисса как способа доказывания в современном уголовном судопроизводстве // Вестник Рос. ун-та кооперации. 2016. № 3 (25). С. 118–120.

13. Маркелов А.Г. К вопросу о применении юридических конструкций при составлении процессуальных документов по уголовному делу // Юрид. техника. 2013. № 7-2. С. 470–473.

14. Маркелов А.Г. Компромисс в уголовном судопроизводстве России в свете реализации особого порядка судебного разбирательства по уголовным делам при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением // Уголовно-правовая превенция в сфере оборота наркотических средств или психотропных веществ, алкогольной и спиртосодержащей продукции (региональный аспект): сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2015. С. 505–509.

15. Маркелов А.Г., Бубнова О.Ю. О некоторых законотворческих ошибках современного УПК РФ // Юрид. техника. 2015. № 9. С. 449–450.

16. Маркелов А.Г. О некоторых проблемах применения УПК РФ // Право и государство: теория и практика. 2008. № 4 (40). С. 130–131.

17. Маркелов А.Г., Нефедов М.А. Особенности проведения отдельных следственных действий с использованием инновационных технологий по уголовным делам в сфере экономики // Юрид. наука и практика. Вестн. Нижегород. академии МВД России. 2015. № 1 (29). С. 136–139.

18. Маслюк И.А., Кузмин Ю.А. Актуальные проблемы защиты прав свидетеля в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы юрид. науки и правоприменит. практики: сб. материалов II Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2012. С. 303–306.

19. О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел: Пост. Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 декабря 2006 г. № 60 // Рос. газета. 2006. № 0 (4252). 20 дек.

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР В МЕХАНИЗМЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

В.Н. Исаенко, д-р юрид. наук, профессор
ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», г. Москва

Аннотация. Рассматриваются отдельные вопросы участия органов прокуратуры Российской Федерации в противодействии преступности. Основное внимание уделено возможностям прокурорского надзора за исполнением законов при выявлении, раскрытии и расследовании преступлений как одному из наиболее сложных участков прокурорской деятельности.

Ключевые слова: механизм противодействия преступности, прокуратура, прокурорский надзор, расследование преступлений, досудебное производство.

PROSECUTORIAL SUPERVISION IN THE MECHANISM OF COMBATING CRIME

V.N. Isaenko

Abstract. Discusses certain of the participation of the prosecution authorities on the Russian Federation in combating crime. The main attention is paid to the possibilities of prosecutorial supervision over the implementation of laws in the detection, disclosure and investigation of crimes as one of the most difficult areas of professional activity.

Keywords: mechanism for combating crime, prosecutors, prosecutorial supervision, crime investigation, pre-trial proceedings.

Противодействие преступности представляет собой сложнорегулируемый процесс, в котором задействованы многие государственные структуры, являющиеся звеньями в механизме осуществления этой деятельности. Прокуратура занимает важное место в этом механизме в пределах своей компетенции, участвуя в оказании противодействия преступности как одной из наиболее существенных угроз правам и свободам человека и гражданина и в целом национальной безопасности. В приказе Генерального прокурора Российской Федерации от 16.01.2012 № 7 «Об организации работы органов прокуратуры Российской Федерации по противодействию преступности» надзор за исполнением законов в данной сфере рассматривается как приоритетное направление прокурорской деятельности.

В первую очередь это относится к прокурорскому надзору за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности, а также за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования. Он является не только одним из действенных средств обеспечения соблюдения оперативно-розыскными службами, органами предварительного следствия и органами дознания формальных требований Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», уголовно-процессуального закона с точки зрения правовой безупречности выполняемой ими работы. В соответствии с ч. 2 ст. 21 УПК РФ прокуроры в пределах своей компетенции принимают меры к установлению обстоятельств преступлений при обнаружении их признаков, а также к установлению и изобличению совершивших их лиц.

В соответствии с ч. 1 ст. 8 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» Генеральный прокурор Российской Федерации и подчиненные ему прокуроры координируют деятельность по борьбе с преступностью органов внутренних дел, органов федеральной службы безопасности, органов таможенной службы и других правоохранительных органов. В связи с осуществлением надзора за исполнением другими правоохранительными органами требований закона о выявлении, расследовании, предупреждении преступлений у прокуроров накапливается и систематизируется обширная информация о фактическом состоянии, динамике и структуре преступности, об уровне организации и качестве работы по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений, о типичных недостатках в деятельности органов предварительного расследования и оперативно-розыскных органов. Обобщение и анализ этой разноплановой информации обеспечивает разработку и осуществление организационных и практических мер, необходимых для их устранения. Централизованное построение органов прокуратуры и характер предоставленных ее работникам полномочий является дополнительным аргументом в пользу наделяния прокуроров полномочиями по организации координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью на федеральном, региональном и местном уровнях.

Не подлежит сомнению как форма противодействия преступности участие прокуроров в рассмотрении уголовных дел судами первой и апелляционной инстанций. На этих стадиях процесса прокурор – единственный участник уголовного судопроизводства, осуществляющий уголовное преследование обвиняемых по делам публичного, частно-публичного и отчасти частного обвинения, содействующий суду в разрешении вопроса о виновности подсудимых в преступлениях и определении вида их ответственности при условии доказанности в судебном следствии предъявленных им обвинений.

Таким образом, прокуратура является неотъемлемым звеном в общегосударственном механизме противодействия преступности, осуществляя свою деятельность в данном направлении в соответствии с предоставленной ей компетенцией.

Действующие нормы уголовно-процессуального закона ослабили, но не изменили сущности прокурорского надзора за предварительным расследованием. Поскольку законодатель включает прокурора в число участников уголовного процесса, ответственных за выполнение требований, установленных ч. 2 ст. 21 УПК РФ, это дает основание возражать мнениям о том, что задача обеспечения раскрываемости преступлений не входит в обязанность прокуроров, усилия которых должны сводиться якобы исключительно к надзору за соблюдением формальных процессуальных предписаний. Поэтому по-прежнему, как констатировал в свое время А.И. Михайлов, деятельность органов прокуратуры, направленная на обеспечение законности при раскрытии преступлений и оказание эффективного влияния на установление лиц, их совершивших, является важной составной частью прокурорского надзора [1. С. 3].

В сущности противодействие преступности со стороны прокуратуры начинается именно с надзора за исполнением законов при приеме, регистрации и разрешения сообщений о преступлениях. Ежегодно на учет ставится значительное их количество после отмены прокурорами незаконных и необоснованных постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела и направлением материалов для дополнительной проверки в орган предварительного расследования, завершающегося направлением уголовного дела в суд. В подобных случаях пострадавшие

от преступлений лица, лишенные большей частью по субъективным причинам принадлежащего им конституционного права на судебную защиту, на возмещение причиненного преступлением вреда, на доступ к механизмам правосудия были восстановлены в этом праве благодаря надзорной работе прокуроров, а виновные понесли установленную законом ответственность. Таким образом, органами прокуратуры обеспечивается соблюдение баланса личных и публично-государственных интересов в сфере борьбы с преступностью.

Следует также иметь в виду, что значительное количество преступлений прокуроры выявляют при проверках исполнения федерального законодательства, в результате которых обнаруживаются факты его преступного нарушения. Статистические данные свидетельствуют о значительном количестве материалов, ежегодно направляемых прокурорами в органы предварительного расследования в соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ для решения вопроса об уголовном преследовании. В связи с этим прокурорские проверки, в результате которых выявляются признаки преступного нарушения федеральных законов, следует рассматривать как разновидность правового механизма выявления преступлений. Результаты этих проверок имеют криминалистическое (поисковое) значение и представляют собой весьма репрезентативную информационную базу на исходном этапе досудебного производства.

Существенное значение в противодействии преступности имеет отмена прокурорами незаконных и необоснованных постановлений о прекращении уголовного дела, уголовного преследования, приостановления предварительного следствия. Надзор на данном участке является в том числе правовым средством предупреждения ухода (или увода) совершивших преступление лиц от законной ответственности.

В прокурорской практике возникают ситуации, связанные с возникновением у прокуроров сомнений относительно обоснованности инкриминирования обвиняемым преступлений, заставляющие возвращать уголовные дела, поступившие с обвинительным заключением, для производства дополнительного следствия, а точнее – для всестороннего, полного и объективного исследования действительной причастности обвиняемых

к этим преступлениям. Прокуратурой Смоленской области было направлено для дополнительного следствия уголовное дело по обвинению жителя Московской области в изнасиловании и насильственных действиях сексуального характера в отношении малолетней, а также в распространении в сети «Интернет» материалов порнографического содержания. Данное решение прокурора следователь с согласия руководителя следственного органа обжаловал вышестоящему прокурору, отказавшему в удовлетворении этого ходатайства. Изучение дела показало, что за два года следствия следователь добыл лишь одно доказательство совершения обвиняемым инкриминируемых деяний – наличие на юбке одной из потерпевших пятна крови с примесью спермы обвиняемого, в котором также находились биологические следы другого лица. Спустя пять лет после проведенной судебно-медицинской экспертизы вещественных доказательств по методу молекулярно-генетической идентификации был установлен фактический виновный, совершивший аналогичные преступления и в других субъектах Российской Федерации, первое из которых – в 1987 г. [2. С. 45–46].

Имеются факты установления прокурорами необоснованного приостановления уголовных дел о нераскрытых особо тяжких и других преступлениях, влекущие отмены постановлений об этом в связи с неполнотой проведенного расследования, недостаточно тщательно исследованными версиями о совершении преступлений лицами, относительно которых имеются заслуживающие внимания.

Эффективность противодействия преступности определяется эффективностью деятельности уполномоченных должностных лиц, в том числе прокуроров, по каждому событию с признаками преступления, обеспечивающей полноту исследования его обстоятельств, своевременное распознавание признаков преступления и должное качество расследования с максимальным использованием современных возможностей прикладной криминалистики, судебной экспертизы, оперативно-розыскных и иных возможностей. Поэтому осуществляющие надзор на данном участке прокуроры обязаны не только в совершенстве знать уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, судебную практику, но также частные криминалистические ме-

тодики расследования преступлений отдельных видов. Это требование содержится в Квалификационной характеристике должности прокурора города, района и приравненного к ним специализированного прокурора, утвержденной приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 12.08.2010 № 316. В современных условиях уголовного судопроизводства они представляют собой элемент оценочной деятельности прокурора, анализирующего результаты и средства проверки сообщений о преступлениях, предварительного расследования, законность и обоснованность процессуальных решений не только с точки зрения их соответствия требованиям уголовно-процессуального закона, но и поэтапного использования разработок в области криминалистической методики, в которую интегрированы рекомендации криминалистической техники и криминалистической тактики. Не подлежит сомнению необходимость их профессионального подхода к анализу и оценке заключений экспертов различных специальностей, оценке полноты использования систем уголовной (криминалистической) регистрации.

В приказах Генерального прокурора Российской Федерации от 28.12.2016 № 826 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия», от 26.01.2017 № 33 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания» внимание прокуроров обращается на обязанность своевременной проверки и оценки качества исполнения поручений органов предварительного расследования и использования результатов оперативно-розыскной деятельности. Речь идет о комплексном процессуально-криминалистическом анализе материалов уголовных дел в совокупности с оперативно-розыскными производствами, навыки использования которого, безусловно, необходимы.

Противодействие преступности может быть эффективным только при условии его осуществления профессионально подготовленными кадрами. Это правило учитывается в процессе обучения будущих прокурорских работников на кафедре организации судебной и прокурорско-следственной деятельности Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). При изучении дисциплин «Прокурорский надзор за исполнением законов

в оперативно-розыскной деятельности и в досудебном производстве», «Теория и практика прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений», «Использование возможностей криминалистики и судебной экспертизы в прокурорской деятельности» студенты получают соответствующие базовые знания и приобретают определенные навыки прокурорской деятельности в этом направлении.

Литература

1. Михайлов А.И., Соловьев А.Б., Токарева М.Е. Прокурорский надзор за исполнением законов при раскрытии преступлений: метод. пособие. М., 1988. 176 с.
2. Шагарова М. Вышестоящий прокурор как участник уголовного процесса при рассмотрении ходатайств следователя, дознавателя об отмене решения прокурора о возвращении уголовного дела // Законность. 2018. № 8 (1006). С. 45–46.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ СТРАХОВАНИЯ КАК УГРОЗА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

О.Д. Калашников, канд. юрид. наук, доцент
Е.Л. Шапошников, канд. юрид. наук, доцент
ФГКОУ ВО «Нижегородская академия Министерства
внутришних дел Российской Федерации», г. Нижний Новгород

Аннотация. Рассматриваются и анализируются наиболее распространенные преступления, совершаемые в сфере страхования, представляющие существенную угрозу экономической безопасности.

Ключевые слова: преступления в сфере страхования, мошенничество, автострахование, латентность.

INSURANCE CRIMES AS A THREAT TO THE ECONOMIC SECURITY OF THE RUSSIAN STATE

O.D. Kalashnikov, E.L. Shaposhnikov

Abstract. Discusses and analyzes the most common crimes committed in the insurance sector, which pose a significant threat to the economic security.

Keywords: insurance crimes, fraud, auto insurance, latency.

В результате совершения преступлений в сфере страхования наносится существенный материальный ущерб страховым компаниям. Кроме того, происходит сплочение новых экономических структур с криминальными элементами. Огромная часть доходов, полученных от преступной деятельности, оседает в теневом секторе экономики, создавая значительную угрозу экономической безопасности страны.

В зависимости от субъектов, в интересах которых происходят преступные деяния, выделяют преступления, совершаемые в интересах страхователей, страховщиков, служащих страховых компаний.

В интересах страхователей преступления совершаются самими страхователями либо в сговоре с наемными работниками страховых компаний. Основной целью их мошеннической деятельности выступает незаконное получение страхователями страхового возмещения или обеспечения [3].

Самое большое количество злоупотреблений страхователей происходит в сфере добровольного страхования.

Распространенными видами мошенничества в страховании выступают:

1. Внесение в договор страховой суммы выше реальной стоимости объекта.
2. Соккрытие информации, имеющей существенное значение при заключении договора страхования. Например, наличие хронических заболеваний при страховании жизни и здоровья.
3. Договор страхования имущества заключается уже после свершившегося страхового случая.
4. Страхователь сам совершает действия, которые приводят к наступлению страхового случая, например поджог.
5. Инсценировка страховых случаев [2].

Очень подвержена мошенничеству область страхования средств автотранспорта. Далее идет страхование от пожара, кражи, страхование жизни, здоровья, транспортное и морское страхование.

При личном страховании основными типичными вариантами мошеннических действий являются факты фиктивного оформления несчастных случаев, исправление дат наступления страховых случаев (получения травм и т.п.).

В рассматриваемой сфере наиболее часто регистрируются преступления, предусмотренные ст. 159.5 Уголовного кодекса Российской Федерации.

В сфере автострахования можно выделить следующие наиболее распространенные виды преступлений:

1) мошенничества со стороны страхователей (держателей полисов), связанные с фальсификацией дорожно-транспортных происшествий, условий и обстоятельств наступления страхового случая, в целях получения выплат;

2) изготовление, распространение и использование поддельных полисов;

3) хищения денежных средств страховыми агентами;

4) предоставление в суд подложных документов в указанной сфере;

5) хищения денежных средств в связи со сговором страхователей со страховщиками.

Современными тенденциями преступлений в сфере страхования являются:

1) практика противодействия преступлениям в сфере страхования сфокусирована на выявлении и раскрытии страхового мошенничества (ст. 159.5 УК РФ);

2) преступления в сфере страхования (в том числе сопутствующие мошенничеству) зачастую остаются без должного уголовно-правового регулирования (остаются в разряде «нераскрытых», не выявляются, рассматриваются сквозь призму гражданско-правовых отношений);

3) небольшое количество преступлений, выявляемых по ст. 159.5 УК РФ. Так, за 2018 год на территории Российской Федерации было выявлено 132 преступления (-27,9 %). Наблюдается тенденция к снижению выявления данного преступления. Возбуждено 94 уголовных дела. Это говорит о том, что в рамках отдельных уголовных дел выявлялось несколько эпизодов противоправной деятельности;

4) группой лиц по предварительному сговору совершено 23 преступления, предусмотренного ст. 159.5 УК РФ. Наблюдается тенденция к существенному снижению групповой преступности на 53,1 % по отношению к аналогичному показателю предыдущего года.

Организованной группой либо преступным сообществом совершено 13 преступлений. Наблюдается рост на 8,3 % по отношению к аналогичному показателю предыдущего года. В данном случае можно отметить, что чаще всего преступление, предусмотренное ст. 159.5 УК РФ, совершается в одиночку.

Групповые мошенничества в сфере страхования характеризуются достаточно примитивным содержанием группового характера преступной деятельности: такие группы, как правило, состоят из мошенников-дилетантов, складываются стихийно;

5) прецеденты эффективного уголовного преследования субъектов организованного и организованно-коррупцированного мошенничества в сфере страхования являются единичными;

6) большой размер нанесенного материального ущерба. За 2018 год размер нанесенного материального ущерба в результате совершения преступлений, предусмотренных ст. 159.5 УК РФ, составил 105638000 рублей. Наблюдается тенденция к существенному росту нанесенного материального ущерба на 37,2 % по отношению к аналогичному показателю предыдущего года;

7) наблюдается тенденция к существенному увеличению количества выявленных лиц, совершивших преступления, предусмотренные ст. 159.5 УК РФ. За 2018 год выявлено 87 лиц, совершивших данные преступления (+45 %). Из 87 лиц привлечено к уголовной ответственности – 61 (+24,5 %).

Практически половина лиц совершает данное преступление в крупном или особо крупном размере либо причиняет крупный ущерб. Из 94 возбужденных уголовных дел 48 преступлений совершены в крупном или особо крупном размере либо причинили крупный ущерб (+6,7 %);

8) высокая латентность рассматриваемого преступления [1. С. 92]. Далеко не все преступления, совершаемые в сфере страхования, попадают в материалы уголовной статистики;

9) не по всем выявленным преступлениям, предусмотренным ст. 159.5 УК РФ, устанавливаются лица, совершившие данные преступления.

Литература

1. Козаченко И.Я., Корсаков К.В. Криминология: учебник и практикум для бакалавриата и специалитета. М., 2018. С. 92.
2. Мошенничество в сфере страхования. URL: <http://ipopen.ru/moshennichestvo/moshennichestvo-v-sfere-strahovaniya.html> (дата обращения: 11.01.2020).
3. Основные виды преступлений в сфере страхования. URL: https://vuzlit.ru/144246/osnovnye_vidy_prestupleniy_sfere_strahovaniya (дата обращения: 27.01.2020).

ВВЕДЕНИЕ ПОНЯТИЯ «УГОЛОВНЫЙ ПРОСТУПОК» КАК СРЕДСТВО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАКОННЫХ ПРАВ ГРАЖДАН РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

А.Р. Каримова, ст. специалист

Управление Федеральной службы судебных приставов
по Ульяновской области, г. Ульяновск

Аннотация. Обосновывается необходимость законодательного закрепления категории уголовного проступка в уголовном законодательстве Российской Федерации на основании анализа социальной обусловленности такого решения. Среди факторов, социально обуславливающих необходимость законодательного закрепления категории уголовного проступка, следует отметить то, что применение понятия уголовного проступка даст возможность скорейшего разрешения уголовных дел в виде упрощенного процесса, разгрузит суды для рассмотрения более тяжких дел, что возможно даст результат в виде более качественного рассмотренных дел, пенитенциарные учреждения будут подвергнуты меньшим нагрузкам.

Ключевые слова: уголовный проступок, меры уголовно-правового характера, отсутствие судимости, преступление, судимость.

INTRODUCTION OF THE CONCEPT OF «CRIMINAL OFFENSE» AS A MEANS OF ENSURING THE LEGITIMATE RIGHTS OF CITIZENS OF THE RUSSIAN FEDERATION

A.R. Karimova

Abstract. The article substantiates the need for legislative consolidation of the criminal offense category in the criminal legislation of the Russian Federation on the basis of an analysis of the social conditionality of such a decision. Among the factors that make it socially necessary to legislate the category of criminal offense, it should be noted that the application of the concept of criminal offense will enable the speedy resolution of criminal cases, in the form of a simplified process, to re-

lieve the courts to deal with more serious cases, which may result in a higher quality of the cases examined, prisons will be subjected to less stress.

Keywords: criminal act, criminal-legal measures, lack of criminal record, crime, criminal conviction.

31 октября 2017 г. всю страну всколыхнула новость о возможном введении нового типа противоправного действия – уголовного проступка. Верховный Суд Российской Федерации предполагает, что лица, впервые совершившие уголовный проступок, будут освобождаться судом от уголовной ответственности с применением мер уголовно-правового характера. Вообще идея выделения уголовного проступка не нова. Такое понятие уже давно используется в законодательстве многих стран (ФРГ, Франция, Италия, Австрия, Швейцария и др.), и периодически этот вопрос поднимается и в нашей стране.

Мы выявили основные причины постоянного возвращения к этому вопросу.

Во-первых, это снизит нагрузку на суды, так как количество дел, которые они будут рассматривать, значительно уменьшится.

Во-вторых, это значительно облегчит работу исправительных учреждений. Наше государство ежегодно тратит огромные денежные суммы на содержание СИЗО, исправительных колоний и т.д. Однако далеко не все преступления представляют большую опасность для общества. Как отмечает О.В. Корнеева, иногда лучше приговорить преступника к штрафу или обязательным работам, чем заключать в тюрьму и тратить на него средства из бюджета, которые можно было бы потратить на куда более важные нужды страны [1. С. 32].

В-третьих, причиной является низкая социализация осужденных. В настоящее время тюрьма – это «клеймо» на всю жизнь. Мало того, что их не хотят брать на работу, отказывают в кредитах и смотрят с опаской, это еще и вредит их родным, которым, например, закрыта дорога в правоохранительные органы.

В пояснительной записке к законопроекту говорится, что более 40 тысяч людей в 2016 г. были осуждены за «преступления, не представляющие большой общественной опасности». По мнению Н.В. Максимова, введение этого нового понятия сможет частично решить данную проблему [4. С. 361]. Так как

в связи с этим человек не будет считаться привлекавшимся к уголовной ответственности, то, соответственно, у него не будет и судимости.

На наш взгляд, уголовный проступок – это нечто среднее между административным правонарушением и преступлением. Верховный Суд рассматривает его как новый элемент концепции уголовно-правовой политики Российской Федерации. Законодательство на современном этапе характеризуется излишней криминализацией. В течение пяти лет суд рассматривал дела в отношении 5 миллионов граждан, 55 % из которых приходились на преступления небольшой тяжести [2. С. 468].

Нужно ли применять меры к лицам, которые впервые оказались перед судом или дать им возможность осмыслить свои действия и искупить поступок, потому что результатом является не само наказание, а его негативные последствия для самого осужденного (социальные ограничения, ограничение права на профессию, на выезд за границу и др.) и его близких родственников?

В. Лебедев отмечает, что «уголовный проступок нужен для того, чтобы у осужденного не было “балласта” в виде судимости и стало больше возможностей для социальной адаптации после осуждения». Председатель Верховного Суда России считает, что «это поможет не калечить судьбу человека, который еще может встать на путь исправления. Введение данного понятия значительно разгрузит нашу судебную систему и облегчит работу правоохранительным органам» [3].

Данный законопроект преподносится как гуманизация уголовной ответственности. Однако в данном случае не идет речь о том, чтобы данные деяния не считать преступлениями. Они остаются ими [6. С. 406]. Как считают ряд ученых, если гражданин впервые совершил преступление небольшой тяжести, которое не представляет большой общественной опасности, достаточно применить в отношении него меры уголовно-правового воздействия, например, штраф, который начисляется в доход государства, исправительные либо обязательные работы, а затем, если он повторно совершил преступление, то имеет место привлечение его к уголовной ответственности. И его биография

не искажается таким отрицательным последствием, как судимость [7. С. 440].

Можно назвать такое обновление законодательства «не только обоснованным, но и необходимым». Оно позволит оступившимся людям «почувствовать неизбежность наказания, не получая вытекающего (из уголовной ответственности) поражения в правах» [8. С. 68].

В то же время инициатива будет иметь двойственный эффект: ее, безусловно, положительно оценят граждане, которые «случайно оступились или оступятся в уголовно-правовом отношении». Но она может создать иллюзию безнаказанности и отсутствия общественной опасности [5. С. 271]. Считаем, что уголовные дела небольшой и средней тяжести должны рассматриваться в упрощенном порядке, что даст следствию возможность сосредоточиться на важных делах – на более тяжких преступлениях. А судам это позволит повысить качество судопроизводства.

Е.В. Рогова провела интересное исследование по изучению мнения сотрудников правоохранительных органов по ряду вопросов, касающихся введения категории уголовных проступков. Для проведения исследования была разработана анкета. Е.В. Рогов в качестве опрашиваемых анкетировал судей, следователей ОВД и СУ СК, дознавателей ОВД, начальников полиции, оперативных уполномоченных полиции и участковых уполномоченных полиции со стажем работы в органах более 10 лет. Проведенный анализ показал, что 64 % опрошенных поддерживают идею законодательного закрепления уголовных проступков, 29 % – не согласны с данным предложением, 7 % – остались равнодушны к опросу.

Изучив данную тему, мы пришли к выводу, что применение понятия уголовного проступка даст возможность скорее всего разрешения уголовных дел в виде упрощенного процесса. Вполне возможно, что в связи с тем, что не нужно будет возбуждать уголовные дела, различные подразделения правоохранителей перестанут перенаправлять друг другу заявления о преступлении для принятия по ним процессуального решения.

Кроме того, большую часть преступлений по «мелкоуголовным» статьям совершают либо граждане, далекие от пре-

ступного мира, либо маргиналы. Процесс реабилитации лиц данной категории без применения мер принудительного труда не дает результата. Получается, что в случае перевода ряда мелких преступлений в категорию уголовных проступков, при сохранении репрессивных мер в виде принудительных работ и штрафов и непомещения данных лиц в учреждения для отбывания наказания государство избавится от потенциальных преступников, которых порождает наша уголовно-исполнительная система. Введение категории уголовного проступка будет являться одним из значительных шагов на пути решения обозначенных проблем.

Литература

1. Корнеева О.В., Зиновьева Л.Г. Общественная безопасность современной России и международная миграция // Правовые и нравственные аспекты обеспечения безопасности личности и государства на современном этапе политических и экономических санкций: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф.: в 2 ч. Чебоксары, 2016. С. 32–36.

2. Корнеева О.В., Урачаев М.Н. Прокурорский надзор: понятие и сущность функций прокуратуры // Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики: сб. материалов 4-й Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2014. С. 468–472.

3. Лебедев В.М. Чиновник перед высшим судом. Вячеслав Лебедев: мы поддержим гражданина в споре с бюро кратом: интервью председателя Верховного Суда Российской Федерации // Рос. газета. 2008. № 4803.

4. Максимов Н.В. О достоинствах и недостатках таблицы А. Бертильона для определения роста преступника по следу обуви // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: сб. материалов XXI Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 2016. С. 361–365.

5. Максимов Н.В. Применение средств и методов криминалистической техники как конституционная гарантия соблюдения прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве // Конституция Российской Федерации как гарант прав и свобод человека и гражданина при расследовании преступлений: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф.: в 3 ч. М., 2013. С. 271–274.

6. Максимов Н.В., Кузьмин Ю.А. Проблема истины при вероятностном выводе судебной экспертизы // Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики: сб. материалов 4-й Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2014. С. 406–409.

7. Максимов Н.В., Маркелов А.Г., Саливаров В.Я. Некоторые проблемы соблюдения прав и законных интересов потерпевшего в компромиссных процедурах уголовного судопроизводства России // Трансформация социальных систем: проблемы и поиски путей решения: сб. науч. тр. по материалам всерос. науч.-практ. конф (с междунар. участием). Ковылкино, 2017. С. 440–442.

8. Чулахов В.Н. Криминалистическое значение и особенности исследования навыков изготовителя самодельного огнестрельного оружия // Вестн. криминалистики. 2000. № 1. С. 68–71.

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ ОСУЖДЕННЫХ, ЛИШЕННЫХ СВОБОДЫ

Ф.И. Кевля, д-р пед. наук, профессор
ФКУ «Научно-исследовательский институт
Федеральной службы исполнения наказаний», г. Москва

Аннотация. Рассмотрены ценностные ориентации лиц, находящихся в местах лишения свободы. Большинство исследований подтверждают факт деформации структуры ценностных ориентиров лиц, лишенных свободы. Именно те ценности, которые обеспечивают индивидуальное существование, являются для них наиболее значимыми.

Ключевые слова: осужденные, места лишения свободы, ценности, ценностные ориентации, нравственные ценностные ориентации.

VALUE ORIENTATIONS OF CONVICTED PRISONERS

F.I. Kevlya

Abstract. Deals with the value orientations of persons in prison. Most studies confirm the fact that the structure of value orientations of persons deprived of liberty is deformed. It is the values that ensure individual existence that are most important to them.

Keywords: convicts, places of deprivation of liberty, values, value orientations.

Действительность нашего общества характеризуется измененным состоянием всех сфер общественной жизни, в частности, переосмысление происходит и в системе ценностей. Поэтому сложные вопросы ориентации лиц, осужденных судом, на нравственные ценности не становятся менее актуальными. Понятие «ценность» является общенаучным, его содержание в работах философов звучит как «явление природы и общества» (В.П. Тугаринов); «форма отношения объекта и субъекта» (О.Г. Дробницкий); «акт взаимодействия субъекта и объекта» (В.А. Василенко) и отмечается такими признаками, как целесообразность, значимость, направленность, нужность, заинтересованность, необходимость, полезность [1].

На ценности-регуляторы человек ориентируется в своем поведении или когда принимает решение. Личностную «систему координат», или систему ценностных ориентаций (ЦО), индивида определяют важнейшие его ценности, представляющие собой важнейшие потребности человека, его устремления, желания и потребности как важнейшие личные ценности и цели жизни. ЦО – это основа формирования нравственных идеалов, становления личностной самооценки, целей жизненного пути. Диалектику единичного, особенного и общего отражает система ценностей каждой духовно развитой личности.

Нравственные ценности рассматриваются как нормы и правила поведения человека, которые стали общепринятыми для всех людей: вера, дружба, надежда, любовь, бескорыстие, честность, ответственность и др. Вместе с тем они имеют свое выражение у каждого народа, отличаются у лиц разных социальных слоев и поколений, а также у каждой отдельной личности [2]. Нравственные ценности отражаются в деятельности человека, его отношении к другому человеку. При этом совесть регулирует и контролирует поведение человека, поэтому для оценки нравственной воспитанности важно знать, почему человек имеет то или иное отношение и почему совершен данный поступок.

Изучение ЦО лиц, находящихся в местах лишения свободы, проводилось исследователями Г.Д. Андрюшиным, Ю.А. Алферовым, А.С. Михлиным, В.Ф. Пирожковым и др. Выявленные ЦО лиц, лишенных свободы, могут помочь понять, каким именно ориентирам они придают наибольшее значение. Исследование показало, что в числе важных – ориентация на высокий социальный статус, власть над людьми, получение удовольствия, эмоциональность жизни. Менее значимыми выступают ЦО на беспокойство о благополучии близких людей. У большинства испытуемых были отмечены склонности к агрессивному поведению. В пенитенциарных учреждениях на ЦО осужденных влияет как характер совершенного преступления, так и число судимостей. При этом важно учитывать срок наказания и вид режима. Особенности ЦО связываются с влиянием их на поведение осужденных.

Г.Х. Хохряков и В.П. Голубев выявили следующие ЦО лиц, отбывающих наказание: на первом плане стоит свобода, жизнь до отбывания наказания и после выхода на свободу, собственная личность, справедливость и семья. На втором плане выделяются такие ценности, как друзья, профессия, труд, учеба [3]. Свобода в условиях лишения свободы является ценностью для всех и служит условием для достижения других ценностей. Так, например, труд воспринимается как принудительный, что вызывает протест, способствует накоплению агрессии. Вместе с тем «обычный для колонии монотонный, тяжелый труд может приобрести для осужденного неожиданную для первого взгляда ценность. Перед условно-досрочным освобождением осужденные стараются хорошо работать, так как труд считается показателем исправления. Свобода придает смысл деятельности даже тому, что без нее смысла не имело. Труд для осужденных не ценность, а всего лишь средство для достижения других ценностей и осознается важным, значимым только тогда, когда способствует достижению дорогой для человека цели [3].

Осужденные ценят дружбу и считают, что настоящий друг – это тот, кто тебя понимает, испытан в несчастье, не оставит в беде. Будучи в изоляции, зависимыми от чужой воли, осужденные особенно чувствительны к такой категории, как справедливость. «Все осужденные без исключения выделяют такую ценность, как материальные блага. Материальный достаток – это способ поддержания авторитета в среде осужденных, в нем как бы осуществляется независимость по отношению к режиму. А главное – осуществляется связь с миром свободы» [1].

Семья (прежде всего мать) для большинства осужденных лиц является абсолютной ценностью (87% респондентов), при этом важно ее благополучие. Это дает нам два вывода. Первый – сильное слияние воровского закона (читать родителей, особенно мать). Второй – возможность формирования позитивной системы нравственных ценностей осужденного, опираясь пусть даже и на заявление о любви к матери (при этом многие воспитанники не могут назвать день рождения своей мамы).

В последнее время 29,1 % лиц, отбывающих наказание, ценностью называют материальный достаток; 26,2 % выбирают силу для добывания необходимых средств и притеснения дру-

гих; 18 % назвали семью, а 16,1 % – их положение в исправительном учреждении; жилье (11 %) замыкает ряд. Важной жизненной сферой являются увлечения.

Таким образом, прослеживается деформация в структуре ценностного мира осужденных: те ЦО, которые обеспечивают индивидуальное существование (свобода, материальное благополучие и др.), у осужденных на первом месте, далее следуют ЦО творческого характера, как, например, интересная работа, и в конце – те, что строят социальные отношения (друзья, семейная жизнь и др.). Это обусловлено объективными условиями мест лишения свободы. К тому же ценности и вовсе для личности могут исчезнуть, если они длительное время не имеют возможности реализоваться, так как продолжительное психотравмирующее положение, связанное с невозможностью лишенных свободы реализовать данную ценность, ведет к «эффекту избегания объекта, представляющего ценность» [3]. Это приводит к отчуждению личности от принятых в обществе ЦО, усугубляет дальнейшую ее криминализацию, связано с невозможностью принять нравственные ценности-нормы и нежеланием переосмысливать прожитое, чтобы потом вернуться к правопослушной жизни.

В связи с этим необходимо проводить коррекцию ценностного мира личности, создавать условия и способствовать формированию нравственных ЦО осужденных, находящихся в местах лишения свободы.

Литература

1. Зауторова Э.В. Личность осужденного и сотрудника в воспитательном процессе исправительных учреждений. М., 2018. 108 с.
2. Каган М.С. Философия культуры. СПб., 1996. С. 174.
3. Хохлаков Г.Ф. Парадоксы тюрьмы: проблемы, дискуссии, предложения. М., 1991. С. 50–68.

РЕСОЦИАЛИЗАЦИЯ ПРЕСТУПНИКА КАК ОСНОВА РАННЕЙ ПРОФИЛАКТИКИ РЕЦИДИВА ПРЕСТУПЛЕНИЙ

С.И. Кириллов, д-р юрид. наук, профессор
ФГКОУ ВО «Московский университет Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени В.Я. Кикотя», г. Москва

С.В. Кривошеев, канд. юрид. наук, доцент
ЧОУ ВО «Московский университет имени С.Ю. Витте», г. Москва

Аннотация. Рассматриваются основные проблемы, возникающие в работе учреждений уголовно-исполнительной системы при ресоциализации осужденных, использовании криминологических методов в процессе ресоциализации как основы ранней профилактики рецидивной преступности.

Ключевые слова: осужденный, исправительное учреждение, ресоциализация, исправление, рецидив.

RESOCIALIZATION OF THE CRIMINAL AS A BASIS FOR EARLY PREVENTION OF RECIDIVISM

S.I. Kirillov, S.V. Krivoscheev

Abstract. This research is devoted to the main problems that arise in the work of institutions of the criminal Executive system when resocializing convicts, the use of criminological methods in the process of resocialization, as a basis for early prevention of recidivism.

Keywords: convict, correctional institution, re- socialization, correction, recidivism.

В науке разработана общая теория, раскрывающая процесс формирования человека в обществе, обозначаемая понятием «социализация личности». Она позволяет по-иному взглянуть на процесс воспитания человека, учитывать дополнительные способы воздействия на него. А.М. Яковлев указывает, что социализация индивида и его воспитание, хотя и взаимосвязанные категории, но вместе с тем они отличаются от более общего процесса социализации индивида своей сознательностью. Процесс социализации – это в значительной степени объективный процесс [5. С. 130]. Если процесс социализации – это процесс взаимодействия личности и социальной среды, то воспитание есть в большей мере средство, инструмент социализации. Таким образом, личность формируется одновременно в процес-

се реального поведения в обществе и при целенаправленном воспитывающем воздействии на него общества.

Данный вывод важен для понятия соотношения процессов ресоциализации и исправления, реализация которых возможна в отношении лиц, совершивших преступление. Мы придерживаемся позиции ученых, которые считают, что ресоциализация осужденных похожа на социализацию, имеет лишь некоторые отличия несущественного характера. Так, Ю.В. Баранов указывает, что процесс ресоциализации не должен резко отделяться от процесса социализации, поскольку в противном случае может произойти не только извращение понятия ресоциализации осужденных, но и его прямое противопоставление процессам социализации, имеющим место в обществе [2. С. 42].

Здесь важно понять, что процесс ресоциализации основывается на реальном поведении преступника в обществе, а органы, исполняющие наказание, лишь способны пробудить у него желание менять свои установки, ориентиры, корректировать старые и создавать новые.

Используя императивный метод регулирования общественных отношений, возникающих после совершения преступления, государство в этом процессе в большей мере опирается на принудительные средства ресоциализации, которые заложены в нормах уголовно-исполнительного права. Принуждение к исправлению через режимные требования выступает как право государства подчинять все достижению целей наказания. Таким образом, представление о ресоциализации в местах принудительного содержания оказались встроенными в систему привычных оценок, посредством которых традиционно характеризуется сущность и содержание деятельности по исправлению преступников [4. С. 117].

Действующее законодательство предоставляет возможность органам уголовно-исполнительной системы применять средства исправления с учетом вида наказания, характера и степени общественной опасности совершенного преступления, личности осужденных и их поведения (ст. 9 УИК РФ) [1]. Не учитываются при этом: причины и условия совершенного преступления, восприимчивость к исправлению, окружающая среда до и после отбытия наказания, отношение осужденных к наказанию и др.

Самое главное в процессе ресоциализации – это предоставление возможности преступнику вновь приобщиться к социальным нормам поведения, поддержать его социальную реадмиссию, устранить причины преступления, восстановить его социально-полезные связи, помочь адаптироваться к устойчивому правопослушному поведению, т.е. создать необходимые условия его непроступного поведения.

Апеллирование норм права только к исправлению как процессу, связанному с формированием у осужденных уважительного отношения к человеку, обществу, государству, исходит из классических начал понимания процессов, происходящих при исполнении наказания. В настоящее время лишению свободы отводится несколько функций, основной из которых является функция ресоциализации.

В последние годы руководством уголовно-исполнительной системы предпринимаются успешные попытки развивать в исправительных учреждениях центры социальной реабилитации. Работают программы по обучению осужденных, готовящихся к освобождению, в «школах по подготовке к освобождению», перевод осужденных в облегченные условия содержания перед освобождением (создаются соответствующие бытовые условия: деревянные кровати, размещение по двое-трое, занавески на окнах и др.). Развиваются альтернативные виды наказания. Так, расширяется практика применения исправительных центров для исполнения наказания в виде принудительных работ.

В исправительных учреждениях существуют социальные работники, которые осуществляют работу по подготовке осужденных к освобождению с первых дней пребывания осужденного в колонии. Организуют тесное взаимодействие с органами местного самоуправления, правоохранительными органами, службами занятости и социальной защиты населения, социальные работники решают вопросы получения осужденными пособий, пенсий, документов, дающих право на льготы, восстановления родственных связей, трудового и бытового устройства после освобождения, оказания помощи инвалидам и т.п.

Также в исправительных учреждениях большие полномочия возлагаются на психологические службы, штат которых был значительно расширен в начале 2000-х годов. В ст. 12 УИК РФ

определено право осужденных на психологическую помощь. Психологи оказывают существенное влияние на воспитательный процесс.

Ресоциализация как разновидность процесса социализации предполагает включение бывшего осужденного в общественную жизнь, его полную социальную адаптацию. Социальная адаптация – характерный, существенный признак ресоциализации, по которому ее можно отличить от исправления. Исправление осужденного может быть завершено в соответствии с нормами права, а ресоциализация – нет. Поэтому ошибочно считать исправление осужденного единственным критерием избавления от рецидива преступлений. Поскольку само исправление носит оценочный и порой временный характер: так, осужденный, готовящийся к освобождению (имеющий положительную, законопослушную установку), искренне верит в свое исправление, но спустя некоторое время вне исправительного учреждения его взгляды под воздействием объективных и субъективных факторов могут измениться.

Исследователи, изучающие проблему постпенитенциарного поведения лиц, отбывших наказание, приходят к выводу, что возврат к законопослушному поведению происходит в результате своевременной социализации, а не исправления. В связи с этим цель наказания должна быть сформулирована в уголовно-исполнительном кодексе не как исправление осужденных, а их ресоциализация [3. С. 15].

По нашему мнению, процесс ресоциализации выходит на более высокий уровень предупреждения рецидивной преступности – социально-криминологический, который не ограничивается частным предупреждением преступлений, а решает проблемы нейтрализации различных кримиогенных факторов, влияющих на социализацию лица, ранее нарушившего норму уголовного закона. Данное суждение вполне соответствует идее, что с позиции борьбы с рецидивной преступностью криминология выступает как социология уголовно-исполнительного права.

При уголовно-правовом и пенитенциарном объеме изучения личности остаются неисследованными социально-психологические причины совершения преступления, преступные связи осужденного, кримиогенная микросреда, неблагоприятные ус-

ловия адаптации после освобождения. Используя криминологический аспект при исследовании преступника, его следует рассматривать с различных позиций: во взаимосвязи с другими людьми, как часть общества со сложной структурой, распределением ролей, как многоаспектную личность.

Следует выделить следующие компоненты, структурно составляющие ресоциализацию осужденных:

- научная классификация и распределение осужденных в исправительных учреждениях;
- обеспечение надлежащих условий содержания осужденных;
- налаживание социально-полезных связей осужденных с семьей, родственниками, друзьями;
- помощь в разрешении личных бытовых нужд, гражданско-правовых сделках;
- обеспечение осужденных востребованными рабочими специальностями;
- обеспечение возможности трудиться в условиях изоляции от общества;
- предупреждение негативного влияния бывшего социального окружения, преступных групп;
- нейтрализация негативного влияния тюремной субкультуры;
- возможность получения образования (в том числе и высшего);
- подготовка осужденных к освобождению;
- решение проблем социальной адаптации после освобождения.

В целом криминологический подход к проблеме ресоциализации позволяет:

- не ограничиваться средствами воздействия на осужденного;
- не рассматривать внутриличностные побуждения как доминирующую причину неисправимости преступника, учитывать объективные причины, приведшие к преступлению, среду правонарушителя и воздействовать на них;
- использовать широкий спектр средств воздействия на личность осужденного (социальные, профилактические, психологические, педагогические);

– осуществлять процесс воздействия на преступника не только в системе уголовной юстиции, но и за ее пределами;

– привлекать к предупреждению рецидивных преступлений различных субъектов и объединять их усилия в нужном направлении.

Также криминологический подход позволяет по-другому взглянуть на многие аспекты процесса ресоциализации. Так, может быть проведена классификация осужденных не только на основе уголовно-правовых и пенитенциарных, но и на социально-криминологических критериев. С точки зрения достижения результатов ресоциализации важно при распределении осужденных по исправительным учреждениям и отрядам внутри них учитывать способность этого человека влиять на других; психологическую готовность к исправлению, либо нежелание менять свой образ жизни и поведение; степень влияния на родственников, друзей, знакомых, прежнего криминального окружения; результаты воспитательного воздействия администрации СИЗО (если применялась мера пресечения в виде заключения под стражу).

При решении вопроса о досрочном освобождении необходимо учитывать не только наличие условий и оснований, указанных в законе, но и социальные и криминологические факторы, а именно: готовность вести законопослушный образ жизни, умение вести себя в общественных местах, не употреблять наркотические средства, не злоупотреблять алкоголем, взаимоотношения в семье, влияние и отношение среды будущего проживания, условия социальной адаптации и готовность к ней: наличие жилья, работы, желание продолжить обучение и т.д. Указанные факторы могли бы значительно конкретизировать материальное основание применения условно-досрочного освобождения, предусмотренные ст. 79 УК РФ.

Таким образом, следует активнее внедрять и развивать в практической деятельности средства ресоциализации осужденных, отбывших наказание в виде лишения свободы, в общественную жизнь, создающие реальные возможности их реинтеграции. Для этого следует пересмотреть отношение к средствам исправления, подготовке осужденных к освобождению в местах лишения свободы с момента его поступления в исправительную

колонию и до освобождения. Пенитенциарные способы воздействия должны выходить за пределы уголовно-правовой и уголовно-исполнительной природы, а ресоциализация преступника должна стать основным процессом, в котором могли бы быть объединены карательные, воспитательные, предупредительные и социальные меры.

Литература

1. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 27.12.2019) // СЗ РФ. 1997. № 2. Ст. 198. URL: <https://base.garant.ru/1306500/> (дата обращения: 20.03.2020).

2. Баранов Ю.В. Стадии ресоциализации осужденных в свете новых социолого-антропологических воззрений в социальной философии. СПб., 2006. С. 42.

3. Павленко О.В. Постпенитенциарное поведение лиц, отбывающих наказание за корыстные преступления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2003. С. 15.

4. Южанин В.Е., Кириллов С.И., Бабунов В.Ю. Раннее предупреждение постпенитенциарного рецидива преступлений (уголовно-правовой и уголовно-исполнительные аспекты). Коломна, 2011. С. 117.

5. Яковлев А.М. Теория криминологии и социальная практика. М., 1985. С. 130.

ЮРИДИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ СЕМЕЙ, ИМЕЮЩИХ ДЕТЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ, В УСЛОВИЯХ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ¹

О.В. Кириллова, д-р пед. наук, профессор
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет
имени И.Н. Ульянова», г. Чебоксары

Т.В. Кириллова, д-р пед. наук, профессор,
главный научный сотрудник

ФКУ «Научно-исследовательский институт
Федеральной службы исполнения наказаний», г. Москва

Аннотация. Рассматриваются проблемы юридического сопровождения семей, имеющих детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ), приводятся нормативные документы, обеспечивающие этот процесс. На основе

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-013-00765.

анализа опыта даются рекомендации по организации инклюзивной образовательной среды для детей с ОВЗ.

Ключевые слова: юридическое сопровождение, дети с ОВЗ, инклюзивное образование.

LEGAL SUPPORT FOR FAMILIES WITH CHILDREN WITH DISABILITIES IN INCLUSIVE EDUCATION

O.V. Kirillova, T.V. Kirillova

Abstract. The article deals with the problems of legal support for families with children with disabilities, and provides normative documents that ensure this process. Based on the analysis of experience, recommendations are given for the organization of an inclusive educational environment for children with disabilities.

Keywords: legal support, children with disabilities, inclusive education.

Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» на законодательном уровне закрепил новый этап развития образования. С 1 сентября 2016 г. планомерно вводится Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования (ФГОС НОО) обучающихся с ОВЗ, в котором отражена возможность выбора обучающимися разнообразных форм обучения, том числе инклюзивное образование.

К сожалению, все больше становится детей с задержкой психического развития (ЗПР). В силу различных этиологических факторов (органической и/или функциональной недостаточности центральной нервной системы, зачастую отягощенной хроническими соматическими заболеваниями, неблагоприятными условиями воспитания и др.) детям данной группы свойственны недостаточные познавательные способности, выраженные в разной степени специфические расстройства психологического развития (школьных навыков, речи), а также нарушения в организации учебной деятельности и/или поведения.

Анализ статистических данных показывает, что 50 % детей с диагнозом ЗПР проходят обучение в обычных классах общеобразовательных школ. Это вызывает ряд трудностей как у педагогов, так и у самих обучающихся. В 2018/19 учебном году в России было 117 специальных образовательных организаций для детей с ЗПР, в них обучались 19395 детей; 7020 коррекционных классов при общеобразовательных организациях

(72593 школьника с ЗПР). 95663 школьника с ЗПР учились в массовых классах (АППГ (2016/17 учебный год – 76626) [11]. Налицо тенденция роста потребности в инклюзивной образовательной среде.

Особые образовательные потребности детей с ЗПР касаются не столько обучения, сколько сферы жизненной компетенции [2]. Исследования Института коррекционной педагогики РАО, направленные на прогнозирование тенденций и рисков развития образовательной системы для детей с ОВЗ, показали опасность сокращения объемов специализированной помощи, оказываемой таким детям, из-за тотального внедрения инклюзивных форм образования [3].

Мы согласны с мнением Е.В. Нечаевой, которая утверждает, что «главной особенностью развития отечественного законодательства об уголовной ответственности несовершеннолетних является постепенное увеличение возраста привлечения к уголовной ответственности несовершеннолетних и принятие во внимание специфики данной категории граждан. С каждым принятым нормативно-правовым актом в отношении несовершеннолетних законодатель учитывает все больше нюансов, связанных с особенностью личности несовершеннолетнего правонарушителя, тем самым увеличивая число мер, невозможных для применения их по отношению к подросткам. Это говорит о позитивных тенденциях развития уголовного права в отношении несовершеннолетних, о гуманизации всего государственно-общественного механизма борьбы с преступностью несовершеннолетних. Государственная политика обратила вектор развития на предупреждение правонарушений, совершаемых несовершеннолетними, и гуманные меры, направленные на позитивное изменение их личности» [8. С. 132].

Э.Ю. Латыпова считает, что «проблема гуманизации условий отбывания наказания в местах лишения свободы напрямую связана с увеличением количества осужденных инвалидов и осужденных лиц пожилого возраста» [5. С. 356].

Приведем результаты анализа послешкольной социализации подростков с ЗПР, обучавшихся в условиях «стихийной» инклюзии: 9,5 % выпускников массовых школ уже имели три и более судимости; 12 % привлекались к уголовной ответственности.

сти; 28,5 % задерживались за хулиганство, антиобщественные действия, употребление наркотических средств и только 33 % (из них 14 % юношей) вели себя социализировано. Среди выпускников СКОШ VII вида 67,5 % не имели проблем с законом, 20 % задерживались за административные правонарушения, а 12,5 % привлекались к уголовной ответственности, но на момент проведения исследования ни один еще не попал в места лишения свободы: им были назначены условные наказания. В группе выпускников без отклонений в развитии цифры были достоверно ниже: проблемы с законом обнаружались у 13 % подростков, к уголовной ответственности привлекались 8 % выпускников [4].

Конечно, для всех очевидно, что в случае совершения преступления и получения судимости у ребенка с ОВЗ возникнет больше проблем в реабилитации, адаптации и ресоциализации, нежели чем у здорового преступника. Поэтому преступность детей с ОВЗ необходимо предупреждать и по возможности предотвращать [6, 9, 10]. Для родителей ребенка, обучающегося в условиях инклюзии, обязательно должна быть предусмотрена помощь в разьяснении причин трудностей ребенка и необходимости его эмоциональной поддержки, выбора адекватного и конструктивного стиля общения; обучение определению признаков утомления, ознакомление с приемами снятия психоэмоционального напряжения и правильного планирования режима дня; обучение специальным приемам коммуникации, способствующим осмыслению и усвоению ребенком правил поведения в разных социальных ситуациях и с людьми разного социального статуса [1].

Мы можем сделать вывод о том, что семье ребенка с особыми образовательными потребностями необходима юридическая поддержка, которая обосновывается рядом законов и нормативных актов обеспечения инклюзивного образования. Перечислим некоторые из них:

– Федеральный закон Российской Федерации «Об образовании в Российской Федерации» № 273-ФЗ (в ред. федеральных законов от 07.05.2013 № 99-ФЗ, от 23.07.2013 № 203-ФЗ);

– Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 19.12.2014 № 1598 «Об утверждении федерально-

го государственного образовательного стандарта начального общего образования обучающихся с ограниченными возможностями здоровья»;

– Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 19.12.2014 № 1599 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта обучающихся с умственной отсталостью (интеллектуальными нарушениями)»;

– Письмо Министерства образования и науки Российской Федерации от 07.06.2013 «О коррекционном и инклюзивном образовании детей»;

– Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 20.09.2013 № 1082 «Об утверждении Положения о психолого-медико-педагогической комиссии»;

– Письмо Министерства образования и науки Российской Федерации от 18.04.2008 № АФ-150/06 «О создании условий для получения образования детьми с ограниченными возможностями здоровья и детьми-инвалидами»;

– Письмо Министерства образования Российской Федерации от 27.03.2000 № 27/901-6 «О психолого-медико-педагогическом консилиуме образовательного учреждения» и др.

Кроме этого, при поступлении в общеобразовательную организацию обучающегося с ОВЗ определенной категории необходимо заключить договор с родителями обучающегося с ОВЗ, предусмотрев возможные риски, связанные с обучением и развитием конкретного ребенка. При выполнении условий настоящего договора стороны руководствуются законодательством Российской Федерации.

Мы считаем, что в настоящее время знание законов, законодательных и нормативных актов совершенно необходимо как работникам образования, так и родителям ребенка, имеющего особые образовательные потребности.

Для того чтобы решить эту проблему, у нас есть несколько возможностей:

– повышение квалификации педагогов-психологов, социальных педагогов в области конкретной области юриспруденции;

– формирование готовности студентов – будущих педагогов-психологов, социальных педагогов, тьюторов к юридиче-

скому сопровождению семей, имеющих ребенка с особыми образовательными потребностями;

– заключение договора между образовательной организацией и юристом, по оказанию юридической помощи по сопровождению семей, имеющих детей с ОВЗ в условиях инклюзивного образования.

Литература

1. Бабкина Н.В. Инклюзивное образование детей с задержкой психического развития: предпосылки и условия реализации // Альманах Института коррекционной педагогики. 2018. № 34. URL: <https://alldef.ru/ru/articles/almanac-34/inclusive-education-of-children-with-delay-of-mental-development-prerequisites-and-conditions-of-implementation> (дата обращения: 11.03.2020).

2. Бабкина Н.В. Психологическое сопровождение младших школьников с задержкой психического развития: дис. ... д-ра психол. наук. М., 2017. 263 с.

3. Доклад Правительства Российской Федерации Федеральному собранию Российской Федерации о реализации государственной политики в сфере образования от 16 окт. 2014 г. № 6929п-П8.

4. Инденбаум Е.Л. К чему приводит стихийная инклюзия // Воспитание и обучение детей с нарушениями развития. 2013. № 4. С. 33–38.

5. Латыпова Э.Ю., Нечаева Е.В. Спорные вопросы содержания принципа гуманизма в уголовном праве // Вестн. Казан. юрид. ин-та МВД России. 2019. Т. 10, № 3. С. 355–360.

6. Нечаева Е.В. Правовые последствия судимости в контексте последних законодательных изменений // Вестн. Рос. ун-та кооперации. 2016. № 1 (23). С. 124–125.

7. Нечаева Е.В. Актуальные вопросы исполнения наказания в виде лишения свободы в лечебно-исправительных учреждениях // *Oeconomia et Jus*. 2017. № 4. С. 28–33.

8. Нечаева Е.В., Алексеева Т.Г. История развития уголовного законодательства в отношении несовершеннолетних в России // Вестн. Рос. ун-та кооперации. 2019. № 4 (38). С. 132–137.

9. Пензев С.В., Нечаева Е.В. Правовое регулирование деятельности по обеспечению социальной адаптации лиц, освобожденных от наказания // Пениitenciарная преступность: уголовно-правовые и криминологические аспекты: сб. материалов Междунар. заоч. науч.-практ. конф. Чебоксары. 2016. С. 340–345.

10. Пензев С.В., Нечаева Е.В. Проблемы социальной адаптации лиц, освобожденных от наказания // Государство и право в XXI веке: актуальные проблемы теории и практики: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары. 2016. С. 210–213.

11. Статистический ежегодник. 2019.

СПЕЦИФИКА НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

В.В. Кладко, аспирант

ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет»,

г. Челябинск

Аннотация. В России набирает обороты современная тенденция преступности. Количество применения огнестрельного и холодного оружия при насильственных преступных посягательствах в отношении несовершеннолетних растёт.

Насильственные преступления в отношении несовершеннолетних напрямую связаны с конфликтами, которые возникают на национальной, религиозной и территориальной почве. Увеличение количества насильственных деяний в сфере быта и досуга связано с чрезмерным употреблением алкоголя и наркотических средств. В чем заключается специфика насильственных преступлений и чем они вызваны? Об этом пойдет речь в данной статье.

Ключевые слова: насильственные преступления, несовершеннолетние, факторы, насильственные посягательства.

THE SPECIFICS OF VIOLENT JUVENILE CRIME

V.V. Kladko

Abstract. Every year, in Russia, unfortunately, the current crime trend is gaining momentum. The number of use of firearms and cold steel with violent criminal attacks against minors is growing.

Violent crimes against minors are directly related to conflicts that arise on national, religious and territorial grounds. The increase in the number of violent acts in the sphere of life and leisure is associated with excessive use of alcohol and drugs. What are the specifics of violent crimes and what causes them. This will be discussed in this publication.

Keywords: violent crimes, minors, factors, violent assaults.

Проблемы, связанные с экономической и политической сферой, всё чаще стали решаться путём проявления насилия, в том числе убийством. Такой метод становится привычным способом решения такого рода задач. Общественно-массовые мероприятия, прежде всего спортивные, всё чаще становятся местами совершения насильственных преступлений и с каждым годом их количество растёт.

Преступное насилие в отношении несовершеннолетних широко проникло в сферы жизни, в область образования, здраво-

охранения, культуры и спорта, в которых оно ранее практически никак не проявлялось. Насилие в первую очередь выступает элементом мотивации, а не только средством достижения криминальной цели, это можно выделить из вышесказанного. Из этого следует, что насильственная преступность в отношении несовершеннолетних – это совокупность преступлений, осуществляющихся с применением физической силы либо угрозой ее применения, психического насилия, имеющих основной целью причинения вреда физическим или моральным благам несовершеннолетнего против его воли.

Чаще всего жизнь и здоровье человека, сексуальная свобода личности и половая неприкосновенность, телесная неприкосновенность, свобода выбора места нахождения, свобода, честь и достоинство личности, а также правильное развитие детей выступают объектами посягательств при насильственных преступлениях.

Так, собранные следственными органами Следственного комитета Российской Федерации по Московской области доказательства признаны судом достаточными для вынесения приговора 18-летней местной жительнице. Она признана виновной в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 111 УК РФ (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью в отношении малолетнего).

Следствием и судом установлено, что 25 ноября 2017 года молодые родители обратились к врачу-неврологу детской поликлиники с жалобами на появление синяков в области скулы у их двухмесячного сына. В ходе осмотра мальчика врачом были установлены множественные телесные повреждения, в том числе перелом левой ноги. Неврологом была вызвана бригада «скорой помощи». Малыш был незамедлительно госпитализирован в реанимационное отделение городской больницы.

При проведении первоначальных следственных действий следователям удалось установить причастность матери, которая накануне из-за внезапно возникшей агрессии нанесла ребенку множественные удары по голове и телу.

В ходе предварительного следствия обвиняемая признала свою вину в полном объеме и раскаялась в содеянном.

Приговором суда девушке назначено наказание в виде пяти лет лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима [1].

Около 9 часов 17 января 2018 года во дворе жилых домов № 96 и 98 по улице Карагандинской города Оренбурга в салоне автомобиля «Тойота Ленд Крузер 200» обнаружены тела 35-летнего предпринимателя и его 7-летнего сына с множественными ножевыми ранениями. По данному факту СУ СКР по Оренбургской области незамедлительно было возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного п. «а, в» ч. 2 ст. 105 УК РФ (убийство).

Следствием рассматриваются различные версии произошедшего, в том числе, что убийство связано с профессиональной деятельностью потерпевшего либо произошло из-за личной неприязни [2].

К определяющим факторам насильственных посягательств относятся следующие:

- неблагоприятное материальное положение и жилищные условия;

- агрессивное поведение и проявление действий насильственного характера в качестве разрешения конфликтных ситуаций;

- насилие с целью удовлетворения потребностей психологического рода: злобы, чувств неприязни, ненависти, мести и т.д.;

- безнравственное, легкомысленное, противоправное поведение потерпевших;

- конфликтные взаимоотношения в семье, с соседями, сослуживцами, одноклассниками;

- безразличное отношение граждан на факты применения насилия и хулиганства, а также иного противоправного и аморального поведения;

- недостаточно индивидуальный подход к профилактике лиц, поведение которых указывает на возможность совершения насильственных преступлений;

- недостатки деятельности органов образования, культуры, здравоохранения в нравственном и половом воспитании подростков и молодежи.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что в общественном сознании насильственные посягательства в отношении несовершеннолетних ассоциируются с понятием «преступность», поэтому от того, как они пресекаются и предупреждаются, во многом зависит отношение общества к правоохранительным органам и оценка их деятельности. Уровень образования населения в целом значительно выше уровня образования насильственных преступников.

Совершение конкретного преступления является результатом взаимодействия образовавшихся под воздействием неблагоприятных жизненных условий негативных нравственно психологических свойств личности.

Литература

1. В Московской области вынесен приговор женщине, признанной виновной в причинении тяжкого вреда здоровью своему новорожденному ребенку. URL: <https://sledcom.ru/news/item/1294614/?to=&from=&type=news&date=> (дата обращения: 03.02.2020).

2. Александр Бастрыкин поставил на контроль в центральном аппарате СКР расследование уголовного дела по факту убийства бизнесмена и его малолетнего сына в Оренбургской области. URL: <https://sledcom.ru/news/item/1196452/?type=news&region=66> (дата обращения: 03.02.2020).

ВОПРОСЫ СОДЕРЖАНИЯ УГОЛОВНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

О.В. Князева, канд. юрид. наук
ФКОУ ВО «Академия права и управления
Федеральной службы исполнения наказаний», г. Рязань

Аннотация. Рассматриваются уголовно-правовые отношения и их содержание как важнейшая уголовно-правовая категория. Анализируются различные точки зрения на содержание правоотношений вообще и уголовных в частности. Рассмотрены основные особенности, присущие уголовному правоотношению, их практическая и теоретическая важность.

Ключевые слова: уголовное право, категории, классификация, наука, правоотношения, законность, правопорядок, уголовная ответственность, преступление, цели наказания.

ISSUES OF CONTENT OF CRIMINAL RELATIONS

O.V. Knyazeva

Abstract. Considers criminal-legal relations and their content as an important criminal-legal category. Analyzing different points of view on the content of legal relations in general, and criminal in particular. Examines the main features inherent in criminal legality, their practical and theoretical importance.

Keywords: criminal law, categories, classification, science, legal relations, legality, law and order, criminal responsibility, crime, purpose of punishment.

Рассматривать фундаментальные вопросы теории уголовного права (к ним относится и вопрос содержания правоотношений) необходимо, так как уголовное право играет решающую роль в укреплении законности, правопорядка, а для его эффективной работы, совершенствования изучение основных категорий именно с учётом достижений науки, а не только с помощью анализа действующего законодательства является, несомненно, полезным.

Теория уголовных правоотношений привлекала и привлекает внимание многих учёных. Особенно интерес к ней и активность в изучении возросли в последнее десятилетие.

В.С. Прохоров в своей книге «Преступление и ответственность» раскрывает многие интересные стороны исследуемого нами объекта, приводит различные точки зрения других авторов на спорные вопросы и выражает своё мнение по их поводу [5. С. 84].

Многие советские авторы, такие как П.Е. Недбайло, А.И. Санталов, М.И. Ковалёв, Н.А. Беляев, рассматривают понятие и содержание уголовного правоотношения. Чаще всего они делают это, конечно же, с позиции теории советского уголовного права, однако их исследования представляют интерес и для нас, поскольку содержат обоснованные теоретические положения.

Правоотношение – одна из универсальных правовых категорий, изучение которой является важнейшим для рассмотрения данной темы. Обратимся к общетеоретическому понятию правоотношения. Как правило, данный термин определяется через общественные отношения, что представляется вполне логичным ввиду того, что правоотношение – одна из их разновидностей.

О.С. Иоффе говорит об этом явлении следующее: «Правоотношение представляет собой вид или форму, в которую облекается урегулированное правом общественное отношение» [3. С. 588]. С.С. Алексеев определяет правоотношение как возникающую на основе норм права общественную связь, участники которой имеют субъективные права и юридические обязанности, обеспеченные государством [1. С. 112]. В целом это определение представляется наиболее универсальным и отражающим сущностные характеристики правоотношений. Для более подробного изучения обратимся к признакам правоотношений, которые выделяются в литературе.

По мнению В.Н. Протасова, к ним относятся:

1. Это отношение общественное, т.е. отношение между людьми.

2. Правоотношения существуют в неразрывной связи с юридическими нормами, которые выступают нормативной базой их возникновения (а также изменения и прекращения), а следовательно, одной из важнейших предпосылок существования правоотношений (наряду с субъектами права и юридическими фактами).

3. Участники правоотношения связаны взаимными юридическими правами и обязанностями.

4. В целом правоотношениям свойственно такое качество, как определенность, индивидуализированность.

5. Правовые отношения носят волевой характер. Во-первых, они связаны с государственной волей, выраженной в праве; во-вторых – с индивидуальной волей, поскольку правоотношения реализуются посредством сознания и воли его участников (психологический механизм действия права). Кроме того, значительная часть правоотношений возникает, изменяется и прекращается по воле его субъектов.

6. Правоотношения, будучи следствием выраженной в праве воли государства, им и охраняются [6. С. 124].

По отрасли права, на нормах которой они основаны, выделяют уголовно-правовые, административно-правовые, гражданско-правовые и другие правоотношения.

По их назначению можно выделить регулятивные (возникают на основе правомерного поведения субъектов, направлены

на нормальное развитие общественных отношений) и охранительные (при их помощи осуществляется защита субъективных прав, применяются меры юридической ответственности и т.д.).

Теперь следует обратиться к особенностям уголовных правоотношений. Как разновидности правоотношений по отраслевому признаку им присущи все перечисленные выше качества. Однако многие авторы отмечают, что эти правоотношения имеют свои существенные особенности.

Понятие уголовных правоотношений впервые было дано советским учёным М.С. Строговичем. Он охарактеризовал их как «материально-правовые отношения, выраженные в законе отношения государственной власти к лицу, совершившему действие, расцениваемое законодателем как преступление» [5. С. 81]. Многие авторы в дальнейшем придерживались сходной позиции и отмечали, что это отношения, возникающие по поводу совершенного преступления.

Однако по этому поводу в литературе возникли дискуссии. Вопрос о том, возможно ли возникновение уголовно-правового отношения без наличия преступления, связан с понятием о действии уголовно-правовой нормы. Ведь она накладывает в первую очередь обязанность не совершать преступление, следовательно, можно сделать вывод, что по исполнению этой обязанности возникновение правоотношения тоже возможно.

П.Е. Недбайло считает, что норма, таким образом, осуществляет воздействие, однако вне рамок правоотношений, так как в таком случае не определяется конкретный субъект [4. С. 96]. Аналогичное мнение выражают З.Д. Иванова, И.Н. Даньшин и другие [2. С. 236].

На наш взгляд, уголовно-правовая норма оказывает воздействие не только в случае совершения преступления, там действует её охранительная функция, но и в то время, когда человек ведёт себя правомерно, зная правила поведения. Корреспондирующие права и обязанности в таком правоотношении тоже можно увидеть: человеку присуща обязанность не совершать уголовно-наказуемое деяние, государство корреспондирует право требовать исполнения обязанности, а в случае неисполнения – применять меры ответственности. Более сложным будет являться вопрос о времени возникновения такого правоотноше-

ния – с момента введения нормы, с момента, когда человек узнал о ней? Мы считаем, что разумным будет здесь обратиться к структуре нормы, тогда можно предположить, что правоотношение возникает в момент, когда соблюдаются условия её гипотезы – т.е. достигается определённый возраст, приобретается определённый статус (для специального субъекта) и т.д.

Хотелось бы отметить, что оно не исключает существования уголовно-правовых отношений именно по поводу совершения преступления, но дополняет их другими.

Среди особенностей уголовных правоотношений можно выделить неравенство субъектов, между которыми они складываются (государство и гражданин), публично-правовой характер, урегулированы нормами специфической отрасли – уголовного права и иные.

Таким образом, с учётом приведённых выше позиций и общетеоретических положений можно сделать вывод, что содержание уголовного правоотношения составляют субъективные корреспондирующие права и обязанности, основанные на нормах уголовного закона. При этом уже права и обязанности конкретного человека в рамках определённого правоотношения не являются статичными.

Выделение различных же видов уголовных правоотношений имеет значение в большей степени для их изучения – классификация позволяет наиболее полно рассмотреть признаки изучаемого предмета, разобраться в его сущностных характеристиках, понятии, сформировать, исходя из подбора практических примеров к конкретному виду, точку зрения на содержание уголовно-правового отношения.

Но, на наш взгляд, выделение классификации в некоторых случаях может иметь и практическое значение.

Уголовно-правовое отношение понимается как правовая связь субъектов, урегулированная нормами уголовного права. При этом мы отмечаем, что это не только правовая связь преступника и государства по поводу применения мер юридической ответственности, но и иные ситуации, когда общественные отношения напрямую складываются под влиянием норм Уголовного кодекса.

Содержание уголовного правоотношения представляется нам как субъективные корреспондирующие права и обязанности, основанные на нормах уголовного закона.

В системе права России уголовное право является одной из ведущих отраслей, и изучение его важнейших категорий, к которым можно отнести уголовное правоотношение, является необходимым. Изучение показало, что в целом понятие как самих уголовных правоотношений, так и выяснение их содержания является сложным вопросом, по поводу которого учёные не могут прийти к единому мнению и в науке наблюдаются дискуссии.

Литература

1. Алексеев С.С. Общая теория права. М., 1982. Т. 2. С. 112.
2. Даньшин И.Н. Правоотношения в уголовном праве. М., 1974. С. 236.
3. Иоффе О.С. Избранные труды по гражданскому праву: Правоотношение по советскому гражданскому праву. Спорные вопросы учения о правоотношении. М., 2000. С. 588–598.
4. Недбайло П.Е. Советские социалистические правовые нормы. Львов, 1959. С. 96.
5. Прохоров В.С. Преступление и ответственность. СПб., 1984. С. 84.
6. Северухин В.А. Проблемы теории государства и права. М., 1999. С. 124.
7. Строгович М.С. Природа советского уголовного процесса и принцип состязательности. М., 1939. С. 81.

ОБЩЕСОЦИАЛЬНОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ РЕЦИДИВНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ ЛИЦАМИ ЖЕНСКОГО ПОЛА

Н.С. Ковалева, аспирант

ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет»,
г. Челябинск

Аннотация. Проанализированы способы общесоциального устранения рецидивной преступности несовершеннолетних лиц женского пола в Российской Федерации, а также установлена взаимосвязь государственных и правоохранительных органов с представителями общественности относительно устранения рецидивной преступности несовершеннолетних лиц женского пола, выявлены основные направления предупреждения повторной преступности несовершеннолетних лиц женского пола.

Ключевые слова: общесоциальное предупреждение, несовершеннолетние лица женского пола, предупреждение преступности, рецидивная преступность.

GENERAL SOCIAL PREVENTION OF RESIDENTIAL CRIMES COMMITTED BY MINORS OF THE FEMALE OF THE FEMALE

N.S. Kovaleva

Abstract. This article analyzes methods for the general social elimination of recidivism of female minors in the Russian Federation, as well as the relationship between state and law enforcement agencies with members of the public regarding elimination of recidivism of female minors, and identifies the main directions for the prevention of re-crime of female minors.

Keywords: general social warning, female minors, crime prevention, recidivism.

Общесоциальное предупреждение – это комплекс стратегических социально-экономических и культурно-воспитательных мероприятий, направленных на дальнейшее развитие и совершенствование общественных отношений на пути создания благополучной жизни всего общества.

Г.Ю. Каримова выделяет общесоциальные меры предупреждения по сферам и целям осуществления: социально-экономические, хозяйственно-управленческие, идеологические, культурно-воспитательные, экологические, психологические, медицинские, образовательно-правовые. Особенности этих мероприятий является их разработка, планирование и осуществление, которые производятся для гармонизации и либерализации общественных отношений [7. С. 32]

На сегодняшний день социологические исследования свидетельствуют о том, что в Российской Федерации (далее – РФ) есть несколько главных источников зарождения антиобщественных действий, под влиянием которых несовершеннолетние девушки склонны совершать повторные противоправные деяния: неблагополучные семьи, из которых выходят несовершеннолетние девушки с виктимным поведением; неформальные (примитивные и сложные) группы несовершеннолетних девушек, или группы несовершеннолетних лиц и лиц взрослой возрастной категории с криминальной направленностью.

Так, на данном этапе названные группы существуют во всех сферах жизни общества, но существуют и такие, которые менее всего доступны информационно и не поддаются контролю и учету со стороны общества и государства.

А.А. Иванова считает, что неконтролируемый досуг, улица, средства массовой информации – это не только территориальные и коммуникативные понятия, но и часть окружающей среды, которая способна исказить моральный облик несовершеннолетних девушек [6. С. 510].

Становление личности будущих несовершеннолетних преступниц, которые совершают рецидивные преступления, – достаточно сложный, длительный процесс привлечения еще малолетней девушки к криминогенной социализации. Социализация охватывает все социальные процессы, благодаря которым несовершеннолетние девушки усваивают определенные знания, нормы, ценности, требования, которые дают им возможность функционировать как членам общества.

Ведущим и определяющим началом социализации является целенаправленное воздействие. А.А. Хлгатын в своем исследовании доказал, что усвоение индивидом социальных и моральных норм проходит ряд последовательных стадий. Моральное сознание развивается во время активного творческого взаимодействия субъекта с социальной средой. Но при этом может и не быть достигнуто соответствие между нормативными позициями личности и требованиями социальных норм. Необходимо, в частности, учесть, что нормы относительно стабильны, а жизненные ситуации, опыт личности значителен и разнообразен [8. С. 50]. Вследствии взаимодействия определенных факторов с определенными людьми несовершеннолетние девушки примеряют на себя ту или иную манеру поведения, как правильную, так и неправильную.

Следовательно, несовершеннолетние девушки учатся преступному поведению не потому, что имеют к этому особые преступные задатки, а потому, что криминальные образцы чаще им попадаются на глаза и сильнее доминируют в процессе их социальной жизни.

Во-первых, предупреждение преступности – одна из основных задач государства, поэтому рассмотрение этого вопроса всегда вызывает несомненный интерес среди специалистов.

Анализ проблем противодействия негативным явлениям показал, что в юридической литературе и нормативных актах достаточно часто применяется термин «профилактика» или «пре-

дупреждение» преступности. Более детальное определение профилактики преступности несовершеннолетних сформулировал Н.И. Ветров, который понимает под ней совокупность социально-экономических, идеологических, культурно-воспитательных, организационно-управленческих мероприятий, направленных на выявление и предотвращение причин преступности, условий и обстоятельств, способствующих их совершению, на исправление и перевоспитание лиц, имеющих отклонения в поведении, на предостережение общества от противоправных деяний [4. С. 102].

Под «предупреждением» преступности среди несовершеннолетних женщин следует понимать особый вид социальной деятельности, осуществляемой государственными органами и общественностью, которая должна иметь системный характер как по комплексу мероприятий, так и по кругу субъектов, которые ее осуществляют и направляют на предупреждение возникновения, устранение, минимизацию, блокирование или нейтрализацию детерминант подростковой женской рецидивной преступности. Такое обеспечение приводит к преобразованиям общественных отношений, в результате которых минимизируются, устраняются, нейтрализуются или блокируются детерминанты преступного поведения несовершеннолетних девушек.

Мероприятия общесоциального предупреждения внедряются в жизнь через государственные механизмы экономического и государственного развития. Их предупредительное значение заключается в том, что предусмотренная стратегия и тактика социально-экономического развития государства или региона учитывает возможные «затраты» от осуществления заложенных в них мероприятий.

Совершение рецидивных преступлений несовершеннолетними девушками – это одна из главных проблем современности, как и вообще вся преступность несовершеннолетних.

Несмотря на позитивные данные официальной статистики, уровень преступности среди несовершеннолетних девушек остается высоким, учитывая ее значительную латентность и омоложение.

Осуществляя мероприятия общесоциального предупреждения, государство должно обращать внимание на еще одну важ-

ную задачу – обеспечение самостоятельности семей, где проживают несовершеннолетние дети. Исходя из стремлений, не установить опеку над такими семьями, а создать условия для их самостоятельного жизнеобеспечения и духовного самовоспитания.

Общесоциальные меры должны предусматривать: повышение материального благосостояния семей, обеспечение работой всех трудоспособных членов семьи, оказание индивидуальной помощи наиболее уязвимым слоям населения, организацию содержательного досуга несовершеннолетних девушек и их семей и т.п.

Во-вторых, учитывая гуманистические аспекты в уголовной политике, история правовых идей знакомит нас с двумя основными концепциями социальной защиты от преступности, в их основу положены: уголовное наказание и система предупреждения преступности [3. С. 576].

Предупреждение совершения повторных преступлений несовершеннолетними женщинами путем использования общесоциальных мероприятий является предельно ранней формой предотвращения правонарушений, поскольку в процессе его осуществления не прекращается генезис противоправного поведения несовершеннолетней девушки, а устраняется сама возможность ее появления.

Предотвращения в данном случае базируются на общих закономерностях формирования в несовершеннолетней девушки социального типа. Так, за последние пять лет в РФ приняты на различных уровнях правотворчества подзаконные акты, концепции, программы, планы, в которых прослеживается тенденция внедрения мероприятий, направленных на ослабление влияния криминогенных факторов на несовершеннолетних. К сожалению, нестабильность экономической обстановки в РФ, негативные процессы, происходящие во многих сферах жизни, не ослабляют, а усиливают эти факторы и болезненно поражают не только взрослых, но и несовершеннолетних лиц и особенно несовершеннолетних женщин. В основном, эти меры из-за вышеупомянутых обстоятельств не достигают стратегических целей, о них просто забывают и не выполняют те лица, на которых возложено их выполнение [5. С. 24].

Для предупреждения рецидивной преступности несовершеннолетних основополагающее значение имеют общесоциальные меры, применяемые к несовершеннолетним и реализующие антикриминогенный потенциал общества. Первостепенное значение приобретают предложенные мероприятия общегосударственного влияния, обеспечивающие защиту прав и законных интересов несовершеннолетних в целом, и меры, направленные на предупреждение противоправного поведения девушек-подростков.

На государственном уровне к ним относятся комплекс мер, закрепленных в федеральных законах РФ «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений (последняя редакция)» 28.06.1995 № 98-ФЗ [1], законодателями также предложен комплекс мер по защите прав лиц, подвергающихся семейно-бытовому насилию, Проект Федерального закона № 1183390-6 «О профилактике семейно-бытового насилия» [2].

Основными задачами предупредительной деятельности в соответствии с положениями действующего законодательства являются: обеспечение защиты прав и законных интересов несовершеннолетних девушек; социально-педагогическая реабилитация несовершеннолетних женщин, которые находятся в социально опасном положении; предупреждение детской безнадзорности, правонарушений и антиобщественных действий несовершеннолетних женщин, предупреждение противоправных действий со стороны взрослых лиц, которые вовлекают несовершеннолетних девушек в преступную и иную антиобщественную деятельность.

По мнению Н.С. Юзинкова, мероприятия общесоциального предупреждения преступности несовершеннолетних женщин должны быть соизмеримы основным сферам жизнедеятельности несовершеннолетних девушек и иметь необходимый нормативный, научно-методический, кадровый и финансовый потенциал с учетом исторических, демографических, социально-экономических особенностей региона и поступления из местного и общегосударственного бюджетов финансов на реализацию программ в отношении несовершеннолетних лиц исследуемой категории [9. С. 113].

В-третьих, в заинтересованности общества и политиков к реализации осуществления общесоциальных программ предупреждения и принятия участия в усилении мер эффективности социальных мероприятий, здесь усматривается потенциал развития правосознания и понимания общности общественных и личностных интересов граждан и политиков. Для этого нужна длительная и хорошо организованная работа по распространению соответствующих знаний, созданию общественных структур, усилению взаимодействия и координации с государственными субъектами предупреждения преступности несовершеннолетних.

В криминологических источниках указывается, что до принятия предупредительных мер должны работать представители общественности, группа внештатных сотрудников, но на сегодняшний день их численность значительно уменьшилась. Без восстановления тесной связи с широкими слоями населения профилактическая работа с несовершеннолетними девушками не даст желаемых результатов. В первую очередь, среди представителей общественности следует назвать родителей, членов общественных формирований, внештатных сотрудников органов внутренних дел, студентов колледжей и вузов (медицинских, педагогических и юридических) и других лиц, которые могут быть наставниками правонарушительниц. Участие граждан и политиков является особенно важным на этапе предупредительной деятельности.

К ней относится: улучшение условий жизни и воспитания несовершеннолетних девушек в случаях, когда обстоятельства микросреды угрожают их нормальному развитию; нейтрализация и ликвидация объектов антисоциального влияния на них; психологическая помощь несовершеннолетним девушкам, которые имеют некриминальные отклонения в поведении, с целью не дать возможность им перейти к совершению преступлений.

Несовершеннолетние правонарушительницы нуждаются прежде всего в воспитании, защите и в психологической помощи.

Осуществление предупредительной деятельности на общесоциальном уровне создает предпосылки для проведения специально-криминологических мер специальными органами и служ-

бами по делам несовершеннолетних и специальными учреждениями для несовершеннолетних, что, безусловно, способствует снижению рецидивной преступности и преступности в целом среди несовершеннолетних девушек.

Таким образом, можно сделать вывод, что взаимодействие между субъектами предупредительной деятельности в отношении контингента несовершеннолетних женщин должно заключаться:

– в четких и скоординированных действиях, направленных на выявление и постановку на учет неблагополучных семей, в которых несовершеннолетние девушки попрошайничают, бродяжничают, занимаются проституцией. Круглосуточное наблюдение за криминогенным контингентом несовершеннолетних девушек, информирование всех субъектов по делам несовершеннолетних о возникновении угрожающей микросреды для девушек-подростков;

– в мгновенном реагировании на поступление любой информации и своевременном обмене ею между субъектами предотвращения и предохранительной деятельности о криминогенном контингенте в школах и специальных учебных заведениях;

– в координации деятельности правоохранительных органов, общественных организаций, учреждений образования, науки и здравоохранения в обеспечении планомерного и комплексного использования средств массовой информации, направленных на блокирование, нейтрализацию или минимизацию условий жизни и воспитания, способствующих возникновению и формированию противоправного поведения у несовершеннолетних лиц женского пола.

Литература

1. О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений: Федер. закон от 28.06.1995 № 98-ФЗ (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Проект Федерального закона № 1183390-6 «О профилактике семейно-бытового насилия» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 28.09.2016) // СПС «КонсультантПлюс».

3. Бурлаков В.Н. Криминология: учебник для вузов. СПб., 1998. 576 с.

4. Ветров Н.И. Криминологическая характеристика правонарушений молодежного возраста: учеб. пособие для вузов. М., 1998. 102 с.

5. Долгова А.И. Теория криминологии: проблемы, поиски, решения // Вопросы борьбы с преступностью. 1988. № 46. С. 23–27.

6. Иванова А.А. Криминологическая профилактика как приоритетная задача ювенальной юстиции // Всерос. криминолог. журн. 2018. Т. 12, № 4. С. 505–514.

7. Каримова Г.Ю. Личностные и виктимологические факторы, влияющие на совершение несовершеннолетними преступлений против здоровья из хулиганских побуждений // Рос. следователь. 2016. № 14. С. 31–34.

8. Хлгатян А.А., Валуйсков Н.В. Актуальные проблемы правового регулирования ювенальной преступности // Сборник научных статей по итогам работы шестого международного круглого стола «Юрид. наука в XXI веке». Шахты, 2018. С. 50–52

9. Юзинкова Н.С. Меры предупреждения преступности несовершеннолетних в советское время // Юрид. вестн. 2011. № 17. С. 113–117.

ОСОБЕННОСТИ ОТРАЖЕНИЯ РЕЦИДИВА ПРЕСТУПЛЕНИЙ В УГОЛОВНОМ КОДЕКСЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В.Г. Кокорев, ассистент

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет
имени Г.Р. Державина», г. Тамбов

Аннотация. Рассматривается рецидивная преступность в Российской Федерации. Подчеркивается, что нравственные нормы каждого индивида влияют на совершение либо несовершение им деяний, нарушающих нормы отечественного законодательства. Указывается, что необходимо с учетом отечественного исторического опыта и современного позитивного зарубежного законодательства заимствовать отечественному законодателю дифференцированную ответственность за рецидив. Акцентируется внимание, что общественную опасность представляет собой не рецидив преступлений, а личность, совершающая в период судимости преступления средней тяжести, тяжкие либо особо тяжкие.

Ключевые слова: рецидив преступлений, личность, общественная опасность, административная преюдиция.

FEATURES OF REFLECTION OF RECIDIVISM OF CRIMES IN THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

V.G. Kokorev

Abstract. The article deals with recidivism in the Russian Federation. It is stressed that the moral norms of each individual influence the commission or failure of acts that violate the norms of domestic legislation. It is stated that it is not neces-

sary, taking into account domestic historical experience and modern positive dawn-beige legislation, to borrow differentiated responsibility for recidivism to the domestic legislator. It is emphasized that the public danger is not a recidivism of crimes, but an individual who commits crimes of moderate gravity during the criminal record, serious or particularly serious.

Keywords: recidivism of crimes, personality, public danger, administrative prelude.

Рецидив преступлений занимает особое место среди преступлений, так как указывает, во-первых, на эффективность проводимой государством уголовной политики; во-вторых, на личность преступников (рецидивистов), которые характеризуются неисправимостью и устойчивостью в совершении общественно опасных деяний, запрещенных уголовным законом под угрозой наказания, так как в период наличия судимости лицо снова совершает преступления средней тяжести, тяжкие либо особо тяжкие; в-третьих, при совершении рецидивных преступлений обществу и отдельному потерпевшему в большинстве случаев причиняется значительный вред.

Кроме того, данная преступность и противодействие ей со стороны общества и государства является одной из составляющих гражданского общества, под которым следует понимать совокупность межличностных отношений, направленных на удовлетворение интересов общества, индивидов и создаваемых ими институтов (групп) [19. С. 9; 9. С. 93–94; 12. С. 133; 21. С. 40].

Вместе с тем, как свидетельствуют статистические данные МВД России, в 2017 г. было совершено 2058476 преступлений, раскрыто – 1117801, совершено судимыми – 352724 общественно опасных деяний; в 2018 г. совершено 1991,5 тыс. уголовно-наказуемых деяний, раскрыто – 860,4 тыс., среди расследованных было выявлено, что 525475 преступлений были совершены лицами, ранее уже совершавшими преступления, из них 270988 ранее судимыми, а 19950 случаев признаны опасным или особо опасным рецидивом; в 2019 г. – 2024337 преступлений, раскрыто 1052441, среди расследованных было выявлено, что 504416 лиц ранее совершали преступления, из них ранее судимых за общественно опасные деяния – 261941 и 19564 случая опасного или особо опасного рецидива [18].

Согласно Судебному департаменту при Верховном Суде Российской Федерации, в 2017 г. было осуждено 697054 человека, из них признаны совершившими уголовно-наказуемое деяние при рецидиве – 98199, при опасном рецидиве – 16546, при особо опасном рецидиве – 6568; в 2018 г. были осуждены 658291 человек, из них 98752 осужденных признаны совершившими преступление при рецидиве преступлений, 14980 – при опасном рецидиве, 6261 – при особо опасном рецидиве преступлений [10].

Таким образом, можем констатировать, что значительное количество преступлений совершается рецидивистами.

Следует также отметить, что совершение рецидивистами преступлений свидетельствует как о проблемах в сфере экономики и иных общественных отношений, так и о проблемах в сфере общественной нравственности (положения о добре и зле, справедливости, обеспечения соблюдения общепринятых в обществе норм и правил поведения человека) [13; 20].

В силу этого можно согласиться с мнением О.С. Кирсановой, что именно нравственные ценности имеют непосредственное отношение к мотивации личности, в том числе влияют и на возможность совершения преступления [11. С. 36].

Подчеркнем, что Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» в ч. 2 ст. 68 УК РФ было предусмотрено, что независимо от вида рецидива виновному лицу может быть назначено наказание не ниже одной трети от максимального срока наиболее строгого вида наказания, но при наличии смягчающих обстоятельств (перечень которых является открытым в соответствии с ч. 2 ст. 61 УК РФ) наказание для рецидивиста может быть назначено и ниже данного срока меры государственного принуждения (ч. 3 ст. 68 УК РФ) [2].

Тем самым отечественный законодатель гуманизировал ответственность для рецидивистов, что противоречит историческому развитию уголовного права России в рамках назначаемого наказания.

Отсылка к историческому опыту обусловлена тем, что мы можем проанализировать особенности развития законодательства и отразить историческую правопреемственность в УК РФ тех

или иных преступлений, а значительное количество ученых акцентируют внимание на историческом аспекте развития деяний [14; 17]). Так, начиная с Псковской и Двинской Судной грамоты и до принятия указанного нами ранее Федерального закона от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ, регламентировалась дифференцированная ответственность для рецидивиста в зависимости от количества раз привлечения его к уголовной ответственности. Отметим, что на протяжении развития уголовного законодательства устанавливалась ответственность за специальный рецидив и указывалась общественная опасность личности рецидивиста, а не то, как в настоящее время отражено в УК РФ: «рецидив преступлений», так как опасность рецидивной преступности выражается именно в личности преступника, а не в рецидиве преступлений. Поэтому будет логичным и закономерным сделать указание в УК РФ именно на общественной опасности личности рецидивиста.

Также важен современный зарубежный опыт, к которому обращается значительное количество ученых-криминалистов в целях выявления общих и отличительных признаков между УК РФ и анализируемыми УК некоторых зарубежных стран, и предложения заимствования позитивного зарубежного опыта для совершенствования уголовного закона России [8; 15].

Анализ некоторых зарубежных УК позволяет констатировать, что например, УК Республики Беларусь [5], УК Азербайджанской Республики [4], УК Республики Таджикистан [6], УК Швейцарии [7. С. 125–126] предусматривают дифференциацию наказания для виновного лица в зависимости от количества случаев привлечения ранее его к уголовной ответственности (рецидив).

Кроме того, на необходимость дифференциации наказания в зависимости от вида рецидива указывают многие отечественные ученые [16; 20].

В свою очередь необходимо отметить, что в уголовном законодательстве Российской Федерации после принятия и вступления в силу Федерального закона от 29 февраля 2012 г. № 14-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления

сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних» начинает устанавливаться ответственность за специальный рецидив. Подобный рецидив был отражен Федеральным законом от 31 декабря 2014 г. № 528-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу усиления ответственности за совершение правонарушений в сфере безопасности дорожного движения» в ст. 264.1 УК РФ «Нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию» [1].

Кроме того, указывается на личность правонарушителя и установление составов преступлений, сопряженных с административной преюдицией, так как в них акцентируется внимание на личности виновного, совершающего противозаконные деяния в течение года со дня вступления в законную силу постановления о назначении административного наказания (ст. 4.6 КоАП РФ).

Таким образом, можем сделать вывод о необходимости отражения в нормах Общей части УК РФ не рецидива преступлений, а указания на личность виновного, так как рецидив свидетельствует об общественной опасности личности виновного лица, совершающего определенное деяние, запрещенное уголовным законом, а не самого совершаемого им преступления.

Также необходимо дифференцировать наказание с учетом степени общественной опасности рецидивиста и предусмотреть в Общей части УК РФ особенности отражения в Особенной части уголовного закона составов преступлений, сопряженных с административной преюдицией, так как в настоящее время эти составы находятся в коллизии с понятием «преступление» (ст. 14 УК РФ).

При этом, исходя из всех обстоятельств, свидетельствующих о неблагоприятной криминогенной обстановке в России, государство и общество должно объединиться для противодействия рецидивной преступности.

Литература

1. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу усиления ответственности за совершение правонарушений в сфере безопасности дорожного движения: федер. закон Рос. Федерации от 31 дек. 2014 г. № 528-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Феде-

рации 16 дек. 2014 г.: одобрен Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 25 дек. 2014 г. // СЗ РФ. 2015. № 1. Ч. I. Ст. 81.

2. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 08 дек. 2003 г. № 162-ФЗ (ред. от 07.12.2011): принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 21 нояб. 2003 г.: одобрен Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 26 нояб. 2003 г. // СЗ РФ. 2003. № 50. Ст. 4848.

3. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних: федер. закон Рос. Федерации от 29 февр. 2012 г. № 14-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 7 февр. 2012 г.: одобрен Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 22 февр. 2012 г. // СЗ РФ. 2012. № 10. Ст. 1162.

4. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики от 30 декабря 1999 г. № 787-IQ (в ред. от 9.07.2019) // Параграф. URL: http://continent-online.com/Document/?doc_id=30420353 (дата обращения: 23.12.2019).

5. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 года № 275-3 (в ред. от 11.11.2019 г.) // Параграф. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30414984 (дата обращения: 23.12.2019).

6. Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 г. № 574 (в ред. от 3.08.2019) // Параграф. URL: http://online.zakon.kz/document/?doc_id=30397325&doc_id2=30397325#activate_doc=2&pos=32;-80&pos2=571;-106 (дата обращения: 19.12.2019).

7. Уголовный кодекс Швейцарии / науч. ред., предисл. и пер. с нем. А.В. Серебренниковой. СПб., 2002. 350 с.

8. Арзамасов В.Ю. Компаративистский анализ зарубежных институтов уголовной ответственности за нарушение норм лесного законодательства // Безопасность бизнеса. 2018. № 6. С. 30–38.

9. Ганин О.Н. Понятие «гражданское общество»: сущность и содержание // Фундамент. исследования. 2005. № 2. С. 93–94.

10. Данные судебной статистики / Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 14.03.2020).

11. Кирсанова О.С. Нравственный аспект криминальной мотивации // Уголов.-исполнит. право. 2007. № 2 (4). С. 35-37.

12. Малько А.В. Теория государства и права: учеб.-метод. пособие. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2007. 300 с.

13. Осокин Р.Б. Общественная нравственность: опыт теоретико-инструментального анализа // Образование. Наука. Науч. кадры. 2013. № 7. С. 74–78.

14. Осокин Р.Б. Состояние уголовно-правового противодействия преступлениям против общественной нравственности в некодифицированный период развития российского уголовного законодательства // Вестн. Моск. ун-та МВД России. 2015. № 2. С. 86–89.

15. Осокин Р.Б., Курсаев А.В. Ответственность за похищение имущества с тел умерших или мест их захоронения по уголовному законодательству за-

рубежных стран и проблемы совершенствования ст. 244 УК РФ «Надругательство над телами умерших и местами их захоронений» // *Международ. публичное и част. право*. 2011. № 4. С. 38–41.

16. Плаксина В.С., Салтыков Н.А. Назначение наказания при различных видах рецидива преступлений // *Аллея науки*. 2018. Т. 3. № 6 (22). С. 734–737.

17. Потемкин А.В. История развития российского уголовного законодательства об ответственности за мошенничество // *Вестн. Рос. нового ун-та. Серия: Человек и общество*. 2016. № 3. С. 76–80.

18. Статистика и аналитика / Министерство внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics> (дата обращения: 14.03.2020).

19. Струсь К.А. Государство и гражданское общество: проблемы правового взаимодействия в России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003. 26 с.

20. Тасаков С.В. Нравственные основы уголовно-правовых норм, направленных на охрану личности, ее прав, свобод и законных интересов: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2010. 52 с.

21. Харченко Я.П. К вопросу понимания гражданского общества в отечественной юридической науке // *Правовые проблемы укрепления российской государственности* / под ред. В.Ф. Воловича, А.М. Барнашова, В.М. Зуева. Томск, 2008. С. 39–40.

22. Южанин В.Е. Парадоксы законодательства об ответственности за рецидив преступлений // *Человек: преступление и наказание*. 2011. № 1 (72). С. 21–24.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

З.К. Кондратенко, канд. юрид. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет»,
г. Йошкар-Ола

Аннотация. Анализируются концессионные механизмы и механизмы муниципально-частного партнерства. Автором выявлены проблемы в правовом регулировании инвестиционной деятельности в отношении муниципального имущества. Сделан вывод о необходимости разработки типового инвестиционного паспорта муниципального образования, размещении такого паспорта на информационном портале или сайте муниципального образования.

Ключевые слова: инвестиционная политика, муниципальное образование, концессионное соглашение, муниципально-частное партнерство, инвестиционный паспорт.

IMPROVING THE INVESTMENT POLICY OF MUNICIPALITIES

Z.K. Kondratenko

Abstract. Analyzes the concession mechanisms and the mechanisms of municipal-private partnership. The author identifies problems in the legal regulation of investment activity in relation to municipal property. It is concluded that it is necessary to develop a standard investment passport of a municipality, place such a passport on the information portal or website of the municipality.

Keywords: investment policy, municipality, concession agreement, municipal-private partnership, investment passport.

Отсутствие зависимости дотаций от бюджетов высших уровней – это и есть гарантия финансовой независимости местного самоуправления, а также ее долговременной финансовой устойчивости. Однако в настоящее время это остаётся привилегией ограниченного числа муниципальных образований Российской Федерации [1. С. 375]. Муниципальное образование в силу своей финансовой зависимости вынуждено привлекать частные средства для решения вопросов местного значения. Это необходимо для создания экономической основы местного самоуправления. За счет широкого и эффективного применения механизма привлечения инвестиций можно обеспечить стабильный экономический рост муниципалитетов на долгосрочную перспективу. Это в первую очередь касается концессионных механизмов и муниципально-частного партнерства.

На сегодняшний момент принятие закона о государственно-частном партнерстве дает возможность расширить муниципально-частные механизмы инвестирования [2. С. 32]. Нужно сказать, что остаются нерешенными другие практические проблемы в сфере использования инвестиций в муниципальные образования для решения вопросов местного значения [4. С. 211].

Необходимо направлять законотворческие инициативы на устранение ключевых ошибок в муниципальном инвестиционном законодательстве. В настоящее время к ним относятся: несогласованность с градостроительным, водным, земельным и бюджетным законодательством, которое действует на территории муниципальных образований, отсутствие стратегического планирования развития муниципальных территорий, а также

недостаточное участие населения муниципальных образований в процессе организации и оптимальной реализации инвестиционных проектов, которые реализуются в рамках частной и общественной инициативы [3. С. 224].

Поэтому целесообразно детализировать права и обязанности всех органов власти государства (как федеральных, так и субъектов Федерации) в области разработки и реализации тех инвестиционных проектов, которые направлены на достижение развития территорий и решение проблем местного значения. Кроме того, важным представляется дальнейшая регламентация регионального и муниципального законодательства.

Правовыми формами в качестве законодательной поддержки инвестиционных проектов могли бы стать конкретные меры содействия будущим инвесторам, как то: налоговые льготы; льготный порядок аренды муниципальных земель и муниципальной недвижимости; наличие муниципальных гарантий; активное участие муниципалитета в инвестировании; а также содействие эффективному развитию как межрегиональных, так и различных международных связей.

Требования к инвестиционному плану муниципального образования – это его ясность, конкретность и прозрачность. В нем должны быть четко определены приоритетные цели и задачи, а также объекты приложения этих задач. Необходимое условие – это паспорт муниципалитета с обозначенными в нем планами застройки территории, а также перспективами развития транспортной, инженерной и социальной инфраструктуры. Он позволит всем хозяйствующим субъектам эффективно управлять рисками при принятии инвестиционных решений. В настоящее время во многих муниципальных образованиях есть подобные инвестиционные паспорта, но надо отметить их разнородность: как по форме, так и по содержанию.

Так, в городском округе «Город Йошкар-Ола» в целях инвестиционной деятельности разработан целый комплекс документов: Постановление от 14.06.2016 № 944 «Об утверждении Инвестиционной стратегии городского округа “Город Йошкар-Ола” до 2025 года», Постановление от 02.04.2018 № 316 «Об утверждении плана создания инвестиционных объектов необходимой для инвесторов инфраструктуры в городском округе

“Город Йошкар-Ола” на 2018–2020 годы», Постановление от 04.10.2016 № 1487 «Об утверждении единого регламента сопровождения инвестиционных проектов, реализуемых и (или) планируемых к реализации на территории городского округа “Город Йошкар-Ола” по принципу “одного окна”; Постановление от 31.12.2014 № 3402 «О порядке проведения оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов органов местного самоуправления городского округа “Город Йошкар-Ола”, затрагивающих вопросы осуществления предпринимательской и инвестиционной деятельности», Постановление от 21.09.2016 № 1443 «Об утверждении Порядка формирования и реализации муниципальной адресной инвестиционной программы городского округа “Город Йошкар-Ола”» и др.

На сегодняшний день насущным требованием времени является разработка типового инвестиционного паспорта муниципального образования. Кроме того, было бы полезным разместить такой паспорт на информационном портале или сайте муниципального образования. Это могло бы обеспечить обратную связь и способствовать его усовершенствованию.

Таким образом, анализ федерального законодательства и региональной практики показал наличие определенных резервов правового регулирования муниципальной инвестиционной деятельности. Совокупность норм о муниципальной инвестиционной деятельности вполне уместно расценивать как правовой институт муниципального права, входящий в комплексный правовой институт экономической основы местного самоуправления. Это позволяет видеть в такой деятельности источник укрепления экономической основы местного самоуправления, создания условий для успешного решения вопросов местного значения в России. В целях решения выявленных проблем предлагается внедрить единую форму инвестиционного паспорта муниципального образования, основанную на действующей модели паспорта инвестиционных проектов, для предоставления государственных гарантий или проектов с использованием средств федерального бюджета, направляемых на капитальные вложения. Данную форму должен разработать Департамент стратегического развития и инноваций Минэкономразвития и легализовать ее в виде Приказа Минэкономразвития России. Для этого

необходимо дополнить раздел II «Полномочия» Постановления Правительства Российской Федерации от 05.06.2008 № 437 «О Министерстве экономического развития Российской Федерации» пунктом 2.28 (220) «Типовая форма инвестиционного паспорта муниципального образования».

Литература

1. Мясникова Т.А., Гетманцев К.В. Местная инвестиционная политика как инструмент реализации стратегических интересов муниципальных образований региона // Экономика и предпринимательство. 2017. № 10. С. 375.
2. Нахратова Е.Е., Беус Е.С. Инвестиционная политика муниципальных образований // Материалы Ивановских чтений. 2018. № 1 (18). С. 32.
3. Солдаткин А.А. Роль и значение инвестиционной политики для социально-экономического развития муниципального образования // Научно-технический прогресс как фактор развития современного общества: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. Уфа, 2018. С. 224.
4. Харитонов В.С. Финансовое обеспечение инвестиционной политики муниципальных образований // Экономика и предпринимательство. 2017. № 2. С. 211.

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРОИЗВОДСТВО И ОБОРОТ ТОВАРОВ И ПРОДУКЦИИ БЕЗ МАРКИРОВКИ И (ИЛИ) НАНЕСЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ, ПРЕДУСМОТРЕННОЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

А.А. Коренная, адвокат, канд. юрид. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»,
г. Барнаул

Аннотация. В связи с масштабными изменениями специального законодательства, связанного с введением обязательной маркировки для значительного количества товаров массового потребления и предполагаемой с 2024 года повсеместной маркировки, актуальность приобретают положения ст. 171.1, в первую ч. 1,1.1 и 2 данной нормы, которые длительное время были практически не востребованы судебно-следственной практикой. Автор исследует положения уголовного закона, предлагает собственное определение непосредственного объекта преступления, а также корректировку диспозиции статьи путем указания не на производство немаркированной продукции, а на несоблюдение требований по обязательной маркировке.

Ключевые слова: уголовная ответственность, обязательная маркировка, код товара, нарушение требований.

CRIMINAL LIABILITY FOR THE PRODUCTION AND CIRCULATION OF GOODS AND PRODUCTS WITHOUT MARKING AND (OR) APPLYING INFORMATION PROVIDED FOR BY THE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

A.A. Korennaya

Abstract. In connection with the large-scale changes in special legislation related to the introduction of mandatory labeling for a significant number of mass-consumption goods and the expected universal labeling from 2024, the provisions of article 171.1, primarily part 1.1.1 and 2 of this norm, which for a long time were practically not in demand by judicial and investigative practice, become relevant. In this paper, the author examines the provisions of the criminal law, offers his own definition of the direct object of the crime, as well as correcting the disposition of the article by indicating not the production of unmarked products, but not compliance with the requirements for mandatory labeling.

Keyword: criminal liability, obligatory marking, item code, violation of requirements.

Ст. 171.1 введена в Уголовный кодекс Российской Федерации Федеральным законом от 09.07.1999 № 158-ФЗ. С тех пор статья была изменена пять раз, на сегодняшний день действует в редакции в редакции Федерального закона от 31.12.2014 № 530-ФЗ. Согласно официальным статистическим данным, в 2018 году по ч. 5 ст. 171.1 Уголовного кодекса Российской Федерации было вынесено 148 обвинительных приговоров, по ч. 6 (аналогичное деяние, совершенное группой лиц по предварительному сговору, организованной группой, в особо крупном размере) – 477, по ч. 1, 1.1 и 2–7 – 12 обвинительных приговоров, по ч. 3 и 4–7 – 6 приговоров [4. С. 1].

Полагаем, что в ближайшее время ситуация изменится коренным образом и статистические показатели по ч. 1, 1.1 и 2 ст. 171.1 Уголовного кодекса Российской Федерации покажут значительную динамику роста. Связано это с масштабными изменениями в системе учета товаров и продукции, реализуемой на территории Российской Федерации. С 2019 года Федеральным законом от 31.12.2017 № 487-ФЗ года на территории Российской Федерации введен специальный порядок маркировки товаров. Под этим процессом понимают нанесение на продукцию, упаковку, этикетку или ярлык специального уникального

кода. Перечень товаров, которые компании и предприниматели обязаны маркировать в 2019 году, утвержден Распоряжением Правительства Российской Федерации от 28.04.2018 № 792-р и включает в себя одиннадцать групп товаров: табачная продукция, духи и туалетная вода, шины и покрышки, фотокамеры, фотовспышки и лампы-вспышки, белье постельное, столовое, туалетное и кухонное, некоторые виды одежды и обувь.

Таким образом, в ближайшее время большинство товаров повседневного спроса будет нуждаться в обязательной маркировке. Такие серьезные изменения в специальном законодательстве, безусловно, актуализируют и уголовную ответственность за незаконное производство и оборот немаркированной продукции. Ст. 171.1 Уголовного кодекса Российской Федерации устанавливает ответственность за незаконное производство и оборот (приобретение, хранение, перевозку в целях сбыта или сбыт) в отношении следующих групп товаров (продукции): любые товары, которые в соответствии с законодательством Российской Федерации подлежат обязательной маркировке или нанесению информации, продовольственные товары, алкогольная продукция, табачные изделия.

Относительно определения основного непосредственного объекта преступления, предусмотренного ст. 171.1. Уголовного кодекса Российской Федерации, в юридической литературе сложились следующие основные позиции:

1) под объектом преступления понимается установленный законом порядок осуществления предпринимательской и иной деятельности, связанной с производством и оборотом продукции, подлежащей обязательной маркировке [7. С. 7; 6. С. 314]. Более развернутое, но схожее определение объекта преступления звучит следующим образом: установленный порядок занятия предпринимательской деятельностью, обеспечивающий легальное производство и последующий оборот товаров и продукции, контроль за поступлением акцизных платежей в федеральный бюджет, а также поступлений от продажи акцизных марок, специальных марок (знаков соответствия) [1. С. 42]. Объединяет данные определения указание на предпринимательский характер деятельности, связанной с незаконным производ-

ством и реализацией продукции, подлежащей обязательной маркировке;

2) объект преступления – это общественные отношения, обеспечивающие установленный государством порядок производства и реализации особого рода товаров и продукции, подлежащей маркировке [5. С. 28]. В данном определении объекта преступления исследователи не акцентируют внимание на характере деятельности – предпринимательской, а во главу угла ставят специфические свойства предмета – продукция, подлежащая обязательной маркировке.

При определении основного непосредственного объекта преступления, предусмотренного ст. 171.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, полагаем необходимым исходить из того, что систематизирующим признаком для всех действий, перечисленных в диспозиции статьи, является то, что виновное лицо действует вопреки установленному законом порядку осуществления маркировки продукции (нанесения информации). Приоритет защиты в данном случае, в отличие от различных видов незаконной предпринимательской деятельности, изменен: приоритет защиты установлен не в отношении деятельности, а в отношении предмета совершаемого преступления – продукции, подлежащей обязательной маркировке (или нанесению информации). Ответственность за производство и реализацию немаркированной продукции установлена в гл. 22 Уголовного кодекса Российской Федерации и является преступлением в сфере экономической деятельности. Так как в диспозиции статьи предусмотрена ответственность за производство, перевозку в целях сбыта или сбыт, очевидно, речь идет о деятельности, направленной на получение прибыли от оборота немаркированной продукции, т.е. от предпринимательской деятельности. В Уголовном кодексе Российской Федерации содержатся и иные запреты на оборот «нелегальной», «контрафактной» продукции: ст. 327.1 – Изготовление, сбыт поддельных акцизных марок, специальных марок или знаков соответствия, либо их использование (гл. 32 – Преступления против порядка управления), ст. 235.1 – Незаконное производство лекарственных средств и психотропных изделий, ст. 238 – Производство, хранение, перевозка либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или

оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности, ст. 238. 1 – Обращение фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и оборот фальсифицированных биологически активных добавок (гл. 25 – Преступления против здоровья населения и общественной безопасности). В рассматриваемом составе преступления речь идет об обороте продукции с нарушением нормативных правил о маркировке, т.е. при таких обстоятельствах продукция вполне может быть безопасной и качественной, однако лицо не выполняет обязательных предписаний и не обращается в уполномоченные государственные органы, чтобы получить необходимую маркировку (в том случае, когда это предусмотрено законом), либо наносит ее самостоятельно. В результате нарушения установленных правил виновное лицо получает конкурентные преимущества перед лицами, добросовестно выполняющими возложенные законом обязанности. Это, в первую очередь, актуально, когда речь идет об алкогольной, спиртосодержащей продукции и табачных изделиях. В части иной продукции маркировка выполняет информационную функцию для потребителей и обеспечивает контроль за движением товара со стороны государства.

В литературе выделяется дополнительный объект рассматриваемого преступления: нормативная деятельность органов государственной власти и местного самоуправления в сфере обращения с официальными документами, а также интересы и права потребителей [6. С. 136], правоотношения, обеспечивающие защиту здоровья человека [2. С. 42]. Мы полагаем, что в выделении дополнительного объекта рассматриваемого преступления нет необходимости, так как в ст. 171.1 Уголовного кодекса Российской Федерации установлена ответственность не за незаконную предпринимательскую деятельность, а за нарушения требований к производимым товарам. В связи с этим круг первичных общественных отношений (непосредственный объект), подвергаемых негативному воздействию, изначально шире, чем в специальных «предпринимательских» составах, что и позволяет исключить выделение дополнительных объектов рассматриваемого преступления.

Принимая во внимание разнородность общественных отношений, подвергающихся воздействию при совершении рассматриваемого преступления, полагаем, что для рассматриваемого преступления характерен единый сложный непосредственный объект – общественные отношения, возникающие в связи с необходимостью соблюдения установленных законом правил маркировки и нанесения информации на отдельные виды товаров, продукции, а равно необходимостью соблюдения правового режима оборота товаров, продукции на потребительском рынке.

При подобном подходе к определению основного непосредственного объекта необходимость в выделении факультативных объектов отсутствует. Преступления, связанные с оборотом немаркированных товаров, всегда посягают на группу общественных отношений: по обороту, на потребительском рынке, по осуществлению государственного контроля. В том случае, когда при совершении преступления причиняется вред или создается угроза причинения вреда жизни, здоровью населения либо общественным отношениям, связанным с выполнением государственных функций (порядка управления), деяния в зависимости от конкретных обстоятельств дела подлежат квалификации либо по совокупности преступлений, либо по специальной норме уголовного закона.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 171.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, выражается: в производстве; приобретении; хранении; перевозке в целях сбыта; сбыте товаров и продукции без маркировки и (или) нанесения информации, предусмотренной законодательством Российской Федерации, в случае, если такая маркировка и (или) нанесение такой информации обязательны (продукция не относится к алкогольной, табачной и продовольственной продукции). Производство продукции (товара) предполагает создание нового объекта путем переработки в том или ином виде сырья, материалов и т.д.

В целях установления содержания понятия «производства» применительно к ст. 171.1 Уголовного кодекса Российской Федерации выделим основные признаки производства:

1) первичное изготовление продукции из сырья, материалов, т.е. в результате осуществления производственного процесса

появляется новый предмет материального мира. Применительно к ст. 171.1 Уголовного кодекса Российской Федерации первичное изготовление может включать и переработку ранее изготовленной вещи, главное, чтобы в результате продукция обладала потребительскими свойствами вновь созданной продукции (например, переработка вторичного сырья – пластиковых бутылок, стекла, автомобильных шин и т.д.);

2) продукция, полученная в результате производства, должна обладать свойствами товара, т.е. иметь потребительскую ценность и как следствие, возможность ее реализации на потребительском рынке;

3) производство осуществляется в объеме, превышающем собственное потребление лица;

4) продукция (товар), получаемая в результате производства, предназначена не для собственного потребления, а для реализации (сбыта). В этом заключается принципиальное отличие производства от изготовления товаров (продукции). В уголовном праве изготовление и производство традиционно рассматриваются применительно к составам преступления, предусматривающим ответственность за незаконный оборот наркотических средств и оружия. В п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.06.2006 № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» под незаконным изготовлением наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов без цели сбыта следует понимать совершенные в нарушение законодательства Российской Федерации умышленные действия, в результате которых из растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, лекарственных, химических и иных веществ получено одно или несколько готовых к использованию и потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов;

5) производство, носит серийный характер. Согласно позиции Верховного Суда Российской Федерации, изложенной в п. 12 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.06.2006 № 14, под незаконным производством

наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (ст. 228.1 Уголовного кодекса Российской Федерации) следует понимать совершенные в нарушение законодательства Российской Федерации умышленные действия, направленные на серийное получение таких средств или веществ из растений, химических и иных веществ. Указанные разъяснения Высшей судебной инстанции не противоречат содержанию ст. 171.1 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Производство – это процесс (деятельность) по изготовлению нового продукта, а также конечный результат такой деятельности (получен или нет конечный продукт, который можно реализовать). Итоговым результатом процесса производства для уголовно-правовой квалификации является: достижение объема произведенной продукции, по стоимости соответствующей крупному размеру, установленному в диспозиции статьи. Следовательно, до этого момента можно вести речь о неоконченном преступлении, по достижении итогового результата преступление считается оконченным.

Полагаем, что установление уголовной ответственности за производство немаркированной продукции является не вполне корректным. Маркировка продукции – это нанесение на товар уникального средства идентификации (кода), позволяющего контролирующим органам и конечным покупателям получить исчерпывающую информацию о товаре. Маркировка товара осуществляется не в процессе производства, а по завершению: на готовый товар (продукцию) наносятся контрольные идентификационные знаки (КИЗ), после чего товар поступает в гражданский оборот. Таким образом, произвести товар без маркировки технически невозможно. Речь может идти только об отсутствии маркировки на уже произведенном товаре. В связи с этим норму ст. 171.1 Уголовного кодекса Российской Федерации возможно изложить в следующей редакции: невыполнение обязанности по нанесению маркировки на произведенную продукцию (товар).

Оборот немаркированных товаров включает в себя самостоятельные действия: приобретение, хранение, перевозка в целях сбыта или сбыт.

Приобретение продукции, подлежащей обязательной маркировке, предполагает любые способы, в результате которых

лицо становится фактическим и юридическим ее владельцем. К таковым помимо традиционной купли-продажи относятся мена, дарение, отступное, зачет, новация и иные способы приобретения в соответствии с гражданским законодательством. Приобретение продукции может носить как возмездный, так и безвозмездный характер, на квалификацию содеянного возмездность приобретения не влияет.

Хранение предполагает помещение и дальнейшее нахождение продукции в определенном месте. Такое место может быть как специально предназначенным для хранения соответствующей продукции – складское помещение, торговая площадка и т.д., так и любым иным, обеспечивающим сохранность и сбережение продукции. Например, Р. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 6 ст. 171.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, за хранение в целях сбыта немаркированной алкогольной продукции в арендованном гараже, расположенном в гаражном кооперативе [3. С. 1]. Преступление, совершенное в форме хранения, окончено с момента помещения продукции в крупном размере в место, отведенное для стационарного хранения.

Преступление, совершаемое в виде хранения, является длящимся во времени, и момент его окончания обусловлен задержанием лица или иным фактом, например, передачей хранимого имущества третьему лицу.

Перевозка предполагает совершение активных действий по перемещению продукции в пространстве с использованием транспортных средств. Вид транспортных средств значения для квалификации не имеет, равно как и расстояние перемещения (в одном населенном пункте, между населенными пунктами). Перевозка может осуществляться как самостоятельно, так и с привлечением третьего лица, например, транспортной компании. Лицо, осуществляющее перевозку, как правило, не привлекается к уголовной ответственности по ст. 171.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, даже в случае, если оно осведомлено о том, что осуществляет перевозку немаркированной продукции, в связи с тем, что рассматриваемый состав преступления имеет специфическую цель – перевозка товаров в целях сбыта. Перевозчик же не имеет целью сбыть (реализовать) не-

маркированную продукцию, он получает прибыль именно от осуществления услуг по перевозке продукции. Преступление окончено с момента осуществления фактического перемещения немаркированной продукции в крупном размере. Достижение конечной цели перевозки (пункт назначения) для квалификации деяния как оконченного не требуется.

Сбыт продукции – это ее реализация, не обязательно, чтобы это была традиционная продажа. Возможны любые способы: мена, дарение, передача по любым гражданско-правовым основаниям. Возмездность сбыта по общему правилу на квалификацию не влияет, значение для квалификации имеет общий объем продукции, подлежащей сбыту. Сбыт предполагает как единичную реализацию товара – розница, так и оптовую. Способы осуществления сбыта значения для квалификации не имеют (реализация через розничную сеть, поставка на склады, в интернет-магазинах и т.д.).

Преступление, совершенное в виде производства, приобретения, перевозки или сбыта, может быть продолжаемым. В этом случае момент окончания преступления обусловлен достижением указанного в диспозиции размера/стоимости товара. Конструкция состава преступления не исключает возможности покушения на совершение преступления, если деяние складывается из нескольких последовательно совершаемых однотипных действий.

Таким образом, в ближайшее несколько лет, по нашему мнению, следует ожидать значительного увеличения уголовных дел по ст. 171.1 Уголовного кодекса Российской Федерации. Объективно оценивая данную реальность, мы полагаем, что необходима системная работа по обобщению практики применения рассматриваемой нормы.

Литература

1. Гусева Г.А., Васинев С.А. Товары и продукция без маркировки: административная и уголовная ответственность // Право и экономика. 2003. № 5. С. 65.
2. Карпович О.Г. Особенности уголовной ответственности за производство, приобретение, хранение, перевозку или сбыт немаркированных товаров и продукции // Рос. следователь. 2003. № 4. С. 45.
3. Приговор Балаковского районного суда Саратовской области от 02.07.2017 г. по делу № 1-1-237/2017. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://sudact.ru/regular/doc/RCQ0QgoLOymH/> (дата обращения: 03.03.2020).

4. Судебная статистика Российской Федерации. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 03.03.2020).

5. Сулейманов С.М. Объект преступления, предусмотренного ст. 171.1 УК РФ // Законность. 2004. № 4. С. 28.

6. Черняков А.Г. Непосредственный объект производства, приобретения, хранения, перевозки или сбыта немаркированных товаров и продукции // Общество и право. 2010. № 2. С. 314.

7. Щиголов Ю. Ответственность за незаконные действия с подакцизными товарами и подделку средств их маркировки // Рос. юстиция. 1999. № 12. С. 47.

ПОМЕЩЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО В СПЕЦИАЛЬНОЕ УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ЗАКРЫТОГО ТИПА КАК ФАКТОР ОПРЕДЕЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПРИРОДЫ И ПРАВОВОЙ СУЩНОСТИ ИНСТИТУТА ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

С.А. Корнеев, адъюнкт

ФКОУ ВО «Академия права и управления

Федеральной службы исполнения наказаний», г. Рязань

Аннотация. Рассматриваются принудительные меры воспитательного воздействия. В частности, затрагиваются вопросы определения социальной природы и правовой сущности указанного института. Приведена авторская позиция относительно такой меры воспитательного воздействия, как помещение несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа.

Ключевые слова: принудительные меры воспитательного воздействия, иные меры уголовно-правового характера, помещение несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа.

PLACEMENT OF A MINOR IN A SPECIAL EDUCATIONAL INSTITUTION OF A CLOSED TYPE AS A FACTOR IN DETERMINING THE SOCIAL NATURE AND LEGAL ESSENCE OF THE INSTITUTION OF COMPULSORY MEASURES OF EDUCATIONAL INFLUENCE

S.A. Korneev

Abstract. Discusses compulsory measures of educational influence. In particular, the issues of determining the social nature and legal essence of this institution

are discussed. The author's position on such a measure of educational influence as placing a minor in a special educational institution of a closed type is given.

Keywords: compulsory measures of educational influence, other measures of a criminal legal nature, placement of a minor in a special educational institution of a closed type.

Принудительные меры воспитательного воздействия известны доктрине уголовного права достаточно давно. Уголовно-правовое воздействие в отношении несовершеннолетних применялось еще во времена Петра I и заключалось в отдаче малолетних преступников под надзор родителям. Однако, ни ранние нормативно-правовые акты, ни советское законодательство, ни действующий уголовный закон не предусматривают определения понятия принудительных мер воспитательного воздействия, их содержание, социальную природу и правовую сущность. Таким образом, рассматриваемый институт в настоящее время занимает «пограничное» положение, так как не относится ни к наказанию, ни к иным мерам уголовно-правового характера. В связи с этим данная проблема является весьма актуальной и дискуссионной на протяжении долгого времени, а ее решение необходимо для обеспечения правильного и четкого применения данного уголовно-правового института на практике.

В юридической литературе нет единого или преобладающего мнения относительно определения правовой сущности принудительных мер воспитательного воздействия. Так, одна группа ученых стоит на позиции отнесения рассматриваемого института к форме реализации уголовной ответственности [2. С. 6; 4. С. 8; 6. С. 31]. Другая точка зрения заключается в отнесении этих мер к институту освобождения от уголовной ответственности и от наказания [5. С. 10]. Некая двойственность в правовой природе объясняется нормой уголовного закона о принудительных мерах воспитательного воздействия. В ст. 90 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) законодатель говорит о том, что несовершеннолетний, совершивший преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобожден от уголовной ответственности, если будет признано, что его исправление может быть достигнуто путем применения принудительных мер воспитательного воздействия. Таким образом, в данном случае вести речь о форме реализации уголовной от-

ветственности не представляется возможным, так как сама уголовная ответственность отсутствует.

Ст. 92 УК РФ закрепляет положение о том, что несовершеннолетний, осужденный за совершение преступления небольшой или средней тяжести, может быть освобожден судом от наказания с применением принудительных мер воспитательного воздействия. В данном случае лицо будет освобождено от наказания, но не от уголовной ответственности. Последнее по своему объему является более широким понятием, а значит уголовно-правовой статус несовершеннолетнего претерпит некие изменения. В случае совершения несовершеннолетним лицом преступления средней тяжести либо тяжкого преступления уголовно-правовое воздействие будет заключаться в помещении его в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа. Очевидно, что данные лишения и ограничения непосредственно связаны с уголовной ответственностью, однако нельзя сравнить рассматриваемую меру уголовно-правового воздействия, например, с институтом наказания.

Таким образом, наблюдается «двойная» правовая природа рассматриваемого института. С одной стороны, это меры, замещающие прекращенную уголовную ответственность, с другой – меры уголовной ответственности, альтернативные наказанию. Очевидно, что данный факт противоречит целостности института уголовного права, создает коллизии как на теоретическом, так и на практическом уровнях. Причиной «раскола» правовой сущности принудительных мер воспитательного воздействия, скорее всего, служит такая мера, как помещение несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа. Таким образом, решение вопроса по определению ее социальной природы и правовой сущности позволит представить рассматриваемый институт как единое средство уголовно-правового воздействия в борьбе с преступностью несовершеннолетних.

Помещение несовершеннолетнего, совершившего преступление средней тяжести и тяжкое преступление, в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа – мера уголовно-правового характера, применяемая в качестве освобождения от наказания. Тем самым, являясь альтернативой последне-

го, данная мера вполне может рассматриваться как форма реализации уголовной ответственности. Однако, считаем данную точку зрения неверной. Действительно, указанная принудительная мера воспитательного воздействия является наиболее суровой по сравнению с остальными, так как влечет определенные ограничения для несовершеннолетнего, но эти лишения и правоограничения не могут сравниться, например, с наказанием в виде лишения свободы с отбыванием в воспитательных колониях ФСИН России.

Представляется необходимым рассматривать данную меру как одну из принудительных мер воспитательного воздействия, так как, учитывая исчерпывающий характер перечня наказаний, предусмотренных УК РФ, рассматриваемая мера наказанием не является. Вместе с тем по своему характеру и целям, предусмотренным ч. 2 ст. 92 УК РФ, схожа с иными принудительными мерами воспитательного воздействия, но является наиболее серьезной и имеет ряд особенностей. Таким образом, поддерживая точку зрения С.А. Боровикова, считаем, что помещение несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа – это пятый вид принудительных мер воспитательного воздействия [1. С. 69].

Принудительные меры воспитательного воздействия по своей социальной природе и правовой сущности должны рассматриваться в качестве обособленного, как от наказания, так и от уголовной ответственности, института, т.е. входить в объем иных мер уголовно-правового характера. Во-первых, принудительные меры воспитательного воздействия прежде всего направлены не на восстановление социальной справедливости и исправление осужденного, а на воспитание несовершеннолетнего лица, его дальнейшую позитивную социализацию. Во-вторых, как и принудительные меры медицинского характера они назначаются не за совершение преступления, а в связи с его совершением. В-третьих, применение принудительных мер воспитательного воздействия не порождает судимость. В-четвертых, в отличие от наказания, их сущность не выражается карой и воздаянием. И, наконец, в-пятых, несовершеннолетний, в силу социальной незрелости, равно как лицо, страдающее психическим расстройством, в силу душевного состояния

не могут осознавать общественную опасность совершаемого деяния, наступление неблагоприятных последствий и применяемые к ним меры уголовно-правового характера, сопряженные с уголовной ответственностью, и тем самым не должны выступать субъектом преступления.

Литература

1. Боровиков С.А. Принудительные меры воспитательного воздействия как альтернатива наказанию несовершеннолетних. М., 2009. 176 с.
2. Ведмидь С.Э. Проблемы реализации уголовной ответственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2004. 17 с.
3. Корнеев С.А. Меры уголовно-правового воздействия, не связанные с уголовной ответственностью // Юрид. наука и правоохранит. практика. 2019. № 3 (49). С. 64–72.
4. Лесниченко И.П. Уголовная ответственность: понятие и проблемы реализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2005. 26 с.
5. Скрипченко Н.Ю. Применение принудительных мер воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетних (по материалам Архангельской области): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 25 с.
6. Якушин В.А. Наказание и иные меры уголовно-правового воздействия. Тольятти, 2018. 337 с.

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА МЕДИАЦИИ В РОССИИ

А.Е. Корнилова, ст. преподаватель
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет
имени И.Н. Ульянова», г. Чебоксары

Аннотация. Рассматривается развитие института медиации в истории России, а также понятие мирового соглашения в разные периоды развития Российского государства.

Ключевые слова: медиация, мировое соглашение, суд, судебный процесс.

THE HISTORY OF THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE MEDIATION INSTITUTION IN RUSSIA

A.E. Kornilova

Abstract. The article discusses the development of the mediation institution in the history of Russia, as well as the concept of a settlement agreement in different periods of the development of the Russian state.

Keywords: mediation, amicable agreement, court, judicial process.

Институт медиации является сравнительно новым для российской правовой действительности явлением [2. С. 193]. В то же время Россия имеет давнюю историю существования и развития институтов альтернативного разрешения споров, в том числе с участием посредника. Традиционные формы разрешения конфликтов мирным путем с привлечением третьего нейтрального лица были известны еще в Древней Руси. К посредникам обращались для улаживания конфликтов как внутри крестьянской общины, так и в «высшем обществе». Посредники оказывали содействие в мирном урегулировании княжеских междоусобиц. Как правило, в качестве посредников в конфликтных ситуациях выступали представители духовенства. Позднее были созданы общественные институты, которые стали согласовывать интересы различных социальных групп российского общества (Вече, Земский собор).

Институты примирительных процедур и мирового соглашения начали формироваться в России с конца XIV века. Впервые в российском законодательстве об урегулировании споров путем мирового соглашения упомянуто в Новгородской берестяной грамоте (1281–1313). Внесудебное урегулирование споров являлось неотъемлемой частью новгородской деловой культуры, основанной на признании широкой автономии воли, поощрения частной инициативы и минимизации вмешательства государства в частные дела. Из дошедших до наших дней правовых и литературных памятников известно, что в Новгородской республике одной из распространенных внесудебных процедур была процедура под названием «мировой ряд». Обращение спорящих сторон к услугам третьих лиц (рядцов) называлось «рядом». Рядцы – примирители, посредники в урегулировании спора при заключении обоюдного решения – мирового соглашения. Упоминания о мировом соглашении встречаются практически во всех крупных памятниках русского права: Псковской Судной грамоте 1397 года, Судебнике Ивана III 1497 года, Соборном уложении 1649 года. В то время гражданская и уголовная юстиция не были ясно отделены одна от другой, и мировая сделка могла заключаться во всей области спорных правоотношений, включая преступления, проступки и гражданские правонарушения. В дальнейшем в связи с разделением процесса ми-

ровое соглашение стало рассматриваться прежде всего в качестве института гражданского процессуального права.

Во второй половине XIX – начале XX века в России отмечается масштабный прорыв в понимании значения мирного урегулирования споров. Начинают складываться основные контуры юридической конструкции мирового соглашения, постепенно формируется комплексная система взглядов на примирительные процедуры. Довольно продолжительное время (с 1775 по 1862 год) в России существовали губернские совестные суды, которые были созданы по указу Екатерины II. Разбирательства в этих судах происходили с участием посредников, целью которых было примирить стороны. Если попытка примирения не имела успеха, то стороны для разрешения спора обращались в общий суд.

В российском гражданском процессе о примирении сторон как одной из функций судебных органов упоминалось в Уставе гражданского судопроизводства 1864 года, который содержал главу «О примирительном разбирательстве». Функции примирения возлагались в основном на мировую юстицию. Мировые суды создавались как выборные, всесловные и самостоятельные органы судебной власти, основной задачей которых было примирение сторон, охрана и утверждение общего порядка и спокойствия. В настоящее время «мировое соглашение – соглашение сторон об урегулировании спора путем взаимных уступок, определяющее взаимные материальные права и обязанности сторон, вытекающие из спорного правоотношения, и направленное на ликвидацию возникшего между ними материально-правового спора и окончание судебного процесса по делу (здесь “уступка” предполагает отказ от каких-либо требований или их уменьшение)» [4. С. 327].

В Уставе судопроизводства торгового также была закреплена возможность применения примирительных процедур, порядок рассмотрения дел в коммерческих судах. В качестве примирителей выступали члены коммерческого суда, избранные сторонами или по просьбе сторон назначенные судом. По мнению некоторых исследователей, именно в этот период расцвета коммерческого судопроизводства в России даже использовался термин «медиатор».

После событий 1917 года новое советское государство не отказалось от использования минимально формального посредничества. Одним из первых декретов советской власти стал Декрет о суде № 1 от 22 ноября 1917 года, согласно которому «по всем спорным гражданским, а также и частно-уголовным делам стороны могут обращаться к третьей стороне».

В СССР гражданское процессуальное право в значительной степени утратило дореволюционные традиции правового регулирования института примирения сторон. Многие положения и нормы дореволюционного законодательства и результаты теоретических исследований ведущих юристов не были восприняты советским правом. Гражданский процессуальный кодекс РСФСР 1923 года предусматривал возможность сторонам окончить дело миром, но законодательство чрезвычайно скупо регулировало данный институт, предоставляя крайне большой простор для судейского усмотрения в этом вопросе, а Пленум Верховного Суда ориентировал суды на возможность заключения мировой сделки только при разборе мелких гражданских дел. ГПК РСФСР 1964 года содержал большее количество норм о мировых соглашениях. Законодательно была закреплена возможность заключения мирового соглашения на различных стадиях гражданского процесса (при подготовке дела к судебному разбирательству, в судебном разбирательстве, в кассационной инстанции, в исполнительном производстве). Внесудебные методы разрешения споров в СССР существовали в основном в сфере трудовых отношений. При этом особенностью советской системы были так называемые товарищеские суды, действовавшие в трудовых коллективах. Целью этих структур было «предупреждение правонарушений, воспитание людей путем убеждения и общественного воздействия, создания обстановки нетерпимости к любым антиобщественным поступкам» [3. С. 14].

В конце 80-х – начале 90-х годов прошлого века в российском юридическом сознании наблюдается качественный скачок в понимании примирительных идей в системе правосудия. Современная медиация как способ урегулирования споров начала применяться в России в 90-х годах XX века. Однако внедрение медиации в современное общество было сопряжено с рядом

сложностей: недостаточная информированность общества о самой медиации, сферах ее применения и преимуществах перед судебным разбирательством, отсутствие достаточного количества опытных и квалифицированных медиаторов, отсутствие законодательного акта, регулирующего процедуру медиации, а значит, и механизмов защиты участников процедуры медиации, том числе от необходимости давать показания в суде по конфиденциальным вопросам, касающимся процедуры медиации, и т.д.

Основу законодательной базы медиации в России составляет Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)». Институт медиации в России имеет долгую историю, однако является сравнительно новым для российской действительности явлением. Становление медиации в конечном счете отвечает интересам любого правового государства, так как способствует созданию эффективной судебной системы, снижению объема дел в судах и затрат, связанных с их рассмотрением.

Литература

1. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации): Федер. закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ (ред. от 26.07.2019) // СЗ РФ. 2010. № 31. Ст. 4162.
2. Иванова Е.В., Юнисова Д.О. Институт медиации в нотариальной деятельности // Сборник научных трудов молодых ученых и специалистов. Чебоксары, 2016. С. 193–199.
3. Ореханова Г.В. Медиация в России: история и современное состояние // Медиация и право. 2013. №1. С. 14.
4. Юманова Н.М. Мировое соглашение по гражданским делам // Правовые и нравственные аспекты безопасности личности и государства на современном этапе политических и экономических санкций: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф.: в 2 ч. Чебоксары, 2016. Ч. I. С. 326–330.

О РАЗВИТИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В РОССИИ

И.Н. Костылева, заместитель директора
МБУ «Центр ППМСП “Гармония”», г. Чебоксары

Аннотация. Рассматриваются тенденции и противоречия в сфере развития гражданского общества в России, практики создания властью искусственных препятствий для реального вовлечения общества в политический процесс.

Ключевые слова: государство, гражданское общество, право, правовая культура, духовные ценности, политическое участие.

ON THE DEVELOPMENT OF CIVIL SOCIETY IN RUSSIA

I.N. Kostyleva

Abstract. This article discusses trends and contradictions in the development of civil society in Russia, the practice of creating artificial obstacles by the authorities for the real involvement of society in the political process.

Keywords: state, civil society, law, legal culture, spiritual values, political participation.

Гражданское общество – это неконтролируемая государством сфера жизни граждан страны. Оно является продуктом свободного рынка и демократии и возможно только в условиях верховенства закона, равного и обязательного для всех. Исходя из истории общественно-политической мысли и учитывая современные социально-политические реалии, под гражданским обществом понимают, во-первых, находящуюся на определенной стадии развития форму человеческой общности [2. С. 481].

Во-вторых, гражданское общество – это комплекс добровольно сформировавшихся первичных объединений индивидов: ассоциаций, хозяйственных корпораций, общественных организаций, профессиональных, спортивных, этнических, конфессиональных и других негосударственных объединений. Гражданское общество – один из институтов общественной системы, в которой существует политика, идеология, массовое образование и государство, в полной мере обладающее функцией социального контроля (насилия) [1. С. 101].

В-третьих, в сферу гражданского общества входит совокупность негосударственных отношений: экономических, социальных, семейных, национальных, духовных, нравственных, религиозных и др.

В-четвертых, это производственная и частная жизнь людей, их обычаи, традиции, нравы.

К элементам гражданского общества относятся:

– в экономической сфере – негосударственные предприятия и объединения: кооперативы, коллективные хозяйства, арендные коллективы, акционерные общества, частные предприятия и учреждения, ассоциации и т.д. Атрибутами экономической

сферы гражданского общества являются конкуренция, рыночные отношения;

– в социальной сфере – семьи, организации и движения, негосударственные средства массовой информации, органы общественного самоуправления в коллективах и организациях; механизм выявления, формирования и выражения общественного мнения;

– в политической сфере – создаваемые по мере необходимости и не являющиеся атрибутами гражданского общества политические, общественно политические партии, клубы, организации, объединения, движения, в которых реализуется соблюдение демократических принципов, традиций, процедур;

– в духовной сфере – наличие свободы мысли, слова; самостоятельность и независимость от государственных и политических структур деятельности творческих, национальных и других объединений граждан.

Основополагающим условием жизнедеятельности гражданского общества является обладание каждым его членом конкретной собственностью или участие в обладании собственностью, право использовать ее по своему усмотрению [3. С. 529]. Наличие собственности – базовое, фундаментальное условие свободы личности в гражданском обществе. Важным условием функционирования гражданского общества является наличие в обществе развитой социальной структуры, отражающей все богатство и многообразие интересов представителей различных групп и слоев. Еще одним условием жизнедеятельности гражданского общества является высокий уровень социального, интеллектуального развития личности, ее внутренней свободы и способности к полной самостоятельности при включении в тот или иной институт гражданского общества [5. С. 407].

Таким образом, гражданское общество – это самоорганизующаяся и саморазвивающаяся система, сфера самоуправления свободных индивидов и их объединений. Именно поэтому оно жизненно заинтересовано в ограждении себя законами от прямого вмешательства и произвольной регламентации деятельности со стороны государственной власти, а следовательно, в существовании эффективной системы гражданского контроля [8. С. 185].

Гражданское общество существует и функционирует в диалектическом, противоречивом единстве с государством. Но формы такого взаимодействия могут быть различными – от тесного соприкосновения и взаимоотношений с государством, до пассивной или активной оппозиции к государству [7. С. 72]. Эти условия гражданского общества стремится формировать через государство путем создания необходимых законов, демократических структур [6. С. 304]. Только в результате взаимодействия консервативного и прогрессивного начал создается хрупкая система общественного равновесия [4. С. 57]. Актуальность формирования институтов гражданского общества объясняется тем, что оно выполняет функцию общественного контроля за действиями власти, пресечения злоупотреблений власти.

Литература

1. Кузьмин Ю.А. Актуальность принципов диалектики для совершенствования правового сознания // Ист., философ., полит. и юрид. науки, культурология и искусствоведение. Вопр. теории и практики. 2017. № 3-2 (77). С. 99–102.
2. Кузьмин Ю.А. Юридические санкции и иные меры уголовно-правового характера в современном мире // Юридические санкции: общетеоретические и отраслевые аспекты: материалы V Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Казань, 2018. С. 478–484.
3. Кузьмин Ю.А. Социально-психологические аспекты проявления правосознания // Трансформация социальных систем: проблемы и поиски путей решения: сб. науч. трудов по материалам всерос. науч.-практ. конф. (с междунар. участием). Ковылкино, 2017. С. 526–532.
4. Купирова Ч.Ш., Тасаков С.В. Преступления против несовершеннолетних. Чебоксары, 2016. 164 с.
5. Максимов Н.В., Кузьмин Ю.А. Проблема истины при вероятностном выводе судебной экспертизы // Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики: сб. материалов 4-й Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2014. С. 406–409.
6. Маслюк И.А., Кузьмин Ю.А. Актуальные проблемы защиты прав свидетеля в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики: сб. материалов II Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2012. С. 303–306.
7. Степанов А.Г. К вопросу о совершенствовании межбюджетных отношений // Финансы и кредит. 2006. № 28 (232). С. 72–78.
8. Степанов А.Г. Этнические аспекты мировоззрения в системе социального познания // Регионоведение. 2011. № 1 (74). С. 181–187.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОРГАНОВ ВЛАСТИ С НЕКОММЕРЧЕСКИМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ (НА ПРИМЕРЕ ЯРОСЛАВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Н.В. Крайнова, канд. полит. наук, доцент

Д.А. Прусов, бакалавр

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет
им. П.Г. Демидова», г. Ярославль

Аннотация. Рассматриваются механизмы взаимодействия органов власти и некоммерческих организаций на примере Ярославской области. Приводится пример сотрудничества между региональной властью и некоммерческой организацией.

Ключевые слова: органы власти, некоммерческие организации, механизмы взаимодействия.

INTERACTION OF AUTHORITIES WITH NON-PROFIT ORGANIZATIONS ON THE EXAMPLE OF THE YAROSLAVL REGION

N.V. Krainova, D.A. Prusov

Abstract. Deals with the mechanisms of interaction between authorities and non-profit organizations on the example of the Yaroslavl region. An example of successful cooperation between the regional government and a non-profit organization is also given.

Keywords: authorities, non-profit organizations, interaction mechanisms.

На данный момент в России продолжается процесс формирования гражданского общества, где некоммерческие организации являются одним из ключевых элементов. Государство, в свою очередь, стремится создать такие условия для существования некоммерческих организаций (НКО), при которых они смогли бы вступать в взаимодействие с органами власти на федеральном, региональном и муниципальном уровне. Как правило, такое взаимодействие связано с реализацией экономических, социальных или культурных проектов.

М.Б. Горный выделяет две модели взаимодействия органов государственной власти и НКО [4]. В первой модели речь идёт о взаимодействии «заказчик-исполнитель». В ней НКО являются исполнителями социальных заказов, которые исходят от государства. Во второй модели взаимодействия государственные органы власти и НКО являются партнёрами. Показательным

примером данной модели можно считать аутсорсинг социальных услуг, когда государство передаёт часть своих обязательств в социальной сфере (например, страхование) НКО, тем самым освобождая часть бюджетных средств.

В настоящее время можно говорить о слиянии двух моделей взаимодействия государства и НКО.

Рассмотрим взаимодействие органов власти Ярославской области с НКО. На начало марта 2020 года в данном субъекте зарегистрировано 1987 НКО [2]. Все они имеют различные организационно-правовые формы и специализируются на определённых направлениях деятельности. Для того чтобы НКО могла претендовать на помощь со стороны органов власти, она должна соответствовать установленным условиям. Так, в соответствии со ст. 31.1 Федерального закона от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» социально ориентированная НКО должна выполнять один или несколько видов деятельности (например, охрана окружающей среды и защита животных, профилактика социально опасных форм поведения граждан и многое другое).

Виды поддержки могут осуществляться в различных формах, которые также указаны в законе:

- финансовая, имущественная, информационная, консультационная поддержка, а также поддержка в области подготовки, дополнительного профессионального образования работников и добровольцев (волонтеров) социально ориентированных НКО;

- предоставление льгот по уплате налогов и сборов для социально ориентированных НКО;

- осуществление закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд у социально ориентированных НКО [1].

Финансовая и имущественная поддержка является самым эффективным способом поддержки социально ориентированных НКО. Она предоставляется в виде грантов и конкурсов.

Одним из факторов, влияющих на активность и характер взаимодействия двух институтов, является доверие власти некоммерческим и общественным организациям. Так, в Ярославской области на смену формальному, бюрократическому подходу в работе с общественными объединениями приходит конст-

руктивное общение, направленное на решение социальных вопросов, защиту прав граждан, социальной помощи [5].

Примером взаимодействия органов власти и некоммерческой организации в Ярославской области является деятельность Ярославской областной общественной организации «Всероссийское общество охраны природы» (далее – ЯООО «ВООП»). Данная НКО сотрудничает с Департаментом общественных связей Ярославской области. Департамент включил членов данной социально ориентированных НКО в состав экспертных групп по формированию новой экологической политики в регионе [3]. Также ЯООО «ВООП» совместно с Департаментом образования Ярославской области реализует проект «Сохраним родной парк»: в школах, колледжах и общественных организациях проходит информирование граждан об истории парков, видовом разнообразии растений и особенностях ландшафта и культуры обслуживания парков. Помимо департаментов поддержку данной социально ориентированной НКО оказывают и другие государственные учреждения, такие как ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, Ярославская областная универсальная научная библиотека им. Н.А. Некрасова. Университет и библиотека предоставляют помещения для проведения мероприятий, которые организует ЯООО «ВООП» [6].

Таким образом, в Ярославской области на данный момент выработан механизм конструктивного взаимодействия власти и НКО. Органы власти на региональном уровне заинтересованы в действительно эффективном и взаимозаинтересованном сотрудничестве и оказывают определенную поддержку НКО, которые занимаются решением социально значимых проблем.

Литература

1. О некоммерческих организациях: Федер. закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ (ред. от 02.12.2019) [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824/7eaea9c371156f066aec7c807a57b0a923131657/ (дата обращения: 14.01.2020).

2. Официальный сайт Министерства юстиции Российской Федерации. О деятельности некоммерческих организаций [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://unro.minjust.ru/NKOs.aspx> (дата обращения: 14.01.2020).

3. Официальный сайт Департамента общественных связей Ярославской области. Состав экспертных групп по формированию новой экологической политики в Ярославской области [Электрон. ресурс]. Режим досту-

па: <https://www.yarregion.ru/DocLib1/списки%20групп.doc> (дата обращения: 14.01.2020).

4. Горный М.Б. Взаимодействие некоммерческих организаций и органов власти: сравнительный анализ законодательства // ЖИСП. 2011. № 2 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimodeystvie-nekommercheskih-organizatsiy-i-organov-vlasti-sravnitelnyy-analiz-zakonodatelstva> (дата обращения: 14.01.2020).

5. Исаева Е.А., Соколов А.В. Доклад о состоянии гражданского общества в Ярославской области в 2018 году. Ярославль, 2019. С. 97.

6. Развитие экологической культуры в Ярославской области [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://voop-rf.ru/razvitiie-ekologicheskoy-kultury-v-yaroslavskoj-oblasti/> (дата обращения: 14.01.2020).

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА ПРИ ИСПОЛНЕНИИ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ

С.В. Кривошеев, канд. юрид. наук, доцент
ЧОУ ВО «Московский университет имени С.Ю. Витте», г. Москва

Аннотация. Рассматриваются основные проблемы, возникающие в работе учреждений уголовно-исполнительной системы, обеспечивающих реализацию меры пресечения в виде заключения под стражу при реализации прав человека.

Ключевые слова: подозреваемый, обвиняемый, мера пресечения, заключение под стражу, уголовно-исполнительная система, права человека.

FEATURES OF THE IMPLEMENTATION OF HUMAN RIGHTS IN THE EXECUTION OF A PREVENTIVE MEASURE IN THE FORM OF DETENTION

S.V. Krivosheev

Abstract. The main problems that arise in the work of institutions of the penal system, which ensure the implementation of preventive measures in the form of detention in the exercise of human rights, are examined.

Keywords: suspect, accused, preventive measure, detention, criminal enforcement system, human rights.

При исполнении меры пресечения в виде заключения под стражу происходит ограничение некоторых основных прав человека, предусмотренных Конституцией Российской Федерации, а именно право на свободу и личную неприкосновенность

(ст. 22), неприкосновенность частной жизни, тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ст. 23), право свободно передвигаться, выбирать место пребывания и жительства (ст. 27), а также ряд других прав. При этом должны неукоснительно быть обеспечены такие права, как равенство граждан перед законом и судом (ст. 19), неприменения пыток, насилия, другого жестокого и унижающего человеческое достоинство обращения и наказания (ст. 21), гарантий права на свободу совести и вероисповедания (ст. 28), охрана здоровья и медицинской помощи (ст. 41), презумпция невиновности (ст. 49).

Наряду с Основным законом государства права лиц, заключенных под стражу, закрепляются также и в других законах страны. Основным является профильный Федеральный закон «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» [1]. В его статьях определяются основные права содержащихся под стражей (ст. 17), также большое внимание уделяется реализации права на свидания с защитником, родственниками и иными лицами (ст. 18), права на личную безопасность (ст. 19), права на переписку (ст. 20).

В соответствии с Федеральным законом «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» были приняты Правила внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы [3]. Данный нормативно-правовой акт является подзаконным и был принят приказом Министерства юстиции. В нем более подробно определяется порядок реализации прав, обязанностей человека как сотрудниками учреждений УИС, так и подозреваемыми и обвиняемыми, содержащимися в данных учреждениях. Также указанный документ определяет ограничения прав человека и порядок их применения.

Данный правовой акт определяет порядок приема подозреваемых и обвиняемых, размещения по камерам; проведение личного обыска, дактилоскопирования, фотографирования и досмотра вещей; изъятие предметов, веществ и продуктов питания, запрещенных к хранению и использованию; материально-бытовое обеспечение; приобретение продуктов питания, предметов первой необходимости других промышлен-

ных товаров; прием и выдачу посылок, передач; проведение ежедневных прогулок; проведение свиданий с защитником, родственниками и иными лицами, а также другие права и правоограничения.

Прежде чем говорить о проблемах реализации прав лиц, содержащихся под стражей, следует уделить немного внимания определению мест содержания под стражей.

В соответствии с законодательством местами исполнения данной меры пресечения являются изоляторы временного содержания Министерства внутренних дел Российской Федерации и Пограничной службы Федеральной службы безопасности Российской Федерации, а также следственные изоляторы и иные учреждения уголовно-исполнительной системы. При этом стоит отметить, что первые два места являются временными местами размещения подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, а постоянными местами являются учреждения Федеральной службы исполнения наказания Российской Федерации (поэтому в статье говорится о деятельности именно этих учреждений). К данным учреждениям относятся следственные изоляторы и помещения, функционирующие в режиме следственного изолятора, создаваемые в исправительных колониях различного вида режима. При этом стоит учитывать, что данные помещения создаются в колониях изолировано от основной массы осужденных, как правило, в отдельно стоящем здании, и правовой статус лиц, содержащихся в них, такой же, как и в следственном изоляторе, несмотря на то, что территориально они находятся на территории колонии.

Наряду с подозреваемыми и обвиняемыми, которым избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, в следственных изоляторах содержатся и некоторые категории осужденных. Это осужденные, оставленные для хозяйственного обслуживания данных учреждений; осужденные, приговор которых вступил в законную силу и ожидающие отправки в исправительное учреждение; осужденные, доставленные в следственный изолятор из исправительной колонии по требованию суда или органа предварительного расследования. Правовой статус данных лиц регулируется также и Уголовно-исполнительным кодексом Российской Федерации.

Учреждения, исполняющие меру пресечения в виде заключения под стражу, относятся к режимным, и в силу этого к лицам, находящимся в них, применяются определенные правоограничительные меры.

Так, основным правом, подвергающимся ограничению, является свобода передвижения. Оно происходит из самой сути меры пресечения в виде заключения под стражу и проявляется не в полном обездвиживании человека, а в невозможности самостоятельно, без правовых оснований и специального разрешения покинуть данное учреждение, иначе наступит уголовная ответственность по ст. 313 УК РФ. Обвиняемому разрешается свободно перемещаться только внутри камерного пространства, в котором он находится, также у него есть право на ежедневную прогулку не менее часа в специально оборудованном месте, куда он следует под конвоем, все остальное передвижение внутри СИЗО осуществляется только в сопровождении персонала. При этом в практической деятельности возникают определенные вопросы при реализации права на ежедневную прогулку. Так, она проводится по установленному графику, в котором существует очередность вывода лиц, содержащихся в разных камерах, в прогулочные дворики, а если обвиняемый находится на свидании с родственниками, адвокатом, вывезен конвойной службой МВД в суд или к следователю, а вечером возвращен обратно, то никто ради него не будет вновь проводить данное мероприятие.

В условиях следственного изолятора с ограничением реализуется право на личную и частную жизнь, оно осуществляется посредством отсутствия частного пространства и постоянного надзора за лицами, содержащимися под стражей, во всех местах их нахождения (кроме зон приватности), посредством осуществления визуального надзора (через смотровые глазки в дверях или стенах камеры) или с помощью технических средств (в последнее время все помещения активно оборудуются системами видеонаблюдения), проверки почтовой корреспонденции.

В соответствии с ведомственными подзаконными актами ограниченного действия, к которым относится приказ Минюста России от 03.11.2005 № 204-дсп «Об утверждении Инструкции об организации службы по обеспечению надзора за подо-

зреваемыми, обвиняемыми и осужденными, содержащимися в следственных изоляторах и тюрьмах уголовно-исполнительной системы», Приказ Минюста России от 20.03.2015 № 64-дсп «Об утверждении Порядка проведения обысков и досмотров в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы на прилегающих к ним территориях, на которых установлены режимные требования», проводятся регулярные обысковые мероприятия, что ограничивает право на личную неприкосновенность, неприкосновенность частной жизни как личных, так и жилых помещений с целью недопущения совершения преступлений и правонарушений, нарушения прав других лиц.

Одним из основных прав, реализуемых в описываемых условиях, является обеспечение права на защиту. Так как в отношении содержащихся под стражей лиц определена мера пресечения и они являются участниками уголовного процесса, то реализация данного права является весьма существенным условием. Подозреваемые и обвиняемые могут встречаться с защитником без ограничений как по времени, так и по продолжительности, исключениями являются случаи необходимости обеспечения требований режима, а также реализации других прав человека (обеспечение восьмичасового непрерывного сна, бесплатного питания, медицинского обслуживания ст. 17 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»).

При реализации права на защиту подозреваемые, обвиняемые, а также адвокаты сталкиваются с определенными трудностями. Так, адвокаты нередко встречаются с проблемой отсутствия специальных кабинетов, необходимых для встречи с подзащитным, вернее сказать, не с их полным отсутствием, а их небольшим количеством, в результате чего возникает ситуация ожидания (порой по несколько часов) возможности общения.

Также не в полной мере реализуется право пользоваться услугами телефонных звонков, в том числе защитникам (право совершать платные телефонные звонки предусмотрено ст. 17 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» при наличии данной возможности в следственном изоляторе. Но, как показывает практика, данное право редко реализуется), поэтому встре-

чи с защитником происходят либо по ранней договоренности, либо по желанию адвоката.

В настоящее время сложилась устойчивая практика в учреждениях уголовно-исполнительной системы г. Москвы и Московской области по перемещению обвиняемых из следственных изоляторов, находящихся на их территории, в подобные учреждения ближайших к Московской области регионов, где есть места, для разгрузки и обеспечения камерной площади в четыре квадратных метра на человека, в соответствии с требованиями закона. В данном случае перемещают обвиняемых, о отношении которых уже есть обвинительный приговор суда первой инстанции и он обжалуется в апелляционном порядке. При этом о новом месте содержания под стражей защитники не информируются, а сам подзащитный это сделать не может в силу отсутствия указанной ранее возможности, в результате чего возникают определенные трудности с реализацией права на защиту.

Это обосновано следующим обстоятельством: так, на 1 марта 2020 года по официальным данным УФСИН России по г. Москве, в восьми следственных изоляторах лимит наполнения составил 9214 человек, численность лиц, содержащихся в них, составила 9570 чел. [4]. В 11 следственных изоляторах и двух помещениях, функционирующих в режиме следственного изолятора при колониях в УФСИН России по Московской области, содержалось 4289 чел. (на 01.01.2019) при лимите наполнения 4028 мест [5].

Пользуясь тем, что апелляционное рассмотрение проходит чаще всего с использованием видеоконференц-связи (ч. 2 ст. 389.12, ч. 8 ст. 389.13 УПК РФ) по усмотрению суда, Федеральная служба исполнения наказания прибегает к таким мерам, тем самым обеспечивая больший комфорт и надлежащие условия содержания под стражей.

Но в данной ситуации остается незамеченным вопрос о праве на защиту. В соответствии с действующим законодательством администрация СИЗО не обязана информировать ни родственников, ни защитников. Администрация следственного изолятора должна информировать одного из родственников (кого укажет сам осужденный) только в случае направление осужденного к месту отбывания наказания (ст. 75 УИК РФ). Также дела-

ет это и администрация исправительной колонии или тюрьмы, куда прибыл для отбывания наказания осужденный в соответствии со ст. 17 УИК РФ.

При проведении судебного процесса в режиме видеоконференц-связи защитник присутствует в зале судебного разбирательства, при этом это может быть назначаемый от государства или защитник по договору, т.е. формально право на защиту не нарушено. Но рядом с обвиняемым, в этом момент находящимся в месте содержания под стражей, защитника нет, он не может своевременно получить квалифицированную юридическую помощь.

Таким образом, при исполнении меры пресечения в виде заключения под стражу возникают определенные трудности, на которые стоит обращать больше внимания сотрудникам уголовно-исполнительной системы. При этом у подозреваемых и обвиняемых имеются способы защиты своих прав, которые можно реализовать путем обращения в вышестоящие органы управления, в органы прокуратуры или в суд. Существуют органы общественного контроля в виде общественной наблюдательной комиссии, которая действует на основании Федерального закона «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» [5]. Не стоит забывать и о Европейском суде по правам человека, куда регулярно обращаются лица, содержащиеся под стражей (или содержавшиеся), или их родственники по вопросам реализации их прав во время содержания под стражей и периодически эти дела выигрывающие, при этом ущерб за ошибки в деятельности конкретных органов уголовно-исполнительной системы и их должностных лиц компенсирует государство.

Литература

1. О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений: Федер. закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ (с изм. и доп. от 27 декабря 2019 г.). URL: <https://base.garant.ru/1305540/> (дата обращения: 06.03.2020).

2. Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания: Федер. закон от 10 июня 2008 г. № 76-ФЗ

(с изм. и доп. от 27 декабря 2018 г.). URL: <https://base.garant.ru/12160914> (дата обращения: 06.03.2020).

3. Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы: Приказ Минюста от 14 октября 2005 г. № 189. URL: <https://base.garant.ru/12142931/> (дата обращения: 06.03.2020).

4. Официальный сайт УФСИН России по г. Москве. URL: <http://www.77.fsin.su/statisticheskie-dannye/> (дата обращения: 06.03.2020).

5. Официальный сайт УФСИН по Московской области. URL: <http://50.fsin.su/stat/index.php> (дата обращения: 06.03.2020).

О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ НОВЫХ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

А.К. Кузнецов, канд. ист. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет
имени И.Н. Ульянова», г. Чебоксары

Аннотация. Представлен анализ правового регулирования цифровых технологий на примере больших данных, искусственного интеллекта и блокчейна. Приведены основные проблемы и задачи в области регулирования новых правоотношений и новых рисков. Рассмотрены некоторые законодательные инициативы в сфере внедрения цифровых инноваций.

Ключевые слова: цифровые технологии, цифровизация, правовое регулирование, большие данные, искусственный интеллект, блокчейн.

LEGAL REGULATION OF NEW DIGITAL TECHNOLOGIES

A.K. Kuznetsov

Abstract. The article is devoted to study of the legal regulation of digital technologies on the example of Big Data, artificial intelligence and blockchain. The main problems and tasks in the field of regulation of new legal relations and new risks are presented. The text describes some legislative initiatives in the sphere of digital innovation.

Keywords: digital technologies, digitalization, legal regulation, Big Data, artificial intelligence, blockchain.

На сегодняшний день одним из приоритетных направлений деятельности государства является масштабная цифровая трансформация России. В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных

целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» поставлена задача ускорения технологического развития Российской Федерации, увеличение количества организаций, осуществляющих технологические инновации, до 50% их общего числа, обеспечение ускоренного внедрения цифровых технологий в экономике и социальной сфере.

Принятые в России в 2018 г. национальные проекты, в том числе национальный проект «Цифровая экономика», также направлены на создание устойчивой и безопасной информационно-телекоммуникационной инфраструктуры высокоскоростной передачи, обработки и хранения данных. Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» утверждена национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 г.

Однако внедрение больших данных, нейротехнологий и искусственного интеллекта, квантовых технологий, блокчейна, смарт-контрактов, Интернета вещей, компонентов робототехники, технологии виртуальной и дополненной реальности и т.д. приводит к возникновению новых правоотношений и новых рисков. Рассмотрим некоторые из них.

Одним из самых обсуждаемых технологических трендов являются большие данные (Big Data). Именно аналитика больших данных служит основой для других технологий (например, искусственного интеллекта). Термин «большие данные» пока не нашел законодательного закрепления. Исследователи определяют его как «динамический массив информации, обладающий собственной ценностью в силу наличия автоматизированных способов его обработки, а также возможностей его последующего применения для построения аналитических моделей и автоматизации процессов» [6].

Основная проблема в правовом урегулировании больших данных – это нахождение баланса между снятием законодательных и административных барьеров и необходимостью защиты персональных данных физических лиц. Если европейский законодатель расширил понятие «персональных данных», включив в него понятие «больших данных», то в российском законодательстве наблюдается неопределенность.

Эксперты также используют термины «большие пользовательские данные» (подразумевается совокупность информации, формируемой при использовании различных онлайн-сервисов, приложений, социальных сетей) и «Интернет вещей» (данные приборов автоматического измерения показателей, устройств, фиксирующих сведения о перемещениях объекта, и др.). Попытка закрепить в законе определение больших пользовательских данных как информации о физических лицах из различных источников, не содержащей персональных данных и не позволяющей без использования дополнительных данных или дополнительной обработки определить конкретное лицо, и правила их обработки предпринималась депутатами Государственной Думы, но законопроект был возвращен авторам [8].

Одной из самых обсуждаемых технологий является искусственный интеллект. Темпы роста рынка решений на основе искусственного интеллекта, как отмечают эксперты, станут одними из самых высоких. На сегодняшний день чат-боты, оповещающие нас о каких-либо действиях, событиях, строящие прогнозы, не вызывают удивления.

Однако неразрешенным остается вопрос правового регулирования данного явления. Важным представляется соблюдение баланса между интересами общества, которые заключаются в самом широком использовании новых технологий для решения различных проблем, и необходимостью минимизации негативных последствий использования инноваций. П.М. Морхат выделяет проблемы стандартизации искусственного интеллекта, лицензирования, обеспечения конфиденциальности персональных сведений и личной информации, обеспечения соблюдения норм профессиональной этики [5].

17 марта 2020 г. в первом чтении был принят законопроект № 896438-7 «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменения в статью 6 Федерального закона “О персональных данных”».

Законопроектом предусматривается проведение в городе Москве эксперимента по установлению с 1 июля 2020 г. специ-

ального правового регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта, а также последующего использования результатов его применения. Согласно законопроекту срок проведения эксперимента составит пять лет.

Под термином «искусственный интеллект» авторы законопроекта понимают комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру (в том числе информационные системы, информационно-телекоммуникационные сети, иные технические средства обработки информации), программное обеспечение (в том числе в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений.

Технологии искусственного интеллекта – технологии, основанные на использовании искусственного интеллекта, включая компьютерное зрение, обработку естественного языка, распознавание и синтез речи, интеллектуальную поддержку принятия решений и перспективные методы искусственного интеллекта [2].

В пояснительной записке к указанному законопроекту отмечено, что принятие законопроекта позволит значительно стимулировать внедрение, развитие и использование технологий искусственного интеллекта, определить сферы экономики и общественных отношений, в которых целесообразно внедрение искусственного интеллекта, установить, какие общие правовые нормы должны быть скорректированы, а какие введены впервые, а также какие именно изменения правового режима позволят в наибольшей степени добиться решения поставленных Президентом Российской Федерации задач по обеспечению технологического суверенитета в сфере искусственного интеллекта и, как следствие, обеспечения состоятельности российского бизнеса и экономики, повышения качества жизни граждан России, безопасности и обороноспособности государства.

В настоящее время ускорение бизнес-процессов и значительное снижение затрат в случае необходимости обращения к доверенной третьей стороне связывают с использованием технологии блокчейна. Блокчейн – это технология распределенных реестров. Ее суть состоит в том, что информация хранится на распределенных (децентрализованных) носителях и включает в себя сведения о предыдущих транзакциях («цепочка блоков»), изменение которых практически не возможно.

Несмотря на значительные преимущества данной технологии, блокчейн-решение – одна самых сложных задач для юристов. В связи с отсутствием централизованного руководства при использовании блокчейна возникают вопросы контроля и санкций, определения ответственного за корректное функционирование системы и за компенсацию возможного ущерба. Не решены проблемы обеспечения долговременной сохранности информации. Информационные системы редко существуют более 10 лет. Использование блокчейна для хранения информации постоянного срока хранения рискованно, поскольку непонятно, что произойдет в случае вывода блокчейн-решения из эксплуатации.

В соответствии с действующим законодательством, в ряде случаев должны вноситься изменения в реестр: это может потребоваться, например, по решению суда, признавшего определенные сделки недействительными. Большие опасения специалистов вызывает законодательство о защите персональных данных и неприкосновенности частной жизни, предусматривающей «право быть забытым».

Постепенно международное сообщество подходит к мысли о том, что, ввиду, в первую очередь, правовых проблем, потенциал блокчейн-решений наиболее полно может быть реализован в закрытых системах с ограниченным кругом доверенных участников, принадлежащих государственным органам либо одобренных ими и опирающихся на специально для них созданную нормативную базу (по той же схеме, как это сделано в отношении существующих государственных реестров и регистров) [7].

Большую роль в стандартизации применения рассматриваемой технологии играет Международная организация по стандартизации (ИСО), в структуре которой функционирует техни-

ческий комитет 307 «Технологии блокчейна и распределенных реестров». В сентябре 2019 г. был опубликован первый документ, подготовленный данным техническим комитетом ИСО, – ISO/TR 23455:2019 «Технологии блокчейна и распределенных реестров – Обзор смарт-контрактов и вопросы взаимодействия между смарт-контрактами в системах на основе технологий блокчейна и распределенных реестров». Пока вопросы совершения юридически значимых действий лишь кратко упомянуты в этом документе [9].

Перспективы расширения использования технологии блокчейна и распределенных реестров, смарт-контрактов представляются весьма значительными. Так, например, внедрение технологии блокчейна в избирательный процесс будет способствовать повышению прозрачности, увеличению скорости подсчета голосов, снижению издержек и даже увеличению явки избирателей, но главное – это отсутствие возможности фальсификации результатов голосования. 8 сентября 2019 г. электронное голосование с использованием технологии блокчейна проводилось в трех избирательных округах на выборах депутатов в Московскую городскую Думу [2].

Таким образом, цифровое пространство стало неотъемлемой частью нашей жизни. Важно, что понимание необходимости правового регулирования новых правоотношений и новых рисков нашло отражение в инициативах по внесению изменений в Основной закон. Так, в соответствии с Законом Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» в ст. 71, которая определяет вопросы ведения Российской Федерации, предлагается добавить: «обеспечение безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий, обороте цифровых данных» [1].

Такая инициатива нашла положительный отклик в профессиональном сообществе. Как отмечает Н. Касперская: «отсутствие единой государственной политики в этой сфере привело к тому, что в разных регионах Российской Федерации принимались разные законы и программы, по-разному трактующие базовые права граждан, строились разрозненные, не совместимые

друг с другом системы. Внесение такой поправки в Основной закон станет толчком к разработке федерального законодательства о цифровой идентичности граждан, цифровых правах, защите персональных данных (обороте пользовательских данных), ограничении использования искусственного интеллекта и т.д.» [3].

Реализовать весьма амбициозные задачи, поставленные в рамках развития электронного правительства (открытого правительства), цифровой экономики и других национальных проектов, без решения вопросов правового регулирования использования новых цифровых технологий будет крайне сложно.

Юристам совместно с IT-специалистами предстоит большая работа по выработке единой политики, формулированию стратегий и концепций правового регулирования новых цифровых технологий. На первых этапах могут быть созданы экспериментальные правовые режимы в сфере цифровых инноваций. Актуальной и значимой представляется инициатива разработки и принятия единого информационного или цифрового кодекса.

Литература

1. О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти: Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации № 1-ФКЗ от 14.03.2020. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202003140001> (дата обращения: 22.03.2020).

2. О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменения в статью 6 Федерального закона «О персональных данных»: Законопроект № 896438-7. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/896438-7> (дата обращения: 22.03.2020).

3. Касперская Н. Должен быть проработанный кодекс, который регулирует цифровое пространство. URL: <http://d-russia.ru/dolzhen-byt-prorabotannyj-kodeks-kotoryj-reguliruet-tsifrovoye-prostranstvo.html> (дата обращения: 22.03.2020).

4. Кузнецов А.К. О применении некоторых новых информационных технологий в избирательном процессе // Выборы в контексте ценностей гражданского общества и правового государства: сб. материалов Нац. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2019. С. 125–132.

5. Морхат П.М. К вопросу о специфике правового регулирования искусственного интеллекта и о некоторых правовых проблемах его применения в отдельных сферах // Закон и право. 2018. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-spetsifike-pravovogo-regulirovaniya-iskusstvennogo-intellekta>

ta-i-o-nekotoryh-pravovyh-problemah-ego-primeneniya-v-otdelnyh (дата обращения: 22.03.2020).

6. Соснин К.А. Правовое регулирование Больших данных: зарубежный и отечественный опыт // Журн. Суда по интеллект. правам. 2019. № 25. С. 30–42.

7. Храмовская Н.А. Технология блокчейна как инструмент управления документами и электронного документооборота // Делопроизводство. 2018. № 3. URL: https://www.top-personal.ru/officeworkissue.html?569#sdfootnote_2anc (дата обращения: 22.03.2020).

8. Шувалова М. Управление данными в условиях перехода к цифровой экономике. URL: <http://www.garant.ru/article/1263975/#ixzz6HOZDXrIr> (дата обращения: 22.03.2020).

9. ISO/TR 23455:2019 «Blockchain and distributed ledger technologies — Overview of and interactions between smart contracts in blockchain and distributed ledger technology systems». URL: <https://www.iso.org/obp/ui/#iso:std:iso:tr:23455:ed-1:v1:en> (дата обращения: 22.03.2020).

ПРАВОВЫЕ И МОРАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ В ОПРЕДЕЛЕНИИ ОГРАНИЧЕНИЙ И ЗАПРЕТОВ, УСТАНОВЛЕННЫХ ОТЕЧЕСТВЕННЫМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ДЛЯ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

С.А. Кузьмин, начальник отдела по вопросам гражданства, организации работы с беженцами, соотечественниками и вынужденными переселенцами Министерства внутренних дел по Чувашской Республике, г. Чебоксары

Аннотация. Анализируются вопросы, связанные с установлением единообразных подходов при соотношении правовых и морально-этических основ при толковании ограничений и запретов, имеющих свое юридически значимое распространение на сотрудников правоохранительных органов.

Ключевые слова: государство, право, государственная служба, правоохранительные органы, мораль.

LEGAL AND MORAL-ETHICAL ASPECTS IN DETERMINING THE RESTRICTIONS AND PROHIBITIONS ESTABLISHED BY DOMESTIC LEGISLATION FOR EMPLOYEES OF LAW ENFORCEMENT BODIES

S.A. Kuzmin

Abstract. The article analyzes the issues associated with the establishment of uniform approaches with the correlation of legal and moral and ethical foundations

in the interpretation of restrictions and prohibitions that have their legal significant distribution to law enforcement officials.

Keywords: state, law, public service, law enforcement, morality.

Нормативные правовые изменения в рамках определения видовой принадлежности государственной службы обуславливают явную необходимость в проработке указанной сферы, в том числе в аспекте научного познания. Сложность представленного вопроса заключается в установлении единообразных подходов при соотношении правовых и морально-этических основ при толковании ограничений и запретов, имеющих свое юридическое значимое распространение на сотрудников правоохранительных органов. В силу этого нередко возникает ситуация по разграничению и соответственно применению ответственности, которая может наступить за неисполнение установленного запрета, ограничения или обязанности.

Стоит отметить, что достаточно часто возникает ответственность, связанная с внутренним состоянием субъекта, когда человек осознает всю негативность совершенного поступка, имеет при этом определенные внутренние переживания (чувство стыда, позора, недовольство собой и т.д.), в этом случае проявляется так называемая социальная ответственность. Смысл ее основан на страданиях, в первую очередь, морального личностного характера, тогда как юридическая ответственность в виде дисциплинарного принуждения применяется исходя из условий служебно-трудовой направленности и предопределяется негативным восприятием уже со стороны общества, государства, служебного коллектива.

Правовое положение сотрудников правоохранительных органов имеет свои характерные черты и особенности, что во многом предопределяется спецификой трудовой (служебной) деятельности. С одной стороны, это категория должностных лиц, которые имеют комплекс властных полномочий, при этом спектр правовых предписаний и устоев, вступающих в названное правовое поле, достаточно объемно и когда речь идет о публичных отраслях права, таких как административное, уголовное, уголовно-процессуальное, гражданско-процессуальное, трудовое право и иное [3. С. 100]. С другой – происходит реализация

права на труд. В результате образуются специфичные служебно-трудовые отношения в сфере государственной службы.

В современных условиях, когда значительно возрос интерес со стороны общества к образу сотрудника правоохранительного органа как к публичному субъекту, специфические особенности разновидности государственной службы выдвигают как правовые, так и неправовые начала (нормы морали, этические стандарты), связанные с прохождением службы [4. С. 529].

Появляются предписания и указания, содержащие стандарты нравственной культуры и профессиональной этики для сотрудников органов внутренних дел, что свидетельствует о необходимости морального наполнения сотрудника – личности [6. С. 305]. Одним из таких примеров может служить Указ Президента России от 12 августа 2002 г. № 885 «Об утверждении общих принципов служебного поведения государственных служащих». Особые требования устанавливаются законодательством и при поступлении на службу. Так, на сотрудника ОВД распространяются ограничения, запреты и обязанности, установленные Федеральным законом от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [1]. Кроме того, Федеральный закон № 79-ФЗ «О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета, хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами России, владеть и пользоваться иностранными финансовыми инструментами» наложил определенные запреты в отношении как сотрудников, так и в отношении их супруги и несовершеннолетних детей [5. С. 479].

Таким образом, такие термины, как «ограничения» и «запреты», носят смешанный характер и могут рассматриваться в непосредственном сочетании различных направленностей, при этом доминирующим должен оставаться процесс по воспитанию сотрудника правоохранительного органа как профессионала своего дела и личности одновременно. Несмотря на то, что современный законодатель во многом упорядочил систему рассматриваемых правоотношений и попытался соединить как правовые, так и морально-этические элементы (например, ст. 13 Закона «О службе в органах внутренних дел» [2], где рассматриваются требования к служебному поведению сотрудников

ОВД), все же данная нормотворческая деятельность носит длящийся и соответственно продолжающийся характер, что свидетельствует о необходимости дальнейшего развития такой природы отношений и, в первую очередь, через призму нормативного правового реагирования.

Литература

1. О противодействии коррупции: Федер. закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ (в ред. от 16 декабря 2019 г.) // СЗ РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.

2. О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федер. закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ (в ред. от 16 декабря 2019 г.) // СЗ РФ. 2011. № 49 (ч. 1). Ст. 7020.

3. Кузьмин Ю.А. Актуальность принципов диалектики для совершенствования правового сознания // Ист., филос., полит. и юрид. науки, культурология и искусствоведение. Вопр. теории и практики. 2017. № 3-2 (77). С. 99–102.

4. Кузьмин Ю.А. Социально-психологические аспекты проявления правосознания // Трансформация социальных систем: проблемы и поиски путей решения: сб. науч. тр. по материалам всерос. науч.-практ. конф. (с междунар. участием). Ковылкино, 2017. С. 526–532.

5. Кузьмин Ю.А. Юридические санкции и иные меры уголовно-правового характера в современном мире // Юридические санкции: общетеоретические и отраслевые аспекты: материалы V Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Казань, 2018. С. 478–484.

6. Маслюк И.А., Кузьмин Ю.А. Актуальные проблемы защиты прав свидетеля в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики: сб. материалов II Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2012. С. 303–306.

ПРАВОСОЗНАНИЕ КАК ФАКТОР МЕХАНИЗМА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Ю.А. Кузьмин, ст. преподаватель
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет
имени И.Н. Ульянова», г. Чебоксары

Аннотация. Анализируются вопросы, связанные с проблемой соотношения морали и права как поведенческих регуляторов личности и социальных групп, проблемы осмысления понятия правового сознания, правовой культуры как духовной ценности, свободы и ответственности личности, оценки права и нравственности как базисных категорий государственности, механизмов воздействия на личность морали и права.

Ключевые слова: государство, право, законы, правовая культура, правосознание, нравственность, нравственное сознание.

LEGAL AWARENESS AS A FACTOR IN THE MECHANISM OF LEGAL REGULATION

Yu.A. Kuzmin

Abstract. Analyzes issues related to the problem of the correlation of morality and law as behavioral regulators of an individual and social groups, the problems of understanding the concepts of legal consciousness, legal culture as a spiritual value, individual freedom and responsibility, assessing law and morality as basic categories of statehood, and mechanisms of influence on the personality of morality and law.

Keywords: state, law, laws, legal culture, legal consciousness, morality, moral consciousness.

Необходимость изучения правосознания и его многочисленных аспектов в регулировании поведения человека обусловлена тем, что современный период развития Российского государства характеризуется глубоким реформированием всех сторон жизни общества [2. С. 404]. Происходит обновление мировоззрения, взглядов населения. Об этом неоднократно указывалось в отдельных исследованиях [3. С. 118]. На первый план обоснованно выдвигаются общечеловеческие ценности, права, свободы и законные интересы личности, демократические формы управления. Общество в последние годы стремится выйти на путь свободного развития, где высшей ценностью признается конкретный человек, его права и достоинство [1. С. 133]. Это требует формирования у граждан позитивно ориентированного правового сознания.

В системе общественного сознания правовое сознание занимает особое место, регулирует человеческое поведение и представляет собой единство идеологических и социально-психологических аспектов правового сознания. Различные аспекты и их особенности более подробно описаны в публикациях А.Г. Маркелова [4. С. 470; 5. С. 505]. Оно является духовным феноменом. Правосознание – это основанная на знании и опыте способность человека верить в торжество и справедливость права, это стойкое убеждение, своеобразный категорический правовой императив поступать в той или иной ситуации в соответствии с требованиями правовых норм. Проблема осмысления правового сознания как духовной ценности, свободы и ответственности личности была и остается актуальной как

в прошлом, так и в настоящее время [7. С. 130]. Как явление духовной жизни правосознание принадлежит к сфере общественного, индивидуального сознания и человеческого поведения, может рассматриваться как своеобразная теоретическая и практическая проекция культуры.

Актуальность данной проблемы объясняется происходящим обновлением мировоззрения населения. На первый план выдвигаются проблемы прав, свободы и ответственности рядовых граждан и в особенности руководителей всех уровней. Это требует не только деятельного участия государства в защите конституционных прав и свобод граждан, но и формирования у граждан позитивно ориентированного правового сознания. Однако в их сознании наблюдается низкий уровень правосознания и отсутствие необходимых правовых знаний, что является серьезным препятствием для решения практических задач, в том числе допущения различных нарушений и ошибок [6. С. 449].

В современных условиях мы наблюдаем возрастающее значение морально-этических критериев в оценке правовых явлений жизни общества, в том числе и правовых взглядов, идей, теоретических концепций. Они оказывают воздействие на состояние и развитие правосознания на его идеологическом и психологическом уровне. Человеческое поведение регулируется моральными нормами, каждая из которых имеет свои критерии, формы и методы воздействия на сознание человека [11. С. 175]. Нравственное и правовое сознание при их относительной самостоятельности дополняют друг друга и активно участвуют в регулировании человеческого поведения.

В современных условиях российской действительности распространению различных форм деформации правового сознания, как нам видится, противостоит массовое правосознание старшего поколения, базирующееся на традиционных принципах добра и справедливости, которые являются одним из ведущих факторов поддержания правопорядка в стране [10. С. 179].

Правовое сознание отражает не только классовые, корпоративные начала, интересы, потребности, но и общечеловеческие свойства в жизнедеятельности людей и общества в целом. Общечеловеческому в правовом сознании нужно отдать приоритет, так как в нем наиболее воплощаются гуманистические,

нравственные аспекты права, которые проявляются в таких категориях, как, например, справедливость, равенство, свобода, закон, права человека и др.

Проблему механизма правового регулирования невозможно рассматривать вне духовно-нравственных, политических и экономических составляющих общества. Они находят свое отражение в правосознании и определяют в конечном счете совершенствование и развитие права [8. С. 190].

Механизм правового регулирования общественных отношений как интегративное понятие и явление социально-правовой действительности требует более глубокого изучения в силу его сложности и значимости в социальном бытии общества, российских граждан. Правовое сознание как феномен правовой действительности в данном механизме занимает существенное положение и выполняет немаловажную функцию в регулировании человеческого поведения. Оно создает атмосферу, в которой действует весь механизм правового регулирования, и от его уровня зависит эффективность права, его действенность, результативность [9. С. 179]. Правосознание выступает в качестве идеологического и социально-психологического фактора функционирования всего механизма правового регулирования. Правосознание пронизывает весь механизм правового регулирования, в чем и состоит его особенная роль. В настоящее время ощущается необходимость воплощения в жизнь мер, направленных на повышение уровня правового сознания, преодоление правового нигилизма, формирование правовой культуры общества и личности, чтобы уважение к праву и закону стали личным убеждением каждого человека [10. С. 170]. К.А. Гельвеций говорил: «Законы обязаны своей силой нравам». Формирование высокого уровня правосознания – залог эффективного и законного процесса реализации прав, свобод и обязанностей граждан.

Литература

1. Купирова Ч.Ш. Развитие уголовного законодательства о преступлениях против интересов несовершеннолетних в России дореволюционного периода // Вестн. Чуваш. ун-та. 2013. № 4. С. 132–136.
2. Маркелов А.Г. Идея доказательственного компромисса при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением по уголовному делу // Вестн. Казан. юрид. ин-та МВД России. 2018. № 3 (33). С. 404–411.

3. Маркелов А.Г. Идея процессуального компромисса как способа доказывания в современном уголовном судопроизводстве // Вестн. Рос. ун-та кооперации. 2016. № 3 (25). С. 118–120.

4. Маркелов А.Г. К вопросу о применении юридических конструкций при составлении процессуальных документов по уголовному делу // Юрид. техника. 2013. № 7-2. С. 470–473.

5. Маркелов А.Г. Компромисс в уголовном судопроизводстве России в свете реализации особого порядка судебного разбирательства по уголовным делам при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением // Уголовно-правовая превенция в сфере оборота наркотических средств или психотропных веществ, алкогольной и спиртосодержащей продукции (региональный аспект): сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2015. С. 505–509.

6. Маркелов А.Г. О некоторых законотворческих ошибках современного УПК РФ // Юрид. техника. 2015. № 9. С. 449–450.

7. Маркелов А.Г. О некоторых проблемах применения УПК РФ // Право и государство: теория и практика. 2008. № 4 (40). С. 130–131.

8. Перепелкин В.И. Расследование нераскрытых преступлений прошлых лет // Социогуманитарные и правовые проблемы современного общества: материалы X межвуз. науч. конф. Чебоксары, 2009. С. 190–197.

9. Перепелкин В.И., Константинова Ю.С. Особенности подготовки к проведению допроса несовершеннолетних по грабегам и разбойным нападениям // Суд присяжных в России: история становления, современное состояние и перспективы развития: сб. ст. по материалам Всерос. науч.-практ. конф. Йошкар-Ола, 2016. С. 177–180.

10. Смирнов В.В., Степанов А.Г. Диалектика отношений общенаучных и философских методов исследования социально-экономических систем // Вестн. Чуваш. ун-та. 2011. № 2. С. 167–172.

11. Степанов А.Г. Факторы социальной детерминации системы социально-исторического познания // Вестн. Чуваш. ун-та. 2011. № 1. С. 154–160.

О РОЛИ ПРАВОВОЙ ПСИХОЛОГИИ В РАЗВИТИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

А.В. Кузьмина, директор
МБУ «Центр ППМСП “Гармония”», г. Чебоксары

Аннотация. Актуализируется проблема влияния правовой психологии на развитие гражданского общества. Обоснована актуальность вопросов, связанных с влиянием социально-психологических факторов на развитие гражданского общества.

Ключевые слова: теория права, нравственность, правовая психология, правовая культура, гражданское общество.

ABOUT THE ROLE OF LEGAL PSYCHOLOGY IN THE DEVELOPMENT OF CIVIL SOCIETY

A.V. Kuzmina

Abstract. The problem of the influence of legal psychology on the development of civil society is being updated. the relevance of issues related to the influence of socio-psychological factors in the development of civil society is substantiated.

Keywords: theory of law, morality, legal psychology, legal culture, civil society.

Психологические правовые переживания человека в отношении юридической реальности выражают состояние общественного правосознания, которое в определенной степени определяет судьбу правовой политики. Общественно-психологические явления, присущие людям в их представлении о правовых нормах, функционируют в форме внушений, оценочных суждений, социальных установок, стереотипов, жизненных позиций, выступают в качестве эмоционально-волевых суждений в их правосознании и деятельности. Социально-психологические факторы оказывают влияние и принимают активное участие в формировании правосознания. Они представляют собой совокупность мнений по отношению к юридической действительности, а также влияют на мотивы поведения, привычки, установки, существующие у людей, занимающихся правотворчеством, а также у законопослушных граждан. Гражданское общество заинтересовано в формировании положительных установок, в осознании людьми своего правового положения.

Без правовых эмоций юридической реальности не бывает, так как субъект права имеет определенное эмоционально-психологическое отношение к правовой действительности [1. С. 101]. Общественные отношения, прежде чем подвергнуться правовому регулированию, должны получить социально-психологическую «окраску». Их отражение и оценка в содержании правосознания является необходимым условием социальной оправданности, действенности и эффективности правовых норм, которые получают признание и одобрение или непризнание в качестве социальных ценностей, вызывают положительные или отрицательные эмоции.

Социально-правовая психология – это особая форма отражения общественного бытия, особая форма духовной деятельности, которая возникает в сознании личности, социальных групп и характеризует их стихийно складывающееся отношение к правовым явлениям общества – праву, законности, судебной деятельности. Правовая психология – это своего рода стихийный, «несистематизированный» слой правового сознания, выражающийся в отдельных психологических реакциях любого человека или той или иной социальной группы на государство, гражданское общество.

Психологическую сторону имеет процесс правотворчества, так как созданию правовых норм всегда предшествует отражение в общественном правосознании тех социально-психологических потребностей, на которые эти нормы призваны отозваться [9. С. 183]. Результатом отражения является осознание таких потребностей в качестве общественных интересов, оценка возможных последствий принятия конкретных правовых норм, их соотношение с целями, стоящими перед обществом и отдельными его институтами [7. С. 171]. Эти процессы происходят в общественном мнении, умонастроениях, отношениях, убеждениях, установках и в других социально-психологических явлениях, которые активно влияют на принятие тех или иных норм, регулирующих жизнь гражданского общества.

Психологические явления, относящиеся к субъективной стороне человеческого поведения и взаимоотношений в сфере правового регулирования, подвергаются в ряде случаев правовой оценке и влекут за собой вполне определенные юридические последствия. Эмоциональная оценка правовой действительности в представлении и образе жизни людей в значительной степени определяет характер и состояние режима законности, правового и общественного порядка, правоприменения, юридического регулирования. Сама категория «эмоции» в общей психологии определяется как особый класс субъективных психологических состояний, отражающих в форме непосредственных переживаний, приятных или неприятных ощущений отношение человека к миру и людям, процесс и результаты его практической деятельности [5. С. 302].

Правовые эмоции человека выражаются в его отношении к праву, к вновь изданному закону, нормативному акту, к правотворческой, правоприменительной и правоохранительной деятельности, к динамике и структуре преступности, эффективности борьбы с ней и многому другому [4. С. 450]. Эти отношения проявляются в виде удовлетворенности или негодования, возмущения, удовольствия или недовольства, в форме приятного или неприятного ощущения. Вследствие этого, правовые эмоции как элемент правового сознания оказывают существенное влияние на юридическую физиономию общества [2. С. 479].

Юридической психологии присущи интуитивные правовые догадки, прозрения, мгновенный правовой инсайт, который в системе правовой психологии представляет собой внезапное, целостное «схватывание», понимание сущности какого-либо вопроса, неожиданное выяснение причинно-следственных связей каких-то событий и явлений. Когда из разрозненных фактов возникает мысленная модель предполагаемого и искомого объекта, события, тогда в сознании человека складывается конкретное видение проблемы [8. С. 157]. Правовой инсайт, подчиняясь законам индуктивной логики, присутствует в любом аспекте юридического бытия. В сфере правовой психологии на помощь приходит инсайт, который, по сравнению с рациональным осмыслением правовой действительности, действует, опираясь на психологические установки, на иные состояния сознания [3. С. 531].

Необходимо отметить, что в процессе правотворчества свою активность проявляет юридическая фантазия, так как законодатель обладает определенной мерой юридического воображения [5. С. 407]. Оно является необходимым элементом правосознания и в истории права участвовало в создании правовых документов, юридических актов. Создание законов, юридических рамок деятельности субъектов права – процесс творческий. Творческое юридическое воображение присутствует в любой правотворческой деятельности государства. Продуктивная деятельность законодателя вне воображения становится невыполнимой, малопродуктивной, неэффективной, догматической. Оригинальность, всесторонность или, наоборот, убогость, односторонность юридического воображения законодателя влияют

на качество принимаемых правовых актов, на создание идеальных юридических конструкций, моделей, образцов правомерного поведения.

Таким образом, правовая психология – это отражение в сознании людей непосредственного опыта участия людей в правовых отношениях, практического их участия в правовой сфере общественной жизни. Она основывается на правовых чувствах, переживаниях и в ней присутствуют элементарные правовые знания.

Литература

1. Кузьмин Ю.А. Актуальность принципов диалектики для совершенствования правового сознания // Истор., философ., полит. и юрид. науки, культурология и искусствоведение. Вопр. теории и практики. 2017. № 3-2 (77). С. 99–102.

2. Кузьмин Ю.А. Юридические санкции и иные меры уголовно-правового характера в современном мире // Юридические санкции: общетеоретические и отраслевые аспекты: материалы V Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Казань, 2018. С. 478–484.

3. Кузьмин Ю.А. Социально-психологические аспекты проявления правосознания // Трансформация социальных систем: проблемы и поиски путей решения: сб. науч. тр. по материалам всерос. науч.-практ. конф. (с междунар. участием). Ковылкино, 2017. С. 526–532.

4. Купирова Ч.Ш. Жестокое обращение с несовершеннолетними // Правовые и нравственные аспекты обеспечения безопасности личности и государства на современном этапе политических и экономических санкций: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф.: в 2 ч. Чебоксары, 2016. С. 448–453.

5. Максимов Н.В., Кузьмин Ю.А. Проблема истины при вероятностном выводе судебной экспертизы // Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики: сб. материалов 4-й Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2014. С. 406–409.

6. Маслюк И.А., Кузьмин Ю.А. Актуальные проблемы защиты прав свидетеля в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики: сб. материалов II Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2012. С. 303–306.

7. Смирнов В.В., Степанов А.Г. Диалектика отношений общенаучных и философских методов исследования социально-экономических систем // Вестн. Чуваш. ун-та. 2011. № 2. С. 167–172.

8. Степанов А.Г. Факторы социальной детерминации системы социально-исторического познания // Вестн. Чуваш. ун-та. 2011. № 1. С. 154–160.

9. Степанов А.Г. Этнические аспекты мировоззрения в системе социального познания // Регионология. 2011. № 1 (74). С. 181–187.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ И АЛКОГОЛИЗМ

В.В. Кунц, канд. юрид. наук
ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет»,
г. Челябинск

Аннотация. Согласно официальным данным МВД России, каждое второе расследованное преступление совершено лицами, ранее совершавшими преступления, почти каждое третье – в состоянии алкогольного опьянения. Такие показатели тревожны как для ученых, так и практиков.

Данная проблема имеет глубокие корни. Алкоголизм – это явление, которое может погубить нации, народы. Пьянство ослабляет, ликвидирует социально полезные связи, способствует разрушению семей, появлению неприязненных отношений между близкими родственниками, является источником семейно-бытового насилия. В состоянии алкогольного опьянения совершается огромное количество дорожно-транспортных преступлений, более 80% бытовых преступлений совершается на фоне распития спиртных напитков: преступления против собственности, занятие проституцией, изнасилование, хулиганство и т.д.

Ключевые слова: алкоголизм, преступления, наказание, зависимость, принудительное лечение.

CRIMES AND ALCOHOLISM

V.V. Kuntz

Abstract. According to the official data of the Ministry of Internal Affairs of Russia, every second crime investigated is committed by persons who have previously committed crimes, almost every third is intoxicated. Such indicators are alarming for both scientists and practitioners. This problem has deep roots. Alcoholism is a phenomenon that can destroy nations, peoples. Drinking weakens, eliminates socially useful relationships, contributes to the destruction of families, the emergence of hostile relations between close relatives, is a source of domestic violence. When intoxicated, a huge number of traffic crimes are committed, more than 80% of domestic crimes are committed against the background of drinking alcohol, crimes against property, prostitution, rape, hooliganism.

Keywords: alcoholism, crimes, punishment, dependence, compulsory treatment.

В России около 75% самоубийств совершается в состоянии алкогольного опьянения. И далеко не все самоубийцы страдали алкоголизмом. Нередко к суициду подталкивает опасное сочетание тяжелой депрессии с алкогольным опьянением [1].

Законодатели хотят ужесточить правила продажи алкоголя в магазинах, сократив временной интервал его продажи на час –

до 22:00. «Общероссийский народный фронт» уже направил в аппарат правительства и другие ведомства соответствующую инициативу. Предложение, как отмечается, направлено на достижение целей национального проекта «Демография». Организация предлагает внести изменения в Федеральный закон «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта...». В настоящее время он разрешает продавать спиртное с 08:00 до 23:00 по местному времени. Региональные власти имеют право вводить дополнительные ограничения, но примерно четверть регионов предпочитают следовать федеральным нормам. Их нарушение грозит юридическому лицу штрафом до 300 тысяч рублей и конфискацией товара.

На сегодняшний день, как рассказал депутат Госдумы Николай Говорин, предложение обсуждается в нижней палате парламента. «Положительного решения по нему пока нет. В то же время Министерство здравоохранения России инициативу поддерживает». По его мнению, сокращение времени продажи алкоголя позволит снизить количество преступлений, которые совершаются в состоянии алкогольного опьянения, а также количество дорожно-транспортных преступлений. Более того, представители ОНФ считают, что в случае реализации проекта россияне в целом станут пить меньше спиртного. В Минздраве, к слову, с этим согласились, отметив эффективность временных ограничений на продажу алкоголя [2].

Наибольшее количество преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения, было совершено в Башкортостане и Свердловской области. В Башкирии совершено 6 669 «пьяных» преступлений (84,5% к соответствующему периоду 2018 года) и в Свердловской области – 6 455 случаев (96,4%). При этом в первом полугодии 2019 года количество таких инцидентов в России сократилось на 8,7%. Меньше всего преступлений на фоне алкогольного опьянения зафиксировано в Ингушетии – 35 случаев. В столице по итогам первого полугодия количество таких преступлений составило 3 586 случаев, в Санкт-Петербурге – 1 792 случаев. Уральские регионы стали лидерами по смертности от алкоголя. Зампредседателя комитета по образованию и науке, заслуженный врач России Геннадий Онищенко заявил, что высокую смертность от алкоголя можно

побороть с помощью религии. В качестве примера он привел Чечню, где алкоголь можно приобрести с 8 до 10 утра в специализированных отделах федеральных супермаркетов [3].

Австралийские ученые предложили бороться с алкогольной зависимостью при помощи антидепрессантов. По словам исследователей, они помогут восстановиться после отказа от пагубной привычки [4].

Водитель не должен никому доказывать, что он не алкоголик. С таким заявлением выступил председатель отдела внешних церковных связей Московского патриархата митрополит Волоколамский Иларион в эфире программы «Церковь и мир». «Почему человек, который не пьет и который очень умеренно употребляет алкогольные напитки, должен ходить и доказывать, что он не алкоголик? А почему тогда не ввести другие тесты, чтобы человек доказывал, что он не вор, не убийца, что он не нарушает супружескую верность?» – возмутился священник из-за предложенного Минздравом закона о новом порядке прохождения медосмотра водителями.

Митрополит Иларион считает, что введение тестов на алкоголь и наркотики «предполагает презумпцию виновности каждого человека, который садится за руль». Он считает, что в этом вопросе еще нужно очень тщательно разобраться.

Медицинский осмотр предполагает, что водители должны сдать сдавать анализы на наличие психоактивных веществ, а также кровь для определения биомаркера хронического злоупотребления алкоголем. Это произошло после того, как президент Владимир Путин потребовал «умного подхода» к введению новых обследований, заявив, что минимальный размер оплаты труда в стране составляет 11 280 рублей, а за справку по новым правилам нужно отдать пять тысяч [5].

В Челябинской области суд рассмотрит дело трех пенсионеров, развернувших подпольное производство спиртного на законсервированном ликеро-водочном заводе в Верхнеуральске. К моменту, когда на них вышли силовики, бабушки успели заработать больше 25 млн рублей.

Спиртное в Верхнеуральске производили с 2001 по 2016 год. Затем предприятие законсервировали, оставив оборудование в исправном состоянии. «Благодаря этому пенсионерки

организовали, наняв местных жителей, производство немаркированного алкоголя».

С ноября 2017 по март 2018 года подпольно действующий завод выдал более 40 тыс. бутылок водки стоимостью свыше 7,1 млн рублей. Производство еще 90 тыс. бутылок на 18,5 млн рублей сорвала появившаяся на предприятии полиция. Она же оценила и ущерб, нанесенный правообладателям, – он составил 540 тыс. рублей. Теперь верхнеуральские пенсионерки обвиняются сразу по трем статьям Уголовного Кодекса Российской Федерации: производство немаркированной алкогольной продукции группой лиц в особо крупном размере, использование поддельных специальных марок и незаконное использование чужого товарного знака [6].

Теневой оборот алкоголя в Сети в 2019 году вырос на 19% и составил 2,5 млрд рублей. С 2018 года нелегальный рынок алкоголя вырос на 400 млн рублей. Несмотря на рост объемов продаж, само число ресурсов, продающих алкоголь дистанционно, сократилось. Всего в 2019 году во время мониторинга было обнаружено около 2,5 тыс. ресурсов, которые торгуют спиртным, – сайты, аккаунты и группы в социальных сетях. В 2018 году их было 4 тыс. Многие алкогольные онлайн-магазины уходят от блокировок, постоянно меняя домены. Специалисты обнаружили у одного из таких ресурсов 94 связанных домена. Массовые блокировки со стороны Роскомнадзора привели к тому, что торговцы алкоголем в сети закрывают сайты и «мигрируют» в мессенджеры и социальные сети [7].

Россиян, которые неоднократно совершали правонарушения в состоянии алкогольного опьянения или выпивали в неположенных местах, могут заставить принудительно лечиться. Такие предложения МВД России и Министерство юстиции разработают до 1 марта 2020 года. Предполагается, что затем они попадут в проект нового Кодекса об административных правонарушениях (КоАП).

Отмечается, что направлять на принудительное лечение от алкогольной зависимости будут через суд. Суды смогут обя-зывать нарушителей пройти диагностику, медицинскую либо социальную реабилитацию. Такие меры в России уже действуют в отношении наркоманов.

Литература

1. Алкоголизм и преступность. Преступления в алкогольном опьянении. URL: <https://narkolog-24.ru/alkogolizm/prestupleniya.html> (дата обращения: 13.02.2020).
2. Властям предложили сократить время продажи алкоголя в магазинах. URL: <https://amp.ura.news/news/1052407598> (дата обращения: 12.03.2020).
3. Средний Урал стал лидером по «пьяным» преступлениям. URL: <https://ura.news/news/1052403360> (дата обращения: 23.11.2019).
4. Найден новый способ борьбы с алкоголизмом. URL: <https://ura.news/news/1052323179> (дата обращения: 12.03.2020).
5. В РПЦ раскритиковали закон об обязательной проверке водителей на алкоголизм. URL: https://auto.rambler.ru/news/43261375/?utm_content=auto-media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink, https://auto.rambler.ru/news/43261375-v-rpts-raskritikovali-zakon-ob-obyazatelnoy-proverke-voditeley-na-alkogolizm/?h_sp=1 (дата обращения: 13.03.2020).
6. На Урале пенсионерки тайно запустили брошенный ликеро-водочный завод. URL: <https://ura.news/news/1052413086> (дата обращения: 15.03.2020).
7. Эксперты оценили теневой рынок алкоголя в интернете в 2,5 млрд руб. URL: <https://www.rbcb.ru/rbcfreenews/5e05c3d39a7947d7b1249289> (дата обращения: 12.03.2020).

НЕЭФФЕКТИВНОСТЬ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАНИЦ

Е.В. Кунц, д-р юрид. наук, профессор,
ведущий научный сотрудник
ФКУ «Научно-исследовательский институт
Федеральной службы исполнения наказаний», г. Москва

Аннотация. Государственная граница определяется как предел действия национального суверенитета. Её протяжённость без присоединённого Крымского полуострова составляет более 60 тыс. км. Она определяет пространственное положение государства по отношению к другим государствам.

Каждая страна вправе самостоятельно определять пункты для пропуска её внешних границ, правила пограничного режима и условия получения визы.

Легальный въезд в Россию невозможен без прохождения процедуры миграционного контроля. Регистрация и учёт миграции граждан ведутся для предотвращения совершения правонарушений и актов международного терроризма. Вместе с тем на практике достаточно часто имеют место случаи, подтверждающие неэффективность уголовно-правовой охраны государственных границ.

Ключевые слова: государственная граница, уголовно-правовая охрана, транснациональные преступные организации.

INEFFICIENCY OF THE CRIMINAL LAW PROTECTION OF STATE BORDERS

E.V. Kunts

Abstract. The state border is defined as the limit of national sovereignty. Its length, without the attached Crimean peninsula, is more than 60 thousand km. It determines the spatial position of the state in relation to other states. Each country has the right to independently determine the points for crossing its external borders, the rules of the border regime and the conditions for obtaining a visa. Legal entry into Russia is not possible without going through the migration control procedure. Registration and registration of migration of citizens is carried out to prevent the commission of offenses and acts of international terrorism. At the same time, in practice quite often there are cases confirming the ineffectiveness of the criminal law protection of state borders.

Keywords: state border, criminal legal protection, transnational criminal organizations.

Государственная граница определяется как предел действия национального суверенитета. Её протяжённость без присоединённого Крымского полуострова составляет более 60 тыс. км. Она определяет пространственное положение государства по отношению к другим государствам.

Каждая страна вправе самостоятельно определять пункты для пропуска её внешних границ, правила пограничного режима и условия получения визы.

Легальный въезд в Россию невозможен без прохождения процедуры миграционного контроля. Регистрация и учёт миграции граждан ведутся для предотвращения совершения правонарушений и актов международного терроризма.

Критерий, по которому проводится разграничение, указан в диспозиции ст. 322 Уголовного кодекса Российской Федерации. Уголовный закон применяется, если непосредственное пересечение предела Российской Федерации было осуществлено без документов, дающих право въезжать или выезжать из страны. Лицам, не имеющим при себе действительных документов или специального разрешения на переход границы, запрещено пересекать государственный рубеж Российской Федерации.

Незаконными признаются противоправные действия лица, направленные на преодоление пограничной линии в любом направлении. При этом лицо может воспользоваться транспортом,

например, машина, поезд, самолёт, катер, или осуществить переход собственными силами – пешком, вплавь.

Незаконное пересечение границы произойдёт, если у лица: отсутствуют разрешающие документы; фиктивные документы на въезд; имеется запрет на въезд. Право въезжать и выезжать из Российской Федерации может подтверждаться только документами, содержащими сведения о личности предъявителя. Для россиян ими являются: все виды паспортов (гражданский, дипломатический, служебный, паспорт моряка / удостоверение личности моряка, общегражданский, заграничный); временное удостоверение личности (при замене или утере основного документа); документальное подтверждение права постоянно проживать в одном из регионов страны.

Иностранцам и лицам, не являющимся резидентами одной из мировых стран, для путешествий необходимо предъявить удостоверение личности, выданное государством их проживания, и визу, если иное не вытекает из международных соглашений.

Лица, имеющие подтверждённый статус беженца, вместо национального паспорта предъявляют проездной документ беженца.

Для транзитного проезда (с остановкой по маршруту) нужно предъявить транзитную визу и разрешение на въезд от государства, куда направляется турист. Если указанные бумаги отсутствуют, необходимо иметь гарантию их приобретения (наличие необходимых денежных средств и др.).

При наличии достаточных оснований иностранцу или лицу, не имеющему гражданства, откажут в праве въезда. Такими основаниями могут стать: предоставление фиктивных сведений; неоднократное совершение административных нарушений; ранее лицо было депортировано из Российской Федерации; иные причины.

Каждое из действий, перечисленных в диспозиции, или их одновременное совершение считается самостоятельным составом преступления. Момент, когда пограничная линия фактически пересечена лицом, будет являться окончанием преступления.

Субъектом признаётся физическое лицо, обладающее следующими признаками: вменяемость, достижение возраста 16 лет.

Наличие гражданства, подданства или их отсутствие не являются препятствием для участия лица в качестве обвиняемого в уголовном процессе. В силу специфики состава лицо может иметь только прямой умысел.

Квалифицирующими признаками являются: совершение правонарушения группой лиц, объединённых общим преступным намерением; участие в организованной группе; причинение физической боли или вреда здоровью (от лёгкой до средней степени) должностному лицу, осуществляющему пограничный контроль, или угроза физическим воздействием.

В перечень квалифицирующих признаков не вошли последствия в виде причинения серьёзного вреда здоровью или гибель человека. Дело в том, что при наступлении данных последствий вред наносится не только национальным интересам, но и конкретно личности, поэтому ответственность будет наступать по совокупности составов преступлений. В зависимости от последствий – убийство или нанесение существенного вреда – это будут ст. 105 или ст. 111 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Незаконное пересечение государственной границы Российской Федерации, связанное с террористической деятельностью, в любом её проявлении наказывается по совокупности составов преступлений.

Пересекать пограничную линию без соблюдения регламента допускается, если целью нарушителя является просьба политического убежища. Если лицо не допустило других проступков, которые могут быть истолкованы как нарушение уголовного закона, то деяние не будет считаться преступлением.

Предоставление убежища лицам, преследуемым за свои политические или религиозные воззрения, расовую принадлежность или действия, которые национальное законодательство не признаёт уголовными проступками, осуществляется в соответствии с демократическими принципами. Экстрадиция таких лиц запрещена.

Санкции за незаконное пересечение границы Российской Федерации, которые устанавливает ст. 322 УК, не применяются, если нарушение пограничного режима явилось следствием чрезвычайных обстоятельств.

Также не будет преступлением переход, осуществлённый через охраняемый участок, на котором отсутствуют видимые следы пограничной охраны: запрещающие знаки, пункт пропуска, вооружённый патруль.

Так, в 2008 году по ст. 322 Уголовного кодекса Российской Федерации было зарегистрировано 1663 преступления, в 2013 году – 2538, в 2018 году – 3138. Вместе с тем в 2008 году выявлено 1484 лиц, совершивших преступления по указанной статье, в 2013 году – 2055, в 2018 году – 2019 [1. С. 425].

Несмотря на достаточно суровые меры по защите государственной границы, транснациональные преступные организации извлекают выгоды из быстрого развития глобальной торговли, расширения свободы передвижения отдельных лиц и развития систем, обеспечивающих мгновенную связь.

Стимул межгосударственной торговли, заключающийся в разнице цен и рыночных условий, играет для незаконных предприятий такую же роль, как и для законных. В результате этого многие страны стали, независимо от своей воли, «принимающими странами» для преступных организаций, которые удовлетворяют спрос на незаконные товары. С этим связан и тот факт, что любая деятельность, осуществляемая транснациональными преступными организациями, связана, как правило, с контрабандой во всех ее формах. С одной стороны, транснациональные преступные организации используют в своей деятельности товары, являющиеся законными, но которые в определенной стране, в отличие от других государств, освобождаются от таможенных пошлин, налогов или иного регулирования. С другой – организованная преступность имеет дело с незаконными товарами, такими как наркотики и огнестрельное оружие. Кроме того, транснациональные преступные организации осуществляют незаконные услуги: азартные игры, подделка документов, трансграничный провоз мигрантов, а также заказные убийства. В финансовой области транснациональные преступные организации занимаются мошенническими операциями с чеками и кредитными карточками, фальшивыми документами, а также отмыванием денег. На рынке труда основным методом деятельности является рэкет. Этот термин используется для описания самых различных действий, таких как участие в мо-

шеннических сделках, вымогательство посредством запугивания и шантажа или злоупотребление законными средствами в незаконных целях, как это имеет место в отношении деятельности профсоюзных и правительственных должностных лиц или коммерсантов. Что касается преступлений против общественной морали, то организованные преступные группировки занимаются торговлей женщинами для целей международной проституции и полового рабства. Незаконный оборот наркотиков по-прежнему остается наиболее доходным видом деятельности транснациональных преступных организаций, хотя появились и эксплуатируются новые возможности для извлечения крупных доходов, например, в области незаконного оборота оружия и удаления токсичных отходов.

Западная Европа стала центром многих видов преступной деятельности и выступает в качестве выгодного рынка для въезда незаконных мигрантов, источника дорогих автомобилей, территорией разделения сфер влияния соперничающими группировками.

Значительное большинство иммигрантов являются законопослушными гражданами. Однако среди них встречаются лица с преступными намерениями и уголовным прошлым, имеющие связи и контакты в преступном мире. Уголовные элементы есть во всех диаспорах: китайской, итальянской, нигерийской и русской. В ряде случаев импортированные в другие страны преступные сети становятся более мощными, чем местные преступные организации. Мобильность общества значительно возросла. Простота и скорость пересечения границ открывают новые возможности для преступных элементов, делает их более неуловимыми. Предполагаемая или реальная неспособность государств удовлетворить запросы своих граждан, перспективы улучшения своего экономического положения в других странах и невозможность обеспечить законное поле деятельности в области предпринимательства вынуждают многих людей к эмиграции или толкают на путь улучшения своего экономического положения вне рамок законной экономической деятельности.

Литература

Борьба с организованными проявлениями преступности и обеспечение национальной безопасности / под ред. проф. А.И. Долговой. М., 2019. С. 425.

НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИЙ КАК СУБЪЕКТ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ: МЕЖДУНАРОДНОЕ И РОССИЙСКОЕ ПРАВО

Ч.Ш. Купирова, канд. юрид. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет
имени И.Н. Ульянова», г. Чебоксары

Аннотация. Проанализирована правовая категория «несовершеннолетний» с точки зрения международно-правовых документов, опыта зарубежных стран и российской уголовно-правовой науки. Исследование показало, что действующее российское уголовное право подчинено нормам международного права в отношении назначения и применения уголовного наказания к несовершеннолетним.

Ключевые слова: уголовное право, несовершеннолетнее лицо, уголовное наказание, субъект уголовно-правовых отношений.

JUVENILE AS SUBJECT OF CRIMINAL LAW RELATIONS: INTERNATIONAL LAW AND RUSSIAN LAW

Ch.Sh. Kupirova

Abstract. The article is devoted to theoretical analysis of the legal category «minor» in terms of international legal instruments, experience of foreign countries and Russian criminal law science. The study showed that current Russian criminal law is subject to international law with regard to the imposition and application of criminal punishment against minors.

Keywords: criminal law, juvenile, criminal punishment, subject of criminal law relations.

Правовая категория «несовершеннолетний» имеет свою специфику во всех отраслях правовой науки, во всех видах правоотношений. Исключением не является и уголовно-правовая наука. Действующие международно-правовые акты уделяют пристальное внимание охране и защите прав несовершеннолетних в уголовно-правовой сфере. Так, Декларация прав ребенка 1959 г. прямо определяет, что «ребенок ввиду физической и умственной незрелости нуждается в специальной его охране и заботе, включая надлежащую правовую защиту как до, так и после рождения» [2]. Конвенция о правах ребенка 1989 г. в ст. 3 закрепляет правило: «Во всех действиях в отношении детей, независимо от того, предпринимаются ли они государственными

или частными учреждениями, занимающимися вопросами социального обеспечения, судами, внимание уделяется наилучшему обеспечению интересов ребенка» [3]. Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних, устанавливают: «Система правосудия в отношении несовершеннолетних направлена в первую очередь на обеспечение благополучия несовершеннолетнего и обеспечение того, чтобы любые меры воздействия в отношении несовершеннолетних были всегда соизмеримы как с правонарушениями» [4]. Всеми международными актами также установлен запрет пыток и иного жестокого обращения в отношении несовершеннолетних, применения смертной казни, произвольного, без законных оснований, лишения свободы, а также право несовершеннолетнего, лишенного свободы, на гуманное обращение и уважение достоинства [1–8]. Данные особенности, определенные нормами международного права, в правоприменительной практике как Российской Федерации, так и зарубежных стран являются основой для смягчения наказания при вынесении приговора, при доказательстве вины несовершеннолетнего, нарушившего закон. Они формируют причины для создания особой системы правосудия по отношению к несовершеннолетним, где учитываются психологические факторы различных возрастов. Для оптимального обеспечения интересов несовершеннолетних государство должно отойти от применения наказаний как от традиционной цели уголовного правосудия, т.е. восстановление социальной справедливости, уступив место назначению наказания как воспитательной, исправительной мере. Применение воспитательных мер, предполагающих реабилитацию несовершеннолетнего нарушителя закона, могут быть положены в качестве основы эффективных мер общественной безопасности. Такая тенденция характерна и для уголовно-правовой политики современной России.

Общеизвестен и неоспорим тот факт, что традиционным, в первую очередь, «органом», осуществляющим «начальное правосудие» и воспитание, является семья. Она защищает ребенка от общества и воспитывает его, ограждая от возможного негативного влияния. Однако в современном обществе мер воздействия и защиты семьи недостаточно для полноценного

и гармоничного развития личности ребенка. Ребенку, его семье необходима поддержка на законодательном уровне. В связи с чем действующее международное право идет по пути предоставления таких мер защиты, что отражено в соответствующих международно-правовых актах [4–7].

Согласно Конвенции о правах ребенка, одобренной Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций 20 ноября 1989 г. и вступившей в силу для Союза Советских Социалистических Республик 15 сентября 1990 г., «ребенком является каждое человеческое существо до достижения 18-летнего возраста, если по закону, применимому к данному ребенку, он не достигает совершеннолетия ранее» [3]. Документом определено, что «во всех своих действиях государства, частные учреждения, суды, органы законодательной и исполнительной власти, в первую очередь при принятии решений и действий должны руководствоваться интересами ребенка» [3]. Стоит отметить, что если ребенок способен полноценно формулировать свою точку зрения, взгляды, государства-участники Конвенции о правах ребенка обязаны предоставить ребенку возможность выразить свое мнение, выслушать его позицию, а также уделить должное внимание его точке зрения, конечно же, в рамках зрелости и умственного развития ребенка. Статья 12 определяет, что «государства-участники должны дать возможность ребенку быть заслушанным в судебном процессе, либо при административном разбирательстве, однако, учитывается порядок, предусмотренный процессуальными нормами национального законодательства» [3]. Если ребенок нарушил закон, либо обвиняется в нарушении законодательства или признается виновным в совершении преступления, то государства-участники во время ведения следственного дела обязаны предусмотреть отличительное общение с ребенком, которое должно способствовать развитию у ребенка чувства достоинства и значимости, укреплять в нем уважение к правам человека и основным свободам других людей. При разбирательстве дел в отношении несовершеннолетних мировая практика рекомендует учитывать возраст ребенка и возможность его реабилитации в обществе.

Все принятые международные правовые акты предусматривают определенные права и систему гарантий для ребенка, на-

рушившего закон или обвиняемого в его нарушении [4–7]. Так, в отношении каждого ребенка, обвиняемого в нарушении закона, действует правило презумпции невиновности. Реализация данного права предоставлена в полном объеме как в отношении взрослых, так и для несовершеннолетних. Оно дает возможность ребенку защитить свои права, особенно в рамках уголовного преследования, по нормам законодательства. Для осуществления своей полноценной защиты ребенок как субъект уголовного права, его родители, иные законные представители незамедлительно и заблаговременно должны быть проинформированы об обвинениях в адрес ребенка. Это дает возможность стороне защиты прав несовершеннолетнего быть готовым к отстаиванию его законных интересов и получению поддержки для осуществления защиты со стороны государства.

В процессе рассмотрения вопроса о совершении преступления несовершеннолетним нормы международного права не указывают на конкретный орган, который обязан принять решение относительно подсудимого. Предусмотрено, что решение должно приниматься «компетентным, независимым и беспристрастным органом или судебным органом в ходе справедливого слушания в соответствии с законом в присутствии адвоката или другого соответствующего лица...».

Международные правила вполне закономерно предусматривают полное уважение к личности и личной жизни ребенка на всех стадиях разбирательства любого характера. Международное законодательство для стран-участниц устанавливает минимальный возраст уголовной ответственности ребенка, ниже которого дети считаются не способными нарушить закон. Также система судопроизводства по делам несовершеннолетних (ювенальная юстиция) обязана предоставлять детям и подросткам, преступившим закон, широкий спектр социальных и воспитательных мер. Если совершение преступления предполагает за собой ограничение свободы и досудебное заключение под стражу, то оно должно применяться в качестве крайней меры и в течение как можно более короткого периода времени. Россия также придерживается указанных норм.

Международное право делает максимальный упор на ограничение использования судебного разбирательства в отношении

несовершеннолетних нарушителей, а также уменьшение приговоров, связанных с ограничением или лишением свободы. Национальное законодательство должно предусматривать иные мероприятия, кроме лишения свободы. К таким мероприятиям относятся: уход за несовершеннолетним, опека и надзор, консультации, назначение несовершеннолетнему испытательного срока, применение определенных образовательных, воспитательных программ, конечно же, с учетом характера совершенного им преступления. Данные альтернативные меры необходимы для обеспечения достойного и всестороннего общения и развития ребенка в том обществе, которое соответствовало бы его благосостоянию, а также положению. Российская уголовно-правовая политика строго придерживается указанных рекомендаций, что нашло прямое подтверждение в действующем Уголовном кодексе Российской Федерации [8].

Кроме Конвенции о правах ребенка в международном праве широко используются Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних 1985 г. [4]. Пекинские правила установили, что государственные органы обязаны обеспечить несовершеннолетнему гражданину полноценную и насыщенную жизнь в обществе для обеспечения нормального развития его как личности, а также получения полноценного образования. Международное право считает, что при предоставлении государствами достаточных условий исключается факт совершения преступления. Государство так или иначе должно поддерживать все социальные институты, с которыми пересекается несовершеннолетний. По сути, роль государства заключается в том, чтобы обеспечить эффективную работу социальных институтов для более справедливого и гуманного обращения с несовершеннолетним, находящимся в конфликте с законом. Так, в борьбу преодоления противоправного поведения подростка должны быть вовлечены такие социальные институты, как семья, религиозные и молодежные объединения, образовательные организации и др.

Презюмируется, что система правосудия в отношении несовершеннолетних должна быть направлена на обеспечение благополучия подростка; все действия, касающиеся несовершенно-

летних правонарушителей, должны быть пропорциональны характерным особенностям личности подростка, который совершил преступление. Дело несовершеннолетнего может быть изучено в рамках общей правовой системы или в суде; также делом могут заниматься в учреждениях социального обеспечения, а в случае незначительных преступлений их дела рассматриваются в ходе административного судопроизводства [4]. На наш взгляд, нормы международного права нацелены на предотвращение совершения преступлений; представляется вполне оправданным предположение, что осуществление профилактических мер по предотвращению совершения преступлений будет эффективней и целесообразней, чем справедливое вынесение наказания несовершеннолетним.

В современной мировой юридической практике отсутствует понятие универсального возраста наступления уголовной ответственности [9]. В каждом государстве законодательством установлена минимальная граница возраста, при котором наступает уголовная ответственность за совершенные деяния. Так, в США уголовная ответственность может наступить в 16 лет, в Германии – в 14 лет, во Франции – в 13, а в Англии даже в 10 лет по некоторым составам преступлений. Общим возрастом уголовной ответственности в Российской Федерации является наступление шестнадцатилетнего возраста, и в исключительных случаях четырнадцатилетнего возраста, по достижению которых лицо может быть привлечено к уголовной ответственности.

Таким образом, действующее российское уголовное право подчинено нормам международного права в отношении назначения и применения уголовного наказания в отношении несовершеннолетних.

Литература

1. Всеобщая декларация прав человека: принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948 // Рос. газета. 1998. 10 дек.

2. Декларация прав ребенка: принята 20.11.1959 Резолюцией 1386 (XIV) на 841-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН // Международная защита прав и свобод человека: сб. документов. М., 1990. С. 385–388.

3. Конвенция ООН о правах ребенка 1989 г. (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990) // Сб. междунар. договоров СССР. Вып. XLVI. 1993.

4. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила): приняты резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 40/33 от 10 декабря 1985 г. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <https://base.garant.ru/12123838>.

5. Стандартные минимальные правила Организации Объединенных Наций в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила): резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1990 г. № 45/110 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <https://constitution.garant.ru/act/right/megdunar/12123833>.

6. Руководящие принципы Организации Объединенных Наций для предупреждения преступности среди несовершеннолетних (Эр-Риядские руководящие принципы): приняты резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН № 45/112 от 14 декабря 1990 г. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <https://base.garant.ru/12123837>.

7. Правила Организации Объединенных Наций, касающиеся защиты прав несовершеннолетних, лишенных свободы: приняты резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 45/113 от 14 декабря 1990 г. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <https://base.garant.ru/12123838>.

8. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 18.02.2020) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

9. Тасаков С.В., Нечаева Е.В. Совершенствование законодательства об ответственности за преступления против несовершеннолетних в аспекте международно-правовых норм // Вопросы правовой теории и практики: сб. науч. тр. Омск, 2015. С. 95–102.

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КОРРУПЦИИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИМИ МЕРАМИ И СРЕДСТВАМИ

А.М. Кустов, д-р юрид. наук, профессор, заслуженный юрист
Российской Федерации, главный научный сотрудник
ФГКОУ ВО «Академия управления Министерства внутренних дел
Российской Федерации»,
ГОУ ВО «Московский государственный областной университет»,
г. Москва

Аннотация. Описывается состояние коррупции в России, выявляются ее факты и криминалистическое обеспечение противодействия расследованию.

Ключевые слова: противодействие коррупции, коррупционные преступления, противодействие расследованию, следственные ситуации, криминалистические версии, методико-криминалистическое обеспечение, криминалистические меры и средства.

COUNTERACTING CORRUPTION BY FORENSIC MEASURES AND MEANS

A.M. Kustov

Abstract. The state of corruption in Russia is described, identification of its facts and criminalistic provision of counteraction investigation.

Keywords: counteracting corruption, corruption crimes, investigative situations, forensic versions, methodological and forensic support, forensic measures and tools.

Анализ следственной и судебной практики показал, что коррупция в деятельности органов государственной власти и управления способствует развитию организованной преступности, экстремизма и терроризма. Она подрывает все действующие государственно-правовые реформы. Все эти обстоятельства формируют у государства необходимость реализации механизма противодействия коррупции в различных направлениях деятельности государственных служащих, сотрудников правоохранительных органов и органов местного самоуправления.

Коррупционные преступления, которые совершают должностные лица, не только мешают нормальной работе, но и снижают авторитет и престиж экономической деятельности учреждений и организации и в целом страны. Подобные преступления, с одной стороны, формируют у граждан негативное отношение к государственным органам и органам местного самоуправления, а с другой – являются основной угрозой национальной безопасности России.

Криминалистическая наука в борьбе с преступностью разрабатывает и тем самым обеспечивает правоохранительные органы страны соответствующими разработками, с одной стороны, по противодействию такому явлению, как коррупция, и, с другой – преодолению (нейтрализации) противодействия расследованию коррупционных преступлений.

1. Правовое и криминалистическое обеспечение противодействия любому виду коррупции всегда требует создания устойчивой и надежной системы нейтрализации такого рода проявлений. Этому содействуют: анализ действующего законодательства на предмет выявления недостатков, способствующих

коррупционным проявлениям, и его корректировка; контроль и прокурорский надзор за соблюдением должностными лицами положений антикоррупционных законов; координация усилий правоохранительных, надзорных и контрольных органов по выявлению и пресечению фактов коррупции; немедленное реагирование на сообщения и заявления граждан о проявлениях фактов коррупции в деятельности должностных лиц; установление причин и условий, способствующих совершению коррупционных преступлений, их анализ и выработка криминалистических мер и средств противодействия этому явлению и т.д.

Практика взаимодействия специальных органов в борьбе с коррупцией позволяет признать, что не все правозащитные и правоохранительные органы четко реализуют ее формы и приемы, поэтому коррупция продолжает возникать там, где государственные служащие реализуют организационные, исполнительно-распорядительные, контрольно-надзорные, юрисдикционные, а также разрешительные полномочия.

Анализ следственной и судебной практики показал, что наиболее эффективно противодействуют коррупции криминалистические методики, включающие в себя рекомендации, меры, средства и их положения. Они формируются на основе анализа следственных ситуаций и предложенных учеными программ (алгоритмов) действий следователя. Так, например:

1-я следственная ситуация. После окончания комплекса оперативно-розыскных мероприятий установлена личность преступника и его соучастников, преступники задержаны с поличным (со взяткой), определен предмет и средства совершения преступления. По разрешению данной ситуации следователем безотлагательно производится: осмотр места происшествия, а задержанный допрашивается в качестве подозреваемого, затем обыски по месту жительства, в служебном кабинете. Эти действия производятся после возбуждения уголовного дела.

2-я следственная ситуация. Имеется заявление взяточдателя, он готов содействовать изобличению взяточполучателя, которому об этом неизвестно. Для разрешения данной ситуации необходимо: возбудить дело и допросить заявителя; установить личность предполагаемого взяточполучателя и его должностное положение, поручить органу дознания проведение оперативно-

розыскных мероприятии, в том числе оперативного эксперимента и задержания с поличным.

3-я следственная ситуация. Взяткодатель и взятополучатель действуют в сговоре, информация о преступлении поступила из оперативных источников, взяточникам об этом неизвестно. В том случае, когда необходимо изобличить одновременно и взятополучателя, и взятокодателя, на первоначальном этапе обычно осуществляют: задержание обоих взяточников с поличным в момент дачи-получения взятки; их личный обыск; обыски по местам их жительства и работы, наложение ареста на их имущество; допросы подозреваемых лиц; выемку и осмотр служебных документов по месту работы взятокодателя и взятополучателя (иные помещения); допросы свидетелей.

4-я следственная ситуация. Информация о фактах взяточничества поступила из официальных источников. Взяточникам известно, что их действиями интересуются правоохранительные органы. В таких случаях обычно проводят: допросы свидетелей, выемку и осмотр документов по месту работы взятополучателя, допросы подозреваемых лиц, обыски у подозреваемых лиц, комплекс оперативно-розыскных мероприятий.

5-я следственная ситуация. Информация о факте получения-дачи взятки получена в ходе расследования иного уголовного дела или в результате проведения обыска по месту жительства или работы сотрудников государственной или коммерческой структуры подтверждается факт передачи материальных ценностей или денежных средств должностному лицу за определенную услугу. Такие же сведения получены следствием в результате производства других следственных действий. В этих случаях обычно проводят: возбуждение уголовного дела; допрос взятокодателя; задержание взятополучателя с поличным и его допрос; обыски по местам жительства и работы взятополучателя; наложение ареста на его имущество; выемку и осмотр документов по месту работу взятополучателя (иные помещения); допросы свидетелей; очную ставку и т.д.

2. На практике имеются случаи, когда вне поля уголовной ответственности остаются организаторы или заказчики коррупционных преступлений, которые оказывают органам предварительного следствия и дознания активное противодействие.

Для следователя это ситуация ожидаема, так как у преступников в период подготовки и совершения преступления, а также в ситуации, когда им становятся известны факты осуществления правоохранительными органами сбора и проверки материалов по их преступной деятельности, срабатывает физиологический инстинкт самосохранения и самозащиты, т.е. естественная потребность к свободе, а также стремление избежать уголовной ответственности и наказания за содеянное.

Противодействие расследованию коррупционных преступлений со стороны заинтересованных лиц – это процесс, направленный: а) на прекращение уголовного дела, если оно возбуждено; б) воспрепятствование возбуждению уголовного дела и, как следствие, исключение возможности привлечь к уголовной ответственности лиц, совершивших преступление, которое так и осталось нераскрытым; в) воспрепятствование законной деятельности конкретного следователя или правоохранительного органа в целом, направленной на выполнение своих профессиональных обязанностей и др.

Первоначальную информацию о факте противодействия расследованию преступлений следователь получает при производстве отдельных следственных действий, при анализе материалов уголовного дела, при общении с оперативными сотрудниками, при общении с лицами, не желающими давать официальные показания по уголовному делу; при ознакомлении с анонимными сообщениями и изучении иных письменных источников, поступающих от неизвестных лиц, при анализе материалов журналистских расследований и т.д.

В противодействии расследованию преступлений нередко принимают участие не только преступники и связанные с ними лица, но и иные субъекты, инициативу которых преступники могут использовать «в темную», не посвящая в сущность мероприятий, направленных на оказание реального противодействия следователю, а нередко и на дестабилизацию деятельности правоохранительных органов в регионе.

Специфика противодействия расследованию коррупционных преступлений в сфере экономики состоит также в том, что организованные преступные группировки, как правило, совершают свои акции в отношении тех предпринимателей, которые

сами нарушают закон. В этих случаях они не заинтересованы в обращении в правоохранительные органы.

В случаях, когда о совершенном преступлении становится известно, лидеры группировок легко добиваются утаивания или искажения информации от пострадавших предпринимателей угрозами разоблачения их собственной противоправной деятельности.

Основным способом противодействия расследованию коррупционных преступлений остается утаивание информации и дача ложных показаний. Допрашиваемое лицо, обладая навыками анализа ситуации и определенными психологическими качествами, решая задачу по противодействию, как правило, не сообщает следователю известную ему информацию о взятке, умышленно искажает информацию, имеющую отношение к расследуемому событию таким образом, чтобы ввести следователя в заблуждение относительно сущности происшедшего события, оказывает влияние на лицо, располагающее такой информацией, с целью вынудить его либо отказаться от дачи показаний, либо заставить дать заведомо ложные показания и т.д.

При подозрении на дачу ложных показаний криминалистика рекомендует фиксировать в протоколе допроса смысловое содержание следственного действия, обращать внимание на поведение допрашиваемого, стараясь определить, насколько слова соответствуют истине. Внешние признаки поведения допрашиваемого лица достаточно информативны. О ложности или правдивости сообщаемых сведений нередко свидетельствуют изменение тона, изменение быстроты речи, появляющиеся оговорки и проговорки, изменения во взгляде и мимике лица, изменения в жестикуляции, изменения в дыхании, появление испарины на лбу, учащенное сглатывание слюны, изменение позы, расположения тела в пространстве и т.п.

Факты обнаружения следователем идентичных показаний о развитии события преступления во времени, исходящих от двух и более лиц, как правило, должны быть оценены как признак предварительного сговора. Индивидуальные представления разных людей о времени могут быть похожими, сходными, но никак не одинаковыми.

Для преодоления противодействия расследованию по конкретному уголовному делу следователю можно воспользоваться

криминалистическими мерами, т.е. тщательно изучить и проанализировать материальную обстановку события, чтобы сделать правильные выводы относительно истинного механизма совершенного коррупционного преступления.

Другая мера преодоления противодействия – это распознавание и разоблачение ложного алиби. Это традиционно трудная для следователя задача, которая осложняется в случаях инсценировки на месте происшествия подготовкой лжесвидетелей, готовых подтвердить факт нахождения подозреваемого в момент совершения преступления в другом месте и т.п. При этом допрашиваемое лицо либо ссылается на вымышленные и трудно проверяемые события, либо освещает события, действительно имевшие место, но перемещенные во времени таким образом, чтобы они совпадали со временем совершения преступления.

Криминалистикой рекомендуется шире применять полиграф или видеозаписи при допросах подозреваемых и обвиняемых. Подобная видеозапись позволяет, во-первых, подтвердить в суде факт добровольной дачи подсудимым показаний на стадии предварительного расследования в качестве подозреваемого (обвиняемого) по делу; во-вторых, в случае заявления подсудимым ходатайства об исключении этих показаний как данных под давлением со стороны следователя, разоблачить эти ложные показания путем проведения судебно-психологической экспертизы на основании исследования видеозаписи допроса.

Особую трудность представляет оказание противодействия расследованию со стороны виновных и их окружения. Оно может выражаться в различных формах: подкуп свидетелей, уничтожение служебной документации, физическая расправа с лицами, изобличающими коррупционеров; сокрытие их за рубежом и т.п. В этих случаях рекомендуется: сохранение тайны следствия, шифровка установочных данных лиц, изобличающих коррупционеров; своевременность изъятия служебной и иной документации, являющейся доказательством преступной деятельности коррупционера; дача поручения оперативно-розыскному органу по выявлению мер противодействия предварительному следствию и т.п.

Наиболее эффективным методом преодоления противодействия расследованию преступлений является использо-

вание сформированных и описанных учеными типовых моделей механизмов преступлений, в том числе и коррупционной направленности.

Данные информационные модели механизма преступления, на наш взгляд, помогут следователю решить следующие задачи: объяснить факты произошедшего явления, обладающего признаками преступления; дать уголовно-правовую оценку исследуемому событию и соответственно правильно квалифицировать деяния правонарушителя; установить и объяснить пространственно-временные и причинно-следственные связи в исследуемом событии; установить такие связи между действиями участников события и теми изменениями, которые произошли в материальной обстановке; установить и объяснить механизм слеодообразования; определить направление поиска неизвестных материальных последствий, а по систематизированной криминалистически значимой информации – преступника, а также неустановленных свидетелей и косвенных участников преступного события или потерпевшего; определить направление поиска похищенного имущества, вещественных доказательств и иных носителей криминалистически значимой информации о самом преступлении и его участниках; определить программу дополнительного исследования и тактику следственных действий, определить и реализовать криминалистические меры и средства по преодолению фактов противодействия расследованию коррупционных преступлений и т.д.

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОНФИДЕНЦИАЛЬНОСТИ СВЕДЕНИЙ О МЕРАХ БЕЗОПАСНОСТИ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ

Д.С. Ланшаков, аспирант
ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет
имени Питирима Сорокина», г. Сыктывкар

Аннотация. Исследование вопросов реализации правовых норм в правоприменительной практике способствует выявлению не только проблем нормативных предписаний, но и пробелов действия норм действующего уголовного и уголовно-процессуального законодательства на современном этапе противо-

действия преступности. Как показывает опубликованная судебная практика, примеров правоприменительной деятельности по расследованию уголовных дел о разглашении сведений о мерах безопасности в отношении участников уголовного процесса относительно немного. Вместе с тем исследование имеющихся казусов позволяет сделать некоторые теоретические выводы о существовании проблем.

Ключевые слова: разглашение сведений, противодействие расследованию, судебная практика, уголовное дело, безопасность личности.

PROBLEMS OF ENSURING CONFIDENTIALITY OF INFORMATION ON SECURITY MEASURES OF PARTICIPANTS OF CRIMINAL CASE IN JUDICIAL PRACTICE

D.S. Lanshakov

Abstract. Research on the implementation of legal norms in law enforcement practice helps to identify not only problems of normative regulations, but also gaps in the operation of the norms of the current criminal and criminal procedure legislation at the current stage of combating crime. Published jurisprudence shows that there are relatively few examples of law enforcement activities to investigate criminal cases of disclosure of security measures against participants in criminal proceedings. However, the study of available casuses makes it possible to draw some theoretical conclusions about the existence of problems.

Keywords: disclosure of information, counteraction to investigation, judicial practice, criminal case, safety of the personality.

Взаимодействие теории, законодательства и практики применения мер безопасности в современном российском уголовном судопроизводстве проявляется отчетливо в последние два десятилетия. Такое взаимовлияние привлекает наше внимание не только в части совершенствования и повышения эффективности процесса обеспечения защитных средств в отношении участников уголовного процесса, но и определения действенных способов противодействия расследованию преступлений.

Конфиденциальность сведений о мерах безопасности и о личности защищаемых лиц как участников уголовного процесса закреплены в нормах ряда международных документов: (ст. 22 Конвенции Совета Европы от 27 января 1999 года об уголовной ответственности за коррупцию [1]; ст. 24 Конвенции ООН от 15 ноября 2000 года против транснациональной организованной преступности [2]; ст. 32 Конвенции ООН от 31 октября

2003 года против коррупции [3]; пункт 17 Рекомендации N R (2005) 9 от 20 апреля 2005 года Комитета Министров Совета Европы государствам-членам о защите свидетелей и лиц, сотрудничающих с правосудием). Отметим, что в российской научной литературе многочисленным проблемам обращено достаточное внимание О.А. Зайцевым [4. С. 77–81; 5], А.Ю. Епихиным [6; 7. Ч. 115–122; 8], А.А. Дмитриевой [9. С. 3–6; 10. С. 12–16] и др. [11. С. 225–229; 12. С. 438–443].

Среди имеющихся в законодательстве России мер безопасности определены правовые средства защиты в ст. 311 УК РФ, в которой установлено уголовное наказание за разглашение сведений о мерах безопасности, которые принимаются в отношении участников уголовного процесса. Обезопасить жизнь, здоровье и имущество защищаемых лиц – значит создать надежные гарантии выполнения задач уголовного судопроизводства.

Вместе с тем, как показывает анализ практики применения уголовного и уголовно-процессуального законодательства, в последние годы отмечается обратная тенденция, при которой судебная практика в определенной мере вынуждает законодателя вносить коррективы и изменения в действующие нормы с целью более точного гарантирования реализации уголовной и уголовно-процессуальной политики. В качестве примера можно привести установление дополнительных уголовно-процессуальных гарантий законности уголовного преследования по делам об экономических преступлениях, усиление гарантий независимости деятельности адвоката-защитника и т.п. В подобной ситуации законодатель принимает своевременные меры правового реагирования на основании возникающих проблем правоприменения, судебной практики.

Судебной практике известен случай, по нашему мнению, неумышленного разглашения сведений о мерах безопасности, которое было допущено судьей во время судебного рассмотрения ходатайства стороны защиты. Способ такого разглашения заключается в том, что судья передал защитнику все материалы уголовного дела, которые были предоставлены ему следователем в подтверждение законности его намерения заключить обвиняемого под стражу. Дело в том, что в материалах уголовного дела находились в виде копии постановления данные одной «за-

секреченной» свидетельницы, своими показаниями уличавшей сотрудников полиции в совершении преступления. При этом в нарушение положений ч. 9 ст. 166 УПК РФ следователь не поместил подлинные данные защищаемой свидетельницы в отдельный конверт, а подшил к другим материалам дела [13].

Обратим внимание на то, что судья не принял мер к сохранности конфиденциальных сведений о защищаемом свидетеле и не устранил допущенных следователем уголовно-процессуальных нарушений.

В подобной ситуации, по нашему мнению, судья должен был до начала судебного заседания ознакомиться с материалами уголовного дела, предоставленными ему следователем. В этом случае он должен был обнаружить нарушение следователем предписаний ч. 9 ст. 166 УПК РФ в части помещения в отдельный конверт подлинных данных защищаемого свидетеля. С таким конвертом представители стороны защиты знакомиться не вправе.

На основании ч. 3 ст. 108 УПК РФ ходатайство об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу следователь может направить в суд только с согласия руководителя следственного органа. В нашем случае такое согласие следователь получил, т.е. руководитель следственного органа, давая свое процессуальное согласие о направлении ходатайства в суд о применении меры пресечения ввиду заключения под стражу, не проверил соблюдение следователем требований ч. 9 ст. 166 УПК РФ о помещении подлинных данных в отдельный конверт.

После рассекречивания, а по своей сути, наказуемого разглашения, сведений о защищаемом лице ее личность стала известна защите, а в последующем фигурировала в судебных решениях вышестоящих судов, которые рассматривали правовые аспекты этого нарушения. В этих судебных определениях справедливо констатируется негативное влияние на авторитет судебной власти, репутацию самого судьи, что в конечном счете подрывает доверие граждан к уголовному правосудию.

Иное присвоение псевдонима можно обнаружить при рассмотрении судом уголовного дела о вымогательстве в отношении потерпевших, занимавшихся проституцией, которым были присвоены органами уголовного преследования соответствующие

щие псевдонимы («Екатерина», «Зинаида» и «Афродита»). В этом случае защитой была избрана следующая тактика в судебном заседании: она обращала внимание суда на отсутствие оснований применения в отношении потерпевших мер безопасности на основании Федерального закона № 119-ФЗ, на то, что в материалах уголовного дела не имеется документов о предупреждении защищаемых лиц об уголовной ответственности по ст. 311 УК РФ. Судом эти ходатайства защиты удовлетворены не были. Вместе с тем в судебном заседании эти доводы судом проверялись и не нашли своего подтверждения.

Как показывает анализ опубликованной судебной практики, часто органы уголовного преследования применяют меры уголовно-процессуальной безопасности (присвоение псевдонима и др.) в отношении участников уголовного судопроизводства по делам о незаконном обращении с наркотическими или психотропными веществами: «...засекреченный свидетель выезжал с сотрудником милиции С. вдвоем на автомобиле к месту встречи с предполагаемым сбытчиком наркотических средств, выходил из машины, свободно продвигался по улице без какого-либо наблюдения» [14]. При этом применение только псевдонима и помещение подлинных данных в конверт на основании положений ч. 9 ст. 166 УПК РФ недостаточно. При рассмотрении материалов уголовного дела в судебном заседании допрос свидетеля как защищаемого лица суд проводит в условиях, исключающих визуальное наблюдение его другими участниками судебного процесса, как правило, при возражении стороны защиты такого порядка допроса защищаемого свидетеля.

Обратим внимание на необходимость важности вынесения судом отдельного (самостоятельного) постановления (определения) о допросе защищаемого свидетеля в условиях, исключающих его наблюдение иными лицами в судебном заседании. Оно может быть вынесено судьей в стадии назначения уголовного дела к слушанию в постановлении о назначении рассмотрения дела в закрытом судебном заседании (п. 4 ч. 2 ст. 241 УПК РФ) [15. С. 31–35; 16].

Ходатайство защиты о допросе защищаемого свидетеля в судебном заседании в обычных условиях, т.е. без сокрытия участника процесса от иных лиц, основывается на праве заявле-

ния подобных и иных ходатайств суду и направлено на возможность путем постановки вопросов идентифицировать личность этого участника процесса. В связи с этим председательствующий обязан отводить вопросы, ответы на которые могут рассекретить свидетеля. Кроме того, защита в целях компрометации нередко использует иные материалы уголовного дела, в которых, например, имеются документы, отрицательно характеризующие личность защищаемого лица (употребление наркотиков, лечение от наркотической зависимости и пр.).

В практике имеются случаи отказа судом в удовлетворении ходатайства государственного обвинителя на допрос свидетеля под псевдонимом в судебном заседании. Так, например, в апелляционном представлении заместитель прокурора просил приговор отменить и направить дело на новое рассмотрение. По мнению прокурора, суд ограничил сторону обвинения в представлении доказательств, отказав в допросе свидетеля под псевдонимом «И», что повлияло на необоснованное оправдание Б. за убийство и перекалфикацию его действий с разбоя на кражу.

Из протокола судебного заседания следует, что наряду с иными доказательствами по эпизоду обвинения Б. в разбойном нападении на П. и его убийстве стороной обвинения были представлены показания свидетеля, указанного в списке обвинительного заключения под псевдонимом «И», чьи анкетные данные в соответствии с ч. 9 ст. 166 УПК РФ сохранены в тайне на основании постановления следователя. Показания свидетеля приведены в обвинительном заключении как доказательство стороны обвинения. Сторона обвинения от допроса указанного свидетеля не отказывалась и ходатайствовала о его вызове и допросе в судебном заседании. Вместе с тем судом было отказано в допросе названного свидетеля. При этом, как указал суд, «его показания не относятся к существу предъявленного Б. обвинения».

Однако апелляционная инстанция не согласилась с таким аргументом суда первой инстанции и посчитала, что «из содержания приведенных в обвинительном заключении показаний свидетеля “И” следует, что его показания имеют прямое и непосредственное отношение к существу предъявленного Б. обвинения. Недопустимым доказательством его показания не призна-

вались». В подобной ситуации «отказ в допросе свидетеля под псевдонимом “И” повлек ограничение права стороны обвинения на представление доказательств, что является существенным нарушением уголовно-процессуального закона, в связи с чем приговор в части оправдания Б. по п. “з” ч. 2 ст. 105 УК РФ подлежит отмене» [17].

Правовое регулирование механизма мер безопасности в производстве по уголовному делу проверялось на предмет соответствия конституционным положениям. Так, положения ч. 9 ст. 166, ч. 2 ст. 241 и ч. 5 ст. 278 и УПК РФ, по мнению Конституционного Суда Российской Федерации, «относятся к числу правовых средств, используемых в указанных в ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации конституционно значимых целях, в том числе для обеспечения борьбы с преступностью и защиты прав и законных интересов потерпевших, свидетелей и иных лиц, оказывающих содействие в раскрытии и расследовании преступлений» [18, 19].

Обратим внимание на наличие опечаток применения ст. 311 УК РФ, которые были исправлены вышестоящим судом. Так, суд, приводя приговор в соответствие с законодательством Российской Федерации, квалифицировал содеянное Б. по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 228.1 УК РФ. По ч. 2 ст. 311 УК РФ Б. освобожден от наказания. Однако по указанной норме уголовного закона, предусматривающей уголовную ответственность за разглашение сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении судьи и участников уголовного процесса, он не был осужден. Расценивая это обстоятельство как опisku, постановление суда по приведению приговора в соответствии с законодательством Российской Федерации содержит противоречия в части решения об осуждении Б. по ч. 2 ст. 311 УК Украины [20].

Есть предложение, с которым можно согласиться, что в УПК РФ должны быть внесены изменения, дающие прокурору право выносить соответствующее постановление о сохранении в тайне данных о личности свидетеля (при необходимости обеспечить его безопасность), сведения о котором как новом свидетеле стали известны уже непосредственно в ходе судебного следствия, а также оформлять показания по правилам, предусмотренным ч. 9 ст. 166 УПК и представлять их в суд [21. С. 21–23].

Таким образом, подводя итог анализу опубликованной правоприменительной судебной практики, можно сделать несколько выводов. Применение мер безопасности в судебном заседании основывается на комплексности применения уголовно-процессуальных мер безопасности: присвоение псевдонима в досудебных стадиях и закрытое судебное заседание, допрос в условиях, исключающих наблюдение защищаемого лица в судебном заседании. В связи с этим отметим, что применение только одной меры уголовно-процессуальной безопасности недостаточно. Одна мера безопасности в досудебном производстве обязывает принимать последующие другие меры в судебном производстве по уголовному делу.

Как показывает анализ практики, применение защитных мер в отношении участников уголовного процесса не должно ограничивать обеспечение интересов стороны защиты в исследовании показаний защищаемого лица, а также его личности.

Имеющейся нормой в УПК установлена возможность законного рассекречивания сведений о личности защищаемого лица в судебном заседании. Вместе с тем, как показывает практика, эти меры рассекречивания судом не реализуются в интересах безопасности защищаемого лица.

Расследование уголовного дела о разглашении сведений о мерах безопасности должно фокусировать процессуальное внимание на этих особенностях как законодательного регулирования механизма применения мер безопасности, так и практики его применения.

Литература

1. Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию (заключена в г. Страсбурге 27.01.1999) // СЗ РФ. 2009. № 20. Ст. 2394.
2. Конвенция против транснациональной организованной преступности (принята в г. Нью-Йорке 15.11.2000 Резолюцией 55/25 на 62-м пленарном заседании 55-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН) (с изм. от 15.11.2000) // СЗ РФ. 2004. № 40. Ст. 3882.
3. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (принята в г. Нью-Йорке 31.10.2003 Резолюцией 58/4 на 51-м пленарном заседании 58-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // СЗ РФ. 2006. № 26. Ст. 2780.
4. Зайцев О.А. Концепция государственной защиты участников уголовного судопроизводства в Российской Федерации // Вестн. Оренбург. гос. ун-та. 2006. № 3 (53). С. 77–81.

5. Зайцев О.А., Щерба С.П. Обеспечение прав потерпевших и свидетелей на предварительном следствии. М., 1995. 92 с.
6. Епихин А.Ю. Концепция безопасности личности в уголовном судопроизводстве. Сыктывкар, 2004. 196 с.
7. Епихин А.Ю. Совершенствование правового регулирования безопасности личности в новом УПК РФ // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского. Сер. Право. 2003. № 1. С. 115–122.
8. Епихин А.Ю. Защита законных прав и интересов свидетеля в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995. 212 с.
9. Дмитриева А.А. Меры безопасности, применяемые в отношении участников процесса на стадии предварительного расследования уголовного дела // Рос. следователь. 2017. №1. С. 3–6.
10. Дмитриева А.А. Безопасность личности при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (гл. 40.1 УПК РФ) // Рос. следователь. 2015. № 17. С. 12–16.
11. Андреева О.И., Зайцев О.А., Епихин А.Ю. Запрет определенных действий как новая мера обеспечения безопасности личности в уголовном процессе // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2018. № 436. С. 225–229.
12. Мишин А.В. Обеспечение безопасности участников досудебного производства по уголовному делу: тактическая задача и ее решение // Вестн. Волж. ун-та им. В.Н.Татищева. 2017. Т. 2. № 4. С. 183–189; Мишин А.В. Проведение опознания с участием защищаемого лица как мера безопасности (ч. 8 ст. 193 УПК РФ) // Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики: сб. материалов VI Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2016. С. 438–443.
13. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 08.10.2009 № КАС09-433 // Вестн. Высш. квалификационной коллегии судей Российской Федерации. 2010. № 4.
14. Кассационное определение Верховного суда Удмуртской Республики от 12.10.2010 по делу № 22-1915 // СПС «Консультант Плюс».
15. Рябинина Т.К. Структура и содержание постановления, выносимого судьей в стадии назначения судебного заседания // Рос. судья. 2016. № 3. С. 31–35.
16. П.10 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.06.2012 № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» // Рос. газета. 2012. № 156.
17. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2017) (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 26.04.2017) // Солидарность. № 19. 17 – 24.05.2017 (извлечение).
18. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 17.07.2007 № 622-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Скепского Владислава Вячеславовича на нарушение его конституционных прав частью девятой статьи 166, пунктом 4 части второй статьи 241, частью пятой статьи 278 и частью шестой статьи 355 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».

19. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 21.04.2005 № 240-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ермакова Михаила Борисовича на нарушение его конституционных прав частью девятой статьи 166, частью пятой статьи 193 и частью пятой статьи 278 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».

20. Постановление Президиума Верховного Суда Республики Крым от 27.06.2018 № 44У-130/2018 // СПС «Консультант Плюс».

21. Колесников А.В., Беленцова М.Ю. Представление прокурором результатов ОРД при поддержании обвинения в суде по делу об убийстве, совершенном в исправительном учреждении в условиях неочевидности // Законность. 2017. № 7. С. 21–23.

О КРИМИНАЛИЗАЦИИ ОТДЕЛЬНЫХ УГОЛОВНЫХ ДЕЯНИЙ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19

Э.Ю. Латыпова, канд. юрид. наук, доцент
ЧОУ ВО «Казанский инновационный университет
имени В.Г. Тимирязова (ИЭУП)», г. Казань

Аннотация. Приведен анализ новой ст. 207.1 в УК РФ относительно криминализации публичного распространения под видом достоверных сведений заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, и (или) о принимаемых по обеспечению безопасности населения и территорий мерах, а также приемах и способах защиты от указанных обстоятельств. Объясняется такой шаг необходимостью сохранения психического благополучия населения и минимизации оснований для общественных беспорядков в условиях объявленной ВОЗ всемирной пандемии по COVID-19 и урегулирования мероприятий по обязательной изоляции и самоизоляции заболевших данной инфекцией людей.

Анализируются изменения, внесенные в ст. 236 УК РФ, приводятся примеры из практики по распространению новой коронавирусной инфекции.

Ключевые слова: криминализация деяния, публичное распространение под видом достоверной заведомо ложной информации, угроза жизни и безопасности граждан, психическое благополучие населения, самоизоляция, карантин, COVID-19.

ON THE CRIMINALIZATION OF CERTAIN CRIMINAL ACTS IN THE CONTEXT OF THE COVID-19 PANDEMIC

E.Yu. Latypova

Abstract. Scientific work is devoted to the analysis of the introduction of a new article 207.1 of the criminal code, concerning the criminalization of public dissemina-

tion under the guise of reliable information false information about circumstances that threaten the life and safety of citizens and (or) taken for the security of the population and territories of the measures and also ways of protection from these circumstances. The need for such a step is explained both by the need to preserve the mental well-being of the population and minimize the grounds for public unrest in the context of the who-declared world pandemic for COVID-19, and by the need to regulate measures for mandatory isolation and self-isolation of people who have this infection.

The article analyzes the changes made to article 236 of the criminal code of the Russian Federation, and provides practical examples of the spread of a new coronavirus infection.

Keywords: criminalization of an act; public dissemination under the guise of reliable deliberately false information; threat to the life and safety of citizens; mental well-being of the population; self-isolation; quarantine; COVID-19.

Федеральным законом от 1 апреля 2020 года в Уголовный кодекс Российской Федерации были внесены дополнения, связанные с криминализацией публичного распространения заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан (ФЗ № 100-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»).

Данные изменения коснулись введения новой ст. 207.1 в УК РФ относительно криминализации публичного распространения под видом достоверных сведений заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, и (или) о принимаемых по обеспечению безопасности населения и территорий мерах, а также приемах и способах защиты от указанных обстоятельств. Объясняется такой шаг как необходимостью сохранения психического благополучия населения и минимизации оснований для общественных беспорядков в условиях объявленной ВОЗ всемирной пандемии по COVID-19, так и урегулирования мероприятий по обязательной изоляции и самоизоляции заболевших данной инфекцией людей.

За данное деяние предусмотрено достаточно серьезное наказание, однако само деяние относится к категории небольшой тяжести, а именно – штраф в размере от трехсот тысяч до семисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до восемнадцати месяцев,

либо обязательными работами на срок до трехсот шестидесяти часов, либо исправительными работами на срок до одного года, либо ограничением свободы на срок до трех лет. Наказания в виде лишения свободы данная статья не предполагает.

К обстоятельствам, представляющим угрозу для жизни и безопасности граждан, в ст. 207.1 УК РФ предлагается отнести: а) чрезвычайные ситуации природного и техногенного характера; б) чрезвычайные экологические ситуации; в) эпидемии; г) эпизоотии; д) иные обстоятельства, возникшие в результате аварий, опасных природных явлений, катастроф, стихийных и иных бедствий в случае, если возможны (наступили) человеческие жертвы, нанесение ущерба здоровью людей или окружающей природной среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности населения. Введение указанной статьи представляется весьма актуальным, так как в ситуации пандемии возникает множество фейков как о способах лечения, так и о масштабе распространения COVID-19. Так, мировой судья в Липецке вынес штраф в размере 15 тыс. рублей женщине, которая в социальных сетях распространила ложную информацию о количестве зараженных коронавирусной инфекцией [3]. С марта 2020 года была возможность привлекать лиц, распространяющих фейковую информацию, только в рамках административной ответственности (по ч. 9 ст. 13.15 КоАП РФ «Распространение в средствах массовой информации, а также в информационно-коммуникационных сетях заведомо недостоверной общественно значимой информации под видом достоверных сообщений, создавшее угрозу причинения вреда жизни и (или) здоровью граждан»). Аналогичные случаи имели место и в других регионах [1]. Не исключаем, что в дальнейшем, возможно, целесообразно будет включение возможности административной преюдиции в указанный состав преступления [8. С. 63; 9. С. 188].

Тот же Федеральный закон № 100-ФЗ ввел в структуру новый состав ст. 207.2 УК РФ, предусматривающий уголовную ответственность за публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации, повлекшей тяжкие последствия. Отметим, что мы не поддерживаем тенденцию, наметившуюся в последнее время, когда в наименование статьи вы-

носится указание на ее последствия, так как указанный элемент более уместен в содержании непосредственно диспозиции статьи, где он может быть уточнен или указан оценочными категориями. По факту, в рассматриваемой статье далее так и сделано. Так, в части первой рассматриваемой статьи указано тяжкое последствие в виде причинения по неосторожности вреда здоровью человека (исходя из логики построения составов Особенной части УК РФ, подразумевается только причинение тяжкого вреда здоровью, так как за причинение средней тяжести вреда здоровью по неосторожности ответственность предусматривается только в рамках ч. 1 ст. 124 УК РФ («неоказание помощи больному без уважительных причин...», если это повлекло по неосторожности причинение средней тяжести вреда здоровью)), в остальных же статьях УК РФ криминализируется только причинение по неосторожности тяжкого вреда здоровью (см., например, ст. 118 УК РФ или ст. 264 УК РФ). При этом до 2003 года причинение по неосторожности средней тяжести вреда здоровью влекло уголовную ответственность, но было декриминализовано Федеральным законом от 8 декабря 2003 года № 182-ФЗ. Отсюда иные тяжкие последствия были фактически приравнены причинению по неосторожности смерти человеку (ч. 2 ст. 207.2 УК РФ), тогда как обычно в статьях УК РФ приравниваются (разграничиваются) именно причинение тяжкого вреда здоровью или причинение смерти по неосторожности (см., например, ч. 3 ст. 123 УК РФ, ч. 2 ст. 124 УК РФ и др.). Справедливости ради отметим, что уравнивание по тяжести причинения смерти по неосторожности или иных тяжких последствий присутствует в рамках ч. 3 ст. 127 УК РФ. Более того, в своем диссертационном исследовании мы пришли к аналогичному выводу [6. С. 90–94]. А в рамках п. «а» ч. 3 ст. 127.1 УК РФ все три рассматриваемых последствия присутствуют в одном пункте, что формально их уравнивает. Сошлемся на мнение Ю.А. Демидова, полагающего, что жизнь и здоровье человека выступают в уголовном праве как самостоятельные объекты охраны, независимо от того, носителем каких общественных отношений они являются [2. С. 108]. Считаем, что законодателю следует более взвешенно относиться к разграничению возможных тяжких последствий, отношение к которым у виновного является неосто-

рожным (как к причинению смерти или тяжкого вреда здоровью, так и к иным). Как вариант, можно предложить разную буквенную нумерацию таковых последствий, что уже предлагалось ранее [11. С. 254]. Также мы ранее отмечали непоследовательность законодателя в отношении наказания за тяжкие последствия, наступившие по неосторожности [7. С. 13], что требует определенного решения. В поддержку законодателя применительно к введенной ст. 207.2 УК РФ отметим, что здесь решение о наказании является справедливым – при причинении тяжкого вреда здоровью по неосторожности максимально возможное предполагаемое наказание составляет до трех лет лишения свободы (преступление небольшой тяжести), а при причинении по неосторожности смерти или иных тяжких последствий – до пяти лет лишения свободы (преступление средней тяжести), при наличии в обеих частях альтернативных основных наказаний, не связанных с лишением свободы.

В связи с пандемией коронавируса, вызывающего заболевание COVID-19, Федеральным законом № 100-ФЗ были внесены изменения и в содержание ст. 236 УК РФ «Нарушение санитарно-эпидемиологических правил», которая в части первой ранее содержала материальный состав, а в настоящее время после внесения изменений получила возможность криминализации и угрозы наступления последствий в виде массового заболевания или отравления людей. Это объясняется массовыми случаями побегов COVID-инфицированных из лечебных учреждений, а равно несообщением о фактах возможного инфицирования при нахождении лица в неблагополучных по эпидпоказателям областях или государствах. К сожалению, случаи побегов из самоизоляции уже идут на десятки и сотни.

Так, в Ставропольском крае главный инфекционист И. Санникова тайно съездила в Испанию, где, возможно, заразилась коронавирусом, а после возвращения на родину пошла на работу. Более того, И. Санникова сразу после возвращения из-за границы читала лекции студентам об опасности данной инфекции и угрозе заражения. В итоге более тысячи человек, контактировавших с ней, находятся под наблюдением, 300 отправлены на карантин, а у 11 подтвердился указанный диагноз [12]. Так как произошла ситуация в марте, возбуждены были уголовные

дела по составам ч. 1 ст. 237 УК РФ «Соккрытие информации об обстоятельствах, создающих опасность для жизни или здоровья людей» и ч. 1 ст. 293 УК РФ «Халатность», в отношении женщины проводится проверка.

В подмосковном Жуковском пациент с подтвержденным диагнозом коронавируса сразу из инфекционного отделения отправился в магазин, где купил продукты питания и алкоголь. Никаких средств защиты он не использовал. В настоящее время под угрозой заражения находится несколько человек [4].

Характерно, что сами пациенты выкладывают свои истории в интернете (обычно Фейсбук, Инстаграм или Телеграмм) и получают в ответ на свои сообщения как резко негативную оценку, так и слова одобрения. Побег инфицированных пациентов совершались как в Москве, так и в Санкт-Петербурге. Появились даже так называемые COVID-диссиденты, отрицающие наличие данного заболевания полностью.

В Красноярске зафиксирован побег пассажиров двух самолетов из Таиланда из аэропорта, так как они не захотели оформлять бланки согласия на добровольную самоизоляцию и разъехались по домам.

Другой случай – петербуржец Г. Образцов, вернувшийся из Швейцарии, не соблюдал режим самоизоляции. После помещения в обсерватор, устроенный на территории пансионата, на следующий день сбежал из него. Его вернули обратно и предъявили обвинение по ст. 236 УК РФ [4] уже в обновленной редакции, так как деяние произошло 9 апреля 2020 года, уже после изменения указанных положений.

Все указанные случаи представляют повышенную потенциальную общественную опасность в случае, если данные люди реально заражены новой коронавирусной инфекцией, что и объясняет изменение уголовного законодательства в сторону его ужесточения. Так, если ранее по ч. 1 ст. 236 УК РФ наиболее строгим было наказание в виде ограничения свободы до одного года, а размер штрафа не превышал восьмидесяти тысяч рублей, то в новой редакции по ч. 1 ст. 236 УК РФ грозит штраф в размере от пятисот тысяч до семисот тысяч рублей, а в качестве максимально возможного наказания предусматривается лишение свободы на срок до двух лет.

Подверглось коррекции наказание по ч. 2 ст. 236 УК РФ – если ранее наказание в виде штрафа не предусматривалось, то теперь оно возможно (в размере от одного миллиона до двух миллионов рублей). А вот применительно к принудительным работам не все однозначно – если ранее они предусматривались на срок до пяти лет, то теперь – на срок от трех до пяти лет (а указание минимального срока наказания для данного вида санкции не характерно) [13. С. 48]. Также непонятна формулировка применительно к возможному сроку лишения свободы – понимать, что минимальный срок наказания также три года, или все же самостоятельно исчислять данный вид наказания (в формулировке ч. 2 ст. 236 УК РФ в новой редакции указано – лишение свободы на тот же срок).

Также в ст. 236 УК РФ введена новая часть третья, предусматривающая повышенную уголовную ответственность за нарушение санитарно-эпидемиологических правил, повлекшее по неосторожности смерть двух и более лиц, что может быть наказано альтернативно либо принудительными работами на срок от четырех до пяти лет, либо лишением свободы на срок от пяти до семи лет (преступление средней тяжести).

Как представляется, отдельной проблемой становится отношение населения к так называемым «нулевым пациентам», т.е. лицам, у которых впервые в регионе обнаружено заболевание (в нашем исследовании – вирус SARS-CoV-2, бетакоронавирус В, вызвавший эпидемию пневмонии нового типа 2020 года) [5], так как указанные лица подвергаются преследованию, а в отношении них и членов их семей часто высказываются негативные эмоции, причем с течением времени ненависть граждан лишь набирает обороты [10]. Более того, в ряде случаев такая информация угрожает их жизни и здоровью, так как зачастую местные жители думают, что эпидемия началась именно из-за «нулевых пациентов». Присутствуют явления враждебности, и даже ксенофобии, в некоторых случаях – даже просто в отношении людей с азиатской внешностью.

Таким образом, можно констатировать, что изменения в УК РФ, внесенные Федеральным законом № 100-ФЗ, позволили в определенной мере нивелировать недостатки головного законодательства, выявленные в связи с объявлением пандемии но-

вой коронавирусной инфекции COVID-19, и учесть их в условиях изменившейся действительности.

Литература

1. Айдар Метшин назвал фейк о больных коронавирусом в Нижнекамске вредительством. URL: <https://www.tatar-inform.ru/news/society/13-04-2020/aydar-metshin-nazval-feyk-o-bolnyh-koronavirusom-v-nizhnekamske-vreditelstvom-5735841> (дата обращения: 20.04.2020).

2. Демидов Ю.А. Человек – объект уголовно-правовой охраны // Сов. государство и право. 1972. № 2. С. 108.

3. Жительницу Липецка оштрафовали за фейк в соцсетях о зараженных коронавирусом. URL: https://tass.ru/obschestvo/8077569?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews (дата обращения: 20.04.2020).

4. «Корона» слетела. Почему россияне бегают от врачей и не соблюдают карантин? // РИА «Новости». URL: <https://news.mail.ru/society/41404603/?frommail=10> (дата обращения: 16.04.2020).

5. Коронавирусы. Материал из Википедии. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D0%B2%D0%B8%D1%80%D1%83%D1%81%D1%8B> (дата обращения: 20.04.2020).

6. Латыпова Э.Ю. Ответственность за преступления, совершенные с двумя формами вины, по уголовному праву России и зарубежных стран: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2009. 220 с.

7. Латыпова Э.Ю. Ответственность за преступления, совершенные с двумя формами вины, по уголовному праву России и зарубежных стран: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2009. 20 с.

8. Малков В.П. Административная преюдиция: за и против // Вестн. Академии Генеральн. прокуратуры Российской Федерации. 2011. № 3 (23). С. 58–64.

9. Малков В.П. Неоднократность правонарушения и административная преюдиция как средства криминализации и декриминализации содеянного в российском уголовном праве // Учен. зап. Казан. юрид. ин-та МВД России. 2016. № 2 (2). С. 186–193.

10. Медики призвали не распространять данные о «нулевых зараженных» COVID-19. URL: <https://news.mail.ru/society/41415967/?frommail=1> (дата обращения: 20.04.2020).

11. Мусина Р.Р. К вопросу об основаниях и способах формулирования составов преступлений с альтернативными признаками объективной стороны // Актуальные проблемы экономики и права. 2011. № 3 (19). С. 250–254.

12. Нестеркина А. Главный инфекционист Ставропольского края тайно съездила в Испанию и привезла в Россию коронавирус (опубликовано 22.03.2020). URL: https://www.ltv.ru/news/2020-03-22/382399-glavnyy_infektsionist_stavropolskogo_kraya_tayno_s_ezdila_v_ishpaniyu_i_privvezla_v_rossiyu_koronavirus (дата обращения: 20.04.2020).

13. Нечаева Е.В. Перспективы трансформации наказания в виде принудительных работ // Уголов.-исполнит. право. 2018. Т. 13. С. 45–49.

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ПРЕЮДИЦИЯ В ЭКОЛОГИЧЕСКОМ ПРЕСТУПЛЕНИИ

Э.Ю. Латыпова, канд. юрид, наук, доцент
Д.В. Кирпичников, студент
ЧОУ ВО «Казанский инновационный университет
им. В.Г. Тимирязова (ИЭУП)», г. Казань

Аннотация. Рассматриваются закономерности конструирования составов экологических преступлений, изложенных в главе 26 УК РФ. Проанализированы материалы судебных решений, вынесенных инстанциями различной территориальной принадлежности, что позволило прийти к логическому выводу о несоразмерности тенденциозно применяемого административного наказания общественной опасности совершенных деяний, высказан тезис о необходимости применения уголовно-правовых средств охраны. В развитие данного положения на основе работ В.П. Малкова предложено внесение изменений в вышеуказанную главу посредством дополнения формальным составом с административной преюдицией.

Ключевые слова: экологические преступления, административная преюдиция, формальный состав, материальный состав, уголовно-правовые средства охраны, административное наказание.

ADMINISTRATIVE PREJUDICE AGAINST ENVIRONMENTAL CRIME

E.Yu. Latypova, D.V. Kirpichnikov

Abstract. The article deals with the regularities of the construction of environmental crimes, set out in Chapter 26 of the Criminal Code of the Russian Federation. The study analyzed the court decisions rendered by courts of different territorial jurisdiction, which allowed to come to logical conclusion about the disparity of the biased used of administrative punishment of public danger of the acts, expressed the thesis of the necessity of applying criminal law protection. In the development of this provision, based on the works of V.P. Malkova, proposed changes to the above Chapter, by adding a formal composition with administrative prejudice.

Keywords: environmental crimes, administrative prejudice, formal and material structures, criminal legal means of protection, administrative punishment.

Право граждан Российской Федерации на благоприятную окружающую среду является одним из фундаментальных прав личности, что подтверждает факт закрепления его в ст. 42 Конституции Российской Федерации. Нарушение конституционно-закрепленного права, согласно руководящим разъяснениям п. 18

ППВС № 19 от 16 октября 2009 года [1], является существенным нарушением прав граждан, что предопределяет необходимость его особой правовой защиты. Представляется также, что при формулировании состава экологического преступления следует обязательно учитывать, что окружающая среда, в отличие от техносферы, может подвергнуться такому негативному воздействию, которое повлечет неустранимые, необратимые пагубные изменения, т.е. изменения, не позволяющее природному объекту или природному комплексу после прекращения воздействия на него антропогенных факторов вернуться за определенный интервал времени в состояние, близкое к исходному [6]. В рассуждениях о вреде, причиняемом окружающей среде экологическими преступлениями, следует также упомянуть разъяснения оценочного понятия «тяжкие последствия», данное Пленумом Верховного суда Российской Федерации применительно к составу ст. 247 УК РФ. Согласно позиции суда таковыми следует считать – ухудшение окружающей среды или/и ее компонентов, устранение которого требует длительного времени и больших финансовых затрат (например, массовые заболевания и гибель объектов животного мира, в том числе рыбы и других водных биологических ресурсов, уничтожение условий для их обитания и воспроизводства, уничтожение объектов растительного мира, повлекшее существенное сокращение их численности, деградация земель) [12. С. 405]. Мы полагаем достаточно очевидной опасность и непредсказуемость отдаленных последствий совершения указанных преступлений. Думается также, что такие негативные последствия, как деградация земель, причиняет, помимо прочего, существенный вред экономической безопасности Российской Федерации и подрывает ее конкурентоспособность на международном рынке, поскольку ухудшаются условия для производства экспортируемой продукции сельскохозяйственного сектора [10. С. 117].

Изложенное приводит к обоснованному выводу о том, что необходимо применять достаточные и эффективные меры правовой охраны окружающей среды, при этом отдавая приоритет превентивным мерам, иными словами, учитывая специфику объектов и компонентов окружающей среды как предметов составов преступлений, их свойство невосполнимости, необходи-

мо прилагать усилия по борьбе не с последствиями, а с причинами пагубного воздействия на окружающую среду. Однако, обращаясь к составам преступлений, изложенных в главе 26 УК РФ (экологические преступления), обнаруживаем, что большинство из них сконструированы по принципу материальных, содержащих в структуре объективной стороны описанные выше общественно опасные последствия в качестве обязательного признака, сообразно чему наступления последствий признается моментом окончания преступления, что явно не способствует сохранению окружающей среды. К числу материальных составов относятся – ст. 250 УК РФ (Загрязнение вод), 251 УК РФ (Загрязнение атмосферы), 252 УК РФ (Загрязнение морской воды, применительно к названному составу вывод о материальной конструкции следует из анализа термина «загрязнение»), 254 УК РФ (Порча земли), 255 УК РФ (Нарушение правил охраны и использования недр), 257 УК РФ (Нарушение правил охраны водных биологических ресурсов); для экономии материала прервем на этом перечисление составов, однако результаты анализа это не изменит – подавляющее большинство составов главы 26 УК РФ – материальные. Нам представляется, что подобное положение в области уголовно-правовой политики не способствует сохранению окружающей среды, поскольку возможность инициирования уголовного преследования возникает только в случае наступления общественно опасных последствий, которые зачастую являются необратимыми. Соответственно при действующей редакции уголовного закона невозможно применение уголовно-правовых мер воздействия в случае, если содеянное не образует достаточного размера последствий (ущерба), описанных в составе. При этом последствия совершенно не обязательно должны отсутствовать вовсе [17. С. 194]. В такой ситуации правоохранительные и контролирующие органы не обладают юридическими основаниями для применения эффективных мер пресечения противоправной деятельности, причиняющей вред окружающей среде. Также не является однозначным решение законодателя о наличии определенной формы вины [7. С. 177], учитывая неоднозначность формулировки, закрепленной в ст. 24 УК РФ. Нет единого подхода и к возможным видам и мерам уголовного наказания [11. С. 13; 18. С. 435].

Для конкретизации тезиса о недостаточной эффективности мер, находящихся вне уголовно-правовой сферы, обратимся в положениям КоАП РФ. Так ст. 8.2 КоАП РФ (Несоблюдение требований в области охраны окружающей среды при сборе, накоплении, транспортировании, обработке, утилизации или обезвреживании отходов производства и потребления, за исключением случаев, предусмотренных ст. 8.2.3 данного Кодекса, исключение, предусмотренное ст. 8.2.3, составляют описанные действия в отношении отходов животноводства) предусматривает ответственность в виде наложения административного штрафа на граждан в размере от двух тысяч до трех тысяч рублей; на должностных лиц – от тридцати тысяч до сорока тысяч рублей; на лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, – от пятидесяти тысяч до шестидесяти тысяч рублей или административное приостановление деятельности на срок до девяноста суток; на юридических лиц – от двухсот пятидесяти тысяч до трехсот пятидесяти тысяч рублей или административное приостановление деятельности на срок до девяноста суток.

Следует обратить внимание на то, что состав административного правонарушения сконструирован по принципу формального, т.е. структуры признаков, характеризующих объективную сторону, не предполагает общественно опасные последствия в качестве обязательного признака состава и соответственно юридическим моментом окончания правонарушения является совершение деяния.

Обратимся к судебной практике по данной правовой норме. Так, Нижнекамским городским судом Республики Татарстан было установлено, что обнаруженное захламенение земельного участка К. возникло в результате сброса отходов в виде: покрышек пневматических шин на площади 45 кв. м в количестве 95 штук, боя бетонных изделий на площади 465 кв. м в объеме 190 куб. м, мусора от бытовых помещений организации, несортированный на площади 100 кв. м в объеме 55 куб. м, обрезки кусковые, отходы древесно-стружечных и древесно-волоконистых плит на общей площади 70 кв. м в объеме 50 куб. м, боя железобетонных изделий на площади 950 кв. м в объеме 260 куб. м на почву, при этом юридическому лицу назначено наказание

в виде 100 000 рублей [3]. Аналогично Хабаровский краевой суд установил в ходе судебного рассмотрения, что на территории и акватории, прилегающих к Бухте «Ванино», где производственную деятельность осуществляет «№», в конце причала (северная сторона) сформированы кучи из смеси глинозема и снега, которые в результате плюсовых температур превратились в жидкую массу. Вся кромка причалов № 19, № 20 сильно загрязнена обводненной смесью глинозема. На причале № 7 проводились работы по погрузке угля на иностранное судно «№». Ледовый покров, снег на побережье в районе причала № 5 темно-серого, темного цветов, имеет следы загрязнений угольной пылью, которая является отходами производства и потребления. По всей территории порта имеется большое количество сформированного в кучи снега, от таяния которого образовались лужи значительных площадей, а также на причалах наблюдается сброс талой воды в бухту Ванино; при этом юридическому лицу назначено наказание в виде административного штрафа в размере 100 000 рублей [5]. Неоднозначную, по нашему мнению, позицию занимает Богородицкий районный суд Тульской области, который, установив, что муниципальное бюджетное учреждение «№» совершило сброс отходов на почву с транспортного средства (мусоровоза), а также осуществляло систематический сброс отходов на земельный участок, не обладающий соответствующий предназначением, назначил МБУ «№» наказание в виде административного приостановления деятельности по размещению отходов на данном участке на срок 90 суток [2].

Комплексный анализ приведенных судебных актов, вынесенных судами различной территориальной принадлежности, не находящихся по отношению друг к другу в иерархическом подчинении, позволяет прийти к закономерному выводу – применяемые виды и размеры административных наказаний явно недостаточны для обеспечения надлежащей защиты окружающей среды от пагубных антропоформных воздействий. Приведенные примеры с загрязнением акватории, несанкционированным сбором бытовых отходов неминуемо влекут причинение существенного вреда почве и водам как составляющим компонентам окружающей среды, нарушают конституционно-гаран-

тированное право граждан на благоприятную окружающую среду, детерминируют общее ухудшение локальной экологической обстановки, влияют на снижение качества жизни населения.

На основании изложенного представляется необходимым проработать модели установления уголовной ответственности за совершение подобных деяний. На указанный тезис можно подать справедливые возражения о малозначительности деяний, избыточности и нецелесообразности применения в данных ситуациях уголовно-правовой репрессии. Мы полагаем возможным выразить частичную солидарность с прогнозируемой критикой, однако только в части однократного совершения деяния. Повторное же его совершение однозначно свидетельствует о недостаточности и неэффективности исправительного воздействия ранее назначенного административного наказания [19. С. 10–12], устойчивости антиобщественной установки правонарушителя, неизменно связано с причинением существенно вреда окружающей среде, что сообразно предполагает применение уголовно-правовых мер воздействия.

В изложенном контексте находим весьма справедливыми и актуальными рассуждения В.П. Малкова о механизме включения в состав преступления признака административной преюдиции. Рассуждая на данную тему, ученый отмечал, что законодатель нашей страны на основе изучения тенденций в определенных сферах социально-экономической жизни приходит к убеждению о целесообразности прибегнуть к противодействию совершению тех или иных деяний более острыми средствами, чем административное или дисциплинарное воздействие, в частности уголовным наказанием [13. С. 59]. В рассуждениях на тему избрания наиболее эффективной, с точки зрения защиты окружающей среды, законодательной конструкции состава преступления обращают на себя внимания также работы Виктора Павловича, обосновывающие целесообразность использования административной преюдиции как средства криминализации деяний в уголовном законодательстве Российской Федерации [14. С. 186]. Совершенно справедливы рассуждения ученого о том, что основным критерием при принятии решения о включении административной преюдиции в число признаков, описывающих объективную сторону состава, является недоста-

точность воспитательного воздействия предусмотренной санкцией административной нормы наказания. Примечательно, что В.П. Малков отстаивал высказанную позицию на протяжении длительного времени [16], что, безусловно, свидетельствует о полноте, объективности и всесторонности производимых им исследований.

Думается, что для эффективной защиты окружающей среды, надлежащего разражения описываемой в данной работе недостаточности превентивного воздействия публичных охранительных норм следует, ориентируясь на ставшее доктринальным в российской правовой науке мнение В.П. Малкова, прибегнуть к дополнению структуры главы 26 УК РФ составом, содержащим административную преюдицию [17. С. 178], не включающим общественно опасные последствия в число объективных признаков. Высказанное представляется принципиально важным: повторимся, что, по сути, с момента наступления опасных последствий (притом в достаточной степени серьезных) окружающая среда уже претерпела зачастую необратимые изменения и цель ее превентивного сохранения априори не может быть достигнута. Отметим, что нормы об административной преюдиции активно обсуждаются и для других сфер уголовной ответственности [см., например, 18. С. 375–376].

В затронутом контексте представляется актуальным пример из практики Тукаевского районного суда Республики Татарстан, который в ходе рассмотрения установил, что ООО «Феникс» были допущены нарушения санитарно-эпидемиологических требований при обращении с отходами производства и потребления, или иными опасными веществами, а именно: класс опасности отходов не согласован с учреждением, осуществляющим государственный санитарно-эпидемиологический контроль в соответствующей территории, т.е. с Управлением Роспотребнадзора по Республике Татарстан (Татарстан); предприятием нарушаются требования к мероприятиям по охране окружающей среды от загрязнения возбудителями паразитарных болезней: в рамках производственного контроля не проводятся санитарно-паразитологические исследования с целью контроля качества эффективности обеззараживания сточная вода (в местах до проведения очистки, в местах после проведения очистки), оса-

док сточных вод (в местах нахождения подсушенного осадка), что создало угрозу причинения вреда жизни и здоровью людей, окружающей среде. При указанных обстоятельствах ООО «Феникс» было назначено административное наказание в виде штрафа, что представляется явно несоразмерным причиненному окружающей среде вреду [4. С. 124].

Кроме этого, следует учитывать, что сам по себе существенный вред окружающей среде является понятием оценочным и подлежит только вероятностному установлению, поскольку в дальнейшей перспективе зафиксированное процессуально неблагоприятное воздействие может привести к трудно прогнозируемым последствиям.

На основании изложенного, преследуя цель сохранения окружающей среды, обеспечение приоритетного превентивного воздействия охранных норм публичного права, установления надлежащей правовой защиты окружающей среды [9. С. 78], повышения эффективности и достаточности применяемых государственных мер воздействия, руководствуясь в своих изысканиях доктринальными работами В.П. Малкова [15. С. 179], предлагаем дополнить структуру главы 26 УК РФ составом преступления, признаки объективной стороны которого выражаются в неисполнении требований в области охраны окружающей среды при сборе, накоплении, транспортировании, обработке, утилизации или обезвреживании отходов производства и потребления, совершенные лицом после его привлечения к административной ответственности за аналогичное деяние в течение одного года.

Литература

1. О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий: Пост. Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 окт. 2009 г. № 19 // Рос. газета. 2009. 30 окт.

2. Постановление Богородицкого районного суда Тульской области № 5-174/2018 от 15 нояб. 2018 г. по делу № 5-174/2018. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/J5evDwldne5V/> (дата обращения: 20.02.2020).

3. Постановление Нижнекамского городского суда Республики Татарстан № 5-1063/2018 от 15 нояб. 2018 г. по делу № 5-1063/2018. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/QsO9gktjPmr/> (дата обращения: 20.02.2020).

4. Постановление Тукаевского районного суда Республики Татарстан № 5-153/2018 от 25 сент. 2018 г. по делу № 5-153/2018.

5. Постановление Хабаровского краевого суда № 4А-740/2018 от 17 дек. 2018 г. по делу № 4А-740/2018. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/9ws0C6gvULZL/> (дата обращения: 20.02.2020).

6. Национальный стандарт РФ ГОСТ Р 57007-2016 «Наилучшие доступные технологии. Биологическое разнообразие. Термины и определения» (утв. и введен в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 5 июля 2016 г. № 810-ст) // Текст приказа официально опубликован не был.

7. Бикеев И.И., Латыпова Э.Ю. Ответственность за преступления, совершенные с двумя формами вины. Казань, 2009. 228 с.

8. Гильманов Э.М. Административная преюдиция в преступлениях, посягающих на бюджетную сферу // Тенденции развития российского общества в XXI веке: материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. школьников, учителей, студентов, аспирантов и молодых ученых. Чистополь – Казань, 2011. С. 375–377.

9. Гильманов Э.М. Экологические аспекты преступлений в сфере археологии // Социально-инновационные практики развития экологической культуры российского общества: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Нижнекамск – Казань, 2018. С. 76–81.

10. Латыпова Э.Ю. Актуальные аспекты экологических преступлений // Социально-инновационные практики развития экологической культуры российского общества: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Альметьевск, 2018. С. 116–121.

11. Латыпова Э.Ю. Ответственность за преступления, совершенные с двумя формами вины, по уголовному праву России и зарубежных стран: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2009. 20 с.

12. Латыпова Э.Ю., Гильманов Э.М. Земля как предмет состава порчи земли и состава уклонения исполнителя земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных и иных работ либо иных археологических полевых работ от обязательной передачи государству обнаруженных предметов и объектов культурного наследия // Национальная безопасность в экологической сфере: проблемы теории и практики: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2017. С. 404–411.

13. Малков В.П. Административная преюдиция: за и против // Вестн. Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2011. № 3 (23). С. 58–64.

14. Малков В.П. Неоднократность правонарушения и административная преюдиция как средства криминализации и декриминализации содеянного в российском уголовном праве // Учен. зап. Казан. юрид. ин-та МВД России. 2016. № 2 (2). С. 186–193.

15. Малков В.П. Неоднократность правонарушения и административная преюдиция как средства криминализации и декриминализации содеянного в российском уголовном праве // Библиотека криминалиста. 2013. № 2 (7). С. 179.

16. Малков В.П. Повторность проступка и уголовная ответственность. Казань, 1968. 123 с.

17. Мусина Р.Р. Альтернативные действия и иные признаки объективной стороны составов экологических преступлений // Национальная безопасность

в экологической сфере: проблемы теории и практики: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2017. С. 434–437.

18. Нечаева Е.В., Онегова А.А. Эффективность уголовных наказаний за экологические преступления // Национальная безопасность в экологической сфере: проблемы теории и практики: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2017. С. 434–437.

19. Серкова Т.В. Неоднократное преступное поведение: теоретико-прикладное исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2016. 33 с.

ВОЗМОЖНОСТИ ТЕХНИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ С ПРИМЕНЕНИЕМ СТРЕЛКОВОГО ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ, ПРИ НАЛИЧИИ ПРИЗНАКОВ МНОЖЕСТВЕННОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

И.В. Латышов, д-р юрид. наук, доцент
ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургский университет
Министерства внутренних дел Российской Федерации»,
г. Санкт-Петербург

Аннотация. Предложено использование информационно-технологической платформы в области криминалистики и судебной экспертизы, раскрыты ее возможности в установлении фактов использования одного и того же экземпляра стрелкового огнестрельного оружия при совершении различных по видам, месту и времени совершения преступлений.

Ключевые слова: криминалистика, судебная экспертиза, информационно-технологическая платформа, стрелковое огнестрельное оружие.

POSSIBILITIES OF TECHNICAL AND CRIMINALISTIC PROVISION OF DISCLOSURE AND INVESTIGATION OF CRIMES COMMITTED WITH THE USE OF RUNNING ARMS IF THERE ARE SIGNS OF A MULTIPLICITY OF CRIMES

I.V. Latyshov

Abstract. The article proposes the use of an information technology platform in the field of forensics and forensic science, discloses its capabilities in establishing the facts of using the same instance of small arms when committing crimes of various types, places and times.

Keywords: forensic examination, information technology platform, small arms.

Проекция проблемы множественности преступлений в область технико-криминалистического обеспечения раскрытия

и расследования преступлений определяет необходимость учета характерных особенностей вопросов обнаружения, фиксации и оценки материальных следов преступлений, организации и проведения криминалистических экспертиз и исследований, ведения экспертно-криминалистических учетов. Использование же при совершении преступлений стрелкового огнестрельного оружия вносит дополнительную специфику в организацию следственных действий, проведение оперативно-поисковых мероприятий.

В зависимости от вида преступлений, роли стрелкового огнестрельного оружия в его составе (орудие или предмет преступления, квалифицирующий признак) реализация возможностей получения криминалистически значимой информации имеет свое конкретное выражение.

Следует отметить, что в настоящее время получение экспертным путем фактических данных об использовании одного и того же экземпляра стрелкового огнестрельного оружия при совершении преступлений обеспечено научными знаниями судебной баллистики в области его отождествления по пулям и гильзам [2; 3; 4], организацией ведения судебно-баллистических учетов [1].

Установление средствами судебно-баллистической экспертизы или судебно-баллистических учетов фактов использования одного экземпляра стрелкового огнестрельного оружия при совершении различных по виду, времени и месту преступлений дает основание следователю, дознавателю принимать важные процессуальные решения, связанные с расследованием дел, внесением корректив в процесс расследования, а подразделениям оперативно-розыскных служб организовать проведение соответствующих поисковых мероприятий.

Вместе с тем современное развитие науки и техники все ярче подчеркивает архаичность существующих подходов в организации технико-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений, совершаемых с применением стрелкового огнестрельного оружия.

Следует принять во внимание и возникающие раз за разом проблемы в деятельности правоохранительных органов, причиной которых следует считать модификацию вооруженной пре-

ступности, появление все более изощренных способов совершения преступлений и сокрытия их следов, а также пробелы отечественного законодательства в данной сфере. Это касается и проблемы множественных преступлений.

В итоге в области противодействия вооруженной преступности, незаконному обороту оружия сложилась необходимость разработки более эффективных подходов в интеграции достижений научно-технического прогресса в организацию и производство судебно-экспертных исследований, ведение экспертно-криминалистических учетов стрелкового огнестрельного оружия и следов его применения. Наиболее злободневными в данном аспекте являются вопросы информатизации и внедрения инновационных технологий.

Как показывает практика, в обычном порядке дело ограничивается лишь разработкой инновационных технических средств и программных продуктов. Однако в настоящее время этого уже недостаточно. Необходимо создание и использование на практике информационно-технологического пространства более общего порядка, обеспечивающего потребности производства не только криминалистических экспертиз и ведения экспертно-криминалистических учетов, но также организации раскрытия и расследования преступлений в целом.

То есть речь идет о выработке научно-практического подхода к вопросу организации информационно-технологической платформы в области криминалистики и судебной экспертизы, ее использования участниками судопроизводства.

Решение вопроса предложено специалистами ООО «СДЦ инжиниринг» (г. Санкт-Петербург). Ими вместе с учеными-криминалистами Санкт-Петербургского университета МВД России разработан программный комплекс «POISC», который представляет собой информационно-технологическую платформу по систематизации информации о событии преступления, технико-криминалистических средствах и методах исследования объектов, приемах оформления результатов судебных экспертиз, алгоритмы использования специального оборудования и программного обеспечения при расследовании преступлений.

Для работы на платформе предложены собственные технические средства разработчика (фотомодуль «POISC», мо-

дельный ряд баллистических сканеров «POISC», микроскоп «POISC–MC»), а также криминалистическая техника других производителей (микроскоп сравнительный криминалистический МСК 3-1 (АО «ЛОМО»), для которой специалистами ООО «СДЦ инжиниринг» также было создано специальное программное обеспечение.

Возможностями информационно-технологической платформы «POISC» охвачены:

- сбор и систематизация информации о событии преступления, месте и времени его совершения, использованном стрелковом огнестрельном оружии, следах оружия на пулях, гильзах и поврежденных при выстреле преградах, иных изъятых в ходе осмотра места происшествия и других следственных действиях вещественных доказательств (рис. 1).

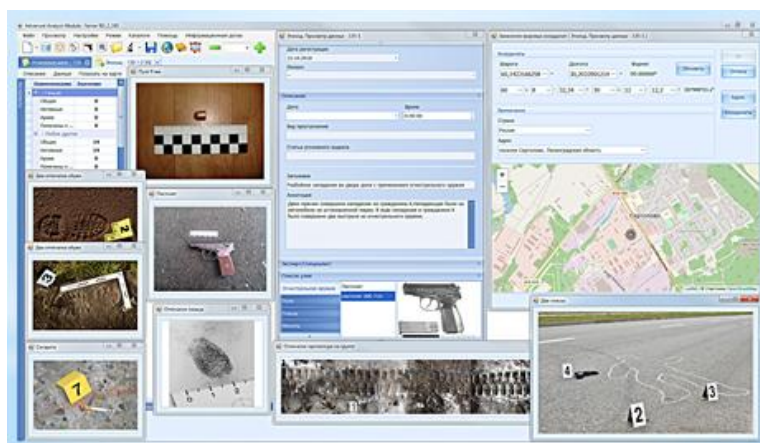

Рис. 1. Систематизированные сведения о следах, изъятых с места происшествия

Отдельные ресурсы платформы интерактивны, что позволяет использовать геолокацию и переносить данные в проекцию географических карт необходимого масштаба и др.;

- ведение криминалистических учетов оружия и следов его применения;

- формирование справочников и каталогов стрелкового огнестрельного оружия, патронов, иных объектов экспертных исследований и криминалистических учетов (рис. 2);

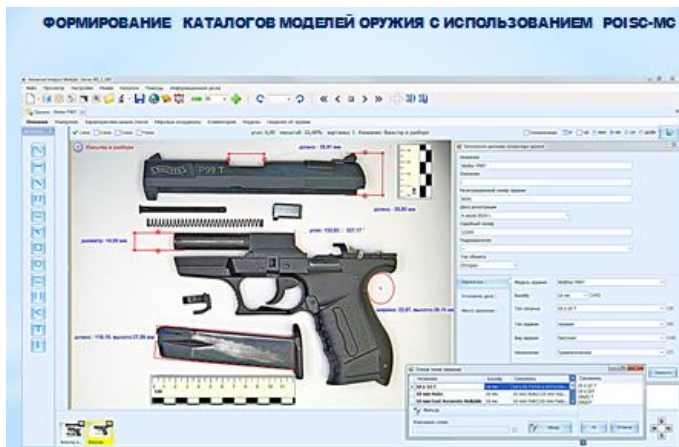

Рис. 2. Фрагмент справочной информации о стрелковом огнестрельном оружии

– алгоритмизация технологических операций по использованию криминалистической техники и оборудования при проведении экспертных исследований, ведении криминалистических учетов;

– использование инновационных приемов и методов экспертного исследования объектов, подготовки иллюстративных материалов к заключению эксперта (рис. 3–6).

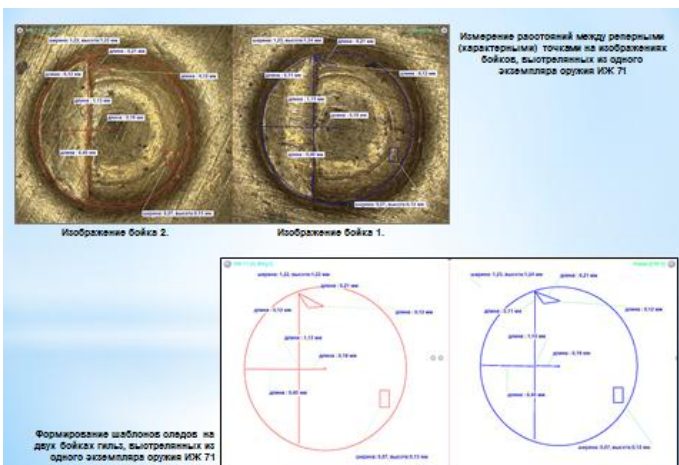
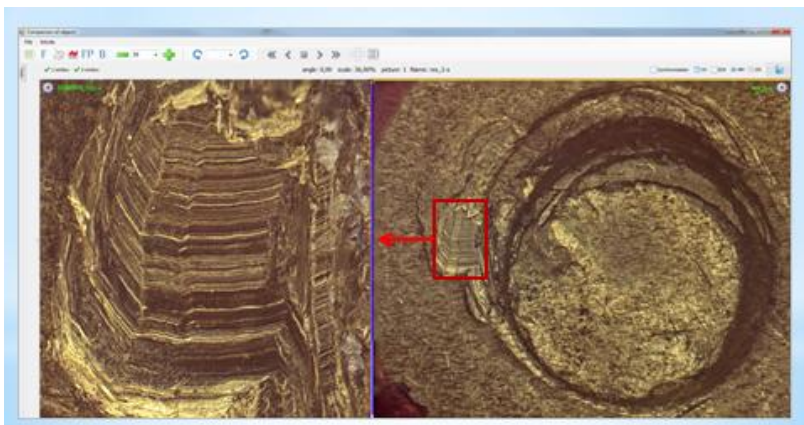

Рис. 3. Примеры измерений и разметки следов бойка ударника на капсюлях гильз

Рис. 4. След бойка ударника на капсюле гильзы (справа) и увеличенный фрагмент особенностей его микрорельефа

Рис. 5. 3D-модель следа бойка ударника на капсюле гильзы (9 мм пистолет ИЖ-71)

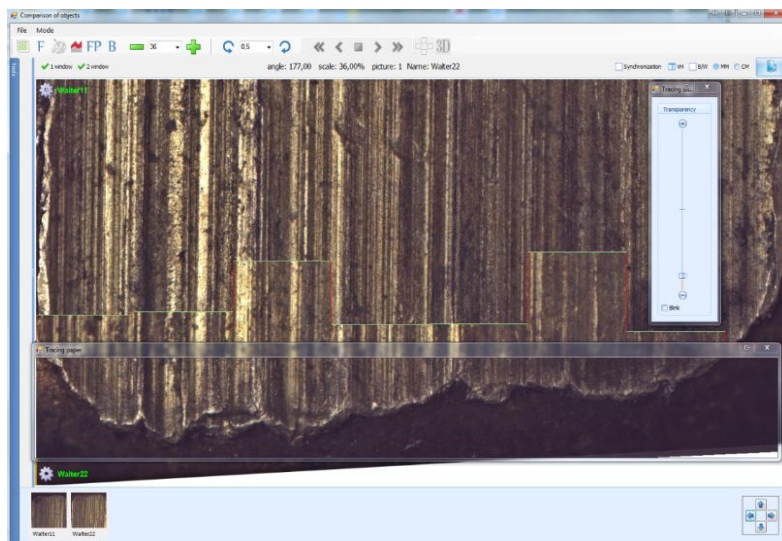

Рис. 6. Совмещение следов полей нарезов на выстреленных пулях с использованием функции «калька» и выбором геометрии линии разделения

Таким образом, есть основания считать, что реализация предложенной информационно-технологической платформы «POISC» в деятельности правоохранительных органов позволит повысить эффективность технико-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений, совершенных с применением стрелкового огнестрельного оружия, расширит возможности формирования экспертным путем системы доказательств, в том числе и по фактам преступлений, имеющих признаки множественности.

Литература

1. Об организации использования экспертно-криминалистических учетов органов внутренних дел Российской Федерации: Приказ МВД России от 10.02.2006 № 70 (ред. от 11.09.2018 г.) // Справ.-прав. система «Консультант Плюс» (дата обращения: 17.02.2020).
2. Комаринец Б.М. Криминалистическое отождествление огнестрельного оружия по стреляным гильзам: пособие для экспертов НТО и оперативно-следственных работников милиции. М., 1955. 386 с.
3. Криминалистическая экспертиза оружия и следов его применения: учебник / под ред. В.А. Ручкина, И.А. Чулкова. Волгоград, 2004. Ч. 1. 316 с.

4. Типовые методики идентификации нарезного огнестрельного оружия по следам на выстреленных пулях и стреляных гильзах: метод. рекомендации. М., 2007. 24 с.

О НАЗНАЧЕНИИ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

П.Н. Мазуренко, канд. юрид. наук, доцент, адвокат
Казанский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский
государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»,
г. Казань

Аннотация. Рассмотрены актуальные проблемы назначения судебных экспертиз в уголовном процессе. Имеются предложения по совершенствованию законодательства.

Ключевые слова: эксперт, специалист, экспертиза, заключение эксперта, следователь, защитник.

ON THE ISSUE OF THE APPOINTMENT OF FORENSIC EXAMINATIONS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

P.N. Mazurenko

Abstract. The actual problems of the appointment of forensic examinations in criminal proceedings are examined. There are suggestions for improving legislation.

Keywords: expert, specialist, examination, expert opinion, investigator, defender.

Важнейшим принципом уголовного судопроизводства, закрепленным в ст. 15 УПК РФ, является состязательность процесса. К нашему сожалению, в последние годы в процессе назначения и производства экспертиз данный принцип постоянно и сознательно нарушается. В первую очередь это связано с наличием монополии государственных экспертных учреждений на многие виды судебных экспертиз. Систему экспертных учреждений Российской Федерации образуют специализированные учреждения, в которых проводятся судебные экспертизы. Такие учреждения входят в структуру различных ведомств: МВД, Следственного комитета, Министерства юстиции, Министерства здравоохранения, Министерства обороны, ФСБ и некоторых

других. Более того, в различных экспертных учреждениях до сих пор используются несовпадающие методики исследований, хотя неоднократно принимались решения о методическом единстве исследований. С нашей точки зрения, есть все основания полагать, что вопросы назначения экспертиз разработаны еще недостаточно полно, хотя в последнее время появились отдельные публикации [1. С. 87]. В судебно-следственной практике довольно часто возникают проблемы, связанные с процессуальными нарушениями при назначении экспертиз. Чаще всего встречаются следующие нарушения: несоблюдение прав участников процесса, назначение в качестве эксперта лица, заинтересованного в исходе дела, отказ в назначении экспертизы, даже когда назначение ее было обязательно. В публикациях по криминалистической тактике представители стороны обвинения довольно часто выражают мнение о том, что у следователя с экспертом при назначении экспертиз «должны сложиться творческие и доброжелательные взаимоотношения, что будет способствовать устранению имеющихся недочетов и значительному улучшению работы по борьбе с преступностью» [2. С. 48]. При этом целесообразно поручать производство экспертизы тому лицу, которое участвовало в осмотре места происшествия, в качестве специалиста по данному делу, а при направлении материалов на экспертизу следователю совместно с экспертом необходимо изучить качество и полноту представленного материала, проверить логическую очередность применения и правильность методов исследования [2. С. 48], т. е. фактически специалист, а затем и эксперт активно взаимодействуют со следователем при сборе вещественных доказательств, образцов для сравнительного исследования, назначении и даже производстве экспертизы. Особенно часто это практикуется в том случае, если они являются сотрудниками одного территориального подразделения. В результате у стороны обвинения появляется реальная возможность «подкорректировать» заключение эксперта в нужном направлении. Практике известен случай, когда следователь не только общался с экспертом до получения заключения, но и допросил эксперта в качестве свидетеля (не эксперта!) о поведении подследственного во время проведения психолого-психиатрической экспертизы. Очевидно, что говорить при этом о независимости эксперта

довольно сложно. В то же время адвокат-защитник лишен возможности без разрешения следователя присутствовать при проведении экспертизы. Кроме того, сами эксперты даже после получения разрешения следователя под различными предлогами пытаются не допустить присутствия защитника при проведении экспертизы.

По мнению автора, в нарушение принципа состязательности сторона защиты лишена возможности контролировать полноту, подлинность и допустимость направляемых на экспертизу вещественных доказательств. Зачастую следователи, исходя из тактических соображений, целенаправленно скрывают от стороны защиты информацию о результатах осмотра места происшествия, изъятых вещественных доказательствах и результатах экспертиз. Чаще всего информацию об этом сторона защиты получает из материалов, направляемых в суд при решении вопроса об избрании меры пресечения, либо при ознакомлении с материалами уголовного дела при выполнении требований ст. 217 УПК РФ. С нашей точки зрения, необходимо ввести в ст. 177 УПК РФ «Порядок производства осмотра» требование обязательного ознакомления с протоколом осмотра места происшествия всех участников процесса. Это позволит сторонам ходатайствовать о назначении более широкого круга судебных экспертиз и контролировать направление на экспертизу всех вещественных доказательств, а не только тех, исследование которых сочтет необходимым следователь. Мы поддерживаем решение о необходимости наделения стороны защиты правом назначать судебную экспертизу [3].

Кроме того, широкое распространение получили случаи, когда следователи не знакомят обвиняемых и защитников с назначенными и даже уже проведенными экспертизами или безосновательно отказывают в назначении экспертиз, особенно повторных. Мы поддерживаем предложения о конкретизации положений ч. 3 ст. 195 УПК РФ, где должно быть четко указано, что следователь до направления материалов уголовного дела для производства судебной экспертизы знакомит с постановлением о ее назначении подозреваемого, обвиняемого, его защитника, потерпевшего, его представителя и разъясняет им права, предусмотренные ст. 198 УПК РФ. В ином случае участники процесса

лишаются права на защиту, грубо нарушается конституционный принцип состязательности и равноправия сторон.

В заключение отметим, что необходимо повысить независимость экспертных учреждений, а в дальнейшем создать абсолютно независимую от органов, осуществляющих предварительное расследование и дознание, федеральную экспертную службу и, наконец, принять федеральный закон «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», о необходимости которого говорят уже много лет. Кроме того, требует дальнейшего развития и система негосударственных экспертных учреждений.

Литература

1. Мишин А.В., Мазуренко П.Н. Актуальные проблемы назначения и производства судебной экспертизы // Вестн. экономики, права и социологии. 2017. № 1. С. 86–89.

2. Демидова Т.В. Взаимодействие следователя с экспертом на стадии подготовки материалов для производства судебных экспертиз // Вестн. экон. безопасности. 2018 № 1. С. 46–50.

3. Предстоит напряженная работа и обсуждение поручений Президента. URL: <https://fparf.ru/news/fpa/predstoit-napryazhennaya-rabota-i-obsuzhdenie-porucheniya-prezidenta> (дата обращения: 23.02.2020).

СОВРЕМЕННАЯ РЕФОРМА СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ДОСТОИНСТВА И НЕДОСТАТКИ

А.А. Макарушкова, преподаватель

Чебоксарский кооперативный институт (филиал)

АНОО ВО ЦС РФ «Российский университет кооперации»,

г. Чебоксары

Аннотация. Рассматриваются некоторые итоги реформирования судостроительства по Федеральному конституционному закону от 29 июля 2018 г. № 1-ФКЗ, анализируются достоинства и недостатки современной реформы судебной системы в Российской Федерации. В заключение сделан вывод о целесообразности реформирования системы судов общей юрисдикции.

Ключевые слова: реформа, судебная система, система судов общей юрисдикции, апелляционные суды общей юрисдикции, кассационные суды общей юрисдикции.

MODERN REFORM OF THE JUDICIAL SYSTEM IN THE RUSSIAN FEDERATION: ADVANTAGES AND DISADVANTAGES

A.A. Makarushkova

Abstract. Discusses some of the results of the reform of the judicial system under Federal constitutional law No. 1 of July 29, 2018, and analyzes the advantages and disadvantages of the modern reform of the judicial system in the Russian Federation. The conclusion makes a conclusion about the feasibility of reforming the system of courts of General jurisdiction.

Keywords: reform, judicial system, system of courts of General jurisdiction, appellate courts of General jurisdiction, cassation courts of General jurisdiction.

2018 год ознаменовался проведением третьей масштабной реформы судебной системы за всю историю нашего государства, призванной модернизировать существующую модель правосудия в соответствии с новыми запросами гражданского общества и современными стандартами правового развития.

Современная реформа судебной системы представляет собой комплексную систему мер, затрагивающих судоустройство, судопроизводство, а также правовой статус судей. Основная цель проводимых изменений – обеспечение независимости и самостоятельности судей путем создания организационно обособленных апелляционных и кассационных инстанций в системе судов общей юрисдикции на основе положительного опыта системы арбитражных судов.

В связи с реформированием судоустройства в 2019 году вступили в силу 26 законов, целью которых стало «укрепление правовых гарантий независимости судей и повышение эффективности правосудия». Однако важнейшим из них стал Федеральный конституционный закон от 29 июля 2018 года № 1-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон “О судебной системе Российской Федерации” и отдельные федеральные конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции» (далее – Закон № 1-ФКЗ), предусматривающий создание пяти апелляционных и девяти кассационных судов общей юрисдикции, одного военного апелляционного суда и одного военного кассационного суда, действующих в пре-

делах соответствующих судебных округов, включающих несколько регионов, а также изменение системы обжалования судебных постановлений.

По мнению П.В. Крашенинникова, «принятый закон является важным шагом в реформировании и модернизации судопроизводства, в реализации реформы судоустройства и унификации процессуальных кодексов» [3].

Необходимость создания в Российской Федерации структурно самостоятельных кассационных судов и апелляционных судов общей юрисдикции была обусловлена потребностью в функционировании организационно обособленных судебных инстанций в целях усовершенствования инстанционного устройства судов общей юрисдикции, максимального обеспечения их независимости и самостоятельности при рассмотрении апелляционных и кассационных жалоб, представлений и оптимизации судебной нагрузки.

Главным достоинством судебной реформы является повышение реальной независимости судебной системы в связи с функционированием отдельных апелляционных и кассационных судов. Создание апелляционных и кассационных судов общей юрисдикции существенно изменило инстанционные связи в данной системе и приблизило их к арбитражному судоустройству и судопроизводству. Новые суды носят межрегиональный характер, что делает их полностью независимыми от региональных властей. Более того, границы судебных округов апелляционных судов и кассационных судов также не совпадают друг с другом.

Независимость апелляционных и кассационных инстанций приводит и к реальной результативности работы судебной системы. Апелляционные и кассационные суды общей юрисдикции функционируют с 1 октября 2019 года, но уже появились первые результаты их работы. Как заявил Лебедев: «За четыре месяца новые суды показали, что сплошная кассация повысила эффективность кассационного правосудия». Так, по гражданским делам удовлетворили 14% жалоб против 5% в первом полугодии, когда кассация еще была выборочной. В уголовном производстве по этому правилу удовлетворено 37% кассационных жалоб [1].

Создание апелляционных и кассационных судов – это еще и серьезная антикоррупционная мера. Известно, что коррупция в органах правосудия является для современной России очень острой проблемой, которую не решить путем лишь одних карательных мер. Однако в связи с разделением функций были созданы серьезные препятствия для коррупционных схем, поскольку дела по апелляционным и кассационным жалобам рассматриваются в других регионах отдельными судами, не связанными с первыми инстанциями.

Следующим безусловным достоинством судебной реформы является снижение загруженности российских судов, и, в первую очередь – верховных судов субъектов Российской Федерации, которые до 1 октября 2019 года выполняли функции трех инстанций – первой, апелляционной и кассационной. Создание целой системы отдельных апелляционных и кассационных судов, таким образом, освободило верховные суды субъектов Российской Федерации от необходимости рассмотрения апелляций и кассационных жалоб. У судей возросла оперативность и улучшилось качество рассмотрения дел в судах первой инстанции. Позитивно отразились нововведения и на качестве рассмотрения апелляционных и кассационных жалоб. Как показала статистика по результатам работы отдельных судов общей юрисдикции, процент пересмотренных решений существенно вырос [2].

Стоит отметить, что подобная реформа проводилась и в системе арбитражных судов и принесла положительный эффект: судебные инстанции в системе арбитражных судов функционируют в качестве отдельных судов.

Говоря о достоинствах создания новых судов, следует отметить и ряд недостатков.

Существенным недостатком следует считать то, что нововведения не способствовали упрощению системы судов общей юрисдикции, учитывая, что данная система достаточно сложна.

Еще одним недостатком этой реформы является территориальная удаленность и обособленность апелляционных и кассационных судов общей юрисдикции, что влечет увеличение судебных расходов сторон и может негативно сказаться на доступности правосудия. Хотя законодатель предусматривает воз-

возможность образования в составе суда постоянного судебного присутствия и обеспечения судебных процессов видеоконференц-связью.

Другим недостатком современной реформы судебной системы является непоследовательная реализация принципа «отдельный суд для каждой инстанции» поскольку, несмотря на пересмотр судоустройства в отношении апелляционной и кассационной инстанций, вторая кассация и надзор по результатам реформы так и остались в Верховном Суде Российской Федерации.

Таким образом, предложенные Законом № 1-ФКЗ меры являются важным шагом в реформировании судоустройства. Вместе с тем, несмотря на очевидные достоинства и недостатки, полагаем, что изменения и нововведения в судоустройстве и судопроизводстве положительно повлияют на защиту прав и законных интересов граждан и юридических лиц, которые обращаются в вышестоящие судебные инстанции. Однако в полной мере оценить эффективность реформирования судебной системы возможно лишь по истечении одного-двух лет, когда появятся статистические данные о результатах деятельности новых апелляционной и кассационной инстанций.

Литература

1. Верховный суд подвел итоги работы судов за 2019 год [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <https://pravo.ru/story/218428/> (дата обращения: 24.03.2020).

2. Новые суды стали чаще выявлять судебные ошибки реформы [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <https://rg.ru/2019/12/19/novye-sudy-stali-chashche-vyivliat-sudebnye-oshibki.html> (дата обращения: 24.03.2020).

3. Президент подписал закон о процессуальной реформе [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://komitet2-10.km.duma.gov.ru/Novosti_Komiteta/item/17587483 (дата обращения: 24.03.2020).

ПРИМЕНЕНИЕ БЕСПИЛОТНИКОВ В КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ТЕХНИКЕ ДЛЯ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ, ВЫЯВЛЕНИЯ И РАСКРЫТИЯ СЕРИЙНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ОБЛАСТИ ЭКОЛОГИИ

Н.В. Максимов, канд. юрид. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет
имени И.Н. Ульянова», г. Чебоксары

Аннотация. Показаны ситуации, при которых возможно использование беспилотных летательных аппаратов для выявления, предупреждения и раскрытия таких экологических серийных преступлений, как нарушение правил охраны рыбных запасов, незаконная охота, незаконная порубка леса, уничтожение или повреждение лесов.

Ключевые слова: беспилотные летательные аппараты, экология, серийные преступления, криминалистическая техника.

THE USE OF DRONES IN FORENSIC TECHNOLOGY FOR THE PREVENTION, DETECTION AND DISCLOSURE OF SERIAL CRIMES IN THE FIELD OF ECOLOGY

N.V. Maksimov

Abstract. Situations where unmanned aerial vehicles may be used to identify, prevent and uncover environmental serial crimes such as fish stocks, illegal hunting, illegal logging, destruction or damage to forests are shown.

Keywords: unmanned aircraft, ecology, serial crimes, criminalistic technology.

Согласно российскому законодательству, экологические преступления – это «нарушения правил охраны окружающей среды при проектировании, размещении, строительстве, вводе в эксплуатацию и эксплуатации промышленных, сельскохозяйственных, научных и иных объектов лицами, ответственными за соблюдение этих правил, если это повлекло существенное изменение радиоактивного фона, причинение вреда здоровью человека, массовую гибель животных» [1].

Общественная опасность экологических преступлений заключается в том, что она посягает на человека через природу, посредством уничтожения или качественного ухудшения биологической основы его существования. То есть экологические преступления нарушают закреплённое в ст. 42 Конституции Российской Федерации право человека на здоровую окружающую

щую среду. Видовым объектом данной группы преступлений являются общественные отношения по рациональному использованию природных ресурсов, сохранению благоприятной для человека и иных живых существ природной среды и обеспечению экологического правопорядка и безопасности населения. Непосредственными объектами экологических преступлений выступают общественные отношения по охране и рациональному использованию отдельных видов природных богатств и обеспечению экологической безопасности населения [3. С. 202].

Таким образом, возможно выделить следующие статьи Уголовного кодекса Российской Федерации: нарушение правил охраны окружающей среды при производстве работ (ст. 246 УК РФ), нарушение правил обращения экологически опасных веществ и отходов, незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов (ст. 256 УК РФ), нарушение правил охраны водных биологических ресурсов (ст. 257 УК РФ), незаконная охота (ст. 258 УК РФ), незаконные добыча, содержание, приобретение, хранение, перевозка, пересылка и продажа особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу (ст. 258.1 УК РФ), незаконная рубка лесных насаждений (ст. 260 УК РФ), уничтожение или повреждение лесных насаждений (ст. 261 УК РФ) [2].

Для выявления вышеуказанных преступлений удобно было бы использовать комплекс беспилотных летательных аппаратов (далее – БПЛА). Большая часть преступлений не имеет практически никакой судебной практики, соответственно эти преступления, в свою очередь, имеют высокий уровень латентности, а отсюда безнаказанности, что влечет за собой совершение повторных, превращающихся в серии однотипных преступлений [5. С. 440].

В центральной и восточной части территории Российской Федерации имеется большое количество лесов и водоёмов. Но данная территория имеет низкий уровень плотности населения относительно западной части Российской Федерации. Соответственно, количества сотрудников полиции существенно не хватает для полнообъёмного охвата всей территории и проведения профилактики экологических преступлений. Очень тя-

желю выявить неоднократно совершаемые браконьерство, незаконную вырубку леса, загрязнение морской среды, почвы или атмосферы какими-либо предприятиями на столь огромной территории. Но если применять в своей деятельности комплекс БПЛА для патрулирования определённой территории и по заданным координатам, либо при проведении различных специальных мероприятий, таких как «Нерест», то можно значительно сократить количество вышеуказанных преступлений.

В Астраханской области с помощью беспилотника выявлен факт браконьерства. Сотрудниками Росгвардии был применён комплекс БПЛА с видеокамерой, которая в режиме реального времени передавала информацию оператору. При обнаружении человека, проверяющего сети в реке Ахтуба, передали информацию сотрудникам органов внутренних дел, патрулировавшим данную водную гладь. Правонарушитель, углядев патрульный катер, попытался скрыться на берегу реки, спрятав свою лодку за импровизированным причалом, однако был задержан. Всё случившееся было зафиксировано с помощью комплекса БПЛА.

При незаконной вырубке леса в силу сезонных факторов и бездорожья обычные рейды малоэффективны, а то и просто опасны. Комплексы БПЛА несказанно могут облегчить работу по выявлению правонарушителей. Прежде всего выявить места крупных хищений помогает оперативная съёмка [4. С. 187]. Получив сигнал о возможном правонарушении, правоохранительные органы связываются с лесным ведомством, в распоряжении которого наиболее полная информация о делянках в аренде у бизнеса и объёмах разрешенной рубки. Если специалисты главного управления подтверждают, что лесорубы действуют незаконно, к месту происшествия направляют дрон, который фиксирует размер ущерба, характер рубки, а если удастся, то и самих виновников.

Среди нарушителей не только «профессиональные» браконьеры, которые орудуют в лесах целыми бригадами [6. С. 69]. По словам представителей МВД России, значительная доля незаконных рубок приходится на вполне легальных заготовителей леса, например, жителей сельской местности, которые вырубают «на дрова» больше, чем положено. Превышают установленные лимиты и подрядчики.

Также беспилотники возможно использовать в борьбе с незаконным образованием свалок. Достаточно часто весь мусор от жизнедеятельности человека утилизируют в специализированные свалочные полигоны, но с целью личной финансовой выгоды образуют полигоны в заброшенных карьерах, на окраине лесополосы и в глубине леса. С помощью комплекса БПЛА имеется возможность получить точное местоположение незаконных свалочных полигонов, определить их размеры и, возможно, установить компании, которые свозят туда мусор.

Таким образом, экологические преступления на территории Российской Федерации наиболее распространены в центральной и восточной её частях. Комплекс БПЛА предоставляет возможность фиксации и мониторинга преступлений, предотвращения их преобразования в серийные преступления, оказания помощи во время проведения отдельных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. С его помощью можно обследовать большой объём территории с высоты птичьего полета, при этом затратив минимальное количество времени.

Литература

1. Об охране окружающей среды: Федер. закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ (в ред. от 27.12.2019) // Рос. газета. 2002. № 6.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 27.12.2019) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
3. Корнеева О.В., Ефимов А.В. Отдельные проблемы совершенствования уголовного законодательства России на современном этапе // Новеллы российского законодательства в контексте стратегии национальной безопасности: сб. науч. тр. Всерос. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2016. С. 200–204.
4. Максимов Н.В. Особенности осмотра места происшествия при расследовании незаконной рубки лесных насаждений // Глобальная экологическая безопасность: актуальные проблемы права и практики: сб. тр. Междунар. науч.-практ. конф. Химки, 2018. С. 186–190.
5. Максимов Н.В., Маркелов А.Г., Саливаров В.Я. Некоторые проблемы соблюдения прав и законных интересов потерпевшего в компромиссных процедурах уголовного судопроизводства России // Трансформация социальных систем: проблемы и поиски путей решения: сб. науч. тр. по материалам всерос. науч.-практ. конф. (с междунар. участием). Ковылкино, 2017. С. 440–442.
6. Чулахов В.Н. Криминалистическое значение и особенности исследования навыков изготовителя самодельного огнестрельного оружия // Вестн. криминалистики. 2000. № 1. С. 68–71.

ПРАВО, ПРАВСТВЕННОСТЬ, МОРАЛЬ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Н.Б. Малинина, ст. преподаватель

А.В. Моторова, ст. преподаватель

Т.А. Патшина, ст. преподаватель

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет
имени И.Н. Ульянова», г. Чебоксары

Аннотация. Рассматриваются вопросы права и морали, выявляется единство между правом и моралью, их различия и взаимодействие друг с другом. Сформулированы и обоснованы конкретные выводы по исследуемым вопросам.

Ключевые слова: социальное регулирование, правовые нормы, нормы морали, общественные отношения.

LAW, MORALITY, MORALITY IN THE SYSTEM OF SOCIAL REGULATION

N.B. Malinina, A.V. Motorova, T.A. Patshina

Abstract. Examines various definitions of law and morality, identifies the unity between law and morality, their differences and interaction with each other. Specific conclusions on the issues under study are formulated and justified.

Keywords: social regulation, law, morality, social relations.

Система регулирования общественных отношений включает в себя различные нормы и правила, которыми люди руководствуются в своей повседневной жизни и деятельности. Среди разновидности социальных норм можно выделить нормы права, моральные нормы, обычаи, традиции, корпоративные нормы и т.д. Тем не менее однозначно можно утверждать, что праву, нравственности и морали принадлежит особая роль в системе социального регулирования. Право вторгается в наиболее значимые, жизненно важные сферы общественного регулирования, со временем охватывая все больший спектр социальных связей. В то же время мораль пронизывает практически все многообразие отношений между людьми, неизбежно закрепляясь при этом во многих правовых нормах.

Принято считать, что особое место в формировании гармонично развитой личности здорового, ориентированного на позитив и прогресс общества принадлежит праву и морали, которые

являются важнейшими социальными регуляторами общественных отношений, целенаправленно воздействующими на их нормальное функционирование и совершенствование.

Перед тем как приступить к анализу базовых аспектов взаимосвязи и взаимовлияния этих социальных регуляторов общественных отношений, попытаемся дать им краткую общую характеристику.

Мораль (moralitas) – общепринятые традиции, негласные правила, принятые в обществе представления о хорошем и плохом, правильном и неправильном, добре и зле, а также совокупность норм поведения, вытекающих из этих представлений.

Моральное сознание – включает постижение, знание, волевое побуждение и определяющее воздействие на моральную деятельность, моральные отношения. Сюда также относятся моральное самосознание и моральная самооценка, порождающие нравственные чувства: стыд, угрызения совести, раскаяние, удовлетворенность поступком, гордость за свой коллектив и пр.

Нравственность чаще всего употребляется в речи и литературе как синоним морали. Но есть и другое определение – нравственность как божественные, моральные принципы, которыми должен руководствоваться человек в своей жизни, а не просто представления самих людей о добре и зле [2. С. 81].

Содержание и само понимание терминов «мораль» и «нравственность» в огромной степени зависят от историко-культурных факторов, традиций, а также от идентификации источников. В морали выражены представления людей о добре и зле, справедливости, достоинстве, чести, трудолюбии, милосердии. Необычное распределение функций, отличающееся особой последовательностью работы психологических механизмов, которая присуща нравственному сознанию. Мораль возникает и развивается на основе потребности общества регулировать поведение людей в различных сферах их жизни. Мораль считается одним из самых доступных способов осмысления людьми сложных процессов социального бытия. Коренной проблемой морали является регулирование взаимоотношений и интересов личности и общества [1. С. 58].

Мораль включает: моральные отношения, моральное сознание, нравственное поведение. Общественные отношения перво-

бытного строя являются кровнородственными. Члены общины ведут происхождение от единого предка. Род составляет основу всей общественной жизни. Родоплеменная структура возникает естественно.

При этом, по нашему мнению, не стоит забывать еще об одном важнейшем отличительном признаке права и морали, а именно мотиве поведения. С правовой точки зрения безразлично, какими мотивами руководствовался человек в конкретном случае, если его поведение по своим результатам является правомерным, законным; с моральной же точки зрения важно выявить мотивы, стимулы человека в выборе определенного варианта поведения, которое внешне является правомерным и нравственным. С точки зрения права мотив правомерного поведения не важен. Праву безразлично, почему, например, гражданин не совершает кражу: потому что боится уголовной ответственности или потому что искренне считает, что воровать не приемлемо. С позиции права есть понятие правомерное и неправомерное поведение, и мотив здесь значения не имеет. С точки зрения же морали мотив правомерного поведения имеет существенное значение. Ведь нравственный облик у человека, не воруящего из-за страха наказания, будет существенным образом отличаться от нравственного облика у человека, соблюдающего правовой запрет на воровство из-за внутренней нетерпимости к краже и осознания ее неприменимости в обществе [3. С. 42].

Обобщая все вышеизложенное, следует констатировать следующее:

- право и мораль в системе социальных норм являются универсальными регуляторами общественных отношений, распространяющимися на все общество;

- право и мораль имеют как схожие черты, так и отличия, позволяющие выявить специфические особенности каждого социального регулятора;

- с точки зрения правил формальной логики, понятия мораль и право соотносятся как общее и частное;

- мораль по сравнению с правом предъявляет к человеку более высокие требования, она выступает как критерий оценки права, право же есть нравственный минимум морали;

– право и мораль оказывают непосредственное влияние друг на друга, это тесно связанные и взаимообусловленные понятия, право в морали находит нравственную основу и фундаментальное начало, а мораль в праве – официальную поддержку;

– нравственное воспитание наших граждан и привитие им моральных принципов является необходимым и одним из обязательных условий формирования уважения к нормам правовым, повышения уровня правовой культуры в обществе, что в конечном счете, бесспорно, будет способствовать построению поистине правового государства.

Право, мораль обладают способностью проникать в самые различные области общественной жизни. Ни право, ни мораль не ограничиваются предметно обособленной сферой социальных отношений. Учитывая все вышеперечисленное можно сделать вывод о том, что нельзя разграничивать право и мораль по предметным сферам их действия.

Литература

1. Агешин Ю.А. Политика, право, мораль. М., 1982. 160 с.
2. Апресян Р. Г. Идея морали и базовые нормативно этические программы. М., 1995. 353 с.
3. Малинина Н.Б., Моторова А.В. Актуальные вопросы правовой безопасности личности // Правовые и нравственные аспекты обеспечения безопасности личности и государства на современном этапе политических и экономических санкций: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф.: в 2 ч. Чебоксары, 2016. С. 41–45.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ В ПЕРИОД ДЕЙСТВИЯ РЕЖИМА ОСОБЫХ УСЛОВИЙ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ РОССИИ

Н.С. Малолеткина, канд. юрид. наук
ФКОУ ВО «Самарский юридический институт
Федеральной службы исполнения наказаний», г. Самара

Аннотация. Рассматриваются вопросы, связанные с осуществлением общественного контроля в период действия режима особых условий в уголовно-исполнительной системе России. Особое внимание уделяется субъектам общественного контроля в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации,

а именно общественным наблюдательным комиссиям, которые представляют собой не государственно-властную структуру, а институт гражданского общества. Изучается непосредственно роль комиссий в период действия различных административно-правовых режимов в исправительных учреждениях.

Ключевые слова: общественный контроль, режим, особые условия, уголовно-исполнительная система, исправительные учреждения, гражданское общество, чрезвычайное положение, военное положение.

SOME ISSUES OF PUBLIC CONTROL DURING THE PERIOD OF THE SPECIAL CONDITIONS REGIME IN THE PENITENTIARY SYSTEM OF RUSSIA

N.S. Maloletkina

Abstract. The article deals with issues related to the implementation of public control during the period of special conditions in the Russian penal system. Special attention is paid to the subjects of public control in the criminal Executive system of the Russian Federation, namely, public monitoring commissions, which are a state power structure, and the institution of civil society. The role of commissions in various administrative and legal regimes in correctional institutions is studied directly.

Keywords: public control, regime, special conditions, penal system, correctional institutions, civil society, state of emergency, martial law.

В свете современных событий, как в России, так и во всем мире, связанных с опасной санитарно-эпидемиологической ситуацией, изучение вопроса общественного контроля в период режима особых условий в уголовно-исполнительной системе нашей страны весьма актуален. Особого внимания заслуживает рассмотрение данной темы применительно к исправительным учреждениям.

Общественно наблюдательная комиссия (далее – ОНК) – это не государственно-властная структура, а институт гражданского общества. ОНК состоит из «обычных» граждан – неравнодушных членов нашего общества, при этом не получающих какое-либо вознаграждение за свою общественную деятельность. В отличие от органов власти и должностных лиц, сами ОНК и их члены властными полномочиями не обладают.

В исправительных учреждениях субъектами общественного контроля выступают многочисленные органы и организации: ОНК, Общественная палата Российской Федерации, общественные палаты, действующие в субъектах Российской Федера-

ции, общественные советы, функционирующие при ФСИН России и других государственных органах, и пр. [6. С. 57–59; 8. С. 112–115].

В правовую основу при осуществлении деятельности ОНК входят следующие нормативно-правовые акты: Федеральный закон от 10 июня 2008 г. № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» (с изм. и доп. от 27 декабря 2018 г., далее – ФЗ «Об общественном контроле...»), Закон Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» (с изм. и доп. от 2 декабря 2019 г.), Федеральный закон от 8 января 1997 г. № 1 «Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации» (с изм. и доп. от 2 декабря 2019 г.).

Роль ОНК при осуществлении общественного пенитенциарного контроля весьма важна и разнообразна, члены ОНК помимо обеспечения прав лиц, находящихся в местах принудительного содержания (далее – МПС), особенно осужденных к лишению свободы, также отслеживают, как организуется работа по реализации основных средств исправления осужденных (особенно общественного воздействия [3. С. 362–366; 4. С. 31–33; 5]. – *прим. авт.*), рассматривают их предложения, заявления и жалобы, оказывают содействие и помощь администрациям МПС, в том числе в ресоциализации этих лиц, и т.п. (более подобно это излагается исследователями [1. С. 103–107; 2. С. 95–97; 7. С. 54–57; 9]).

В Российской Федерации согласно действующему законодательству существуют пять основных административно-правовых режимов, одни из которых имеют постоянный статус, а другие вводятся только в случае необходимости (режим военного, чрезвычайного положения, закрытого административно-территориального образования, государственной тайны и государственной границы). Все они также применимы и к МПС.

В соответствии с Федеральным конституционным законом «О военном положении» при введении военного положения вообще не предусматривается общественный контроль за деятельностью соответствующих государственных органов. Более того,

этот нормативные правовой акт содержит ряд иных концептуальных положений:

– на основании указов Президента Российской Федерации на территории, на которой введено военное положение, происходит в том числе приостановление деятельности политических партий, других общественных объединений, религиозных объединений, ведущих пропаганду и (или) агитацию, а равно иную деятельность, подрывающую в условиях военного положения оборону и безопасность Российской Федерации (ч. 2 ст. 7);

– Президент Российской Федерации приостанавливает деятельность политических партий, других общественных объединений, религиозных объединений, ведущих пропаганду и (или) агитацию, а равно иную деятельность, подрывающую в условиях военного положения оборону и безопасность Российской Федерации (п. 6 ст. 11);

– федеральными органами исполнительной власти, помимо прочего, обеспечивается исполнение указов Президента Российской Федерации о приостановлении деятельности политических партий, других общественных объединений, религиозных объединений, ведущих пропаганду и (или) агитацию, а равно иную деятельность, подрывающую в условиях военного положения оборону и безопасность Российской Федерации (ч. 2 ст. 14).

Ввиду расплывчатости формулировки относительно «ведения пропаганды и (или) агитации, а равно иной деятельности, подрывающей в условиях военного положения оборону и безопасность Российской Федерации», фактически любая организация, в том числе осуществляющая общественный контроль, может быть ограничена в своей деятельности (что в принципе обоснованно в таких экстремальных условиях. – *прим. авт.*). В этом случае можно говорить о практической невозможности и в целом нецелесообразности общественного контроля в военное время за деятельностью учреждений и органов, исполняющих наказания, которые при этом будут выполнять дополнительные задачи, связанные с обеспечением внешней безопасности нашей страны.

Похожая ситуация имеет место и при введении чрезвычайного положения.

В Федеральном конституционном законе «О чрезвычайном положении» также имеются определенные ограничения в части деятельности общественных организаций:

– в указе Президента Российской Федерации о введении чрезвычайного положения должен быть определен в том числе перечень чрезвычайных мер и пределы их действия, исчерпывающий перечень временных ограничений прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан и лиц без гражданства, прав организаций и общественных объединений (ст. 5);

– в случае введения чрезвычайного положения указом Президента Российской Федерации о введении чрезвычайного положения может быть предусмотрено и ограничение в виде приостановления деятельности политических партий и иных общественных объединений, которые препятствуют устранению обстоятельств, послуживших основанием для введения чрезвычайного положения (ст. 12);

– меры, применяемые в условиях чрезвычайного положения и влекущие за собой изменение (ограничение) установленных Конституцией Российской Федерации, федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации полномочий федеральных органов исполнительной власти, законодательных (представительных) и исполнительных органов власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, прав организаций и общественных объединений, прав и свобод человека и гражданина, должны осуществляться в тех пределах, которых требует острота создавшегося положения (ст. 28).

Таким образом, очевидно, что при введении военного или чрезвычайного положения деятельность любых общественных организаций, в том числе осуществляющих общественный контроль, может быть ограничена в зависимости от оснований и условий введения указанных правовых режимов.

По общему правилу, при допуске членов ОНК в МПС имеют место следующие ограничения:

1. Член ОНК – близкий родственник лица, содержащегося в МПС.

В силу ч. 1 ст. 17 Федерального закона «Об общественном контроле...», член ОНК не вправе осуществлять общественный контроль в МПС в случае, если там содержится его близкий родственник (супруг (супруга), родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья и сестры, дедушка, бабушка, внуки).

2. Член ОНК – участник уголовно-процессуальных отношений в рамках одного уголовного дела с заключенным, содержащимся в МПС.

С учетом ч. 1 ст. 17 Федерального закона «Об общественном контроле...» член ОНК не вправе осуществлять общественный контроль в МПС также в случае, если он является потерпевшим, свидетелем, защитником или иным лицом, участвующим в производстве по уголовному делу, к которому причастно лицо, находящееся в МПС.

Кроме того, дополнительное ограничение заложено в Федеральном законе «Об общественном контроле...», согласно ст. 16 которого в период действия режима особых условий в исправительных учреждениях и других МПС полномочия членов ОНК посещать указанные места осуществляются с согласия руководителя федерального органа исполнительной власти или его территориального органа, в ведении которого находятся соответствующие места принудительного содержания.

Данное положение является логичным, так как основаниями введения режима особых условий в исправительных учреждениях, согласно ч. 1 ст. 85 УИК РФ, являются введение в районе расположения исправительного учреждения чрезвычайного или военного положения, а соответствующими указами Президента Российской Федерации могут быть введены соответствующие ограничения для деятельности общественных организаций. Примером подобного рода ограничения может быть Указ Президента Российской Федерации от 25 марта 2020 г. № 206 «Об объявлении в Российской Федерации нерабочих дней» и Указ Президента Российской Федерации от 2 апреля 2020 г. № 239 «О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» в связи сложившейся инфекционной

ситуации в стране и мире. Подобного рода ограничения напрямую касаются и всех исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы России и, соответственно, вытекающих из этого определенных запретов и ограничений в посещении МПС членов ОНК в целях безопасности и соблюдения действующей ст. 41 Конституции Российской Федерации.

В то же время основаниями введения режима особых условий в исправительных учреждениях являются также стихийное бедствие, массовые беспорядки и групповые неповиновения осужденных в исправительном учреждении, которые не предусмотрены в Федеральном конституционном законе «О военном положении» и Федеральном конституционном законе «О чрезвычайном положении», что предопределяет уголовно-исполнительное регулирование особенностей взаимодействия учреждений и органов УИС с организациями, осуществляющими общественный контроль. Однако в УИК РФ это не урегулировано.

В этом случае приходится исходить из положения ч. 2 ст. 85 УИК РФ о том, что в период действия режима особых условий в исправительном учреждении может быть приостановлено осуществление некоторых прав осужденных, предусмотренных ст. 88–97 УК РФ (приобретение осужденными к лишению свободы продуктов питания и предметов первой необходимости, их свидания, получение ими посылок, передач и бандеролей, их переписка и т.п.), введен усиленный вариант охраны и надзора, особый порядок допуска на объекты (любых лиц, в том числе представителей общественности. – *прим. авт.*), изменен распорядок дня, ограничена деятельность производственных, коммунально-бытовых, культурно-просветительных и иных служб, за исключением медико-санитарных. Вместе с тем, очевидно, что подобная формулировка не учитывает особенности оснований введения режима особых условий в исправительном учреждении (например, стихийного бедствия или военного положения. – *прим. авт.*).

В этом случае роль ОНК резко сокращается до возможного обеспечения только прав осужденных на охрану здоровья. Вместе с тем представляется это трудноосуществимым ввиду введения усиленного варианта охраны и надзора, а также особого порядка допуска на объекты в исправительном учреждении. Кроме того,

посещение конкретного исправительного учреждения может быть затруднено членами ОНК ввиду объективных обстоятельств, в том числе природного характера (наводнения и т.п.).

В целом аналогичные проблемы возникают и при взаимодействии в период действия режима особых условий в исправительных учреждениях учреждений и органов УИС с другими организациями, осуществляющими общественный контроль (Общественной палатой Российской Федерации, общественными палатами, действующими в субъектах Российской Федерации, общественными советами, функционирующими при ФСИН России и других государственных органах, и др.), что требует изучения соответствующих нормативно-правовых актов.

Получается, что необходимо дополнительное регулирование взаимодействия учреждений и органов УИС с организациями, осуществляющими общественный контроль, в том числе ОНК, с учетом особенностей введения режима особых условий в исправительном учреждении, включая дальнейшую корректировку положений УИК РФ.

Литература

1. Александров А.С. К вопросу о социально-правовом назначении института общественного контроля за обеспечением прав несовершеннолетних осужденных в местах лишения свободы // Вестн. Кузбас. ин-та. 2013. № 4 (17). С. 103–107.
2. Белик В.Н. К вопросу об эффективности общественного контроля в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 5. С. 95–97.
3. Малолеткина Н.С. Правовые основы общественного воздействия как средства исправления осужденных в России и ряде стран // Уголов.-исполнит. право. 2019. Т. 14, № 4. С. 362–366.
4. Матвеев В.Е. Становление и развитие общественного воздействия в системе основных средств исправления осужденных // Уголов.-исполнит. система: право, экономика, управление. 2006. № 2. С. 31–33.
5. Попова Е.Э. Общественное воздействие как основное средство исправления осужденных: историко-правовые аспекты и современные тенденции развития. М., 2015.
6. Потапов А.М., Александров А.С. Субъектный состав общественного контроля за соблюдением прав осужденных в местах лишения свободы: проблема определения // Вестн. Владимир. юрид. ин-та. 2014. № 1 (30). С. 57–59.
7. Селиверстов В.И. Общественный контроль за исполнением наказаний // Уголовная и уголовно-исполнительная политика современной России:

проблемы формирования и реализации: тез. Междунар. науч.-практ. конф. (Вологда, 14–15 декабря 2006 г.): в 2 ч. Вологда, 2006. Ч. 1. С. 54–57.

8. Скиба А.П. К вопросу о перечне субъектов общественного контроля за деятельностью мест принудительного содержания и эффективности его осуществления // Человек: преступление и наказание. 2013. № 4. С. 112–115.

9. Скиба А.П., Мосиенко В.П. Институт общественного контроля за деятельностью мест принудительного содержания / под науч. ред. д-ра юрид. наук, проф. А.Я. Гришко, д-ра юрид. наук, проф. Ю.А. Кашубы. Ростов н/Д., 2012.

МЕДИЦИНСКАЯ ПОМОЩЬ И МЕДИЦИНСКАЯ УСЛУГА В КОНТЕКСТЕ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА

Ю.Ю. Малышева, канд. юрид. наук, доцент, докторант
Казанский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский
государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»,
ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»,
г. Казань

Аннотация. Рассматриваются проблемы разграничения понятий медицинской помощи и медицинской услуги применительно к уголовно-правовому пониманию. Предлагается чётко разделить рассматриваемые понятия для возможности привлечения к уголовной ответственности именно за оказание медицинской услуги.

Ключевые слова: медицинская помощь, медицинская услуга, уголовный закон, уголовная ответственность за некачественное оказание медицинской услуги.

HEALTH CARE AND MEDICAL SERVICES IN CONTEXT OF CRIMINAL LAW

Yu.Yu. Malysheva

Abstract. The problems of distinguishing between the concepts of medical care and medical services in relation to the criminal law understanding are considered.. It is proposed to clearly split concepts under consideration for opportunity for criminal prosecution exactly for poor quality of medical service.

Keywords: health care, medical service, or criminal prosecution exactly for poor quality of medical service.

Предоставленное и гарантированное государством право гражданина на качественное получение медицинской помощи или медицинской услуги охраняется в том числе нормами

Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). Однако при уголовно-правовой оценке действия (бездействия) медицинского работника возникают трудности, поскольку не совсем понятно, что именно совершил медицинский работник: ненадлежащим образом оказал медицинскую помощь, в результате которой наступили тяжкие последствия (смерть пациента или тяжкий вред здоровью), или некачественно предоставил медицинскую услугу? [1].

Получается, что в случае, если медицинский работник при оказании медицинской помощи вследствие ненадлежащего исполнения своих профессиональных обязанностей причинил пациенту по неосторожности смерть или тяжкий вред здоровью, то он будет привлечён к ответственности по ч. 2 ст. 109 УК РФ или ч. 2 ст. 118 УК РФ. В случае, если медицинский работник оказал медицинскую услугу пациенту, не отвечающую требованиям безопасности, в результате чего наступили всё те же самые последствия (неосторожное причинение смерти или тяжкий вред здоровью), то он должен понести уголовную ответственность по п. «в» ч. 2 ст. 238 УК РФ или ч. 3 ст. 238 УК РФ.

Следовательно, необходимо разобраться в степени соотношения понятий «услуга», «медицинская услуга» и «медицинская помощь».

Сравнительно-правовой анализ данных понятий невозможен, поскольку определение понятия «услуга» в Законе № 2300-1, в отличие от Федерального закона № 323-ФЗ, отсутствует, и поэтому возможно провести исследование лишь на основании косвенных данных, имеющих в Законе № 2300-1, которые в определённой степени характеризуют понятие «услуга» применительно к данному нормативному правовому документу.

В основных положениях Федерального закона от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» даны три определения:

1) медицинская помощь – комплекс мероприятий, направленных на поддержание и (или) восстановление здоровья и включающих в себя предоставление медицинских услуг;

2) медицинская услуга – это медицинское вмешательство или комплекс медицинских вмешательств, направленных на профилактику, диагностику и лечение заболеваний, меди-

цинскую реабилитацию и имеющих самостоятельное законченное значение;

3) медицинское вмешательство – это, в свою очередь, выполняемые медицинским работником и иным работником, имеющим право на осуществление медицинской деятельности, по отношению к пациенту, затрагивающие физическое или психическое состояние человека и имеющие профилактическую, исследовательскую, диагностическую, лечебную, реабилитационную направленность, виды медицинских обследований и (или) медицинских манипуляций.

Представляется, что в саму медицинскую помощь уже закладываются определённые риски, поскольку индивидуальную реакцию организма человека ещё никто не отменял. И сколько людей, столько и возможных вариантов течения периода, охватывающего процесс оказания медицинской помощи. По нашему мнению, обоснованный риск в деятельности медицинского работника присутствует всегда, поскольку идёт вторжение в человеческий организм, который может повести себя непредсказуемо, и гарантий стопроцентного успешного исхода лечения, манипуляции, операции не сможет дать ни один медицинский работник. Поэтому именно при уголовно-правовой оценке действия (бездействия) медицинского работника в нештатных ситуациях, предположительно совершённых при крайней необходимости и обоснованном риске, возникает большое количество вопросов.

Таким образом, наличие в медицине рисков не только не противоречит положениям ст. 41 УК РФ об обоснованном риске, но и прямо вписывается в эту норму уголовного законодательства.

Обоснованный риск является неотъемлемой частью повседневной работы любого медицинского работника, в особенности, врача-хирурга, анестезиолога-реаниматолога, инфекциониста, акушера-гинеколога. И в отличие от крайней необходимости, когда медицинский работник имеет дело с уже возникшей опасностью, в ситуации обоснованного риска опасность создаётся в результате действий самого врача. Общественно полезной целью при этом будут являться охрана жизни и здоровья пациента, а её достижение невозможно без медицинского вмешательства. Как справедливо отмечает К.В. Малышев, любое медицинское

вмешательство вредит здоровью пациента, и мы не можем с ним не согласиться. Данная проблематика обсуждалась на круглом столе, посвящённом преступлениям, совершаемым медицинскими работниками, на Всероссийской научно-практической конференции «Пределы правового регулирования ятрогенных преступлений: общетеоретические и отраслевые аспекты» 21 ноября 2019 года в Казанском институте (филиале) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), в которой принимали участие теоретики и практики, медики и юристы [2].

Существуют судебные прецеденты в Республике Татарстан, когда единственной возможностью спасения жизни пациента является переливание крови, но, к сожалению, по некоторым религиозным нормам это является недопустимым, и врачи в «наказание» за спасённую жизнь просто-напросто лишались занимаемой должности. Приведём в пример заслуженного врача Российской Федерации, заслуженного врача Республики Татарстан, главного детского кардиолога Республики Татарстан Л.М. Миролубова, которого лишили занимаемой должности заведующего отделением кардиохирургии ДРКБ в связи с подобным переливанием крови в 2012 году. В этом же году его вернули к занимаемой должности в связи с нашим обращением и визитом в Государственную Думу Российской Федерации

В связи с этим медицинская помощь не может отвечать требованиям безопасности, как, к примеру, услуга, в широком (бытовом) понимании этого термина, что и закреплено законодателем. И никто не может и исключить до конца риск нежелательных и неблагоприятных последствий медицинских вмешательств, даже при плановом оказании медицинской помощи, поскольку абсолютно полностью изучить особенности организма невозможно. Что уж говорить о тех случаях, когда оказывается экстренная медицинская помощь и врач действует, что называется, «вслепую». Поэтому осложнения медицинской помощи могут развиваться и при правильных (правомерных) действиях врача.

В связи с вышеизложенным перспективным является совершенствование гражданского и уголовного законодательства для чёткой регламентации и соотношения понятий в Федераль-

ном законе «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» и Закона о защите прав потребителей, а также использования последнего в контексте медицинского уголовного права.

Литература

1. Малышева Ю.Ю. Уголовно-правовые аспекты репродуктивных прав человека // Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности: материалы IV Всерос. науч.-практ. конф., г. Саратов. 30 сентября – 1 октября 2019 г. Саратов, 2019. С. 233–235.

2. Сариев О.М. Крайняя необходимость в медицинской деятельности и условия её правомерности // Вестн. Тамбов. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2014. № 11. Т. 1. С. 371.

ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СВЯЗАННЫХ С ОРГАНИЗАЦИЕЙ И ВОВЛЕЧЕНИЕМ В ЗАНЯТИЕ ПРОСТИТУЦИЕЙ

А.Г. Маркелов, канд. юрид. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет
имени И.Н. Ульянова», г. Чебоксары

Д.В. Бельцов, канд. юрид. наук, полковник юстиции
Следственное управление МВД по Чувашской Республике,
г. Чебоксары

Аннотация. Рассмотрены уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты положительного опыта производства по уголовным делам о преступлениях против здоровья населения и общественной нравственности (ст. 240 и 241 Уголовного кодекса Российской Федерации). Сформулированы отдельные предложения по совершенствованию организации расследования преступлений в данной сфере.

Ключевые слова: преступления против здоровья населения и общественной нравственности, организация и вовлечение в занятие проституцией.

FEATURES OF CRIMINAL PROCEEDINGS ON CRIMES RELATED TO THE ORGANIZATION AND INVOLVEMENT IN PROSTITUTION

A.G. Markelov, D.V. Beltsov

Abstract. Discusses the criminal procedural and forensic aspects of the positive experience in criminal cases of crimes against public health and public morality

(Articles 240 and 241 of the Criminal Code of the Russian Federation). Separate proposals have been formulated to improve the organization of the investigation of crimes in this area.

Keywords: crimes against public health and public morality, organization and involvement in prostitution.

Проституция является одной из главных социальных проблем, которая оказывает негативное влияние на развитие современного российского государства. Проституция представляет реальную угрозу обществу, подрывает жизненно важные интересы общества – здоровье населения и общественную нравственность, подвергает опасности не только здоровье и моральные устои вовлекаемого в занятие проституцией лица, но и общества в целом, так как проституция несовместима с достоинством и ценностью человеческой личности, угрожает благосостоянию человека, семьи и общества.

Несмотря на предпринимаемые попытки морального, социального и правового контроля, масштабы этого асоциального явления увеличиваются, что вызывает серьезные опасения как со стороны государственных структур, так и населения в целом [13. С. 4].

В настоящее время существует ряд объективных и субъективных факторов, обуславливающих тенденцию роста проституции в нашей стране. К объективным причинам стоит отнести:

- 1) резкое снижение уровня материального и социального обеспечения большинства населения нашей страны, наличие безработицы и тунеядства;
- 2) отсутствие цензуры и контроля;
- 3) появление большого количества бань и саун, массажных кабинетов, ночных клубов, эскорт интимных услуг и т.д.;
- 4) отсутствие необходимой и эффективной нормативно-правовой базы в борьбе с проституцией.

Вместе с тем не меньшее влияние на процветание проституции оказывает ряд субъективных причин:

- 1) моральное и социальное разложение личности, общества и государства в целом;
- 2) негативное влияние средств массовой информации и изменение нравственных ценностей;

3) ослабление роли семьи, особенно в неблагополучных и малоимущих семьях;

4) целенаправленное воздействие криминальных структур, вовлекающих детей, подростков и женщин в занятие проституцией.

В связи с этим вопросы противодействия проституции, в том числе уголовно-правовые меры борьбы с преступлениями, связанными с проституцией, имеют особое значение.

Уголовное законодательство Российской Федерации не раскрывает понятие проституции, что вызывает определенные вопросы в правоприменительной и судебной практике. Общепризнанной в науке уголовного права является точка зрения, согласно которой под проституцией понимается систематическое вступление в сексуальные отношения с неопределенным кругом партнеров за вознаграждение. Анализ судебной практики показывает, что проституцией применительно к составам преступлений, предусмотренным ст. 240 и 241 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [1], признается систематическое оказание услуг сексуального характера, т.е. половое сношение в какой бы то ни было форме и иные действия сексуального характера.

При этом форма иных действий сексуального характера, подпадающих под признаки уголовно наказуемой проституции, в рассматриваемых статьях УК РФ вызывает определенные проблемы в правоприменительной практике и не исключает возможность двоякого толкования и абстрактной оценки [7. С. 449–450].

Так, в 2019 году СЧ СУ МВД по Чувашской Республике направлены в суд с обвинительным заключением три уголовных дела в отношении участников организованных групп, организовавших занятие проституцией под видом «эротического массажа». Производство по таким категориям уголовных дел имеет ряд специфических особенностей, основной из которых является доказывание [6. С. 130–131] относимости совершаемых под видом «эротического массажа» действий сексуального характера к уголовно наказуемой проституции.

В августе 2018 года СЧ СУ МВД по Чувашской Республике было возбуждено уголовное дело в отношении участников орга-

низованной И.В. Анисимовым группы, которая на протяжении длительного времени занималась преступной деятельностью, связанной с содержанием притона для занятий проституцией, завуалированного под салон массажа и оказания оздоровительных услуг, расположенного в г. Новочебоксарск Чувашской Республики, организацией занятий проституцией другими лицами в указанных притонах, а также вовлечением в занятие проституцией в указанных притонах лиц женского пола.

Деятельность организованной группы отличалась высоким уровнем конспирации, которая заключалась в осуществлении преступной деятельности под видом легально созданного юридического лица, основным видом деятельности которого являлось оказание оздоровительных услуг; общении между членами группы в мессенджере «WhatsApp» в специально созданном чате, исключая доступ в него третьих лиц; обеспечении видеонаблюдения за территорией, прилегающей к притонам; отсутствии свободного доступа посторонних в помещение притона, снабженного установленным на двери домофоном; обеспечением видеонаблюдения в холле притона, дающего возможность девушкам-проституткам просматривать через монитор прибывших в салон клиентов с целью выявления среди них знакомых и родственников и исключения с ними контактов; сокрытии лиц девушек-проституток, позволяющих установить их личности; использовании при разговорах с клиентами и на беседах с девушками-проститутками специальных терминов, замещающих сексуальное удовлетворение (включая семяизвержение и оргазм), – «финал», «релакс», «расслабление», «удовольствие».

Предварительным расследованием установлено, что целью оказываемых под видом «эротического массажа» платных услуг сексуального характера является получение денежного вознаграждения за удовлетворение половых потребностей мужчин-клиентов притона, с доведением их до оргазма и семяизвержения, которые достигаются совершением различных действий и движений, не предусматривающих вступление с клиентами-мужчинами в вагинальный или анальный половой акт с проникновением полового органа мужчин-клиентов в указанные естественные отверстия в теле девушки-проститутки.

С целью опровержения доводов стороны защиты, настаивавших на том, что вышеуказанные действия не подпадают под признаки проституции, предусмотренной в ст. 240 и 241 УК РФ, была проведена судебная сексологическая экспертиза [11. С. 34], на разрешение которой поставлены следующие вопросы:

– Являются ли действия, производимые девушками-мастерами при оказании мужчинам-клиентам услуг под видом «эротического массажа», сексуальным контактом?

– Являются ли действия, производимые девушками-мастерами при оказании мужчинам-клиентам услуг под видом «эротического массажа», сексуальными отношениями?

– Являются ли действия, производимые девушками-мастерами при оказании мужчинам-клиентам услуг под видом «эротического массажа», половым актом?

– Направлены ли действия, производимые девушками-мастерами при оказании мужчинам-клиентам услуг под видом «эротического массажа», на удовлетворение сексуальных потребностей мужчин-клиентов?

– Направлены ли действия, производимые девушками-мастерами при оказании мужчинам-клиентам услуг под видом «эротического массажа», на половое возбуждение мужчин-клиентов?

– Направлены ли действия, производимые девушками-мастерами при оказании мужчинам-клиентам услуг под видом «эротического массажа», на доведение мужчин-клиентов до оргазма и семяизвержения?

Эксперту были представлены материалы уголовного дела, содержащие показания потерпевших, свидетелей, подозреваемых и обвиняемых, результаты оперативно-розыскной деятельности, изъятые в ходе обысков предметы, используемые для занятия проституцией, методические рекомендации, инструкции и программы с прайсами оказываемых услуг.

Заключением эксперта установлено, что действия, производимые девушками-мастерами при оказании мужчинам-клиентам услуг под видом «эротического массажа», т.е. услуги, предоставляемые в салоне эротического массажа, являются действиями

сексуального характера, а именно сексуальным актом в форме экстравагинального полового акта, что является также формой как сексуального контакта в суррогатной форме, так и формой сексуальных отношений.

Для разъяснения содержащихся в заключении выводов, в соответствии с требованиями ст. 205 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) [2], по инициативе следователя был допрошен эксперт, из показаний которого следует, что в исследованных материалах имеются многочисленные сцены действий сексуального характера, сопоставимые с половым сношением и его имитацией, направленной на достижение клиентом оргастической фазы (эякуляции), натуралистическая демонстрация мужских и женских половых органов, в том числе с участием группы лиц «мастеров-массажисток», где с высокой степенью детализации отображаются физиологические процессы, происходящие во время «сношения», такие как эрекция полового органа, эякуляция и иные физиологические процессы, в частности, сексуальный контакт.

Из представленных материалов уголовного дела прослеживается нарушение ч. 3 ст. 2 Федерального закона Российской Федерации «О государственной защите нравственности и здоровья граждан и об усилении контроля за оборотом продукции сексуального характера» действиями фигурантов [4. С. 41–48].

Кроме того, с целью установления возможности заражения каким-либо заболеванием при действиях, производимых девушками-мастерами при оказании мужчинам-клиентам услуг под видом «эротического массажа», с соблюдением положений ст. 168 УПК РФ для участия в уголовном деле в качестве специалиста был привлечен заместитель главного врача по клинико-экспертной работе кожно-венерологического диспансера, показаниями которого установлено, что при оказании таких услуг не исключается возможность передачи заразных кожных заболеваний и инфекций, передающихся половым путем. Причем данные инфекции могут передаваться как от девушки-мастера мужчине-клиенту, так и от мужчины-клиента девушке-мастеру, возможно также взаимное заражение девушек-мастеров при их тесном телесном контакте.

Также была проведена судебная лингвистическая экспертиза, на разрешение которой ставились следующие вопросы:

– Идет ли в тексте, зафиксированном в видеозаписи на диске с результатами оперативно-розыскных мероприятий «Прверочная закупка» речь об оказании каких-либо услуг различным лицам на регулярной основе за денежное вознаграждение?

– О каких действиях, событиях и их участников, а также обстоятельствах действий идет речь в текстах, зафиксированных в указанных видеозаписях?

Заключением эксперта установлено, что на представленной видеозаписи идет речь об оказании услуг в виде доведения мужчин-клиентов до оргазма и эякуляции путем механического воздействия на его регулярной основе за денежное вознаграждение.

Посещение «салона» осуществлялось по предварительной договоренности с администратором. Стоимость услуги рассчитывалась исходя из содержания программы, времени ее осуществления, а также квалификации девушки-мастера.

В тексте разговоров обозначены псевдонимы девушек, оказывающих услуги, а также характеристики их внешности, возраста, физиологические характеристики. В разговоре указывается, что в «салоне» работают девушки из другого города, которые живут в одной из комнат «салона». Предоставляемой «салонном» услугой является возбуждение и удовлетворение девушкой-мастером физического сексуального желания мужчины-клиента путем механического воздействия руками и частями своего тела на тело и половой орган мужчины-клиента, которые осуществлялись полностью обнаженными девушками-мастерами.

Заключением фоноскопической судебной экспертизы установлено, что устная речь, зафиксированная на представленных компакт-дисках с результатами оперативно-розыскных мероприятий, произнесена участниками преступной группы.

В результате комплекса проведенных следственных и процессуальных действий, судебных экспертиз удалось доказать причастность семи участников организованной группы к совершению 17 эпизодов преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 240 и ч. 1 ст. 241 УК РФ.

Приговором Новочебоксарского городского суда от 5 июня 2019 года участникам организованной группы вынесен обвинительный приговор.

В ходе расследования уголовных дел, связанных с вовлечением в занятие проституцией и организацией занятия проституцией, особое внимание следует уделить планированию следственных и процессуальных действий, должному взаимодействию с оперативными подразделениями. Для достижения положительного результата и пресечения деятельности всех участников преступной группы, необходимо уже на стадии планирования знать и четко представлять состав и структуру преступной группы, механизм вовлечения в занятия проституцией, способы рекламы, используемые меры конспирации.

Зачастую в ходе документирования преступной деятельности становится известно о совершении участниками преступных групп других преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, а также оружия. В связи с этим целесообразно проводить первоначальные следственные действия, такие как обыск и осмотр места происшествия, с участием кинологов со служебно-розыскными собаками, с привлечением сотрудников подразделений по контролю за оборотом наркотиков [5. С. 140–141].

Так, в ходе проведенного по уголовному делу обыска с использованием служебной собаки по месту жительства организатора преступной группы, занимавшейся вовлечением девушек в занятие проституцией, были обнаружены боеприпасы и наркотические средства. В ходе обыска по другому аналогичному уголовному делу был задержан гражданин, находившийся в федеральном розыске за сбыт наркотических средств.

Основными задачами первоначальных следственных действий являются изъятие денежных средств, полученных в результате преступной деятельности; изъятие документов лиц, «работающих» в притонах и съемных квартирах, изъятие всякого рода записей как на «бумажных», так и на электронных носителях; фиксация общей обстановки, указывающей на характер использования данного помещения (разбросанное белье, упаковки презервативов и тому подобные предметы).

Отдельно стоит отметить и таких участников незаконного бизнеса, как диспетчеры. Это лица, осуществляющие обработку звонков от клиентов и передачу данных проституткам. При этом диспетчеры могут не являться сутенерами и организаторами преступного бизнеса, а быть всего лишь промежуточным звеном в преступной цепочке.

С целью мобильного и быстрого перемещения девушек, занимающихся проституцией, на определенной территории для оказания интимных услуг за вознаграждение используют возможности частного извоза – автомобили с водителями. При этом в ходе предварительного расследования наряду с общими позициями о том, когда, при каких обстоятельствах и на каком автомобильном транспорте водитель оказывал услуги по развозу лиц (мужчин и женщин, оказывающих сексуальные услуги), необходимо устанавливать и то, за какое вознаграждение он это делал. Размер денежного вознаграждения за извоз, уплаченного сутенерами (или проститутками), также важен. Его можно фиксировать в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого с указанием на лицо, организовывавшее извоз (организовывавшее оказание интимных услуг) [10. С. 34–36].

В отношении организаторов и активных участников преступной группы в качестве меры пресечения целесообразно применять заключение под стражу, что позволит исключить воздействие с их стороны на потерпевших и свидетелей с целью отказа от дачи показаний либо изменения показаний.

Одним из ключевых моментов фиксации и последующего доказывания [8. С. 136–139] являются время и способ передачи вырученных от занятия проституцией денежных средств сутенерам и иным организаторам этого противоправного бизнеса. Нередко в целях конспирации преступной деятельности используется способ безналичной оплаты за оказанные услуги сексуального характера мужчинам-клиентам, в связи с чем следует обращать внимание на наличие в помещениях, используемых для занятия проституцией, различных терминалов оплаты.

Отсутствие у девушек-проституток постоянного места проживания и устойчивых социальных связей приводит к тому, что в этой среде преступные связи носят изменчивый, мобильный характер.

Как правило, большинство из вовлеченных в проституцию лиц женского пола являются жителями других регионов, а иногда и не имеющих постоянного места жительства, в связи с чем нередки случаи уклонения проституток от производства последующих следственных действий, от явки в судебное заседание.

В связи с этим с целью исключить возможность изменения первоначальных показаний, а также устранения возможных сомнений суда в правдивости показаний при оценке доказательств целесообразно использовать при производстве следственных действий с такими лицами технические средства аудио-, видеофиксации [9. С. 505–509].

По одному из таких уголовных дел, расследованному СЧ СУ МВД по Чувашской Республике, одним из ключевых свидетелей обвинения была жительница Пермского края Д., установить местонахождение которой на стадии судебного разбирательства не представилось возможным. В соответствии с п. 5 ч. 2 ст. 281 УПК РФ показания Д. были оглашены судом в ходе судебного заседания с воспроизведением аудио-, видеозаписей следственных действий с ее участием, что наряду с другими доказательствами способствовало вынесению обвинительного приговора в отношении участников организованной группы и осуждению их к длительным срокам лишения свободы.

Учитывая, что организация занятия проституцией и вовлечение в занятие проституцией в основном совершаются в соучастии, расследованию таких преступлений может способствовать заключение досудебного соглашения о сотрудничестве. В связи с этим в ходе первоначальных следственных действий следует подробно разъяснять подозреваемым положения главы 40.1 УПК РФ.

Так, в ходе расследования уголовного дела, возбужденного СЧ СУ МВД по Чувашской Республике по признакам преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 240 УК РФ, было заключено досудебное соглашение с одним из участников преступной группы. Показания, данные обвиняемым в рамках соглашения о сотрудничестве, позволили установить причастность к совершению более чем 40 преступлений, связанных с организацией занятия проституцией, содержанием притонов для занятия проституцией и вовлечением в занятие проституцией, участников

межрегионального преступного сообщества на территории ряда субъектов Российской Федерации на протяжении длительного времени.

Практически по всем уголовным делам, связанным с вовлечением в занятие проституцией и организацией занятия проституцией, СЧ СУ МВД по Чувашской Республике в ходе предварительного следствия, в соответствии с ч. 9 ст. 166 УПК РФ, практикуется сохранение в тайне данных о личности участников уголовного судопроизводства. Вызвано это, в основном, стремлением потерпевших избежать огласки факта занятия проституцией, свидетели просят сохранить свои данные в тайне из-за опасений за свою жизнь и здоровье. Следует отметить, что сохранение в тайне данных о личности по указанной категории дел позволяет не только обеспечить безопасность участников уголовного судопроизводства, получить необходимые доказательства преступной деятельности, но и способствует сохранению тайны следствия путем проведения судебных заседаний при избрании и продлении меры пресечения, а также рассмотрении уголовных дел в суде в закрытом режиме.

При подготовке и проведении допросов отдельных участников уголовного судопроизводства при расследовании уголовных дел рассматриваемой категории необходимо соблюдать ряд требований [12. С. 598].

Перечень вопросов необходимо разрабатывать исходя из категории допрашиваемых лиц: организаторы и активные участники преступной группы; персонал (региональные директора, управляющие, администраторы, водители); мужчины-клиенты; девушки-проститутки.

В частности, при допросе девушек-проститутки следует выяснить, занималась ли она когда-либо ранее проституцией, и, если да, то когда она прекратила эту деятельность; когда-либо ранее занималась ли она оказанием услуг так называемого «эротического массажа»; какой у нее был псевдоним для общения с клиентами, кто определял псевдоним; как обеспечивалась безопасность девушек в салоне, какие именно услуги клиентам в салоне оказывались девушками-мастерами; разъясняли ли ей и кто именно, что при любой выбранной клиентом программе девушка-мастер должна была довести его до «эротического

(мужского) финала», и каким именно образом; сколько девушек-мастеров работало в данном салоне (их имена, псевдонимы, контактные данные); в каком размере и кем ей производилась оплата за оказанные клиенту услуги; кто был руководителем в данном салоне (региональным директором, управляющим, администратором, старшим и т.п.). Какие функции в салоне они выполняли; какую выручку в смену должна была принести для салона девушка-мастер; была ли какая-либо система штрафов для девушек-мастеров; известно ли ей что-либо о принуждении девушек-мастеров к работе в данной сети салонов и что именно известно; что в ее понимании означает проституция и что в ее понимании означает заниматься проституцией; считает ли, что, работая в данном салоне, она занималась проституцией; за период работы в данном салоне изменилось ли в ней, как она считает, что-либо в негативную сторону (самооценка, состояние здоровья, мировоззрение, стиль общения с окружающими, отношение окружающих к ней, ее личное отношение к мужчинам и т.п.); испытывала ли она в период работы в данном салоне какие-либо моральные страдания; сохраняла ли она в тайне от близких родственников, знакомых и друзей факт работы в данном салоне и род ее занятий, и, если да, то почему.

У всех допрашиваемых лиц следует выяснить, известно ли им о жалобах относительно преступной деятельности салонов, проведенных по ним надзорными и контролирующими органами (прокуратура, полиция, налоговая служба, трудовая инспекция и т.п.) проверках.

С учетом положений п. 5 ч. 1 ст. 27 УПК РФ необходимо проверить наличие неотмененных постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела, касающихся расследуемых преступлений, путем направления соответствующих запросов в территориальные органы полиции по месту нахождения пригона для занятия проституцией [З. С. 144].

Такие сведения также могут быть получены в ходе проведения следственных действий с участниками уголовного судопроизводства. Так, в ходе расследования одного из уголовных дел организатор сети интимных салонов выдвинул версию о том, что осуществляемая им деятельность является легальной, поскольку неоднократно проверялась сотрудниками полиции.

В результате проведенной проверки установлено, что в отдел полиции по месту нахождения салона неоднократно поступали жалобы от местных жителей, по которым участковыми уполномоченными без производства всего комплекса необходимых проверочных мероприятий приняты решения об отказе в возбуждении уголовного дела. Содержащиеся в материалах проверки объяснения девушек-проституток оформлялись под диктовку причастных к совершению преступлений лиц, при этом к самим девушкам-проституткам применялись методы воздействия в виде материального вознаграждения, а также угроз распространения информации об их низком социальном статусе.

Постановления об отказе в возбуждении уголовного дела были отменены в установленном порядке, с изъятием материалов для приобщения к уголовному делу.

В адрес начальника отдела полиции в соответствии с требованиями ч. 2 ст. 158 УПК РФ направлено представление об устранении причин и условий, способствующих совершению преступлений.

Таким образом, использование всех возможных уголовно-процессуальных, оперативно-розыскных и криминалистических инструментов органами предварительного расследования позволит обеспечить не только полное, объективное и всестороннее производство и расследование преступлений в сфере оказания интим-услуг, но и вынесение законного, обоснованного и справедливого решения в суде.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
3. Батычко В.Т. Уголовное право. Особая часть: конспект лекций. Таганрог, 2015. 242 с.
4. Герасимов Н.В. Определение проституции в уголовном праве России // Вестн. Волжск. ун-та им. В.Н. Татищева. 2010. № 72. С. 41–48.
5. Игнатов А.Н. Проблемы правовой борьбы с проституцией // Проституция и преступность. Проблемы. Дискуссии. Предложения. М., 1991. С. 140–141.
6. Маркелов А.Г. О некоторых проблемах применения УПК РФ // Право и государство: теория и практика. 2008. № 4 (40). С. 130–131.
7. Маркелов А.Г., Бубнова О.Ю. О некоторых законотворческих ошибках современного УПК РФ // Юрид. техника. 2015. № 9. С. 449–450.

8. Маркелов А.Г., Нефедов М.А. Особенности проведения отдельных следственных действий с использованием инновационных технологий по уголовным делам в сфере экономики // Юрид. наука и практика. Вестн. Нижегород. академии МВД России. 2015. № 1 (29). С. 136–139.

9. Маркелов А.Г. Компромисс в уголовном судопроизводстве России в свете реализации особого порядка судебного разбирательства по уголовным делам при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением // Уголовно-правовая превенция в сфере оборота наркотических средств или психотропных веществ, алкогольной и спиртосодержащей продукции (региональный аспект): сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. Чебоксары, 2015. С. 505–509.

10. Рудов Д.Н. К вопросу о расследовании организации занятия проституцией // Вестн. Калининград. филиала Санкт-Петербург. ун-та МВД России. 2016. С. 34–36.

11. Селезнев М.А. Проституция как антисоциальное явление: учеб.-метод. пособие. М., 2002. С. 34.

12. Скуратов Ю.И. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. Ю.И. Скуратова, В.М. Лебедева. М., 2001. С. 598.

13. Шалагин А.Е. Социально-правовая характеристика проституции: учеб. пособие. Казань, 2006. С. 4.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово ректора	3
Кузнецов А.П. Ушёл из жизни непобеждённый (посвящается профессору В.П. Малкову).....	5
Тасаков С.В. Нравственность в уголовном праве	16
Абдулвалиев А.Ф. Применение географического подхода при формировании апелляционных судов общей юрисдикции с целью обеспечения доступа к правосудию по уголовным делам	21
Алексеев С.А. Совершенствование правового регулирования банковской деятельности как фактор обеспечения экономической безопасности России	27
Алексеев С.Л., Аюпов А.А. Факторы, влияющие на антикоррупционный контроль в системе экономической безопасности государства	30
Алексеев С.Л., Сергеева Ю.С. Антикоррупционный контроль в системе экономической безопасности государства	38
Алексеев С.Л., Даренков А.А. Превентивные меры и методы противодействия коррупции в системе экономической безопасности государства.....	44
Алексеева В.В. Тактика использования полиграфического исследования с целью выявления совершения одним лицом двух или более преступлений.....	49
Алексеева Т.Г., Нечаева Е.В. Особенности назначения наказания несовершеннолетним по совокупности преступлений.....	54
Антонов И.О., Верин А.Ю., Ключкова М.Е. Некоторые особенности расследования мошенничества в сфере благотворительной деятельности на первоначальном этапе.....	60
Артамонова М.А. Некоторые проблемы построения санкций за преступления, связанные с суицидом.....	66
Барахоева А.Р. Противоправное поведение личности.....	70
Блинов В.Г. Взаимодействие институтов гражданского общества и публичной власти в антикоррупционной деятельности.....	76
Букаев Н.М., Волосова Н.Ю. Борьба с коррупцией в Российской Федерации: новый взгляд на старые проблемы	81
Вагина В.В. Проблемы освобождения от уголовной ответственности в форме судебного штрафа	88
Васильева Ж.С., Данилов Д.И. Антикоррупционная политика: опыт зарубежных стран	94
Васильева Н.Г. Ответственность за разглашение информации, составляющей коммерческую тайну.....	99
Васильева О.М., Минхаирова И.Ф. О предмете преступлений коррупционной направленности: отечественный и зарубежный подходы	104
Верещак С.Б., Иванова О.А. Институт независимых экспертов как элемент антикоррупционного механизма и форма общественного контроля в системе государственной службы.....	110

Викторова Р.М. Учитель как субъект государственной политики в сфере избирательного процесса в Российской Федерации	114
Волкова А.Ю. Реализация частного интереса в рамках современного гражданского общества.....	117
Габдрахманов Ф.В., Нечаева Л.В., Тимофеева О.В. Семейные формы устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, как институт социализации в гражданском обществе.....	121
Гаврилюк Р.В., Носаненко Г.Ю., Уразов А.А. Аффилированность в сфере публичного и частного права как один из признаков коррупционной составляющей.....	127
Гайнетдинова Г.С. Особенности противодействия религиозному экстремизму в Германии с участием религиозных объединений.....	132
Гайнетдинова Г.С., Семенова Н.В., Галяльдинов А.Р. Государственная регистрация прав на недвижимое имущество	136
Гайнетдинова Г.С., Яковлев Н.А. Некоторые проблемы рассмотрения заявления о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа на основании международного договора Российской Федерации	139
Гайнетдинова Г.Х. Роль воспитателя в формировании антиэкстремистского сознания у дошкольников	143
Гафиуллин Х.И., Ерашова К.С. О проблеме несвоевременной оплаты коммунальных услуг и уголовной ответственности за нее.....	146
Гильманов И.М., Гильманов М.М. Использование законодателем опыта составления кодекса Кыргызской Республики о проступках	152
Гильманов Э.М. Об уголовной ответственности за уничтожение либо повреждение воинских захоронений, обелисков, других мемориальных сооружений или объектов, увековечивающих память погибших при защите отечества или его интересов либо посвященных дням воинской славы России.....	157
Гимадеева Д.И. Коммуникация технических средств в уголовном судопроизводстве	162
Голик Ю.В. Уголовное право и гражданское общество	167
Головина Н.И. Некоторые тенденции развития гражданского законодательства Российской Федерации	171
Голубовский В.Ю. О превышении полномочий сотрудником частного охранного предприятия.....	176
Грушин Ф.В., Жилко И.А. Оставление осужденных в следственных изоляторах: некоторые правовые аспекты	180
Гуреева Д.В. Некоторые вопросы правового регулирования образовательной деятельности религиозных организаций в Российской Федерации.....	185
Гуреева Д.В. Практика международных и российских судов по рассмотрению споров с участием граждан и религиозных объединений.....	190

Дуюнов В.К., Закомолдин Р.В. О приоритетах уголовно-правовой политики в связи с противодействием преступности и обеспечением национальной безопасности	195
Евдокимов Е.В., Федоров А.А. Влияние уголовного процесса зарубежных государств на развитие российского уголовного судопроизводства как условие построения гражданского общества и правового государства	201
Егоров А.М., Перепелкин В.И. Правовая жизнь и гражданское общество в современной России	207
Егорова М.Г. Проблемы квалификации убийства, совершенного в состоянии необходимой обороны	211
Емельянова К.В. Некоторые аспекты определения категории «недвижимое имущество»	215
Епихин А.Ю., Гатауллин З.Ш. О содержании теоретической модели уголовного преследования по делам о преступлениях террористической направленности.....	220
Епихин А.Ю., Рамазанов Р.М. Нравственность в процессе обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства	226
Жимков А.Н. Правовое обеспечение деятельности малого предпринимательства на современном этапе социально-экономического развития Российской Федерации	230
Зауторова Э.В., Забара А.А. Обучение и воспитание курсантов вузов ФСИН России на основе национальных ценностей	237
Зауторова Э.В., Кевля Ф.И. Изучение ценностного мира осужденных женщин.....	240
Захарченко О.В. Проблемы правосознания в российском обществе: теоретико-правовой аспект.....	244
Зигмунт О.А. Аномия, мораль и организация общества в теории аномии Эмиля Дюркгейма.....	248
Зиновьева Л.Г. Формирование гражданственности юриста в процессе изучения историко-правовых дисциплин.....	252
Ибрагимова Н.М., Ключникова К.Е. Признаки совокупности преступлений и особенности назначения наказания	255
Иванов Н.В. Деятельность участковых инспекторов милиции Чувашии в 1930–1945 гг.: исторические уроки.....	261
Иванова В.В., Мареева Ю.П. Вклад сельских женщин в формирование нравственности в современном обществе (на примере Чувашской Республики).....	267
Иванова В.В., Шингалова А.Е. Особенности и принципы предпринимательской деятельности.....	273
Иванова В.С., Семенова Н.В. Отдельные аспекты квалификации гидротехнических сооружений как объектов недвижимости	278
Иванова Е.В., Семенова Н.В. Нравственные аспекты формирования эколого-правовой компетенции у обучающихся в процессе непрерывного образования.....	282

Иванова Е.В., Чуйкова Ю.А. О некоторых проблемах регулирования договора возмездного оказания услуг дополнительного образования	285
Иванчин А.В. К вопросу о круге принципов уголовного права России.....	294
Иногамова-Хегай Л.В. Универсальность коллизионных правил при квалификации преступлений и применении наказания	306
Ипатьев С.Н., Захаров Н.С. Нравственные начала в контексте применения технологий компромисса в особом порядке принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением	312
Исаенко В.Н. Прокурорский надзор в механизме противодействия преступности.....	322
Калашников О.Д., Шапошников Е.Л. Преступления в сфере страхования как угроза экономической безопасности российского государства.....	328
Каримова А.Р. Введение понятия «уголовный проступок» как средство обеспечения законных прав граждан Российской Федерации	332
Кевля Ф.И. Ценностные ориентации осужденных, лишенных свободы.....	337
Кириллов С.И., Кривошеев С.В. Ресоциализация преступника как основа ранней профилактики рецидива преступлений.....	341
Кириллова О.В., Кириллова Т.В. Юридическое сопровождение семей, имеющих детей с ограниченными возможностями здоровья, в условиях инклюзивного образования	347
Кладько В.В. Специфика насильственных преступлений в отношении несовершеннолетних	353
Князева О.В. Вопросы содержания уголовных правоотношений.....	356
Ковалева Н.С. Общесоциальное предупреждение рецидивных преступлений, совершенных несовершеннолетними лицами женского пола	361
Кокорев В.Г. Особенности отражения рецидива преступлений в Уголовном кодексе Российской Федерации	369
Кондратенко З.К. Совершенствование инвестиционной политики муниципальных образований	375
Коренная А.А. Уголовная ответственность за производство и оборот товаров и продукции без маркировки и (или) нанесения информации, предусмотренной законодательством Российской Федерации	379
Корнеев С.А. Помещение несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа как фактор определения социальной природы и правовой сущности института принудительных мер воспитательного воздействия	389
Корнилова А.Е. История становления и развития института медиации в России	393
Костылева И.Н. О развитии гражданского общества в России	397
Крайнова Н.В., Прусов Д.А. Взаимодействие органов власти с некоммерческими организациями (на примере Ярославской области)	401
Кривошеев С.В. Проблемы реализации прав человека при исполнении меры пресечения в виде заключения под стражу	404

Кузнецов А.К. О правовом регулировании новых цифровых технологий	411
Кузьмин С.А. Правовые и морально-этические аспекты в определении ограничений и запретов, установленных отечественным законодательством для сотрудников правоохранительных органов.....	418
Кузьмин Ю.А. Правосознание как фактор механизма правового регулирования.....	421
Кузьмина А.В. О роли правовой психологии в развитии гражданского общества.....	425
Кунц В.В. Преступления и алкоголизм.....	430
Кунц Е.В. Неэффективность уголовно-правовой охраны государственных границ	434
Купирова Ч.Ш. Несовершеннолетний как субъект уголовно-правовых отношений: международное и российское право	440
Кустов А.М. Противодействие коррупции криминалистическими мерами и средствами	446
Ланшаков Д.С. Проблемы обеспечения конфиденциальности сведений о мерах безопасности участников уголовного дела в судебной практике	453
Латыпова Э.Ю. О криминализации отдельных уголовных деяний в условиях пандемии COVID-19	462
Латыпова Э.Ю., Кирпичников Д.В. Административная преюдиция в экологическом преступлении	470
Латышов И.В. Возможности технико-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений, совершаемых с применением стрелкового огнестрельного оружия, при наличии признаков множественности преступлений	479
Мазуренко П.Н. О назначении судебных экспертиз в уголовном процессе.....	486
Макарушкова А.А. Современная реформа судебной системы в Российской Федерации: достоинства и недостатки.....	489
Максимов Н.В. Применение беспилотников в криминалистической технике для предупреждения, выявления и раскрытия серийных преступлений в области экологии.....	494
Малинина Н.Б., Моторова А.В., Патшина Т.А. Право, нравственность, мораль в системе социального регулирования	498
Малолеткина Н.С. Некоторые вопросы осуществления общественного контроля в период действия режима особых условий в уголовно-исполнительной системе России	501
Мальшева Ю.Ю. Медицинская помощь и медицинская услуга в контексте уголовного закона	509
Маркелов А.Г., Бельцов Д.В. Особенности производства по уголовным делам о преступлениях, связанных с организацией и вовлечением в занятие проституцией.....	513

Научное издание

ПРАВОВЫЕ И НРАВСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Сборник материалов
Международной научно-практической конференции,
посвященной памяти заслуженного деятеля науки Российской Федерации,
доктора юридических наук, профессора В.П. Малкова
Чебоксары, 2–3 октября 2020 г.

В двух частях

Часть 1

Редактор Т.Н. Князева
Компьютерная верстка А.Ю. Храбровой

Согласно Закону № 436-ФЗ от 29 декабря 2010 года
данная продукция не подлежит маркировке

Подписано в печать 15.09.2020. Формат 60×84/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Гарнитура Times. Усл. печ. л. 30,92. Уч.-изд. л. 30,95.
Тираж 150 экз. Заказ № 723.

Издательство Чувашского университета
Типография университета
428015 Чебоксары, Московский просп., 15